ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. В. СТРУВЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Допущено Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для исторических факультетов Государственных университетов и педагогических институтов

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1941

В основу настоящего учебника «Истории древнего Востока» положен курс лекций, читаемый на протяжении ряда лет акад. В. В. Струве на историческом факультете Ленинградского государственного университета.

Первое издание курса акад. Струве, вышедшее в 1936 г. в качестве 1-го тома серии ГАИМК «История древнего мира», для настоящего издания подверглось существенной переработке и дополнениям. Ряд вопросов истории древнего Востока не является еще разработанным в исторической науке; это, естественно, отражается и на составлении курса для вузов по этому разделу древней истории. При внесении дополнений и переработке настоящего издания авторы стремились учесть требования, предъявляемые к курсу истории древнего Востока на исторических факультетах университетов и пединститутов.

В настоящем издании заново написаны главы: IV — Хронология *(Н. А. Шолпо)*, V — Первобытно-общинный строй *(И. Л. Снегирев)*, XXI — Хеттское царство *(М. А. Коростовцев)*, XXII — Митанни *(Н. А. Шолпо)*, XXVII — Урарту *(Б. Б. Пиотровский)*, XXXIII — Древняя Индия, XXXIV — Древний Китай и Библиография *(Н. А. Шолпо)*. Н. А. Шолпо принимал также участие и в редакционной работе над книгой, в составлении карт и подборе иллюстраций. В переработке глав XIV и XXV принимала участие Р. И. Рубинштейн. В редактировании главы XXXIV (Древний Китай) принял участие акад. В. М. Алексеев.

Учебник был обсужден в секторе древнего мира Ленинградского отделения института истории Академии Наук СССР. В редакционной работе был учтен ряд замечаний акад. Н. М. Никольского, проф. А. Б. Рановича, проф. В. И. Авдиева, проф. С. И. Ковалева и др.

ВВЕДЕНИЕ

История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ. Она охватывает собою историю многочисленных народов и племен, населявших обширную территорию от берегов Средиземного и Эгейского морей до Великого океана на протяжении нескольких тысячелетий — от возникновения классового общества в середине пятого тысячелетия и до конца VI века до н. э. Таким образом, и географические и хронологические рамки истории древнего Востока чрезвычайно широки.

Самое понятие «древний Восток» условно; ведь большинство «восточных» государств лежит, например, по отношению к СССР не на восток, а на юг. Термин, которым мы определяем «восточные» страны восходит к древним временам, когда эти страны были провинциями Римской империи и действительно лежали на восток от Рима. Несмотря на условность термина мы можем называть изучаемые страны восточными, но за этим термином мы не должны забывать, что никакой пропасти между «западом» и «востоком» не существует. Наиболее значительными из них были государства, возникшие в Месопотамии, в долине рек Тигра и Евфрата: Шумер и Аккад, затем Вавилония и Ассирия. В ближайшем соседстве от них на востоке лежали государства Элама, Мидии и Персии, а на север от Ассирии, в Армянской возвышенности, государство Урарту, частично захватывающее своими границами территорию современной Армянской ССР. На полуострове Малой Азии в самом центре теперешней Турецкой республики было государство хеттов. Южнее Малоазийского полуострова, по восточному берегу Средиземного моря, расположены многочисленные торговые города Финикии, восточней от них, ближе к Евфрату, — города Сирии, а южнее от Финикии — государства Палестины: Израиль, Иуда, Моав и другие. На восток от Иранского плоскогорья, по долинам рек Инда и Ганга, на полуострове Индостана, лежали древние государства Индии, а у берегов Великого океана по долине Хуан-хэ и Янцзы-цзян возникло государство Китая. Единственным государством древнего Востока, расположенным в Африке, был Египет; но долина Нила, где находится Египет, отрезана от остальной Африки обширными степями Ливии и пустыней Сахарой и всей своей культурой тяготеет главным образом к Средиземноморью. Здесь перечислены лишь те страны, изучение которых

продвинуто наукой достаточно далеко благодаря большому количеству памятников, дошедших до нас. Наряду с ними возникали и другие более или менее эфемерные государственные образования, которые оставили меньше памятников, но которые в известный период сыграли свою роль. Были здесь многочисленные племена, находившиеся в состоянии варварства, о которых мы узнаем лишь тогда, когда они появляются в связи с другими, более культурными народами.

Отмечая географические рамки древнего Востока, надо указать, что прежде историки ограничивались лишь изучением истории народов Ближнего Востока («ближнего», разумеется, по отношению к Европе). Таким образом, европейская буржуазная наука изучала лишь те страны, которые были непосредственно связаны с европейскими странами древности (Грецией и Римом) и оказали непосредственное влияние на их культурное развитие. С особенной резкостью это подчеркивалось крупнейшим французским историком древнего Востока, Г. Масперо, который, определяя место и значение древневосточных обществ в общем историческом процессе, разграничил общества Ближнего Востока от народов Индии и Дальнего Востока. Выделив так называемый «Классический Восток», он закрепил это противопоставление народов Востока и в терминологии. Ограничиваясь изучением только «Классического Востока», буржуазные историки интересовались его историей лишь как введением к истории европейских народов. Изучая всемирную историю, мы не можем обойти историю народов древней Индии и Китая, которые внесли свою долю в сокровищницу общечеловеческой культуры.

Первые классовые общества возникли в той полосе земного шара, которая раньше других областей северного полушария получила возможность для развития человеческого общества. В то время как северная Европа была покрыта лесами и только кое-где, отдельными островками, были разбросаны временные стоянки бродячих охотников, — на Востоке расцвела большая культура. Многочисленные племена кочевых охотников и скотоводов, населявшие обширные степи центральной Азии, Аравии, Африки, стояли еще на средней ступени варварства. Как говорит Маркс, «Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе».[1] Варварские племена Ливии, Нубии и северной Аравии поселяются

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 278—279.

в долине Нила; кочевники Аравии и Сирии проникают в Месопотамию и долину Иордана; скотоводы центральной Азии вторгаются в Индостан и на Иранское плоскогорье.

Здесь сложились первые классовые общества, основой хозяйства которых было земледелие. Ленин писал: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое».[1] История древнего Востока показывает нам появление и развитие рабовладельческого строя.

Товарищ Сталин так характеризует рабовладельческий строй: «При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период».[2] И далее: «Богатые и бедные, эксплоататоры и эксплоатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя».[3]

Знакомясь с классовой борьбой в древневосточных государствах, мы вместе с тем изучаем возникновение новых явлений и в области политических учреждений и общественных идей: «... изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада».[4] Известную роль в этом историческом процессе становления рабовладельческого общества играла географическая среда. «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества».[5] Варварские племена, попадая в иную географическую среду, в долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуан-хэ, раньше других перерастают в классовые общества.

«Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплоатируемое большинство в интересах эксплоататорского меньшинства», говорит товарищ Сталин. «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплоатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) —

[1] *В. И. Ленин*, Собр. соч., т. XXIV, стр. 366.
[2] *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, 1940, стр. 555.
[3] Там же, стр. 555.
[4] Там же, стр. 551.
[5] Там же, стр. 548.

расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств».[1] Обе эти функции государства показывает нам история древнего Востока. Древневосточные государства являлись уздой в руках господствующего класса, при помощи которой держались в повиновении не только массы рабов, но и рядовые общинники. История государств древнего Востока наполнена войнами, которые вел господствующий класс за захват рабов, богатств, чужих территорий.

Говоря о древневосточном обществе как о рабовладельческом, мы не должны под этим определением забывать о специфических особенностях конкретных исторических обществ. Неправильно вместе с тем было бы подчеркивать, как это до самого последнего времени делалось в трудах некоторых советских историков, абсолютное отличие древневосточных обществ от обществ Греции и Рима. Также не можем мы говорить о всем древнем Востоке в целом, стирая всякие отличия в истории отдельных стран, как не следует, например, стирать отличия в истории Аттики, Спарты, Беотии, Македонии. Мы должны иметь в виду в каждом отдельном случае исследования какое-либо конкретное государство.

На древнем Востоке были такие государства, как Египет, Хеттское царство, Ассирия, финикийские города, отличающиеся своими особенностями. Все же некоторые общие черты для древневосточных рабовладельческих обществ, черты, отличающие их от античных обществ Греции и Рима, следует отметить. Эти особенности заключаются прежде всего в сохранении некоторых черт первобытно-общинного строя, в сохранении сельской общины, сохранении некоторых элементов патриархальных отношений, в несколько замедленном, застойном характере развития общества, в чрезвычайной стойкости общинных форм собственности на землю. В своих экономических рукописях 1857/58 года Маркс ярко показывает отличие общинных форм собственности на древнем Востоке, в античном мире и на Западе в эпоху феодализма. «В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник — это община»;[2] Маркс указывает, далее, для этого строя, как характерные черты, нерасчлененное единство города и деревни, объединение земледелия и ремесла. Деспотическая власть царя в области политической надстройки также является отличительной чертой древневосточных государств. Маркс и Энгельс видели в общине «солидную основу для застойного азиатского деспотизма».[3] По выражению Маркса, для этих общин ха-

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, 1940, стр. 604.

[2] *К. Маркс,* «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская Революция», № 3, 1939, стр. 158.

[3] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч., т. XXI, стр. 501.

рактерно «связующее единство, реализованное в деспоте...» [1] Поскольку, далее, «отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины...» [2] Тяжелая кабала, в которую попадают рядовые общинники, является характерной чертой этого восточного деспотизма. Эти отношения господства и подчинения, как показывает Маркс, мешают развитию рабства.

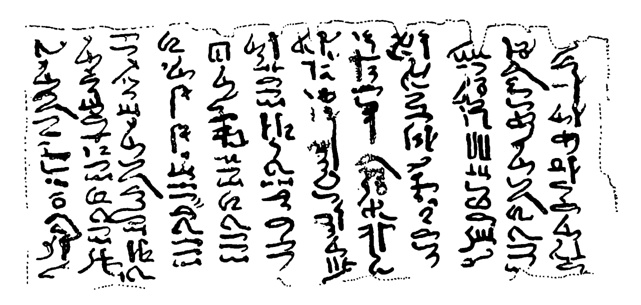
Рабовладельческий способ производства на древнем Востоке приобретает своеобразные черты, отличающие его от античного рабства. Говоря о процессе развития рабства у варварских германских племен, Энгельс подчеркивает, что «они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства...» [3] На древнем Востоке рабство сохраняет характер домашнего рабства, оно еще не проникает во все сферы хозяйственной жизни, количество рабов относительно невелико, производство носит преимущественно натуральный характер.

Маркс говорит, что всего упорнее и всего дольше держится общинная форма собственности, что, разумеется, не значит, что она остается в абсолютном застое в течение тысячелетий. Историк должен, следовательно, показать, какие изменения появляются в строе общественной жизни с возникновением и развитием рабства на древнем Востоке. Большое значение имеет здесь тот факт, что основой хозяйства восточных обществ является искусственное орошение, ирригация. «Земледелие, — писал Энгельс Марксу, — здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти». [4]

Только на более высокой ступени развития производительных сил общества начинают осваиваться земли, не орошаемые общинной системой ирригации, и эти земли становятся частной собственностью тех, кто их использует. Отсутствие частной земельной собственности, сохранение общинных форм собственности, деспотическая власть царя — все это придает древневосточным обществам застойный характер развития. Они отрываются от основ первобытно-общинного строя чрезвычайно медленно, лишь постепенно переходя к рабовладельческому способу производства. Систематическое изложение курса истории древнего Востока и должно раскрыть особенности каждого из древневосточных обществ в конкретной обстановке его исторического развития.

---

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская Революция», № 3, 1939, стр. 152.
[2] Там же, стр. 167.
[3] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 133.
[4] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XXI, стр. 494.



Часть папируса, содержащего сказку о потерпевшем кораблекрушение. Гос. Эрмитаж.

ГЛАВА I

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Общий характер источников. История древнего Востока представляет собою историю многочисленных племен, народов, государств, то появлявшихся, то исчезавших с арены истории. Древний Восток охватывает громадную территорию, населенную древнейшими народами. Естественно, что историк древнего Востока должен пользоваться самыми разнообразными источниками, дошедшими до нас иногда в отрывках, переданных иногда в искаженном виде через третьи руки, должен восстанавливать историю иногда целой эпохи по слабым намекам, дающим возможность строить более или менее вероятные гипотезы. Историк древнего Востока не может пренебрегать никакими, даже самыми незначительными, данными и только в комплексном изучении всех имеющихся в его распоряжении источников может приблизиться к восстановлению истинной картины и понять отдельные явления в истории изучаемой страны.

Мы должны максимально использовать данные археологии, стратиграфии, памятников материальной культуры, данные этнографии и языкознания. Всегда следует иметь в виду, что чем древнее изучаемый нами период, тем большее значение имеют вещественные памятники. От древнейших времен мы имеем только случайно сохранившиеся тексты, тогда как основная масса их остается для нас неизвестной. Нужно уметь использовать вещь как источник, нужно уметь заставить ее заговорить. О памятниках вещественных будет сказано ниже в связи с историей раскопок, сделавших археологические материалы достоянием науки. Вещественные памятники приобретают еще бо́льшую ценность, когда они дополняют и проверяют то, что дают нам памятники письменные.

Библия. До того как были прочитаны древневосточные письмена, историкам приходилось пользоваться сведениями, сообщаемыми античными авторами и, главным образом, Библией. Библия, написанная на одном из древневосточных языков — древнееврейском, казалась наиболее авторитетным источником; внимание к Библии объяснялось еще и тем, что она считалась священной, «богом данной» книгой, почитавшейся не только у евреев, но и в христианском мире.

Библия (греч. βιβλία — «книги») представляет собою собственно не одну книгу, а много книг, составленных в разное время и окончательно сложившихся не ранее II века н. э. Так называемый «Ветхий Завет» состоит из трех отделов: «Торы» («Пятикнижие» Моисеево), «Пророков» и «Писаний». Даже при беглом ознакомлении с Библией обращают на себя внимание многочисленные повторения и противоречия разных частей. Так, в книге Бытия содержатся два различных рассказа о сотворении мира и человека, два различных рассказа о потопе, два варианта легенды об Иосифе и т. д.

Исследование Библии, изучение ее как исторического памятника было начато еще в средние века. Критика Библии, вскрытие библейских противоречий и нелепостей сыграло большую роль в развитии свободомыслия и атеизма. Эта критика была предпринята в XVII веке Спинозой, давшим не мало глубоких и оригинальных мыслей в этой области. Жан Астрюк, французский врач, в 1753 году впервые высказал предположение, что книга Бытия составлена из двух источников: в одном ее источнике божество названо Элогим, в другом — Ягве, и каждая часть представляет собой связный и законченный текст. Таким образом, один источник получил название Элогист, другой — Ягвист. Так Астрюк положил начало научной критике Библии. Огромное политическое и научное значение критики Библии для дела борьбы с религиозными предрассудками состояло в том, что критика совлекала с Библии ореол «божественности», показывала ее историческое, земное происхождение.

Дальнейшая работа науки уже в XIX веке вскрыла различные источники Библии не только в книге Бытия, но и в других частях. Было установлено, что Элогист содержит еще самостоятельную часть, «жреческий кодекс», а Ягвист в свою очередь тоже состоит из разных источников. Итак, оказалось, что Библия не представляет собою единого целого, а является сложным конгломератом различных текстов, возникавших в разное время (например, песнь пророчицы Деборы в книге Судей восходит к XIV—XIII векам до н. э., а книга пророка Даниила — ко II веку до н. э.), причем древние части подвергались многократной переработке и редактированию в позднейшее время.

Таким образом, Библия представляет много трудностей для ее использования. Но из этого не следует, что надо отказаться от нее как от исторического источника. Для истории Палестины

Библия все же дает сравнительно много сведений, которые, однако, за отсутствием других памятников трудно проверить. В ней содержатся также некоторые данные об окружающих странах, о Египте, Ассирии и Вавилонии. Так называемые книги «пророков» касались, главным образом, истории Израиля и Иуды и, конечно, с своеобразной, религиозной точки зрения, типичной для их авторов. Поэтому материал, который они дают, односторонен и узок как по причине своей религиозной установки, так и по своему политическому кругозору. Несколько более широким горизонтом отличаются исторические книги: книга Судей, книги Царств, книга Езры, Неемии и др. Они пытаются охватить историю Израиля и Иуды в связи с окружающим их миром, начиная, примерно, с XIII века вплоть до падения самостоятельности. Но, конечно, и здесь мы имеем ту же ограниченность интересов, поскольку главное внимание в них отводится Израилю и Иуде.

Что касается Пятикнижия, которое церковь приписывает Моисею, то эта книга представляет для нас интерес, поскольку она сохранила в книгах Бытия и Исхода интересный фольклорный материал, а также один из древневосточных сводов законов.

Ввиду сказанного Библия, несмотря на то, что она сохранила ряд древних памятников, для общей истории древнего Востока дает сравнительно немного сведений. Израиль и Иуда, для истории которых Библия дает больше всего материала, среди древневосточных обществ занимали небольшое место.

Но и рассматривая Библию как источник для истории Израиля и Иуды, не следует переоценивать ее значение ввиду ее богословской установки. Авторов ее интересовала не живая историческая действительность, а отношение израильского и иудейского общества к богу, к выполнению законов бога. Такая богословская установка замаскировывает историческое содержание, понижает ценность Библии даже и для истории Израиля и Иуды.

Античные авторы. Большее значение имеют труды греческих и римских писателей, сообщающих чрезвычайно ценные сведения о древнем Востоке. Начиная с VII века до н. э. страны Востока, и в первую очередь Египет, завязывают торговые отношения с возвышающимися тогда городами Греции. Греческие купцы наводняют Египет своими товарами: возвращаясь к себе, они рассказывают о всевозможных чудесах, виденных ими там. В страны Востока прибывают путешественники, изображавшие в своих произведениях Египет страною высокой культуры и мудрости. Сочинения греческих авторов представляют для нас большой интерес, хотя сами они ознакомились с древним Востоком уже на закате его истории.

Геродот. Имя греческого историка Геродота Галикарнасского (середина V века до н. э.) занимает первое место среди других авторов, и не напрасно его назвали «отцом истории». Его «История», написанная в девяти книгах, названных именами девяти муз, включает описание всего известного тогда древнего мира.

Геродот совершил ряд дальних путешествий: побывал в Египте, посетил финикийские города и Палестину, путешествовал по Тигру и Евфрату, возможно побывал и на Иране. Не зная восточных языков, Геродот вынужден был обращаться за разъяснениями виденного им к греческим купцам, переводчикам, проводникам, дававшим ему не всегда правильные объяснения. Египетские или вавилонские жрецы, являвшиеся монопольными обладателями всей суммы знаний того времени, не хотели иметь дело с «варварами», какими были для них иноземцы; поэтому Геродот, так же как и другие путешественники, зачастую пользовался рассказами, народными преданиями, ходячими анекдотами и т. п. Вместе с тем Геродот постоянно ссылается на виденные им памятники, цитирует надписи на стелах, статуях и стенах зданий. Он широко пользовался также трудами своих предшественников. Их труды не дошли до нас в подлинном виде, а сохранились лишь в отрывках у других авторов.

Конечно, не все, что рассказывает Геродот, заслуживает полного доверия, да и сам Геродот, часто рассказывая что-либо, добавляет: «Правда ли это, я не знаю; но что говорят, то я и пишу», или приводит различные версии одного и того же рассказа. Таким образом, отчасти Геродот и сам относился критически к тому, что он слышал от других; тем более мы должны относиться критически к нему даже в тех частях его труда, где он описывает то, очевидцем чего он был сам: ведь он воспринимал все глазами эллина.

Гекатей Абдерский. Больше сведений о древнем Востоке стали греки получать после завоевания восточных стран Александром Македонским. Историк Гекатей Абдерский жил при дворе египетского царя Птолемея I и написал «Египетскую историю», которая в подлиннике до нас не дошла. Труд Гекатея, насколько он известен по сохранившимся отрывкам, страдал серьезными недостатками. Пораженный культурой Египта, стоявшей во многих отношениях выше эллинской, а во многом непонятной греку, склонному преувеличивать ее значение, Гекатей считает Египет источником всей культуры древности. «Египетская история» Гекатея известна прежде всего по цитатам у римского историка Диодора Сицилийского.

Диодор Сицилийский. Диодор, современник Цезаря и Августа, известен своим обширным трудом, названным «Исторической библиотекой». Труд Диодора имеет громадную ценность, хотя в большей своей части он не является оригинальным, а представляет собой компиляцию из сочинений других авторов, например Гекатея Абдерского, труды которых до нас в подлинном виде не дошли и известны лишь в выдержках, приводимых Диодором. Диодор относился к своим источникам совершенно некритически, механически цитируя того или другого автора. В этих выдержках, пожалуй, наибольшая ценность труда Диодора, так как он сохранил таким образом подлинный текст первоисточников.

Страбон. Значительную ценность представляет для нас «География» Страбона, жившего во времена Августа. Он составил

описание многих стран древнего мира, которые он посетил; о других странах, где он не был сам, он черпал сведения у тех, кто их видел и описал. Основными источниками Страбона были географы Эратосфен и Артемидор, посол Селевка в Индии Мегасфен, историк Полибий и другие. «География» Страбона состоит из семнадцати книг и является плодом многолетней серьезной работы. Конечно, и здесь, как и у многих классических авторов, можно найти много ошибок, неточностей и непроверенных фактов. Как всегда, при пользовании трудами античных авторов надо иметь в виду, что наибольшую ценность в них представляют те части, где они говорят о виденном ими самими; те же части, где они касаются более древних периодов или где они рассказывают о слышанном ими от других, требуют строгой критической проверки.

Манефон и Берос. Особняком от античных авторов стоят историки Манефон и Берос.

Манефон был египетским жрецом, современником Александра Македонского и Птолемея I. Прекрасно образованный по тем временам, Манефон знал не только египетский язык, но и греческий, ему доступны были государственные архивы, где хранились документы, написанные на египетском языке. Его история Египта была своего рода опровержением популярной тогда истории Геродота. Основанная на подлинных памятниках, она представляла большую ценность. Но сухой по изложению труд Манефона не пользовался успехом у греков, предпочитавших живые рассказы Геродота, использовавшего народные легенды и предания. Этим надо объяснить, что сочинением Манефона не пользовались ни Диодор, ни Страбон, ни другие античные авторы и оно тогда уже было забыто. Религиозная традиция наложила свой отпечаток на труд Манефона. Как египтянин он нередко проводил в своем труде идеи, которые не всегда были по душе завоевателям.

Впервые Манефон был использован Иосифом Флавием, историком еврейского народа. Он цитирует Манефона в своей книге, направленной против Апиона, причем цитирует его уже из вторых рук. Таким образом лишь в I веке н. э. Манефон становится известен в трудах античных писателей.

Труд Манефона не дошел до нас; мы знаем его лишь в выдержках у иудейских и антииудаистических писателей, причем каждый из них использовал его в своих целях. За ними следуют христианские авторы, в своих трудах также цитирующие Манефона и тоже не всегда из первых рук. Из тех отрывочных данных, какие сохранились от Манефона, мы можем представить себе, какую ценность имел его труд. Всю историю Египта Манефон делил на три периода — Древнее, Среднее и Новое царства; перечисляя всех царей Египта от Менеса до Александра Македонского, он группировал их в тридцать династий. Несмотря на условность этого деления оно до сих пор удержалось в науке. Царские списки Манефона представляют для хронологии Египта также большую ценность, хотя дошли они до нас в сильно искаженном виде.

Судьба трудов его вавилонского собрата и младшего современника, Бероса, жившего при первых Селевкидах, не менее печальна. Он был жрецом в храме Мардука в Вавилоне и свой труд по истории Вавилонии, состоящий из трех книг, посвятил Антиоху I Сотеру. Те отрывки, которые дошли от истории Бероса, показывают все же, что он использовал клинописные тексты.

Таким образом, труды двух местных историков, египтянина Манефона и вавилонянина Бероса, могли бы служить для нас прекрасным первоисточником, если б не печальная судьба, постигшая их уже в древности. Если мы привлечем сочинения античных авторов и сообщения Библии, то и в этом случае, вместе взятые, они не могут дать подлинной истории древнего Востока. До прочтения древневосточных надписей бесполезно было говорить об истории древнего Востока. Только в начале прошлого столетия после упорных трудов целого ряда ученых науке стали доступны древневосточные тексты.

Источники по истории древней Индии и Китая. Несколько особняком стоит изучение двух крупных культурных стран древнего Востока — Индии и Китая. До самого недавнего времени их история не включалась в историю других народов древности; историки, как уже нами отмечалось, замыкались в кругу средиземноморских стран, оказавших непосредственное влияние на культуру европейских народов. При этом всегда забывалось громадное значение Индии и Китая, создавших не менее значительные культурные центры и сыгравших большую роль в истории человечества.

Веды. Основным источником для истории древнейшего периода истории Индии являются священные книги индийского жречества (брахманов) — Веды. Веда, т. е. «знание», состоит из четырех книг, или сборников — «самхита», в которых собраны священные тексты индусов — гимны, молитвы, заклинания. Наиболее древней частью считается Ригведа, т. е. «веда гимнов», восходящая к середине второго тысячелетия. Эта книга насчитывает 1028 гимнов в десяти книгах; десятая книга написана позднее других. Другие Веды, как Сама-веда (т. е. веда мелодий), Яджур-веда (т. е. веда жертвоприношений), представляют собою в сущности повторение гимнов Ригведы, расположенных в известном порядке, требуемом ритуалом; а Атхарва-веда (т. е. веда заклинаний), где собраны всевозможные заговоры и заклинания, относится к более позднему времени. Таким образом, наибольший интерес для историка имеет Ригведа, которая, согласно древним легендам, окончательно была оформлена легендарным поэтом Вьяса.

Впервые Веды были записаны в XIII веке до н. э. на древнеиндийском языке, так называемом ведическом, стоящем ближе к западным говорам Индии, близким иранским языкам. До того Веды сохранялись в устной передаче.

Исходя из материала Ригведы, мы при всей осторожности, с какой следует относиться к этому источнику, помня позднейшие наслоения в нем, можем составить себе картину общества того

времени, когда возник этот текст. Этот древний период истории Индии получил в науке по своему основному источнику название Ведического периода.

Индийский эпос. Кроме того, мы располагаем древними книгами, содержащими запись исторических эпических поэм, которые говорят о борьбе индийских племен. Из этих книг наибольшее значение имеют Махабхарата и Рамаяна, восходящие к концу II тысячелетия до нашей эры.

Махабхарата. Махабхарата представляет собой громадную эпическую поэму, заключающую в себе около ста тысяч шлок (двустиший), и приписывается индийской традицией легендарному поэту Вьясу. Состоит поэма из восемнадцати книг; девятнадцатая книга, Хариванша, является позднейшим дополнением. Возникла Махабхарата из военных песен и народных преданий, сохранившихся в устной передаче в течение ряда веков. После того как она была записана, в нее стали включать различные мифы, легенды, сказки, басни, изречения и крупные поэмы, как, например, «Наль и Дамаянти», «Савитри» и др. Включаются в нее также философские трактаты (Бхагавадгита), сочинения, касающиеся права, морали и т. п. Позднейшие наслоения в виде различных эпизодов, а также переработка древних текстов оформили Махабхарату в том виде, в каком она дошла до нас. Позднейшая брахманская редакция стирает героику и воинственный дух древней поэмы, вплетая в нее религиозные и нравственные учения. Отбросив все наносное, мы можем все же найти в Махабхарате отражение действительных исторических событий.

Рамаяна. Рамаяна приписывается индийской традицией поэту Вальмики. В этой поэме отражается действительная борьба племен долины Ганга с чуждым им населением Декана. Однако благодаря последующей брахманской редакции Рамаяна потеряла свой первоначальный облик.

В целом и Махабхарата и Рамаяна имеют для историка примерно такое же значение, как Илиада и Одиссея для истории Греции так называемого Гомеровского периода.

Законы Ману. Для характеристики индийского государства и общества времени начала I тысячелетия мы располагаем древним кодексом законов, известным под именем «Законов Ману». В виде вполне оформившегося кодекса, регулирующего все стороны жизни индийского общества, законы Ману появляются в первых веках н. э. Несомненно, однако, что составлялись они тогда, когда сложился тот общественный строй, который они отражают, т. е. в начале I тысячелетия до н. э. Уже грамматик Панини, живший около 300 года до н. э., упоминает кодекс Ману. Сначала законы, согласно преданию, состояли из ста тысяч шлок (двустиший), разделенных на двадцать четыре главы. Затем, в буддийский период они подверглись основательной переработке и были сокращены до двенадцати, а потом и до четырех тысяч шлок. Несмотря на то, что законы Ману дошли до нас в сравнительно поздней

записи и в сильно искаженном последующей редакцией виде (в количестве всего 2685 шлок в двенадцати главах), все же мы можем найти в них отражение той эпохи, к которой относится их сложение.

Источники конца I тысячелетия. Таким образом, до середины I тысячелетия до н. э. мы не располагаем никакими историческими сочинениями и вынуждены пользоваться данными религиозных книг и эпических произведений. К середине I тысячелетия, кроме того, мы имеем всевозможные легенды, исходящие из различных кругов, — легенды брахманов, джайнов, буддистов. Часто эти легенды настолько противоречивы, что трудно из них извлечь историческую правду. Лучше мы осведомлены об истории последних столетий до н. э., времени правления могущественной династии Маурья (IV—II века). Тут мы имеем известия греческих писателей, сочинения некоторых индийских авторов и, наконец, надписи индийских царей.

Мегасфен. Для характеристики политического и общественного строя Индии времени династии Маурья мы располагаем сведениями, которые сообщают греческие авторы, и в первую очередь Мегасфен, посол Селевка, который прожил при дворе царя Магадхи довольно долгое время и написал книгу «Индика», где подробно описал государственное устройство, общество, быт и занятия индийцев. К сожалению, труд Мегасфена дошел до нас лишь в жалких фрагментах, цитированных позднейшими писателями — Страбоном, Аррианом и др. Труд Арриана (II в. н. э.) о походах Александра Македонского сохранил почти дословные выписки из работ Мегасфена и других историков об Индии. В этом большая ценность его труда, и мы можем использовать его наравне с первоисточниками.

Артхашастра. Более значительным памятником является Артхашастра, трактат о государстве, написанный Каутильей. Артхашастра была впервые опубликована в 1909 году по южноиндийской рукописи индийским исследователем Шамасастри. Ученые расходятся в датировке этого интереснейшего документа. Весь вопрос сводится к спору о том, был ли Каутилья, автор трактата, современником Чандрагупты, первого царя династии Маурья и не тождественен ли он с ближайшим сподвижником царя Чандрагупты — Вишнугуптой. Таким образом, некоторые исследователи полагают, что текст относится ко времени Чандрагупты, другие же относят его ко времени III века н. э. или даже несколько позже. Несомненно все же, что Каутилья использовал очень широко литературу и основывался на кодексе Ману и некоторых других источниках.

Как бы то ни было, но данные Артхашастры не противоречат сведениям Мегасфена, и вполне вероятно, что Каутилья тождественен Вишнугупте. Все же надо полагать, что Артхашастра едва ли представляет собой описание действительного состояния государства Магадхи; вероятно, автор изобразил в своем труде тот

идеал государства, каким должна была быть, по его мнению, Магадха. Тем самым историческая ценность Артхашастры несколько снижается, но интерес она представляет все же большой, так как в ней своеобразно отражается историческая действительность.

Надписи Ашоки. Наскальные надписи одного из царей династии Маурья, царя Ашоки, являются древнейшими эпиграфическими памятниками Индии. В них мы имеем подробные сведения о деятельности Ашоки, много сделавшего для распространения буддизма.

Все же, как мы видим, письменные источники по истории древней Индии чрезвычайно скудны, и поэтому прав был Маркс, говоря, что «Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории».[1] Только в последние годы, благодаря археологическим раскопкам, о чем речь будет ниже, наши сведения обогатились новыми материалами для древнейших периодов IV и III тысячелетий.

Источники по истории Китая. Для древнейшего периода истории Китая мы располагаем, кроме некоторых археологических данных, еще и письменными памятниками, дошедшими до нас от последних столетий до н. э. Не всегда эти памятники, сообщающие целый ряд легенд, являются полноценными.

Сыма-цянь. Прежде всего надо указать на труды «китайского Геродота», Сыма-цяня, жившего во II—I веках; он написал «Исторические записки» (Ши-цзи), состоящие из ста тридцати книг и распадающиеся на пять частей: двенадцать книг посвящены истории всех династий от первого, полулегендарного царя Хуан-ди до 104 года до н. э.; следующие десять книг дают хронологические таблицы; остальные части включают данные о религии, музыке, астрономии, истории влиятельных семейств и жизни знаменитых деятелей.

Конфуций. Не меньшую роль играют труды, излагающие учение знаменитого философа Конфуция, жившего в VI—V веках. Ши-цзин, представляющий из себя сборник древней поэзии, затем Шу-цзин, где собраны сказания о древних царях и, наконец, «Летопись», названная Чунь-цю, т. е. «Весна и Осень», — дают много интересного материала для древней истории Китая, особенно «Летопись». При пользовании этими источниками надо всегда иметь в виду, что, например, Шу-цзин имеет две версии: одну, сохранившуюся в цитатах у Сыма-цяня, и другую, традиционную версию (так называемый «древний текст»), составленную в конце III или начале IV века н. э. Первая версия была уничтожена в III веке до н. э., а затем вновь восстановлена со слов одного старика, который будто бы знал всю Шу-цзин на память.

Бамбуковые анналы. Надо, наконец, указать на так называемые «Анналы, написанные на бамбуке». Древний текст их был утерян, а затем вновь найден в 281 году н. э. «Анналы» дошли до нас

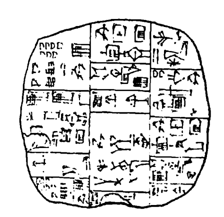
[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 362.

в различных версиях; подлинный же текст их известен лишь в отрывках, в цитатах различных авторов.

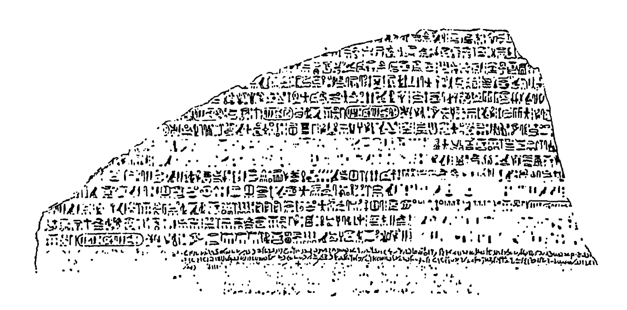
Большое значение имеют также и другие книги, которые относятся китайской традицией к глубокой древности. Такова, например, «Чжоу-ли», дающая описание государственного устройства Западного Чжоу. Хотя она дошла до нас в поздней редакции — времени династии Хань, но многие факты соответствуют данным Сыма-цяня и «Бамбуковых аннал».

Надписи. Кроме этих классических сочинений, имеются надписи на предметах, относящихся к древним временам. Прежде всего это надписи на предметах из бронзы, конца второго — начала первого тысячелетия до н. э. Это различные знаки отличия, награды или предметы, изготовленные для увековечения какого-нибудь события. Затем следует указать на надписи на гадательных костях, найденных в провинции Хэнань. Кости (главным образом быков, лошадей, оленей, свиней), а также щиты черепахи сохранились очень хорошо благодаря особым свойствам лёссовой почвы. Надписи состоят обычно из вопросов и ответов на гадание. Гадательные кости относятся ко времени династии Инь (Шан), т. е. к середине II тысячелетия.

Таким образом, на основании исторических сочинений древних китайских авторов мы можем говорить об истории Китая начиная с конца II тысячелетия. Более древние периоды являются целиком легендарными, и только благодаря находке древнейших надписей в Хэнани историчным становится для нас период Инь. Китайские историки придерживались определенной традиции, разделяя всю историю на «династии», перечисляя древних «императоров» даже в те времена, когда ни о каких династиях или императорах говорить не приходится. Все же хронологическая схема Китая удобно делит древнюю историю на ряд более коротких периодов (династий), и мы будем в дальнейшем ею пользоваться, имея в виду условность этой периодизации.



Шумерская глиняная табличка с хозяйственной записью. Гос. Эрмитаж.



Розеттский камень. Иероглифическая часть декрета Птолемея Эвергета. Британский музей.

ГЛАВА II

ДЕШИФРОВКА ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ НАДПИСЕЙ

Египетские иероглифы. Древнеегипетские иероглифические надписи издавна были известны в Европе. Еще римские императоры вывозили из Египта монументальные памятники для украшения столицы. Египетские обелиски, покрытые иероглифами, стояли на площадях Рима и Константинополя, но чтение надписей было забыто: в конце IV века н. э. умер египтянин Гораполлон, знавший еще египетский язык и оставивший трактат об иероглифах. Он считал египетские знаки идеографическими; это было лишь до некоторой степени верно для того позднего времени, когда жил Гораполлон, но это навело в дальнейшем исследователей на неправильный путь в толковании характера египетских иероглифов.

Афанасий Кирхер. Первые попытки прочтения иероглифов принадлежат ученому синологу XVII века, иезуиту Афанасию Кирхеру. Основываясь на своем знании китайского языка и на трактате Гораполлона, Кирхер определял все знаки египетского письма как идеограммы. Он пытался прочесть в надписях философские изречения, так как живы были еще традиции классических авторов, смотревших на Египет как на страну высокой мудрости. Так, например, в одной надписи имя фараона XXVI династии Уах-иб-ра Кирхер переводил, придавая знакам символистическое значение, следующим образом: «Благодеяния божественного Осириса должны быть добыты с помощью священных церемоний и цепи гениев, чтобы благодеяния Нила были достигнуты».

Конечно, подобные фантастические переводы были далеки от научных, и самый метод Кирхера нельзя считать научным, так как, пользуясь им, каждый мог читать иероглифы, вкладывая в них любое значение. Все же Кирхер обратил внимание ученых на египетские древности, вызвал интерес к ним; он указал на необходи-

мость изучения коптского языка, языка, который является прямым потомком древнеегипетского, и первый приступил к его изучению.

Розеттский камень. На действительно научную основу дешифровка иероглифов могла стать лишь тогда, когда исследователи получили в свое распоряжение билингву (двуязычную надпись) Розеттского камня. В 1799 году французские солдаты экспедиции Наполеона в Египет при рытье траншеи около Розетты, близ Александрии, нашли большую каменную плиту, покрытую надписями. В верхней части камня был высечен иероглифический текст, ниже шла надпись так называемым демотическим шрифтом, в самом низу была греческая надпись. Как можно было узнать из греческого текста, «Розеттский камень» относится ко времени Птолемея V (204—181 годы) и содержит постановление жрецов в честь царя. В последней строке греческой надписи указывалось, что было постановлено написать данный текст на трех языках; поэтому не было сомнения, что греческий текст является переводом с египетского. Громадное значение Розеттского камня было сразу же оценено всем ученым миром. Однако все попытки прочитать египетские иероглифы кончались неудачно. Разрешить эту задачу удалось молодому французскому ученому Шампольону.

Шампольон. Франсуа Шампольон родился в 1790 году. Он обладал огромными способностями и знал много языков: кроме классических языков, он изучал древнееврейский, арабский и коптский языки. Зная в совершенстве целый ряд языков, а также изучив все, что было в то время известно о древнем Египте, Шампольон обладал тем самым подготовкой, необходимой для дешифровки иероглифов. Он начал чтение с царских имен, которые легче всего можно было определить, так как они обводились овальной рамкой — картушем. Шампольон правильно заключил, что такое имя, как Птолемей, должно быть написано буквенными знаками, потому что это было имя иностранное для Египта.

Шампольон сопоставил первую букву имени Птолемея:

П — с первым иероглифом
Т — со вторым иероглифом
О — с третьим иероглифом
Л — с изображением льва
М — с пятым иероглифом

Для Е не находилось эквивалента, так как пяти греческим буквам соответствовали лишь четыре иероглифа. Выходило так, что египтяне писали не «Птолемайос», а «Птолмайс», т. е. несколько гласных в египетском письме не были указаны. Но это не смущало Шампольона, хорошо знакомого с семитическими и с коптским языками. Семитические языки имели ту особенность, что гласные в письме не играли большой роли; поэтому Шампольон мог предположить, что и египтяне, говорившие на языке, близком семитическим, не всегда передавали гласные буквы.

Все же, поскольку дело касалось дешифровки только одного имени, всегда могли быть сомнения в точности чтения. На помощь

*

Шампольону пришел счастливый случай. В 1815 году на острове Филе была найдена другая надпись, в которой имелось, кроме имени Птолемея, имя Клеопатры.

Внимательно рассматривая эти знаки, можно найти несколько знаков, которые являются общими для обоих имен:

ЛОПТ или Т

«А» в имени Птолемайос отсутствует, но зато два сходных знака встречаются в имени Клеопатра: в конце и в середине слова находятся два одинаковых знака — два орла, которые очевидно соответствуют А.

Что касается соответствия греческим буквам в иероглифическом написании Клеопатры, то соответствие здесь полное, за исключением последних двух знаков.

КЛЕОПАТРА

Продолжая тем же методом чтение царских имен, Шампольон определял значение все новых и новых знаков. Так, им были прочитаны не только греческие, но и египетские имена царей Тутмоса и Рамсеса. Это убедило Шампольона, что он стоит на правильном пути. Знание коптского языка дало ему возможность прочитать некоторые египетские слова. Например, он знал, что в коптском языке слово «хтор» означает лошадь. В одном из египетских текстов Шампольон нашел следующие знаки:

Первый знак раньше не встречался. Второй знак соответствовал букве Т, третий — Р. Последний знак изображал лошадь и являлся так называемым детерминативом, указывающим на то, к какому классу явлений относилось данное слово. Поэтому эта группа иероглифов очевидно обозначала хтр, т. е. лошадь. Так был определен знак для буквы X.

Развитие египтологии. 27 сентября 1822 года Шампольон сделал доклад в Парижской Академии о чтении египетских иероглифов. Этот день считается днем рождения новой науки — египтологии. В 1922 году столетие египтологии было отмечено учеными всего мира; в Москве состоялся египтологический съезд. За сто с лишним лет в области изучения древнеегипетского языка было сделано очень много. Прямыми продолжателями работ Шампольона были Рихард Лепсиус и Генрих Бругш. Р. Лепсиус определил в египетском письме, кроме буквенных знаков и детерминативов, также двух- и трехконсонантные знаки; Генрих Бругш, приступив к чтению демотического письма и составив прекрасный для того времени словарь египетского языка, дал многочисленные издания справочного характера, представляющие сводку известного тогда материала. Для египетского языка много было сделано французами де-Руже и Шаба, а в новое время немцами Ад. Эрманом и К. Зете, англичанами А. Гардинером и Гриффизом. Эрман выпустил грамматику египетского языка, а в последнее время специальную грамматику языка Нового царства; Зете много сделал в области изучения египетского глагола. Завершением работ египтологов явилось издание большого словаря, в кото-

ром принимали участие египтологи всего мира. Пять больших томов содержат громадное количество материала и являются последним словом науки о египетском языке.

В России основу египтологии положили В. С. Голенищев, О. Э. Лемм и Б. А. Тураев. Особенно большое значение имела научная деятельность Б. А. Тураева.

Дешифровка клинописи. Значительно сложнее обстояло дело дешифровки другого типа древневосточной письменности, так называемой «клинописи». Этот вид письменности широко распространен в странах Передней Азии, Месопотамии и Ирана и назван так по внешнему виду самих знаков, имеющих форму клиньев, расположенных в разных комбинациях.

В 1621 году итальянский купец Пиетро делла Валле привез копии надписей с развалин Персепольского дворца Дария. Но изучением этих клинообразных надписей стали заниматься только в конце XVIII века, после того как датский путешественник по Востоку Карстен Нибур опубликовал привезенные им точные копии клинообразных текстов. Уже Нибуру удалось установить, что надпись сделана на различных языках тремя разными системами письма, причем первая часть, по его мнению, была написана алфавитным, вторая — силлабическим, а третья — идеографическим письмом. Однако дальше этих наблюдений Нибур и другие исследователи не пошли. Хотя надпись была сделана на трех языках, но ни один из них не был известен; перед учеными стояла необычайно трудная задача: отсутствие билингвы, подобной Розеттскому камню, делало задачу неразрешимой.

Гротефенд. В 1800 году за дешифровку клинописи взялся молодой учитель гимназии в Геттингене, Георг Фридрих Гротефенд. Классик по образованию, специалист по древнеиталийским языкам, Гротефенд своей работой над клинописью показал образец дисциплины ума и логического мышления. Путем целого ряда остроумных догадок и цепи логических рассуждений Гротефенду удалось найти ключ к чтению древнеперсидской клинописи и перевести небольшой отрывок надписи. Он остановил свое внимание на двух надписях, привезенных Нибуром, на верхней части текста, написанного алфавитным письмом, состоявшим из 42 знаков. Гротефенд решил, что если текст происходит из Персеполя, то написан он по-персидски. Разделить слитный текст на отдельные слова он мог благодаря наличию косого словоразделительного клина. Значение этого клина было установлено еще Пиетро делла Валле. Гротефенд решил, что начальные строки представляют собой царскую титулатуру, а наиболее часто встречающееся слово означает «царь».

Чтобы легче понять ход рассуждений Гротефенда, обозначим слова в персидской надписи буквами латинского алфавита; мы получим, таким образом, два ряда:

1. ABCBB + aDEF
2. GBCBB + aABEF

Если это царская титулатура, то вероятнее всего, что слово B означает «царь», поскольку оно встречается чаще всего. Но для того чтобы разобраться в ней, надо было знать титулатуру тех царей, которые приказали составить эти надписи. Так как последние были найдены на месте древнего Персеполя, столицы Персии в эпоху Ахеменидов (с VI по IV век до н. э.) и Сассанидов (с 224 по 641 год н. э.), то очевидно это была титулатура персидских царей. Титулатура Ахеменидов Гротефенду была неизвестна, но он мог ознакомиться с титулатурой царей династии Сассанидов. Она звучала, примерно, так: «царь великий, царь царей, V сын, Сассанид».

Надо было теперь установить, к какой династии отнести царей, составивших эти клинописные надписи. Сассаниды, царствовавшие от 224 до 641 года, уже писали алфавитным письмом, одной из разновидностей семитического алфавита, надписи же Персеполя были написаны клинописью, письмом архаическим; поэтому надо было предположить, что творцами их была более древняя династия, т. е. Ахемениды. Затем Гротефенд обратил внимание на следующий факт: оказалось, что царь по имени A, которым начиналась первая надпись, появляется и в титулатуре второй надписи, но не как автор, а в такой комбинации слов, которая приводит к предположению, что он фигурирует как отец царя, составившего эту надпись. Далее, согласно первой надписи, отец царя сам не был царем, потому что царского титула за его именем нет, а стоит одно лишь имя. Царь A, не будучи сам сыном царя, был вместе с тем отцом царя.

Оставалось теперь поискать среди Ахеменидов, которые были известны благодаря греческим историкам, двух царей, из которых первый имел бы отцом не царя, т. е. был бы основателем династии. Когда мы обратимся к списку ахеменидских царей, то оказывается, что таких имеется две пары: Кир — Камбиз и Дарий — Ксеркс. Надо было выбрать между этими двумя парами. Но первая пара отпадала, потому что имена Кир и Камбиз пишутся с одинаковой начальной буквы, здесь же начальные буквы были различны. Следовательно, оставалось предположить, что речь шла о Дарии и Ксерксе.

Теперь Гротефенд читал вполне уверенно: «Дарий, царь великий, царь царей, Гистаспа сын, Ахеменид», «Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария царя сын, Ахеменид». Таким образом благодаря цепи крепко спаянных умозаключений он пришел к определенному выводу о содержании надписи; зная имена царей и определив титулатуру, он как бы создал искусственно двуязычную надпись. Если бы Гротефенд знал древнеперсидский язык, он мог бы уже вполне безошибочно решить вопрос о древнеперсидском алфавите. Но он не знал древнеперсидского языка; поэтому подстановка царских имен и титулов могла дать лишь условные результаты, поскольку средневековый персидский язык уже сильно отличался от языка эпохи Ахеменидов. Из восемнадцати-двадцати

букв, установленных Гротефендом, правильно установлены были только десять, но и это уже было громадным достижением. На основе его дешифровки можно было итти вперед, делать дальнейшие шаги в чтении древнеперсидской клинописи.

Бисутунская надпись. После Гротефенда работа продолжалась. В ней участвовал ряд лиц и между ними ученый, которому суждено было сыграть крупную роль в дешифровке вавилонской клинописи. Это был Роулинсон, английский офицер, служивший в персидской армии. Около Керманшаха, на высокой Бисутунской скале, он нашел громадную клинообразную надпись с рельефом, где был изображен Дарий, к которому подводят бунтовщиков. Под изображением трехъязычная надпись в четыреста строк. В первом абзаце — персидская клинописная надпись, а под ней надписи двух других клинописных систем. Бисутунская надпись содержала несколько десятков собственных имен и могла дать поэтому богатый материал для ознакомления с древнеперсидским письмом и языком.

Роулинсон. Но Роулинсону принадлежит не только честь находки нового материала: он сделал и основной шаг к последней победе над древнеперсидской клинописью. Расшифровку последней в 1836 году можно было считать завершенной. Надписи первого абзаца были прочитаны. Теперь надо было перейти к надписям второго и третьего абзацев. И здесь надо было преодолеть большие трудности, в особенности в области языка. Дело в том, что знакомство с древнеперсидским языком, принадлежавшим к хорошо изученным индоевропейским языкам, облегчалось благодаря тому, что исследователи знали новоперсидский и другие родственные ему языки и могли поэтому найти много общих корней. Когда же исследователи обратились к клинописным надписям второго абзаца, сделанным слоговым письмом, они оказались перед большими затруднениями, так как язык этих надписей был языком неизвестной им системы: он не был родственен ни индоевропейским, ни семитским языкам. Только в настоящее время началось изучение этих надписей второго абзаца, и большая заслуга в этом принадлежит великому советскому ученому Н. Я. Марру. Язык надписей второго абзаца — язык яфетический, родственный некоторым кавказским языкам (грузинскому, армянскому и др.), но в ту эпоху языки яфетической системы, которые изучаются с таким успехом у нас сейчас, были еще почти неизвестны. Поэтому европейская наука отступила от этой задачи и занялась изучением надписей третьего абзаца.

При тщательном разборе этих надписей было установлено, что аналогичные надписи были найдены на месте древнего Вавилона. Таким образом, можно было сделать вывод, что надписи третьего абзаца являются не чем иным, как надписями вавилонскими.

Благодаря наличию Бисутунской надписи можно было достигнуть в дешифровке их довольно большого успеха: фонетическое значение ряда знаков было в основном установлено. Но теперь

надо было установить, к какой системе языков принадлежал язык жителей Вавилона. Тогда это определить было не так просто.

Вавилонская клинопись. Путем исследования всех имен, сохранившихся в Библии и у греческих писателей, и тщательного сопоставления всех слов, которые могли быть прочитаны в Бисутунской надписи, пришли к мысли, что здесь должен быть язык семитической системы, т. е. язык, на котором говорили когда-то древние евреи, на котором говорят арабы, некоторые абиссинские племена и сирийцы. К одному из языков этой семитической системы принадлежал и древневавилонский язык. Это заключение было подкреплено начавшимися в то время раскопками древнеассирийских городов. Там были найдены клинописные надписи, которые также стали понемногу расшифровываться. Оказалось, что ассирийская и вавилонская клинописи очень близки друг другу, а что касается имен ассирийских царей, которые сохранились в Библии, то их семитический характер выступал еще более ясно. Близкая связь между Вавилонией и Ассирией еще более подкрепила предположение, что вавилоняне были семиты и что их язык был семитическим.

Но из этого правильного наблюдения некоторые исследователи сделали ошибочный вывод для клинописного письма вавилонян. Дело в том, что в вавилонской клинописи имеется, на первый взгляд, несколько знаков (шесть-семь) для одного и того же звука, например для *р, д, б* и т. д. Устранить это недоумение, связанное с таким обилием различных знаков, передающих один и тот же звук, можно было, предположив, что это, очевидно, были не буквы, а слоги — *ба, бе, бу* и т. д.

Исследователи, сделав вполне правильный вывод о том, что вавилонский язык — семитический язык, пришли к неправильному заключению в отношении его письма, утверждая, что вавилоняне, так же как другие семиты (арабы, евреи, сирийцы), писали без гласных. В действительности же вавилонская клинопись знала гласные, и это правильно установил ирландский ученый Хинкс, который своими исследованиями в сильной степени двинул вперед изучение вавилонского клинописного письма.

Развитие ассириологии. Десятки лет упорной работы прошли до того момента, когда, наконец, можно было считать дело прочтения вавилонской и ассирийской клинописей завершенным. Завершилось оно тогда, когда было доказано, что действительно исследователи, работавшие над данным письмом, пришли в интерпретации его к определенным общеобязательным выводам. Это было достигнуто в 1857 году следующим образом. Разослали четыре копии с одной, только что найденной, надписи четырем ученым.

В течение трех дней они должны были дать свой перевод и послать его комиссии ученых. Оказалось, что все четверо, расходясь в некоторых деталях, пришли в общем в интерпретации надписи к одинаковым результатам. Это событие считается годом рождения ассириологии.

Дальнейшая работа сводилась к окончательному установлению системы вавилонского письма. Это было сделано ученым Оппертом, который установил, что творцами вавилонской клинописи были не вавилонские семиты, а какой-то другой народ, который, как оказалось потом, назывался шумерами и говорил на языке не-семитической системы.

Изучение ассиро-вавилонского языка было завершено известным немецким ученым Фр. Деличем, составившим грамматику и словарь этого языка. Основу изучения шумерского языка положил французский ученый Ф. Тюро-Данжен. Первый большой словарь шумерского языка составил А. Деймель. В России ассириология была представлена В. С. Голенищевым, М. В. Никольским и Н. Я. Марром. Они же много сделали для изучения урартской клинописи, письма, созданного древним населением современной Армении. Ученик М. В. Никольского, В. К. Шилейко, обогатил советскую ассириологию рядом ценных трудов. И. И. Мещанинов способствовал своими трудами развитию науки об Урарту.

Хеттская письменность. В дальнейшем все другие дешифровки древневосточной письменности пошли уже по проторенному пути, потому что метод был создан работами Шампольона, Гротефенда и др.

В начале XX века, благодаря находкам большого архива клинописных текстов в Богазкеое (Малая Азия), стало известно хеттское письмо, пользовавшееся вавилонской клинописью. Здесь было трудно разобраться уже не в письме, а в самом языке, который был неизвестен. Но дело было облегчено характером самих надписей. Ряд сохранившихся хеттских текстов имел, примерно, одно и то же содержание. Хетты в своих надписях пользовались, наряду со словами своего языка, также словами других языков (вавилонского и шумерского), но произносили их по-своему. Поэтому, сопоставляя параллельно тексты, можно было установить смысл того или иного слова. Так, например, в одном тексте какое-нибудь слово было передано на вавилонском языке, а в другом оно передавалось на хеттском; сопоставляя оба текста, можно было установить значение данного хеттского слова.

Разобрался в хеттских надписях чешский ученый Ф. Грозный в 1915 году. В самые последние годы Грозному удалась также дешифровка хеттских иероглифов.

Не имея двуязычной надписи, он на основании ряда умозаключений установил наличие здесь слоговых знаков и идеограмм. Уже Иенсену удалось определить слово, означавшее название города Кархемиша (оно было прочитано им: «Кар-га-ма-са»). Установив таким же образом названия других городов и стран, Грозный нашел, наконец, нити, чтоб размотать весь клубок. Чтение хеттских иероглифов, только недавно начатое Грозным, откроет для нас еще темную страницу истории хеттов времени X—VIII веков.

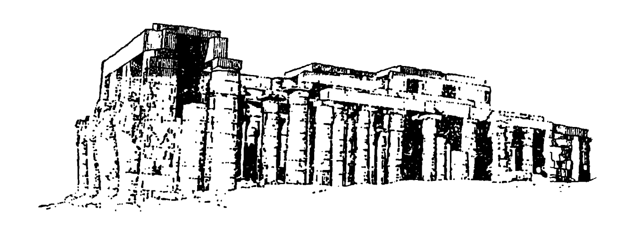
Письменность Рас-Шамра. Не меньшее значение имеет открытие древнейшего алфавитного письма в Рас-Шамра. В 1928 году на сирийском побережье Средиземного моря в местечке Рас-Шамра работами французской экспедиции были открыты остатки архива древнего финикийского города Угарит. Глиняные таблички были покрыты клинописью вавилонского происхождения, но заключавшей в себе только тридцать, очевидно алфавитных, знаков. Отсутствие билингвы ставило препятствия для дешифровки этого вновь открытого письма. Несмотря на это, уже в 1930 году тексты

Рас-Шамра были прочитаны независимо друг от друга Ш. Виролло, Г. Бауэром и Эд. Дормом.

Открытие текстов Рас-Шамра дало науке древнейший клинописный алфавит на протофиникийском языке.

Непрочитанным до сих пор остается древнеиндийское письмо, открытое раскопками Дж. Маршалла в 1923 году в Мохенджо-даро. Это иероглифическое письмо, насчитывающее до четырехсот знаков, несмотря на работы таких крупных ученых, как Маккей и Лэнгдон, — еще не поддается дешифровке. В 1939 г. Ф. Грозный предложил свою систему чтения протоиндийских письмен, считая их родственными хеттским иероглифам. Но отсутствие более длинных надписей не дает возможности проверить выводы Грозного.

Надпись Дария I на древнеперсидском языке.



Рамессеум. Заупокойный храм Рамсеса II в Фивах.

ГЛАВА III

РАСКОПКИ И ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Параллельно с дешифровкой шла работа по ознакомлению с разбросанными в развалинах древних городов памятниками и по извлечению из земли максимального количества источников.

В Египте раскопки начались позже, чем в Вавилонии. Это произошло потому, что в Египте очень много памятников находилось на поверхности земли. Это были памятники, относящиеся к заупокойному культу, который широко развился в Египте: некрополи, т. е. кладбища, давали ценный материал для истории страны. Правда, они были отчасти разрушены, но не занесены песком, так что раскапывать их не приходилось; они лежали на поверхности земли.

Раскопки в Месопотамии в середине XIX в. Совсем в другом положении находилась Вавилония. В противоположность Египту, она была разгромлена в 60-х годах XIII века монголами, которые разрушили здесь всю ирригационную систему.

Вавилония захирела, превратилась из многолюдной и богатой страны почти в пустыню. Города, обращенные в развалины, постепенно были занесены песком и превратились в ряд гигантских холмов. Под ними хранятся сокровища великой культуры. То же случилось и в Ассирии. Поэтому добыть их памятники можно было только путем больших раскопок, стоящих чрезвычайно дорого.

Дворцы ассирийских царей. Такие раскопки были произведены первоначально в различных пунктах Ассирии, так как она по географическим условиям была доступнее Вавилонии. В половине XIX века были раскопаны дворцы ассирийских царей, в том числе французом Ботта — дворец царя Саргона II, того царя, который разрушил город Самарию, столицу Израиля. Англичанин Лейярд раскопал в древнем Кальху дворец царя Ашшурнасирпала II (884—860). Некоторые из рельефов и надписей дворцов Саргона II и Ашшурнасирпала II попали и в Россию (хранятся в Государственном Эрмитаже). Лейярдом была также раскопана Ниневия, которая в Библии называется «логовищем львов» — главный центр ассирийского хищнического государства. Среди прекрасных памят-

ников искусства, которые были там найдены, оказался также один из самых замечательных памятников ассирийского общества — библиотека царя Ашшурбанипала, последнего крупного царя Ассирии.

Библиотека Ашшурбанипала. Библиотека эта представляла собой несколько десятков тысяч клинописных обожженных глиняных табличек, на которых обычно писали в Ассирии и Вавилонии. Для ассириологии находка этой библиотеки оказалась очень важной, ибо здесь были найдены важнейшие литературные материалы, а также памятники вавилонской и ассирийской науки. Среди них, что особенно важно, были найдены и те учебники, по которым ассирийские писцы учились клинописи. Эти учебники помогают все больше проникать в тайны ассирийского письма, все больше понимать его тонкости. Раскопки ассирийских дворцов относятся к середине XIX века.

Работы Дж. Смита. Этот период раскопок, который дал такие ценные памятники ассирийской культуры, продолжался до 70-х годов и был завершен раскопками английского ассириолога Дж. Смита. Смит был рабочим, гравером в типографии. Ему пришлось подготавливать к печати таблички с клинописными надписями из библиотеки Ашшурбанипала.

Это письмо настолько заинтересовало Смита, что он решил посвятить время, остающееся у него от работы, изучению клинописи, несмотря на то, что в то время никаких пособий для начинающих ассириологов не было. Благодаря своей энергии, таланту и энтузиазму Смит самоучкой изучил клинописное письмо и стал ассириологом такой же квалификации, как те, которые обучались этой науке в иных, более благоприятных условиях.

И вот Смиту удалось сделать великое открытие. Когда он, став ассириологом, читал в Британском музее одну из клинописных табличек, ему встретилось описание потопа: как ковчег пристал к горе Нисир, как человек в ковчеге выпустил птицу и т. д. Он нашел оригинал древнееврейской легенды о потопе, а это доказывало, что Библия отнюдь не являлась «божественной книгой», а пользовалась источниками, созданными «языческими» народами.

К сожалению, эта табличка библиотеки Ашшурбанипала была разбита. Это объяснялось тем, что библиотека хранилась не внизу, а во втором этаже дворца, чтобы спасти книги от почвенной сырости, потому что единственное, что уничтожает клинописные таблички — это сырость; огонь же, который уничтожает наши книги, наоборот, только укрепляет эти таблички. Но зато эти глиняные книги могут ломаться. Когда мидяне и вавилоняне взяли Ниневию и предали огню здание дворца, библиотека из второго этажа упала вниз, и во время падения большие таблички разбились на отдельные куски.

Таким образом в руках Дж. Смита оказался лишь фрагмент мифа о потопе. Смит стал лихорадочно искать недостающий кусок среди обломков, хранящихся в музее. Не находя его, он решает еще раз исследовать место раскопок Лейярда. Его энтузиазм разбивает все сомнения и преграды; он получает деньги, едет в Месопотамию и производит новые раскопки. Действительно, среди земляных масс старых раскопок Смиту удалось найти несколько существенных частей таблички с мифом о потопе. Тогда Смит решил произвести в Ниневии дополнительные раскопки в грандиозном масштабе, но по пути туда в 1876 г. заболел дизентерией. Его организм, надорванный тяжелой работой и трудными условиями детства, не выдержал, и Смит умер, не дожив и до сорока лет. Вместе с ним ушел первый представитель рабочего класса, который самоучкой стал одним из крупнейших ассириологов в мире.

Этим событием завершается «героический» период раскопок, тот период, когда в Ассирии при сравнительно небольших средствах были достигнуты большие результаты. Теперь наступила пора раскопок для Египта, а для Месопотамии начался второй период раскопок, требовавших очень больших средств.

Новый этап раскопок в Месопотамии. В конце прошлого века начались грандиозные раскопки и в Вавилонии, которые производились, главным образом, в пунктах, упоминавшихся в Библии. Теперь уже систематически, с громадной затратой средств снималась земля с какого-нибудь из гигантских холмов во всем его объеме. Самые грандиозные раскопки были произведены американцами, которые могли дать на это огромные средства. Они раскопали город Ниппур в центре южного Двуречья.

Ниппур. Раскопки Ниппура продолжались десятки лет с огромными издержками, но средства давались потому, что, согласно свидетельству Библии, Навуходоносор послал туда евреев. Надежды найти там какие-нибудь памятники, имеющие отношение к Библии, не оправдались. Здесь зато были найдены богатые памятники материальной культуры и библиотеки-архивы. Был раскопан большой храм, являвшийся центральным святилищем для всей Вавилонии.

Лагаш. Затем в южном Двуречье был раскопан еще до войны 1914—1918 г. город Лагаш. Здесь французским ученым Сарзеком были найдены весьма ценные памятники материальной культуры на незначительной глубине. Последующие раскопки обнаружили ряд зданий и большое количество текстов хозяйственной отчетности. Число этих текстов, найденных только в одном этом городе, доходит до нескольких десятков тысяч.

Шуруппак. Принимала деятельное участие в раскопках и Германия. Характерен выбор мест раскопок. Они начались в трех пунктах: на месте древнего Шуруппака, связанного с именем вавилонского Ноя из сказания о потопе; в Вавилоне, мировом городе древности; наконец — в древней столице ассирийского военного государства — Ашшуре. Эти раскопки продолжались вплоть до первой империалистической войны, когда они были на длительное время прекращены.

Раскопки дали большие результаты. В Шуруппаке найдены были образцы древнейшей вавилонской клинописи. До нас дошел хозяйственный архив древнего шуруппакского храма, который сохранил сравнительно обильные сведения об экономике той эпохи. Вавилонские раскопки раскрыли на большом пространстве развалины грандиознейшего города древнего Востока.

Вавилон. Раскопки дали возможность восстановить весь Вавилон эпохи Навуходоносора (604—561). Дело в том, что древний Вавилон в 689 году разрушил ассирийский завоеватель Синахериб, сравняв его с лицом земли и пустив воды Евфрата по разрушенному городу. Но такова была сила традиций, что после разрушения города Синахерибом сын его через восемь-девять лет начал восстанавливать Вавилон. Восстановленный Вавилон и был теперь раскопан. Воскресли «висячие сады Семирамиды», храмы, дворцы. Был найден первый «музей» — во дворце Навуходоносора существовало помещение, где он выставлял свои трофеи. Были раскрыты стены города, улицы (например, главная улица сакральных

процессий со статуей Мардука). Окаймляющие улицы стены были покрыты прекрасным эмалированным кирпичом разнообразных цветов.

Ашшур. В городе Ашшуре самой важной находкой была библиотека ашшурского храма, более древняя, чем библиотека Ашшурбанипала. В ней был найден ряд таких текстов, которые погибли в библиотеке Ашшурбанипала.

Хозяйственные документы. Иллюстрацией того, как мало буржуазная наука интересовалась действительно научными вопросами, является следующий любопытный факт. В самом начале XX в. в городе Умме, близ Лагаша, местными жителями было обнаружено несколько десятков тысяч клинописных табличек хозяйственной отчетности. Документы эти представляют громадную ценность потому, что дают возможность установить с большой точностью способ производства, господствовавший в вавилонском обществе, а равно и общие черты хозяйства той эпохи. Находки были так обильны, что таблички скупались и привозились в Париж, где продавались по 1 франку за штуку. Несмотря на то, что местные жители сделали такую поразительную находку, раскопки в этом пункте не производились, потому что город Умма в Библии не упоминается, а хозяйственными текстами никто не интересовался. «Одна строчка божественного гимна или псалма более ценна, чем сотня этих документов», — говорил один «ученый».

Ур. Послевоенный период оказался эпохой значительно более скромных раскопок. Война, а затем кризис в сильнейшей степени сократили средства европейских государств, а поэтому раскопки могли производиться только совместными усилиями нескольких стран. Так, например, ряд раскопок осуществлен благодаря тому, что объединились капиталисты Америки и Англии. Среди этих раскопок наиболее эффектны раскопки города Ура, давшие много памятников искусства и письма. Раскопки велись в большом масштабе, с применением новейшей техники, большим количеством рабочих. Был раскопан большой центральный храм с главной башней (зиккурат), и таким образом архитектура древнейших шумерских храмов становится теперь все более и более ясной. Были найдены рельефы с изображением сцен скотоводства. Здесь были найдены также памятники круглой скульптуры и рельефы. Большую сенсацию произвела находка гробницы — повидимому, царя и царицы. Вместе с ними было погребено много мужчин, одетых в броню, а также женщин.

Раскопки последних лет в Шумере. Кроме того, был найден ряд древнейших надписей, проливающих некоторый свет на древнейший период Шумера.

В последние годы были возобновлены раскопки в северной Вавилонии; они были вызваны открытиями в долине Инда, свидетельствующими об общности древней индской культуры с культурой Месопотамии. И действительно, в Кише на севере Вавилонии (несколько к северо-востоку от города Вавилона) было найдено несколько глиняных табличек со знаками, которые чрезвычайно напоминают древние индийские письменные знаки.

Были ассигнованы большие средства, и раскопки в Кише начались в широком масштабе и дали чрезвычайно ценный материал.

Было установлено, что и в Кише шумеры предшествовали семитам. Были найдены древние шумерские храмы и очень большое количество древнейших глиняных табличек, покрытых письменами на стадии перехода в клинопись.

В 1925/26 году северо-восточнее от Киша, в холме Джемдет Наср, начались под руководством Лэнгдона раскопки, открывшие развалины большого здания, повидимому дворца. Среди находок интересны архаические таблички и оттиски печатей, а также вещи неолитических поселений — керамика, каменные орудия, погребения.

Раскопки последних лет в Кише (Джемдет Наср), Шуруппаке (Фара), Уре (Мукайар), Уруке (Варка) и других местах вскрыли древнейшие слои культуры. В настоящее время археология древнейшей Месопотамии дает возможность установить археологическую периодизацию, которая распространяется не только на южное Двуречье, но и на Ассирию, Иран и дальше на восток — до самого Инда.

Мари. Большой вклад в науку внесли раскопки в Телль-Харири, на Евфрате, начатые в 1933 году. Здесь был раскопан город с дворцовыми и храмовыми постройками, с большим числом статуй, керамики, предметов культа и других вещей. Экспедиция под руководством А. Парро не закончила своих работ, но уже и сейчас видно большое значение сделанных открытий, которые трудно переоценить. На месте холма Телль-Харири находился город Мари, давно известный из надписей. Мари был столицей большого царства, лежавшего по среднему течению Евфрата, и был разрушен вавилонским царем Хаммурапи (XXI век). Открыты были отдельные кварталы города, храм богини Иштар, дворец, состоявший из нескольких сот комнат. В некоторых частях сохранились стены высотой до пяти метров. При дворце была найдена школа, хозяйственные помещения — кладовые, погреба, сыроварни. В дворцовом архиве найдено было около двадцати пяти тысяч клинописных табличек, содержащих переписку с Вавилоном, Угарит, Ашшуром и другими городами и странами. Хотя пока имеются только предварительные сообщения о раскопках в Мари, но значение их настолько велико, что уже сейчас приходится пересмотреть некоторые вопросы истории Месопотамии.

Начало раскопок в Египте. Египет во второй половине прошлого века превращается все больше и больше в английскую колонию, и археологическая работа начинает переходить главным образом к Англии. Создается ряд английских археологических обществ, которые производят раскопки.

Вместе с ними продолжают работать и французы, а также ученые других стран. С восьмидесятых годов начинаются английские раскопки, во главе которых стоял английский археолог Флиндерс Петри, инженер по образованию, давший чрезвычайно много для египтологии. Французскими раскопками руководил Масперо, один из крупнейших представителей буржуазной науки. К этому времени относится такое эффектное событие, как находка на западе

от Фив царских мумий, которые были открыты в тайнике, куда их спрятало египетское правительство конца Нового царства от разграбления.

Бороться с грабителями было невозможно, и тогда решили скрыть мумии в тайнике, который и был открыт в начале восьмидесятых годов. Тогда предстали перед миром все правители Нового царства древнего Египта.

Между прочим, в этот период был найден в Фивах приобретенный В. С. Голенищевым знаменитый математический папирус, изданный В. В. Струве. Этот папирус решал одну из задач Архимеда задолго до Архимеда.

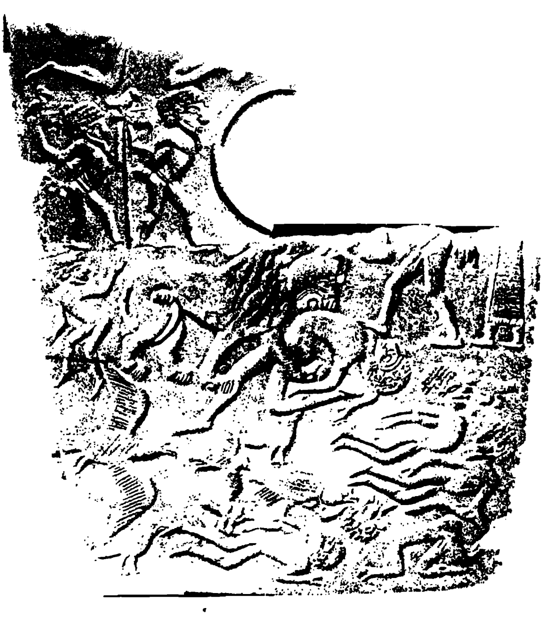
Телль-Амарна. Раскопки стали производиться и в других местах Египта — как на юге, так и на севере. Самые сенсационные открытия были сделаны в центре Египта, в Телль-Амарне. Здесь находилась столица царя Эхнатона, который является одной из наиболее интересных личностей в истории древнего Востока. Он известен в истории Египта как царь-«еретик»; его политика вызвала сильную реакцию, и когда он умер столица его была оставлена.

Раскопки столицы Эхнатона важны тем, что город оставался незаселенным в последующие времена, и благодаря этому новая жизнь не уничтожила старых памятников. Раскопки, которые здесь производятся, раскрывают в нетронутом виде весь город. Мы видим его улицы, храмы и гробницы; мы знаем жизнь этого города, начиная от царского двора, дома вельможи и вплоть до жалких лачуг, в которых жили те рабы, которые строили в неимоверно тяжелых условиях этот пышный город.

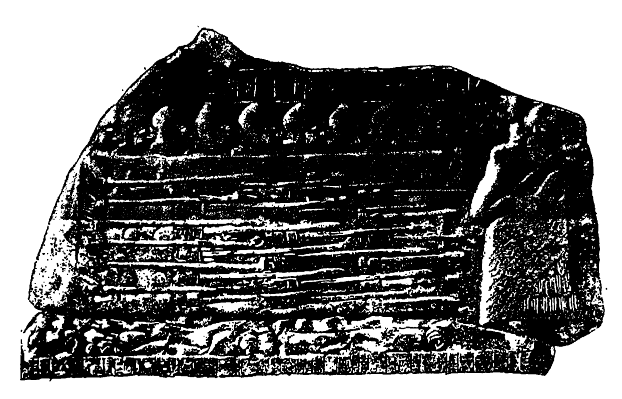
В Телль-Амарне, кроме этого, был найден архив иностранных дел царя Эхнатона. Были открыты несколько сот глиняных табличек, написанных вавилонской клинописью: переписка фараона с царями вавилонского, хеттского, митаннийского и ассирийского государств, а также переписка между египетским царем и подчиненными ему царьками Сирии, Финикии и Палестины.

Среди других раскопок надо отметить те, которые были произведены немцами на месте древних пирамид пятой династии в Абусире. Очень ценные открытия были сделаны у Фаюмского оаза в Кахуне. Здесь, между прочим, был найден храмовый архив конца Среднего царства.

Гробница Тутанхамона. В Египте после 1918 года раскопки продолжались преимущественно англичанами и американцами. Они производились в Фивах, и здесь была раскрыта знаменитая гробница Тутанхамона, произведшая в буржуазном мире величайшую сенсацию, потому что в ней было найдено чрезвычайно много золота. Эта гробница не была разграблена, и хотя Тутанхамон жил недолго, в эпоху упадка, золота было найдено в гробнице около двухсот килограммов. Кроме этого, там оказалось много памятников искусства; письменных документов было найдено чрезвычайно мало. В Фивах же был найден семейный архив в несколько десятков папирусов, восходящих к началу Среднего царства. Так



„Палетка коршунов". Шиферная пластинка с изображением войн архаического Египта. Британский музей.



„Стела коршунов". Памятник патеси Лагаша Эаннатума о победе над Уммой. Лувр.

Статуя шумерца. Из Лагаша. Британский музей.

Голова статуи семита. Из Адаба (Бисмайя). Музей в Чикаго.

как вообще в Египте архивный материал представлен небогато, то эта находка является очень значительной. К сожалению, эти тексты, насколько известно, еще до сих пор не изданы.

Раскопки производились также на севере, около гизехских пирамид царей IV династии. Здесь были сделаны кое-какие интересные находки, но опять, главным образом, вещественных памятников; памятников письменных они почти не дали.

В Египте в последнее время не было сделано особенно значительных открытий. Следует только отметить интересные результаты раскопок близ Луксора в Тод. Здесь в 1936 году в храме Монту были открыты ларцы времени Аменемхета II (XX век). Найденные в них вещи оказались привезенными из Вавилонии товарами, что указывает на торговые связи Египта с Вавилонией. Любопытны также раскопки в Саккара, близ древнего Мемфиса. Здесь в 1936/37 году были открыты гробницы времени первой династии, среди них гробница Сабу, современника царя Миебиса. Сабу, крупный вельможа, известен был по некоторым памятникам, найденным в Абидосе. Находка его гробницы, а также печатей Миебиса, показывает, какое большое влияние имел Верхний Египет на север уж в конце IV тысячелетия.

В 1938/39 году там же, в Саккара, были найдены гробница визиря одного из царей первой династии, Хемака, и близ нее девятнадцать маленьких гробниц, где были погребены его слуги, и одиннадцать гробниц, содержавших скелеты его собак и птиц. Находка этого комплекса могил подтверждает мнение о существовавших в Египте человеческих жертвоприношениях.

Богазкеойский архив. Раскопки велись и в других странах Ближнего Востока. Наиболее ценные результаты дали раскопки в юго-восточной части Малой Азии. Здесь, недалеко от древней Кесарии, был найден архив одной из ассирийских колоний третьего тысячелетия до н. э. В Богазкеое, в двухстах километрах от Анкары, был раскопан известным ученым Г. Винклером архив хеттских царей—неисчерпаемая сокровищница для историков. Там среди исторических документов был найден также целый ряд религиозных и литературных текстов.

Раскопки в Палестине. Раскопки в Палестине дали сравнительно меньше материала. Даже деловые документы, которые находятся десятками тысяч в Вавилоне и тысячами в Египте, здесь почти отсутствуют. В первые годы нынешнего столетия был найден лишь один хозяйственный архив в городе Самарии, столице израильтян, северного еврейского государства. Здесь были найдены черепки, которые служили расписками для лиц, плативших арендную плату за арендуемые ими царские виноградники, но таких черепков, на которых имеется несколько десятков слов, было найдено сравнительно немного.

Из новых раскопок в Палестине надо отметить работы Флиндерса Петри в Джераре (южнее Газы), на территории, занятой некогда филистимлянами. Найдена была египетская крепость Нового цар-

ства, которая неоднократно перестраивалась. Эта крепость была военным оплотом Египта в Палестине. Интересны находки в Джераре металлургических мастерских с железоплавильными печами, железным оружием и сельскохозяйственными орудиями. Находка печей показала, что железо в Палестине получило применение в технике уже в XIV—XIII веках до н. э.

Раскопки в Палестине, продолжавшиеся повсеместно до последнего времени, дали много материала для раннего неолита, для периода бронзы, для времен египетского господства и хананейского периода, но библейский период освещается чрезвычайно слабо, лишь случайными находками.

Следует указать на интересные находки в Бетсане, где, между прочим, обнаружены модель жилого трехэтажного дома и много предметов культового назначения. Недавно в Лахише были найдены письма, характеризующие время последних войн Вавилонии с Иудой; наконец, в последние десятилетия в Палестине были найдены памятники материальной культуры, а также фигурки богов и т. д.

Раскопки в Финикии. В двадцатых годах французами были произведены новые раскопки в Финикии — и здесь, наконец, улыбнулось счастье: в одном из древнейших финикийских городов, в Библе, были найдены многочисленные памятники и письменные и вещественные. Археологам удалось достичь самых древних слоев, причем оказалось, что уже в чрезвычайно древнюю эпоху Библ находился под сильным влиянием Египта, а несколько позже попал и под влияние Вавилонии. Последние годы открыли в северной Финикии развалины г. Угарит (совр. Рас-Шамра). Здесь было найдено значительное число письменных документов, свидетельствующих о большой роли, которую играл Угарит в торговле с Вавилонией.

Раскопки в Иране. Исторический материал был обнаружен раскопками города Сузы, в Эламе. Среди найденных здесь памятников заслуживает наибольшего внимания свод законов царя Хаммурапи, а также ряд памятников, вывезенных эламитянами во время их неоднократных вторжений в Двуречье.

С 1931 года в Персеполе начались раскопки Чикагского института под руководством Герцфельда. Исследования показали, что начало постройки дворца было положено Дарием I, а знаменитый стоколонный зал был заложен Ксерксом. Интересна находка большого архива клинописных табличек, число которых превышает тридцать тысяч. Раскопки в Персеполе продолжал Э. Шмидт. Одновременно с этим велись раскопки в Сузах, где были найдены протоэламские надписи и древнейшая культура.

Раскопки в Закавказье. Археологические исследования производились и на территории СССР. В пределах нашего Союза также имеется область, которая в свое время входила в древневосточный культурный мир, — это Закавказье. Эта область находилась одно время под властью государства Урарту. Археология познакоми-

лась здесь с памятниками, находившимися на поверхности земли, но царская Россия не удосужилась в течение пятидесяти лет расцвета западноевропейского востоковедения направить сюда ни одной экспедиции.

Правда, в 1911/12 году в Топрах-Кале (около оз. Ван) были произведены небольшие раскопки И. А. Орбели, а в 1916 году работы были продолжены Н. Я. Марром и И. А. Орбели. Тогда же была найдена большая надпись урартского царя Сардура. Большие археологические раскопки начали производиться только после Октябрьской революции. В 1938/39 году близ Еревана в Кармир-Блуре были открыты развалины большого здания, может быть резиденции царского наместника. На берегу же озера Севан и в других местах были найдены древние крепости урартского времени.

Поскольку не было ни одной русской экспедиции в страны древнего Востока, то, очевидно, ни один памятник наших музеев не был получен посредством археологического заступа, а все они добыты путем покупок. Главные собрания древневосточных памятников, приобретенных таким образом, хранятся в московском Музее изобразительных искусств и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Раскопки в Индии. До самого последнего времени буржуазная археология не уделяла достаточно внимания раскопкам древнейших культурных слоев в Индии. Даже такие культурные центры древности, как Паталипутра (современная Патна), почти не были исследованы. Поэтому только случайные находки времен династии Маурья, а главным образом времени Ашоки (III век до н. э.) были известны науке. Раскопки, начатые в 1921 году индийским археологом Банерджи в Мохенджо-даро («Холм смерти»), под слоями кушанского периода открыли остатки здания. В раскопках приняли участие археолог Маккей и Дж. Маршалл. Открытая здесь культура датируется концом IV — началом III тысячелетия. Найдены были развалины большого города с прямыми широкими улицами, с двух- и трехэтажными домами, построенными из обожженного кирпича.

Керамика обнаруживает сходство с найденной в Сузах и Месопотамии. Наличие каменных гирь, различных металлов (золота, серебра, меди, свинца, олова) говорит о существовании обмена с другими странами.

Одновременно были начаты раскопки в Хараппа (Пенджаб) и других местах. Исследования Штейна подтвердили предположение о широком распространении индской культуры, охватывавшей области всего северо-запада Индостана, Кашмира, Белуджистана, Сеистана и стоявшей в связи с «протоиранской» культурой Ирана.

Таблички с изображением животных, найденные в Хараппа и Мохенджо-даро, снабжены краткими надписями своеобразной иероглифической системы, насчитывающей до четырехсот знаков.

Открытие «индской» культуры внесло целый переворот в представление о древней Индии; оно разбило теорию, согласно которой до прихода «арийцев» в Индии была низкая культура.

Раскопки в Китае. Не менее важные открытия были сделаны в конце прошлого века в Китае, в провинции Хэнань.

В 1899 году в Сяо-туне было найдено большое количество костей животных, щитов черепах, раковин, обломков керамики и других предметов. Произведенные здесь раскопки открыли остатки фундаментов построек, погребения с утварью и оружием. Найдены были изделия из кости, рога, наконечники стрел, бронзовое оружие и утварь, каменные ножи и топоры. Находки попали в руки частных лиц и различных музеев; некоторые кости из Хэнани хранятся также в Государственном Эрмитаже.

Интересны надписи на костях, которые служили для гадания. Это еще не вполне сформировавшееся письмо, насчитывающее от 1570 до 2500 знаков, из которых прочитано около шестисот. Несмотря на трудности чтения надписей удалось установить, что находки в Сяо-туне относятся ко времени династии Инь (Шан), т. е. к XVIII—XII векам до н. э. Таким образом, ранее бывший полулегендарным, период формирования классового общества Китая становится теперь историческим.

Много ценных сведений для следующего после Инь периода Чжоу дают надписи на бронзовых предметах, находимых на дне рек, куда они были брошены при Цинь-Ши-Хуанди в III веке до н. э. Надписи на бронзе имеют большое значение для истории. Памятников архитектуры, кроме остатков древней столицы Шан, найдено не было; древнейшие постройки относятся к первым векам нашей эры.

Открытие в 1931 году в окрестностях Бейпина синантропа, затем находка стоянок, восходящих к периоду Ориньяка и Мадлена в долине Хуан-хэ, а также у подножия Инзеншаня, находка японскими археологами неолитических стоянок в Северном Китае, раскопки Андерсона и Арне в 1921 году, открывших энеолит в Ганьсу, Хэнани и Южной Маньчжурии, и, наконец, раскопки Национального китайского исследовательского института истории, открывшие в 1928 году энеолитическую культуру, — все это дало нам обильные сведения по археологии Китая. Открытие целого ряда памятников подтверждает и уточняет те сведения, которые дает богатейшая историческая литература Китая.

На основании материала, который давали археологические раскопки и экспедиции в 80-х годах XIX века, начали создаваться исторические труды, посвященные истории Египта, Вавилонии, а также и всего древнего Востока. Кроме известных трудов Эд. Мейера «История древнего мира» и Г. Масперо «История народов древнего Востока», надо указать на «Историю Вавилонии» английского ассириолога Кинга и «Историю Египта» американского египтолога Брэстеда, труды которых очень ценны благодаря приведенному в них обильному фактическому материалу. Насыщен ценными фактическими данными также большой труд Б. А. Тураева «История древнего Востока».

Список египетских царей в храме Сети I в Абидосе.

ГЛАВА IV

ХРОНОЛОГИЯ

История древнего Востока обнимает много стран и народов на протяжении нескольких тысячелетий. История этих народов отделена от нашего времени десятками веков. Это создает ряд трудностей для исследователей при установлении точной хронологии для древнего Востока. Отрывочные сведения, которые имеются в распоряжении науки, заставляют использовать самый разнообразный материал, могущий хотя бы косвенно притти на помощь. Между тем хронология необходима, чтоб разместить исторические события во времени, установить их последовательность, что часто оказывается решающим моментом для понимания этих событий, поскольку они связаны между собою цепью причин и следствий, вытекая одно из другого. Мы ознакомимся здесь кратко, каким материалом оперирует историк и какими методами устанавливается древневосточная хронология.

Летосчисление в древности. Много трудностей представляет то обстоятельство, что древневосточные народы не имели непрерывного твердого летосчисления, какой-либо эры: они исчисляли годы просто по тем событиям, которые были наиболее значительными в данном году, и давали ему название. Например, для первой вавилонской династии мы имеем такие названия годов, как «год завоевания Урука и Исина» или «год, когда канал (такой-то) был выкопан». Такие же названия годов встречаются в Египте и в других странах. Эта датировка дает перечень главнейших событий, что представляет большой интерес для историка, но это сильно затрудняет работу, так как не дает возможности по разрозненным документам установить последовательность событий и годов. Особенно трудное положение создается для древнейшего времени, когда еще не объединенные города (например, древнего Шумера) имели свое самостоятельное летосчисление.

В Египте, уже в Древнем царстве, годы стали считать по тем событиям, которые происходили периодически. Таким событием были переписи земли и скота для взимания налогов; эти «счисления», как называли их в Египте, производились сначала раз в два года и годы назывались тогда, например: «год второго счисления» или «год после четвертого счисления», и с каждым новым царствованием этот порядок начинался сначала. Затем, когда «счисления» стали происходить ежегодно и таким образом совпадали с годами царствования, летосчисление производилось по годам правления царя; с вступлением на престол другого царя летосчисление начиналось снова.

В некоторых странах, где царская власть не имела такого большого значения, как в Египте и Вавилонии, годы получали свое название по именам специальных чиновников-эпонимов, как, например, в древнейшей Ассирии, где такими чиновниками были «лимму». Подобное летосчисление мы встречаем в Афинах, где годы назывались по именам архонтов-эпонимов, или в Риме, где годы назывались по именам консулов, ежегодно сменявшихся.

Отсутствие эры. Отсутствие эры не всегда дает возможность выяснить последовательность событий. Только иногда появляются такие эры, но на сравнительно короткий период. Так, например, царь Элама Римсин считал для себя очень важным событием взятие в тридцатый год своего царствования города Исина, и следующие за тем годы назывались, например, «год 2-й после того, как Исин был взят», и т. д. Эта «эра» продержалась в течение тридцати лет, до конца царствования Римсина. Такие эры мы имеем и для Египта: например, «эра Сета», установленная гиксосами и просуществовавшая по крайней мере в течение четырехсот лет, и другие. Но эти эры были кратковременны.

Отсутствие эры требует от хронолога прежде всего установления по возможности полного списка царей, поскольку летосчисление ведется по годам царствования; это дает нам основную схему, в которой укладываются все события. Для Египта и Вавилонии мы имеем списки Манефона и Бероса, но, переданные через третьи руки, эти списки сильно искажены как в именах, так и в датах. Однако сличение списков, известных из других памятников, дает возможность проверить списки Манефона и Бероса и тем самым устранить указанные ошибки.

Царские списки Египта. Для Египта мы имеем несколько царских списков, дошедших до нас на стенах храмов Карнака, Абидоса, Саккара. В них перечислены не все цари—а только те, которые в той или иной мере были причастны к данному храму своими постройками или жертвенными дарами.

Большое значение для нас имеет знаменитый «Туринский царский папирус», найденный Дроветти в одной из фиванских гробниц. Здесь указана продолжительность лет жизни и царствования каждого царя, причем имена сгруппированы в династии с указанием общей суммы лет их правления. К сожалению, папирус дошел до

нас в сильно фрагментированном виде, что снижает его ценность.

Таким образом, у нас нет полных царских списков Египта; поэтому необходимо восполнить пробелы списков, собирая порознь отдельные царские имена, встречающиеся на различных памятниках. И перед историком стоит задача восстановить эти списки, дополнив их именами царей, встречающихся на памятниках.

Царские списки Вавилонии. Несколько лучше обстоит дело со списками царей Вавилонии и Ассирии (хронология этих стран, так же как и их история, тесно переплетается). Кроме истории Бероса, начинающейся со времен «до потопа» и заканчивающейся Александром Македонским, мы располагаем еще рядом списков царей. Царям древнейших династий даются, конечно, самые невероятные цифры; так, например, первая династия, после «потопа», из Киша имела 23 царя, правивших 24 510 лет 3 месяца и $3^1/_2$ дня. Наибольшую ценность представляет «Список А», перечисляющий всех царей от первой вавилонской династии до начала халдейской династии, т. е. XXII до VII века до н. э., разделяя царей на десять династий. Он сохранился довольно хорошо, хотя и имеет существенный пробел — отсутствуют данные для VIII династии. Если можно установить время для IX и X династий, то перерыв в VIII династии лишает нас этой возможности для других династий. Такие же затруднения стоят при III (касситской) династии, так как список царей в этом месте испорчен и порядок их следования установить трудно.

Хронология Вавилонии и Ассирии. Когда в общих чертах решена задача восстановления царских списков, встает вопрос о продолжительности отдельных царствований и династий. Для стран Двуречья этот вопрос решается на основе исчислений александрийских астрономов, которые взяли за исходный пункт царствование вавилонского Набонасара, и, основываясь на вавилонских астрономических наблюдениях, установили «эру Набонасара», начиная ее 26 февраля 747 года до н. э.

Исходя из этого, можно установить, что X династия «Списка А» была в 731—626 годах, а IX династия в 753—732 годах. Так арифметическим путем мы могли бы вычислить время для каждой династии, но пробел в датах VIII династии препятствует этому. Это препятствие преодолевается при помощи некоторых других данных. Прежде всего, мы имеем указание на солнечное затмение, происшедшее, как можно вычислить, 15 июня 763 года до н. э.

Затем мы имеем возможность сделать некоторые выводы из списков ассирийских эпонимов. До нас дошло пять таких списков, охватывающих период с 893 по 666 год. Из данных этих списков мы получаем отдельные даты, которые могут быть взаимно проверены.

Большую помощь оказывают также некоторые показания ассирийцев о древних временах. Из этих дат можно вычислить начало III (касситской) династии, даты VIII династии и I династии, которая правила, согласно этим данным, с 2428 по 2129 год.

Так обходным путем установлена продолжительность VIII династии и установлены даты для всех династий.

Но даты для I династии могут быть несколько ниже, если предположить, что II династия правила только на юге, в Приморской стране, и была одновременной с I династией. Существует и другое мнение, основанное на астрономических данных, когда даты I династии отодвигаются на 165 лет выше. Эти исчисления произведены Куглером, который исходил из древних показаний о наблюдении восхода и захода Венеры в связи с фазами луны.

Таким образом исследователи еще не пришли к единому мнению в вопросе о хронологии I династии. В дальнейшем мы будем придерживаться одной из существующих хронологических систем и будем считать I вавилонскую династию правившей в 2169—1870 годах.

Хронология до-вавилонского периода, времени Шумера и Аккада, восстанавливается по царским спискам (упомянутым выше) арифметическим путем, и за исходный пункт принимаются даты I вавилонской династии. В некоторых случаях эти даты могут быть проверены. Например, ассирийский царь Ашшурбанипал при покорении Суз (в 645 году) сообщает, что он вернул в Урук статую богини Нанаи, которую эламитяне захватили 1635 лет до того. Отсюда мы можем установить, что в 2280 году (в круглых цифрах около 2300 года) Шумер подвергся разгрому со стороны Элама, и этим кончилась III династия Ура. Такие указания дают возможность проверить отдельные даты, но все же они для третьего тысячелетия очень приблизительны, и возможны колебания в ту или другую сторону на 50 лет.

Хронология Египта. Что касается хронологии Египта, то неполнота царских списков и отсутствие эры направило внимание исследователей к восстановлению полного списка царей и династий; тогда становится возможным в некоторых случаях установить длительность отдельных периодов. Но в наших знаниях остаются все же большие пробелы для темных периодов между Древним и Средним царствами, а также между Средним и Новым. Здесь на помощь хронологии приходит астрономия, когда благодаря особенностям египетского календаря становится возможным вычислить даты, являющиеся опорными пунктами для отдельных периодов.

Египетский календарь и период Сотиса. Египетский календарь представляет из себя простейший природный календарь, где начало года совпадало с началом разлива Нила. Год имел 365 дней (теоретически), но фактически совпадал с идеальным солнечным годом, так как новый год начинался не с определенного часа, а с наступлением дня нового года; таким образом недостача $^1/_4$ суток оставалась незаметной. Но с течением времени, может быть уже в Древнем царстве, было замечено, что в день нового года происходит утренний восход Сириуса (егип. Сотис), и это явление было взято за основу календаря. На широте Мемфиса (30° сев. шир.) утренний восход Сириуса происходил 19 июля по юлианскому календарю; это и был день нового года. Год был разделен на 12 месяцев по 30 дней и к 360 дням года добавляли 5 дней «сверхгодичных» (эпагомены). Так получился год в 365 дней, который расходился с солнечным на $^1/_4$ суток в год — ошибка, которая в юлианском календаре исправляется високосным годом. Египтяне не знали високоса,

и потому расхождение между гражданским годом и солнечным должно было нарастать в течение каждых 4 лет на 1 сутки, в течение 120 лет на 1 месяц, а в течение 1460 лет на 1 год, т. е. через 1460 солнечных (или через 1461 гражданских) лет снова происходило совпадение календарей и снова Сотис восходил в день нового года. Этот период в 1460 лет получил название «периода Сотиса».

Египтяне наблюдали движение Сотиса в своем календаре, так как восход его связан был с разливом Нила. Мы знаем об этом из некоторых текстов, например, в одном папирусе из Кахуна, времени XII династии, даются указания о времени восхода Сириуса; такие же сведения мы имеем для XVIII династии.

Первое указание на восход Сириуса в день нового года относится к 139 году н. э., согласно свидетельству римского писателя III в. Цензорина. Исходя из даты Цензорина, мы можем легко вычислить, когда происходило начало периода Сотиса в древнее время, путем вычитания 1460 лет. Так мы получаем следующие годы, как годы начала периодов Сотиса:

139 г. н. э., 1321 г. до н. э., 2781 г. до н. э., 4241 г. до н. э. и т. д.

Из данных египетских документов мы можем сделать дальнейшие вычисления. Кахунский папирус, например, указывает, что в седьмой год царствования Сенусерта III восход Сириуса праздновался в 16 день 8-го месяца, т. е. в 225-й день года. Отсюда ясно, что для расхождения египетского календаря относительно солнечного на 225 дней потребовалось 900 лет (225 × 4). Если мы будем исходить из даты 2781 года, как ближайший к XII династии, то получим 1881 год до н. э., как седьмой год царствования Сенусерта III (2781 — 900 = 1881), а начало XII династии определяется добавлением 119 лет правления предыдущих царей, т. е. 2000 годом до н. э.

Некоторые исследователи, растягивая период между Средним и Новым царствами почти на 1500 лет, исходят для исчисления даты XII династии из 4241 года и относят начало XII династии к 3460 г. до н. э. Но сторонники этой «длинной» хронологии не находят поддержки у других специалистов, придерживающихся «короткой» хронологии.

Таким же путем вычислено начало XVIII династии как 1584 год. Пользуясь этим методом, некоторые (Эд. Мейер, а за ним и другие) считают 4241 год годом введения календаря. Но это едва ли возможно, так как для определения расхождения календаря требуются длительные астрономические наблюдения, что возможно только при наличии письменности. Между тем 4241 год отдален от начала I династии (когда мы видим лишь зачатки письма), более чем на 1000 лет.

Для хронологии Древнего царства большое значение имеют анналы, которые впервые стали известны из надписи на камне, хранящемся в Палермском музее; впоследствии было найдено еще несколько фрагментов таких анналов. Здесь мы имеем погодовую запись от I династии до середины V династии, когда эта летопись была составлена. К сожалению, памятник сохранился плохо, дошла до нас только десятая его часть. Благодаря работам ряда исследователей размеры камня могут быть восстановлены в первоначальном виде, что имеет большое значение для детализации хронологии Древнего царства. Интересно, что многие данные, например, продолжительность правления отдельных царей, совпадают с данными Манефона.

Для Древнего царства даты Сотиса не зарегистрированы, и потому это время отделено от Среднего царства неизвестным промежутком, продолжительность которого может быть исчислена лишь приблизительно.

Надо считать хронологию древнего Египта установленной более или менее точно начиная со Среднего царства. В настоящее время

больших расхождений в датах не наблюдается, и работа ведется по линии уточнения и детализации.

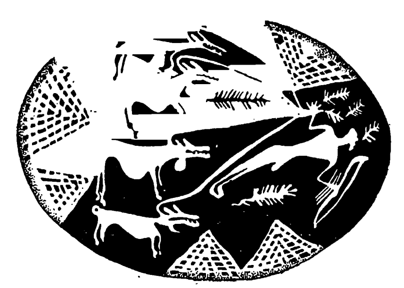
Для хронологии Египта привлекаются зачастую совсем, казалось бы, посторонние документы, не имеющие к хронологии никакого отношения. Так, для проверки наших вычислений, основанных на периодах Сотиса, могут быть использованы указания текстов о времени рудничных работ в медных копях Синая или экспедиций в каменоломни Хаммамата, так как эти работы производились только в известное время года. Используются также указания текстов о времени разлива Нила или о сельскохозяйственных работах (например, об уборке льна и т. д.).

Хронология других стран древнего Востока. Когда таким образом установлен костяк хронологии Двуречья и Египта, то встает вопрос о синхронизме этих двух систем в тех пунктах, где эти страны соприкасаются наиболее тесно, а также встает вопрос о хронологии других стран Востока, поскольку мы не имеем данных для решения этого последнего вопроса на местном материале.

Тесная связь между многими странами Востока возникает в XV веке и хорошо известна преимущественно из переписки между царями этих стран с египетскими фараонами XVIII династии Аменхотепом III и Эхнатоном. Телль-амарнский архив, сохранивший эту переписку, сообщает о связи Египта с Вавилонией, Ассирией, Митанни, хеттами и многими городами Сирии, Финикии и Палестины. Таким образом, здесь мы имеем целый узел нитей, расходящихся во все стороны, что дает нам возможность установить ряд твердых пунктов хронологии.

Египетский царь Эхнатон, например, был современником вавилонского (касситского) Бурнабуриша, ассирийского Ашшурубаллита, хеттского Суппилулиумы и т. д. Такие «мостики» перебрасываются от времени до времени между разными странами; например, вавилонская хроника о хеттском завоевании 1870 года, в результате чего пала I вавилонская династия, сообщает, что «во время Самсудитаны хетты пришли в Аккад», а теперь из Богазкеойского архива нам известно, что этим хеттским завоевателем был царь Муршиль. Имея, таким образом, две твердых даты (для Муршиля и для Суппилулиумы), мы можем решить вопрос хеттской хронологии. Подобные примеры можно было бы еще продолжить. Особенно много их для I тысячелетия, когда решающее слово принадлежит датам ассирийских завоевателей. На основе ассирийского материала устанавливается хронология тех стран, с которыми имела дело Ассирия, прежде всего хронология Урарту, Сирии, Финикии, Палестины, Ирана. Мы видели уже, что большое значение ассирийский материал имеет и для хронологии Вавилонии.

Таким образом, преодолевая все трудности, используя каждую мелочь, исследователи приходят к более или менее твердой хронологической схеме, в которой располагаются исторические события.



Египетский архаический сосуд с изображением охоты. Гос. Музей изобразительных искусств.

ГЛАВА V

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Первые страницы истории древневосточных обществ стали нам известны сравнительно недавно. До 80-х годов прошлого столетия нам был знаком лишь период, зафиксированный в письменных источниках, соответствующий уже классовому обществу. Это объяснялось не только отсутствием памятников соответствующих эпох, но и всей направленностью сравнительно еще молодых специальных дисциплин: египтологии и ассириологии. Они первоначально целиком были заняты дешифровкой новых неизвестных систем письма, а затем филологической разработкой огромных собраний текстов, содержавших подчас чрезвычайно большие трудности для исследователя, собиранием, описанием и изданием различных памятников материальной культуры и особенно искусства, начало чему было положено в Египте еще во время военной экспедиции Наполеона или в Месопотамии раскопками французского консула Ботта.

Долгое время исследователи древнего Востока утверждали, что совокупность элементов культуры египетского классового общества в развитом виде была принесена в долину реки Нила волной восточных переселенцев. При этом, как это ни странно, перед исследователями совершенно не вставал очевидный и необходимый для нас вопрос, действительно ли в нашем распоряжении имеются факты, что где-то на Востоке — в Азии имелись более благоприятные естественно-исторические условия для достижения высокого уровня развития производительных сил и соответствующих производственных отношений.

Умами исследователей настолько овладела гипотеза об аравийском «культурном очаге», давшем в результате ряда миграционных волн почти все общества древнего Востока, во всяком случае два основных — египетское и вавилонское, что этапы развития, именовавшиеся «доисторическими», и не ставились в порядок исследования. В значительной мере это, конечно, объяснялось состоянием

источников. Историк имел перед собой в памятниках, которые он считал самыми древними, уже довольно высокий уровень развития общества с относительно высокой техникой ирригационного земледелия, металлургии, строительного дела, с крупными памятниками архитектуры и скульптуры, сложившейся системой письменности, с развитой политической жизнью и религиозной идеологией и т. д. И, естественно, при отсутствии более древних источников чрезвычайно соблазнительно было отнести все это за счет приноса в готовом виде миграционной волной, которая бесследно потопила жалкие культурные достижения коренных жителей страны.

Находки новых памятников материальной культуры, которые должны были бы восполнять для историков пробелы раннеисторических эпох, вследствие установившейся точки зрения либо отрицались, либо получали предвзятое определение, либо опять-таки их объяснение сводилось к миграциям. Так было с крупнейшим египтологом Р. Лепсиусом, который при открытии кремневых орудий в Египте сначала решительно высказался против их принадлежности египетскому обществу, а затем восстал против предположения о существовании так называемого «каменного века» — ранних этапов развития первобытно-общинного строя в Египте. Известный археолог Флиндерс Петри, открыв первые архаические некрополи Египта, дававшие как раз одно из недостающих ранних звеньев истории египетского общества, отнес их к Среднему царству и определил как чуждый варварский элемент. Французский археолог Жак де Морган, открывший богатейшие памятники раннединастического периода в Египте, при помощи формально-типологического анализа устанавливал происхождение египетского общества из Передней Азии.

В настоящее время ряд археологических открытий, начавшихся еще с раскопок в 80-х годах прошлого столетия Амелино и Моргана и кончая последними раскопками 1924 года в Фаюме, совместно с археологическим обследованием на территории всей Африки, позволяет нам представить в общих чертах древнейшие этапы развития общества Египта до его оформления в рабовладельческую деспотию эпохи классового общества, так называемой эпохи строительства пирамид.

Нужно отметить, что материалы, которыми мы располагаем, до сих пор еще не представлены в желательном полном виде. У нас нет еще достаточного количества находок из всех пунктов Нильской долины, особенно из областей Нижнего Египта, которые позволили бы развернуть непрерывную в своей полноте картину смены различных этапов первобытно-общинного строя. Кроме того, археологические материалы, на основании которых мы восстанавливаем картину этих отдельных эпох, лишь единичными исследователями, напр. Море или Ньюберри, разбирались с исторической точки зрения, с привлечением сравнительного археологического материала тех же эпох, этнографических и языковых данных. Но,

тем не менее общая картина рисуется достаточно ясно: жизнь народов древнего Востока не представляет собою какого-либо коренного отличия в едином пути развития человеческого общества. Древнейшие ступени их развития являются лишь частями единого пути развития, общего всем народам в эпоху первобытно-общинного строя, и наиболее полно, пожалуй, эту картину можно наблюдать на примере Египта.

Условия естественной среды в древнейшие эпохи первобытно-общинного строя. Предварительно необходимо представить себе условия естественной географической среды тех отдаленнейших эпох, в которых происходило развитие первобытных обществ древнего Востока. В настоящее время области северной Африки, Египта, Аравии, Палестины, Сирии и Месопотамии, все без исключения страдают от засухи, от чрезвычайно скудного количества осадков. Основная часть этой территории безводна, лишена растительности и покрыта песчаными пустынями. Население ютится вдоль небольшой прибрежной полосы Средиземноморья и по долинам рек, где создаются необходимые условия для земледелия только при сложной системе искусственного орошения. Возможна также жизнь и в небольших зеленых островках пустынь — оазах. Циклоны с Атлантического океана, обеспечивающие выпадение осадков в северной и центральной Европе, достигают теперь Средиземноморья лишь в зимнее время, причем огромные безводные пространства пустыни Сахары ими совершенно не захватываются. Эти же зимние циклоны в значительно ослабленном виде достигают и Месопотамии, но горные области Палестины и Сирии задерживают основную массу осадков и их получает в достаточном количестве лишь северная Сирия.

Таковы же были климатические условия областей древнего Востока около четвертого тысячелетия до нашей эры, когда там сложилось классовое общество. Но они чрезвычайно отличны от тех условий, в которых общество проходило первые этапы своего развития. В то время как северная Европа сковывалась оледенениями, горные кряжи Альп и Пиренеев посылали ледниковые потоки на прилежащие к ним области и ландшафт представлял собою тундру, — атлантические циклоны шли значительно южнее. Являющиеся теперь достоянием средней Европы и Средиземноморья (в последнем лишь в зимнее время), они в ту эпоху проносились над территориями современной пустыни Сахары, Аравийской пустыни, через долину Двуречья, вплоть до плоскогорья Ирана. Обильные дожди выпадали круглый год и давали возможность безжизненным в настоящее время пространствам обладать богатейшей флорой и фауной.

Обильные периоды дождей рождали бурные потоки, которые устремлялись к низинам, впадинам и, пробивая себе сток к морю, образовывали озера, болота, реки. Так, например, современные сухие ущелья «вади», примыкающие к Нильской долине с запада и востока, со стороны Ливийской и Аравийской пу-

стынь, представляют собой не что иное, как высохшие русла рек, которые некогда впадали в Нил.

Вместо тундры и сухих степей, на которых ветры образовали в Европе лёссовые отложения, где бродили мамонт и северный олень, для северной Африки, Аравии, Персии мы вправе предположить леса и саванны с фауной, которая находится сейчас на юге Африки (например, в области Родезии). Европейским периодам оледенения здесь, возможно, соответствовали периоды дождей. Североафриканские современники охотников на мамонта охотились на территории современных пустынь на мавританского носорога, африканского слона, гну, буйвола, дикого быка, зебру, дикого осла; им приходилось бороться со львами, пантерами, медведями, пещерными гиенами и шакалами. Саванны и предгорья Африки и Передней Азии имели не меньше населения, чем Европа той поры.

Древнейшие каменные орудия. Многочисленные находки по всей северной Африке, начиная с Марокко и кончая Египтом, и далее в Палестине и Сирии говорят, что сначала выделывались из кремня, главным образом, ручные ударники, служившие первым искусственным орудием человека. По своей форме и сколотой технике они целиком совпадают с найденными в Западной Европе, где они относятся по технике своей выработки к шелльскому и ашёльскому типам нижнего палеолита. В основе хозяйства этих первых обитателей саванн лежала охота. В отношении своей социальной организации они должны были представлять собой средний этап дикости. Речь на данном этапе развития не была еще звуковой, а кинетической. Она состояла из комплекса телодвижений, мимики, жестов и выкриков.

Орудия более развитого, мустьерского типа, которые характерны в Европе для обществ эпохи длительного оледенения, имели широкое распространение в районах древнего Востока. В Сирии они как раз находятся в геологических слоях, относящихся к периоду дождей. До сих пор мы имели лишь три случая находки костных остатков человека палеолитической эпохи. Но и эта находка, сделанная в Палестине, указывает, что население имело тот тип человека, который свойственен для этих эпох большинству мест земного шара, тип так называемого неандертальца. Недавно в южной Сирии были найдены еще одиннадцать погребений уже очень развитого типа неандертальцев. Дальнейшие исследования, несомненно, дадут нам подобные находки и на территории северной Африки. Уж на примере техники выделки орудий типа мустье мы видим, что общества древнего Востока идут быстрее в своем развитии и производят значительно больше типов орудий, чем в Европе. В Малой Африке (так называется часть северной Африки) вырабатывались чрезвычайно тонкие наконечники для стрел и дротиков, что позволяло охотнику иметь более совершенные орудия. Одновременно с этой индустрией, называемой археологами атерийской, а может быть и несколько ранее, встречаются орудия лавролистной формы с двусторонней обработкой, близкие солютрейскому типу. Обще-

ство этого периода должно было обладать древнейшими формами естественного разделения труда и группового брака.

От эпохи верхнего палеолита имеются особенно богатые источники из северной Африки, которые показывают крупный прогресс общества. Индустрия верхнего палеолита в странах древнего Востока показывает дальнейшее расхождение с Европой. Новые типы орудий, которые имеют общее лишь с Испанией, носят по месту своей первоначальной находки имя «капсийской культуры» (от Гафса в Тунисе). Все орудия капсийского типа сделаны из кремневых пластин. Орудия производились самых разнообразных форм и назначений: резцы, различные скребки, проколки и т. д. В отличие от Западной Европы, до настоящего времени мало найдено изделий из кости. Но все же в одной пещере на склонах Ливана найдены костяные гарпуны. Уже в эту эпоху начинает подвергаться обработке скорлупа страусовых яиц, из которых выделываются подвески. Все эти предметы в северной Африке и Сирии были найдены преимущественно в пещерах или под скалистыми навесами, а в южном Алжире и в Египте — в огромных кучах так называемых «кухонных остатков» вместе с раковинами улиток и пресноводных моллюсков. В этих же кучах обнаружены кости тех животных, которые употреблялись в пищу охотниками. Орудиям этого типа, найденным в Нильской долине (например, в илистых отложениях равнины Ком-Омбо), присвоено название верхнесебильской индустрии. В Кау, около Сиута, и в илистых отложениях Ком-Омбо были сделаны первые находки костных остатков верхнепалеолитического человека Египта. Физическое строение его было близким к додинастическим обитателям Египта типа современного homo sapiens (разумного человека).

Наскальные изображения. Исключительным по своей ценности для историка является другой ряд памятников материальной культуры: это наскальные изображения, которые в большом количестве были обнаружены на территории всех пустынных пространств, где в настоящее время нет никаких признаков жизни: в Марокко, Алжире и особенно Тунисе, в Восточном Судане, в Нубии и Аравии. Исследования ряда ученых (Фламана, Фробениуса, Кюна и Ньюбольта) показывают, что скальные рисунки отнюдь не представляют собою единой по происхождению группы. Они относятся к самым различным эпохам, доходя до наших дней, но одну группу мы с полным правом можем считать палеолитической и по времени совпадающей с капсийской индустрией, которая была обнаружена около этих скальных рисунков. Эти рисунки дают нам реалистические изображения фауны той эпохи, от которой теперь в этих районах не осталось и следа: слонов, леопардов, древнего буйвола и т. д.

Появление лука и стрел. В эту эпоху народы древнего Востока находятся уже на стадии сравнительно развитого охотничьего общества, совершается переход от средней к высшей ступени дикости. Найденные орудия свидетельствуют, что охотник имел в своем распоряжении лук со стрелами, метательные палицы, дротик и копья.

Охота на крупных зверей, как, например, слона или льва, несомненно производилась путем коллективной облавы. Наряду с этим выступает уже и индивидуальная охота. Внутри коллектива устанавливается развитое естественное разделение труда по полу и возрасту. На долю взрослых мужчин коллектива выпадает охота, а на долю женщин и подростков — собирательство. Дальнейшее развитие брачных ограничений приводит к образованию новых форм группового брака, на основе которого развивается материнский род. Увеличение населения приводит к тому, что отдельные коллективы не выходят за границы известной территории, в пределах которой они кочуют, добывая себе путем охоты и собирательства средства к существованию. Охотничьи стоянки у водных источников приобретают более длительный характер и, может быть, определенные места внутри охотничьей территории получают относительно постоянный характер, чем и объясняются огромные скопления «кухонных остатков». На данном этапе кинетическая речь, как древнейшая система общения и материальное выражение первобытных форм сознания, сменяется уже новым видом языка — звуковой речью.

Религиозные верования. Из древнейших форм религиозных верований, порожденных бессилием человека в борьбе с природой, по скальным рисункам можно проследить магические обряды, а также, вероятно, тотемические представления. Магические обряды тесно связаны с производством. Маскировка под объект охоты по своему характеру тождественна с известным южноафриканским рисунком охоты бушменов на страуса. Так, на одном рисунке изображена на голове охотника, подкрадывающегося к дикому быку, маска в виде головы быка. На другом рисунке две мужские фигуры в масках стоят в позе поклонения перед буйволом, который, как известно из сравнения с одной сказкой кабилов, считается у кабилов своего рода охотничьим божеством. Ряд скал с рисунками представляет собой, повидимому, места, около которых происходили тотемические церемонии. Отдельные общественные группы ведут свое происхождение от тотемического предка какого-либо животного, растения и т. д. и носят его название, которое впоследствии перейдет к родовым патриархальным коллективам, как это мы увидим дальше на примере Египта.

Антропологически люди этого периода в основной своей массе принадлежали уже к так называемой «средиземноморской расе». Негроидные типы могли проникнуть отсюда и в Европу, о чем говорит нам находка человеческих остатков в гроте Гримальди на Ривьере.

В конце этой эпохи мы видим, что Африка идет впереди палеолитических культур Западной Европы. Есть данные за то, что к концу этой эпохи человек уже имел в качестве прирученного животного собаку и, возможно, начиналось уже одомашнивание барана, так как на скальных рисунках имеются изображения нескольких культовых баранов с ошейниками.

К концу палеолитической эпохи происходят великие изменения

климатических условий. Ледники в Европе отступают на север, и в связи с этим наступает географическое перемещение атлантических циклонов. Полоса обильных дождей начинает все дальше и дальше отходить на север, к Средиземноморью и в центральную Европу, в результате чего закономерно начинается процесс высыхания огромных областей. Растительность гибнет, животный мир отступает на юг и на север, вместе с человеком он занимает образующиеся оазы, области, прилегающие к озерам, перекочевывает к орошенным местам речных долин.

Начало оседлости и земледелия. Общества древнего Востока переходят в эту эпоху к варварству, и в их экономической жизни происходят значительные изменения. Люди переходят к приручению животных, их разведению и начинают в весьма примитивной форме разводить полезные растения.

На территории Египта от этого периода у нас нет достаточно археологических материалов, но мы с полным правом можем воспользоваться этнографической параллелью для того, чтобы представить себе уровень развития общества.

Немецкий исследователь Бурхардт в начале прошлого столетия оставил нам описание народности хадендоа из местности Тана в Верхней Нубии. Естественные условия, в которых жила эта народность, являются теми же, которые в эпоху неолита должны были существовать в современных Ливийской и Аравийской пустынях, окружающих долину Нила. Хадендоа находились на промежуточной стадии между оседлостью и кочеванием. Обычно в конце июня населяемая ими область наводнялась в течение сорока дней потоками с юга и юго-запада, причем через месяц после этого земля бывала на метр покрыта водой, и они тогда уходили в равнину, расположенную на западе. За периодом наводнения обычно следовали обильные ливни, которые по сравнению с наводнением запаздывали на несколько недель. Схлынувшие воды оставляли на поверхности земли толстый слой ила, который представлял собой первобытную пашню земледельца. Никакой предварительной обработки земли перед посевом земледелец не знал. Единственный злак — просо — бросался в незасохший слой ила, и этим ограничивался процесс посева. Когда урожай снимался и земля мертвела под палящими лучами солнца, население перекочевывало на восток, где на границе затопляемой области располагались временные поселения, а скот угонялся в предгорья и на пастбища долин, в места, снабженные водными источниками. После окончания следующего наводнения они перекочевывали со скотом обратно и оставались там до снятия нового урожая. В основе общества этого типа все же лежит скотоводство.

Поселение между Меримде Бени-Саламе и Вардан. Близкую к этому картину дают последние археологические находки в Нижнем Египте. Там в западной дельте, между современными местечками Меримде Бени-Саламе и Вардан, Юнкером было обнаружено большое поселение, остатки которого занимают площадь около трех

квадратных километров. Раскопки дают картину уже оседлого общества с земледельческим хозяйством. Население имеет хижины жилого и хозяйственного назначения. По своей конструкции они двух типов: плетеные из тростника с деревянной основой и овальные в своей базе, сложенные из сырца, т. е. кирпича, высушенного на солнце, и с крышей из тростниковых цыновок. Хижины имели глинобитный пол с вкопанным в центре сосудом, который служил для стока воды, просачивающейся в хижину. Вход в хижины находился на некоторой высоте, что вынуждало иметь в стенах ступенчатые уступы. Очаги, иногда выложенные кирпичами, находились снаружи хижин. Тут же стояли подставки для сосудов больших размеров, в которых варилась пища, здесь же находились каменные ручные зернотерки и другой хозяйственный инвентарь. Между хижинами располагались врытые в землю корзины с плетеными крышками, служившие зернохранилищами. В них были найдены зерна полбы. Специальных загонов для домашних животных не было обнаружено, но найденные кости говорят о разведении крупного рогатого скота, а также овец и свиней. Несомненно, скотоводство играло большую роль. Посевы, конечно, производились на естественно орошаемых землях. Орудия труда обслуживали все потребности хозяйственной жизни: охоту, рыболовство и земледелие. Наряду с наконечниками стрел и дротиков из кремня выделывались лезвия для пил, которые иногда достигали четверти метра, а также лезвия для серпов, вставляющиеся в деревянную оправу. Копательным земледельческим орудием, повидимому, продолжала оставаться палка — копалка. Одежда представляет собой не только сшиваемые шкуры, но и ткань, о чем свидетельствуют найденные необожженные глиняные прясла. Гончарное ремесло имеет весьма разнообразную продукцию как по форме, так и по технике: черные, красные и черно-красные сосуды, полированные, лощеные и с грубой поверхностью. Все они еще делались без помощи гончарного круга. Развившаяся техника позволила начать обработку базальта и других твердых пород камня, из которых стали выделывать полированные топоры и шаровидные булавы.

В социальной организации общества Египта этой эпохи совершается переход от материнского рода к отцовскому, причем ранний патриархальный род сохраняет сильные еще пережитки материнского права. Религия в этот период уже носит анимистический характер (вера в духов и душу, культ предков), что видно и из факта нахождения на территории поселения погребений со скорченными костяками.

Поселение в Фаюме. Сходную картину дают раскопки английской археологической школы на краю Фаюмского оаза. Здесь на берегу озера также были открыты остатки неолитического поселения, жители которого занимались земледелием, скотоводством и рыболовством. В нем все зернохранилища представляли собой большие ямы, выложенные соломой и сосредоточенные в одном месте.

Указанный факт говорит о формах коллективного владения и распределения зерновых запасов родовой общины. Большой удельный вес в хозяйстве играло рыболовство, о чем говорят многочисленные рыболовные орудия из кости.

Обмен. Между родовыми поселениями начинает происходить обмен отдельными предметами. В Фаюме были найдены украшения из раковин, несомненно средиземноморского происхождения, а возможно и из Красного моря. Ряд менее значительных находок эпохи раннего патриархального общества был сделан и в других местностях Египта, например, в Туке, Абу-Галибе, Хелуане и других местах.

Поселения в Бадари. Дальнейшее развитие общества рисуется нам находками в Бадари в Верхнем Египте. Поселения были расположены здесь на краю долины, где обрывались скалы и росли высокие деревья, исчезнувшие в последующие эпохи. Корни этих деревьев были найдены в остатках хижин и могил. Для рубки их и предназначались каменные полированные тесла, которые вместе с гибелью этих деревьев вскоре исчезают и вновь появляются среди орудий значительно позднее. По найденным зернам можно судить, что сеялись полба и ячмень. Техника обработки кремневых орудий достигает в эту эпоху чрезвычайно высокого уровня, как это показывают лавролистные остроконечники. При производстве глиняных сосудов сохраняются в орнаментике и форме образцы предшествовавших плетеных сосудов и кожаных мехов, служивших, вероятно, и в эту эпоху пастухам для ношения воды. Из Бадари до нас дошел образец метательного оружия типа бумеранга, служившего, повидимому, при охоте в болотистых зарослях на водяную птицу. Техника обработки камня делает дальнейшие успехи — появляются конические сосуды из базальта. Чрезвычайно разнообразен набор украшений: носятся страусовые перья, ожерелья из бус кварца, полевого шпата и морских раковин. Производятся ручные браслеты из раковин. Палочками из мягких пород камня, повидимому, протыкаются ноздри и мочки ушей, из слоновой кости выделываются головные булавки с изображением птиц и т. д. На алебастровых и шиферных палетках растирается малахит, которым подкрашиваются глаза.

Появление металла. Украшения дают нам очень важное свидетельство о появлении металла, пока лишь в виде медных трубчатых бус. Обмен в этих родовых обществах получает далекое территориальное распространение. Малахит и медь должны были получаться с севера, с Синайского полуострова, а морские раковины — с востока, с побережья Красного моря.

В религии прочно закрепляются верования в потустороннее существование. Мертвец уже не просто зарывается в пустую могильную яму, но кладется в вытянутом виде — завернутый в цыновки и козлиные шкуры, в сопровождении разнообразного инвентаря, необходимого для поддержания его потустороннего существования. Ему кладутся в могилу женские статуэтки культового назначения, делаемые не только из глины, но и из слоновой кости.

*

Антропологически население Бадари имеет сильные негроидные элементы, что говорит лишний раз об антропологическом разнообразии ранних обитателей Нильской долины.

Вышеприведенные раскопки не дают никаких научных оснований считать, что в эпоху палеолита или неолита происходили какие-либо переселения из отдаленных районов, двигавшие развитие культуры в Нильской долине и прилегающих областях. Об этом говорят нам и находки на месте другого поселения эпохи первого появления металла из области Нижнего Египта — в Маади. Дальнейшие этапы развитого первобытно-общинного строя закономерно вырастают из предшествовавших этапов. Первое появление металлов отнюдь еще не влечет за собой образования классового общества. Еще чрезвычайно долго металл не делается основным материалом ведущих орудий производства. Основная масса орудий продолжает оставаться каменными и костяными, но тем не менее общество идет по пути новых технических завоеваний, и в связи с этим усложняются его производственные и социальные отношения.

Дальнейшие сведения о развитии общества в Египте до конца первобытно-общинного строя мы черпаем преимущественно из богатейших материалов раскопок английского археолога Флиндерса Петри и француза Жака де Моргана. К сожалению, весь их материал происходит из погребений, и поэтому о характере поселений у нас могут быть лишь предположения. Этот период можно разделить на три отрезка: первый до-династический, второй до-династический и третий период — первых династий, представляющий собою оформление рабовладельческого государства.

Развитие ремесла. В первый додинастический период в области материального производства имеются два новых момента: производство медных гарпунов и булав и появление нового типа сосудов — красных с белой росписью. Общее развитие производства орудий труда и хозяйственного инвентаря, несомненно, предполагает идущее вперед разделение труда. Разнообразная керамика, производящаяся для различных хозяйственных нужд, говорит о том, что ее производство находится в руках специальных членов родовой общины. Различного рода линейные рисунки, которые часто встречаются на донышках сосудов, по всей вероятности, не являются, как это думают некоторые исследователи, значками собственности, указывающими на хозяина того или иного сосуда, а скорее были тотемическими (заимствованными преимущественно из животного или растительного мира) эмблемами рода, к которому принадлежит мастер-гончар. Равным образом производство орудий новой техники и из нового материала — меди — также несомненно должно было принадлежать профессионалам-кузнецам. В росписи сосудов мы все чаще имеем повторение изображения отдельных животных (как, например, скорпиона, название которого носит отдельный род). Эти же росписи говорят нам о появлении ладьи, большей частью сделанной из тростника, которая не только служит для охоты на водяную птицу или гиппопотама, но и является одним из

главных средств сообщения между территориями родовых общин, располагающихся вверх и вниз по течению Нила. Использование реки в качестве пути сообщения сильно облегчает и ускоряет обмен с далеко расположенными родами, на территории которых встречаются металлы. Погребения не дают еще следов резкого имущественного расслоения внутри рода. Все погребения однообразны, и ни одно не выделяется как по количеству, так и по богатству инвентаря.

Возникновение рабства. Вместе с тем между отдельными родами начинается борьба за территорию, в первую очередь, повидимому, за пастбищные земли и скот, и происходят вооруженные столкновения. Враги не только физически уничтожаются, но и начинают захватываться в плен. Об этом свидетельствуют найденные статуэтки людей со связанными за спиной руками. Захваченные в плен члены других родов делаются рабами, которые иногда в связи со смертью членов рода убиваются и кладутся наравне с собакой и хозяйственным инвентарем в могилу.

Второй додинастический период резко отличается богатством форм и качеством материального производства, расширением обмена и развитием идеологии. Кремневая индустрия достигает в выработке ножей, наконечников, стрел, дротиков и копий непревзойденного в древнем Средиземноморье совершенства. Производится исключительно тонкая по материалу керамика с новыми живописными рисунками. Большое развитие получают фигурные сосуды из камня в виде гиппопотамов, страусов, различных рыб и т. д. В большом количестве выделываются каменные булавы, служащие боевым оружием. Медное оружие вначале следует за каменными формами, но потом, как можно наблюдать на примере кинжалов, приобретает специфические металлические формы с продольным желобком.

Межродовые войны и образование союзов племен. Производство оружия было вызвано определенными потребностями в обществе, вооруженными столкновениями, занимающими большое место в жизни общества того времени. Оседлые родовые общины перестают быть замкнутыми ячейками. Более многочисленные роды производят грабительские набеги на слабых соседей, увеличивая этим свои стада и закрепляя свою экономическую мощь. Межродовые войны, ведущиеся на пространстве всего Египта, заставляют более слабые роды подчиняться насильственному присоединению к экономически и политически более сильному соседу, в результате чего создаются племенные объединения. Естественно, между различными племенами, владеющими уже значительными территориями, возникает экономическое неравенство, выражающееся в первую очередь в количестве стад крупного рогатого скота, ослов, баранов и овец. Следом за этим образуются более крупные объединения племен, вызываемые к жизни междоусобными войнами оседлых поселенцев Нильской долины и набегами кочующих племен Ливийской и Аравийской пустынь и Синайского полуострова, ищущих в Египте военной добычи и пастбища для скота.

Таков был характер тех объединений, о которых нам повествует легендарная письменная традиция уже классового общества Египта и которые, весьма вероятно, захватывали очень большие территории, может быть, всего Верхнего или Нижнего Египта или даже обоих вместе. Очень возможно, что в этот период это было не одно, как об этом позднее повествует письменная традиция, а несколько объединений, но по своему характеру они оставались временными, механическими соединениями отдельных племенных образований типа так называемого «государства» вождя зулу Чаки у южноафриканских племен банту.

Возникновение частной собственности. У родовых общин появляется новый вид собственности — военнопленные. Египетский язык дает нам прекрасные иллюстрации этого процесса. Термин для «пленного» собственно обозначает «живой убитый». В связи с вышеуказанным процессом патриархально-родовой строй неизбежно претерпевает разложение. В этот период происходит образование земледельческих общин. Родовые старейшины и выделившийся военный вождь не только в силу патриархальной традиции возвышаются над рядовыми членами отдельных родов, но и экономически превосходят их, в первую очередь численностью своего скота, что также имеет подтверждение в древнеегипетском языке, где термин «благородства» в письме изображается козой с печатью собственника. Кроме того, война создает внешние предпосылки первого крупного деления общества на свободных и рабов, что, при определенном внутреннем процессе развития общества, даст нам первое деление на классы.

Развитие религиозных верований. Египетскому обществу этой эпохи некоторые исследователи приводят в параллель современные племена, живущие в верховьях Нила, — шиллук и динка, имевшие сильные пережитки тотемизма и сохранявшие до недавнего времени ритуальное убийство дряхлеющего вождя. Этой неприятной процедуры египетский деспот-фараон — уже в классовом обществе — избегал лишь путем выполнения целой серии магических обрядов, изображавших его смерть и возрождение и известных под общим именем праздника Сед.

Религиозные верования в этот период развиваются от древних анимистических верований к многобожию. Изображения расписных сосудов второго додинастического периода говорят нам, что каждый род и отдельные объединения имеют свою изобразительную эмблему, восходящую к древним тотемическим представлениям. В росписях мы находим штандарты с изображением слона, сокола, гарпуна, перекрещенных стрел, солнца, ветвей дерева и ряда других эмблем. Почти все эти штандарты играют впоследствии роль эмблем административных провинций египетского государства — номов. В области религиозной идеологии прежний, общий для каждого члена отдельного коллектива, тотем превращается в предка только вождя, который ведет от него свое происхождение. Культ животного тотема претерпевает процесс очеловечивания, который дает нам

в дальнейшем столь своеобразные изображения богов египетского пантеона — полулюдей-полуживотных — и почти обязательного спутника каждого божества — посвященного ему животного.

Весьма значительное место занимает в религии культ великой женской богини. Ритуальные пляски, связанные с ее культом, в которых центральное место занимает обнаженная женщина, представлены в большом количестве в росписи сосудов, а также женскими статуэтками с характерными ритуальными позами. Интересно отметить, что иногда местом действия является культовая ладья. Культ богини в основе связан с земледелием и носит, повидимому, оргиастический характер, на что указывают фаллические фигуры, часто окружающие танцующую в центре женщину. Культ богини-матери, вероятно, уже переплетается с культом божества умирающей и воскресающей природы, которое впоследствии в виде бога Осириса, божества скотоводов, играет такую огромную роль в культе мертвых и в представлениях о загробном мире в классовом обществе Египта.

Конец второго додинастического периода. Площадь естественно орошаемых земель перестает удовлетворять потребности земледельческих общин. Путем проведения каналов, рытья канав и осушения заболоченных местностей, сооружения дамб завоевываются новые территории посевных земель. Вначале на этих работах основным является труд свободных общинников. Далее начинает применяться труд пленных, превращаемых в рабов.

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. межплеменные войны Северного и Южного союза племен заканчиваются победой Юга. Об этом нам говорит памятная таблица вождя южан Нармера, которого можно отождествить с царем Менесом — первым царем Египта, согласно спискам Манефона и самих египтян. В период I и II династий складываются характерные черты древнеегипетской культуры и вырабатываются основные принципы иероглифического письма, вызванного к жизни хозяйственными нуждами страны: складывается деспотическое государство с его бюрократическим аппаратом.

В этот период свободные по своему экономическому положению отнюдь не однородны. Экономическое расслоение прекрасно иллюстрируется характером погребений, которые у рядовых членов земледельческой общины остаются простыми земляными ямами со скудным инвентарем, а у племенных вождей представляют собой уже несколько подземных камер, которые при первых династиях вырастают в значительное надземное сооружение со множеством помещений, переполненных богатейшим хозяйственным инвентарем и пищевыми запасами. Эти сооружения, известные под названием «мастаба», в своем дальнейшем архитектурном развитии превращаются в грандиозные каменные усыпальницы восточных деспотов — пирамиды.

Месопотамия. Человеческих остатков или предметов материального производства, относящихся к раннему периоду первобытно-

общинного строя, на территории второго крупнейшего культурного очага древнего Востока — Месопотамии — мы пока не имеем. Равным образом у нас нет от этих эпох материала и с предгорьев Ирана. Это, конечно, объясняется не отсутствием человека в данных районах, а просто недостаточным археологическим обследованием этих мест. До последнего времени все внимание археологов приковывали к себе раскрытие монументальных архитектурных комплексов, добыча памятников древней скульптуры и особенно погоня за письменными источниками — архивами клинописных документов, открываемыми почти в каждом холме долины Двуречья. Все эти памятники относятся уже к развитому классовому обществу.

Первое известное нам население долины Двуречья мы уже застаем на высоком уровне материального производства развитого неолита или даже, точнее, на переходе к металлу. При сравнении с Египтом уровень жизни Месопотамии будет соответствовать второй додинастической культуре.

Так же как и в Египте, долина рек Тигра и Евфрата не представляла на ранних этапах развития общества благоприятных условий для поселения. Заболоченные пространства не давали нужных пастбищных просторов, животный и растительный мир непосредственно в долине не давал предпосылок перехода к земледелию и скотоводству. У охотников отсутствовали необходимые материалы для орудий — камень и дерево.

Переход от охотничьей жизни к разведению скота и культурных злаков должен был происходить на западных и восточных границах долины, которые, как и северная Африка, были богаты животным и растительным миром и представляли благоприятные условия для развития общества. На востоке, в примыкающих горных районах, в диком виде росли ячмень и пшеница, в горах водились различные породы баранов и козы, которые были рано приручены. Горные кряжи были богаты медью; в них встречалось и олово, добывался прекрасный материал для каменных орудий — обсидиан, кремень, а также ляпис-лазурь.

Как и в Нильской долине заселение юга Месопотамии последовало за началом высыхания плоскогорий и горных районов, прилегавших к долине рек Тигра и Евфрата с востока и запада. Широкая долина, в южной части покрытая зарослями тростников и усеянная большими заводями, образованными периодическими наводнениями, служила укрытием для большого количества животных, искавших мест, орошаемых в большом количестве водой, что было необходимо и первобытным земледельцам.

Поселение в Обеид. По краям долины и на отдельных участках суши, не затопляемых во время разливов Тигра и Евфрата, стали обосновываться первые жители Месопотамии. На таком островке суши и было основано древнейшее поселение в Обеид (около Ура). Иногда, как это видно на примере древнейшего поселения в Уруке, хижины оседлых жителей воздвигались на искусственных площадках, создаваемых на заболоченной илистой почве

путем крестообразного укладывания слоев тростника. При устройстве этих площадок слои тростника скреплялись илом и утрамбовывались.

Жилища. Остов хижин в Обеид и Уруке возводился из связок тростника, поставленных дугой; промежутки завешивались цыновками. В Обеид тростниковые цыновки обмазывались глиной или навозом и горной смолой. Техника этих древних сооружений переживает во внешнем облике шумерских архитектурных сооружений эпохи уже классового общества, где стены украшены иногда полуколоннами. При дальнейшем развитии жилища к тростниковым стенкам этих хижин начали присоединять глиняную стенку, которая при помощи изогнутых шипов из обожженной глины соединялась с плетеной основой. Для большей прочности глиняной стены в нее иногда вгонялись конусы, опять-таки из обожженной глины. В дальнейшем, как это видно из более поздних слоев раскопок в Обеид, Уруке и Уре, хижины стали возводиться из необожженных кирпичей. Вход в хижины первоначально закрывался просто висящей цыновкой, а затем стала делаться деревянная рама с набивной цыновкой, вращающаяся в чашеобразных камнях порога.

Хозяйство. В основе хозяйственной жизни этих поселений было мотыжное земледелие. В Обеид были найдены клинообразные каменные мотыги, несколько напоминающие древние ручные ударники шелльского типа. Жатва снималась при помощи серпов, которые несколько отличались от египетских. В них лезвия, состоявшие из кремневых или обсидиановых пластин, вставлялись не в деревянную оправу, а в глиняную. Кроме ячменя и пшеницы, разводилась росшая здесь в диком виде финиковая пальма. Судя по дошедшим до нас глиняным статуэткам, из домашних животных разводился крупный рогатый скот, овцы и свиньи.

Охотники по-старому преследовали свою добычу вооруженные луком со стрелами и палицами с каменными наконечниками. В распоряжении охотников на болотную птицу и у рыболовов уже имелась лодка с загнутыми носом и кормой. Кроме каменных топоров (кельтов), прикреплявшихся к деревянной рукоятке, уже появились и просверленные топоры, насаживавшиеся на рукоять. Жителям Обеид, судя по находке медного гарпуна, уже была известна обработка металлов. Появление меди говорит и о том, что с далекими горными районами уже ведется посреднический обмен.

Оседлые жители древних поселений Обеид, Урука и Ура производили глиняную посуду различных форм и назначений. Форма глиняной посуды и характер росписей носят следы более древних плетеных сосудов. Для жителей Обеид являются характерными необычайно тонкие сосуды с черной росписью; они обжигались, но выделывались от руки — без помощи гончарного круга. О высоком уровне обработки камня говорит производство сосудов из такого хрупкого материала, как обсидиан.

Среди древних земледельцев южной Месопотамии был распространен культ женской покровительницы плодородия, о чем нам говорят найденные в раскопках характерные глиняные статуэтки, изображающие обнаженных женщин. О вере в загробное существование говорят погребения с инвентарем, в которых мертвец в вытянутом положении иногда укладывался на подстилку из черепков.

Внешний облик этих древних земледельцев был таков. Одеждой мужчин, повидимому, служили овечьи шкуры; женщины, по всем данным, ходили обнаженные. Мужчины носили бороды, но брили себе верхнюю губу, волосы они связывали позади в пучок, женщины носили парики. И те и другие носили ожерелья и браслеты из мягких пород камней и раковин, а булавками из обсидиана и горного хрусталя протыкали себе ноздри; возможно, что в губах носили каменные кружки.

Поселение в Уруке. Следующее по времени поселение, открытое в дальнейших слоях городища Урука, дало очень большое количество различной керамики. Найденные сосуды делятся на три типа. Одни сосуды были серого теста с тонкой обмазкой, лощеные, с черным отливом, другие сосуды — из железистой глины — при обжиге и лощении принимали красный цвет. Третий тип серых сосудов говорит о новой высокой технике обжига в печах, куда не проникал дым.

Появление гончарного круга. Многие красные и серые сосуды уже стали производиться на гончарном кругу, что явилось значительным шагом вперед в развитии материального производства древнейшего населения Месопотамии.

Раскопки в Уруке говорят нам еще о том, что ведутся строительные работы, связанные не только с непосредственными хозяйственными нуждами общества (как, например, различные ирригационные работы), но возводятся и первые кирпичные здания, предназначенные для отправления религиозных культов. Так, на высокой, в двенадцать метров, искусственной площадке, сооруженной из перемежающихся слоев глины и горной смолы, было возведено здание площадью в 22,3 × 17,5 м из квадратных кирпичей, покрытых белой обмазкой. Склоны этой искусственной площадки шли уступами и были укреплены заделанными еще в сырую глину рядами чаш. Рельеф уступов состоял из перемежающихся вертикальных выступов — контрфорсов и углублений — ниш. Углы этой площадки, являющейся по существу предшественником более поздних зиккуратов, были подобно им ориентированы совершенно точно — по странам света.

План здания, возведенного на площадке, был очень прост. Это был двор, окруженный по сторонам рядами сообщающихся помещений. Кроме этого, по всем данным культового помещения, у подножия площадки были открыты остатки еще одного культового помещения.

Появление счетных табличек и цилиндров-печатей. В развалинах этого древнейшего храма, названного археологами «Белым храмом», на площадке была найдена табличка из обожженного гипса со значками счетного порядка и откатом цилиндра-печати. Цилиндр-печать по своей форме, вероятно, восходит к биркам, вырезавшимся из болотного тростника, в то время как плоские печати — к родовым значкам, тамгам, служившим в качестве амулетов. Важно здесь отметить, что характерная форма печатей-цилиндров, скреплявших в развитом классовом обществе Месопотамии все правовые документы, уже появилась.

На этой же искусственной насыпи, поверх «Белого храма», были открыты развалины еще двух храмов. В постройке первого храма важно отметить, что фундаментом кирпичной кладки служили уже блоки известняка, материала, который был очень дорогим в условиях естественной среды речной долины.

Письмо. Второй храм, названный археологами «Красным храмом», дал уже образцы древнейшего письма, носящего пиктографический характер — отдельные знаки еще представляют собою не слоговые или буквенные значки, а идеограммы.

Счет. В табличках с числительными мы видим, что в основе хозяйственного счета древних жителей Урука лежали как типичная шумерская шестидесятиричная система, так и характерная для эламитян — десятиричная система.

Жители Урука в это время уже не живут спокойной жизнью земледельцев поселения в Обеид, а, очевидно, ведут войны со своими соседями и захватывают рабов, о чем нам свидетельствует один цилиндр с изображением пленных со связанными за спиной руками. Успехам жителей Урука на поле брани несомненно способствует боевая колесница, изображаемая также иногда на цилиндрах-печатях.

Поселение в Джемдет-Наср. Дальнейшее развитие общества в Месопотамии рисуется из раскопок Лэнгдона в Джемдет-Наср. Здесь, так же как и в Уруке, была найдена большая искусственная насыпь размером в 200—300 м, на которой возвышалось укрепление, воздвигнутое из тонких прямоугольных кирпичей, напоминающих по своему внешнему виду черепицу. От вершины площадки вела лестница к зданию, которое не было местом культа, а представляло уже резиденцию местного властителя, наверное еще племенного вождя этой области.

В эпоху, характеризуемую находками в Джемдет-Наср, происходит дальнейшее развитие материального производства и всех сторон культуры. Прежде всего это заметно на усовершенствовании письма, отдельные знаки которого уже получают, кроме идеографического, и фонетическое значение. По дошедшим до нас глиняным табличкам, на которых пишут в это время, мы можем судить о том, что развивается система обучения письму, для чего, очевидно, при храмах, большое хозяйство которых было в первую очередь заинтересовано в его развитии, создаются специаль-

ные вспомогательные таблицы с перечнем значков, упражнениями и т. п. Из этого письма и получает свое развитие шумерская клинопись.

Появление лошади. Кроме животных, служивших и прежде средствами передвижения, как бык и осел, теперь появляется и лошадь, именуемая в письме «осел гор». Двухколесная колесница с впряженными лошадьми является новым быстрым способом передвижения.

Обмен получает свое дальнейшее развитие, увеличивается потребление металла, хотя такие земледельческие орудия, как мотыга и серп, остаются по-старому каменными.

Производство фаянса и первые работы скульпторов. Ряд слоев из городищ Урука, Ура и Фара, одновременных с Джемдет-Наср, дополняют данные этих раскопок. Не только в Джемдет-Наср, но и в Уре в это время уже существует производство фаянса, из которого делаются сосуды, бусы и подвески. В Уруке и Уре мы встречаем первые скульптурные работы из камня; это каменный сосуд с рельефными изображениями идущих друг за другом различных домашних животных и небольшая статуэтка вепря, вырезанная из стеатита, судя по углублению в спине предназначавшегося для хранения каких-либо мазей или благовоний. Хорошими примерами художественной работы резчиков по камню могут также служить плоские и цилиндрические печати с различными изображениями.

Все эти находки говорят о непрерывном развитии материального производства и уровня культуры в древнейших поселениях Месопотамии, подготовлявших тот расцвет цивилизации классового общества, который приписывается шумерам. Однако вряд ли будет правильно считать творцами культуры древнейших городов южной Месопотамии представителей лишь одной народности шумеров. Так же как и в Египте, в Месопотамии классовому обществу предшествовало длительное совместное развитие ряда племен, одинаково стоявших на ступени варварства и по своему физическому облику значительно отличавшихся друг от друга, но имевших общий путь социально-экономического развития.

В древнейших шумерских городах Месопотамии рано получил завершение процесс образования классов и высоких форм материальной и духовной культуры, основанных на богатом опыте культурных достижений народностей, населявших Месопотамию в эпоху первобытно-общинного строя.

В южной Месопотамии, подобно Египту, в эпоху I и II династий, накануне так называемого династического периода, засвидетельствованного в позднейших письменных памятниках, племенной вождь перерастает в неограниченного деспота, стоящего во главе класса рабовладельцев. Недавние раскопки в Уре показали это наглядно при открытии погребений древнейших властителей Ура, находившихся в слоях, предшествовавших I урской династии.

Ценнейшие предметы вооружения, высокохудожественные предметы из драгоценных металлов и дорогих пород камней, убитые при похоронах рабы и скот, найденные в этих погребениях, говорят нам о резком процессе имущественного и социального неравенства, которое характеризует конец первобытно-общинного строя и возникновение классового общества и государства.

Иран. В Иране, северной Месопотамии и северной Сирии существовали отличные от южной Месопотамии условия для жизни человека. Там не было широких плодородных речных долин, но земледелие на небольших участках наносных слоев почвы было возможно и без искусственного орошения. Здесь выпадали достаточные дожди, которые обеспечивали произрастание подножного корма для домашнего скота и успешное разведение плодовых деревьев. Склоны гор и холмы были покрыты лесами и снабжали жителей камнем и металлом, столь необходимым для успешного развития материального производства.

Наиболее ранние свидетельства о жизни человека в этих областях мы имеем из Муссианы и холма Магомет Джафар, где были открыты фрагменты глиняных сосудов, сделанных от руки с выцарапанными или лепными геометрическими орнаментами. В слоях с этой керамикой металлических предметов найдено не было, и орудия были каменными. Возможно, что эти остатки относятся ко времени неолита. Очевидно, ко времени неолита относится и ряд слоев в городищах Хагар-Базар (на Хабуре), Джедейде (в нижней части долины Оронта) и Сакге-Гёзи.

Совершенно несомненно, по данным последних археологических раскопок в северной Месопотамии и северной Сирии, что эти области в эпоху конца варварства были густо населены. В нижних слоях раскопанных городищ Ниневии, Тепе-Гавра (около Хорсабада), Телль-Била, Самарры, Телль-Халафа, Арпачийа и др. были открыты остатки поселений времени появления в технике металла, с характерной расписной керамикой. Однако материалы из этих пунктов дают лишь отрывочные сведения о жизни этих поселений. Следует, однако, заметить, что эти поселения находились в близких сношениях с южной Месопотамией и с предгорьями Ирана.

Поселение в Сузах. Более полные данные мы имеем относительно древнейшего поселения на месте древней столицы Элама — Суз. Раскопки Жака де Моргана говорят нам о том, что раннее поселение здесь располагалось на невысоком холме (10 м над уровнем долины) посреди долины Керха и было обнесено стеною из высушенных на солнце кирпичей или, быть может, просто формованной земли.

Хозяйство. Обитатели долины р. Керха были в это время уже чрезвычайно далеки от первобытного состояния. В основе их хозяйства лежало земледелие и нагорное скотоводство. Кроме того, значительную роль играла и охота в прилегающих горах. Несмотря на то что продолжалась выработка орудий, оружия и

различных предметов хозяйственного обихода из камня, широкое развитие получила и обработка металла — меди. На полях высевались не только хлебные злаки, но и лен, из которого приготовлялись очень тонкие ткани. Земледелие, повидимому, было еще мотыжным. Уборка урожая производилась серпами с вставными кремневыми лезвиями, подобными серпам древнейших земледельцев Нильской долины и Месопотамии. Зерно растиралось на каменных ручных зернотёрках. Каменные орудия и оружие производились из кремня, обсидиана и твердых пород камня. Из меди выделывались топоры, долота, иголки, зеркала, достигавшие в диаметре 19 см и т. д. Большое развитие имело гончарное производство.

Расписная керамика. Сосуды производились самой разнообразной формы; особенного совершенства достигало производство расписных бокалов и чаш, покрытых рисунками разнообразного содержания. Расписные эламские сосуды, найденные в сузском могильнике, представляют собою замечательные произведения древней живописи. Рисунки этих сосудов состоят из стилизованных изображений растений, змей, быков, коз, горных баранов, собак, людей, геометрических линейных орнаментов в форме плетенок и т. п. Совершенно несомненно, что большинство изобразительных эмблем в росписях этих сосудов имело неясное для нас сейчас религиозное содержание и, возможно, восходило к тотемической символике. Вряд ли ту сильную стилизацию, которой характеризуются росписи эламских сосудов, следует относить на счет развития отвлеченного мышления, а скорее следует объяснять подражанием более древним образцам плетеной посуды.

По своему характеру археологические материалы «I культуры Суз» рисуют нам общество, находящееся на этапе развитого первобытно-общинного строя эпохи варварства, когда в производстве большую роль начинает играть металл.

«II культура». Второй период в развитии поселения в Сузах носит условное наименование «II культуры Суз». К этому периоду относятся не только соответствующие слои сузского холма, но и археологические находки в Муссиане, расположенной в 150 км на запад от Суз.

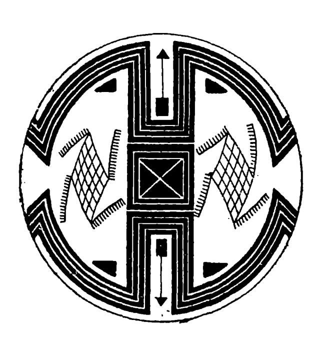
Характерной чертой этого периода является, кроме общего развития ремесел, в частности изобретения гончарного круга и дальнейшего расширения пользования металлом в производстве, появление в общественной практике крупнейшего культурного достижения — письма.

Письмо. Древнейшее сузское письмо, подобно всем древневосточным системам письменностей, восходит к пиктограммам. Дошедшие до нас на различных печатях и табличках образцы этого письма ярко свидетельствуют о пройденной стадии пиктографического письма. Этот тип надписей, называемых часто «прото-эламскими», до сих пор благодаря трудностям письма и неизученности словаря очень плохо поддается пониманию. Значительная часть знаков имеет пиктографический характер. Впоследствии это письмо

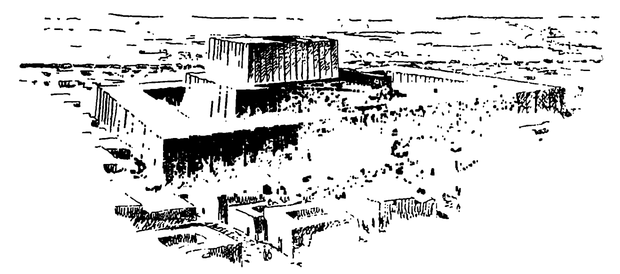
было вытеснено шумерской системой клинообразного письма, также восходящего к пиктограммам, как это хорошо показывают таблички, открытые в Уруке, Джемдет-Насре и в Кише (Месопотамия).

Обмен. Уже раннее использование для производства каменных орудий из такого материала, как обсидиан, указывало на то, что древние обитатели долины Керха вели обмен с северными районами. Теперь же, несомненно, существуют постоянные сношения с южной Месопотамией, и, более того, поселение в Сузах делается посредником в меновых сношениях между Месопотамией и Иранским плоскогорьем, через которое проходят пути в долину р. Инда.

Сношения с древней Индией. В слоях сузского холма, относящихся к «II культуре», была сделана одна находка исключительной ценности, которой первоначально не было придано должного значения. Это была квадратная печать с изображением быка, стоящего перед жертвенником; над быком вырезана надпись, составленная из знаков, похожих на «прото-эламские». После раскопок Маршалла и других археологов в долине реки Инда (в Синде и Пенджабе), благодаря которым нам стали известны совершенно новые данные о древнейшей истории Индии, мы теперь знаем происхождение данной печати. Она является типичным образцом древнеиндийских печатей, найденных в большом количестве при раскопках Мохенджо-даро (в Синде) и Хараппе (в Пенджабе). Ряд подобных древнеиндийских печатей был найден и в южной Месопотамии, и все эти находки говорят о существовании уже в середине IV тысячелетия до н. э. установившихся связей между Шумером, Эламом и Индией. Именно к этому времени следует, очевидно, относить образование классового общества в этих трех культурных центрах древнего Востока.



Орнамент на глиняных сосудах из Суз.



Древний шумерский храм в Уруке. Реконструкция.

ГЛАВА VI

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИМИТИВНОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЮЖНОМ ДВУРЕЧЬЕ

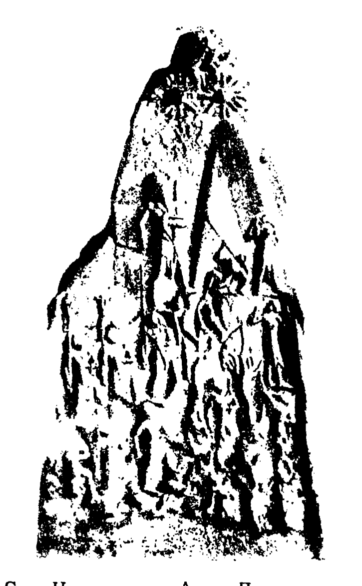
Самые древние классовые общества Средиземноморья сложились в Вавилонии и в Египте. На данном этапе развития наших знаний мы еще не можем установить, какое из них является более древним. Если же мы начинаем изложение истории древневосточных обществ с истории Вавилонии, а не Египта, то такой порядок изложения обусловлен тем, что холмы Вавилонии содержат в большей сравнительно сохранности архивы царских и храмовых хозяйств.

Громадное количество имеющихся в нашем распоряжении хозяйственных документов дает нам возможность лучше осветить экономику и понять структуру более развитого общества Вавилонии, а это в свою очередь поможет нам впоследствии также при определении общественного строя Египта, где памятники такого рода почти не сохранились.

Географическая среда. Вавилония — название условное, потому что так названа страна по городу Вавилону, который стал её главным городом лишь в известный период ее истории. Следовательно, правильнее было бы говорить о южном Двуречье.

Южное Двуречье — область, которая находится между нижним течением реки Евфрата на западе и реки Тигра на востоке. Оба эти названия (Евфрат и Тигр) восходят еще к древнешумерским названиям этих рек — Бурануну и Идигна.

Обе реки берут свое начало в горах Армении, причем истоки их лежат чрезвычайно близко друг к другу. Но в то время как Тигр течет прямо по направлению к югу, Евфрат течет чрезвычайно извилисто. Сперва он направляет свое течение к западу, получается даже впечатление, что он направляется не в Персидский залив, а в Средиземное море. Затем, дойдя почти до Средиземного моря, на расстоянии всего двухсот километров, он резко



Стела Нарамсина, царя Аккада. Памятник его победы над лулубеями, горными племенами Загра. Лувр.

Статуя Гудеа, патеси Лагаша. Лувр.

Хаммурапи получает законы от бога Шамаша. Верхняя часть столба со сводом законов. Из Суз. Лувр.

поворачивает на юг, затем на восток и впадает, как и Тигр, в Персидский залив. Обе эти реки теперь образуют общую дельту.

В древности все это пространство, занятое теперь обширной дельтой, было морским дном, частью Персидского залива, который в течение тысячелетий благодаря наносам обеих рек обмелел и отодвинул море.

Вот почему некоторые развалины вавилонских городов, которые находились вблизи моря, расположены теперь вдали от него. Долина Двуречья в глубокой древности, пока человеческий труд не изменил ее, представляла собой чрезвычайно непривлекательное место для расселения какого-либо общества.

Действительно, южное Двуречье, начиная с того места, где обе реки, Тигр и Евфрат, наиболее близко подходят друг к другу, образуя перешеек, и вплоть до Персидского залива, являлось болотом в местах, затопляемых разливами этих двух рек, а в местах, лежащих выше разлива рек, — вечной пустыней, где ничто не могло расти вследствие отсутствия влаги.

В болотистой части долины рос в большом количестве тростник, который образовал густые джунгли. Это было одно из основных богатств долины южного Двуречья. Тростник играл роль дерева: им топили, он служил материалом для закрепления стен домов, каналов и т. д. — словом, использовался в самых различных видах.

Другим богатством этой долины была глина. Из глины в Двуречье делалось все, начиная от хижины бедняка и кончая дворцом царя и храмом бога. Из глины изготовлялись орудия труда, делались игрушки для детей. Из глины, наконец, производились глиняные таблички, служившие письменным материалом.

Интересно отметить, что древний миф гласил, что из глины был создан и первый человек.

Богато было Двуречье и рыбой. Древнехозяйственные документы полны сведений о рыбных богатствах. Сушеная рыба в Двуречье являлась одним из основных пищевых продуктов. Рыбные промыслы сохранили свое значение вплоть до наших дней. Но в стране не было основного сырья, необходимого для строительства: ни камня, ни дерева, если не считать финиковых пальм, которые, конечно, по своей ценности не могли быть материалом для столярных и плотничьих работ. Двуречье настолько бедно камнем, что даже зерно растиралось на кирпичных зернотерках. Не было и самого важного материала — металла. Все эти материалы приобретались в других странах.

Население. Переходя к этнографии Двуречья, мы подходим к шумеро-семитической проблеме.

Сравнительно рано было установлено, что авторами клинописи были не семиты, не тот народ, который впоследствии довел вавилонскую культуру до высокого развития и говорил на одном из языков семитической системы, а народ, называвшийся, как мы

имеем основание думать, по свидетельствам некоторых текстов, шумерами.

Шумеры были племенем, широко расселенным в древности на территории Ближнего Востока. Изучение их языка долгое время представляло большие затруднения, потому что он не похож ни на языки семитической системы, хорошо нам известные, ни на языки индо-европейской системы. Он стоял особняком, представлял собой противоположность флексирующим языкам (самые развитые языки), языкам семитическим, индо-европейским, в которых слова спрягаются или склоняются. Они, в противоположность языку шумерскому, изменяют свои окончания. Шумерский язык, будучи языком аглютинирующим, не склонял и не спрягал, а прибавлял к словам приставки.

Характерно, что шумерский язык, в противоположность семитическим и индо-европейским языкам, не знает предлога, а знает «послеслог». Например, мы говорим: «В сердце их», т. е. «в середине их», что по-вавилонски гласит: «Ина дибби шуну» — «в сердце их», а по-шумерски говорят: «Шаг би та» — «сердце их в», — так что «в» вместо предлога является послеслогом.

В отношении лексики — то же самое. Между шумерскими языками и семитическими очень мало связи. Например, по-шумерски собака «ур», а по-семитически «кальбу».

В последнее время подтверждается мнение, высказанное Н. Я. Марром и др., о том, что шумерский язык является языком, стоящим на яфетической стадии.

Шумеры по своему физическому типу отличались от семитов. Изображения, дошедшие до нас, рисуют шумеров крепкими, приземистыми, склонными к полноте, с короткой шеей, круглолицыми, с сильно выступающим носом. Они обычно гладко брили головы и лицо. В противоположность им семиты, как это видно из дошедших до нас изображений, были народом, напоминающим современных арабов, — сравнительно высокие, стройные, с длинным узким лицом, орлиным носом и длинными волосами на голове и лице. Шумерские племена находились в долине Евфрата и Тигра, примерно, уже около пятого тысячелетия.

Классовое общество в долине Тигра и Евфрата. Сравнительно быстрому перерастанию доклассового общества в классовое в южной части долины, орошаемой Тигром и Евфратом, способствовало то, что здесь имелась налицо такая естественная сила природы, как реки и их разливы.

Эта сила природы и при низком развитии техники могла превратиться в большую производительную силу.

Регулирование разлива рек Евфрата и Тигра было не под силу ни отдельной семье, ни большому роду, ни даже небольшому соединению родов; оно делалось возможным лишь тогда, когда происходило объединение нескольких территориальных общин. В древних городах Двуречья сохранились следы образования их из отдельных поселений. Эти объединения были обусловлены в значительной степени интересами развития ирригационного хозяйства, т. е. моментом кооперирования. На данном низком уровне разви-

тия культуры ирригационная система могла быть выполнена лишь трудом рядовых общинников. Но вместе с тем, с появлением ирригационных работ, появилась возможность сравнительно широкого применения рабского труда в его наиболее примитивной форме. Рабский труд, сохранивший характер домашнего, тем самым начинает употребляться для развития производительных сил. Сельские общины в ту эпоху продолжают сохранять свое значение, но появление и развитие рабства не могло не сказаться на дальнейших судьбах общинных порядков.

Первоначально число рабов не было большим. Так же как и земля, они принадлежали общине, создающей ирригацию и сельское хозяйство; члены этой общины были связаны общинной формой собственности. Рабов, находившихся в индивидуальном владении, было еще сравнительно немного. Государственное устройство, возникшее в это время, можно охарактеризовать как деспотию. Царь, «великий человек», восходящий к родовому старейшине, приобрел новое значение; он превращается в деспота, т. е. в постоянного и наследственного диктатора. Согласно Энгельсу, восточный деспот и сатрап первоначально соответствуют греческому начальнику рода, шефу клана кельтов. Деспотическая власть царя в дальнейшем укрепляется. Она направлена на то, чтобы держать в узде эксплоатируемое большинство — рабов и рядовых общинников. Наличие общинной формы собственности на землю поддерживает эту деспотическую власть. Ирригация находится в руках этой государственной власти. Как отмечает Маркс, «Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы*, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами». [1]

Вместе с царем выделилась и родовая знать, «великие люди». Царь, являясь представителем знати, правил в ее интересах.

Знатные были первыми, которые стали владеть рабами в индивидуальном порядке. Это давало им, далее, возможность расширять земли на высоких полях, требовавшие искусственного орошения, поскольку они не затоплялись естественным разливом рек. Высокие поля становились частной собственностью знати, обладавшей возможностью использовать их, применяя рабскую силу. Естественно орошаемые нижние земли оставались во владении общин. Появление наряду с общинным землевладением и элементов частного способствовало в дальнейшем разрушению сельских общин.

Города Шумера и Аккада. Древнейших объединений сельских общин образовалось в Двуречье несколько десятков. Важнейшими из них, считая с юга, были следующие: Эриду, где почи-

---

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 152—153.

*

тался бог моря Эа (теперь в ста километрах от моря, а тогда у самого моря); несколько к северо-востоку от него — город Ур, где почитался бог луны Син; к северу от Ура — Урук (здесь почитались Ану — бог неба и Иштар — богиня любви); к востоку от Урука город Ларса, где почитался Баббар — бог солнца; к северо-востоку от Ларсы были расположены два города, интересные своими хозяйственными архивами, — Лагаш и Умма; к северу от них город Шуруппак, откуда, по древней легенде, происходил Утнапиштим, герой вавилонского мифа о потопе; наконец, на крайнем севере Шумера — Ниппур, центральное святилище всего Шумера.

К северу от Ниппура, в аккадской области между Евфратом и Тигром, приближающимися здесь друг к другу, находился город Вавилон, центр почитания бога Мардука, а рядом с ним город Борсиппа с богом Набу — богом мудрости и письма. К северу от Вавилона находился город Киш, где найдено во время последних раскопок много памятников древнего периода. На крайнем севере перешейка был расположен город Аккад, по которому и вся область была названа Аккадом, подобно тому как впоследствии вся южная Месопотамия стала называться Вавилонией. Рядом с Аккадом, на другом берегу Евфрата, находился город Сиппар, где почитался бог солнца Шамаш. На севере, в Аккаде, сравнительно рано осели семиты, вытеснившие шумеров.

Древнейшая история Шумера. Раскопки последних десятилетий пролили некоторый свет на многовековую историю шумерских городов, которая предшествовала их объединению в первой половине III тысячелетия. На основании материалов раскопок, а также из анализа дошедших до нас царских списков, можно установить, что в древнейший период большое политическое значение имел город Эриду, где были открыты древнейшие поселения, а также город Ур, который был связан с Эриду. Наряду с Эриду и Уром и другие города играли значительную роль. Первая эпоха в истории Шумера известна под названием «культуры Эль-Обеида» (названа так по месту раскопок в Эль-Обеиде, пригороде Ура).

На этой стадии медь еще не имеет большого значения и письмо еще не было изобретено. Отдельные небольшие города, возникшие в различных местах долины южного Двуречья, были еще отделены друг от друга обширной территорией неосвоенной земли. Медленно в течение следующих веков развивались производительные силы шумерского общества. По мере освоения участков береговой полосы, отделявших территории отдельных городов, начали обрабатываться высокие поля. Проводились каналы, строились дворцы и храмы.

В нижних слоях Урука и Киша (около 3500 года) были найдены глиняные таблички с пиктографическим письмом, еще сохраняющим свой рисуночный вид. Сравнительно скоро это письмо переросло в письмо прямых, полукруглых и круглых линий, об-

разцы которых восходят ко времени около 3400 года и были найдены в Джемдет-Наср, в одном из пригородов Киша.

В конце IV тысячелетия, около 3200 года, наиболее крупную политическую роль играл город Шуруппак. Документы, найденные здесь, свидетельствуют, что воины Шуруппака стояли гарнизонами в ряде важных городов Шумера.

Хозяйство. Орудия труда шумерского общества были еще примитивны. Они состояли из камня, и только постепенно начинает употребляться металл. Пахота производилась плугами еще чрезвычайно примитивными; тягловой силой служили ослы, только позднее тягловым животным становится бык. В центре объединений общин, возникших в древнем Шумере, находились города, расположенные на высоких холмах, недоступных наводнению. Дома города группировались вокруг храмов богов объединенных старых общин. Часть общинной земли считалась собственностью бога данной области. Хотя ею распоряжалась знать в лице жрецов, но эта храмовая земля еще не стала их частной собственностью. В отношении к ней сохранялись еще элементы общинных порядков. Окружающие город земли обрабатывались преимущественно в районе естественно орошаемых полей. Обработка земли в районах высоких полей была еще в зачаточном состоянии. Поля естественно орошаемые были общинной собственностью, и лишь в пределах высоких полей могли складываться частновладельческие земельные отношения. Общинники владели коллективно участками земли. Все воины были крестьянами и крестьяне — воинами. Они назывались «каль», т. е. «людьми крепкими», сильными. Часть земли была разделена на наделы. Наделы были небольшие и колебались в пределах нескольких гектаров (не больше двадцати). Часть этих наделов отдавалась безвозмездно, а часть — за дань, налог, равняющийся седьмой-восьмой части урожая. Земли, бывшие во владении общин, обрабатывались самими свободными. Обработка земли в ирригационном хозяйстве была делом настолько сложным, что доверить его рабу можно было лишь на более высокой ступени развития производительных сил. Рядовые свободные работали на общинных полях треть года, пользуясь скотом, плугом и прочими средствами производства, выдаваемыми им из хозяйства храма. Очевидно, большинство наделов самих крестьян обрабатывалось также с помощью общинного скота. На своих маленьких участках держать скот они не могли. За четыре месяца работы свободные получали кормление ячменем и эммером (древний вид пшеницы), а в остальное время они кормились со своего надела. Количество продуктов, которые они получали за свою работу на храмовых землях, было значительно меньше, чем то, что они производили своим трудом. Таким образом прибавочный продукт поступал в руки патеси и знати. Рабы работали круглый год (преимущественно на ирригационной системе).

Рабы получали питание ячменем сообразно с физическим трудом, который они выполняли. Натуральные доходы с общинного

хозяйства, а также налоги с наделов поступали в общественные закрома. Один из них найден в Лагаше в слое эпохи царя Урнанше (XXIX век). Доходами распоряжалась знать и глава деспотии. Доходы шли на прокорм свободных, рабов, скота, на жертвы, которыми кормились также и крестьяне, заботившиеся о культе богов и покойных царей. Большая часть шла в запас, на случай войны и неурожая. Маркс, говоря, что общинная форма собственности реализуется в самом труде, указывает: «...определенный труд для накопления *общего запаса*, в целях, так сказать, *страхования* и для *покрытия издержек коллектива как такового*, т. е. для войны, богослужения и т. д.». [1]

Родители имели полную власть над детьми, как об этом свидетельствуют древнешумерские семейные законы, относящиеся, правда, к более позднему времени (XXV—XXIV века): «Если сын скажет своему отцу: «ты мне не отец», то тогда его обрить, положить клеймо раба и продавать за деньги. Если сын скажет своей матери: «ты мне не мать», то надо обрить его, вести по городу и затем изгнать из дома. Если отец скажет сыну: «ты мне не сын», он [сын] теряет дом и стены. Если мать скажет своему сыну: «ты мне не сын», он теряет дом и утварь». Отец и мать имеют здесь почти равные права, и это указывает на то, что следы матриархата еще сохранились в этом примитивном рабовладельческом обществе.

Обмен. Из-за отсутствия в южном Двуречье необходимого технического сырья — дерева, камня, металла — в шумерском обществе играл довольно большую роль обмен. Уже в древнейшую эпоху мерилом ценности при обмене служил металл — первоначально медь, а затем и серебро. Обмен происходил в форме обмена дарами, затем начались полуторговые, полуграбительские экспедиции и, наконец, возникла торговля, которую вели торговые агенты деспотий, носившие название «тамкар».

Государственное устройство. Политическую надстройку этого общества можно назвать деспотией.

Общины обеспечивали солидную основу для застойного древневосточного деспотизма. По мере увеличения количества рабов, находящихся в распоряжении общины или в индивидуальном владении знати, власть царя нуждалась в еще большем укреплении для того, чтобы держать в повиновении эти массы рабов.

Развитие ирригационного хозяйства требовало увеличения количества рабочей силы, что еще более содействовало усилению рабства. А увеличение числа рабов требовало укрепления аппарата господства и угнетения.

Глава деспотии в Шумере имел два названия (титула): одно название («патеси» или «энси») было титулом правителя государства, признававшего над собой господство другого политического

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 152.

центра (первоначально это был жреческий титул правителя, который играл в своем городе роль верховного жреца; политическую же власть осуществлял за него царь государства, которому он, патеси, подчинялся); другой титул («лугаль») носил царь ни от кого не зависимого государства («лугаль» в буквальном переводе значит «большой человек»). Это указывает на то, что данное название восходит к родовому обществу и применялось, очевидно, первоначально к племенному вождю.

Борьба за политическое объединение Шумера. Наряду с Эриду, Шуруппаком и Лагашем в конце IV тысячелетия большое значение приобрели города Урук и Киш, которые одно время подчиняли себе другие города Шумера. Когда в начале III тысячелетия Ур стал самостоятельным и выдвинул свою I династию царей, претендовавших на объединение всего Шумера, Урук — а в особенности Киш — не потеряли своего значения. Вместе с тем выдвигаются и такие политические центры, как Лагаш, Мари и другие. Одно время даже царь Киша, Месилим (около 2870 года), подчинил себе Лагаш и Умму и тем самым положил конец пограничным спорам между этими двумя городами. Когда вслед за этим выступили Адаб и Акшак в качестве самостоятельных политических центров, Киш потерял свое влияние на юге и на время Лагаш освободился от господства Киша. Правитель Лагаша Урнанше (около 2850 года) принял даже титул лугаля, подчеркивая тем самым свою независимость. Вскоре после этого Лагашу пришлось выдержать большую войну с Уммой. Царь Лагаша Эаннатум увековечил это событие на знаменитой «Стеле коршунов». Эта стела получила свое название от того, что на ней изображено, как на поле битвы тела врагов поедаются коршунами.

Победа над Уммой была недолгой: против Лагаша выступила целая коалиция городов, организованная Кишем. Эаннатуму удалось разбить эту коалицию и даже нанести серьезный удар своему восточному соседу — Эламу. Его преемники продолжали войны с Уммой и успешно отражали наступление эламитян. В это время началось ослабление Лагаша в связи с борьбой между знатью и народом. Эта внутренняя борьба настолько ослабила Лагаш, что он на время оказался снова подчинен Кишу. Но вместе с тем все усиливающийся напор семитических народов, обосновавшихся в северной части южного Двуречья, окончательно сломил мощь Киша. Таким образом, в ожесточенных войнах велась борьба за политическое объединение Шумера.

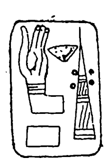
Войны. Отдельные города находились в постоянной войне друг с другом. Архив Шуруппака и надписи Лагаша говорят о частых войнах, о том, что война является обыденным явлением среди этих городов. Ведутся эти войны за земли. Так, войны Лагаша и Уммы велись из-за поля Гуэдин.

До нас дошли изображения воинов. Знать сражалась на колесницах, запряженных ослами, а рядовые свободные выступали в виде тяжеловооруженной пехоты. «Стела коршунов» изображает

победу Эаннатума (около 2800 года) над городом Уммой. На этом изображении видны воины, которые идут с большими щитами и тяжелыми копьями. Щит сделан из кожи, покрытой металлическими пластинками. Панцыри были, вероятно, тоже кожаными, как и шлемы. Щит был настолько тяжел, что его держали специальные люди, а за щитом стояли другие люди, которые держали копье. Держащие щит называются «матерями», в чем также сказываются следы матриархата.

Лук в тот период еще не употреблялся на войне. Поскольку можно судить на основании памятников, лук был введен впервые семитами.

Тяжелое вооружение шумерского ополчения было довольно дорогим и его могли иметь только люди с некоторым достатком (земельным наделом); бедняк не мог его иметь.



Древнейший памятник письменности Двуречья. Сер. IV тысячелетия. Гос. Эрмитаж.

Фрагмент архаической шумерской вазы из Адаба

ГЛАВА VII

РЕФОРМЫ ЦАРЯ УРУКАГИНЫ (ОКОЛО 2700 ГОДА ДО Н. Э.)

Картину дальнейшего развития общества этого периода можно установить на основании данных, найденных в архиве храма богини Бау в Лагаше эпохи царя Урукагины, а также исторических надписей этого царя. Мы имеем право предположить, что данные названного архива можно распространить и на весь Лагаш.

Развитие торговли. Развитие ирригационной системы, развитие системы дамб, рвов, каналов и т. д. требовало применения металла, дерева, камня, т. е. такого технического сырья, которого не имелось в пределах самой долины, и, следовательно, рост производительных сил приводил с необходимостью и к росту обмена. В текстах имеются указания, что купцы вели крупные операции от имени деспотии, являясь подчиненными главе этой деспотии, «патеси». Эти торговые обороты давали возможность обогащаться и самим купцам. Имеются указания на торговлю с Эламом: туда везут шумерское зерно и получают оттуда ткани и дерево, покупают там рабов и привозят их в Шумер. Эти товары купцы передают за известную плату городам.

Захват власти знатью. В этот период экономически сильная знать стремится, опираясь на свое благосостояние, усилить власть над общинами, усилить гнет над рядовыми свободными общинниками.

Характеризуя формы общинной собственности на древнем Востоке, Маркс пишет: «Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани, и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства, — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, — бога». [1]

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 152.

В период Урукагины под видом борьбы против такой правовой нормы, при которой земля считалась исключительной собственностью патеси и он имел исключительные права на дань, под видом борьбы за передачу собственности на землю «богу» велась борьба против непосильных тягот, лежавших на плечах общинников.

В период, предшествующий этой борьбе, знать и деспот постарались захватить храмовые земли, лишив общинников права на продукты, которые давало храмовое хозяйство. В то время, когда отсутствовало еще профессиональное наследственное жречество, коллективные формы труда на землях, отведенных для «бога», давали рядовым свободным, обрабатывающим эти земли, права на некоторые плоды своего труда. Появление чиновников патеси и на наделах общинников и на храмовых землях свидетельствовало об усилении эксплоатации, усилении выжимания дани с рядовых свободных.

Богачи стремились, с другой стороны, несколько ограничить число тех свободных, которые работали в храмовом хозяйстве. В эпоху предшественников Урукагины свободных, которые работали в храме богини Бау, было только сто пятьдесят, большинство же свободных было заменено рабами. Уничтожение всяких отличий между этой храмовой землей и землей, принадлежащей знати и патеси, означало усиление эксплоатации общинников со стороны знати и патеси.

С другой стороны, богатая верхушка общины, «высший коллектив», как говорит Маркс, стремится наложить свою тяжелую руку и на те земли, которые находились во владении отдельных свободных, т. е. пытается требовать и с этих земель себе дани. Правящая верхушка ставит, вопреки обычаю, существовавшему искони, повсюду своих чиновников (машхим) и надзирателей.

Против этих попыток знати поставить массу общинников в зависимое положение растет недовольство рядовых свободных. Они были сильны своею численностью, и у них в руках было оружие — оружие примитивное, которое мог иметь каждый. Воспользовался недовольством масс Урукагина, один из рода патеси. Опираясь на рядовых общинников, он сделался царем (2700). В своей исторической надписи Урукагина так сообщает о своих реформах по вступлении на престол: «Прежний порядок он восстановил. Когда Нингирсу, мощный воин Энлиля, передал Урукагине царскую власть в Лагаше и укрепил его власть среди 36 тысяч людей, то он восстановил старые законы (богов) и дал слово, которое ему сказал его царь Нингирсу. Он удалил с земель, обрабатываемых общинниками, надзирателей и «машхим» — чиновников». Что касается угодий, находящихся в непосредственном владении государства, то о своих мероприятиях по отношению к ним Урукагина сообщает следующее: «Во дворце патеси, на поле патеси он (т. е. Урукагина) поставил Нингирсу как их царя. В доме храма женщин, в поле храма женщин он поставил

Бау как владычицу. В доме детей, на поле детей поставил он Дуншаллана как их царя». Это мероприятие Урукагины нашло свое отражение в многочисленных табличках хозяйственного архива храма Бау царствования Урукагины. Из тех же табличек хозяйственного архива храма Бау мы узнаем о других важных мероприятиях Урукагины. В первый год его царствования была увеличена натуральная оплата, которую получал свободный, работавший на храмовом поле: вместо 72 мер зерна крестьянин получал теперь 144 меры.

Во второй год Урукагина продолжил свои реформы. Правда, осталась прежняя норма продовольствия, но зато было увеличено число свободных, получавших зерно за работу на полях храма богини Бау: число их при предшественниках Урукагины было 150, теперь оно доходит до 261. Вероятно, то же самое происходит и во всех других храмовых хозяйствах Лагаша.

Во втором году царствования Урукагины увеличивается также число рабов: при предшественниках Урукагины их было 260, теперь число их доходит до 433. Надо думать, что эти рабы, которые неожиданно появляются в храмовом хозяйстве, были конфискованы у знати. Очевидно, в предшествующие годы правящая верхушка, пользуясь своей властью, присвоила часть рабов, и эти рабы теперь были снова возвращены в храмовое хозяйство.

Таким образом, в сильнейшей степени были ограничены аппетиты знати, и снова храмовое имущество, будь это скот, земля или рабы, превращается в имущество не патеси, не главы государства, а бога, в данном случае богини Бау.

Урукагина восстановил тем самым некоторые элементы общинной собственности в отношении храмов, но при этом не была уничтожена частная собственность. Эта реформа, конечно, не уничтожила эксплоатации крестьян, но до некоторой степени смягчала ее.

Из надписи Урукагины мы узнаем, что попрежнему разрешалось покупать у крестьян скот и землю.

Следовательно, можно было увеличивать свое имущество за счет имущества бедных, но надо за него платить, не производить грубого насилия, которое, очевидно, имело место в эпоху предшественников Урукагины. В другом месте своей надписи Урукагина заявляет, что он защитил горожан Лагаша от убийств, краж и взломов и создал гарантии того, чтобы «сильный не обижал сироту и вдову».

Война с Уммой. Эти события в Лагаше не могли не вызвать беспокойства и среди окружающих городов. Можно с некоторой вероятностью предположить, что такие попытки не ограничились одним Лагашем. Вероятно, знать других городов начинает пристально присматриваться к тому, что происходит в Лагаше. Возможно, что этим объясняется война, которая возникает между Лагашем, где была произведена реформа Урукагины, и Уммой, которая находилась в 60 км к северу от Лагаша. Начал войну город Умма. Война эта нашла свое отражение в табличках хозяй-

ственной отчетности. Начинает понемногу уменьшаться число свободных: с 261 чел. это число к шестому году царя Урукагины падает до 234. Очевидно, несколько десятков свободных сложили свои головы в тех стычках, которые происходили между двумя городами.

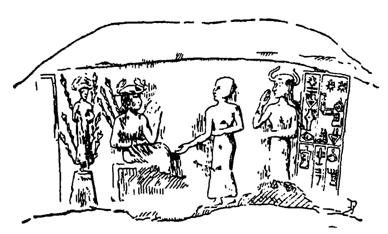
Начинает изменяться также продовольственный паек, который получают люди, работающие в хозяйстве: натуральная оплата свободного уменьшается только на 10%, но одновременно катастрофически уменьшается паек рабов — по отношению к некоторым разрядам он падает втрое. Голод, возникающий благодаря войне, приводит к тому, что рабы-мужчины разбегаются, и число их в последние годы царствования Урукагины начинает быстро падать — уменьшается почти наполовину.

Война окончилась поражением Лагаша.

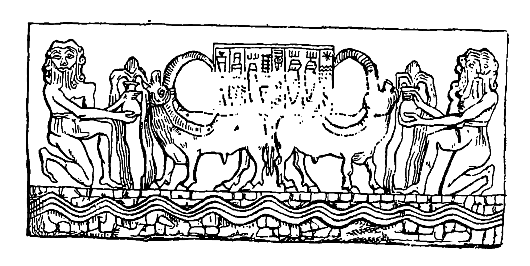
Побеждает Лугальзаггиси, патеси города Уммы.

Причины поражения Лагаша. Знать Лагаша не была уничтожена, а лишь сильно урезана в своих правах Урукагиной: она затаила ненависть к царю-реформатору и оказалась той силой, на которую мог опереться город Умма. Вероятно, в конце концов государство Урукагины не могло выдержать противодействия изнутри и борьбы с внешним врагом — и оно пало. Возможно, что Урукагина некоторое время еще держался в укрепленной части Лагаша — Гирсу. До нас дошла «элегия» одного писца Лагаша, который описывает гибель родного города.

Он пишет: «Люди Уммы подожгли храм Антасурра, унесли деньгами серебро и драгоценные камни, потопили в крови дворец Тираш... (следует длинный список разгромленных храмов)... унесли зерно с Гинарбаниру, поля бога Нингирсу, которое было обработано». Затем следуют угрозы по адресу победителей: «Люди Уммы, опустошив Лагаш, согрешили против Нингирсу. Могущество, пришедшее к ним, будет у них отнято. Царь Гирсу Урукагина не грешен в этом. Что же касается Лугальзаггиси, патеси Уммы, то пусть его богиня Нисаба несет на своей главе бремя греха его».



Шумрская печать с изображением богини плодородия.



Аккадская печать с именем Саргона.

ГЛАВА VIII

ВОЗВЫШЕНИЕ ДИНАСТИИ АККАДА И III ДИНАСТИЯ УРА

Лугальзаггиси, патеси города Умма, распространяет свое господство на весь Шумер и делает столицею Урук. На короткое время он захватывает власть и над всем Двуречьем, что дает ему право хвастливо заявить в надписи на одном сосуде из Ниппура, что он завоевал все страны от Нижнего моря (Персидского залива) до Верхнего (Средиземного). Лугальзаггиси не удалось закрепить свою власть на севере. В это время гегемоном севера становится город Аккад, находившийся в самом узком месте долины, там, где обе реки наиболее близко подходят друг к другу. Расположенный на скрещении торговых путей с востока на запад и с севера на юг, город Аккад представлял собой сравнительно мощное торговое государство. Он становится гегемоном над семитическими городами севера, и это дает ему возможность повести борьбу с Шумером и стать владыкою не только севера, но и юга Двуречья. Царем Аккада, который объединил всю Вавилонию, был Саргон (Шаррукин). В переводе его имя значит «истинный царь». Он был первым крупным завоевателем, известным в мировой истории. И вполне понятно, что в последующие эпохи он оставался чрезвычайно популярным. С именем Саргона связан ряд исторических легенд.

Легенда о Саргоне. Историческая легенда о его детстве чрезвычайно напоминает легенду, сложившуюся о других популярных исторических деятелях и о легендарных героях, например о Моисее, Кире, Ромуле. Рассказывается о том, что после смерти отца Саргона, а также брата отца, его мать, бывшая жрицей, лишившись таким образом защитника-мужчины (очевидно у аккадцев господствовало левиратное право, на основании которого после смерти старшего брата младший брат становился мужем вдовы), кладет своего маленького сына в корзинку из тростника и опускает в реку. Течением ее относит к водоносу и садовнику Акки, который берет Саргона и воспитывает его. Саргон делается водо-

носом и садовником. С помощью богини Иштар он в конце концов становится царем Аккада.

Саргон (2720) начал свою карьеру службой у правителя города Киша, господствовавшего тогда над прочими городами Севера. Будучи его преемником, он становится царем всей Аккадской области и в конце концов захватывает власть и над Шумером.

Завоевание Шумера. Борьба эта, в особенности борьба за господство над Шумером, была чрезвычайно кровопролитной. Об этих войнах рассказывают исторические надписи на табличке Ниппурского архива, на которой компилятор эпохи I вавилонской династии скопировал надписи Лугальзаггиси, Саргона и его ближайших преемников на статуях и прочих памятниках, пожертвованных названными царями в ниппурский храм. В своей борьбе за объединение Вавилонии Саргон столкнулся с царем Урука и Уммы, Лугальзаггиси. Согласно ниппурским надписям он одержал верх над Лугальзаггиси, победив в битве город Урук и пятьдесят патеси «оружием Забабы», главного бога города Киша. Разрушив город, он провел пленного Лугальзаггиси «через огненные ворота Энлиля», т. е., очевидно, принес его в жертву Энлилю, богу Ниппура. В своем следующем походе он идет на Ур, берет его и разрушает городскую стену. Затем он опустошает территорию Лагаша вплоть до моря. Достигнув Персидского залива, Саргон «омывает оружие в море», а на обратном пути громит Умму.

В результате этих походов Саргон объединяет под владычеством Аккада все Двуречье. Важно установить, на какую силу внутри Шумера опирался Саргон. Семиты, правда, владели несколько более совершенным оружием — они употребляли на войне лук, которого шумеры не знали; Саргон ввел в свое войско отряды лучников, т. е. легковооруженную пехоту, которая могла легче маневрировать, чем тяжелая пехота шумеров. Но это только одна сторона дела. Другая причина, которая давала возможность Саргону господствовать над побежденным Шумером, заключалась в том, что имущая верхушка шумерских городов видела в аккадском войске ту силу, которая давала ей возможность консолидировать государственную власть, которая была направлена против рядовых свободных и против рабов. При наличии крепкого государства можно было иметь и большое количество рабов. Теперь начинает усиливаться индивидуальное рабство, которое в эпоху династии Аккада, а в особенности в эпоху III династии Ура, достигло уже довольно больших размеров.

Наконец, обстоятельством, поддерживавшим аккадское объединение, была необходимость укрепления внутреннего и внешнего рынков. Объединение Двуречья давало возможность Северу получать с Юга скот, а Югу получать с Севера зерновые продукты.

Чем прочнее и шире было государственное объединение, тем более стойким и широким мог быть и рынок.

Надо отметить еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: для того чтобы ирригационное хозяйство давало максимум эффективности, требовалось расширение ирригационной сети, регулирование ее и контроль над нею в общегосударственном масштабе.

Эти моменты сыграли в объединении главную роль. Аккадское государство создало более совершенную организацию классового угнетения; соответственно были увеличены военные силы и теперь впервые появляется постоянное войско. У Саргона оно достигало 5400 чел. Для той эпохи это была грозная сила.

Государство Аккада. Как правитель мощного аккадского государства, Саргон стремился к укреплению внутреннего рынка. Для этой цели им создается единая система мер и весов. Основная мера зерна — гур в 300 сила — носит название «гур Аккада», и эта мера, основанная на десятичной системе, распространенной у семитов, в противоположность шумерам, становится господствующей. Саргон, объединивший все Двуречье, прилагал все усилия к укреплению ирригационного сельского хозяйства, являвшегося основой существования многочисленного населения Аккада и Шумера и вместе с тем производившего зерно, которое особенно ценилось на внешнем рынке. Во время его царствования проводятся каналы и регулируется речная система южного Двуречья. Обладая большими зерновыми запасами, Саргон мог с помощью оружия расширить и укрепить внешний рынок.

Завоевания Саргона. О походах Саргона на восток и запад упоминает вавилонская хроника: «Море на востоке [т. е. Персидский залив] он перешел и завоевал в 11 году страну запада до ее предела. Он объединил ее, поставил свои статуи на западе, а добычу большую он привел». О них же упоминает собрание так называемых предзнаменований, составленное в последующее время. О великих походах Саргона на западе и на востоке свидетельствуют и современные ему ниппурские надписи. Одна из них сообщает, что бог дал ему «Верхнюю страну — Мари, Ярмути и Ибла вплоть до кедрового леса и Серебряных гор».

Область Мари занимает долину Евфрата в среднем его течении вплоть до Кархемиша. Ярмути также упоминается в Телль-амарнской переписке (XV—XIV века) как часть азиатских владений Египта и может быть локализована в северной Палестине. Ибла встречается и в надписях патеси Лагаша Гудеа (около 2450 года) как цепь гор, с которых он получал некоторые породы деревьев. Горы эти, вероятно, нужно отождествить с отрогами Тавра. Что касается «кедрового леса» и «Серебряных гор», то это Ливан и Тавр.

Все это, таким образом, свидетельствует, что государство Саргона вышло далеко за пределы Двуречья, захватило на западе Сирию, а на севере — южные области Малой Азии. Походы Сар-

гона кладут основу для будущего величия торговых финикийских городов-государств. В Двуречье начинают притекать с Запада сырье и рабы.

Поход в Малую Азию. Мы имеем сведения, что походы аккадского царя Саргона простирались до далекой Каппадокии (в центре Малой Азии). Там еще в начале III тысячелетия были основаны торговые колонии города Ашшура, которые доставляли Двуречью сырье — дерево, металл и, главным образом, серебро. Когда вести о могуществе царя Саргона Аккадского дошли до каппадокийских колоний, они послали к нему посольство с просьбой о помощи, потому что-де на них наседает враг, царь города Бурушханда. Очевидно, окружающее население, эксплоатируемое колониями, восстает против них и грозит им гибелью. К аккадскому царю является посольство купцов каппадокийских колоний, указывающих на свою беспомощность, так как они купцы, а не воины, и просит о помощи. Из-за трудности предстоящего дальнего пути Саргон колеблется. После долгих переговоров Саргон наконец собирает жителей Аккада, и на этом собрании посольству, кажется, удается восторженным восхвалением мощи Аккада и красноречивым описанием богатств Каппадокии склонить Саргона к помощи далекой колонии.

Надо полагать, что в этой исторической легенде сохранилась известная доля реальной традиции, и мы можем на основании ее предположить о вовлечении в орбиту влияния Аккада эпохи Саргона и центральной части Малой Азии. Расширяя сферу влияния на западе и севере, Саргон не забывал востока и юга. Ниппурские вотивные надписи сообщают нам о нескольких блестящих победах Саргона над коалициями эламских областей, когда он захватил в плен патеси этих городов и их сановников. Те же надписи сообщают о сношениях Саргона с островами Персидского залива и восточной Аравией. Свои победы Саргон увековечил в памятнике, найденном в Сузах и напоминающем по замыслу и изображениям «Стелу коршунов» Эаннатума.

Централизация власти. Создав своими походами обширный внешний рынок, Саргон привлек на свою сторону знать шумерских городов. В своем стремлении к большей централизации власти он сажает вокруг себя шумерскую знать, отбирая для этой цели земли у местной знати. Подобное же мероприятие преемника его Маништусу засвидетельствовано более надежным источником (мы коснемся этого далее). Саргон проявил также энергичную строительную деятельность, и ниппурские надписи сообщают о восстановлении им Киша.

Государство Саргона процветало в течение нескольких десятилетий. Он принимает титул «царя четырех стран света», претендующий на мировое значение. Правда, сепаратистские стремления шумерских городов не были еще преодолены. Надо полагать, что более бедные слои населения Шумера тяготились гнетом аккадского государства и стремились оторваться от последнего.

Так называемая хроника К сообщает о разрушении Саргоном Казаллу и затем о восстании всей страны в конце его царствования. Восставшие осадили Саргона в Аккаде, но потерпели полное поражение. После этого он, согласно той же хронике, побеждает страну Субари, т. е. северную Месопотамию. Однако вскоре вспыхнуло новое восстание, вызванное наступившим голодом, от которого особенно страдало беднейшее население. Согласно благочестивой догадке вавилонского составителя хроники, голод был послан гневом Мардука, великого бога Вавилонии, за какое-то преступление Саргона по отношению к Вавилону. Смерть помешала Саргону подавить это восстание, и эту задачу разрешил его сын Римуш, который в надписи на монолите (в виде крестообразной призмы) заявляет: «Все страны, которые оставил мне отец мой Саргон, восстали против меня, и ни одна не осталась мне верна». В той же надписи он рассказывает и о победе над мятежниками.

Римуш. Ниппурские надписи сообщают некоторые любопытные цифровые данные об этих походах, имевших целью снова соединить распадающееся государство Аккада. Во главе отпавших встал Энимкуг, правитель Ура; к нему примкнули Умма и много других городов. Римуш разбивает войско неприятеля. Число убитых составляет 8040, а число пленных — 5460. Затем Римуш двинулся к Персидскому заливу и захватил в городах, примкнувших к Энимкугу, 5700 пленных. На обратном пути он усмиряет восстание в Казаллу, городе, с которым уже пришлось бороться его отцу. Поражение стоило городу 12650 убитых и 5864 пленных. Эти же тексты сообщают о победе Римуша над коалицией, во главе которой стоял Умма. 8900 врагов остались на поле битвы и 3540 были захвачены Римушем в плен. Победой над Авалгамашем, царем Барахсу, Римуш завершил поражение Элама. Хотя цифры в надписях преувеличены, но все же большое число взятых в плен показывает, очевидно, что Римуш в этих походах добывал ту рабочую силу, в которой нуждалось аккадское государство.

После побед Римуша Шумер окончательно объединяется и в последующее время уже не распадается больше на отдельные городские области, как это было в Египте, где отдельные номы (области) продолжали оставаться до конца рабовладельческого периода самостоятельными единицами.

Маништусу. Римуш пал жертвой придворного заговора; его сменил его брат Маништусу. Последний, продолжая политику своего отца Саргона, скупил земли вокруг четырех городов Севера вблизи Киша и поселил там шумерскую знать. Об этом свидетельствует большой обелиск, покрытый надписями со всех четырех сторон. В этих надписях царь зафиксировал покупку земель в окрестностях четырех поселений области города Киша. За земли царь платил зерном, серебром и рабами. В заключение царь обязывается «кормить» некоторое количество населения указанных городов (очевидно тех жителей, которые получали работу на зем-

лях, купленных царем). Маништусу разгромил Элам и на берегу Персидского залива разбил коалицию из тридцати двух царств.

Нарамсин. Его преемник Нарамсин продолжает дело завоеваний, и одна из надписей сообщает о его победах в течение одного года над девятью армиями и о пленении им трех царей, вождей этих армий. Несчастных своих пленников он велел сжечь перед богом Энлилем в Ниппуре. Повидимому, это были цари Урука, Уммы и Ниппура — трех мятежных городов, которые пытались восстать против Нарамсина. Другая надпись повествует о походе Нарамсина в далекий Маган и Мелухху. Знаменитая стела Нарамсина, найденная в Сузах, свидетельствует о победах аккадского царя над лулубеями и другими племенами Загра. По Евфрату войска Нарамсина доходили до области Мари. Рельефные изображения этого царя найдены в южных отрогах армянского Тавра.

Аккад времени Нарамсина объединял громадные территории. Царь аккадского государства пользуется божественными почестями. Нарамсин называет себя «богом Аккада». Титул «царя четырех стран света», указывающий на мировое господство Нарамсина, становится постоянным.

Дальнейшая дифференциация общества. Господствующее над обширной территорией государство Аккада крепнет и богатеет. Вместе с тем общество начинает все больше дифференцироваться. Появляются люди, владеющие большими наделами. Мы знаем из надписи Маништусу, что в руках богатых семейств имеются владения в несколько сот гектаров. Надо полагать, что эти большие земельные владения создавались с помощью рабской силы на высоких полях. Благодаря этому все больше увеличивалось богатство некоторых слоев населения, равно как и число рабов. Помимо этого, имела место и скупка земли. Документы хозяйственной отчетности, дошедшие из Умма, сообщают также о больших мастерских в государственном хозяйстве. Возможно, что наряду с рабами там работало и некоторое количество свободных людей. Дифференциация свободного населения в течение веков все более и более усиливалась и в конце концов в эпоху династии Аккада создала ту социальную категорию, которая до сих пор не встречалась в Шумере, а именно батраков, поденщиков.

Воинами в этом обществе были все те, которые владели земельным наделом и получали с него то, что давало им возможность иметь свое оружие: свой кожаный панцырь, шлем, щит, копье с медным наконечником и т. д. Когда они шли в поход, с этого надела кормилась их семья. Этот надел давал им возможность выступить в нужный момент на поле битвы для защиты государства. Следует вспомнить характеристику, данную Марксом общинной форме собственности: «Собственность на свой труд опосредствована собственностью на условия труда — на участок земли, в свою очередь гарантированной существованием общины,

община же в свою очередь гарантирована прибавочным трудом в форме военной службы и т. д. членов общины».[1] Разрушение этого порядка подрывало военную мощь общины. Таким образом в лице батраков, не имеющих земельного надела, мы встречаемся с людьми, которые не могут уже итти воевать. Появление батраков в эпоху династии Аккада приводит к ослаблению боеспособности государства, в первую очередь Аккада, поскольку он является носителем боевой силы государства.

Как раз теперь, когда аккадское государство стало богатым, оно в особенности нуждалось в военной силе, потому что все более значительным становился напор на него со стороны воинственных соседей, варварских племен гор востока, которые видели в богатом аккадском царстве желанную добычу.

Начавшееся ослабление военной мощи государства сказывается и в упадке царской власти. Вскоре после Нарамсина наступил период междуцарствия, когда за три года сменилось четыре царя.

Нашествие гутеев. Дело заканчивается около 2570 года разгромом аккадского государства гутеями, воинственным горным племенем, жившим несколько к северу от Элама. Эти горцы пронеслись разрушительным потоком по Двуречью («драконы горы» — называет гутеев один шумерский текст) и разгромили Аккад так, что он после этого уже не мог оправиться. Гутеи разгромили и Шумер, но, вероятно, западная часть его была менее затронута.

Гутеи держались исключительно насилием, и через пятьдесят, примерно, лет владычество их прекратилось. Двуречье снова стало самостоятельным, но раздробленным на враждующие между собою города.

Теперь гегемонию над ней захватывают не семиты севера, которые сильно пострадали от вторжения гутеев, а шумерский юг, пострадавший меньше от гутейского вторжения — особенно в своей западной части.

Попытка объединить Шумер была сделана царями из города Урука, но слабая династия не была в состоянии сломить сепаратистские стремления патеси других городов.

Новое возвышение Лагаша. Около этого же времени опять возвышается Лагаш. Здесь правит патеси Гудеа (около 2450 года), оставивший чрезвычайно много памятников.

Гудеа, очевидно, был правителем Лагаша в эпоху полного ослабления гутеев. Судя по его надписям, Лагаш переживает теперь новый расцвет: при Урукагине число жителей в Лагаше доходило до 36 тысяч, а теперь оно достигает уже 216 тысяч. Надо полагать, что такое увеличение населения за двести лет произошло не только за счет внутреннего роста, но и за счет увеличения

[1] *К. Маркс,* «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 155.

*

территории Лагаша, подчинившего многие области Шумера. Гудеа проводит большое строительство, украшает храмами свой город. Строительный материал добывается со всех концов Передней Азии, из Ливана, Малой Азии и Аравии. Гудеа совершил даже поход против Элама, откуда принес большую добычу, которая была пожертвована храму Нингирсу.

В надписях на своих статуях, поставленных в храме, Гудеа говорит: «Чтобы построить храм Нингирсу, эламит приходил из Элама, житель Суз из Суз, Маган и Мелухха доставляли лес». Он подчеркивает, что рабов было уже так много в Лагаше, что при работах над его храмом рабыни не должны были носить корзины с землей, а работали только сильные рабы-мужчины. И хвастливо добавляет, что при постройке храма: «На раба, который совершил свой грех, не гневался его господин; рабыню, которая поступила плохо, не била ее госпожа в лицо».

Возвышение Ура. Но полного расцвета достигает Шумер несколько десятилетий спустя. Этот расцвет связан с III династией Ура (2420—2300). Она опиралась на один из самых западных городов Шумера, город Ур, где почитался бог луны Син. Ур стал нам хорошо известен благодаря последним раскопкам.

III династия Ура называется «третьей династией» потому, что на основании царских списков, дошедших до нас от древнего Шумера, мы знаем, что в Уре царили еще в глубокой древности две другие династии. III династия правила сравнительно долго, около 120 лет, в течение которых Двуречье представляло мощное объединенное государство.

Первые цари III династии Ура, пользуясь слабостью других городов, объединили в своих руках почти весь Шумер. В это объединение вошли, кроме Ура, еще Урук, Лагаш, Умма, Ниппур и другие города. Наконец, Ур подчинил своей власти северные города Аккада и распространил свое влияние до Сирии и Малой Азии.

Шульги. Крупнейшим политическим деятелем этого времени был царь Шульги (прежде его имя читали Дунги), правивший около пятидесяти лет. Продолжая политику территориального расширения, Шульги повел войну с Аншаном (в Эламе) и в конце концов женил патеси Аншана на своей дочери. Таким образом фактически Аншан потерял свою политическую самостоятельность, и в Элам широко проникло шумерское влияние.

Шульги во многом продолжал то, что было начато аккадскими царями. Он также принял титул «царя четырех стран света» и даже, объявив себя богом, учредил себе культ в одном из храмов. Стремясь к возможно большей централизации, он вновь подтвердил единые меры и общий вес (так называемые «царские меры»), что должно было способствовать развитию торговли. Был установлен общий календарь, согласовавший лунный год с солнечным. Было введено общее обозначение лет по событиям, тогда как раньше каждый город имел свое летосчисление. Шульги повел решительную борьбу с самостоятельностью шумерских го-

родов; он лишил патеси светской власти, оставив им лишь жреческие функции. Патеси с этого времени стали чиновниками царя, ничем не отличавшимися от прочей знати.

От каждой из покоренных и присоединенных областей Шумер получал определенный налог, который шел в пользу царя. При династии Ура было установлено такое же правило, которое позднее было в государстве Соломона: двенадцать главнейших патеси, или наместников, заботились о продовольствии царя и о содержании его двора попеременно по одному месяцу в году.

Общество. Силой, на которую непосредственно опиралась III династия Ура, было постоянное войско, которое имелось в отдельных городах и называлось «воинами царя». Вокруг этого войска группировались ополчения городов. Дифференциация общества приводит к появлению не только батраков, не только людей, оторванных от средств производства, но и людей, теряющих личную свободу: появляются рабы-должники. Эти люди называются тем же термином «раб», каким называли рабов из пленных или купленных иноплеменников.

Во времена III династии Ура раб-должник терял права гражданства и больше не мог уже стать свободным.

Документы хозяйственной отчетности. На основании тех хозяйственных документов, которые дошли до нас в большом количестве из целого ряда городов, мы узнаем, как использовалась рабочая сила в храмовом хозяйстве. Таблички III династии Ура дошли до нас из архивов Лагаша, Уммы, Ниппура, Дрехема, Ура и Адаба, и имеется возможность подробно изучить экономику Шумера за 2400 лет до нашей эры. Число табличек превышает в настоящее время уже сотню тысяч, и они относятся к различным отраслям многостороннего большого хозяйства. Масса текстов касается скотоводства, больших мастерских по изготовлению кораблей, столярных и гончарных мастерских, кухни, складов, где хранились дерево и шерсть, и т. д.; во многих текстах, где говорится о большом количестве рабочей силы, употреблявшейся на сельскохозяйственных работах, содержатся также указания, каким образом эта рабочая сила использовалась. Одним словом, шумерские хозяйственные документы отражают различные стороны крупного государственного хозяйства той эпохи. Такие таблички хранятся и в музеях нашего Союза, где их насчитывается несколько тысяч.

Некоторые таблички были небольшого размера и свидетельствовали о единичных трудовых операциях, например, о том, что тридцать человек послано на один день в такое-то поле для жатвы.

В 1922 г. были изданы годовые отчеты надзирателей рабочих партий царского хозяйства города Уммы об использовании рабочей силы, находившейся в их ведении.

Эти таблички представляют собою большого формата кирпичи, написанные очень мелким клинописным письмом, заполненные с лицевой и с оборотной стороны. Текст распадается на три части: 1) общее количество рабочей силы, 2) данные об использовании этой силы и 3) баланс, согласующий сумму ра-

бочей силы и ее расход. Так, в одной из табличек в первой части дается количество работающих. Надзиратель располагает здесь двадцатью человеками, которые работают 360 дней, причем в дальнейшем он оперирует не двадцатью человеками, а 7200, которые работают один день. Эта цифра получилась из умножения 20 на 360; следовательно в эту отдаленную эпоху мы уже имеем четко выраженное понятие человекодня. Наряду с этим имеется еще известное количество человек, предоставленных этому надзирателю другим надзирателем, и, наконец, 1813 человекодней наемных людей.

По этим табличкам оказывается, что люди, работающие круглый год, не получают обычно определенного урока, наемным же людям всегда указывается урок. Работающие круглый год получают корм — зерно, а наемные — зарплату в три раза больше первых: вместо двух, от шести до восьми мер зерна. Таким образом мы узнаем, что основная масса работников трудилась в течение 360 дней, т. е. это были рабы.

Интересно соотношение между рабским трудом и трудом свободным: 7394 человекодня рабов и 1813 человекодней наемных — соотношение 4 : 1. Такое же соотношение труда рабов и свободных мы находим в ряде других табличек. Следовательно, преобладает рабский труд.

Храмовое хозяйство. Храмовое хозяйство, отраженное вышеуказанными табличками, можно назвать уже достаточно развитым рабовладельческим хозяйством. Среди рабов были квалифицированные и неквалифицированные; были рабыни, которые работали отдельно от мужчин, но в сущности часто исполняли ту же работу. Работа их была разнообразной, начиная от различных сельскохозяйственных работ, работ на ирригационной системе и кончая работами по транспорту — трудом бурлацкого типа. До нас дошли аналогичные отчеты надзирателей мастерских (так, например, отчет надзирателя одной столярной мастерской, где работали тридцать два человека). Организация труда в сельском хозяйстве и ремесле была примерно одинакова.

Положение рабов в таких хозяйствах было чрезвычайно тяжелым. Известны случаи ослепления раба для предотвращения его побега, тогда как для слепого раба можно было найти работу. Из данных архива Уммы известно, что из ста семидесяти рабынь за год умерло пятьдесят. Женщин использовали не только для ткацких работ, но и на тяжелых работах по погрузке зерна на баржу, носке тростника и т. п.

Хозяйство частных лиц. До нас дошли также юридические тексты, которые указывают, что в эту эпоху частноправовые отношения также развиваются и что частное землевладение на высоких полях сильно расширилось.

В частном хозяйстве положение раба не было столь тяжелым, как в царских или храмовых хозяйствах. Здесь еще до некоторой степени сохранялись патриархальные отношения, характерные для более примитивных форм домашнего рабства. Раб в частном хозяйстве мог иметь свою семью, хозяин его был в этом заинтересован, так как получал возможность естественным путем увели-

чивать число своих рабов. Раб иногда получал небольшое хозяйство, соответствующее римскому пекулию; тем самым хозяин снимал с себя заботу о прокорме раба. В частном хозяйстве раб не подвергался таким тяжелым наказаниям, так как не в интересах хозяина было снижать его трудоспособность. Имеются данные, что в праздничные дни раб освобождался от всякого наказания.

Ни в один отрезок времени хозяйственного года свободный труд не применялся в таком большом количестве, как в эпоху полевой страды. Когда начиналась жатва и собиралось зерно, создавшее основу хозяйственного благополучия не только Двуречья, но и окружающих стран, житницей которых было Двуречье, к работе привлекались все наличные рабочие руки. На основании одного документа можно утверждать, что для важнейших государственных хозяйств той эпохи число жатвенных рабочих достигало 21 тысячи.

Судебник. От III династии Ура дошли до нас фрагменты судебника. По сравнению с тем, что дала позднее I вавилонская династия, по сравнению с судебником царя Хаммурапи — это жалкие обломки, какие-нибудь десятка два статей.

В немногих статьях, дошедших до нас, имеются уже различные наказания и штрафы, определяемые в зависимости от злой воли, преднамеренности или нечаянности преступления. Например, человек, толкнувший беременную женщину, вследствие чего последовал выкидыш, получает наказание — штраф, определяемый преднамеренностью или случайностью его поступка. При похищении девушки учитывается ее согласие на это похищение, от чего зависит наказание. Следовательно, юридическая мысль в дошедших до нас фрагментах судебника III династии Ура достигла уже некоторого развития.

В этом же судебнике имеются указания и на разделение общества на классы. Противопоставляются классы рабовладельцев и рабов, и статьи законов направлены именно к тому, чтобы защитить интересы рабовладельцев как против беглого раба, так и против «строптивого» раба. В обоих случаях закон стоит на стороне рабовладельца.

Торговля. Это рабовладельческое общество существовало в Вавилонии больше ста лет и создало обширный рынок, обнимавший собою почти всю Переднюю Азию: сюда входили и юг Малой Азии, и Сирия, на севере — Ассирия, на востоке — Элам.

Торговля в это время процветала. До нас дошли тексты, являющиеся страницами из счетоводных книг купцов, которые вели торговлю по поручению государства и вместе с тем наживались сами. До нас дошли списки тех товаров, которыми они торговали; в текстах указываются цены этих товаров, и на основе этих текстов можно установить, что оборот был довольно большой. Цены выражались в серебре, так что серебро являлось уже деньгами, правда, еще не в форме монет, так как штампа на нем еще

не было, и каждый раз серебряный слиток взвешивался, но по существу серебро являлось мерилом ценности всех товаров.

Культурный уровень Шумера. Материальная и духовная культура, выросшая на базе рабовладельческого хозяйства III династии Ура, была весьма высокой.

Раскопки, которые ведутся в вавилонских городах, свидетельствуют о том, что самые мощные постройки восходят именно к III династии Ура (если не говорить о I вавилонской династии). Страна покрылась величественными храмами-дворцами, причем архитектурное искусство было доведено до совершенства.

Скульптура, как рельеф, так и круглая, в эту эпоху также достигает большой высоты. Здесь встречаются такие композиции, которые могут быть поставлены даже наряду с произведениями греческого искусства. Например, был найден один памятник, который, как указывают специалисты, не имеет себе равного в античном искусстве. Это рельеф, на котором изображается царь, молящийся перед божеством. Он поднимает чашу, к нему с неба летит фигура с крыльями, которая льет ему из другой чаши влагу.

Гимны, исторические тексты и другие памятники литературы также достигают большого совершенства. Правда, изучение этих памятников находится еще в зачаточном состоянии благодаря трудностям шумерского языка, но те памятники, которые более или менее изучены, свидетельствуют о высоком состоянии литературы.

Амореи. К концу III династии Ура власть шумерских царей была значительно ослаблена не только под воздействием внутренних причин, но и благодаря усилению других народов. В среднем течении Евфрата к этому времени начинают оседать новые семитические племена — амореев, которые образовали ряд крупных государственных объединений. Наиболее значительным из аморейских государств было царство Мари, откуда до нас дошел большой архив, состоящий более чем из двадцати тысяч клинописных табличек.

Другим царством, соседящим с Шумером, был г. Ашнуннак (совр. Телль-Асмар), лежавший по реке Диале, притоку Тигра. Ашнуннак, бывший до того во власти царей Ура, усилил свою мощь, используя вторжение амореев. Цари Ашнуннака присоединяли к своей территории города, ослабленные войной с амореями.

Эламский разгром. Другим внешним врагом Шумера был Элам, где к тому времени значительно выросла и окрепла знать. Это обогащение эламской знати происходило под непосредственным влиянием Шумера, с которым эламитяне состояли в постоянных торговых отношениях. Дифференциация эламского общества происходила особенно быстрыми темпами под воздействием шумерской торговли. Обостренные классовые противоречия привели к восстанию в Эламе и к этому же времени началось вторжение эламитян в Шумер. В 2300 году произошел полный разгром Шу-

мера: в Уре, как показывают раскопки, не было оставлено камня на камне; разрушены были Урук, Ниппур и другие города. В Ниппуре был сожжен храм, где хранился государственный архив Шумера. Последний царь III династии Ура Ибисин, был захвачен в плен амореями и передан в Элам. В этом разгроме Шумерского государства несомненно был замешан город Мари. Никогда уже Шумер не мог оправиться. Удар пришелся по обществу, которое в сильнейшей степени было ослаблено изнутри.

Династии Исина и Ларсы. В результате разгрома централизованной монархии страна распадается на самостоятельные царства, в которых можно наблюдать большое влияние амореев. На Севере возникла династия Исина, цари которой были родом из Мари. Царство Исина объединяло область бывшего Аккада, а также некоторые города Шумера: Ниппур, Урук, Эриду. В то же время в Шумере возникает другое объединение под главенством города Ларсы, цари которой тоже были аморейского происхождения. И цари Ларсы и цари Исина претендовали на полноту власти, и те и другие носили громкий титул «царей Аккада и Шумера», хотя фактически владели небольшой частью когда-то мощного государства.

Рост крупного землевладения. Памятники, которые дошли до нас от эпохи, лежащей между III династией Ура и I вавилонской династией, полны свидетельств о разлагающем действии ростовщичества.

Повсюду обнаруживаются свидетельства о концентрации как недвижимого, так и движимого имущества. Так, мы узнаем из одной небольшой серии табличек, что после смерти главы семейства происходит дележ имущества между четырьмя братьями. Имущество делится первоначально поровну, старший брат получает только на одного раба больше. Через несколько лет старший брат приобретает имущество двух других братьев, а через год — и имущество четвертого брата. Таким образом он концентрирует в своем хозяйстве все имущество семьи.

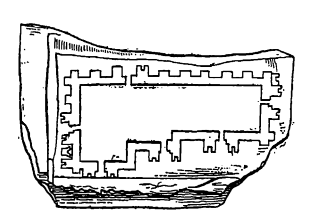
В городе Сиппаре, который находился рядом с Аккадом и который после разгрома Аккада оттеснил этот старый царский город, имелся храм, где пребывали жрицы-затворницы. Они посвящались богу и имели сношения с окружающим миром только через окно. Но эта связь через окно оказывалась вполне достаточной для того, чтобы эти женщины прекрасно вели свои дела. Через родственников, отцов и братьев, они производили скупку земель, сдавали свои земли в аренду, давали деньги в рост и т. д.

Из города Урука до нас дошел архив двух братьев: Силлиииштар и Авильсин. На основании дошедших до нас текстов (а сколько текстов до нас не дошло!) можно утверждать, что в течение каких-нибудь десяти лет они скупили за гроши сорок домов и домовых участков. Очевидно, оба брата выжидали того момента, когда их обедневший согражданин испытывал крайнюю нужду, и, пользуясь этим, захватывали его имущество.

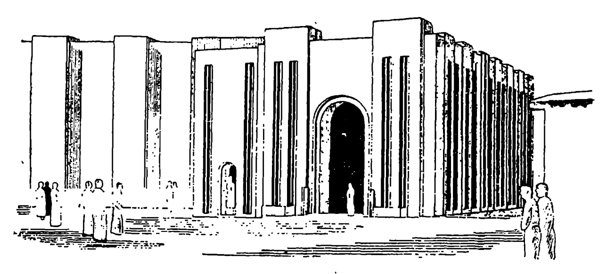
Рост рабства-должничества. Скупается уже не только движимое и недвижимое имущество, но также и бывшие собственники этого имущества. Имеются свидетельства о том, что в городах Шумера появляется новый тип работорговцев, отличающихся от прежних тем, что они скупали рабов не в Эламе или в Субарейской земле, а своих же собственных граждан. До нас дошли сведения о двух работорговцах в городе Ларсе: Бальмунамхе и Убаршамаше. Они скупали людей, держали их в крепких домах и отдавали в наем тем, кому требовалась рабочая сила, преимущественно мелким ремесленникам, имевшим собственную мастерскую и пользовавшимся трудом рабов-должников.

В эту эпоху появляются случаи продажи родителями детей. Торговля детьми, наконец, получает настолько большое распространение, что создалась даже пословица: «Сильный человек живет руками своими, а слабый ценой своих детей».

Все эти черты свидетельствуют о процессах разложения общины; однако они еще не говорят, разумеется, об исчезновении общины, которая продолжает играть некоторую роль в дальнейшей истории Двуречья, хотя значение ее и слабеет, а процессы разложения общинной формы собственности затягиваются на долгое время.



План храма Нингирсу. Со статуи патеси Лагаша, Гудеа.



Дворец в Ашнуннаке. Реконструкция.

ГЛАВА IX

ВАВИЛОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

Возвышение Вавилона. Город Вавилон (Баб-или — «Врата бога») находился в самом центре Вавилонии недалеко от северной границы Шумера (около ста километров от Ниппура). Развалины Вавилона еще по сие время свидетельствуют о его грандиозности. Этот город являлся настолько важным, что по его имени была названа вся страна, но на арену истории он выступает сравнительно поздно.

Впервые Вавилон упоминается при Нарамсине, но тогда он находился под властью Аккада. Позднее, при царях III династии Ура, сношения между Вавилоном и Шумером далеко не всегда были дружественными. Если верить позднейшей традиции, то царь Шульги обошелся с Вавилоном очень жестоко: он разграбил его и увез из него богатую добычу. После разгрома Шумера эламитянами Вавилон, лежавший в стороне от эламского потока, пострадал меньше.

Гегемония на севере переходит к тому городу, который позже всех выступил на арену истории, где рабовладельческие отношения не получили еще такого развития, какое они получили в других местностях Шумера и Аккада.

Борьба с Эламом. Первым царям I вавилонской династии (2169—1870) пришлось выдержать длительную борьбу с другими аморейскими царствами Двуречья. Борьба между Исином и Ларсой облегчила Вавилону возможность стать независимым городом. Отпадение Вавилона от Исина было поддержано Ларсой, которая нанесла Исину тяжелое поражение. На помощь Исину пришел царь г. Ашшура, Илушума, который одержал победу над Вавилоном и Ларсой. Но происшедший в Исине дворцовый переворот привел к изменению в политике Исина. Цари Исина стремились теперь разорвать союз Вавилона и Ларсы. Переход Ларсы на сторону Исина привел ее к гибели. Эламский царь Кудурмабук, заключив союз с аморейскими вождями, которые хо-

зяйничали в южном Двуречье, завоевал Ларсу и посадил там царем своего сына. Так эламитяне снова захватили в свои руки Шумер и даже посадили в Ларсе своего царя. Другой сын Кудурмабука, правивший в Ларсе, носил семитическое имя Римсина (т. е. «Телец бога Сина»), что показывает, насколько широко распространилось влияние амореев, проникающее даже в Элам. Римсин подчинил себе не только Юг (Урук, Ниппур), но на тридцатом году своего царствования завоевал даже город Исин, а вавилонский царь Синмубаллит вынужден был признать его власть. Эламитяне считали подвластными областями также некоторые области Сирии и Палестину.

Хаммурапи. Но положение резко изменилось, когда к власти пришел Хаммурапи (2067—2025), сын Синмубаллита, шестой царь вавилонской династии. Перед ним стояла чрезвычайно тяжелая задача борьбы с Югом, который находился в эту эпоху фактически в руках Элама.

В то же время на севере, в Ашшуре, власть захватили амореи, и один из них, Шамшиадад I, подчинил себе обширные области до Евфрата, покорил гор. Мари. Первое время Хаммурапи признавал власть Шамшиадада над Вавилоном, и это облегчало ему выполнение его непосредственной задачи — объединение Шумера и Аккада. В первые годы своего правления он завоевал Исин и Урук и нанес поражение эламской области Ямутбалу, которая была опорой Римсина. Успехи вавилонского царя обеспокоили другие города; гор. Ашшур, где тогда правил Ишмедаган, попытался даже опереться на союз с царем Мари, Зимрилимом; но последний искал поддержки у Хаммурапи. Таким образом Хаммурапи, подчинивший себе на Юге Исин и Урук и опиравшийся на союз с Мари, мог выступить против других своих врагов. В тридцатом году своего царствования Хаммурапи покорил Субарту, область северного Двуречья, завоевал Ашнуннак, а в тридцать первом году он обрушился на своего главного врага, Римсина. Была захвачена его столица Ларса. Победы Хаммурапи заставили царя Мари позаботиться и о своей безопасности. Он стал стягивать в столицу свои войска, сражавшиеся наряду с войсками Хаммурапи. Узнав об измене Зимрилима, Хаммурапи направился в Мари и в тридцать третьем году подчинил его себе. Но Зимрилим не пожелал примириться со своим подчиненным положением; поэтому в тридцать пятом году Хаммурапи снова оказался под стенами Мари. Город был разрушен, стены крепости срыты, дворец Зимрилима сожжен. Последние годы Хаммурапи был занят покорением других городов: разрушен был непокорный Ашнуннак, Ашшур был подчинен. Так Вавилония завоевала себе первое место среди других народов Передней Азии.

Память о Хаммурапи продолжала жить много столетий спустя; о нем сообщают некоторые исторические надписи и тексты, найденные в библиотеке Ашшурбанипала.

Судебник Хаммурапи. В конце 1901 и в начале 1902 года во время раскопок в Сузах французами были найдены три фрагмента большого черного базальтового столба, на котором был записан судебник Хаммурапи. Наверху столба изображен царь, стоящий перед богом солнца Шамашем, который является покровителем суда и которому царь клянется в том, что он будет верно выполнять все законы, начертанные на этом столбе. Под этим рельефом высечен огромный текст, заполняющий столб как с лицевой, так и с обратной стороны. Текст распадается на три части. Первой частью является обширное введение. В начале его Хаммурапи указывает на цель, которую преследовали великие боги, когда они призвали его к царству над Вавилонией: «Для водворения в стране справедливости и истребления беззакония и злых, чтобы сильный не притеснял слабого». За этими словами следует перечисление всех «благодеяний», оказанных Хаммурапи городам Вавилонии. Введение заканчивается заявлением Хаммурапи, что он, призванный Мардуком, богом Вавилона, даровал право и законы на «языке страны», т. е. на языке аккадском (семитическом). За введением следуют статьи законов, которые заканчиваются обстоятельным заключением. Здесь, указав вкратце на благодеяния жителям Вавилонии, он определяет следующими словами цель составления судебника: «Для того чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость, я начертал в Вавилоне мои драгоценные слова на моем памятнике». На своего преемника, который будет следовать этим законам, Хаммурапи призывает милости богов, а преемнику, изменяющему законы или не следующему им, он угрожает страшными карами богов. Памятник сохранился в общем хорошо. В нем имеется 247 статей. По повелению эламского царя, который впоследствии вывез этот памятник из Вавилона и привез в свою столицу, были стерты статьи последних столбцов лицевой стороны.

Очевидно он выскреб текст, чтобы поставить свое имя, но смерть помешала ему завершить свое дело, и стертое место осталось незаполненным. На выскобленном месте было начертано 35 статей; следовательно всего в судебнике Хаммурапи было 282 статьи. На основании копий с судебника, найденных в древних библиотеках, можно восстановить часть уничтоженных статей.

Содержание судебника. Статьи судебника обнимают собою почти все стороны тогдашней жизни. Первые пять статей посвящены вопросам уголовного права и судопроизводства. В следующих двадцати (6—25) статьях трактуется вопрос о краже в помещении и о взломе. В статьях 26—41 регулируются обязанности и права воинов (в особенности детально разобраны вопросы землевладения воинов). Следующие статьи, 42—66, а также часть выскобленных статей были посвящены вопросам о владении недвижимым имуществом. Другая часть выскобленных статей и статьи 100—107 трактуют о купцах и их помощниках. Актуального в эту

эпоху вопроса о корчмах и вертепах касаются статьи 108—111. Определение права хранения и долгового права мы находим в статьях 112—126. Большое место (статьи 127—195) занимает семейное право. Отдел, обнимающий статьи 196—227, определяет размер кары за членовредительство. Статьи 228—235 посвящены вопросам, связанным с работой архитекторов и судостроителей. Нормы найма обстоятельно разработаны в статьях 236—277. Содержанием заключительных статей служат постановления о рабах. В судебнике охвачены все сословия, на которые делилось общество Вавилонии; упоминается много профессий, которые имелись в среде тогдашнего общества. Из судебника мы узнаем о далеко идущем разделении труда.

Наряду с этими достоинствами судебника надо указать и на ряд примитивных сторон его законодательства. Примитивна казуистическая формулировка законов: если будет сделано то-то, последует такое-то наказание. При наложении кары не учитывается наличие злой воли, отсутствует детализация в ряде затронутых проблем. Все это указывает на большое еще несовершенство юридической мысли составителей судебника. Этот первый правовой памятник древнего Востока является одним из самых важных источников не только древневосточной, но и вообще всемирной истории. Ни один из впоследствии найденных древневосточных судебников не может ни по своей полноте, ни по сохранности равняться с этим вавилонским судебником, охватывающим все стороны жизни и отвечающим на самые существенные правовые запросы своей эпохи.

Письма Хаммурапи. Наряду с судебником чрезвычайно важным источником являются письма царя Хаммурапи, которые дошли из архива наместника города Ларсы Синидиннама и его помощника Шамашхасира. Писем этих сохранилось сотни полторы, и они рисуют разностороннюю и кипучую деятельность Хаммурапи.

Кроме царских писем, кроме судебника и надписей царя Хаммурапи, число которых благодаря последним раскопкам все увеличивается, к источникам изучения его царствования могут быть также отнесены так называемые датировки выдающихся событий, которые велись со времени III династии Ура и продолжались и в его эпоху.

Наряду с этими источниками до нас дошли и памятники хозяйственные, торговые сделки, документы о ссуде, о найме, о браке и т. п.

Таким образом для изучения эпохи первой вавилонской династии мы обладаем достаточным количеством памятников, которые дают возможность более или менее полно установить специфичность развития Вавилонии в эту эпоху.

Рабы. Если обратиться к судебнику как источнику для определения характера общества эпохи Хаммурапи, то первое, что здесь можно установить, как и в судебнике III династии Ура, — это

противопоставление свободных и рабов как двух антагонистических классов. Государство становится на защиту рабовладельца как против «строптивого», так и против беглого раба. Смертью наказывается укравший раба, а также и тот, кто укрывает беглого раба. Такое же суровое наказание постигает и клеймильщика, изменяющего клеймо раба, или же того человека, который заставит клеймильщика совершить данное преступление. Напротив, за поимку беглого раба законом предусматривается награда. Строптивому рабу, не повинующемуся своему господину, господин мог отрезать ухо. За членовредительство, причиненное рабу, требовалось возмещение убытка тому свободному, собственностью которого был данный раб.

«Сыновья мужа» и «мушкену». Свободные, которых судебник противопоставлял рабам, распадались на две прослойки. Первая, господствующая прослойка, это так называемые «мар-авелим» (сыновья мужа), т. е. люди благородные, которых нельзя назвать просто по имени, а всегда в связи с отчеством.

От этой группы лиц отличается слой людей, который носит название «мушкену». До сих пор это слово толковалось различным образом: некоторые переводили его «бедняк», другие (например, И. М. Волков [«Законы вавилонского царя Хаммурапи»])— «вольноотпущенник». Эти переводы неправильны: на основании последних изысканий, слово «мушкену» буквально означает «подданный».

Их положение чрезвычайно любопытно. По данным судебника они являются менее привилегированными, чем «сыновья мужа»: членовредительство, причиненное «сыну мужа», каралось соответствующим членовредительством виновного, как мы читаем в статье 196: «Если кто-нибудь повредит глаз у сына мужа, то должно повредить глаз ему самому». Или же в статье 197: «Если он сломает кость у сына мужа, то должно сломать кость ему». Здесь имеет силу принцип «око за око, зуб за зуб», свойственный многим примитивным законодательствам. Он твердо проводится по отношению к защите «сыновей мужа», по отношению же к мушкену довольствуются штрафом, т. е. их жизнь и здоровье защищаются в меньшей степени, чем жизнь и здоровье сына мужа. С другой стороны, мушкену могут являться и рабовладельцами, как об этом свидетельствует ряд статей судебника. Следовательно, они также принадлежат к господствующему классу. Есть еще одно чрезвычайно любопытное явление, на которое до сих пор недостаточно обращалось внимания: в тех статьях, в которых упоминаются мушкену как рабовладельцы, они сопоставлены не с сыновьями мужа, а с двором или храмом.

Об этом действительно свидетельствуют такие статьи, как статья 15: «Если кто-нибудь выведет за ворота дворцового раба или дворцовую рабыню, или раба, принадлежащего мушкену, или рабыню, принадлежащую мушкену, то его должно предать смерти».

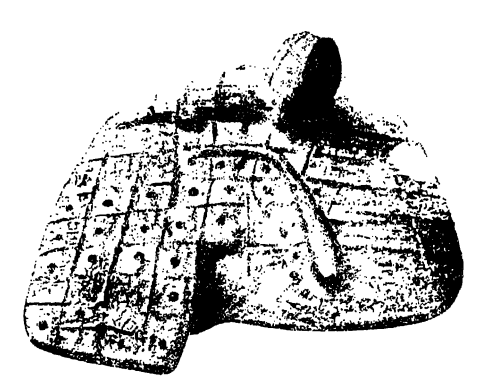
Или же в статье 16: «Если кто-нибудь, укрыв в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или мушкену, не выдаст его по требованию чиновника, то этого домохозяина должно предать смерти». В статье 219, где говорится о каре врача за смерть раба, причиненную во время операции, упоминается лишь раб, принадлежащий мушкену. Умолчание в этих статьях о «сыновьях мужа», как рабовладельцах, не является случайностью. Это вытекает из статьи 175, которая трактует о браке раба и свободной женщины: «Если дворцовый раб или раб мушкену женится на дочери сына мужа и она, по взятии ее замуж, войдет в дом дворцового раба или раба мушкену с приданым из дома своего отца и они, поселившись вместе, построят дом и приобретут движимое имущество, то по смерти дворцового раба или раба мушкену дочь сына мужа получает свое приданое, а все приобретенное ими от начала их совместной жизни должно разделить на две части: половину должен взять господин раба, другую — дочь сына мужа для своих детей».

Поскольку три раза повторяется сопоставление дворцового раба и раба мушкену, то из этого как будто следует, что только раб мушкену есть раб, который находится в частновладельческих руках, а рабы «сына мужа», очевидно, приравнивались к имуществу самого царя или храма. Законы, видимо, таким образом ставили под защиту имущество «сыновей мужа». Этот факт вытекает из статьи 8: «Если кто-нибудь украдет вола, или овцу, или осла, или свинью, или судно, то, если это принадлежит храму или дворцу, он обязан возместить это в тридцатикратном размере, а если это принадлежит мушкену, он должен отдать в десятикратном размере; если же вору нечем отдать, то его должно предать смерти».

Вероятно, фактически собственность «сыновей мужа», находившаяся уже в их индивидуальном владении, в своде же законов лишь пережиточно рассматривается как храмовое или царское имущество и охраняется как таковое.

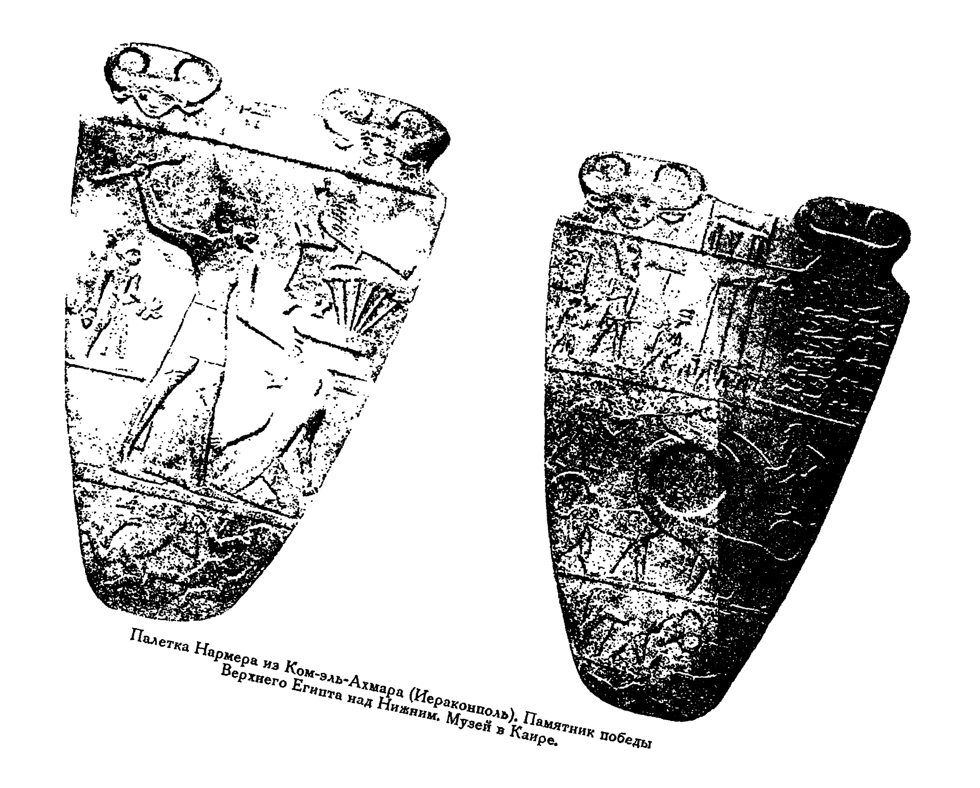
Из всех этих статей судебника вытекает со всей определенностью, что мушкену не могли быть представителями эксплоатируемого класса; наоборот, они входили в состав господствующего, имущего, рабовладельческого класса, и надо решить вопрос — кто же они такие? Если «мар-авелим» являлись привилегированным слоем, куда входили воины, потомки амореев и т. д., то под мушкену следует понимать, главным образом, жителей тех городов и областей, которые были покорены Вавилоном (жителей Шумера и т. д.). Такое явление наблюдается и в других обществах: граждане Рима имели больше прав, нежели граждане покоренных италийских областей; афиняне были полноправными гражданами и обладали бо́льшими правами сравнительно с гражданами других греческих государств, подчиненных Афинам.

В Вавилоне мы находим более примитивное рабовладельческое общество, чем на юге; там ряд элементов общинного рабовладе-



Глиняная модель гадательной печени с записью результатов гадания. Британский музей.

Бог солнца Шамаш, восходящий над горами. Аккадский цилиндр-печать. Британский музей.



Палетка Нармера из Ком-эль-Ахмара (Иераконполь). Памятник победы Верхнего Египта над Нижним. Музей в Каире.

ния отошел уже в область предания, частновладельческое право стало преобладающим, о былом единстве общин свободных не могло быть и речи.

Но и в Вавилоне имелись налицо те же силы, которые разрушали эту общину: обмен, ростовщичество, дифференциация свободных. В судебнике имеется ряд законов, которые защищают рядовых свободных, и на основании филологических данных можно сказать, что эти законы находятся как раз в тех частях судебника, которые являются более новыми, впервые были созданы Хаммурапи, а не взяты из старых судебников.

Законы о должнике. Один из таких законов — статья 113 — защищает должника от самоуправства заимодавца. Содержание его следующее: «Если у человека имеется долг зерном и заимодавец, не дожидаясь, чтобы должник сам отдал ему зерно, придет, взломает закром и возьмет долг без разрешения хозяина, то он должен вернуть хлеб в качестве наказания и потеряет все, данное им взаймы».

В законе Хаммурапи должники не называются рабами. Должник — это не раб, ибо он остается вавилонянином, в противоположность шумерским законам III династии Ура и даже законам «Книги Завета», приписываемым Моисею, где должник из евреев называется еврейским рабом.

Другой закон, статья 117, ограничивал срок кабалы. Статья эта гласит: «Если кто-нибудь, имея на себе долг, продает за деньги или отдает в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою дочь, то они должны служить в доме их покупателя или кредитора [только] три года; на четвертый год должно отпустить их на свободу». Конечно, бывали случаи, когда и сам должник отдавал себя в долговую кабалу.

Данный закон имел в обстановке жестокого долгового права древности крупное значение, так как из него вытекает, что работающие у своего заимодавца считались отработавшими долг и свободными после трех лет работы, т. е. на четвертый год они, независимо от суммы долга, должны были стать свободными. Вся тяжесть долгового рабства состоит именно в том, что должник отрабатывает не капитал своего займа, а только его проценты.

В «Книге Завета» имеется аналогичное постановление, но там должник, находящийся в долговой кабале, отпускался на свободу по истечении не трех, а шести лет.

Конечно, заимодавец в течение этих трех лет старался выжать из должника как можно больше, и положение последнего было очень нелегким. Против возможных злоупотреблений со стороны кредитора была направлена другая, чрезвычайно важная, статья 116-я, где проводится постановление об уголовной ответственности заимодавца за жизнь своего должника: если был убит сын должника, то убивали сына заимодавца; если убивали жену должника, то заимодавец отвечал жизнью своей жены.

На основании приведенного материала можно сделать вывод о том, что законы царя Хаммурапи проявляли известную заботу о тех свободных гражданах Вавилона, которые потеряли средства производства и должны были превратиться в должников, отрабатывающих свой долг. Закон, правда, допускал, чтобы должники попадали в долговую кабалу, но не делал их рабами.

Законы о найме рабочей силы. Аналогичная тенденция встречается в судебнике Хаммурапи и по отношению к наемным работникам. Согласно частным наемным договорам, мы знаем, что в ту эпоху работники нанимались за плату шесть-семь сиклей серебра в год. Согласно законам Хаммурапи, они нанимались за десять-одиннадцать сиклей в год. Норма оплаты труда, установленная судебником Хаммурапи, была на 30—40% больше обычной. Это довольно высокая оплата труда, если учесть, что покупная цена одного сикля была чрезвычайно велика. За один сикль можно было купить зерна на пять месяцев, или свинью, или же овцу; за один-три сикля можно было построить жилище и т. д. Но при этом надо иметь в виду, что наемные работники не работали круглый год. Документы о найме рабочей силы свидетельствуют, что обычно срок найма не превышал 10—20 дней в течение страдной поры сельскохозяйственных работ. Таким образом, хотя закон и улучшил положение наемных работников, но все же их жизнь была нелегкой.

Ограничение ростовщичества. Судебник пытается защитить наемных работников и должников, но защищает и землевладельца, являющегося неоплатным должником, от излюбленной ростовщиками операции — погашения долга путем передачи поля или сада с ожидающимся урожаем. Закон даже в том случае, если на это было «согласие» должника, расторгает сделку, и купец-ростовщик получает с урожая, согласно статьям 49—51 и 66, лишь то, что покрывает долг и проценты, а все прочее зерно или плоды получает землевладелец. Однако, едва ли у должника оставалась после расплаты сколько-нибудь значительная доля урожая. Закон предусматривает и тот случай, когда должник-землевладелец, располагавший одним лишь урожаем для уплаты своего долга, не по своей вине терял эту единственную свою ценность: «Если кто-нибудь будет иметь на себе процентный долг, а бог Адад зальет его поле, или наводнение унесет жатву, или вследствие засухи в поле не вырастут плоды, то он не обязан возвращать в этом году хлеб заимодавцу и смывает свой документ. Он не обязан отдавать и проценты в этот год» (статья 48). Этот важный закон применялся на практике, и до нас дошло царское постановление о мораторий должникам-землевладельцам целой области, пострадавшей от наводнения.

Законы о воинах. Хаммурапи в первую очередь заботится о тех, на кого он опирался, а именно о тех свободных, которые владели наделом и являлись воинами. Здесь проявляется его забота об охране царской собственности и обеспечении военной силы. Боль-

шинство статей судебника и множество его писем к Синидиннаму и Шамашхасиру, в особенности к последнему, посвящено заботам об этих воинах.

По законам купля и продажа земельного надела и скота, данного воину за его военную службу, не разрешалась; человек, купивший надел или скот у воина, должен был разбить купчую и терял свои деньги, а воин сохранял скот и земельный надел. Воин и его владения были, таким образом, защищены от посягательства со стороны ростовщиков. Только поле, сад или дом, приобретенные воином путем покупки, можно было отдать за долг. Свой надел воин не мог передавать жене и дочери, поскольку они не были в состоянии нести военную службу. Закон заботится о воинах, попавших в плен, указывает способы их выкупа, обеспечивает им право на их земельные наделы. В особенности ярко выступают заботы Хаммурапи о военных людях в переписке его с сановниками на юге. Он заботится о тех, которые еще не имеют своего земельного надела, а получают лишь продовольствие, и стремится при первой возможности дать им надел. Он прилагает все усилия к тому, чтобы наделы обеспечивали воинов. Мы находим среди писем предписание об установке ирригационных приспособлений на наделах тех воинов, которые ему жаловались на отсутствие воды в своих оросительных рвах. Он заботится не только об индивидуальных, но и о коллективных наделах, которыми владели группы воинов. Все эти исключительные заботы царя о воинах области Ларсы, где сидел наместником Синидиннам и его помощник Шамашхасир, вызваны отчасти еще тем обстоятельством, что они стояли гарнизоном в стране, только недавно завоеванной.

Закон со всей суровостью боролся против использования военачальниками рядовых воинов для своих целей: «Если начальник присвоит собственность рядового воина, причинив для собственной пользы вред ему, отдаст его в наем, предаст его на суде более сильному или возьмет себе подарок, пожалованный воину царем, то этого начальника должно предать смерти». Царь, таким образом, стремился к тому, чтобы его воины были свободны от посягательств как со стороны ростовщиков, так и со стороны их начальников.

За это воин должен был во всякое время ходить в поход по приказу царя. «Если же он не пойдет или, наняв наемника, выставит его своим заместителем, то этого воина должно предать смерти, а его заместитель получает дом» (статья 26). Такое же суровое наказание постигало и военачальника за прием наемника. В целом законы о воинах создавали крепкую армию, которая стояла на защите государства.

Законы об аренде. В законах Хаммурапи имеется ряд статей, которые касаются аренды. Среди частноправовых документов имеется около трехсот, которые также трактуют об аренде. Аренда, или плата за поле, обычно сводилась к одной трети

жатвы, что при больших урожаях было сравнительно большой арендной платой. Бывали и случаи аренды на условиях отдачи половины урожая, но в подобных случаях сдававший в аренду обязывался участвовать в равных частях в расходах или в работах по обработке поля со своим арендатором. Сад, который требовал меньше работы и давал большие доходы, сдавался, естественно, за бо́льшую арендную плату, а именно за две трети урожая. Такого рода арендная плата была не всегда выгодна собственнику поля или сада. Дело в том, что в случае неурожая на поле, сданном на треть или половину урожая, арендатор и собственник поля делили зерно согласно договору. Могли быть случаи, когда доход собственника поля равнялся нулю. Наряду с этим закон предусматривал аренду за определенную, вперед установленную плату. В этом случае арендатор должен был уплатить ее при всех условиях собственнику поля. Но такая арендная плата была низка, равняясь одной шестой — одной восьмой нормального урожая. Арендной платой ограничивались все обязательства арендатора по отношению к хозяину поля. Обычно аренда была краткосрочной — на один-два года.

На три года земля сдавалась в аренду только в том случае, если снималась еще непригодная к использованию земля; в первые годы арендатор ничего не платил, платил лишь на третий год.

Земля, превращаемая в сад, сдавалась на пять лет, и лишь на пятый год арендатор отдавал собственнику ее половину урожая плодов.

Этими постановлениями Хаммурапи создавал стимул к расширению посевной площади, к освоению неудобных земель, а также поощрял более прогрессивные формы земледелия, какими, по сравнению с хлебопашеством, были огородничество и садоводство. Однако аренда оставалась средством эксплоатации безземельных крестьян, отколовшихся от общины.

Классовое деление общества. Подводя итог всему сказанному, мы *должны признать, что согласно судебнику Хаммурапи рабо*владельческие отношения в эту эпоху получили большое развитие. О том же свидетельствует и та юридическая литература, которая дошла до нас от первой вавилонской династии, а именно знаменитая серия «ана иттишу», в которой были собраны наиболее ценные для практической жизни юридические документы. И здесь мы также находим рабовладельцев и рабов, и лишь на втором месте фигурирует наемный труд, который играет, конечно, сравнительно небольшую роль.

То же самое мы находим в частноправовых документах, которые дошли до нас от эпохи Хаммурапи в большом количестве. Эти документы пестрят упоминаниями о рабах, принадлежащих отдельным семьям. Правда, такого большого количества рабов, как в Риме, в вавилонском обществе не было. Здесь обычное количество рабов в отдельной семье было от двух до пяти; но имеются случаи, когда число рабов достигало нескольких десят-

ков. Так, например, известна передача отцом дочери в приданое двадцати рабов, в другом случае — даже двадцати шести рабов. Конечно, отец не отдавал дочери всех своих рабов, а, примерно, одну треть; следовательно, он имел их от шестидесяти до восьмидесяти.

Говоря о количестве рабов в Вавилонии, надо указать на то, что среди них число мужчин и женщин было примерно одинаковым. Это необходимо подчеркнуть в виду того, что некоторые прежние исследователи утверждали, что число рабынь было больше, нежели число рабов. Вавилонское право знало освобождение рабов. и любопытно здесь отметить, что условия отпуска рабов на волю идентичны с условиями, изложенными в соответствующих документах, дошедших до нас из Греции.

Частноправовые документы свидетельствуют о самых различных сделках, связанных с рабами: купля, дарение, мена, передача по завещанию и наем. Источники получения рабов: или из «преступников» (например, лица, нарушившие закон о пользовании ирригационными сооружениями), или военнопленные, или же купленные в чужих странах. Купцы, направлявшиеся на чужбину, получали специальные заказы купить там рабов. Рабы применялись и в земледелии и в ремесле. Однако основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне.

Наряду с рабами использовались и наемные работники, количество которых возрастает во время жатвы, как это имело место в эпоху III династии Ура. В положении наемного работника были и моменты внеэкономического принуждения: он не мог уходить до срока, являясь, по существу, временным рабом.

О большом удельном весе в Вавилонии сельского хозяйства по сравнению с ремеслом свидетельствует тот факт, что, согласно судебнику, сельскохозяйственный работник получал несколько более высокую заработную плату, нежели ремесленник.

От этой эпохи уже известен ряд названий для жрецов, но в судебнике жрецы не упоминаются, так как они приравнивались, видимо, к другим группам привилегированной верхушки общества. Исключение составляли некоторые разряды жриц, которые в качестве затворниц отделились от своих семейств и права которых поэтому закон должен был регулировать особо.

В царском и храмовом хозяйствах имелось большое количество рабов; их держали в особых казармах, носивших название «дом узника». Эти рабы выполняли основные общественные работы, но наряду с ними к таким принудительным работам привлекалось также и свободное население. Так, в одном из своих писем Синидиннаму, наместнику области Ларсы, Хаммурапи повелевает: «Прикажи людям, владеющим полями на берегу канала Даманум, очистить канал Даманум. В продолжение этого месяца пусть они окончат очистку канала Даманум». Состоятельные свободные,

конечно, могли заставить работать за себя своих рабов, что же касается малоимущих, то они вынуждены были работать сами.

Торговля. Купцы попрежнему продолжали оставаться на положении торговых агентов царя. Судебник регулирует отношения купцов к их помощникам, и здесь мы находим ту же тенденцию защитить интересы рядовых свободных. Купцы, хотя и были агентами царя, могли, конечно, обогащаться в тех условиях денежного хозяйства, которые слагались в Вавилонии, являвшейся центром широкого рынка, обнимавшего всю Переднюю Азию. Серебро было мерилом всех цен, и на основании дошедших до нас документов можно составить тариф цен на рынках Вавилонии на рубеже третьего и второго тысячелетий. Не только ремесленникам, но и постоянным сельскохозяйственным наемным работникам платили их жалованье серебром. Конечно, в качестве валюты наряду с серебром продолжало играть роль и зерно. Некоторые категории сельскохозяйственных работников, как, например, пахари, пастухи, получали жалованье натурой. О большом количестве серебра, бывшего в торговом обороте, свидетельствует сравнительно невысокий процент за ссуду, а именно — 20%. Это было установлено судебником по отношению к ссуде как серебром, так и зерном. К ссуде серебром это постановление применялось и на практике, что же касается ссуды зерном, то обыкновенно взималось $33^1/_3$%. Этот факт, видимо, указывает на дешевизну серебра по сравнению с хлебом и о натуральном характере хозяйства, где денежные отношения находятся в стадии формирования.

Семейное право. Судебник и соответствующие частноправовые документы дают картину развитого семейного права. Брак становится законным лишь с санкции государства: «Если кто-нибудь, взяв себе жену, не заключил с ней договора, то эта женщина — не жена ему» (статья 128). Государство защищало патриархальную семью. Муж мог отвергнуть жену без всякой вины с ее стороны, вернув ей ее приданое. Жена имеет свое личное имущество, сохраняя право на свое приданое. В случае бесплодности жены муж для сохранения своего рода мог взять себе рабыню в качестве наложницы. Дети также находились в зависимости от отца. Однако, если сын не совершил важного проступка, отец не мог его отвергнуть.

Это положение женщины в семье, а также некоторая защита детей от произвола отца, конечно, не свидетельствуют о какой-то необычайной прогрессивности древневавилонской системы семейноправовых отношений, но говорят о том, что в вавилонском обществе сохранились еще сильные остатки матриархата. Как в Греции и в Карфагене, вавилонский закон разрешал рабам иметь семью. Признаком известной примитивности было допущение брака между свободной женщиной и рабом. Как в Греции, так и в Вавилонии раб имел право на движимую собственность. Судебник, заботясь о свободных гражданах, заботился и о детях от брака свободных с рабами. Дети от таких браков оставались свобод-

ными, а в лучшем случае даже имели право на наследство. Рабыня, родившая свободному человеку детей, также имела право на свободу после смерти своего хозяина.

Значение законодательства Хаммурапи. Судебник Хаммурапи, конечно, воспользовался теми правовыми нормами, которые были установлены в предшествующее время на шумерском Юге. Эта рецепция шумерских норм началась уже, возможно, со второго царя первой вавилонской династии Сумулаилу, который, согласно традиции, также составил судебник. Такая рецепция объясняется сходством общественных отношений, которые отражались в правовых нормах.

Все сказанное свидетельствует о том, что в вавилонском обществе эпохи Хаммурапи развивались уже определенные частноправовые отношения, которые в связи с растущим обменом и связанным с ним ростовщичеством должны были привести к постепенному распаду общины. Этот процесс был на время ограничен реформой царя Хаммурапи, но через некоторое время он должен был при указанных условиях возобновиться с прежней силой.

В рабовладельческом обществе Вавилонии, в котором ведущей силой, по крайней мере некоторое время, продолжала быть масса рядовых свободных, за которыми сохранялись их земельные наделы, дававшие им возможность оставаться воинами, укрепилась в этот период деспотическая власть царя. Царь достигает чрезвычайно большой власти. Все прочие силы — старая знать, зажиточные слои, купцы — должны были подчиниться царю.

Хаммурапи является таким же богом, как его предшественники, цари III династии Ура и цари Аккада. Как и они, он претендует на господство во всем Двуречье и даже в Сирии. Опираясь на свое войско, состоящее из свободных, обеспеченных земельным наделом, царь Хаммурапи расширяет свои владения, унаследованные им от предшествующих представителей династии, и захватывает после долгой упорной борьбы Шумер, объединяя таким образом Вавилонию во всем ее объеме под своей властью. Римсин, его крупный противник, должен был бежать, а может быть и погиб в этой борьбе.

Но Хаммурапи объединяет не только юг Вавилонии, он захватывает и север — Ассирию, подчиняет Сирию, захватывает также Элам, во всяком случае значительную часть его.

По всем направлениям ему удается расширить свое господство; имеются указания на то, что даже далекий Египет впервые входит в какие-то сношения с Вавилонией.

Конец первой вавилонской династии. После смерти Хаммурапи вступает на престол его сын, Самсуилуна, при котором начинается медленный распад вавилонского государства. На юге появляются враги (вероятно, поддержанные Эламом), которым удается снова сделать самостоятельной по крайней мере часть юга.

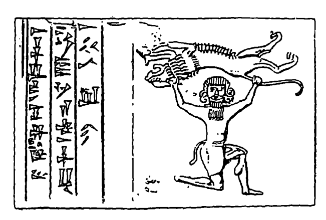
В конце I вавилонской династии, которая царила около трехсот лет, в середине XIX века, вавилонское общество ослабело. Число

воинов, рекрутировавшихся из земледельцев, становилось все меньше и меньше. Ростовщичество подрывало силу общин. Государство уже не могло противостоять сепаратистским стремлениям Юга, и Приморская династия, утвердившаяся при Самсуилуне на юге Шумера у Персидского залива, стала расширять свои владения. Но покончило с Вавилонским царством не господство соседней Приморской страны, а государство хеттов, сложившееся в далекой Каппадокии, которое в свое время находилось в длительной политической зависимости от Вавилонии.

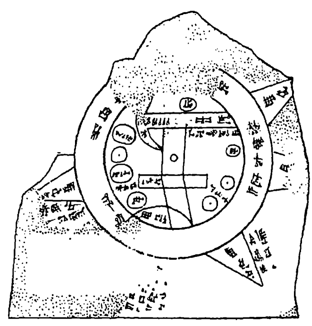
Нашествие хеттов. Если во время династии Аккада царь Саргон совершил поход в южную часть Малой Азии, то теперь, в середине XIX века, положение меняется, и из Малой Азии, с далекого Севера, идут на Вавилон хеттские войска.

О хеттском вторжении в область южного Двуречья сообщают хроники как вавилонская, так и хеттская. В одной из вавилонских хроник, так называемой хронике К, говорится, что в царствование последнего представителя вавилонской династии Самсудитаны (1900—1870) хетты пришли в страну Аккад. Хеттские же анналы Телепина, царя XVIII века, о походе царя Муршиля I на Вавилон говорят следующее: «После взятия Алеппо Муршиль пошел на Вавилон и разрушил Вавилон, воевал также с хуррийцами (т. е. митаннийцами) и оставил пленных и имущество Вавилона в своей столице».

Завоевание Вавилона касситами. Удар, нанесенный хеттскими войсками Вавилону в 1870 году, настолько его ослабил, что он не мог уже противостоять другому нашествию со стороны Востока. Вскоре после хеттского нашествия вторглись в Вавилонию касситы (1775), горные племена, которые жили к северу от Элама. Они пришли с гор и захватили на много сотен лет власть над Вавилонией.



Гильгамеш, побеждающий льва.
Оттиск вавилонской печати.



Вавилонская карта мира.

ГЛАВА X

ВАВИЛОНСКАЯ КУЛЬТУРА

Религия. Для общества Вавилонии, как и для общества Шумера, в древнейшую эпоху, когда оно еще представляло конгломерат самостоятельных территориальных общин, характерна чрезвычайно примитивная религиозная идеология. В вавилонской религии заметны следы фетишизма; ряд верований в различных духов восходит к древним анимистическим верованиям. В эпоху первобытнообщинного строя сложились явления тотемизма, пережитки которого сказываются в том, что все боги Вавилонии почитались не только в образе человека, но и в образе животных. Так, богиня Гулу почиталась в образе собаки, бог Нинурта — в образе осла, бог Мардук — в образе ящера, и т. д. Развитие земледелия приводит к тому, что боги начинают наделяться функциями покровителей земледелия. Как для древнего Шумера, так и для вавилонских семитов главными богами становятся боги, олицетворяющие те силы природы, которые оказывали наибольшее влияние на земледелие, а именно: небо, бог которого продолжал называться шумерским именем Ану, земля — бог земли Бел (шумерское имя — Энлиль), что значит «владыка», «господь», и подземная вода — бог Эа, который также сохранил свое шумерское имя.

Астральная религия. Когда ирригационное земледелие достигло большой высоты, начинают развиваться наблюдения над небесными светилами. Наблюдения эти были необходимы для господствующего класса ввиду того, что они давали возможность устанавливать период начала наводнения, регулировать подачу воды и т. п. Боги Вавилонии начинают соединяться с небесными светилами.

Так, бог Шамаш, главный бог города Сиппара, был богом Солнца, бог Син отождествлялся с Луною, богиня Иштар — с планетой Венерой, каковым именем италийцы называли богиню

красоты, любви и плодородия. Вавилоняне отождествили планету Марс с богом Нергалом, богом кровопролитной войны; в переводе его имя значит «владыка обширной страны», куда уходят люди, когда они умирают. Мертвецов больше, чем живых людей, как отмечают вавилонские мифы, и поэтому их местопребывание названо «обширной страной».

Главный бог Мардук, царь богов, был связан с самой большой планетой, которая продолжает называться именем главы римского пантеона — Юпитером. Небольшая планета, наиболее близкая к Солнцу, Меркурий, сопоставлялась с богом Набу, что значит «пророк», старое семитическое название. Этот бог мудрости, письма и счета почитался в городе Борсиппе, находящемся рядом с Вавилоном. Наконец, с планетой Сатурн был сопоставлен бог Нинурта, бог счастливой войны.

Таким образом почитались семь главных астральных богов: Шамаш — Солнце, Син — Луна, Мардук — Юпитер, Нергал — Марс, Иштар — Венера, Набу — Меркурий и Нинурта — Сатурн. Эта семерка богов играла большую роль в Вавилонии наряду с древней троицей — небо, земля и подземная вода. Наряду с ними почитался и бог Адад — бог ветра и бури.

Семь богов имели значение для архитектуры вавилонских храмов: храмовые башни — зиккураты — строились или в три этажа (небо, земля и подземная вода) или в семь.

Пережиток религии астральных богов и их имена продолжают жить до сих пор в семидневной неделе. Воскресенье по-немецки называется Sonntag — день Солнца, бога Шамаша; понедельник по-французски называется lundi — день Луны, бога Сина; вторник, mardi — день Марса, Нергала; среда, середина недели, mercredi — день Меркурия, бога Набу; четверг, jeudi — день Юпитера, Jovis, Мардука; пятница, vendredi — день Венеры, Иштар; суббота — по-английски saturday — день Сатурна, Нинурты.

Культ умирающего и воскресающего бога. В развитом земледельческом обществе создается и играет чрезвычайно большую роль культ умирающего и воскресающего бога растительности. Религия умирающего и воскресающего бога создается впервые в древних обществах Вавилона и Египта.

Богом, который являлся олицетворением умирающего и вновь воскресающего зерна, был вавилонский бог Таммуз. Это имя соответствовало древнешумерскому названию Думузи, «истинное дитя», «настоящий потомок». Бог Таммуз почитался не только в Вавилоне, но и в Палестине. Пророк Иезекииль с ужасом рассказывает, что, когда он был еще юношей, еврейские женщины Иерусалима оплакивали у ворот Иерусалима смерть Таммуза. Смерть бога Таммуза оплакивали в храмах Шумера, а затем и Вавилонии. Многое из вавилонских мифов об умирающем и воскресающем боге продолжает жить и в христианстве. Христос является не чем иным, как одним из образов умирающего и воскресающего бога.

О Таммузе рассказывает миф, близкий к легенде о Саргоне и Моисее: «В детстве лежал он в тонущем судне, а взрослым он был покрыт зерном и лежал в нем». Последний мотив ярко раскрывает подлинный характер Таммуза как бога зерна.

Миф об Иштар. В некоторых мифах женское божество выступает в качестве матери Таммуза, а в известном мифе о схождении Иштар в царство мертвых она фигурирует в качестве его любовницы.

Смерть Таммуза вызывает скорбь Иштар, богини любви и плодородия. Она плачет по своем молодом любовнике, который ушел в «страну без возврата» — этим именем называли шумеры и вавилоняне царство мертвых. Иштар в скорби решает пойти за ним, чтобы освободить его из недр подземного царства. Об этом и рассказывает миф, получивший поэтическую обработку.

В «страну без возврата» отправилась Иштар и грозит разбить запоры, если не выпустят Таммуза.

Страж испугался угроз богини. Он приходит к владычице подземного царства Эрешкигаль, жене Нергала, и говорит ей об Иштар. Эрешкигаль, гневаясь, меняется в лице, когда ей доносят, что во врата стучится Иштар. Но она все же приказывает стражу впустить ее. Вратарь говорит: «Входи» — и Иштар беспрепятственно проходит семь врат. Перед каждым из них она снимает одно из своих одеяний. Когда она дошла до Эрешкигаль, она была совершенно нагой.

Эрешкигаль насылает на нее шестьдесят болезней и не выпускает из подземного царства. На земле прекращается зачатие и рождение.

Боги видят, что прекращается рождение на земле людей и животных и требуют от богов подземного царства, чтобы они выпустили Иштар на свободу. Врата открываются, и Иштар со своим молодым любовником снова выходит из подземного царства. Снова начинается весна, начинается праздник любви.

Миф о мироздании. В ту эпоху, когда в Вавилонии начинает складываться сильная царская власть, среди рядовых богов появляется царь богов, который является отражением земных царей. В древнюю шумерскую эпоху главным богом был бог Ниппура — Энлиль. Когда главным городом становится Вавилон, то и главным богом делается бог этого города Мардук.

После того как Вавилон захватывает власть в Месопотами , начинают изменяться и мифы. В корне переделывается и миф о мироздании, названный по его первым словам «Энума элиш» («Когда наверху»). Он сохранился в довольно фрагментированном виде в библиотеке Ашшурбанипала, но мы можем его теперь восстановить более или менее полно на основании новых данных, полученных немецкими раскопками последних лет до войны 1914 года в городе Ашшуре. Этот миф был написан на семи табличках.

В мифе рассказывается о том, что сперва был хаос, первородная водная пучина, прародительница всего, которая олицетворяется в виде чудовища Тиамат. Из недр ее рождаются великие боги. Родившись, они стремятся к упорядочению этого хаоса и хотят осилить свою прародительницу Тиамат. Ей доносят о том, что великие боги задумали злое против нее. Она решает вступить с ними в борьбу. Она тщательно готовится к борьбе и возвышает среди богов, созданных ею, Кингу, который становится изменником общего дела. Во второй табличке говорится о великом ужасе, который охватил богов, когда они узнали, что Тиамат хочет их уни-

чтожить. Великим богам воды, земли и неба предлагается выступить против нее, но они отказываются. Тогда выступает бог Мардук, главный бог города Вавилона, который один не боится Тиамат, но требует в случае победы над Тиамат, чтобы боги подчинились его господству: «Изречение мое вместо ваших изречений пусть решает судьбы. Неизменным пусть будет то, что я сотворю, непреходящим и беспрекословным пусть будет приказ моих уст». На небе должно совершиться то, что уже совершилось на земле. Вавилон победил, и все прочие города подчинились ему как наиболее сильному; следовательно, его бог должен быть самым сильным из богов Вавилонии.

Третья табличка посвящается описанию собрания богов, на котором обсуждается предложение Мардука. Их решению предшествует обильное пиршество, и боги соглашаются подчиниться воле Мардука. В четвертой табличке следует описание борьбы Мардука с Тиамат. Он побеждает Тиамат и захватывает в плен изменника Кингу. Убитую Тиамат Мардук разрывает «подобно раковине» на две половины. Из верхней половины он делает небо, из нижней землю. В пятой табличке, от которой сохранилась лишь небольшая часть, повествуется о создании созвездий на небе и, вероятно, о создании животных и растений на земле. В шестой табличке Мардук создает людей, причем создает их не только из глины и из дыхания, но прибавляет еще и божественной крови: предателя Кингу казнили, и кровь его была смешана с глиной.

Таким образом был создан род человеческий. В день завершения праздника мироздания боги построили на небе небесный Вавилон и восхваляли Мардука. Заключительная табличка посвящена гимну, прославлявшему пятьдесят шесть великих имен Мардука.

Этот миф о мироздании был священным текстом, который читался в новогодний праздник, праздник Загмук, когда вспоминался подвиг бога Мардука.

Мардук. Таким образом бог Мардук сделался центральным богом, царем над богами. Но богословы Вавилона не довольствуются для своего бога ролью демиурга (творца мира). В халдейскую эпоху они стремятся слить в образе Мардука образы всех великих богов Вавилонии. Об этом свидетельствует текст, по которому все великие боги являются не чем иным, как выявлением одной из функций Мардука. Нергал — Мардук силы, Набу — Мардук мудрости, Син — Мардук ночного света и т. д.

Ко времени нововавилонского царства делается определенный шаг к созданию единобожия — Мардук становится главным богом для всей Вавилонии. С ним сливается популярный образ умирающего и вновь воскресающего бога Таммуза, культ которого был так широко распространен в Вавилонии. Об этом свидетельствует текст, найденный в библиотеке Ашшура. Мы узнаем из него, что в новогодний праздник изображались страсти Бела-Мардука, его кончина и торжество, подобно смерти и воскресению Таммуза. В этом мифе отражается классовый гнет и бессилие эксплоатируемых.

Миф о Мардуке. Согласно данному тексту, Бела задерживают у судилища горы, т. е. у подземного царства. Его допрашивают, бьют и наконец вводят в гору. Вместе с ним уводится и убивается

преступник. Уносят одежды бога, запятнанные кровью. Их очищает богиня, которая его любит и союз с которой не может разрушить даже смерть. В подземном царстве Бел томится вдали от солнца и света и охраняется подобно пленнику стражами. После исчезновения Бела в городе начинается смута и разгорается бой. Жена Бела-Мардука, «владычица Вавилона», спускается за ним в подземное царство, и Бел-Мардук воскресает к новой жизни. Этот любопытнейший текст ашшурской библиотеки указывает на сближение Мардука с Таммузом в мистериях, изображающих страсти бога. Всякому читающему изложенный нами текст невольно напоминает евангельский миф о страстях Христа. И там имеются: суд, истязание Христа, какой-то преступник, которого казнили вместе с богом, женщина, тесно связанная с его судьбой. В евангелии также упоминается о великом смятении, которое наступило в момент смерти Христа.

Таким образом, в этом, к сожалению плохо сохранившемся, вавилонском мифе, который стал известен только в 1917 году, находится, несомненно, один из источников возникновения евангельского мифа. Такая связь Христа с образом умирающего и воскресающего бога была давно засвидетельствована одним из отцов католической церкви, Иеронимом, жившим в IV веке. Последний рассказывает, что в его время в Вифлееме, где, согласно евангельской легенде, родился Христос, имелась пещера, в которой собирались женщины, оплакивавшие смерть Адониса (бога, близкого Таммузу). Эта легенда, с которой ознакомился Иероним во время своего пребывания в Вифлееме, несомненно свидетельствует о тесной связи образа Христа с образами Таммуза и Бела-Мардука. Текст же ашшурской библиотеки дает возможность более твердо и четко установить прообраз евангельского мифа.

Представления о загробной жизни. В вавилонской религии культ умирающего и воскресающего бога занимает весьма видное место. Но вавилоняне не имели сколько-нибудь развитых представлений о загробном царстве.

Только цари, которые обожествлялись в тот период, когда Вавилония объединилась в одно государство, могли иной раз отождествляться с Таммузом. Но простые смертные в Вавилонии не отождествлялись с богами подобно царям; для них смерть была лишь силой, приводящей к уничтожению. Ряд вавилонских мифов рисует тщетность попыток смертного достичь бессмертия. Бессмертие недоступно даже сыну великого бога Эа, Адапе (его имя напоминает библейского Адама), о котором существует следующий интересный миф.

Миф об Адапе. Адапа был сыном бога Эа, бога воды. В Персидском заливе он ловил рыбу, и ветер юга опрокинул его ладью. Адапа разгневался на ветер и обломал ему крылья. Семь дней ветер юга не вылетал, и, когда бог Ану спрашивает о причине его отсутствия, ему сообщают о расправе Адапы. Ану призывает Адапу к себе на суд, но Эа жалеет своего сына и советует ему отказаться от всякой еды и питья, которые ему даст Ану, ибо это будет питье и еда смерти.

Адапа приходит к престолу Ану. Однако Ану переменил уже свое решение и собирается дать Адапе питье и еду жизни. Но Адапа, помня слова отца, отказывается и лишается, таким образом, бессмертия, которое хотел даровать ему бог.

Бессмертие богов ставит их неизмеримо выше людей. О причинах смертности человека рассказывает древний шумерский миф о грехопадении, во многом близкий библейскому.

Миф о грехопадении. Здесь рассказывается, как люди живут в саду, где имеется два дерева: дерево одежды и растение, которое дает жизнь. Вдруг богам доносят, что «маленькие» (люди) поели от дерева одежды. Боги всполошились. Собирают совет. Люди, отведав плодов от дерева одежды, конечно не остановятся перед тем, чтобы поесть и от дерева жизни, т. е. станут равны богам не только в отношении познания добра и зла, но и в бессмертии. Поэтому боги выгоняют людей из рая, мотивируя изгнание тем, что они ели плоды от растения жизни.

Перед нами древнейшая редакция мифа о грехопадении. Дерево одежды соответствует библейскому дереву познания добра и зла: вкусив плодов с этого дерева, люди начинают себя одевать. Шумерский миф дает возможность установить прототип библейского рассказа. В прототипе библейского рассказа говорилось, что в саду было два дерева; люди вкусили плод от дерева познания добра и зла, и боги испугались, что люди станут равными им не только в отношении познания добра и зла, но и в отношении вечной жизни. Чтобы избегнуть этого, их изгнали.

Эпос о Гильгамеше. В еще более высокую форму было облечено сознание тщетности надежды для человека на бессмертие в эпосе о Гильгамеше. Вывод из этого великого литературного произведения тот, что бессмертие дается только богам, а людям уготована гробница. Недоступно бессмертие даже великому витязю Гильгамешу.

Эпос о нем стал известен науке уже давно. Он был найден в библиотеке царя Ашшурбанипала, в которой были собраны все важнейшие памятники вавилонской религиозной литературы. Этот эпос был записан на двенадцати таблицах. К сожалению, не все таблицы хорошо сохранились. Теперь стали известны большие фрагменты древневавилонской версии эпоса.

Эпос рассказывает о подвигах Гильгамеша, героя и царя города Урука, где почитались бог Ану и богиня любви Иштар. Он был сыном смертного человека и богини Нинсун. В царских списках, которые дошли до нас от эпохи, предшествовавшей Хаммурапи, упоминается в качестве царя города Урука некий Гильгамеш. Последующая традиция, таким образом, сохранила о нем память как об историческом лице.

Написан эпос определенным стихотворным размером. Точное представление о подлиннике дает прекрасный перевод первых строк эпоса, сделанный В. К. Шилейко с полным учетом размера подлинника:

Об увидавшем все до края мира,
О проницавшем все, постигшем все.
Он прочел совокупно все писанья,

Глубину премудрости всех книгочетов;
Потаенное видел, сокровенное знал
И принес он весть о днях до потопа.
Далеким путем он ходил — он устал и вернулся
И записал на камне весь свой труд.

Первые строки эпоса о Гильгамеше напоминают начало греческого эпоса об Одиссее, где муза вызывается воспеть Одиссея, который прошел весь мир, пережил много злоключений и в конце концов, преодолев их, добрался до родины.

Начало эпоса посвящено описанию того, как Гильгамеш, царь Урука, для постройки стен города заставил работать все население. Чтобы сделать Урук мощным, он отрывал всех жителей от обычных занятий, отрывал их от семей и бросал на эти работы. Этим он вызвал недовольство всего населения. Люди обращаются к богам с молитвой о том, чтобы были созданы силы, которые побороли бы этого царя, угнетающего подвластный ему город.

И вот боги создают существо, которое называется Энкиду. Это — первобытный человек, мощный своей первобытной силой; он не знает хлеба и вина, не знает всего того, что дает человеку оседлая жизнь земледельца. Но он столь силен, что может померяться силой с Гильгамешем и спасти население Урука от этого угнетателя. Энкиду живет среди зверей в пустыне, ходит с ними к водопою, любит их, борется с охотниками, которые приходят для того, чтобы расставлять силки, для зверей. Охотник, который видит, что все его попытки поймать зверя разбиваются о волю этого звероподобного человека, обращается за защитой к Гильгамешу.

Царь Гильгамеш решает привлечь этого первобытного человека в Урук, заманив его любовью женщины. Он посылает к нему одну из блудниц, служительниц богини Иштар.

Эта блудница покоряет Энкиду, который до сих пор не знал ласки женщины. Познав любовь женщины, он с ужасом видит, что звери пустыни, которые до того относились к нему доверчиво, теперь бегут от него, познавшего любовь человека.

Тогда блудница приглашает его оставить пустыню и итти вместе с ней в город Урук, где царствует великий витязь и герой Гильгамеш, — там он познает и вкус хлеба и сладость вина. Тем временем Гильгамешу сообщают, что приближается Энкиду, которого он хотел призвать к себе, но боялся, зная о его громадной силе. В борьбе между Гильгамешем и Энкиду никто из них не может одолеть друг друга — одинакова сила обоих витязей. Тогда они заключают дружбу навеки.

Энкиду становится любимым другом Гильгамеша. Они живут вместе и делят горе и радость, совершают ряд подвигов. Они борются со львами пустыни и побеждают их. Наконец, они решаются на величайший подвиг, на борьбу с великим Хумбабой, похитившим Иштар. Он жил в горах Ливана, в кедровых лесах; сам он был выше кедра, а когда он кричал, крик его был подобен завыванию бури. В кедровом лесу он охранял богиню Иштар. Жизнь Хумбабы была связана с деревом — лишь гибель дерева может привести к смерти Хумбабы. Оба героя решают померяться с ним силой.

Гильгамеш обращается к матери своей Нинсун, и она предсказывает сыну, что и в этой битве он выйдет победителем.

Оба друга отправляются в далекий путь к горам, где царит Хумбаба. Страх обуял героев в мрачном кедровом лесу. Люди безлесной долины боялись кедрового леса, он производил на них потрясающее впечатление. Но герои решаются на борьбу, и в конце концов им удается победить Хумбабу. Они рубят кедр, который является носителем жизни их врага.

Когда Хумбаба повержен, Иштар, которая охранялась им и видела в нем сильнейшего витязя, обращает теперь свои взоры на Гильгамеша, победившего ее похитителя, и предлагает ему свою любовь.

Но Гильгамеш знает непостоянство богини Иштар и не соглашается на ее предложение.

Когда Иштар услышала дерзкий отказ Гильгамеша, она воспылала гневом и отправилась к отцу своему Ану. Она сообщает Ану о дерзости Гильгамеша и умоляет его создать такую силу, которая посрамила бы этого героя, отказавшегося от ее любви.

Боги, разгневанные тем, что смертный человек осмелился отвергнуть любовь богини, создают небесного быка, который в области Урука поражает все, что встречается ему на пути.

Тогда оба героя вступают с ним в борьбу и совершают свой последний подвиг. Их нечеловеческая сила побеждает небесного быка.

Боги решают теперь наказать Гильгамеша, отняв у него того, кто был ему самым дорогим, — друга Энкиду, которого он любил больше всех. Умирающий Энкиду говорит другу своему Гильгамешу, что и его тоже ждет смерть.

Напрасно люди Урука утешают Гильгамеша.

К искреннему горю по поводу смерти друга у Гильгамеша примешивается другое чувство. Он достиг уже зрелого возраста, вершины своей мощи. Перед ним никто не мог устоять: ни юноша, ни мужчина, ни даже существо, которое создано богами. Но он чувствует, что скоро и он ляжет подобно Энкиду, «чтобы вовек не подняться». Как всякий человек, он сделан из глины, и, когда кровь бога утечет из него, он станет подобен глине, из которой создан.

Гильгамеша охватывает великая скорбь, великая боязнь, страх жизни, ибо жизнь приводит к смерти, и он решает итти в далекий путь, чтобы добиться бессмертия, чтобы сделаться бессмертным, как боги. Он стремится отыскать предка своего Утнапиштима, которому боги, единственному из смертных, даровали бессмертие.

На своем пути Гильгамеш встречается с различными опасностями, встречается наконец и с волшебницей Сидури, которая сидит у берега моря. Он просит ее указать дорогу к Утнапиштиму, но Сидури говорит, что тяжела дорога за бессмертием, не достигнуть ему предка своего Утнапиштима.

Но Гильгамеш хочет достичь бессмертия и умоляет богиню указать путь к великому Утнапиштиму, который, единственный из смертных, был спасен от гибели во время потопа, был потом награжден богами и стал бессмертным.

И вот, наконец, Гильгамеш, после многих приключений и страданий, доходит до того острова, где находится Утнапиштим. Предок принимает его ласково и обращается к нему с вопросом, зачем он пришел. Гильгамеш спрашивает у него, каким путем он достиг бессмертия. Утнапиштим указывает на трудность этого и рассказывает своему отдаленному потомку миф о потопе, который таким образом включается в великий эпос о Гильгамеше. Мифу о потопе посвящена XI таблица эпоса Гильгамеша, открытая знаменитым Дж. Смитом, которого поразило почти буквальное сходство вавилонского мифа о потопе с библейским.

Утнапиштим рассказывает о тех далеких днях, когда боги решили истребить людей за их неисчислимые грехи. Гильгамеш, утомленный дорогой и рассказом, засыпает. В конце концов Утнапиштим сжалился над своим потомком и указал ему, как он может добыть траву молодости, называемую «старый человек становится молодым».

Гильгамеш добывает со дна морского эту траву бессмертия и возвращается назад. Он достиг того, чего хотел. И вот, когда он был так близок к цели, для достижения которой перенес столько трудов и опасностей, прошел такой далекий путь, он теряет то, что нашел. Когда Гильгамеш решает выкупаться и оставляет траву на берегу, то змея или какое-то другое существо, которое называется «лев земли», похищает у него эту траву, и он с горечью заявляет, что трудился ради змеи, ради существа, которое недостойно этого.

Гильгамеш, грустный, полный скорби, возвращается, наконец, в Урук, не добившись ничего, несмотря на все свои труды. Тогда он обращается с мольбой к богам, чтобы они дали ему в последний раз возможность увидеть друга его Энкиду, который безвременно ушел от него. Боги сжалились над ним и дали ему свидание с другом.

«С другом своим говорит Гильгамеш, говорит с Энкиду:

«Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Скажи мне закон земли, который ты знаешь!»
«Не скажу я, друг мой, не скажу я!
Если бы закон земли сказал я,
Сел бы ты тогда и заплакал!»
«Что же? Пусть я сяду и заплачу!
Скажи мне закон земли, который ты знаешь».
«Голову, которой ты касался и которой радовался сердцем,
Точно старую одежду, червь ее пожирает!
Грудь, которой ты касался и которой радовался сердцем,
Точно старый мешок, полна она пыли!
Все тело мое пыли подобно!»
«Того, кто умер смертью железа, ты видел?» — «Видел!
Он лежит на постели, пьет прозрачную воду».
«А того, кто убит в бою, ты видел?» — «Видел!
Мать и отец его голову держат, жена над ним наклонилась».
«А того, чье тело брошено в поле, ты видел?» — «Видел!
Его тело не находит в земле покоя».
«А того, о чьем духе никто не печется, ты видел?» — «Видел!
Остатки в горшках и объедки с улицы ест он».

Распад родовых связей, кризис старого общинно-патриархального быта приводил в странах древнего Востока и к кризису в области идеологии, в области мировоззрения. Ноты скептицизма, разочарования звучат в эпосе Гильгамеша. Кризис в области мировоззрения, процесс ломки старых полупатриархальных представлений и моральных норм встретится нам еще в ряде памятников вавилонской литературы и в древнеегипетской «Беседе разочарованного со своим духом».

Эпос Гильгамеша оказал влияние на окружающие народы. Можно говорить о некоторой близости эпоса Гильгамеша к греческому эпосу, и нас в этом отношении не должны смущать большое время и пространство, отделяющие вавилонское общество от греческого. Мы теперь знаем, что древневосточное наследие, в первую очередь вавилонское, передавалось греко-римскому миру через хеттское общество. Имеются определенные указания, что хеттская культура была непосредственным звеном, связывающим восточное и западное Средиземноморье.

Среди сокровищ богазкеойского архива хеттских царей были найдены фрагменты эпоса Гильгамеша на хеттском и хуррийском языках. Любопытно, что хуррийский эпос в северной Месопотамии назывался эпосом не Гильгамеша, а Хумбабы.

Миф об Ире. В эпосе Гильгамеша выступает вавилонское общество — народ и старейшины. Старейшины, судя по эпосу, играют активную роль, роль же народа пассивна. Борьбы между ними эпос Гильгамеша не отмечает. Эта борьба находит свое отражение в другом памятнике, в мифе об Ире, боге чумы.

Великий царь богов Энлиль играет здесь еще большую роль; следовательно, эпос относится отчасти к периоду до вавилонской гегемонии. В то же время постоянные упоминания о Вавилоне указывают на основательную переработку этого мифа вавилонским редактором. Энлиль обвиняет Ира в том, что он в целях смуты собрал вокруг себя вавилонян:

«Кто оружия не знал, кинжал того обнажен; кто не знал дротика, тот натягивает лук. Кто не знал спора, тот сражается. Униженный наступает на сильного, бедняк нападает на имущего. Против наместника, который заботится об их городах, говорят они дерзкие слова. В храмы Вавилона кидают они, подобно грабителям страны, огонь. Ты их начальник, ты становишься во главе их».

В дальнейшем повествуется, что Ира, бог чумы, убивает всех: и праведного и неправедного, и сильного и слабого, и богатого и бедного, и наместника, помощника царя, и простого человека, и самого царя.

Магия. Признаком известной примитивности вавилонской религии является та большая роль, которую играла в ней магия. Магия — это вера в возможность известными словесными формулами и действиями подчинить себе силы природы. Такая вера продолжала жить в Вавилонии до поздних времен. Вавилоняне, как и шумеры, верили в заклинания, т. е. в магические формулы, которые могут победить несчастье или болезнь, уже захватившие человека. В Вавилонии жила первобытная вера в то, что все болезни, все несчастия человека происходят от вселившегося в него злого духа. Другую причину болезни вавилоняне видели в колдунах и ведьмах, которые накликали на человека различную скверну. Для того чтобы человека освободить от несчастья, надо было точно указать, какой злой дух вселился в него или же какой колдун или ведьма наслали на него бедствие. Если узнаешь имя этого духа или имя колдуна и ведьмы, т. е. верно поставишь магический «диагноз», то можно будет найти в магическом сборнике соответствующую формулу, которая победит злую силу. Такие магические формулы, заклинания, дошли до нас в бесчисленном количестве, и эта сторона вавилонской религии оказала влияние на греко-римское общество и общества феодальной Европы.

Предсказания. Вавилонская магия знала не только заклинания, т. е. средство уничтожения тех несчастий, которые уже постигли человека; она верила и в возможность прорицания, предсказания судьбы человека по различным явлениям, что давало возможность побороть несчастье или болезнь до момента их наступления.

Эти предсказания были самого различного рода. Так, например, завывание собаки предвещало смерть хозяина дома, появление черных тараканов означало несчастье, а рыжих — сулило богатство и т. д.

Наряду с бытовыми явлениями истолковывались и различные экстраординарные явления, сколько-нибудь выдающиеся из обычного течения жизни. Например, рождение теленка о двух головах

является неблагоприятным признаком; рождение теленка с головой льва — признак благоприятный.

В вавилонском государстве тщательно записывались всякие ненормальные явления при рождении живых существ, людей или зверей. Таким образом, собирался большой материал, якобы подкреплявший истинность того или иного предсказания.

Распространены были предсказания по крику и полету птиц. Если войско идет в поход и ворон прокаркает три раза, значит ни один воин не вернется из похода.

Вавилоняне предсказывали по звездам, по взаимному положению планет. Астрологи составляли гороскопы, и постоянные наблюдения звездного неба способствовали развитию вавилонской астрономии.

Наивысшим достижением вавилонского искусства прорицания считались предсказания по печени овцы. Перед тем, как войску вступить в бой, приносили жертву: закалывали овцу, вырывали печень и на основании ее внешнего вида предсказывали, будет ли столкновение успешным. Аналогичные гадания существовали и у ассирийцев, и у греков, и у римлян. Печень животного, особенно овцы, бывает самой разнообразной, причудливой формы. Судя по тому, будет ли отросток печени иметь форму львиной головы, решался вопрос, итти ли на врага. Если львиная голова будет внизу и налево, то лучше в битву не вступать.

Жречество. Знание заклинаний и умение предсказывать поднимали авторитет жречества. Высшее жречество являлось прослойкой внутри знати. Вместе с тем свободные вавилоняне, подобно египтянам, наряду со своими профессиональными обязанностями могли выполнять и некоторые функции жрецов. Разрядов жрецов было до тридцати. Большим почетом пользовались жрецы-заклинатели (ашапу) и жрецы-предсказатели (бару). Лишь люди с известными физическими достоинствами (высокий рост, целые зубы) могли выполнять их функции. Культ в храмах с грандиозными зиккуратами был весьма пышный.

Урукские таблички эллинистического времени свидетельствуют о том, что клир храма приносил Ану и другим великим богам Урука ежедневно жертвы: большую и малую жертву утром и большую и малую жертву вечером. Ежедневно требовалось для возлияний от 10 до 14 золотых сосудов, а для жертв — 50 баранов, 2 быка, 1 теленок, 4 кабана, 8 ягнят, много птицы и большое количество хлеба. Праздничные жертвы были, конечно, еще более пышными. В особенности торжественно справлялся праздник нового года, называемый Загмук, или Акиту. Во время этого праздника цари должны были проделывать церемонию временного отказа от власти. В этот день утром царь отправляется к наосу (святилищу) Мардука в большом храме Эсагила. Верховный жрец встречал царя у дверей, но не давал ему войти. Корона и скипетр вместе с прочими знаками царского достоинства отнимались у царя и клались на цыновку перед богом. Затем верховный жрец для вида стегал плетью царя, стоявшего на коленях перед святилищем. После этого царь вводился в святилище перед Мардуком, к которому он обращался с молитвой, обещаясь быть послушным его решениям; а верховный жрец, обращаясь к царю, обещал ему помощь Мардука в увеличении его царской мощи. Затем царю возвращались все знаки его достоинства.

*

Как и вся религиозная идеология, культ имел ярко выраженный классовый характер. Обожествление царской власти, внушение покорности были основой его.

Наука. Значение храмов еще более возрастало оттого, что при них находились писцы и создавались основы научного знания. Наука Вавилонии ставила перед собой первоначально только практические задачи. В населенных центрах создавалась большая скученность населения. Скученность способствовала распространению болезней, а это вызывало настоятельную потребность в медицинских знаниях. Если существовал магический способ «борьбы» с болезнями, то наряду с этим развивалась и медицина. Правда в этом отношении Вавилония стояла ниже Египта.

Математика. В области математики вавилонская наука достигла сравнительно высокого развития; здесь вавилонская наука может быть сравнена только с греческой. В вавилонской математике уже осуществлен тот принцип, что одна и та же цифра имеет различную числовую значимость в зависимости от места, занимаемого ею в числовом комплексе. Вавилонская числовая система явилась предтечей арабской. Разница заключалась в том, что в Вавилонии вместо десятичной системы была шестидесятиричная. Она продолжает жить и в наше время как наследие Вавилона. Это доказывается делением часа на 60 минут, минуты на 60 секунд и делением окружности на 360 градусов.

Изучение вавилонской математики показывает, что вавилонские писцы знали знаменитую пифагорову теорему и другие теоремы планиметрии и стереометрии. Вавилонские математики положили начало алгебре. Установлено, что они умели извлекать не только квадратные, но и кубические корни.

Однако в области изучения числа π (отношение окружности к диаметру) вавилонские математики достигли только грубого приближения, принимая π равным 3. Здесь они отстали от египетских математиков, которым удалось достичь более точного приближения (3,16).

Очень возможно, однако, что если в Вавилоне мы имеем такое приближенное исчисление π, то это не доказывает, что вавилонские математики не знали более точного значения, а просто для практических целей им не надо было более точного измерения.

Астрономия. Вполне понятно, почему как раз математика достигла такого высокого расцвета в Вавилоне: для ирригационных сооружений требовались всякого рода вычисления. Благодаря высокому развитию ирригационного земледелия вавилонская наука имеет великие достижения и в области астрономии. Вся звездная карта, которая может быть установлена без применения телескопа, была создана в Вавилоне и через хеттское общество была передана западному Средиземноморью. Астрономия в Вавилоне достигла настолько высокого уровня, что впоследствии оказала влияние и на развитие астрономических знаний в Греции.

История. Несколько хроник и анналов свидетельствуют о зачатках прагматической истории. До нас дошли, кроме того, царские списки, которые охватывают много столетий исторического прошлого. Они могли создаваться благодаря тому, что в Вавилонии наблюдается довольно большая устойчивость политической надстройки, что давало возможность охватывать большие периоды исторического прошлого. Этого мы не найдем, например, в Ассирии, Финикии или у хеттов.

Языкознание. Такие науки, как изучение письма, языка, тоже достигли в Вавилонии довольно большого развития. У вавилонских семитов шумерский язык продолжал играть роль священного языка. Поэтому вавилонские писцы были поставлены в необходимость наряду со своим языком изучать второй, чуждый им язык, что заставляло их более сознательно относиться и к своему языку.

Зачатки философии. Среди памятников вавилонской литературы до нас дошли произведения, в которых можно найти зачатки философской мысли. Некоторые произведения такого рода стоят еще под непосредственным влиянием религиозной идеологии. Другие, как диалог господина и раба, содержат уже элементы свободомыслия. К произведениям первого типа относится сочинение о мучениях невинного страдальца. Вавилоняне верили, что только боги бессмертны, а людям уготована гробница. Каким же путем, допуская господство богов, объяснить факт страдания невинных людей?

Эту проблему ставит вавилонское произведение о страданиях одного благочестивого ниппурского гражданина. Он говорит о себе так: «Я уподобился рабу. Яростный вырыл для меня яму... Пошли мне избавителя. На мой вопль открой для врага яму! День — вздохи, ночь — слезы, месяцы — вопли, год — скорбь! Я дошел до конца жизни. Куда ни обращусь — бедствие. Напасти увеличились, благоденствия не нахожу».

Он совершил все, что требовали предписания закона, и все же стал подобен рабу, т. е. последнему человеку в вавилонском обществе:

«Я всегда думал о мольбе, о мольбе и молитве, молитва была моим правилом, жертва — моим законом, день богослужения — радость сердца моего, день почитания богини — моя прибыль и богатство. Почтение к царю было моей радостью, приятное ему было для меня прекрасно. Я учил свою страну чтить имя божие, прославлять имя богини наставлял я мой народ. Почтение к царю я ставил высоко и учил народ уважению перед дворцом».

Вавилонский мудрец решает эту проблему так: трудно понять замысел божий; то, что человеку кажется хорошим, то богу кажется отвратительным, и наоборот. Он говорит:

«О, если бы я был уверен, что это угодно богу. Ибо, что самому человеку кажется благоприятным, перед богом бывает мерзостью, а что для его сердца незначительно, находит у бога милость. Кто может понять совет богов на небе? Предначертания бога — темнота, и кто может уразуметь ее? Как мы, люди, можем понять путь божий?»

Дальше идут слова о непрочности человеческой жизни и людских настроений: «Кто еще вечером жив, бывает утром мертв; он быстро сходит во мрак, мгновенно бывает поражен. Тот, кто сейчас весел и играет, через мгновение рыдает, как плакальщик. Настроение людей меняется непрерывно: они голодны — подобны трупу; они сыты — чувствуют себя богами; им хорошо — они говорят о восхождении на небо; они подавлены — говорят о сошествии в преисподнюю».

Итак, решение проблемы о невинном страдальце сводится к тому, что пути бога человеку постичь нельзя. Что бог решит, с тем надо мириться. Проповедь покорности перед какой-то сверхъестественной силой, которая распоряжается судьбой людей, проповедь духовного рабства — таков смысл этого произведения.

Диалог между господином и рабом. До нас дошел из Вавилонии один замечательный памятник, который может быть поставлен в один ряд с лучшими произведениями такого рода в мировой литературе. Этот памятник стремился доказать полную тщетность всех помыслов и стремлений человека. Это — известный «Диалог между господином и рабом о смысле жизни».

Вельможа говорит со своим рабом и высказывает одно за другим различные пожелания. Раб каждое из этих пожеланий поддерживает. Но когда господин отказывается от них, тогда и раб соглашается с ним и приводит в подтверждение этого противоположного желания столь же веские аргументы. Выходит, что человек может высказывать диаметрально противоположные желания и суждения, и все они будут одинаково разумны, а следовательно и одинаково неразумны.

Господин обращается к своему рабу:

— Раб, будь готов к моим услугам!

— Да, господин мой. Да.

— Позаботься. Приготовь мне колесницу и упряжь. Ко дворцу я хочу дать стремиться колеснице.

— Дай стремиться колеснице, господин мой. Дай стремиться. Царь... тебе сокровища (?), и они будут твои. Он... простит тебя.

Потом господин отказывается от этого желания:

— О раб, я ко дворцу не хочу дать стремиться колеснице.

— Не дай стремиться колеснице, господин мой. Не дай стремиться. В место недоступное он пошлет тебя. В страну, которой ты не знаешь, он велит увести тебя. И днем и ночью она даст тебе видеть горе.

Господин хочет увлечься пиршеством, найти забвение, и раб готов к его услугам: «Пируй, господин мой, пируй». Господин отказывается от этого желания, и раб с ним соглашается. «Не пируй, господин мой, не пируй».

Вельможа хочет уйти из города, вести вольную разбойничью жизнь, потому что царь сжал в кулак старую знать. Раб с ним соглашается. Когда же господин отказывается от своего намерения, то раб поддерживает его отказ.

С планом восстания против царя раб соглашается, но соглашается и с мнением своего господина, что восставать не стоит.

Надежда на благородство противника столь же тщетна.

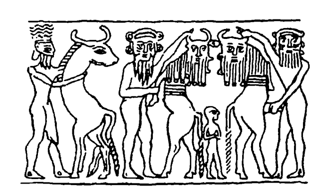
Наконец, господин надеется найти забвение в любви женщин, и раб соглашается с ним. Но тут же вместе с господином признает всю горечь любви и коварство женщины.

Господин не может ожидать спасения себе и от жертвы богам. Призрачна вера в благородство людей, которых господин хочет одарить зерном. Бесполезно и оказывать благодеяния стране, ибо нет загробного возмездия. Смерть всех уравнивает, и праведника и грешника.

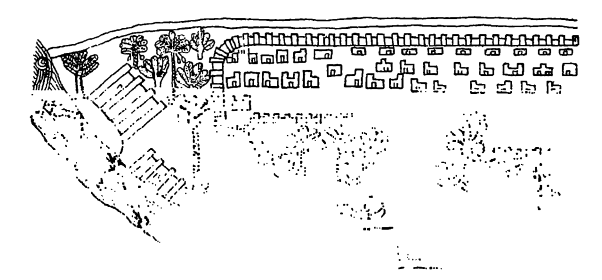
— Подымись, — говорит раб, — на холмы разрушенных городов, пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто из них был владыкой добра?

Раб одинаково одобрял как всякое желание господина, так и отказ от него, доказывая тем самым полную безнадежность всех чаяний и помышлений человека, абсолютную бессмысленность всей его жизни. Бессмысленность жизни усугубляется ее краткостью. Господин, убивший своего раба, переживет его лишь на «три дня».

Таким образом, этот памятник проникнут безнадежным пессимизмом. Мы не находим в приведенных произведениях вавилонской литературы оптимизма, бодрости, характерных для эпохи подъема, восхождения рабовладельческого общества в Греции и Риме. Застойность древневосточного общества, отсутствие четких перспектив отразились в этих произведениях с большой яркостью.



Вавилонская печать с изображением подвигов Гильгамеша.



Город Сузы. С ассирийского рельефа.

ГЛАВА XI

ЭЛАМ

Страна и население. На восток от южного Двуречья в области горных цепей Загра и его долин жили многочисленные племена, этническая принадлежность которых не всегда может быть определена. Многие из них, как гутеи, лулубеи, касситы, неоднократно вторгались в плодородные области Двуречья. Среди них большое значение приобрели племена, населявшие область Элама. Географический Элам распадался на две части: на плодородные долины рек Евлея и Хоаспа, впадающих в Персидский залив, и на горные области, примыкающие с запада к Иранскому плоскогорью. В долинах рек возможно было земледелие, хотя и не в таких широких масштабах, как в Вавилонии. В горных областях население занималось в основном скотоводством и охотой, а также земледелием. Племена Элама говорили на языке яфетической системы и называли себя Хатамти.

В восточной части Элама жили темнокожие племена, которые античными авторами назывались «эфиопами». Повидимому, это были дравидические племена, родственные дравидам Индии. Остатки их сохранились в Белуджистане в племени брагуи. Раньше других в Эламе классовое общество сложилось в долине между Хоаспом и Евлеем. Здесь уже в III тысячелетии образовалось государство Сузы.

Влияние Двуречья. Многолетние раскопки французских археологов показывают значительное влияние культуры южного Двуречья на культуру Элама. Древнее эламское иероглифическое письмо постепенно было вытеснено клинописью, которая была применена к эламскому языку.

Наряду с аккадским в Эламе существовало некоторое время своеобразное письмо, которое восходит к пиктографии. Впоследствии на основах аккадского письма была создана эламская упрощенная клинопись. Исследования показывают наличие в эламском

языке нескольких диалектов. Сношения между Эламом и Двуречьем начались уже в очень древнее время. Обмен с государствами Двуречья сыграл свою роль в процессе разложения первобытнообщинного строя Элама и возникновения классового общества. В горных областях Элама жили варварские племена, которые грабили долины предгорья, нападая также и на Вавилонию. Они захватывали здесь и скот и военнопленных, которых обращали в рабство. Внутри свободной части общества еще не было большого расслоения, здесь имела место военная демократия. В вавилонских надписях эламитян времени XXI века царь называется «адда», что, вероятно, соответствует шумерскому «отец». Это показывает на сохранение патриархальных отношений. Примитивность эламского общества сказывается и в сохранении пережитков матриархата. Например, цари Суз называли себя потомками сестры своего предшественника, подчеркивая наследование престола по женской линии рода.

В Эламе было несколько десятков мелких царств. Главным среди них было царство Суз, которое иногда подчиняло себе другие царства, пытаясь создать большое объединение. Цари не пользовались неограниченной властью. Как и в древнейшей Ассирии, в Эламе летосчисление велось не по годам правления царя, а по эпонимам-чиновникам, которые ежегодно сменялись.

Войны с Шумером и Аккадом. Ближайшее соседство с Вавилонией, мирные и военные сношения с нею имели решающее значение в истории Элама. Уже в древнейшее время города Шумера вели войны с эламитянами. Так, один патеси Лагаша в XXVIII веке говорит в своей надписи о нашествии шестисот эламитян, разгромивших область Лагаша; но они были изгнаны и захваченная ими добыча была возвращена. Особенно интенсивными становятся сношения с Двуречьем во время объединения его под властью Аккада. Римуш, преемник Саргона, сообщает, что во время покорения восставших городов, он победил царя Аншана и Курихума, т. е. одного эламского царька, победил также Авалгамаша, царя Барахсу. А Нарамсин, один из следующих аккадских царей, велел даже вырезать в Сузах надпись на эламском языке, но аккадской клинописью, перечисляя длинный список эламских богов. Влияние Двуречья было настолько сильно, что эламские цари стали именовать себя шумерским титулом патеси.

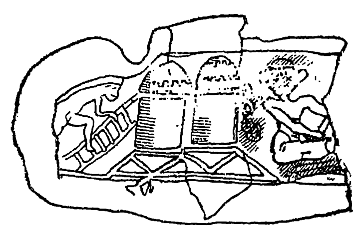
С новым возвышением Шумера эламитяне опять терпят поражения. Патеси Лагаша Гудеа (около 2450 года) хвалится своей победой над царем Аншана и тем, что захваченную добычу он пожертвовал в храм Нингирсу. В своей надписи о постройке храма он указывает также, что в работах принимали участие и жители Суз и другие эламитяне. Цари III династии Ура еще шире распространили свое влияние во всей Передней Азии и твердой ногой стояли в Эламе. Элам был разделен на ряд областей, где были поставлены патеси, находившиеся в подчинении у царей Ура. Устанавливаются тесные торговые связи с Шумером, где в то

время большую роль играли торговля и ростовщичество. Естественно, что влияние Шумера не прошло бесследно для Элама. Эламская знать, опираясь на Шумер, имела все возможности для жестокой эксплоатации массы свободных. Вероятно, под давлением этой эксплоатации в Эламе произошел переворот, когда власть на время была захвачена воинственными горцами, подчинившими себе богатые эламские города.

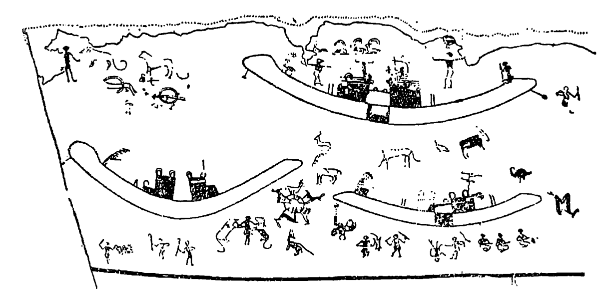
Господство в Двуречье. Пользуясь слабостью последних царей Ура, Элам на время освободился от влияния Двуречья и стал самостоятельным государством. Царь Элама Шилхак-Иншушинак (около 2300 года) претендовал даже на создание мирового государства. В войнах — очевидно с гутеями — он расширил свои владения на Западе и объединил все эламские города под своей властью. От его царствования в Сузах сохранилось много памятников, так как он царствовал долгое время. Снова самостоятельным Элам делается в XXIV веке, когда во главе становится крупный завоеватель Кудурнахунди. Согласно надписи ассирийского царя Ашшурбанипала эламитяне напали на государство Шумера и предали разгрому Ур и другие города. Эламитяне, сильно пострадавшие от союза своей знати с торговой верхушкой Шумера, жестоко расправились с городами страны, бывшей в течение веков источником всех бед Элама. После нашествия эламитян Двуречье надолго становится объектом борьбы различных племен. Кудурнахунди, опиравшийся, очевидно, в основном на войска северо-западной области Ямутбала, подчиняет себе весь Элам. Роль Ямутбала была настолько велика, что через некоторое время, в XXI веке, царь Ямутбала Кудурмабук подчинил себе южное царство Двуречья Ларсу. Кудурмабук был в союзе с некоторыми аморейскими вождями, которые хозяйничали в южном Двуречье и соседних областях. Он даже называл себя отцом страны Амурру. Основным его союзником было царство Исина. Завладев в 2109 году Ларсой, Кудурмабук посадил здесь царем своего сына Варадсина. И Кудурмабук и Варадсин в своих надписях выступают как покровители древних родов шумерской знати. Они развили большую строительную деятельность в различных городах Шумера. Ее продолжал брат Варадсина, царь Римсин, последний представитель эламской династии в Ларсе. Власть его была настолько прочной, что он в течение тридцати лет выдерживал натиск вавилонского царя Хаммурапи и лишь в 2038 году вынужден был уйти в Ямутбал. Но Хаммурапи на этом не остановился, он покорил Ямутбал и снова подчинил область Суз. Попытки Римсина, уже при преемнике Хаммурапи, вернуться в Двуречье не увенчались успехом.

Элам после падения Вавилонии. Положение Элама изменилось лишь после падения I вавилонской династии, когда он снова стал самостоятельным государством. Но только в середине II тысячелетия Элам начал играть некоторую активную роль в истории, вмешиваясь в войны между Вавилонией и Ассирией за обладание южным Двуречьем. В это время, освободившись от влияния

Вавилонии, эламская культура также вернула себе некоторую самостоятельность. Семитический язык, язык семитизированной верхушки эламского общества, начинает отступать в письме перед народным эламским языком. Но старая эламская клинопись была забыта, в официальных и деловых документах продолжают пользоваться вавилонской клинописью. Мощная вавилонская культура, с которой жители Элама знакомились вольно или невольно, почти полностью подчинила себе культуру господствующих слоев Элама.



Зернохранилище.
Оттиск прото-эламской печати из Суз.



Скальная роспись в додинастической гробнице в Иераконполе.

ГЛАВА XII

ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В ДОЛИНЕ НИЛА

Географическая среда. Египет расположен по нижнему течению Нила, в северо-восточном углу Африки, и, помимо исконной близости к варварским племенам Нубии и Ливии, он также тесно связан с древним переднеазиатским миром.

Египет представляет собой гигантский оаз, обнимающий площадь в 27 тысяч квадратных километров, которая окружена степью и пустыней. Таким образом, между Вавилонией и Египтом имеется некоторое сходство, но в то же время имеется и существенное различие. Если Вавилония представляет собой долину, окаймленную двумя реками, то Египет орошается только одной рекой. Долина Египта является, если исключить дельту, узкой лентой, которая вьется вдоль течения реки. В Вавилонии поэтому единое ирригационное хозяйство в масштабе всей долины южной Месопотамии при двух речных системах могло создаться лишь на сравнительно очень высокой ступени развития производительных сил. А в Египте уже на заре цивилизации были условия, создавшие политическое объединение всей долины Нила.

Мы называем эту реку Нилом от греческого слова «Нейлос». Сами египтяне свою реку называли или потоком, «большой рекой», и даже просто «рекой» или собственным именем «Хапи».

Нил распадался, по представлению египтян, на целый ряд Нилов; каждая область Египта, через которую протекал поток, имела как бы свой самостоятельный Нил. Египтяне различали, таким образом, сорок отдельных Нилов, которые соответствовали тем областям, из которых состоял Египет. Египтяне полагали, что недалеко от острова Элефантины, крайнего южного пункта Египта, находился исток Нила, откуда великая река изливает благополучие в страну египетскую. Здесь Нил преодолевает последний порог и вливается в долину в виде мощной спокойной реки. Несколько севернее, у Сильсиле, долина сужается еще раз, и, вероятно, здесь в древнее время был еще один порог. Половодье Нила

очень велико, и хотя он несет с собой большое количество ила, органических веществ и т. д., он все же в нормальное время имеет синий цвет, а не мутно-шоколадный, как Евфрат. Египтяне очень часто сравнивали цвет Нила с ляпис-лазурью, настолько цвет воды Нила напоминает этот камень синего цвета.

Для египтян Нил был единственной рекой. Они долго не выходили за пределы своей долины и настолько привыкли к своей единственной реке, что им казалось, что всякая река должна течь, как Нил, т. е. на север. Поэтому для них путешествие на юг определялось знаком корабля, на котором стоит парус, — ведь для того, чтобы преодолеть течение, надо было поставить парус. Понятие же путешествия на север определялось ладьей или кораблем без парусов. Когда египтяне в эпоху Нового царства впервые дошли до Евфрата — мощной реки, которая текла в обратном направлении, т. е. с севера на юг, — то они назвали ее «рекой, которая в своем течении на север (т. е. вниз) течет на юг (т. е. наверх)».

Долина Нила в южной части представляет узкую полосу плодородной земли. Эта полоса по ширине своей равняется 10—15 км. Долина расширяется только тогда, когда доходит за три, примерно, сотни километров до моря, где река начинает разветвляться на те семь знаменитых рукавов, которые образуют форму греческой буквы дельты, т. е. треугольника. И до сих пор устье Нила, да и некоторых других рек, называют, следуя примеру греческих историков, дельтой.

Благодаря тому, что только один Нил орошает Египет, здесь была возможность более легкого регулирования реки, нежели в Вавилонии, где особенно трудно поддавался регулированию Тигр. Нил благодаря долгому пути, который приходится ему преодолевать (около шести тысяч километров), входит в Египет спокойно. Разлив Нила, как и разлив Евфрата, происходит правильно. С середины июля начинается паводок, который продолжается примерно четыре месяца; затем начинается быстрый спад воды, после чего возможно уже обрабатывать почву. Таким образом, наводнение происходит спокойно и регулярно. Никаких катастроф, которые знает Вавилония, здесь не бывает. В связи с этим любопытно отметить, что в Египте нет мифа о потопе, характерного для Вавилонии.

Природные богатства. Долина Нила была более богата строительным материалом, нежели Вавилония. В тех горных цепях, которые окаймляли ее с обеих сторон, было много песчаника и розового гранита, имелись здесь известняк и алебастр, базальты, кремневые породы. Таким образом, Египет изобиловал камнем, который являлся самым необходимым строительным материалом. В долине Нила, кроме тростника, которым богата и Вавилония, росли также деревья — не только пальмы, которые трудно было использовать для поделок, но и большое количество акаций — сикомор. Правда, дерево это не давало крупных бревен, необходимых для постройки больших кораблей, но из него можно было

изготовлять мелкие ладьи, а также использовать его для всех потребностей ирригационного хозяйства.

В Египте имелись и металлы, хотя и не в самой долине, но в ближних к ней областях. Медь была на Синайском полуострове; золото имелось в громадном количестве в Нубии, к югу от Египта. Самое слово Нубия по-египетски означает страну золота.

Таким образом, в Египте было все, что требовалось для создания ирригационного хозяйства: металл, дерево, камень; ирригационное хозяйство создавало в изобилии зерно. Это, конечно, сыграло существенную роль в истории Египта; благодаря изобилию естественных богатств рост производительных сил не требовал так настоятельно обмена, как это было в вавилонской долине.

Конечно, Египет стал страною изобилия лишь тогда, когда к нему приложен был труд человека. Первоначально же Египет являлся таким же необитаемым местом, как и Вавилония.

Действительно, долина, покрытая зарослями акаций и тростника, представлявшая собой на большом пространстве болото, а также соседние с долиной степи кишели страшными животными, как: лев, пантера, леопард, африканский буйвол. В самой реке водились крокодилы и бегемоты. Здесь была масса змей, в болотах водились москиты, укусы которых были смертельны для человека.

Первое население попало в долину Нила под давлением внешних условий. Отдельные мелкие племена, которые кочевали в степях, окружавших долину Нила, постепенно спускались к реке и оседали у ее берегов. В эту отдаленную эпоху окружающие Египет области как с запада, так и с востока не представляли собой тех бесплодных пустынь, каковыми они теперь являются. Теперь, действительно, область, которая примыкает к Египту с запада, является пустыней, переходящей в самую большую пустыню мира — Сахару. В древности эта область давала возможность существовать более многочисленному населению. По крайней мере раскопки французов, которые проведены были в Сахаре при рытье артезианских колодцев во время попыток проложить путь через Сахару на юг, доказывают, что в тех местах, где теперь уже нет никакой жизни, в древности были поселения. Таким образом, очевидно, западная пустыня в древности имела скорее вид степи, изобиловавшей дичью. Об этом свидетельствуют изображения на стенах египетских гробниц, рисующие охоту в степях.

Возможно, что в степях было развито и скотоводство в крупном масштабе. Египтяне сообщают о большом количестве скота, который они забирали у ливийских племен запада. Поучение гераклеопольского царя говорит о каких-то деревьях, которые варвары запада поставляли Египту. Не столь бесплодна в древности была и восточная пустыня. По крайней мере в том же царском поучении указывается по поводу этих областей, что они имеют плохую воду и недоступны из-за многочисленных деревьев.

Если посмотреть на карту и сравнить положение Египта и Вавилонии, то увидим, что Вавилония является областью, со всех

сторон открытой. Течение рек Евфрата и Тигра не ограждало ее от окружающих степей и гор, которые из-за обитающих там воинственных племен таили в себе большие опасности. Поэтому Вавилонию чрезвычайно легко было завоевать, и, действительно, как мы видели, Вавилония часто подвергалась чужеземным нашествиям.

Совсем в другом положении находился Египет. С северной стороны он защищен морем. С востока его прикрывают Синайский перешеек, Красное море и пустыни. На юге и западе жили разрозненные племена, которые не могли ему угрожать. Таким образом, Египту было сравнительно легко отстоять себя от внешних врагов благодаря своему изолированному положению. Но если, с одной стороны, это являлось плюсом для развития египетской культуры, то, с другой стороны, в этом факте изоляции лежал и некоторый отрицательный момент, а именно тот, что египетская культура с трудом включалась в достижения окружающих культур, и в свою очередь и достижения египетской культуры доходили чрезвычайно медленно до окружающего мира.

Население. Племена, осевшие в глубокой древности в долине Нила, говорили на языке хамитической системы и занимали когда-то всю западную часть африканского материка. Языки этой системы являются языками флективными, не агглютинирующими и, кроме того, уже различают грамматический род.

Египетский язык все же отличается от прочих языков данной системы тем, что он более близок языкам семитической системы. Здесь хамитический язык переходит к семитической языковой стадии.

Египтяне сами себя называли — «людьми» («роме»). Изображали они себя на своих рельефах или фресках людьми довольно высокими, с широкими плечами, с очень узкой талией, узкими бедрами. Цвет лица был темнокоричневый, волосы черные.

Египетским племенам рано пришлось столкнуться с племенами, которые издревле обитали на севере Африки, ливийцами. В противоположность очень смуглым египтянам они изображались светлыми с синими глазами. Очень возможно, что как раз наступление ливийских племен заставило египтян отступить в долину Нила. И в последующие тысячелетия египтянам приходилось вести непрерывно войны с ливийцами, которые непрестанно надвигались на долину Нила с запада. Цари Египта совершали многочисленные походы в ливийские области и приводили большое количество пленных и всякого рода скот.

К югу, в Нубии, уже в древнее время были племена нехамитические, говорившие, вероятно, на языках суданской системы. Мы называем их общим именем негритянских племен. Египетские художники с большой тщательностью отмечали, кроме черного цвета кожи, и другие черты негритянских племен — толстые губы и курчавые волосы. Наряду с негритянскими племенами в Нубии жили и хамитические племена. Цвет их лица египетские художники изображали коричневым.

В степях, окаймлявших Египет с востока, судя по египетским изображениям и текстам, издревле обитали племена, которые говорили на языках семитической системы. Египтяне, в противоположность черному цвету негров и белому цвету ливийцев, изображали их желтоватыми.

С воинственными семитическими племенами египтянам приходилось беспрерывно воевать. Поучение одного гераклеопольского царя дает им такую характеристику: «Плох азиат. Опасно место, в котором он находится. Нехороша вода там. Недоступно оно из-за многочисленных деревьев. Дороги непроходимы из-за гор. Не живет он на одном месте. Бродят его ноги. Он сражается со времен Гора. Он непобедим. Не объявляет он день сражения, подобно разбойнику».

Сами египтяне называли свою страну «Кемет» — страной черной, страной чернозема, в противоположность красной земле — земле пустыни, степи, песка.

Таковы были географические и этнографические условия Египта в древнейшее время.

Начало земледелия. Племена, осевшие в долине Нила, нашли здесь, точно так же как и племена, осевшие в Вавилонии, обильную рыбную пищу. Сушеная рыба в Египте всегда играла чрезвычайно большую роль в продовольствии населения. Существенное значение имела также охота. В особенности процветала охота на водяную птицу. Об этом свидетельствуют бесчисленные изображения на стенах гробниц.

В долине Нила очень рано, может быть даже раньше, чем в Вавилонии, появились зачатки земледелия. Необходимо категорически отказаться от той точки зрения, которая иной раз высказывается еще в специальной литературе, — что земледелие в Африке, т. е. в данном случае в Египте, стало возможным только тогда, когда оно появилось в Азии, ибо-де пшеница и другие злаки, которые мы имеем в Египте, азиатского происхождения.

Полезные для человека злаки, а также некоторые виды домашних животных имелись и в самой Африке. Таким образом, земледелие в Египте могло развиться и развивалось вполне самостоятельно.

Первым злаком, который стал играть значительную роль в экономике страны, был, как и повсюду, ячмень.

В Египте, точно так же как и в Вавилонии, мы видим раннее развитие скотоводства. Раскопки обнаруживают в очень древних слоях кости домашних животных: мелкого скота, свиней, ослов, а в более позднюю эпоху — и крупного рогатого скота.

Пережитки материнского рода. В Египте чрезвычайно стойки были пережитки матриархата. Благодаря сильным пережиткам матриархата дети продолжали называться по имени матери — сын такой-то, а иной раз сын такого-то и такой-то. Если в еврейском судебнике, сложившемся в эпоху патриархальной семьи, мы читаем: «Чти отца своего и мать свою», то в египетском кодексе

Деревянный рельеф сановника Хесира. Древнее царство. Музей в Каире.

Статуя Хефрена, царя IV династии. Музей в Каире.

Статуя писца. Древнее царство. Лувр.

Статуя сановника Каапера. Древнее царство. Музей в Каире.

морали указывается: «Почитай свою мать, которая кормила тебя грудью в течение 3 лет, которая не гнушалась твоими грязными пеленками, — ты не обижай ее: если она воздеиет свои руки к богу, бог ее услышит».

Большую роль играл в Египте отец матери. Так, например, в папирусе эпохи Нового царства принятие юноши в число царских колесничих ставилось в зависимость от отца его матери. Брат матери также имеет большое значение. Миф о борьбе Сета и Гора сохранил свидетельство о том периоде, когда для женщины брат был ближе, нежели сын.

Женщина в египетской семье являлась центром и называлась «владычицей дома». В Египте и в более позднее время имел место брак, при котором женщина так же свободно могла уйти от мужа, как и муж от нее.

В то же время мы не находим в египетском языке той сложной терминологии родства, которая является столь показательной для высокоразвитого патриархального строя. Имелись обозначения лишь для самых простых родственных отношений: «отец» и «мать», «сын» и «брат»; «дочь» и «сестра» восходят к сравнительно позднему времени, ибо как «дочь», так и «сестра» являлись женским дополнением с окончанием женского рода к словам «сын» и «брат». Что касается всех других степеней родства, то они выражались описательно путем сложения вышеперечисленных терминов: дед — отец матери, отец отца; внук — сын сына, сын дочери; дядя — брат матери, брат отца; племянник — сын брата, сын сестры и т. д. Особого слова для «предка» также не было: оно заменялось словом «отец».

Все это указывает на то, что классовое общество сложилось в весьма древнюю эпоху, когда в патриархальном строе еще не были изжиты следы матриархата.

Сельские общины. История застает в Египте сельские общины, характеризующиеся коллективной собственностью на землю. Маркс говорит, что «...в условиях восточного деспотизма и юридически кажущегося отсутствия при нем собственности, на деле в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной просуществовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширяющегося производства».[1] Такие сельские общины имелись в долине Нила уже в пятом тысячелетии; их особенностью являлась коллективная форма собственности на землю — земледелие составляло основу экономического строя; для них характерно было сочетание промышленности с земледелием, нерасчлененное еще единство города и деревни. Первоначально города, по выражению Маркса, могут рассматриваться здесь «только

[1] *К. Маркс,* «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 158.

как княжеские станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле».[1] Города, возникавшие в Нильской долине, среди сел, первоначально были укрепленными станами местных князьков. Маркс указывает, далее, два пути развития для этих общин. Либо сравнительно долго эти «мелкие общины прозябают независимо одна возле другой, а внутри каждой из них отдельный человек трудится со своей семьей независимо на отведенном для него наделе»,[2] либо достигается объединение этих мелких общин, складывается деспотическая власть.

В условиях такого объединения общин, как подчеркивает Маркс, ирригационные каналы, средства сообщения представляются «делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами».

Объединения общин сначала создаются в небольшом масштабе; таких мелких объединений было в Нильской долине несколько десятков. В дальнейшем идут попытки создать более крупные объединения вокруг тех или иных древних городов, а затем возникают два царства — Верхнее и Нижнее. Несколько изменяется характер городов; они возникают «там, где место особенно благоприятно для внешней торговли; или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд».[3] Так возникают уже в объединенном Египте крупные города, бывшие центром внешней торговли и строительной деятельности фараонов, знати.

В Нильской долине благодаря единству речной системы возможно было на еще очень низкой ступени развития производительных сил создать ирригационное хозяйство большого масштаба. Князьки отдельных областей путем завоевания старались объединить ряд общин, и такие объединения создавались в древнем Египте, просуществовав более или менее короткий срок, пока не сложилось сравнительно устойчивое объединение в конце четвертого тысячелетия.

По-египетски эти восходящие к глубокой древности объединения общин назывались «сепа» (греки называли их впоследствии «ном»), и пиктографическое написание этого слова сводилось к знаку, изображающему кусок земли, перерезанный рекой и ответвляющимися от нее каналами.

Организация этих общин еще не достигла той степени развития, когда она могла дать возможность отдельным индивидуумам и семьям иметь большое количество рабов.

Рабы находились еще во владении общины. Однако наличие ирригационных работ давало возможность применить рабскую силу даже в условиях сравнительно слабого развития рабовладельческих отношений, даже на уровне домашнего рабства. Воз-

---

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 157.

[2] Там же, стр. 152.

[3] Там же, стр. 153.

можность распоряжаться рабами, находившимися во владении общины, имелась у родовой знати, родовых старейшин, что еще более укрепляло их власть над рядовыми общинниками. Появление рабства на этом этапе не разрушало общинных форм собственности, рабство укрепляло власть местной знати.

Крестьяне имели в низменной части долины свои наделы, затопляемые разливом реки. Обработку земли в условиях ирригационного хозяйства первоначально не доверяли рабам, и на полях преимущественно применялся труд свободных крестьян, являвшихся вместе с тем и воинами. Над рядовыми свободными выделялась старая родовая знать. Во главе объединения общин = нома стоял правитель, называемый по-египетски «адз» = номарх. Он восходил подобно лугалю или патеси Шумера к институту родовых старейшин. Ведь классовое общество в Египте, как и в Вавилонии, сложилось тогда, когда старейшины рода еще не утратили своей силы. В Египте этот институт еще сохранялся, но положение старейшины теперь изменилось. Он превратился в представителя классового общества. Правитель нома, как и лугаль Шумера, стал деспотом, вместе с тем он сохранил древние функции военачальника, судьи и верховного жреца. Эти последние функции в классовом обществе придавали правителям номов определенный теократический характер.

Номов в Египте было около сорока, и эти области продолжали сохранять свою культурную и отчасти политическую самостоятельность вплоть до греко-римской эпохи. Каждый ном имел свою религию, своих богов, своих священных животных. Номы находились в постоянной вражде между собой. Даже в эпоху Рима велись войны между номами под флагом религиозных разногласий. Так, ном, почитавший бога в виде рыбы, начал войну с соседним номом, представители которого съели эту священную рыбу на его же территории. Потребовалось вмешательство римских войск, чтобы прекратить кровопролитие. Жители номов говорили на различных наречиях. Еще в византийский период коптский язык делился на ряд резко отличающихся друг от друга наречий. В древности же разноязычие населения Египта было еще более разительным. Тексты неоднократно упоминают о том, что жители различных частей Египта не понимали друг друга. Текст эпохи гиксосов прямо говорит о «языках» Египта. Это разноязычие отчасти содействовало сохранению иероглифического письма без гласных, дававшего возможность более легкого общения отдельных частей долины.

Все это показывает, насколько номы Египта жили обособленной, самостоятельной жизнью. Каждый ном соприкасался лишь со своими северными и южными соседями. Что касается номов Северного Египта, Дельты, то здесь во многих местах номы разделялись друг от друга болотами. Центральные номы Дельты даже прямо назывались египтянами «островами середины». Объединение номов Дельты поэтому было значительно более трудным делом, нежели

объединение номов Юга, где Нил являлся удобной магистралью для продвижения сил, стремящихся подчинить единой политической власти отдельные отрезки долины.

Рост производительных сил, дальнейшее расширение ирригационной сети создавали стремление к объединению в отдельных номах.

Регулировка реки именно благодаря тому, что здесь имелась одна речная система, становилась возможной по-настоящему только в том случае, если Египет был объединен. В Египте сравнительно рано были сделаны попытки к объединению номов в одно политическое целое, благодаря чему возможен был контроль над рекой во всем ее течении или во всяком случае в двух частях — на юге и севере.

Номы. Для уяснения длительного процесса политического объединения Египта необходимо предварительно перечислить важнейшие номы, на которые делился Египет.

На крайнем юге Египта, на границе Нубии, находился Элефантинский ном. Элефантиной назывался остров, греческое название которого «Слоновый остров», является переводом египетского слова «Аб», что также значит слоновый остров, или остров слоновой кости. На этот остров стекались суданские товары. Здесь происходил обмен между Египтом и Нубией. Кроме золота, Нубия славилась слоновой костью. Эта слоновая кость являлась одним из самых ценных материалов, которые доставлял Судан. Здесь же находился и город, который по-египетски назывался Севене, что значит «цена»; это был торговый пункт, где происходил обмен между египтянами и нубийцами (Севене — современный Ассуан).

Несколько далее к северу находился город Иераконполь, где почитался бог в виде сокола. Из этого города исходило объединение Юга.

Еще дальше на север, в южной части того колена, которое образует Нил, приближаясь к Красному морю, был один из самых крупных городов Египта — знаменитый город Фивы. По-египетски он назывался Тепе. Его название грекам напоминало название их родного города Thebae — Фивы, и они стали называть Тепе Фивами. Греки, в отличие от своих семивратных Фив, называли египетские Фивы, которые им представлялись в эпоху Гомера богатейшим городом, стовратными Фивами. Фивы были, действительно, большим городом. Целый ряд его храмов сохранился вплоть до нашего времени.

Дальше к северу, в самом центре колена, образуемого Нилом, находился город Коптос. В Фивах почитался бог Амон, сопоставленный позже с богом солнца Ра, а в Коптосе — родственный ему бог Мин, бог плодородия. Этот город находился в той части долины, которая наиболее близко примыкает к востоку, т. е. к горам и Красному морю. Коптос являлся поэтому средоточием торговли с Востоком, а его бог Мин — владыкой пути на Восток.

Еще дальше к северу находился город Абидос; здесь почитался бог Осирис, который играет значительную роль в египетской ре-

лигии и соответствует вавилонскому Таммузу, т. е. богу, умирающему и вновь воскресающему.

Первоначально в Абидосе почитались другие боги, постепенно вытесненные культом Осириса.

В самом центре Южного Египта находился Гермопольский ном, в котором поклонялись богу Тоту, богу мудрости и письма. Он почитался в виде птицы ибиса или в виде обезьяны (павиана). Этому ному было суждено играть весьма существенную роль в истории Египта.

Дальше в широкой плодородной долине был расположен Гераклеопольский ном. Он был так назван греками потому, что в нем почитался бог Харшефи, отождествленный ими с Гераклом. Ном господствовал над подступами к Фаюму, большому оазу, примыкающему к нему с запада.

Недалеко от того пункта, где начинается широкая Дельта, находился великий город, который имел большое значение в течение всех времен египетской истории, — город Мемфис (Меннофер). Около этого города высились громадные пирамиды, усыпальницы царей, которые долгое время являлись самыми грандиозными памятниками, какие знало человечество. В Мемфисе почитался бог Птах. Одним из названий этого города был Гикапта, что значит «дворец духа Птаха». Отсюда произошло греческое название Египта — Айгиптос. Птах считался богом — создателем людей и покровителем искусства.

Недалеко от Мемфиса, уже в самой Дельте, находился город, который мы называем греческим словом Гелиополь, т. е. город «бога солнца». Египетское название его Ону. Здесь почитался бог Ра — солнце. Гелиополь является одним из древнейших городов Египта. В центре Дельты, к северу от Гелиополя, лежал город Бусирис, названный так потому, что здесь издревле почитался бог Осирис. Бусирис был главным городом восточной части Дельты.

К северо-западу от Бусириса находился город Саис. Здесь почиталась богиня Нейт, которая сопоставлялась греками с богиней Афиной. Этот город имел большое значение в истории Египта. Хорошо его знали и греки. О нем, например, упоминает Платон в своем известном рассказе об Атлантиде.

К северу от Саиса находился город Буто, центр почитания бога Гора, бога сокола.

Этот ном был главным номом запада Дельты и являлся ее оплотом в борьбе с Югом.

Войны между номами. Памятники древнейшей эпохи изображают нам те войны, которые велись между отдельными номами. Мы видим на этих памятниках угон скота, вереницы пленных, которых влекут за веревки, привязанные к их шеям; мы видим битвы, которые происходят на реке и на берегу. Ведутся они чрезвычайно примитивным оружием: палицей с каменным наконечником, кремневым ножом; лук и стрелы применялись лишь на охоте.

Борьба между отдельными номами происходит из-за похищения скота, рабов и других ценностей, которыми располагали эти номы (как, например, золото, которое имелось в большом количестве в Египте благодаря тесным связям с Нубией). Войны приводили к тому, что более сильные номы подчиняли себе слабые номы. Это способствовало объединению номов.

Номы объединяются путем войн; объединение нескольких номов захватывает в конце концов гегемонию над соседними номами. Таким образом постепенно путем завоевания, а отчасти и мирным путем, номы Египта объединились в несколько крупных единиц.

Объединение Верхнего Египта. Около середины четвертого тысячелетия в Верхнем Египте создалось объединение номов, центром которого был Иераконполь.

Иераконпольский ном, ставший во главе номов Юга, был центром почитания бога в виде сокола, бога солнца, по имени Гор. На севере в это же время образовалось государство с главным городом Буто, где также почитался бог солнца, Гор. Поэтому в последующей традиции эпоха второй половины четвертого тысячелетия называлась эпохой почитателей Гора. Власть иераконпольского царя достигла большой силы. Он был обожествлен, он получил титул «царя Верхнего Египта». Корона формы высокой бутыли, которую носил иераконпольский царь, как царь Верхнего Египта, продолжала жить до самого последнего времени истории древнего Египта среди атрибутов царской власти. Царь Верхнего Египта стал теперь главою двух десятков номов. Он руководил уже аппаратом угнетения большого государства, направленного против рабов и против рядовых общинников. Он должен был заботиться о пополнении рабов путем уже сравнительно крупных военных экспедиций. Ирригационное хозяйство, ведущееся в масштабе всего Верхнего Египта, было значительно более сложным, нежели хозяйство отдельного нома. Руководство таким сложным хозяйством на всем протяжении длинной узкой речной долины также создавало большую власть главы государства. Основной функцией деспотии было собирание податей с сельских общин, — ограбление собственного населения, по выражению Маркса.

Значительная плотность населения требовала большого количества зерна, но далеко не каждый год долина Нила давала хороший урожай. Если река при своем разливе не достигала достаточно высокого уровня, в Египте наступали те ужасные годы голода, о которых упоминают египетские тексты и Библия, говоря о семи годах голода, а также повествуют арабские историки Египта феодального периода. Смертность от голода в Египте, судя по достоверным описаниям арабских источников, достигала исключительных размеров: вымирали целые селения.

Перед государством Юга стояла забота о создании больших запасов зерна в урожайные годы на случай голода. Для этого надо было создавать большие закрома и регулировать выдачи из них во время голода. Все это укрепляло деспотическую власть царя.

Объединение Нижнего Египта. То, что сказано о государстве Верхнего Египта, может быть в общем перенесено и на государство Нижнего Египта. Надо лишь помнить о том, что власть царя Нижнего Египта среди номархов Севера была менее полной. Объединение Нижнего Египта было менее прочным, нежели объединение Юга. На Юге единая речная магистраль не только централизовала ирригационное хозяйство, но и давала возможность в любой момент быстро доставить войска в тот или иной из восставших номов. На Севере номы, расположенные по рукавам Нила и отделенные иной раз друг от друга непроходимыми болотами, сохранили значительно бóльшую самостоятельность.

Центром объединения Севера был ном Буто. Здесь имели место сильные ливийские влияния, и даже титул, который носил царь Севера («бити»), несомненно связан с древним ливийским названием царя — «батта». Его корона напоминала бадью с длинной рукояткой. Цвет Севера был красный, в то время как цвет Юга был белый, и поэтому корона Юга называлась «белой», а корона Севера — «красной». Север, объединившийся, может быть, на несколько веков раньше, чем Юг, успел создать и несколько более высокую культуру. Здесь создалась культура, которая, судя по вещественным памятникам, являлась общей для всего восточного Средиземноморья. Мы находим эту общность и в области религии (культ Осириса), прикладного искусства (керамика, цилиндры-печати), искусства (симметрически расположенные фигуры), оружия (своеобразные палицы), быта (пиво, шашечные доски) и т. д. Зачатки иероглифического письма Египта весьма близки зачаткам письменности Шумера. В сношениях Севера и Юга войны сменялись периодами мирного сожительства, и тогда цивилизация Севера оказывала свое влияние на Юг.

Борьба за объединение Верхнего и Нижнего Египта. Борьба между Югом и Севером за преобладание в деле объединения страны велась ожесточенно, с перевесом на стороне Юга. Более прочно сплоченное объединение номов Юга одерживало верх над более слабым объединением Севера. Объединение обеих стран диктовалось необходимостью создания грандиозного ирригационного хозяйства в масштабе всей долины Нила. Кроме того, оно диктовалось и необходимостью объединить в одно целое хозяйства Севера и Юга, имевшие свои специфические особенности.

На Юге, где долина представляла узкую полосу, почти все пригодные плодородные земли на низких полях были использованы под пашню; что касается пастбищ, то их было сравнительно очень мало. На Севере же наряду с пахотной землей имелось достаточное количество земли, которая могла быть использована для пастбищ. В некоторых частях Севера скотоводство было даже преобладающим занятием населения. Поэтому для полного хозяйственного благополучия Юга требовалось объединение его со скотоводческими районами Севера.

В последующее время в Египте стал практиковаться своеобраз-

ный способ скотоводства. Он сводился к тому, что на известный период года скот из Верхнего Египта пригонялся или привозился на ладьях на пастбища Нижнего Египта. Об этом свидетельствуют изображения и тексты. Как изобразительные памятники, так и поясняющие их надписи, которые увековечивали главнейшие вехи кровавой борьбы Севера и Юга, свидетельствуют о больших жертвах, которые несли обе стороны.

Вероятно, в конце четвертого тысячелетия Югу удалось объединить Египет. Традиция, которая восходит уже к эпохе Нового царства, считает первым царем, который объединил обе части Египта, царя Менеса.

Объединение обеих стран. Менес. Менес был первым царем I династии (около 3200 года); возможно, что его тронным именем было Нармер, которое сохранилось на памятниках того времени. Один из этих памятников — большая каменная плита, посвященная последней битве, решившей исход борьбы, а второй — большое навершие вотивной палицы, на котором увековечена громадная добыча, взятая на Севере. Преувеличенные цифры сообщают о захвате 400 тысяч голов крупного скота, 1420 тысяч мелкого и 120 тысяч пленных. Многочисленные пленные были, возможно, использованы на больших ирригационных работах, которые позднейшая традиция приписывала Менесу. Может быть, к Менесу восходит древний «ниломер» у острова Рода недалеко от города Гелиополя. На месте позднейшего города Мемфиса, который явился наиболее северным пунктом Верхнего Египта, он создал большую крепость, оплот Южного Египта против Северного. Он назвал ее «Белой стеной», т. е. стеной Верхнего Египта. Отсюда в любой момент можно было перекинуть силы на Север в том случае, если бы он попытался сбросить иго Юга. Столица же Египта в первые столетия существования объединенного государства продолжала оставаться на Юге, причем с момента объединения она была перенесена из Иераконполя в Абидос. Абидос был выбран столицей ввиду своего положения: он находился, примерно, в центре Верхнего Египта. Здесь первые цари единого Египта сооружали свои гробницы, здесь позднее возник центр культа умирающего и воскресающего бога Осириса.

Перенести столицу дальше на север, в Мемфис, в самый центр объединенного Египта, было еще опасно, так как Север еще не был окончательно подчинен.

Для закрепления власти царя на Севере там были созданы военные поселения «верхнеегипетских [людей]», долженствовавшие служить опорными пунктами в покоренном Северном Египте.

Они были поселены на высоких полях, а не на низких, чтобы не восстановить против себя сельские общины, которые владели территорией низких полей.

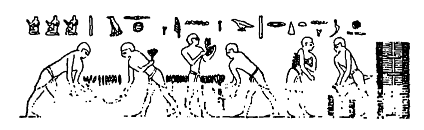
Эта мера была необходима, ибо Север, покоренный силою оружия и эксплоатируемый Югом, неохотно нес тяжесть ига. Неоднократно вспыхивали крупные восстания. Мы узнаем о них даже

на основании тех немногих источников, которые дошли до нас от той отдаленной эпохи. Дело доходило до того, что столицу должны были снова перенести в Иераконполь. Подавление восстаний было обычно сопряжено с большими потерями: так, во время одного из восстаний было взято в плен 47 тысяч северян. Конечно, это число, как и число пленных на палице Нармера, преувеличено. Но несомненно, что число пленных, захваченных во время этих войн и восстаний, было довольно велико, и использование их было вполне возможно для сооружения той единой ирригационной системы, которая должна была создаться после объединения Египта на всем протяжении течения Нила, начиная от моря и вплоть до Элефантины на крайнем юге.

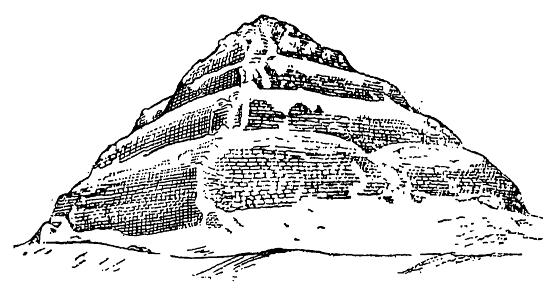
Цари, объединители Египта, взимали подать со всех номов как с движимого имущества, так и с недвижимого. В целях правильного обложения производились каждые два года переписи «исчисления золота и полей». Термином «золото» обозначалось все драгоценное движимое имущество. Исчисление имущества считалось делом столь большой важности, что годы царей датировались по этим исчислениям.

Другим доходом царя являлись грабительские экспедиции, которые производились в окружающих варварских областях. Изредка направлялись торговые экспедиции в далекую Финикию (Библ) и, может быть, на Крит. Грабительские экспедиции и торговля доставляли Египту металл, который все еще был очень редким. Медь начинает теперь чаще появляться наряду с камнем и деревом. Но все же и теперь она настолько еще редка, что в годовых записях, отмечающих важнейшие события, увековечивается и сооружение медной статуи царя.

После многочисленных восстаний, которые подавлялись с большой жестокостью, Север в конце концов примирился со своей участью, и Египет был прочно объединен. Внешним признаком этого объединения было то, что столица из Абидоса была перенесена в Мемфис. Это перенесение совершилось во времена III династии.



Жатва. Рисунок из гробницы Древнего царства.



Ступенчатая гробница Дзосера в Саккара.

ГЛАВА XIII

ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

Дзосер. С перенесением царской резиденции в Мемфис, власть верхнеегипетского царя над Дельтой еще больше укрепилась. Египет с этого времени переживает наивысший расцвет, и мы называем время правления царей III, IV, V и VI династий эпохой Древнего царства (с 3000 по 2400 год). Власть царя становится все более неограниченной, все более деспотической. Первый царь III династии, Дзосер, мог предпринять колоссальные работы для увековечения своей личности. Его архитектор и ближайший помощник во всех делах, Имхотеп, задумал создать грандиозный надгробный памятник царя. Как царь стоит неизмеримо выше простых смертных и потомков знатных родов, так и гробница царя должна возвышаться над их могилами. Была построена из громадных каменных глыб первая пирамида, еще не вполне правильной формы, известная под названием ступенчатой пирамиды. С этого времени все цари Древнего царства воздвигали себе пирамиды, из которых пирамиды царей IV династии Хеопса и Хефрена (около 2900—2800 гг.) являются наиболее грандиозными.

Пирамиды. Пирамиды были причислены античной древностью к семи чудесам мира, созданным рукой человека (висячие сады Семирамиды в Вавилоне, созданная Фидием статуя Зевса в Олимпии, Фарос Александрийский, колосс Родосский, Мавзолей в Карии и храм Артемиды Эфесской), и они полностью оправдали такое внимание к себе: ибо из всех этих «семи чудес» одни только пирамиды дожили до наших дней. До сих пор путешественники, едущие по Нилу, могут видеть к югу от Каира вдали на западе, на границе пустыни, эти возвышающиеся громады, которые напоминают скорее создание природы, нежели творение рук человека.

Пирамиды, воздвигнутые при громадном напряжении всех сил египетского общества, являлись гробницами царей. Перед исто-

риком встает задача решить вопрос о том, что заставляло египетское общество приносить для загробного благополучия царя столь непомерные жертвы? Вопрос этот можно решить, конечно, лишь на основании детального изучения египетского общества, сложившегося в эпоху Древнего царства. Древнее царство — период наиболее прочного политического объединения всех номов Египта — внесло много новых моментов в историю Египта.

Царь. Царь в эпоху Древнего царства, став политическим главой объединения всех номов Египта, достиг максимальной полноты власти. Он был, говоря словами египетских текстов, «выделен среди миллионов». Цари единого Египта считались богами, грань между богом и царем в Египте эпохи Древнего царства перестала существовать. Единственная разница была та, что царь, в противоположность «великим» богам, при жизни своей называется «благим» богом; но после смерти и это различие стиралось, и он, как и прочие боги, становился «великим».

Все раболепно преклонялись перед ним — и рядовое население и вельможи. Любой вельможа, гордившийся своей связью с номом, где «бог создал плоть его предков», являясь к царю, падал не только на колени, но и на живот. Целовать ему разрешалось лишь прах у ног царя. В эпоху, когда царская власть в Египте была несколько ослаблена, один вельможа с гордостью сообщал в своей надписи о том, что царь при приеме разрешил ему поцеловать ноги. Египетские тексты говорят об обмороках, в которые падали лица, говорившие с царем. Имя царя нельзя было упоминать всуе, ибо подобно имени бога имя царя было полно магической силы. Поэтому царя называли Пер-о, что значит «великий дом» (это слово через библейскую традицию дошло до нас в форме «фараон»). Чаще всего, когда говорили о фараоне, употребляли выражения: «они были», «они приказали» и т. п.

Царь имел пять имен: свое собственное имя и сверх этого еще четыре имени, которые давались ему при вступлении на престол. Каждое из них имело отношение к одной из составных частей его пышной титулатуры. Основное тронное имя было связано с титулом царя Верхнего и Нижнего Египта, в котором продолжала жить память о существовании двух самостоятельных царств: на юге и на севере долины Нила. Личное имя фараона было связано с титулом «сын солнца». В этом титуле ярко отразилась классовая сущность египетской религии, обожествление царской власти, вера в «божественность» деспотии. Здесь выражается и претензия Египта на господствующее положение в окружающем его мире. Действительно, в то время Египет достиг такой мощи, которая выделила его среди варварских племен «жалких», как говорят надписи, азиатов, негров, ливийцев, окружавших Египет и дававших ему только рабочую силу и скот. Соседних варваров египетский царь мог поражать, даже «не поднимая дубины», «убивать их стрелами, не натягивая лука». Бог солнца, так верили египтяне, является богом Египта, солнце светит только

Египту, ибо только Египет достоин того, чтобы на него смотрело солнце. Царь же Египта является «сыном солнца», подобно всем прочим великим богам.

Для «бога великого», для «сына солнца» должны быть напряжены все силы страны, чтобы создать жилище «из вечного камня» «для его бессмертной плоти». И вот создавались пирамиды, наиболее грандиозные из которых — пирамиды Хеопса и Хефрена — были колоссальных размеров: высота их достигала 150 м, а сторона квадратного основания — 240 м.

Верховный сановник (визирь). Фараон, являвшийся средоточием большого государства, не мог не иметь помощника, и таковым является сановник, которого мы называем арабским словом «визирь»; по-египетски он назывался «тсати». Он был помощником царя во всех его делах и был вместе с тем начальником резиденции царя. Визирь часто назначался из числа царевичей.

Под властью царя и визиря находился большой чиновничий аппарат, который должен был заведывать всем сложным государственным хозяйством.

Государственный аппарат. В центральном управлении сохранились многочисленные следы дуализма, восходившие к периоду существования двух самостоятельных государств на Юге и Севере. Существовали две сокровищницы, два закрома, двое хранителей печати и т. д. Крупные сановники назначались из родственников царя и из знати, низшие — писцы — из рядовых свободных. На писцов падала сложная работа по ведению земельных списков, подсчету работы как рабов, так и рядовых общинников, регистрированию необходимого сырья для ирригационного хозяйства и т. д.

Египетское государство эпохи Древнего царства имело довольно развитую судебную организацию. Высшая судебная инстанция возглавлялась царем и визирем. В состав областного суда входила номовая знать, так называемые «серы».

В номах чиновничий аппарат был подчинен номархам, которые в свою очередь в сильнейшей степени зависели от центральной власти.

Несмотря на наличие крепкой централизованной власти, покончить с внутренней самостоятельностью номов не удалось: она оставалась неизменной на протяжении всего Древнего царства. Египет и тогда представлял политическое объединение номов, нескольких десятков небольших государств, которые продолжали сохранять свою самостоятельность по отношению к своим соседям. И тогда, как и впоследствии, до конца рабовладельческой эпохи, египтянин продолжал рассматривать себя не столько гражданином единого египетского государства, сколько, в первую очередь, членом своего нома.

Писцы. Суровая деспотическая власть фараона распространялась на всех свободных египтян как в военное, так и в мирное время. Даже вельможа, близкий к царю, с гордостью заявляет в одной из надписей своей гробницы, что его никогда не били. Сле-

довательно, бывали случаи, когда и вельмож подвергали телесным наказаниям. Единственное исключение в этом отношении представляли писцы, как мы можем судить на основании тех литературных памятников, которые вышли из их среды. Писцы, как люди грамотные, были нужны в условиях экономики ирригационного хозяйства; они должны были вести списки людей, обязанных нести военную службу и выполнять работы на полях. Они с гордостью заявляют, что писец «считает работы» всего населения Египта, и он один «освобожден от побоев», он «защищен от работ», человек же неграмотный «нагружен как осел».

Но для отчетливого понимания структуры египетского общества надо помнить, что именно эти писцы, столь восхвалявшие свою собственную профессию и издевавшиеся над всей прочей массой населения Египта, над крестьянами, ремесленниками, воинами и т. д., были вместе с тем людьми, вышедшими из той же среды, которая давала Египту рядовых воинов, ремесленников и крестьян. Это с очевидностью вытекает из тех поучений, которые дошли от более позднего времени (от эпохи Среднего царства) и которые имеют целью показать в ярких красках все значение профессии писца.

Египет Древнего царства представлял собой примитивное рабовладельческое общество, т. е. общество, в котором рабский труд не захватил еще всех основных сторон производства. В земледелии и ремесле работали, главным образом, люди свободные.

Земледельческое хозяйство. Земледелие продолжало оставаться основной экономической базой номов. Ремесло играло подсобную роль. Ирригационное земледельческое хозяйство было вместе с тем и основным объединяющим отдельные номы моментом, ибо оно проводилось на всем протяжении долины Нила.

Нижние поля, орошаемые естественным путем, водой каналов или самой реки, являлись собственностью сперва отдельного нома и его правителей, а затем, когда номы были объединены под властью единого египетского царя, они стали собственностью государства во всеегипетском масштабе.

Формы землепользования. В этой форме собственности, которая характерна для древнего Египта, «...не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник — это община», как говорит Маркс.[1] В сохранении этой общинной формы собственности большую роль играет тот факт, что «...собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом (т. е. таким образом, как, например, система орошения на Востоке)»...[2] Общинная форма собственности укрепляет власть знати, которая выступает «олицетворением» общины, распоряжается общинной собственностью. Уже в эпоху Древнего

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 158.
[2] Там же, стр. 153.

царства фараон выступает как «высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы», и таким образом деспот, по выражению Маркса, «...наделяет отдельного человека через посредство той общины, к которой он принадлежит».[1]

Часть земель отдавалась в непосредственное пользование отдельным крестьянским семействам или же предоставлялась знати. Небольшие наделы крестьян на низких полях обрабатывались самими владельцами и их домочадцами. Наделы были часто настолько малы, что их владельцы не имели возможности держать скот и получали его для работ из хозяйства нома. На значительно бóльших наделах знати работали рабы, предоставленные знати из числа номовых рабов, так называемых «мере».

Частное землевладение на высоких землях, орошаемых искусственным путем, в Древнем царстве было очень незначительно. Лишь в Дельте, где «высокие земли» лежали все же сравнительно невысоко от реки, обработка их могла быть проведена в большем масштабе, чем в Верхнем Египте. В Дельте высокие поля отводились под поселения южноегипетских воинов.

Наряду с землей и скотом, находившимися в частном пользовании, были земли и скот, остававшиеся в непосредственном владении номов и царя.

Гробничные изображения. Вельможи в своих гробницах, так называемых мастаба, изображали на стенах всевозможные работы крестьян, трудившихся на полях. Подобные гробничные рельефы дошли до нас в большом количестве. Мы видим здесь крестьян, которые пашут, сеют, собирают жатву, выполняют различные ремесленные работы. Изображены ряды крестьян и крестьянок, которые приносят жертвенные дары в гробницу покойного вельможи. Изображены сцены избиения «правителей укрепленных городов», которые были уличены писцами счета в несвоевременном и неполном доставлении продуктов, необходимых для заупокойного культа. В такой возможности телесного наказания даже привилегированных представителей господствующего класса сказывалась жестокая восточная деспотия, опиравшаяся на общинные порядки. Гробничные рельефы не являлись изображениями в нашем смысле слова, а были изображениями магического характера, они отнюдь не являлись иллюстрациями, поясняющими праздному посетителю, как происходят работы на полях, посвященных заупокойному культу вельможи. Они имели магическую цель: они должны были якобы дать покойнику в загробном царстве возможность насладиться всем тем, что доставляют ему поля, стада и т. д. Поэтому сюжеты изображений весьма ограничены по теме.

Работы в ирригационном хозяйстве. Ирригационные сооружения, которые производились на громадном пространстве: дамбы, предохраняющие от наводнения, каналы, которые должны были осу-

[1] *К. Маркс*, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 151—152.

шать долину, — все эти грандиозные работы требовали громадного напряжения сил всего населения. И в первую очередь на них применялся труд военнопленных и рабов, которые добывались от варварских племен, окружавших Египет, — негров, нубийцев, ливийцев и семитов, а также от северян, которые захватывались в большом количестве в плен. Они вместе с рабами, которыми номы владели раньше, образовали многочисленный класс, в течение последующих столетий производивший основную, черную и тяжелую землекопную и строительную работу.

Для ирригационных работ требовалось громадное количество рабочих рук, в особенности в случае прорыва какой-нибудь дамбы или необходимости углубления канала. Царская власть привлекала на ирригационные работы не только рабов, но и свободное население. Как и в Вавилонии, к ирригационным работам привлекались в первую очередь крестьяне, воины и даже в экстренных случаях жрецы. В эпоху Нового царства, т. е. в период, когда жречество достигло большого значения, имеются свидетельства о том, что они работали на каналах.

Налоги и натуральные повинности. За наделы крестьян был установлен поземельный налог, который уплачивался царю. В этот период было проведено чрезвычайно важное мероприятие для взимания поземельных налогов: был составлен кадастр (список земельных угодий), который давал возможность прекратить «исчисление полей» через каждые два года. Что касается скота, то, поскольку он, в противоположность земле, не мог быть учитываем на долгое время, его исчисляли через каждые два года. Номы должны были по приказанию царских чиновников отдавать рабов на любые работы «царского дома» и в первую очередь на строительные работы по созданию и поддержанию ирригационной сети. Царь облагал податью «каналы, пруды, канавы, колодцы, сикоморы», т. е. все части ирригационной системы, созданной руками царских рабов.

Что касается крестьян, которые обрабатывали наделы, с которых шел налог в царскую казну, то они были обязаны, кроме налога, выполнять по приказу царских чиновников различного рода работы для «царского дома». Они могли привлекаться в случае надобности и для строительных работ, связанных с царской пирамидой. Если верить Геродоту, для сооружения пирамид Хеопса и Хефрена привлекались в большом количестве свободные египтяне. Несомненно, что это усиленное привлечение египтян к строительным работам ложилось тяжелым бременем на крестьян. Однако в Древнем царстве при постройке пирамид Хеопса и Хефрена в основном использовался труд рабов. «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях, — говорит Маркс, покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве».[1]

[1] *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1937, стр. 317.

Из существования античной легенды, осуждавшей Хеопса за привлечение к непосильному труду свободных, никак нельзя притти к выводу, что рабы от этого труда были освобождены.

Постройка колоссальных пирамид, длившаяся много десятков лет, должна была в конце концов вызвать сильное недовольство в среде номовой знати и народных масс по отношению к царям IV династии — Хеопсу, Хефрену и их преемникам. К такому использованию крестьян и рабов население номов относилось, по всей вероятности, чрезвычайно неприязненно. Ведь благодаря этому массы людей отрывались от их прямых обязанностей — от сооружения ирригационной сети и обработки земли. Вероятно, в эту эпоху усиленного строительства прекратились и военные грабительские экспедиции. Дело в конце концов дошло до того, что недовольство этим режимом охватило номы и привело к некоторым политическим изменениям.

V династия. IV династия закончилась частой сменой царей и, наконец, захватом власти следующей V династией (около 2700 года), одним из царей которой является крупная личность Сахура.

Об этой смене династий памятники нам ничего не сообщают, хотя можно догадываться, что протекала она совсем не гладко.

Легенда о происхождении царей V династии. Традиции, восходящие к Среднему царству, отдаленному от эпохи строителей пирамид примерно на тысячу лет, содержат историческую легенду, которая приобрела форму сказки.

В ней рассказывается следующее. У царя Хеопса является желание послушать рассказы о великих мудрецах древности. Ему рассказывают сказки, затем один из его сыновей сообщает ему, что есть в Египте человек, который знает больше, нежели все мудрецы древности. Царь Хеопс требует к себе этого мудреца, и тот ему предсказывает, что его династию сменит другая, которая произойдет от бога солнца Ра, вступившего в брачный союз с женой своего верховного жреца. Царь сильно встревожился и некоторое время преследует своих предполагаемых малолетних соперников. Но они каким-то образом спасаются и в конце концов становятся царями.

Из этой сказки, записанной на папирусе Весткар, можно догадаться, что номы, недовольные чрезмерным напряжением сил на строительных работах, не имеющих отношения к номовому хозяйству, сменяют династию, и престол Египта перешел к V династии, родоначальники которой находились, может быть, в родственных отношениях с царями предшествующей династии. Выполняя требования номовой знати, новая династия менее сильно эксплоатирует рабочую силу страны. Цари этой династии — Сахура, Нефериркара, Ниуссерра и др. — действительно проводят строительную политику, связанную с их заупокойным культом, менее интенсивно. Пирамиды царей V династии значительно меньше по размерам, причем, кроме пирамид, они строят храмы богам, в том числе и номовым, строят храмы богу солнца — главному богу Египта.

Солнечные храмы. Такой храм состоял из громадного двора, окруженного высокой оградой. Центральной частью святилища был грандиозный обелиск в семьдесят и больше метров высотой, сооруженный из мощных глыб белого известняка. Белоснежные обелиски возвышались на фоне синего неба Египта и вся эта цепь храмов (каждый царь V династии возвигал по храму) на краю пустыни, на западе, производила большое впечатление. Стены длинного крытого коридора, который соединял храм с царским городом, были украшены рельефами, изображавшими жизнь природы и труд людей под лучами всеоживляющего солнца. На больших дворах-храмах собирались толпы народа. Здесь находились громадные жертвенники, на которых приносились кровавые жертвы, в большие праздники убивались целые стада животных.

Развитие культа Осириса. Цари V династии заботились также и о культе другого всеегипетского бога, Осириса, почитавшегося в Тинисском номе, в Абидосе. Так, царь Нефериркара издал декрет, на основании которого нельзя было крестьян и рабов храма Осириса, бога, имевшего всеегипетское значение, привлекать для работ нома. Нефериркара в интересах всего Египта освободил личный состав храма Осириса от каких-либо работ, имевших значение лишь для одного Тинисского нома.

Грабительские экспедиции. Повидимому, цари V династии не могли уже с прежней силой выжимать подати и натуральные повинности из номов, после того как с некоторым ослаблением государственной власти успела окрепнуть номовая знать. Поэтому они возобновили грабительские походы, которые из отдельных, спорадических, маленьких экспедиций на север и юг превратились в большие военные экспедиции.

В Египте имелось необходимое для развития хозяйства сырье; отсутствовал только металл, который имелся в областях, примыкавших к Египту: золото — в Нубии, медь — на Синайском полуострове. Эти области были заселены племенами, находившимися еще на стадии варварства. Они не могли быть противниками, равносильными Египту. Поэтому для добычи золота в Нубии или меди на Синайском полуострове не требовалось какой-нибудь организованной торговли, торговых агентов, которые ввозили бы египетское зерно на Синайский полуостров в обмен на медь; для того чтобы добыть это сырье, было достаточно нескольких вооруженных экспедиций. Семиты или негры не могли противостоять хорошо вооруженному и организованному египетскому боевому отряду, и египтяне могли забирать не только сырье их области, но и их самих и их стада.

Египетские надписи Древнего царства пестрят упоминаниями о захвате пленных и скота. Так, из Анналов мы узнаем, что царь Снофру, предшественник Хеопса, увел 7 тысяч нубийцев и 200 тысяч голов скота; царь Сахура сообщает об удачном походе

против ливийцев, закончившемся захватом многочисленных пленных и скота. В самом начале VI династии египетский полководец Уна даже вторгся в Южную Палестину, разгромив всю страну, перебил десятки тысяч народу и взял множество пленных. О грабительских походах в эту область сообщают даже гробницы номархов, как, например, изображения в гробнице Анти, номарха Гераклеополя, увековечившие взятие какого-то палестинского городка. Фараоны Древнего царства не ограничивались только сухопутными походами. Они организовывали морские экспедиции. Сахура изобразил на стенах своего заупокойного храма возвращение больших морских кораблей после победоносного набега на берега Финикии. Корабли полны пленными и прочей добычей. Уже упомянутый Уна переправил на кораблях войско, чтобы разгромить какую-то область на азиатском побережье под названием «Нос антилопы». Наименования морских судов Египта «кораблями Библа» и «кораблями Крита» указывает на то, что египетские морские экспедиции нередко заходили далеко на север. Даже экзотический Пунт, где-то на восточном побережье Африки, не был в безопасности от боевых кораблей Египта. По крайней мере на изображении в храме Сахура бог подводит к нему наряду с пленными ливийцами и азиатами также и пунтийцев.

Роль обмена. Таким образом в руках фараонов Древнего царства находилось не только управление ирригационным хозяйством, они также принимали меры к тому, чтобы или путем использования внутренних ресурсов страны, или же посредством грабежа соседних областей добывать необходимое для этого хозяйства техническое сырье. Здесь крылась причина того, что при сравнительно большом росте производительных сил Египта обмен не играл в нем большой роли. Торговых агентов, которые заведывали бы этой торговлей и значение которых было столь велико в Вавилонии, Египет до конца Среднего царства не знал, ибо в них не было надобности.

Застойность в развитии общества. То своеобразное рабовладельческое общество, которое сложилось в древнем Египте, приобрело застойный характер по сравнению с классовым обществом, сложившимся в Вавилонии. В Египте в течение многих веков продолжало сохраняться положение, при котором египетский крестьянин продолжал владеть своим земельным наделом, своими средствами производства. Батрак и раб-должник появляются в Египте значительно позже, нежели в Вавилонии, — строго говоря, только в конце Нового царства. Поскольку же сохранились сельские общины, постольку труд рабов долго не мог захватить основные стороны производства.

Конец Древнего царства. Со времени VI династии начался распад централизованной деспотии Древнего царства.

Внешние признаки этого распада сводились к следующему. Фараон, который являлся богом для всего Египта, который «выделялся перед миллионами», перед которым пресмыкались все,

включая и вельможу, начал терять полноту своей деспотической власти.

Рост номовой знати. Потомки старых правителей номов, которые, покинув свои номы, окружали царя при жизни и после смерти в гробницах вокруг царских пирамид, теперь оставляют столицу царя и снова возвращаются в свои номы. Здесь они постепенно становятся политически самостоятельными правителями, и в конце концов царь единого когда-то Египта превратился, как много веков назад, в одного из правителей номов. Процесс децентрализации Древнего царства завершился тем, что единый Египет распался снова на отдельные номы.

Причины децентрализации Египта. Причина такого распада крылась в том, что объединение номов перестало приносить им ту выгоду, которую оно давало вначале. Действительно, цель, ради которой номы, вернее сельские общины каждого отдельного нома, терпели деспотическую власть царя единого Египта, была вполне конкретной.

Деспотия Древнего царства, являвшаяся аппаратом угнетения и насилия над массами рабов и крестьян-общинников, руками этих масс создала единую ирригационную систему, давшую возможность освоения естественного орошения полей во всеегипетском масштабе.

С другой стороны, это объединение несло с собой много тягот, которые ложились тяжелым бременем на отдельные номы. Единый Египет вел войны, которые могли быть выгодны одним номам и невыгодны другим. Так, войны, которые вел Снофру с нубийцами, были более выгодны южным номам, войны Сахура с ливийцами — западным, а войны с азиатами, о которых повествуют надписи Уны, — восточным. Такая работа, как постройка пирамид и заупокойных храмов IV и V династий, в сильнейшей степени изнуряла страну, ибо для этих грандиозных построек требовалось много рабочей силы. Рабы, которые находились во владении отдельных номовых хозяйств, отрывались от своей работы и перекидывались на постройку пирамид; таким образом ном лишался рабочей силы, которая была ему необходима. Как мы указывали, к этим работам привлекались и массы рядовых свободных. Сооружение V династией величественных храмов богу солнца Ра, стоящему над местными богами номов, также напрягало силы номов.

Пока объединение во всеегипетском масштабе было выгодно для номов, они мирились с громоздкой политической надстройкой деспотии, уничтожавшей политическую самостоятельность отдельных номов и требовавшей от них столь больших жертв. После же того, как была создана единая ирригационная система, деспотия фараона с ее непомерными требованиями становилась номам в тягость.

Льготные грамоты. Поэтому номовая знать стремилась получить от царя для своего храмового хозяйства освобождение от

тех или иных тягот, требующихся для царского, т. е. всеегипетского, хозяйства.

Такие декреты, освобождавшие храмовое хозяйство нома от каких-нибудь работ в пользу «дома царя», дошли до нас из города Коптоса и датированы они правлением царя Пиопи II (2500—2400), вступившего на престол шестилетним мальчиком и закончившего дни своей жизни на престоле столетним старцем. Судя по декретам, относящимся к городу Коптосу, царь Пиопи II во время своего долгого правления щедрой рукой раздавал номам льготы.

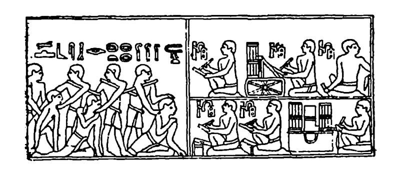
Царский декрет обращается к центральному управлению, к начальнику Верхнего Египта (эта должность была вновь создана еще царями V династии) и, наконец, к главе Коптосского нома и его помощникам. Содержанием декрета в его первой части является освобождение всех лиц, связанных с храмовым хозяйством Мина Коптосского, начиная с рабов и кончая самим номархом, от каких бы то ни было работ для дома царя, декретированных во всеегипетском масштабе. Таким образом правитель Коптосского нома является одновременно лицом, которое получает приказ о «защите» храма Мина, и вместе с тем является одним из лиц, которых данный приказ защищает. На особом положении были работы для дома царя, но производимые в самом номе.

Из декрета следует, что «защита» людей храма Мина Коптосского от работ на царский дом, декретированных для данного нома, была иной, чем «защита» от работ на дом царя, декретированных для всего Верхнего Египта.

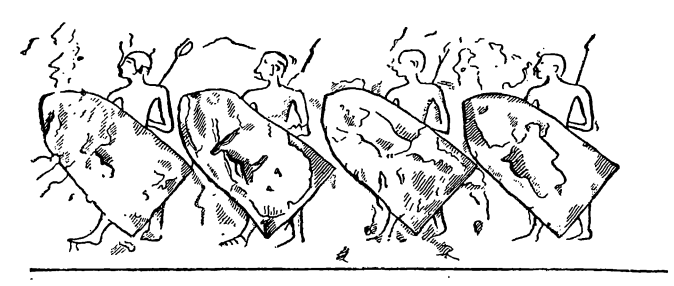
От последних освобождались все люди храма как свободные, так и несвободные; от первых же освобождались одни лишь свободные, а рабы могли быть привлекаемы. Подобное постановление о привлечении рабов для царских работ в номе было вполне понятно. Освобождение рабов от тех работ в номе, которые декретировались царским домом, было бы слишком ощутительным для прочего населения нома. Что касается работ для самого нома, а не для царского дома, то, конечно, все работники храмового хозяйства привлекались на них без исключения. Номарх объявлял мобилизацию сил нома для нужд нома и заботился о том, чтобы его приказ выполнялся. Царские декреты «защиты» не оберегали храмовое хозяйство нома от привлечения его номархом для нужд нома. Льготные грамоты были в интересах номархов, в руках которых находилось хозяйство храмов. Номархи переходной эпохи от Древнего к Среднему царству выступают в номе как правители, облеченные всей полнотой деспотической власти.

Таким образом, благодаря щедрой раздаче под давлением номов льготных грамот, которые в еще большей степени усиливали самостоятельность отдельных номов, создалось в конце концов

такое положение, что Египет из объединенного государства превратился в конгломерат политически самостоятельных номов, во главе которых стояли номархи, не являвшиеся больше наместниками царя, а бывшие вполне самостоятельными.



Податное управление.
Рисунок из гробницы Древнего царства.



Тяжеловооруженная пехота. Рисунок из гробницы одного из номархов Сиута.

ГЛАВА XIV

ПЕРИОД РАСПАДА И ОБЪЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Распад Египта на отдельные номы завершился около 2400 года, и после этого в течение нескольких сот лет продолжалось существование политически самостоятельных номов. Политическая децентрализация страны имела свои последствия для хозяйства Египта, ибо вместе с распадом на отдельные номы начали учащаться и военные столкновения между номами. Египет, в котором в течение нескольких сот лет уже почти не существовало войн между отдельными номами, снова превратился в арену борьбы.

Упадок ирригационного хозяйства. Хенку, номарх одного из номов Среднего Египта, рассказывает в своей гробничной надписи следующее: «Я заселял разрушенные города в этом номе скотом и людьми из других номов. Должность тех, которые были в них [т. е. в других номах] на положении рабов, я сделал должностью знатных». Хенку, таким образом, привлекал льготами население других номов в свою область, сильно обедневшую во время предшествующих войн. Но эти войны между отдельными самостоятельными номами приводили не только к обезлюдению, но и к разрушению ирригационной системы.

Дело доходит до того, что в Гермопольском номе, где в нормальное время не должно было быть никаких крупных болот, появились обширные болота. Они были настолько значительных размеров, что, согласно надписям правителя Гермопольского нома, все подвластное ему население нашло при вторжении полчищ врагов спасение в болотах. Надо думать поэтому, что обработка низких полей уже не могла теперь производиться в полном своем объеме, однако оставалась возможность в пределах каждой общины приступить к отводу воды на более высоко лежавшие земли, которые в обычное время лишены были орошения и не обрабатывались.

Освоение высоких полей и появление сильных недзесов. Поскольку же в этой части долины стала уменьшаться удобная для

земледелия площадь, постольку сельские общины, принуждаемые естественным ростом населения, начали приступать к расширению области высоких полей. Подобное расширение территории искусственно орошаемых полей было чревато последствиями для дальнейшей истории египетского общества. Усиленная обработка высоких полей обусловила рост частновладельческих отношений. Высокие поля требовали значительно больших затрат труда, нежели низкие поля; они выходили из состава территории сельских общин и превращались в наследственные владения тех, кто их обрабатывал. Обработка высоких полей была связана с увеличением числа частновладельческих рабов. Ведь при искусственном орошении можно было использовать труд подневольного человека, раба, и поскольку последний орошал частновладельческое поле, он уже не мог быть более объектом общинного владения. Таким образом, на территории высоких полей появляется теперь, в эпоху распада объединения номов, довольно широкий круг мелких и средних землевладельцев и рабовладельцев, которые продолжают расширять на высоких полях удобную для земледелия площадь.

Землевладельцы и рабовладельцы высоких полей выделялись, конечно, из числа членов сельских общин своим имущественным положением, и поэтому в текстах начинают появляться, наряду с простыми «недзесами» («маленькими»), «недзесы сильные» («сильные маленькие», «недзесы избранные»). С этого момента начинается первое значительное ослабление сельских общин.

Причины необходимости нового объединения. Начало освоения высоких полей было возможно и в условиях разъединения Египта при наличии полной политической самостоятельности отдельных номов при нарушенной общеегипетской ирригационной системе. Но дальнейшее расширение этих высоких полей требовало не только восстановления старой сети каналов, но и создания более совершенной системы ирригации, нежели даже та, которая существовала в эпоху Древнего царства. Среди мелких землевладельцев, которые владели наделами на высоких полях и использовали труд своей семьи или рабов, возникает стремление к новому объединению номов. Это вызывает к концу III тысячелетия новую борьбу номов Египта за объединение долины Нила. В этой борьбе Дельта не играет активной роли: борьба ведется между северной и южной частями Верхнего Египта. Как и в первом объединении, Север имел первоначально некоторое преимущество перед Югом. На Севере, благодаря характеру ландшафта, освоение высоких полей возможно было в бо́льших масштабах, нежели на юге; поэтому здесь слой мелких землевладельцев был более многочислен, нежели на Юге. В номах Севера, расположенных в широкой долине Дельты, а не в узкой долине Верхнего Египта, было больше возможностей для внутреннего обмена, нежели в номах Юга. Наконец, близость к средиземноморскому рынку обусловливала раз-

витие внешней торговли Севера. Но ослабление Севера, вызванное упорной и многовековой борьбой с более мощным Югом, привело к тому, что новое объединение Севера в конце III тысячелетия было создано одним из номов крайнего Севера Верхнего Египта, Гераклеопольским номом.

Гераклеопольское объединение Севера. Этот ном, расположенный к югу от Мемфисского, обладал широкой долиной с большими возможностями ирригационного сельского хозяйства. Кроме того, он примыкал с запада к большому Фаюмскому оазу, где мелиорационные работы по осушению громадного болотистого озера открывали безграничные перспективы для расширения посевной площади. Для этих работ требовалось такое напряжение сил, которое было недоступно отдельному ному, и поэтому многолюдный Гераклеопольский ном (около 2200 года) объединяет номы Среднего Египта, найдя в мелких и средних рабовладельцах ту силу, на которую он мог опереться.

Гераклеопольские фараоны (IX и X династии по Манефону) подчинили своей власти всю долину Нила от Дельты до Тиниса. Лучше всего известна деятельность царя Ахтоя III, одного из последних правителей династии. Ахтой III оставил поучение своему сыну Мерикара, представлявшее собой политический трактат. Это поучение сохранилось на папирусе 1116А собрания Государственного Эрмитажа. Ахтой III продолжал, так же как и его предшественники, войны с кочевниками, жившими к востоку от Дельты. Ахтою удалось, наконец, разбить кочевников и приостановить их набеги на Египет. На востоке была построена пограничная «стена князя». Вдоль границы в Дельте были созданы укрепленные города, где основным населением являлись лучшие военные гарнизоны. Военные операции, укрепившие восточную границу, позволили Ахтою заняться организацией управления внутри своего государства. Но и здесь не все было спокойно. Повидимому, в начале правления Ахтоя происходили восстания.

Поучение Гераклеопольского царя. О росте противоречий внутри северного государства Верхнего Египта рассказывает уже упомянутое поучение. В нем царь предостерегает своего молодого наследника от врагов государственной власти. Самым опасным врагом, по мнению царя, был бедный человек, и царь поэтому всячески предостерегает своего сына от бедняков. «Простолюдин», или «бедняк», говорит он, «наиболее опасный враг для государства, ибо простолюдин всегда враг, а в особенности, когда он бывает воином». Царь не советует привлекать в ряды войска бедных людей — «простолюдинов». Из надписей Сиутского и Гермопольского номов стало известным, что правители номов призывали в войско не всех свободных жителей номов, а только «избранных». Надписи эти гласят так: «Я пошел в поход с избранными моего нома». Очевидно, эти «избранные» являлись не кем иным, как «сильными маленькими», о которых говорилось выше. Затем в поучении гераклеопольского царя дается очень интересное

указание, почему нельзя полагаться на «простолюдина», на бедняка, царь рекомендует своему сыну иметь сановников из среды богатых людей.

«Возвеличивай своих вельмож. Они творят твои законы. Не восстает богатый в доме своем. Собственник имущества не является нуждающимся. Но не говорит простолюдин согласно истине своей. Не праведен тот, который говорит: «О, если бы это было мое». Он восстает для владыки своей оплаты» (т. е. переходит на сторону того, кто ему платит).

Против «толпы» и против «бедного человека» гераклеопольский царь предлагает в поучении своему сыну следующие решительные меры:

«Сгибай толпу. Уничтожай пыл, исходящий от нее. Не поддерживай человека, который враждебен в качестве простолюдина. Он всегда враждебен. Бедный человек — смута в войске... Берегись. Сделай конец его... ведь он даст разъяриться толпе [рабам], отданной в рабочие дома. Кротость [по отношению к бедному человеку] это преступление. Наказывай».

Гермополь и Сиут. Среди номов, подвластных Гераклеополю, наиболее видное место занимают Гермополь и Сиут. Южная граница Гераклеопольского царства проходила у Тиниса, за которым начинались владения Фиванского нома. К этому времени Фивы уже объединили под своей властью все южные номы от Элефантины до Абидоса. Таким образом Сиут, расположенный вблизи границы, имел очень важное значение для Гераклеополя. Гераклеопольские фараоны поэтому обращали большое внимание на Сиут. Сиутские номархи были ставленниками царей и проводили в своем номе политику столицы. Номарх Хети I воспитывался при царском дворе. При нем в номе начали проводиться большие ирригационные работы в связи с началом обработки высоких полей. Преемники Хети I, номархи Тефьеб и Хети II продолжали его политику, оставаясь до конца преданными союзниками фараонов.

Совсем иначе вели себя гермопольские правители. Уже с конца Древнего царства гермопольские номархи начинают занимать все более и более независимое положение. Они создают свой двор, свое очень сильное управление, имеют свое войско. Номархи называют себя «сыновьями Тота», подобно тому как фараоны именовали себя «сыновьями Ра». Все надписи гермопольского круга (сохранившиеся в Хатнубских каменоломнях) указывают на то, что номархи мало считались с царской властью и чувствовали себя почти независимыми правителями. Они опирались на богатых «сильных маленьких», создавая из них особые военные отряды, наряду с обычным войском, состоящим из рядовых свободных. Но несмотря на эти тенденции Гермополя, номархи его все же признавали над собой власть Гераклеополя. С одной стороны, растущее и развивающееся хозяйство нома требовало урегулирования ирригации и борьбы с заболоченными землями, а это можно было осуществить только в масштабах крупного объединения. Ирригационная же система всего Среднего Египта была в руках Гераклеополя. С другой стороны, Гермополь, запертый

между двумя центрами, Сиутом и Гераклеополем, крепко державшимися друг за друга, вынужден был выражать покорность столице, стараясь при этом, однако, насколько возможно сохранить свою самостоятельность.

Различные отношения Сиута и Гермополя к Гераклеополю очень ярко сказались во время начавшейся борьбы с Фивами.

Фиванское объединение Юга. Фиванский ном, не игравший выдающейся роли в предшествовавшую эпоху, выдвинулся теперь благодаря своему господству над путями на юг, в Нубию, и на восток, к берегам Красного моря. Подобная роль Фив, как гегемона, была обусловлена многочисленным населением Фиванского и соседних с ним номов, расположенных в сравнительно широкой и очень плодородной долине вдоль излучины Нила, приближающей великий поток к западному побережью Красного моря. Номы к югу от излучины были значительно менее многолюдны, ибо удобная для земледелия долина была несколько у́же и они до известной степени зависели от хлеба Фиванской области. Поэтому власть Фив над Югом Египта была значительно эффективнее, нежели власть Гераклеополя над Севером.

Борьба между Фивами и Гераклеополем продолжалась чрезвычайно долго.

Борьба Гераклеополя и Фив. Вначале борьба шла за Тинисский ном, которым владел Гераклеополь. Однако фиванские правители считали Тинис своими наследственными владениями, и один из первых царей фиванцев, Антеф II, выступил против Гераклеополя. Это произошло при гераклеопольском царе Ахтое III. Первое столкновение окончилось поражением фиванцев. Сиутский номарх Тефьеб в надписи на стенах своей гробницы описывает свои победы над фиванцами, а на памятнике Антефа II говорится, что северная граница Фив доходила до Тиниса. Но фиванцы на этом не остановились. Антеф снова собирает войско, снаряжает флот, прибегая даже к помощи соседних номов. На этот раз войска Антефа разгромили все тинисские крепости и настолько продвинулись к северу, что даже самому Сиуту угрожала непосредственная опасность. Это стремительное продвижение фиванцев на север испугало Тефьеба, и он спешно покрыл известью свою победную надпись. Все же сиутским войскам и на этот раз удалось удержать свои позиции, и граница попрежнему проходила в Тинисе. Однако город сильно пострадал, и Ахтой III упоминает об этом в своем поучении.

При преемниках Антефа II борьба была снова возобновлена. Со стороны Гераклеополя командовал войсками сын Тефьеба, Хети II. Он был последним сиутским номархом; после его смерти фиванцы захватили Сиут, с его гибелью пал главный оплот Гераклеополя. На стороне гераклеопольцев оставались еще сильные гермопольские номархи, но на них нельзя было так рассчитывать, как на преданных сиутских правителей.

Гермопольские номархи, втянутые в войну с Фивами, вероятно довольно скоро перешли на сторону последних. Это решило исход борьбы, и около 2050 года Гераклеополь пал. Во главе нового объединения Египта стали фиванские фараоны XI династии. Более сплоченное объединение номов Юга одержало победу над более слабым объединением Севера, возглавляемым Гераклеополем. Гераклеопольские фараоны не смогли создать сплоченное государство — им мешали обострение внутренних противоречий среди свободных, тяга к независимости со стороны Гермополя и постоянные набеги кочевников на восточной границе Дельты.

Объединение Египта под властью Фив. Царь XI династии, победитель Гераклеополя, правивший объединенным Египтом, носил имя Ментухотепа (около 2100). Он подчинил Нубию и Синай, совершал экспедиции также и на восточное побережье Африки, в страну Пунт. При Ментухотепе, развившем мощную строительную деятельность в Фиванском номе, объединение Юга и Севера еще не было достаточно прочным и попытки восстания Севера еще имели место. Надолго закрепил единство Египта в 2000 году царь Аменемхет I, родоначальник мощной XII династии, происходившей, как и Ментухотеп, из Фиванского нома. Он победил окончательно Север и завладел «долиной, горами, обеими землями».

Цари XII династии создавали в течение двух столетий ту грандиозную систему ирригации, которая была необходима как для орошения низких общинных земель, так и для высоких полей «сильных недзесов», мелких и средних рабовладельцев.

Ограничение власти номовой знати. Правители номов были снова подчинены власти единого царя Египта и превратились, как и в эпоху Древнего царства, в царских наместников. Имущество, которым располагали правители номов, делилось на две части: на имущество наследственное, «вотчину», и на имущество, связанное с их должностью как правителей номов. В пользовании этим последним номарх был ограничен. Царь Аменемхет I восстановил старые границы отдельных номов, нарушенные в предшествующих войнах; «он установил их пограничные камни подобно небу, так как он знал их воды на основании писаний и проверил их на основании древних документов, потому что любил так сильно истину».

Во многих случаях царь-объединитель уменьшал территорию наиболее сепаратистски настроенных номов в целях их ослабления. Наряду с этим цари XII династии применяли все усилия, чтобы объединить номы всего Египта для создания мощной ирригационной системы и для мелиорационных работ общегосударственного значения.

Ирригационные сооружения. Были созданы бассейны и новые каналы, старые каналы были углублены, и таким образом была расширена площадь, удобная для земледелия. Надписи правителей номов этой эпохи сообщают о том, что составители их давали

распахивать все пахотные участки нома, начиная от границ Севера до границ Юга.

Благодаря углублению и расширению ирригационной сети правители номов могли теперь дать обрабатывать «сильным недзесам» и самые отдаленные участки высоких полей. Ирригационные работы XII династии нашли свое завершение в специальных отметках о высоте, достигнутой наводнениями Нила в Семне, в Нубии, недалеко от второго порога. Первая из них относится к Аменемхету III; его ближайшие преемники продолжали его начинание. Этим определялись плодородие года и возможный размер жатвы и податей.

Фаюм. Вместе с грандиозными ирригационными работами в пределах всего Египта фиванские цари XII династии продолжали мелиорационные работы, начатые царями Гераклеополя в Фаюмском оазе. В этом оазе, который мы называем египетским словом «фаюм», что означает «море», было большое озеро, заполнявшее громадную котловину к западу от Мемфиса. Перед египетским государством стояла задача путем проведения дамб отодвинуть озеро назад и на площади этого озера создать удобную для земледелия территорию. Для Египта начала второго тысячелетия осушка фаюмского болота была чрезвычайно трудной задачей, и несмотря на это работы были осуществлены, и количество удобной для земледелия площади увеличилось на громадную для древнеегипетских масштабов территорию. Воды озера были посредством большого канала использованы для орошения полей Верхнего Египта. Для более действенного руководства этими мелиорационными работами даже столица была перенесена в Фаюм. Работа нашла свое завершение при последнем крупном царе династии, Аменемхете III (1850—1800), который украсил Фаюм рядом величественных памятников. Среди них наиболее грандиозным был его заупокойный дворец, который греками рассматривался как одно из величайших чудес строительного искусства Египта. Они называли его «лабиринтом» (название, в котором скрывается тронное имя царя Аменемхета III — Лабирэ).

Рост рабовладения. Для производства всех этих ирригационных, мелиорационных и строительных работ, которые велись во всеегипетском масштабе, требовалось громадное количество рабочей силы. Того количества рабов, которое знала эпоха Древнего царства, уже нехватало, и надо было теперь вести систематическую охоту за людьми. И в этом отношении цари XII династии следовали примеру гераклеопольских царей. Так, царь Аменемхет I (2000—1980), основатель династии, в своем известном поучении говорит о себе: «Я приводил нубийцев, а азиатов я заставлял ходить как собак».

В знаменитом рассказе Синухета подобная же охота за людьми приписывается старшему сыну царя Аменемхета I, будущему царю Сенусерту I (1980—1960): «Он был послан сокрушить страны, поразить обитателей страны Техену (ливийское племя); он при-

ходил и приводил бесконечное количество пленных ливийцев, техену и всякого рода скот».

Большинство этих военнопленных рабов передавалось в царское хозяйство. Часть рабов цари отдавали в храмы, часть рабов попадала в частные руки, и не только, как раньше, в руки знати, но и некоторой части общинников, по крайней мере тех, которые владели наделами на высоких полях. Царь дарует теперь рабов своим воинам и чиновникам, причем некоторым не в наследственное, а в пожизненное владение. Такие рабы назывались «саху», в противоположность «мере», рабам, которыми владели наследственно. О наличии частновладельческих рабов свидетельствуют самые разнообразные памятники, сохранившиеся от эпохи Среднего царства.

На заупокойных стелах, которые заменяли людям среднего достатка и даже сравнительно бедным пышные гробницы знати, часто изображались среди домочадцев рабы, которые нередко носят в своем имени этническое название — азиат, азиатка, негр, негритянка; их этническая принадлежность становится для них именем собственным, как имена «скиф», «фракиец» и другие в греческом рабовладельческом обществе. О наличии рабов у частных лиц сообщают также податные декларации, завещания, официальные документы и т. д. В связи с интенсивным ростом производительных сил в эпоху Среднего царства (т. е. около 2000 года), следовательно гораздо позже, чем в Вавилонии, начинает усиливаться значение торговли.

Наряду с внешней торговлей, о которой говорилось выше, начался обмен и внутри Египта.

Процессы разложения общинных форм собственности. Только теперь, в конце третьего тысячелетия, под влиянием роста производительных сил, усиления обмена, начинаются процессы распада сельских общин, а вместе с этим и разрушение тех порядков, сложившихся в Египте, которые приобрели здесь, в противоположность Вавилонии, почти застойный характер. Действительно, Египет в течение более полутора тысячелетий представлял общество, в котором члены общины являлись владельцами земельных наделов, как бы по праву, унаследованному еще от периода доклассового общества. Теперь же, в эпоху Среднего царства, появляются уже люди, в сильнейшей степени обедневшие. Вместе с распадом сельской общины появились крестьяне, которые не владеют крупным скотом, необходимым для пахоты; уже нередки стали люди, которые были настолько бедны, что не имели достаточного пропитания, одежды и т. д. Это было тем более трагично для них, что в связи с начинавшимся распадом сельской общины «зерно Египта перестало быть общим достоянием». Таким образом в Египте эпохи Среднего царства начали появляться такие же грозные признаки, которые имели место в Двуречье в эпоху Урукагины и даже, может быть, в эпоху несколько более позднюю.

Правда, официальные документы пытаются скрыть факт эксплоатации этих беднеющих народных масс и представить государственный аппарат относящимся одинаково заботливо к имущему и к неимущему, но вместе с тем тексты полны противопоставлений бедняков и имущих. Так, один из номархов заявляет: «Не было даже бедняка, которого бы я обидел, не было вдовы, которую бы я утеснил... не было голодного в мое время». Однако деловые документы той эпохи свидетельствуют о притеснениях, чинимых беднякам, которые эксплоатируются наряду с рабами. В царской инструкции вновь назначаемому визирю говорится: «Она [т. е. должность визиря] требует не обращать внимания ни на знатных, ни на вельмож, не позволяет делать рабов из каких-либо людей [т. е. египтян]». Наряду с основным антагонизмом между свободными и рабами обострялись и противоречия между имущими и неимущими. Все более выделялись из среды рядовых «недзесов» «сильные недзесы», ставшие мелкими рабовладельцами. Они были вполне обеспечены и могли быть в первую очередь призваны к оружию. «Сильные недзесы» составляли ядро войска. Они являлись теми «избранными», с которыми правители номов делали свои походы. Из их числа рекрутировались «шемсу», «спутники», составлявшие отряды телохранителей царя и номархов, нечто вроде небольшого постоянного войска. Простые «недзесы» призывались в последнюю очередь, когда требовались силы всей страны.

В число «сильных недзесов» входили не только мелкие и средние землевладельцы, но и зажиточные ремесленники и торговцы. Последние были такими же рабовладельцами, как и обладатели высоких полей.

Жрецы в эпоху Среднего царства еще не выделились в виде особой, самостоятельной профессии. Хозяйством храма распоряжались цари, номархи, знать. Культ выполнялся всеми свободными, которые несли свои обязанности поочередно, сменяя друг друга группами.

Борьба сильных недзесов со старой знатью. В эпоху Среднего царства происходит борьба между «сильными недзесами» и старой родовой знатью. Последняя пытается сохранить свои позиции, но выдвигающиеся «сильные недзесы» упорно теснят ее.

Вероятно, борьбой между знатью и новыми слоями средних и мелких рабовладельцев было обусловлено то движение, которое имело место при Аменемхете I и на которое он намекает в своем известном поучении сыну, будущему Сенусерту I. Он предостерегает последнего от того, чтобы доверяться окружающим: «Да не будет сердце твое полно братьями, не знай друзей и не приближайся к ним один». Сам Аменемхет не нашел помощи со стороны приближенных в минуту опасности, хотя и «был доступен для простолюдина, как и для человека с положением». Очевидно, Аменемхет, пытаясь опереться на знать и зажиточных, не удовлетворил ни тех, ни других. Недовольства не прекращались и при

Сенусерте I; по крайней мере его визирь Ментухотеп сообщает в своей надписи о суде над «бунтовщиками». Про преемника Сенусерта I, Аменемхета II, Манефон рассказывает, что он был убит придворными. Обостренные отношения между знатью и царским домом при последующих представителях династии на время удалось сгладить. Это, очевидно, было достигнуто тем, что цари, опираясь на зажиточных, сломили сопротивление знати.

Сказки папируса Весткар. Эту борьбу между двумя прослойками — старой знатью и «сильными маленькими», вышедшими из рядовых свободных, — можно проследить и в литературе Египта, в известном сборнике сказок папируса Весткар.

Скучающему царю Хеопсу рассказывают сказки о чудесах, которые совершали древние маги из представителей знати. В одной из сказок рассказано о том, что у какого-то знатного вельможи была легкомысленная жена, которая полюбила недзеса и купалась с ним в озере. Верный раб вельможи сообщил хозяину о поведении его жены. Тогда вельможа, который был вместе с тем и искусным магом, сделал из воска крокодила в семь пальцев (у египтян мерою длины были локоть, рука и палец). Он передал рабу воскового крокодила и приказал кинуть его в воду, когда его жена и недзес будут купаться в озере. Верный раб выполнил приказ своего господина, и крокодил в семь пальцев длины превратился в крокодила в семь локтей. Он схватил обоих преступников и держал их под водой в ожидании решения царя.

Если в этой сказке побеждает маг, представитель знати, то в другой сказке из того же сборника, наоборот, героем является маг из числа недзесов. Эта сказка является последней в сборнике и в ней повествуется не о чудесах древних мудрецов, живших раньше, а об искусстве мага, жившего при царе Хеопсе.

Сказка подчеркивает, что, в противоположность древним магам, ее герой — недзес по имени Диди. Несмотря на свой возраст в 110 лет, он может съесть в день целый окорок, пятьсот хлебов и выпить сто кружек пива. Недзес Диди, вместе с тем, знает то, чего не знают другие. Он мог заставить льва подобно собаке ходить за собой, мог у живого существа отрезать голову и снова ее приделать, знал, наконец, больше других мудрецов о таинственных замках Тота, бога премудрости.

Заинтересованный царь повелел привести этого недзеса и приказал ему отрезать у раба голову, дабы испытать, сможет ли он оживить существо, у которого была отрезана голова. Диди отказывается проделать это с человеком, но зато показывает свое чародейство на гусе и быке.

Тот же мудрец, недзес Диди, правильно предсказал царю Хеопсу, что вскоре его династия будет сменена другой. Смысл этого противопоставления Диди древним колдунам заключается в том, что этот маг из недзесов затмевает всех старых магов из знати, о которых для сравнения приводятся сказки в начале текста.

Поучение Ахтоя, сына Дуау. Не только в области магии «сильные недзесы» пытались победить старую знать; они пытались одержать верх над нею путем изучения писцового искусства. Так, в поучении Ахтоя, сына Дуау, своему сыну, которого он везет в писцовую школу, началом текста служат следующие слова:

«Начало наставлений... Ахтоя, сына Дуау, своему сыну Пиопи, когда он плыл на юг ко двору, чтобы отдать его в дом учения писанию, чтобы ему не остаться позади детей знати, которые при дворе».

Положение номархов в эпоху Среднего царства. Знать продолжала сидеть в номах, опираясь на свои богатства, состоявшие из

рабов, скота, больших земельных угодий на высоких и на низких полях. Рядовые общинники — члены сельских общин находились, как и прежде, в зависимости от знати.

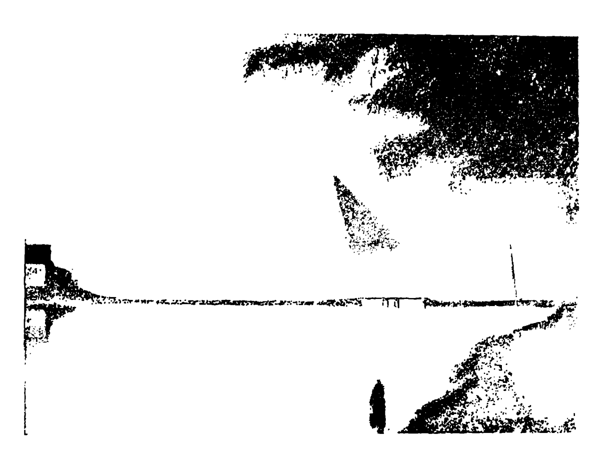
Опираясь на «сильных недзесов», царям XII династии удалось в конце концов все же сломить мощь номархов. Номархи в период XII династии пресмыкались перед фараоном. Тексты рассказывают, как, получая награды, которыми их удостаивали цари, «они сильно кланялись, пока горло не лишалось дыхания». Начиная с царя Сенусерта III исчезают пышные гробницы номархов в их номах. Очевидно, цари лишили их, наряду с правом пользования каменоломнями, и еще ряда других доходных статей.

Торговля. В этот период усиливается рост торговли как внутренней, так и внешней. Странствующий торговец становится теперь типичной фигурой для долины Нила. Вырастает торговля внутри городов. Металлы — золото, серебро и медь — начинают играть роль мерила ценности. Необходимость получать для сооружения грандиозной ирригационной системы сырье из восточного Средиземноморья заставила Египет войти в интенсивные сношения с Финикией, Кипром, Критом.

Недавние раскопки в Библе доказали чрезвычайно мощное влияние египетской культуры на Финикию. Финикия, Кипр, Крит и Египет были связаны между собой торговлей. Кедровый лес Финикии был нужен всему восточному Средиземноморью. Знать Египта пользовалась им для сооружения своих саркофагов. Раскопки на Крите и в Египте доказывают интенсивность взаимных сношений между Эгейским морем и долиной Нила. Последние раскопки в западной Сирии и в Египте свидетельствуют о значительности торговли между долиной Нила и Сирией, примыкающей к области финикийских городов. Мы видим также ввоз кипрской меди, свинца и олова из Малой Азии. В эпоху Среднего царства значительно участились морские экспедиции в далекую южную страну Пунт.

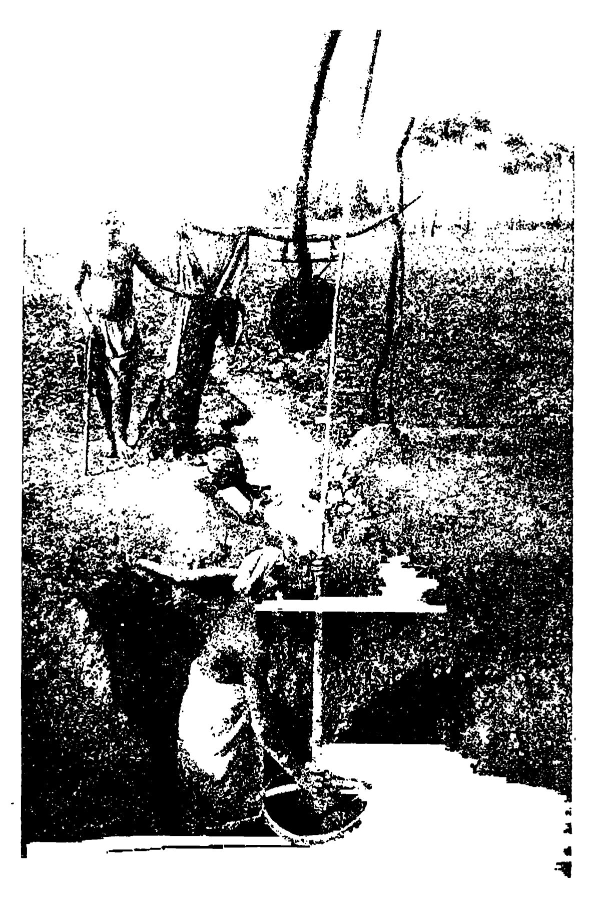
Войны в период Среднего царства. Наряду с торговыми сношениями продолжались и грабительские экспедиции египетских царей. Радиус военных походов также значительно расширяется по сравнению с Древним царством. Так, известен поход царя Сенусерта II, во время которого египетские войска доходили до Сихема, т. е. города, находящегося в самом сердце Палестины. В связи с этими походами отдельные египетские авантюристы, политические беглецы, царские послы и курьеры проникали в область северной Сирии.

Торговля с азиатскими странами требовала большого количества золота. Этим надо объяснить стремление царей XII династии овладеть золотоносными районами северной Нубии. В области от первых до вторых порогов было построено двенадцать крепостей, где был поставлен египетский гарнизон, а у вторых порогов по обоим берегам возвышались неприступные стены Семне и Кумме. Сенусерт III, который уделил много внимания завоева-



Пирамиды IV династии в Гизе (близ Каира).

Большой сфинкс в Гизе.



Феллахи, орошающие верхние поля с помощью шадуфа (журавля).

нию Нубии, поставил здесь свою пограничную плиту. Надпись на ней запрещала нубийцам спускаться ниже установленной границы иначе, как с торговыми целями. В целях лучшего сообщения с Нубией Сенусерт III приказал прорыть в гранитной скале первых порогов тоннель длиной в 260 локтей и шириною в 34 локтя. Он был назван именем Сенусерта — «Великолепны пути Хекаура».

Таким образом, Египет эпохи Среднего царства представлял собою большое государство, которое оказывало влияние на многие страны восточного Средиземноморья.

Положение царя. Политическая надстройка Среднего царства была значительно более сложной, нежели в эпоху Древнего царства. Царь XII династии, стоявший во главе всеегипетского объединения номов, опирался в значительной степени на «сильных недзесов», мелких и средних рабовладельцев, появившихся в этот период. Вместо колоссальных пирамид, являвшихся по существу лишь усыпальницами царей и пожиравших все силы страны, цари XII династии проводили грандиозные ирригационные и мелиорационные работы. Сила старой знати была сломлена, что еще больше укрепило деспотическую власть царя. Сехотепибра, вельможа Аменемхета III, обращался к своим детям со следующим восхвалением царя:

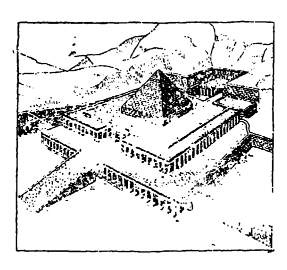
«Царь — бог премудрости, живущий в сердцах. Очи его ищут всякую плоть. Он — солнце лучезарное, озаряющее обе земли больше солнечного диска. Он зеленит больше великого Нила, он наполняет обе земли силой. Он — жизнь, дающая дыхание. Дает он питание следующим за ним, насыщает идущих по пути его. Питание есть царь, умножение — уста его. Он производитель существующего. Он — Хнум, родитель людей... Сражайтесь за имя его, очищайтесь, клянясь жизнью его, и будете свободны от нищеты. Возлюбленный царя будет блажен, а враг его величества не найдет себе гробницы, его труп бросят в воду».

Визирь. Царю помогал сложный чиновничий аппарат, во главе которого стоял визирь, являвшийся, как и в эпоху Древнего царства, основным помощником царя. Поскольку деятельность царя в эпоху Среднего царства стала более сложной, постольку и функции визиря стали еще более многосторонними. Царь в инструкции визирю, входившей в состав ритуала его назначения, указывал, что «от присутственного места визиря зависит порядок во всей стране». Он вместе с царем был верховным судьей, отправлявшим правосудие на основании свода законов. Ему были подведомственны дела столицы и двора. Он разрешал споры о земле в пределах всего Египта. Войска и крепости были подчинены ему. Он заведывал всей администрацией; номархи подчинялись ему. Он контролировал взимание податей; в его распоряжении были земельный список и податные декларации, представлявшиеся всеми хозяйствами Египта. Он руководил ирригационной системой, ему повиновался водный транспорт. Короче говоря, визирь являлся в полном смысле слова заместителем царя.

Чиновничий аппарат. Визирь с царем руководил многочисленной армией чиновников. За свою работу чиновники и писцы получали обильное жалованье натурой, ибо «нет писца, лишенного пропитания от достояния царского дома. Богатое рождение дает обилие писцу». Выдачи записывались в большие счетные книги, которые велись по различным ведомствам. Одна из таких счетных книг дошла до нас от начала XIII династии. Она свидетельствует о высокой технике счетного дела в эпоху Среднего царства.

Армия писцов, стремившихся нажиться, смотрела с величайшим презрением на крестьян и ремесленников, на всех тех, кому приходилось тяжелым физическим трудом добывать себе пропитание. В поучениях Ахтоя, сына Дуау, длинной вереницей проходят все разновидности ремесла и земледелия, и над всеми издевается поучение, описывая в самых мрачных красках те мучения, которые сулят эти профессии тому, кто их изберет. Только одна профессия заслуживает выбора, а именно профессия писца. Если сын стал после многих трудов писцом, то «благодарят бога его отец и мать — он направлен на путь жизни».

Исключение составляет также профессия воина. Ее не касается поучение: очевидно, воин вместе с писцом возвышались над общей массой тех, которые должны были кормиться трудом своих рук. Таким образом, уже в Египте Среднего царства знать презирала ремесленный труд, что, по свидетельству Геродота (V век), характеризовало современное ему египетское общество и сближало его со многими варварскими, а также и греческими обществами. Пренебрежение, которое встречали в эпоху Среднего царства рядовые крестьяне и ремесленники со стороны знати и писцов, должно было еще более усилить их ненависть к государству, эксплоатировавшему наряду с рабами и их самих.



Заупокойный храм Ментухотепа в Фивах.

Часть папируса с «Пророчеством Нофферехуу».
Гос. Эрмитаж.

ГЛАВА XV

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ И ГОСПОДСТВО ГИКСОСОВ

Социальные противоречия Среднего царства. Противоречия между имущими и бедными, антагонизм между свободными и рабами сказались уже в период Среднего царства. Наиболее прозорливые люди стали чувствовать, что нарастают какие-то события, что должно произойти какое-то «страшное потрясение». Так, например, гелиопольский жрец Хахеперрасенеб, именуемый Онху, высказывает скорбь о том, что у него нет новых мыслей, выраженных новыми словами, которые могли бы отразить то непонятное, что происходит в стране и создает нетерпимое для многих положение. Если бы он нашел нужные мысли и слова, то избавился бы от своего страдания. Вот как он описывает состояние страны:

«Я размышляю о происходящем, о положении дел на земле. Происходит перемена. Один год тяжелее другого. Страна в расстройстве. Правда выброшена вон, неправда в зале совета. Попраны предначертания богов, плач повсюду, номы и города в скорби... Тяжело молчать!..»

Онху обращается к своему сердцу с просьбой объяснить происходящее в стране.

«Каждый день, — говорит он, — встают, с сердца не сбрасывают тяжести, — сегодня то же положение, что было и вчера... Лица жестоки. Нет достаточно мудрого, чтобы уразуметь это, нет достаточно гневного, чтобы возвысить голос. Встают рано, чтобы терпеть каждый день. Бесконечна и тяжела моя скорбь. Несчастному не удается освободиться от сильного».

Причина того, что несчастному бедняку становится невозможным освободиться от гнета со стороны «сильного», заключалась в постепенном разрушении сельских общин, защищавших бедняка. Он получал от общины скот для обработки поля, ибо сам он на своем небольшом участке прокормить крупный скот не мог. От общины он получал зерно для посева и для еды в случае голода. Община защищала бедного своей юрисдикцией. Рост торговли и увеличение числа частновладельческих рабов приводили к расслое-

нию свободного населения и в тех немногих крупных поселениях-городах, где уже связь с земледелием ослабела. Ухудшение положения крестьян вследствие появления процессов разрушения сельских общин должно было вызвать в массах сильнейшее недовольство. Последнее тем более было чревато опасностями, что бедняки могли забыть о различиях между свободным египтянином и рабом и вступить в союз с рабами. Могло совершиться то, что предсказывал когда-то гераклеопольский царь своему сыну.

Упадок царской власти. XIII династия. После сильных царей XII династии, прекратившейся в 1788 году, начался упадок, нашедший свое внешнее выражение в чрезвычайно быстрой смене царей. Уже при первых царях XIII династии проявляется недовольство знати. Об этом свидетельствует очень любопытный памятник того периода, так называемые тексты проклятий.

Тексты проклятий. На глиняном сосуде писалось имя врага фараона, а затем этот сосуд разбивали, вероятно произнося при этом магическую формулу. Это магическое действие должно было привести к тому, что враги царя погибали вместе с уничтожением их имен. От начала XIII династии дошел до нас целый «архив» таких черепков проклятий. Врагами фараона в них называются и египтяне и варвары — ливийцы, семиты, нубийцы. Были враги, которые назывались по именам, и были враги анонимные, которые злоумышляли против владыки Египта или словом, или с оружием в руках.

Упадок ирригационного хозяйства. Волнения, грозившие существованию государства, засвидетельствованы наряду с черепками проклятий и папирусами из Кахуна, найденными в Фаюмском оазе и датированными временем самых первых царей XIII династии. Волнения вызвали прекращение мелиорационных и строительных работ в Фаюме. Ливийцы, воспользовавшись ослаблением Египта, пришли в движение. Египет лишился и своих владений в Нубии. Отметки о высоте паводка Нила около второго порога прекратились в самом начале XIII династии. Цари сменялись с калейдоскопической быстротой: в течение первых двадцати пяти лет правления XIII династии на престоле Египта сменилось двенадцать царей. Волнения, ослабившие царскую власть, вылились в конце концов в мощное народное движение.

«Речения Ипувера». Об этом первом известном нам в истории крупном социальном движении свидетельствует, главным образом, лейденский папирус № 344. Он излагает в поэтической форме, в ряде стихотворений, те перемены и потрясения, которые произвело в жизни египетского общества восстание рядовых недзесов. Стихотворения вложены в уста Ипувера, человека имущего и знатного, пострадавшего от восстания, и они поэтому дышат ненавистью к массе. Чтобы несколько утешить себя, Ипувер в последнем своем стихотворении рисует заманчивую для него картину возврата старого порядка, когда имущие люди поселений стояли и, одетые в тонкое полотно, взирали на ликования в своих домах.

Пророчество Ноферреху. Лейденский папирус дополняется папирусом 1116-В эрмитажного собрания, содержащим пророчества некоего Ноферреху, который «был богаче, чем кто-либо из его товарищей». Он поэтому тоже оценивает восстание бедноты с враждебной точки зрения. Эти пророчества были составлены несколько позже, чем стихотворения Ипувера, когда гиксосы, пользуясь внутренней борьбой в стране, уже завладели Египтом.

Восстание крестьян и рабов ок. 1750 года до нашей эры. На основании обоих этих текстов можно вывести заключение, что примерно около 1750 года в Египте произошло восстание крестьян и ремесленников, к которому примкнули и рабы. Относительно точности этих описаний следует заметить, что они даны в поэтической форме, содержат большое количество поэтических оборотов и преувеличений. Однако при всем этом в них можно проследить очертания исторической действительности, вызвавшей к жизни эти литературные памятники. Ипувер дает описание гражданской войны, которая охватила страну.

«Привратники [т. е. люди, которые должны следить за порядком] говорили: «пойдем грабить...» Люди мирной профессии, как, например, птицеловы, «выстраиваются в боевой порядок». «... Человек видит врага в своем собственном сыне». В стране шайки грабителей и «люди пашут, держа в руке щит... Кровь повсюду. Вся река в крови. Люди жаждут чистой воды... Нет нигде человека вчерашнего дня, все стремится разжечь междоусобную войну». Ноферреху предсказывал: «Я покажу тебе страну в скорби и горе. То, что никогда не свершалось, теперь свершается. Схватят оружие битвы, чтобы страна жила смутой. Сделают себе стрелы из меди, чтобы кровью просили хлеба... Один убивает другого. Я покажу тебе сына врагом и брата — противником и человека — убийцей своего отца». В результате гражданской войны прекратились сношения с другими странами.

Прекращение внешней торговли. «Нет пути на север в Библ, — с горечью восклицает Ипувер, — как нам быть с кедрами для наших мумий! Ведь кедры необходимы для погребения жрецов, а масло — для бальзамирования вельмож до самого Крита». Прекратились сношения с Нубией, и «золото иссякло». Дело дошло до того, что жители соседних ливийских оазов перестали приходить в Египет со своими товарами. На путях внутри самого Египта начались грабежи. Разбойники ударами палок убивали путника и забирали его имущество. «Если по дороге шли трое, то на утро оказывалось двое. Большее число убивало меньшее».

Прекращение внутренней торговли. Отсутствие безопасности привело к прекращению сношений и внутри самого Египта. Поэтому в номах исчезли продукты. «Нет зерна, и плодов, и изделий ремесленников». Начал свирепствовать голод. От голода, уверяет Ипувер, люди Египта «едят траву и запивают ее водой». Люди не брезгают зерном, которым кормили птиц, и даже поедают пойло свиней. В поселениях Египта все исчезло, а в то же время «зерно

погибает на всех путях, и люди лишены платья, мазей и масла. Все говорят: — нет ничего. Закрома разрушены. Страна повержена наземь». Гражданская война, голод и болезни уменьшили численность населения. «Людей стало меньше. Женщины бесплодны, они не беременеют. Бог рождения не творит больше из-за состояния страны». Пылая ненавистью к восставшим рядовым недзесам, и Ипувер и Ноферреху несомненно сгустили краски при описании гражданской войны.

Уничтожение царской власти. «Раскрыты тайны царей Египта, — повествует с великой скорбью Ипувер. — Не знающие закона люди решились на мятеж против царя». Даже на самого царя наложили руку восставшие низы, которых Ипувер называет презрительным словом «хевер» (нечто вроде «голодранца»). «... свершилось такое, что никогда не совершалось: хевер захватили в плен царя». «Это произошло тогда, когда столица царя была захвачена в один час... Ворота, колонны и простенки царского дворца были сожжены, сохранились одни лишь его стены». Не были пощажены останки предков царя. Усыпальницы их, пирамиды, были разграблены.

Царское хозяйство теперь захватили «недзесы», и Дельта, где социальные противоречия особенно обострились, по словам Ипувера, чрезвычайно болезненно реагировала на это событие. «Плачет Дельта: закром царя стал достоянием всякого».

Захват административной власти. Вместе с падением царской власти была разгромлена и вся административная организация. «Все должности не на местах своих, — заявляет Ипувер. — Люди стали подобно вспуганному стаду без пастыря... Начальники страны спасаются бегством. Они не находят себе даже милостыни. Придворные выгнаны из дома царя». Вместо старой администрации, восставшие низы поставили свою, новую и, «хотя пашни станет мало, но правителей будет много», — пророчествует Ноферреху. «Они будут еще более жестокими, нежели старые чиновники, — уверяет Ноферреху, — поле будет бесплодным, а подати его будут велики, зерна будет мало, а мера [собирающего подати] будет велика и мерить будут ее с верхом».

Такая клевета на новую администрацию была обусловлена, видимо, тем, что восставшие массы стали восстанавливать разрушавшиеся сельские общины, возвращая себе общественные земли, расхищенные в предшествующее время знатью и «сильными недзесами». В связи с этим был разрушен хозяйственный аппарат эпохи Среднего царства. «Вскрываются архивы и расхищаются податные декларации... чиновники убиты и документы их взяты». Разгром хозяйственного аппарата особенно болезненно переживался Ипувером. Он с горестью восклицает: «О, как я скорблю из-за бедствия страны». Он и не мог не скорбеть: ведь восстание разрушало старый хозяйственный аппарат, уничтожало и книги писцов по учету урожая, которые базировались на земельных отношениях, установившихся в эпоху Среднего царства.

Захват земель и скота. После уничтожения книг писцов снова «получал жатву тот, кто не пахал для себя», т. е. бедняк, работавший на полях царя и храма. Вместе с землей бедняки Египта возвратили себе и общественный скот, забранный в предшествующее время знатью и «сильными недзесами». Ипувер с негодованием сообщает, что «тот, кто не имел даже двух голов скота, стал теперь владельцем стада; тот, который не мог найти себе быков для пахоты, стал теперь владельцем стада». Очевидно, бедные крестьяне, работавшие на мелких участках низких полей, вернули своим общинам владение скотом и стали тем самым снова «владельцами стад». Ипувер представлял это возвращение скота сельским общинам как простой грабеж, нарушение прав частной собственности.

Захват судебной власти. Бедняки захватили в свои руки и судопроизводство, народные массы присутствуют при судоговорении, так что «большой дом суда переполнен, бедные люди приходят и уходят из судебных палат», — как сообщает Ипувер. «Расхищены акты прекрасной судебной палаты, ее хранилища лишены тайны своего содержания. Свитки законов судебной палаты выброшены. По ним ходят на перекрестках. Судьи разогнаны по всей стране».

Возврат имущества к сельским общинам. При чтении папируса Ипувера может создаться впечатление, что в Египте той эпохи грабеж частной собственности процветает повсюду. Такое изображение событий определяется, однако, позицией самого Ипувера. На самом деле, при наличии сохранившейся еще общины отобранные у богачей земли и скот не поступали в таком широком масштабе в частную собственность крестьян; в гораздо большей степени отобранное возвращалось в общинную собственность. Конечно, следует иметь в виду и разрушительную хаотичность таких восстаний, при которых, разумеется, не было какой-либо организованной реквизиции имущества у богачей. Общим результатом этих восстаний было некоторое укрепление общинной собственности, укрепление экономического положения крестьян. В области общественных отношений и владения движимым имуществом «бедные люди» довольствовались лишь «переворотом». «Страна перевернулась подобно гончарному кругу», — говорит Ипувер, а Нофферреху предсказывает, что низы станут верхами.

Слова Ипувера и пророчества Нофферреху о перевороте пронизаны глубокой горечью оскорбленного классового самолюбия.

Ипувер не устает приводить примеры уничтожения знатных и имущих и возвышения хевер, «бедных людей».

Захват имущества знати и сильных недзесов. «Тот, у кого не было имущества, стал владельцем богатств, а вельможа выхваляет его. Простолюдины стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Тот, кто прежде был на посылках, теперь посылает другого». У знатных и имущих нет теперь даже необходимой

одежды и пищи, а у хевер в изобилии и то и другое. «Владельцы роскошной одежды — в лохмотьях; тот, кто никогда не ткал для себя, стал владеть тонким полотном. Женщина же, не имевшая даже коробки с добром, стала владелицей большого имущества. Та, которая гляделась на лицо свое в воду, стала владеть зеркалом. Тот, кто не имел даже куска хлеба, стал владеть закромами. Знатные же женщины бродят по стране, нищенствуя. Хозяйки дома говорят: «О если бы у нас было что поесть». «Бедные люди» захватили не только продукты первой необходимости: они завладели и прочими благами жизни. «Тот, кто не имел даже лодки, стал владельцем кораблей; прежний же собственник смотрит на них с берега, но они уже не принадлежат ему. Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником опахала. Тот, кто не имел даже самого простого музыкального инструмента, имеет теперь арфу».

Аналогичные образы ограбления имущих в пользу неимущих рисуют и пророчества Ноферреху: «Похищают имущество знатного человека и передают его бедняку [буквально «тому, кто вне», т. е. имущества]. Собственник понес потерю, а бедняк удовлетворен... Неимущий приобретает сокровища... простолюдины будут вкушать жертвенные хлеба». Одним словом, повсеместно в долине Нила «бедные люди» захватили имущество «сильных» (недзесов) и все население Египта говорило: «мы будет бить сильных».

Роль рабов в восстании. Крестьяне, восставшие в конце Среднего царства, свершили действительно то, что предвидел с боязнью гераклеопольский царь в начале Среднего царства: свободный «даст разъяриться толпе, отданной в рабочие дома», т. е. толпе рабов. «Бедные люди», видимо, открыли рабочие дома, и поэтому вместе с ними восстали многочисленные иноплеменные рабы, которые находились в этих домах.

Неоднократно поучение Ипувера упоминает о том, что «варвары повсюду стали египтянами» или «варварская страна распространилась по всему Египту. Местности разрушены, лучники [т. е. чужеземцы] пришли для Египта», т. е. превратились в египтян. Эти высказывания Ипувера, о них уже говорилось в специальной литературе, не означают чужеземного нашествия. Подобная интерпретация слов Ипувера подтверждается непосредственным контекстом: «Нет нигде египтян».

Основная масса рабов продолжала и в эпоху Среднего царства работать над ирригацией. Некоторые из них были в частновладельческих руках и работали над подачей воды на высокие поля. Освобождение их имело те последствия, что сам «Египет стал лить воду, а тот, который лил воду на землю, схватил сильного, подобного слабому». Очевидно, сами египтяне должны были теперь работать над шадуфами, лить воду на искусственно орошаемые поля, а бывшие рабы, поливавшие землю, стали теперь опасны своим бывшим господам.

Те рабы-варвары, которые работали в мастерских ремесленников, стали теперь также свободными, и Ипувер со скорбью отмечает, что «азиаты стали искусными в ремеслах Дельты». Домашние рабы также примкнули к восстанию и добыли себе свободу. Ипувер указывает на то, что драгоценности, которые украшали раньше шею госпожи, находятся теперь на шее рабыни. Дело доходит до того, что сын рабыни стал равным в своих правах с сыном свободной женщины. Рабы добились свободы, «стали владеть устами» и не допускали брани со стороны своих хозяев. Рабы «вместе с бандами разбойников стали предаваться грабежу».

Среди речений Ипувера мы встречаем впервые в мировой литературе рассуждение против уравнения в правах всех представителей одного и того же общества.

Ипувер указывает на то, что «существуют различные деревья, более ценные и менее ценные — сикоморы, и деревья «сек», и деревья «гену», и деревья «уну», и мы их отличаем, а потому, умозаключает он, — мы должны также отличать хозяина от рабов его дома».

Значение социального переворота. Конечно, свободные бедняки и восставшие вместе с ними рабы отнюдь не стремились к уничтожению рабовладельческого общества. Согласно Ипуверу, даже сами рабы становились рабовладельцами, в то время как прежняя знать попадала в рабочие дома, где содержались рабы. «Бедные люди», не имевшие даже рабов, предоставленных на время, так называемых «саху», владеют теперь, подобно старой знати, наследственными рабами, «мере». Восстание крестьян и рабов не уничтожило рабства.

Борьба «бедных людей» длилась наверно немало лет и поэтому на время ослабила силу сопротивляемости египетского общества. Вместе с тем Египет эпохи Среднего царства уже не представлял собой, как раньше, изолированной страны, а вступил в интенсивные сношения со странами Северо-востока. В упомянутом выше рассказе Синухета последний находит среди семитских племен области, расположенной к востоку от Библа, египтян и знакомство с египетским языком. Вожди этих семитских племен назывались «царями чужеземных стран», гиксосами.

Нашествие гиксосов. Эти воинственные племена были постоянно в курсе дела всего того, что совершалось в Египте. О богатстве страны они также могли иметь весьма конкретное представление, и поэтому долина Нила могла стать для них весьма желанной добычей. В первой половине XIX века гиксосам были развязаны руки для похода на юг. Около 1870 года царь хеттов Муршиль разгромил царство Алеппо, являвшееся гегемоном северной Сирии. Когда же с середины XVIII в. начали приходить в Сирию сведения о восстании, вылившемся в грандиозную борьбу за власть между имущими и «бедными людьми», наступил удобный момент для осуществления замысла гиксосов овладеть долиной Нила. Гиксосы не представляли собой этнически единой группы, это

был сложный конгломерат различных кочевых племен, обитавших в области северной Аравии и южной Сирии. Семитический элемент в них был преобладающим, о чем можно судить из характера их собственных имен; но при вторжении в Египет они увлекли с собой и другие племена — хананеев, хуррийцев и друг., — которые примкнули к ним в общем потоке.

В военное дело гиксосы ввели важное новшество — колесницы, запряженные лошадьми, значительно усилившие боеспособность наступающих. Гиксосы завоевали Египет около 1710 года, пользуясь не только своей собственной силой, но и опираясь, видимо, на тех рабов Египта, которые не были удовлетворены восстанием «бедных людей».

Одного из вождей рабов, примкнувших к ним, гиксосы даже сделали на короткое время царем части Египта. На престоле царя он сохранил свое рабское имя «Негр», «Нехси».

Гиксосское царство. В течение нескольких десятилетий гиксосы царили над всем Египтом. Они продолжали владеть также областью, из которой начали свои завоевания, — северной Сирией. Есть основания предполагать, что их центром там был Кадеш на Оронте. Они держали в своих руках и Палестину, соединявшую Сирию с Египтом. Влияние гиксосов, а может быть даже и вторжения гиксосов испытывали на себе и Вавилония и мир Эгейского моря, в частности остров Крит: там обнаружены памятники, датированные гиксосскими царями.

Таким образом на рубеже XVIII—XVII веков образовалось большое государство, которое утвердилось также на острове Крите и в части Вавилонии. Завоеватели сделали своей столицей город Аварис на северо-восточной границе Египта. Здесь было и центральное святилище главного бога гиксосов, отождествляемого ими с египетским богом Сетом, злым братом Осириса. Значение гиксосского государства в истории древневосточных обществ определяется его ролью посредствующего звена между Египтом и Передней Азией. Египту гиксосы дали лошадь и ряд достижений военной техники, усилили рост торговли и денежного хозяйства. Переднюю же Азию они познакомили с египетским календарем и письмом. В писцовых школах гиксосского Египта был создан на основе египетского иероглифического письма тот алфавит, который под названием синайского алфавита оказал влияние на создание финикийского, ставшего в свое время родоначальником всех алфавитов мира.

Гиксосы в Египте. Согласно египетской традиции, азиатские завоеватели чрезвычайно жестоко обходились с завоеванной страной.

Манефон рассказывает про гиксосов, что они, «. . .одолев правителей страны, беспощадно сожгли города и разрушили храмы. Со всеми жителями они обращались очень жестоко: одних убивали, других с женами и детьми обращали в рабство». О жестокостях гиксосов рассказывают и египетские тексты Нового царства, назы-

вая азиатских завоевателей долины Нила «проклятыми». И знать и крестьяне рассматривались победителями в одинаковой степени как покоренные. Сила знати была уже подорвана восстаниями низов. Поборы гиксосских владетелей и дружинников легли теперь тяжелым бременем на основную массу населения, экономическое положение которого к этому времени лишь недавно улучшилось. Следует добавить, что гиксосы, видимо, не смешивались с египтянами, не проникали глубоко в поры египетского общества, они оставались дружинниками, отряды которых сидели, по выражению Манефона, в «удобнейших местах». Когда перед Египтом встала задача борьбы за освобождение от иноземного господства, он нашел в себе силы для того, чтобы скинуть иго гиксосов.

Как мы видели выше, и Вавилония стала жертвой касситского завоевания, аналогичного гиксосскому. Но если Египет, завоеванный около 1710 года, нашел в себе после этого силу свергнуть иноземное господство, то Вавилония, покоренная намного раньше (1775), такой силы в себе не нашла и оставалась под владычеством касситов вплоть до 1190 года. Несмотря на временное ослабление египетского общества в результате многолетней гражданской войны, в конечном итоге масса крестьян и ремесленников одержала в Египте верх над знатью, мощь которой в значительной мере была подорвана. Правда, Египет продолжали раздирать противоречия между номами. Так, северные номы из неприязни к Югу поддерживали гиксосов. Поэтому в поздней традиции эпоха гиксосских царей называлась иной раз временем государства царей Северного Египта. Но зато во всех номах, перед лицом внешнего врага, основное население выступает сплоченной массой. Уже через несколько десятков лет после вторжения «проклятых» начинается борьба за освобождение.

Начало борьбы с гиксосами. Освободительное движение возникло и развивалось на Юге, который, находясь далеко от Азии, меньше пострадал от гиксосских завоевателей, быстрее мог оправиться и повести борьбу. Кроме того, в номах к югу от Фиванского нома не так чувствовалась и гражданская война. Здесь не было больших предпосылок для создания крупной рабовладельческой знати, и поэтому общество свободных оставалось здесь и в эпоху Среднего царства более единым. В Эль-Кабе, в области против Иераконполя, сохранился у власти древний род местных номархов. Связь с Нубией давала крайнему Югу возможность пополнять свои силы воинственными нубийскими племенами. Но все же борьбу с гиксосами возглавлял не крайний Юг, а номы несколько более северные, и гегемоном их был Фиванский ном, который уже в эпоху Среднего царства играл выдающуюся роль.

Возвышение Фив. Фиванские номархи, которым в эпоху Среднего царства подчинены были все номы Египта, заключили теперь союз с крайним Югом Египта и даже с Нубией и начали борьбу с гиксосами. Вероятно уже около 1650 года крайний Юг Египта добился самостоятельности. Мощь гиксосов здесь уже стала сла-

беть. И там, где еще владычествовали азиаты, и там, где правили номархи Фив, некоторые отдельные номы стали политически почти самостоятельными. Их номархи носили даже царские титулы и обладали знаками власти (коронами) царей единого Египта.

Секененра. Фивы стали расширять свою власть на север и присоединили к себе Коптоский ном. При отце фиванского правителя Секененра был заключен союз с Гермопольским номом, стоявшим во главе некоторой части номов Среднего Египта. Союз был закреплен браком фиванского правителя с дочерью гермопольского номарха. Детьми их были будущий правитель Фив Секененра и его сестра, а впоследствии и жена, Яххотеп. Имя последней было дано в честь бога Ях, бога луны, главного бога Гермополя. Вообще одним из последствий союза с Гермополем было появление у представителей царского дома Фив многочисленных имен, в состав которых входили «Ях», «месяц», или «Тот», т. е. божество, почитаемое в Гермополе. Опираясь на Гермополь, Секененра мог уже начать борьбу за освобождение всего Египта. Эта война, начавшаяся около 1600 года, уже рано стала предметом исторической легенды.

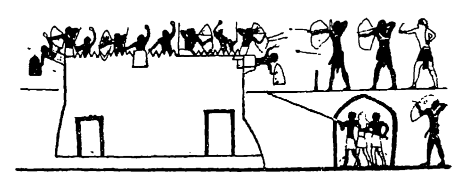
Легенда папируса Саллье. Одна из подобных легенд сохранилась в одном папирусе второй половины Нового царства, где рассказывается, будто Секененра получил письмо от гиксосского царя Апопи с требованием унять гиппопотамов, которые своей возней в Ниле мешают ему спать. Секененра созывает своих военачальников. На этом папирус обрывается, но, повидимому, действительно началась война. О том, как в дальнейшем развернулись события, рассказывает внешний вид мумии самого царя Секененра. Когда последнюю распеленали, то оказалось, что руки его были скрючены как бы в предсмертных муках, а на голове имелись следы ран, нанесенных боевым топором. Очевидно после посольства Апопи началась война, и в этой войне царь Секененра был убит и подобран своими сторонниками на поле битвы. Когда его стали бальзамировать, тело уже закоченело, и руки не могли принять того положения, которого требовал ритуал мумификации.

Война Камоса с гиксосами. После смерти Секененра на престол вступил его брат Камос, при котором борьба продолжалась, о чем свидетельствует деревянная дощечка, сохранившая копию с победной стелы царя. Она датирована третьим годом правления Камоса. В этой надписи рассказывается, как царь Камос на совете вельмож заявил, что он не желает больше разделять власть с иноземцами, когда на Юге сидят нубийцы, а на Севере гиксосы. Он высказывает желание освободить Египет и разбить азиатов. Вельможи не согласны итти походом на гиксосов. Они сомневаются в том, что Гермополь будет поддерживать Камоса, и указывают на равноправие египтян и азиатов в областях, подчиненных гиксосам. Этими доводами вельможи хотят удержать Камоса от рискованного северного похода: последний мог бы в случае неудачи погубить настоящее их благополучие, описанию которого

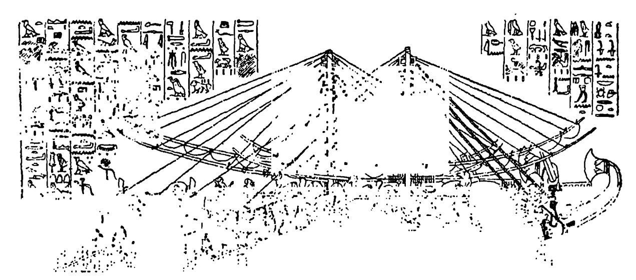
они посвящают конец своей речи. Камос настаивает на своем и с помощью своих войск и вспомогательных нубийских отрядов разбивает азиатов. Деревянная дощечка, к сожалению, не сохранила полностью надписи победной стелы Камоса, и она обрывает свое повествование на взятии Ноферуси, города к северу от Гермополя. Поход, вероятно, закончился взятием Мемфиса.

Яхмос. Камос царствовал недолго, и после его смерти на престол вступил его малолетний племянник Яхмос (1584), за которого правила его мать Яххотеп. Последняя, вступив в союз с Критом, стала теснить гиксосов со стороны моря. Поражение гиксосов было завершено, когда Яхмос стал править уже самостоятельно. При нем борьба за освобождение закончилась изгнанием гиксосов из пределов Египта. Об этих последних боях нам сообщает автобиография воина Яхмоса, тезки молодого царя.

Автобиография воина Яхмоса. Яхмос вышел из рядов простых воинов и добился больших почестей благодаря своей доблести. Судя по надписи в его гробнице, он в борьбе с гиксосами проявил большое мужество. Во время осады гиксосской крепости около Авариса Яхмос переплыл канал, который защищал вражескую крепость, подплыл к стенам города и, взяв в плен воина, охранявшего стену, вместе с ним переплыл обратно канал и привел пленника к царю. За это его наградили золотом и рабами. Еще целый ряд геройских подвигов увековечивала надпись Яхмоса, свидетельствующая об упорной и ожесточенной борьбе, которую вел Египет за освобождение от гиксосского ига. Завоевав Аварис, египтяне двинулись тотчас же в южную Палестину, чтобы разбить своих врагов там, откуда они когда-то вторглись в Египет. После трех лет борьбы была взята твердыня Шарухен. Египет, разбив гиксосов, начал теперь осуществлять свои завоевания, сделавшие его на несколько веков самым могущественным государством в Передней Азии. Со времени изгнания гиксосов из Египта начинается эпоха Нового царства.



Осада крепости. Рисунок из гробницы Среднего царства.



Корабли царицы Хатшепсут нагружаются дарами Пунта. Рисунок из храма Хатшепсут в Дейр эль-Бахари.

ГЛАВА XVI

ЕГИПЕТ XVIII ДИНАСТИИ (1580 — 1355)

Победа Фив. Фиванский ном опирался на силы крайнего Юга и Гермополя и стремился подчинить себе другие номы. После победы над гиксосами Фивам пришлось расправиться с теми номами Южного Египта, которые во время войны с гиксосами стояли в стороне. Уже упомянутый воин Яхмос в своей автобиографии сообщает, что царь Яхмос после взятия Шарухена отправился походом в Нубию и, победив нубийцев, вернулся в Египет, где подавил поднявшееся против него восстание. За свои подвиги воин Яхмос получил награду в виде «золота доблести», а также рабов и земли.

Благодаря победе над внешними и внутренними врагами значение Фиванского нома стало преобладающим. Город Фивы сделался снова главным городом Египта. В дальнейшем египтяне называли Фивы даже не именем собственным, а просто городом. Слово «город» указывало на то, что речь шла именно о Фивах.

Расширение политического господства в Египте. Яхмос, справившись с сопротивлением номов, вновь вынужден был обратиться против Нубии. Ему удалось захватить власть над северной частью страны. Таким образом Египет снова достиг тех границ, какие он имел в эпоху Среднего царства.

Во вновь объединенном Египте занимали исключительно привилегированное положение фиванский и союзные с ним номы. Ряд номов Среднего и Северного Египта, поддерживавших гиксосов, рассматривались фиванскими царями почти как завоеванные чужеземные области. Подобная политика должна была, конечно, вызвать сильное недовольство среди менее привилегированных номов. Это привело впоследствии к тяжелым потрясениям.

Крит, помогавший египтянам в борьбе с гиксосами, вступает в тесный союз с Египтом. Критское посольство часто находится при египетском дворе.

Но на этом египтяне не останавливаются и стремятся к расширению своего политического господства.

Уже царь Яхмос начал походы в Азию, которые должны были расширить владения Египта за счет южной Палестины. Преемники Яхмоса продолжали эту политику, и, начиная с 1550 года, в течение ста лет Египет не прекращает войн. Ежегодно египетские войска выходят за пределы страны, чтобы грабить окрестные области.

Тутмос I. Из царей-завоевателей этого периода следует остановиться на двух. Оба они носят одинаковое имя — Тутмос, что значит «сын бога Тота» (гермопольского). Это указывает, как уже выше было отмечено, на тесную связь, которая имела место между Гермопольской и Фиванской областями.

Старший из этих царей, Тутмос I, считается создателем основы будущего величия египетского государства. Он первый из египетских царей дошел до берегов Евфрата и северной Сирии, достигнув тем самым западных границ Митаннийского царства. После тринадцатилетнего царствования Тутмос I умер и на престол вступил его сын, Тутмос II. Он успел совершить лишь по походу в Нубию и Азию. На третьем году своего царствования он умер. После его смерти некоторое время происходили придворные смуты, несколько ослабившие Египет. Во время этих смут царский престол заняла дочь Тутмоса I Хатшепсут (1521—1503).

Хатшепсут. В Египте еще сохранялись пережитки матриархата, сказывавшиеся в том, что наследование шло по материнской линии (матрилинеальность). Царь получал право на престол не как сын своего отца, а как муж его дочери. Таким образом дочь (не царя, а царицы) была прямой наследницей. Но в Египте уже давно утвердились обычаи патриархального строя; поэтому никогда женщина не была царем, а всегда передавала права престолонаследия своему мужу. Первым примером в истории Египта, когда мы видим, что царица непосредственно воспользовалась своим правом и стала фараоном, была Хатшепсут. Она устранила после смерти своего мужа и единственного брата, Тутмоса II, его малолетнего сына (от другой жены) Тутмоса III. Тутмос III, женатый на дочери Хатшепсут, не был допущен к власти, хотя и успел короноваться и принять царский титул. Через некоторое время Хатшепсут возложила на себя короны фараона и стала править государством единолично, устранив от дела подрастающего Тутмоса III.

Настолько необычно было видеть на египетском престоле женщину-фараона, что Хатшепсут вынуждена была изображать себя в мужской одежде с атрибутами царской власти — искусственной бородкой — и принять царское имя Маат-ка-Ра. В этом дворцовом перевороте Хатшепсут находила поддержку у фиванского жречества бога Амона, которое выступало против все усиливающегося влияния Гермопольского нома, сторонниками которого были, вероятно, Тутмосы, носившие имя гермопольского бога Тота. Опиралась она и на ту часть населения Фиванского и других привилегированных номов, которая служила в пехоте и враж-

дебно относилась к знати, комплектовавшей армию отрядами боевых колесниц.

Хатшепсут не совершила ни одного похода; она довольствовалась победами Тутмоса I, своего отца, войска которого завоевали всю Палестину, Финикию и Сирию и дошли до изгиба Евфрата. Хатшепсут отказалась от продолжения походов своих предков, очевидно, в угоду своим сторонникам, учитывая, вероятно, также настроения широких народных масс, утомленных бесконечными войнами, обогащавшими в конечном итоге одну лишь знать и храмы. Царица была занята строительством, восстановлением разрушенных городов и храмов, со времен гиксосов лежавших в развалинах.

Храм в Дейр эль-Бахари. В угоду своему «отцу» Амону Хатшепсут предприняла строительство великолепного храма, расположенного у подножия скал на западном берегу Фив в Дейр эль-Бахари. Храм террасами спускался к Нилу и был украшен многочисленными колоннами. На террасах должны были быть посажены миртовые деревья и другие растения, дающие благовонные смолы для курений при богослужении. Храм должен был превратиться в ту «божественную страну» Пунт, откуда привозили египтяне драгоценные товары.

Экспедиция в Пунт. Хатшепсут направила свою экспедицию в эту далекую страну, лежавшую на африканском берегу, южнее Красного моря, на месте современного Сомали.

Судя по изображениям и надписям на стенах храма, посвященным экспедиции в Пунт, корабли царицы непосредственно из Нила входили в море и таким же образом вернулись в Фивы. Поэтому, очевидно, Хатшепсут предварительно соединила каналами восточный рукав Нила с западным заливом Красного моря.

На стенах храма изображены с большими подробностями результаты экспедиции.

«Корабли были нагружены весьма тяжело чудесами страны Пунт, всяким благовонным деревом божественной страны, грудами миртовой смолы и свежих миртовых деревьев, черным деревом и чистой слоновой костью, зеленым золотом из Эму, киннамоновым деревом, ладаном, притираниями для глаз, павианами, мартышками, собаками, пантерами, рабами и их детьми. Ничего подобного не привозилось ни одному царю, когда-либо жившему на севере».

Могущество Египта сильно возросло. Хатшепсут в своей надписи могла хвастливо заявлять, что ее южная граница простирается до Пунта, восточная — до болот Азии, а западная — до горы Ману, т. е. заката. Но не все было благополучно на севере. Азиатские страны, покоренные Тутмосом I, не хотели превращаться в египетских данников. Они были покорны лишь до тех пор, пока египетские войска проявляли активность. За время почти двадцатилетнего правления Хатшепсут власть Египта в Сирии и Палестине сильно пошатнулась. Царьки азиатских стран сделали попытку сбросить иго египтян. Во главе с царем города Кадеша была организована коалиция против Египта. За спиной

коалиции стояло Митаннийское царство, встревоженное успешными походами Тутмоса I.

Тутмос III. В течение почти двадцатилетнего правления Хатшепсут Тутмос III ждал, чтобы, став царем, выступить против азиатов и вернуть Египту былую мощь походами в Азию. После смерти Хатшепсут престол достался Тутмосу III, которого считают самым крупным воителем Египта. Тутмос III (1521—1473) считал годы своего царствования со времени смерти отца своего, Тутмоса II, хотя, как мы видели, первые два десятка лет правила Хатшепсут. Этот царь в течение своей жизни совершил несколько десятков походов как в Азию, так и в Нубию, где он одержал ряд побед и захватил не только Сирию, но зашел далеко вглубь африканского материка, подчинив Египту всю Нубию.

Анналы Тутмоса III. О походах Тутмоса III сообщают многочисленные царские надписи на стенах храмов и надписи в гробницах его современников и участников походов. На стенах храма Амона в Фивах были начертаны краткие извлечения из анналов, которые были записаны на кожаном свитке, до нас, к сожалению, не дошедшем. Возможно, что автором анналов был некто Танени, в гробнице которого была надпись о том, что он «следовал за царем Тутмосом III» и «записал победы, одержанные им во всякой земле, изложив их письменно, соответственно фактам».

Битва при Мегиддо. В анналах подробно излагаются отдельные эпизоды из походов Тутмоса III, и некоторые из них дают живую картину войны. Наиболее ярким моментом в истории этих походов является, несомненно, знаменитая битва при Мегиддо. Коалиция азиатских царьков во главе с царем Кадеша засела в сильной крепости Мегиддо, находившейся в северной Палестине. Основной удар Тутмоса и был направлен против этой крепости. Его многочисленная армия, насчитывавшая по крайней мере тридцать тысяч человек, двинулась на врага.

Во главе войска стоял сам Тутмос III, лично руководивший военными действиями. Недалеко от Мегиддо дорога расходилась в три стороны. Тутмос созвал военный совет, чтобы решить, какой путь избрать. Военачальники указывали на необходимость итти более удобной дорогой, хотя она и была вдвое длиннее прямого пути; краткий путь представлял собою мало удобную горную тропу, где армия должна была бы сильно растянуться, и в то время как передовая часть будет сражаться, основное ядро войск еще не двинется с места. Но Тутмос прекрасно понимал необходимость застигнуть врага врасплох; поэтому он избрал прямую дорогу, хотя это и было связано с известным риском.

На утро египетские войска выстроились против армии коалиции, не уступавшей количественно египтянам. Но преимущество египтян было в том, что они представляли из себя единую армию, действующую по единому плану, тогда как войска азиатской коалиции являлись союзом разноплеменных народов, отряды которых находились под командой своих царьков, не имевших, повидимому, единого плана. При первом же натиске египетской армии азиатские войска дрогнули. «Они бежали сломя голову в страхе к Мегиддо,

бросая своих лошадей и свои колесницы из золота и серебра, и жители втаскивали их наверх, таща их [воинов] за их одежду в город». Взять город не представляло бы для египтян большого труда, но вместо этого они принялись делить брошенную неприятелем добычу. Город взят не был. Тутмос упрекал свои войска, указывая им на большое стратегическое значение Мегиддо, — «потому что, говорил он, вождь каждой страны, которая восстала, находится в нем и потому что взятие тысячи городов — вот что такое пленение Мегиддо». Лишь после длительной осады крепость пала, и царьки Палестины и Сирии выразили свою покорность принеся Тутмосу богатые подарки.

Завоевание Сирии. Во время следующих походов Тутмос дошел до Кадеша и наказал его: он разрушил его, вырубил его леса, снял урожай с его полей и «армия его величества упивалась и умащалась каждый день маслом, как во время праздника в Египте».

Он одержал победу и над Митаннийским царством, которое после этого вступает в тесный союз с Египтом. Вавилония, Ассирия и Хеттское государство шлют царю Египта свои дары.

Преемники Тутмоса III продолжают политику походов в чужие страны и также одерживают ряд побед. Об этих победах сообщают царские надписи и надписи на гробницах деятелей этой эпохи. Эти надписи свидетельствуют не только о доблести египетских царей и египетского войска, но и о грабительском характере войн. Завоеванные области превращаются в нечто вроде провинций.

Египтяне теперь уже не довольствуются тем, что, совершив поход в ту или иную область и забрав военную добычу, уходят обратно в свою страну, как это делалось, например, в эпоху Среднего царства: они стремятся создать в покоренных землях провинции по типу северной Нубии эпохи Среднего царства. Поэтому они начинают строить в Азии крепости, оставляя при них свои гарнизоны, а нередко пользуются для этого старыми крепостями, воздвигнутыми коренным населением. С помощью гарнизона они держат в подчинении всю область и систематически выкачивают из покоренного народа все то, что им было нужно: рабочую силу, продукты ремесла и земледелия.

Управление провинциями. В провинциях были поставлены наместники, которые управляли завоеванными областями Азии и Нубии.

Наиболее централизованной чужеземной областью, которую можно назвать в полном смысле слова провинцией, была Нубия. Во главе управления Нубией стоял сановник, носивший название «царевич нубийской страны». Это название показывает, что в первое время XVIII династии на такую важную должность назначался, очевидно, сын царя. Впоследствии наместниками Нубии могли быть и просто сановники.

На севере труднее было провести централизацию, потому что

в состав северных владений Египта входили слишком разнообразные области: финикийские торговые города, государства Палестины и Сирии и некоторые части юга Малой Азии.

Это была настолько большая территория, что поставить ее под управление одного наместника было невозможно. Поэтому на Севере имелось несколько царских наместников, управлявших областями при помощи местных царьков, которые были оставлены в пределах каждого из государств.

Опорой этих наместников были в первую очередь египетские гарнизоны, оставлявшиеся в каждом таком городе. Количественно такой гарнизон был невелик и вряд ли превышал несколько сотен, а иной раз и десятков, воинов. Но эти города были малолюдны, насчитывая всего несколько тысяч — редко десятков тысяч — населения. Поэтому в нормальных условиях, когда египетским владениям в Азии не угрожал какой-нибудь сильный внешний враг, и небольшого гарнизона вполне было достаточно. Для египетских наместников имело большое значение также и то обстоятельство, что царьки азиатских государств были в свою очередь ставленниками египетского царя. В таких городах, как Библ, Иерусалим и т. д., они обыкновенно назначались из младших представителей царского рода, воспитываясь предварительно при египетском дворе, находясь там на положении заложников. Египетское войско во время войн забирало заложниками местную знать и особенно представителей царского рода, из которых потом по мере надобности назначались правители в покоренные города. Поэтому местные цари в переписке с египетским фараоном часто пишут: «Меня назначил на этот престол [букв. «место»] не мой отец и не моя мать. Мощная рука царя ввела меня в дом отца моего».

Царьки, посаженные силою египетского войска для управления покоренными областями, были слугами египетского царя, находясь в униженном положении, в которое они были поставлены по отношению к египетским фараонам. В письмах, которые они посылали царю, они обычно называли себя «прахом ног его», говоря: «семь и семь раз к ногам царя, моего господина, падаю я, на живот и на спину».

Дань завоеванных стран. Меры, которые принимает Египет для закрепления за собой Азии и Нубии, были продиктованы стремлением получить в большом количестве сырье и рабов. Сырье требовалось, например, для постройки кораблей как речных, так и морских, военных и торговых. Экспедиции в северную Сирию становятся обычными, и Библ, один из городов ее, делается экспортной гаванью по лесу.

Для вооружения египетского войска бронзовыми копьями, мечами и стрелами требовались в большом количестве медь, свинец и олово, которые также ввозились из покоренных стран.

Азия поставляет Египту лошадей, хорошо изготовленное оружие, разные продукты ремесла и рабочую силу. Из завоеванной Палестины египетское управление, хищнически используя свои

права, забирает хлеб. Если же покоренные страны не были в состоянии доставить требуемое количество вина, зерна или других продуктов, то египетские власти требовали от азиатов их детей.

Из Нубии притекают рабочая сила, слоновая кость, драгоценные суданские деревья и в особенности золото. Ведь для того, чтобы получить медь с острова Кипра, надо было дать какой-то эквивалент, и египетское золото становится одним из важнейших товаров в мировой торговле того времени.

Все цари самостоятельных государств, не подпавшие еще под владычество Египта, подкупаются золотом. Письма, которые пишут египетскому фараону царь Вавилонии и другие цари Передней Азии, полны просьб о золоте.

Таким образом Египет становится твердой ногой в Нубии и, получая оттуда необходимые для обмена товары, столь ценные на рынке Передней Азии, осуществляет свое господство также благодаря растущей внешней торговле.

Рост рабовладения. В большом количестве отовсюду притекают к египтянам рабы. Об этом свидетельствуют надписи и изображения. На изображениях в гробницах часто представлены вереницы рабов — черных негров, коричневых нубийцев, белых ливийцев, желтых азиатов.

В рабство обращались не только мужчины, но и женщины и дети.

Рабы теперь используются не только для создания ирригационной системы, но и в земледелии. Рабов применяют в самых разнообразных отраслях производства: в ремеслах, в каменоломнях и в качестве тягловой силы.

Пленных рабов используют на работах в золотых рудниках и на кораблях в качестве гребцов.

Рабы попадают не только в царское и храмовое хозяйство: они имеются и в частном хозяйстве, как у знатных, так и у рядовых свободных. Известно, что даже «маленькие люди» имели рабов. Из надписей видно, что рабы имелись у пастухов, мелких землевладельцев, мелких храмовых служащих. Одним словом, использование рабского труда становится теперь более интенсивным.

В сельских общинах рабский труд применялся, конечно, в значительно меньшей степени. Общинники продолжают обрабатывать свою землю собственным трудом. Но в хозяйствах вельмож и зажиточных людей рабы играют уже большую роль.

Сказка о взятии Яффы. Насколько охота на людей являлась обычной и была важнейшей задачей военных походов, доказывает одна египетская сказка о военачальнике Тутии, современнике царя Тутмоса III. Этот военачальник осаждает город Яффу, царек которого не признает египетского царя. Город долго не сдается. Тогда Тутий прибегает к хитрости и заявляет царьку, что он покажет ему палицу самого знаменитого царя Тутмоса III. Царек идет в ловушку и приезжает вместе с колесничим. Колесничий остается вне египетского лагеря. Во время разговора Тутий оглушает палицей азиата и вяжет его. Колесничему же велели сказать, что царек, оставшийся в лагере египтян, приказал открыть ворота города, так как-де начальник египетского войска хочет сдаться городу и пошлет туда дары.

Колесничий сообщает радостную весть городу, и жители раскрывают ворота. Тем временем в египетском лагере сажают пятьсот воинов в пятьсот больших кувшинов. Этим воинам вместе с оружием дают кандалы, которые должны быть надеты на жителей города. Затем эти кувшины берут на плечи другие воины и вносят их в город. Жители Яффы пропускают их беспрепятственно, не ожидая никакого коварства. Придя в середину города, воины, несущие кувшины, ставят их на землю, из кувшинов выходят их товарищи и накидываются на беззащитных жителей. Они заковывают их в кандалы, чтобы послать в Египет как военнопленных рабов.

Здесь интересной чертой является то, что египетские войска вместе с оружием несут с собой кандалы, чтобы надеть их на пленных. С другой стороны, эта сказка интересна для нас по своему сюжету. Она невольно напоминает сказание о троянском коне, вспоминается также одна из сказок из Тысячи и одной ночи, об Али-бабе и сорока разбойниках.

Обширность государства Египта. В результате походов, которые велись царями XVIII династии, создавалось большое египетское государство на стыке двух материков. Южная граница его доходила до четвертого порога Нила, а северная — до Малой Азии; расстояние между его северными и южными границами равнялось 3200 км. Царь Египта являлся теперь деспотом не только для Египта, для долины Нила и для варварских племен, окружавших Египет: он был деспотом для большой территории Сирии, Палестины и Финикии. С Египтом считалась вся Передняя Азия, которая вынуждена была временно признать его гегемонию.

Вследствие расширения своих границ Египет стал настолько велик, что нельзя уже было управлять огромным аппаратом этого государства с помощью средств, унаследованных от предшествующей эпохи.

Визирь и его обязанности. Требовалось прежде всего изменение положения визиря, того чиновника, которого египтяне называли «тсати», являвшегося в эпоху Древнего и Среднего царства единственным помощником царя. Теперь царь не мог уже опираться на одного только визиря, и потому проводится разделение этой должности: вместо одного визиря появляются два. В этом разделении функций визиря между двумя лицами можно видеть и желание фараона несколько ослабить его влияние, которое становилось опасным, поскольку во время отсутствия царя в походе визирь был его полным заместителем.

Один визирь управлял Южным Египтом, северная граница которого достигала Гермополя. Подчиненная ему область охватывала все среднеегипетские и южные номы, которые в течение веков были тесно связаны с Фиванским номом.

На них, главным образом, опирался Фиванский ном, в котором находилась столица египетского государства — Фивы. Здесь же, в Фивах, вместе с визирем пребывал и сам царь. Визирь являлся во всех отношениях представителем царя и заместителем его в пределах Юга в тех случаях, когда царь уходил в поход.

Второй визирь управлял территорией Египта, расположенной к северу от Гермополя вплоть до берега моря.

Функции визиря теперь сильно расширяются: он стоит во главе большого аппарата централизованного государства.

Об обязанностях визиря сообщает ряд надписей, сохранившихся в гробницах визирей XVIII династии, в том числе в гробнице одного из самых крупных визирей Нового царства Рехмира, современника Тутмоса III.

Одной из основных обязанностей визиря было выполнение судебных функций. Он являлся вместе с царем главой всех судебных трибуналов страны и в качестве такового носил у себя на груди изображение богини истины. Это был его основной отличительный признак.

На стенах гробницы визиря Рехмира сохранилась инструкция, которая была дана ему царем в момент его назначения. Эта инструкция является одним из самых важных памятников, дающих возможность уяснить государственную структуру Египта Нового царства.

«Когда верховный сановник будет слушать в палате верховного сановника, то он будет восседать на седалище со спинкой, на полу будет цыновка, на нем плетенка, за его спиною кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка... рядом с ним жезл; перед ним будет разложено сорок кожаных свитков (с законами)».

Сорок кожаных свитков являлись не чем иным, как сводом законов. Следовательно, в Египте тогда существовали писанные законы, но они до нас не дошли. Понятно также, почему эти законы написаны на коже, а не на папирусе: при частом употреблении папирус быстро пришел бы в негодность.

«По обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу десяти верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него заведующий приемом [?], рядом с ним писцы верховного сановника... будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым».

Визирю должно быть доложено о закрытии присутственного места в такой-то час и об открытии его, о крепостях Юга и Севера, обо всем, что выходит из царского дома, и обо всем, что вхо̀дит туда, так как все происходит через его курьера. Ему докладывают о своей деятельности столоначальники.

После этого он должен итти на совет к царю... «Он войдет во дворец одновременно с начальником казны. Тот остановится у северного столба для флажков». Затем главный казначей встречает визиря и докладывает: «Все твои дела в полном порядке, дворец цел и невредим». Визирь отвечает казначею подобным же докладом. Когда оба сановника доложат друг другу, визирь посылает открыть все двѐри царского дворца, чтобы все могли входить с ведома курьера, который должен распоряжаться, чтобы все было записано. Когда к нему обращается проситель по поводу земельных отношений, он должен послать к нему курьера сверх ознакомления с делом через поземельного инспектора уездного совета. Он должен поставить решение для земли Севера или Юга в два месяца, а для земли вблизи столицы и двора — в четыре дня, согласно закону; он должен выслушивать каждого просителя согласно закону, который у него в руках. Он призывает местных чиновников и рассылает их; они докладывают ему относительно своих участков.

К нему поступает каждое завещание, и он прикладывает к нему свою печать. Он заведует во всех областях участками земли. Когда какой-нибудь посетитель скажет: «Наша граница не установлена», — надлежит расследовать, что̀ находится под печатью чиновника и взять то, что взял местный совет, нарушивший границу.

Всякая просьба должна быть изложена письменно; просить устно не дозволяется.

Недаром древневосточные общества назывались бюрократическими монархиями. Бюрократизм в этих странах был, действительно, чрезвычайно развит.

Всякое прошение на имя царя должно быть подано визирю. Визирь отпра-

вляет каждого курьера из дома царя к комендантам и сельским старшинам. Они должны докладывать ему обо всем, что случилось в первый день каждого четырехмесячного периода; они должны присылать ему вместе со своим поместным советом письменный доклад. Он набирает войска и заведует царской охраной во время путешествий. Он составляет гарнизон южной столицы и двора. Согласно распоряжениям царского дома, заведующие царским домом и военным советом являются к нему, чтобы получить инструкцию об управлении войском.

Все чиновники от первого до последнего являются в залу визиря, чтобы спросить его совета. Он посылает чиновников заботиться о водоснабжении. Ему докладывается обо всем, о состоянии южных крепостей и о всяком аресте... Он выслушивает дела, касающиеся всех номов. Он рассылает военных и гражданских чиновников для царской администрации.

Документы номов хранятся в его зале. Он выслушивает доклады о всех землях. Он устанавливает границы каждого нома, полей, храмовые доходы и контракты. Он принимает документы о залогах и выслушивает жалобы. От него исходят все назначения для залы суда... Он составляет списки всех быков... Он наблюдает за каналами в первый день каждой недели (декады). Коменданты, старшины и все люди доставляют ему все подати. Уездные начальники и столоначальники докладывают ему все тяжбы... они должны докладывать каждый месяц, чтобы можно было контролировать подати.

Он заведует наблюдением срока восхода Сириуса и поднятия Нила. Ему докладывают о высоте Нила. Ему представляют отчеты все служащие во флоте от высшего до низшего. Он скрепляет указы. Всякий доклад представляется ему привратником судебной залы.

Компетенция визиря Юга в военном отношении выходила за пределы южной области. Но функции его как администратора и судьи были ограничены. Фивы становятся господствующей областью. В сущности северная часть Египта была подвластна Фиванской области.

Местное управление. Управление областями — номами в эпоху Нового царства также несколько меняется, появляется стремление в сильнейшей степени централизовать управление номами. Если в эпоху Среднего царства правитель нома являлся по существу почти неограниченным господином области, подчинявшимся непосредственно царю, то теперь эта должность была разделена между несколькими чиновниками и в сильной степени ограничена.

Номовая знать уже не могла быть в какой-либо степени опасной царю единого египетского государства, так как чиновники в номе подчинялись не только управлению нома, но и непосредственно центральному правительству.

В сферу государственного управления Египта эпохи Нового царства входили и чужеземные области. Здесь помощниками центрального правительства были сановники, управлявшие пограничными областями; например, особый сановник управлял гаванями Севера, т. е. всей береговой полосой Египта, другой — «вратами Юга» и т. д.

Царское хозяйство. Визирь управлял также огромным царским хозяйством. Царское хозяйство владело большими землями. Часть из них оно само обрабатывало и здесь основной рабочей силой были военнопленные рабы из варваров. Другая часть отдавалась в аренду. Арендаторами на царских землях сидели свободные

крестьяне, обязанные поставлять воинов для ополчения. Здесь сохранились сельские общины, которые в эпоху Нового царства (в первой ее половине) значительно окрепли.

Наряду с крупным сельским хозяйством Нового царства были и большие ремесленные предприятия. Имеются, например, сведения о существовании больших корабельных мастерских, которые строили для царского и храмового хозяйства речные и морские корабли.

В этих мастерских черная работа выполнялась рабами, а всякая квалифицированная ремесленная работа — свободными египтянами.

Имелись также большие мастерские для изготовления оружия.

Немалую роль играли храмовые мастерские, управлявшиеся царскими чиновниками, и тесно связанные с ними мастерские, удовлетворяющие потребности заупокойного культа, т. е. изготовлявшие гробы и весь сложный инвентарь погребения. Здесь же бальзамировались тела умерших.

Большое значение имели царские и храмовые пекарни-кухни, которые должны были заботиться о прокорме большого количества работников царского и храмового хозяйства. В эпоху Нового царства продолжала существовать натуральная оплата. Чиновники получали свое жалованье не деньгами, а продуктами.

Храмовое хозяйство. Во время походов в Азию и Нубию цари значительную долю добычи жертвовали храмам. Для всех своих мероприятий необходимые средства цари черпали из храмовых сокровищниц. Наибольшее значение имел, конечно, фиванский храм бога Амона. Исполинские храмы Амона в Фивах полны были ценными металлами, камнями. Один только Тутмос III пожертвовал туда золота около четырнадцати тонн, серебра свыше девяти тонн, не считая всевозможных изделий из золота, серебра и драгоценных камней. Амон владел землями не только в Египте: ему тем же царем были пожертвованы три города в Азии, а в Нубии Амону принадлежали золотоносные области. Храмы имели свои мастерские, свои зернохранилища, пашни, стада быков, корабли. Громадное количество пленных работало на положении рабов в хозяйстве храма. Тутмос III во время походов пожертвовал Амону свыше 1500 рабов сирийцев. Такие же пожертвования делали и другие цари. Жречество, управлявшее хозяйством храма, всевозможные начальники стад, житниц, мастерских Амона — были одновременно и чиновниками царя. Обильные пожертвования как в праздничные, так и в обычные дни давали жречеству большие доходы. Жрецы играли большую роль в делах управления государством.

Работники мастерских, связанных с заупокойным культом, получали продовольствие в размере около двадцати фунтов муки в день. Положение же чернорабочих или рабов было ужасно. Они жили в лагерях, где находилось огромное количество маленьких хижинок. Лагери были окружены высокими кирпичными стенами,

которые были настолько широки, что по ним могли ходить охраняющие их воины и следить за тем, чтобы люди не разбегались. Там был только один выход, который, конечно, охранялся.

Каторжная работа выпадала на долю тех подневольных людей, которые трудились в каменоломнях, так как им приходилось таскать и ломать камни при страшной жаре.

Но самой ужасной была работа на золотых приисках. Некоторые сведения имеются об этом у греческого писателя Диодора, который сообщает, что на эти работы направлялись преступники. Закованные в цепи, они должны были работать и день и ночь, без всякой надежды на освобождение. Хотя эти данные относятся к более поздней эпохе, но в основном они сохраняют свое значение для предшествующего периода.

Колесничие и пехота. Египетское войско до вторжения гиксосов состояло из пехоты. Теперь наряду с пехотой появляется новый род оружия — колесничие, которые в эту эпоху и решали, главным образом, исход битвы.

Колесницы, запряженные парой лошадей, представляли собой страшное оружие. Против него не могла устоять сравнительно плохо вооруженная тогда пехота. Атака колесниц производила неотразимое впечатление на вражеские отряды. В эпоху XVI и XV веков победа неизменно оставалась за колесничими, являвшимися основной боевой силой и, вполне понятно, пользовавшимися львиной долей добычи. Из текстов известно, что колесничие происходили из наиболее зажиточных слоев, поскольку не всякий человек мог купить себе пару лошадей и приобрести колесницу. Кроме того, необходимо было иметь по крайней мере двух рабов, которые могли бы ухаживать за лошадьми. Один текст свидетельствует о больших расходах, связанных с желанием сделаться колесничим: для покупки лошади нужно было продать трех рабов.

Рабовладельческая знать с организацией колесничего войска получает мощную силу для закрепления своего положения. Рядовые свободные, выступающие в пехоте, отходят на задний план перед отрядами колесничих. Таким образом, положение рядовых свободных, достигнутое в период восстания, происшедшего около 1750 года, не было долговечным. Процессы дифференциации внутри свободных не могли быть совершенно остановлены. Снова обостряется, но уже на более широкой основе, борьба между знатью и рядовыми свободными, которая приобретает и новую, своеобразную форму.

Войны XVIII династии и грабеж окружающих стран не удовлетворяли все слои населения, поскольку большую часть добычи получали по преимуществу люди зажиточные, часть которых была организована в войска в качестве колесничих.

В вечных войнах этого периода уже были налицо условия для новых осложнений. Постоянные войны, не прекращавшиеся в течение ста лет, были не в пользу рядовой свободной массы.

Войны отрывали людей от производства и, кроме того, требовали от населения больших материальных жертв. Выгоды же от них получала лишь небольшая часть населения.

Большое недовольство было также среди отдельных египетских областей. Северные области получали меньшую долю добычи и были недовольны преобладанием южной, Фиванской области. Наметившиеся внутренние противоречия имели тенденцию все больше и больше обостряться. Египетская пехота, которая несла на себе все трудности боевой походной и гарнизонной службы, беднела и имела все основания быть недовольной.

Аменхотеп III. Важнейшим моментом этого периода было царствование фараона Аменхотепа III (1455—1419). Если вначале наиболее выдающиеся цари XVIII династии носили имена Тутмос или Яхмос, т. е. имена, которые были связаны с именем бога Тота или Яха, почитаемого в Гермополе, то при второй половине той же династии выдвигается снова имя бога Амона. Аменхотеп значит «Амон доволен». Два сфинкса, которые стоят в Ленинграде у моста лейтенанта Шмидта, украшенные иероглифическими надписями, являются портретными изображениями самого Аменхотепа III.

Аменхотеп III был, вероятно, одним из младших представителей царского дома и не рассчитывал на то, чтобы сделаться царем большого государства. Поэтому он женился не на царевне, а сделал своей главной женой женщину незнатного происхождения по имени Тии.

Тии подчинила своему влиянию мужа, чем вызвала большое недовольство египетской знати, окружавшей царя. Высказывалось даже требование, чтобы царь отказался от Тии, но в ответ на это Аменхотеп издал манифест, объявляющий, что Тии — жена царя, правящего государством от крайнего Юга Нубии до Малой Азии, и что она, Тии, является его главной женой. Манифест был написан на оборотной стороне больших каменных жуков, скарабеев, которых было изготовлено несколько десятков. Это было ответом на происки со стороны знати, требовавшей, чтобы царь отказался от незнатной женщины. При всем этом, однако, значение знати в этот период заметно усилилось.

Время Аменхотепа III было временем укрепления царской власти. Если в предшествующие годы египетским царям приходилось вести многочисленные войны для того, чтобы закрепить свое господство на Юге и на Севере, то теперь, при Аменхотепе III, господство это было еще прочным и авторитет Египта весьма велик. Поэтому при Аменхотепе III имел место лишь один поход в Нубию, и царь мог отдаваться безраздельно своей строительной деятельности. Ему подчиняются царьки финикийских, сирийских и палестинских городов. Царь хеттов, царь Митаннийского государства, сложившегося в северной части Двуречья, правитель Ассирии и, наконец, царь Вавилонии не могли теперь конкурировать с Египтом. Вавилония, в частности, представляла собой в то время слабое государ-

ство, подчиненное касситам. Митаннийское и Хеттское государства внутренне также не были столь сильны, как Египет. Поэтому они не могли даже мечтать о каком-нибудь выступлении против него. Наоборот, признав гегемонию Египта, они пытались получать от него подачки.

Таким образом, создалось такое могущество царской власти, которого не знало до того ни одно древневосточное государство.

Роль знати. Рабовладельческая знать занимала господствующее положение в египетском обществе. В армии они были колесничими и занимали командные должности, в государственном аппарате они были высшими сановниками, в храмах они были жрецами. Обширные земельные угодья и большое число рабов, которыми владела знать, еще больше усиливали ее мощь. Жречество, особенно же жрецы Фиванского нома, благодаря щедрым дарениям фараонов XVIII династии усилило свою экономическую и политическую мощь. Это высокое положение делало знать фактическими хозяевами Египта; фараон всегда искал поддержки в их среде, будучи выразителем их интересов. Но это положение знати ограничивало абсолютную власть царя, который в стремлении достичь полной деспотической власти должен был неизбежно вступить в конфликт со знатью. Этот конфликт назревал уже и раньше, но со всей полнотой он проявился в царствование сына Аменхотепа III.

Колесничий египетского войска Нового царства.

Дочери Эхнатона. Роспись из дворца в Телль-Амарне.

ГЛАВА XVII

РЕФОРМЫ ЭХНАТОНА

Аменхотеп IV. Последние годы своего царствования Аменхотеп III был тяжело болен, и за него всеми делами государства ведал его сын и престолонаследник, будущий царь Аменхотеп IV. В управлении государством царевичу помогала его мать Тии. Аменхотеп IV (1419—1402) вырос в неблагоприятной для него обстановке. Знать, окружавшая царя, не любила его мать и относилась враждебно и к нему самому, что, несомненно, должно было еще больше обострить конфликт между царем и знатью, жречеством. Еще юношей, почувствовав ненависть к придворной клике, теперь, сев на престол отца, он стал мечтать о перевороте. Первое время после смерти Аменхотепа III очень крупную роль играла наряду с его престолонаследником вдова фараона Тии. По крайней мере в Телль-амарнском архиве Аменхотепа IV сохранилось письмо митаннийского царя к царице Тии с просьбой во имя его старой дружбы с ее покойным мужем содействовать союзу Митанни с ее сыном. Воспользовавшись недовольством, которое питали к знати широкие круги общества, фараон, опираясь на рядовых свободных («немху»), организованных в пехоту, решает отодвинуть знать, жречество на задний план. Это мероприятие усилило его власть, сделав ее деспотической в полном смысле этого слова. Масса «немху», поверившая в возможность, опираясь на царскую власть, справиться с ненавистной ей знатью, была готова содействовать усилению деспотии.

Борьба с номовой организацией. На пути к усилению царской власти стояла старая организация номов, номовая знать, жречество, в том числе и Фиванского нома. Несмотря на ряд мер предшествующего периода правители номов и знать в эпоху XVIII династии продолжают играть на местах огромную роль. Номовая знать обладает функциями верховных жрецов номовых богов и управителей храмового хозяйства.

Аменхотеп IV решает ограничить власть правителей номов и знати, ослабив эту их теократическую основу.

Он использует противоречия между областями Египта: северной частью Египта (с городами Мемфисом, Гермополем и др.) и Фивами, столицей египетского государства, получавшей львиную долю всего, что притекало в Египет. Аменхотеп IV решает в противовес номовым богам провозгласить культ нового бога, который еще не почитался ни в одной области Египта. Этого бога он назвал Атон. В последнее время было высказано предположение, что имя надо читать не Атон или Атен, а Ати. С образом этого бога не связывалось каких-нибудь мифов; Атон представлял собой солнечный диск.

И бог Амон, и бог Птах, и древний бог Ра, как и все прочие боги, были связаны в течение веков в своем ритуале с определенными мифами. Ра, или Ра-Харахте, бог солнца, почитавшийся в Гелиополе, древнем центре поклонения солнцу, изображался в виде человека с соколиной головой и солнечным диском на ней. Надо полагать, что культ Атона, выдвинутый Аменхотепом IV, был связан с гелиопольским культом. Аменхотеп IV уже в детстве имел некоторую связь с гелиопольским жречеством: брат его матери Тии был жрецом при фиванском храме гелиопольского солнечного бога. Под влиянием культа Ра Аменхотеп IV первоначально изображал своего бога в виде человека с соколиной головой, на челе которого красуется солнечный диск.

В первые годы своего царствования Аменхотеп IV вводит культ Атона как главного бога среди других богов. Все боги Египта должны были ему подчиняться, но старые боги не уничтожались еще в угоду новому культу.

Строительство, которое прежде было посвящено богу Амону, теперь производится для бога Атона. Ему строятся роскошные храмы. В Фивах был построен храм Атона в самом центре территории, посвященной богу Амону, — между Карнакским и Луксорским храмами. Этот храм начал строиться уже в последние годы Аменхотепа III, в годы его болезни, когда Аменхотеп IV вместе с матерью своей Тии фактически управлял государством. Бог Атон начинает занимать положение бога Амона. Фивы стали называться не «городом Амона», а «городом солнца Атона».

Борьба с фиванским жречеством Амона. Такая политика царя вызывает недовольство среди фиванского жречества. Жречество Фив, получавшее большие доходы, было недовольно новой религиозной политикой царя.

Недовольство растет также и благодаря социальной политике царя. Царь опирается на широкие слои «немху» и отодвигает на задний план знать и жречество. Недовольство становится настолько сильным, что царь решается покончить с ним суровыми мерами. Из надписей его времени следует, что он начал преследовать противников своей политики вооруженной рукой.

Для Аменхотепа борьба была нелегкой: приходилось бороться со знатью, которая была организована в отряды колесничих — самый мощный род тогдашнего оружия. Отказаться от них полностью государству было нельзя.

Дело заканчивается тем, что Аменхотеп IV решает нанести серьезный удар местной знати и жречеству и с этой целью совершенно покончить с культом всех местных богов во имя одного бога — бога солнца Атона.

Атон теперь изображается в виде простого солнечного диска, лучи которого заканчиваются руками, приносящими египетской земле и царю жизнь, здравие и благополучие.

Царь приказывает закрыть старые храмы и уничтожить в них имена богов. Повсюду рассылаются каменотесы, которые стирают со стен имена богов и в особенности ненавистное царю имя бога Амона, когда-то главного бога египетского государства. Имя Амона уничтожалось даже в имени отца царя, Аменхотепа III. Из ненависти к Амону Аменхотеп отказывается от своего старого имени и переименовывает себя в Эхнатона, что значит — «полезный Атону». В угоду новому культу Аменхотеп изменяет даже традиционный способ датировки. Если Атон — царь Египта, то и годы правления царя не что иное, как годы царствования Атона, бога солнца. Если по прежней датировке нужно было указать «год такой-то, месяц такой-то, при царе таком-то», то теперь датировка была иная: «год такой-то, месяц такой-то, при царе солнца, при царе Атоне». Таким образом было введено новое летосчисление, и если бы реформы Эхнатона удержались, то в конце XV века мы имели бы введение эры в Египте.

Из утверждения же царем-еретиком Атона подлинным царем Египта следовало, что бог Атон должен был быть единым богом, ибо царь в Египте был один, а другой царь являлся бы мятежником. Таким образом, Эхнатон получал теоретическое обоснование для устранения всех прочих богов, кроме Атона. Сделав Атона царем вселенной и Египта, Эхнатон должен был покинуть старую столицу Фивы, связанные с культом Амона и всех прочих богов, которые получили в предшествующее столетие свои святилища на территории города Амона-Ра, «царя богов».

Горизонт Атона. Покидая Фивы, Эхнатон шел навстречу желаниям тех областей, которые были недовольны господством крайнего Юга. Столица переносится на Север, в Гермопольский ном, но чтобы не вызвать нового недовольства со стороны других номов, царь выбирает для столицы место, раньше не имевшее никакого значения, которое, как он подчеркивает в своей надписи о создании нового города, не принадлежало раньше никакому богу, никакой богине, никакому царю и никакой царице. Это место называется теперь «Телль-Амарна» («холм Амарна»). Он расположен в 15 км к югу от Гермополя в сравнительно широкой долине на правом берегу Нила. Окружавшая его область была объявлена собственностью Атона. Четырнадцать громадных стел, высечен-

ных в окружающих долину скалах, определяли размеры области, площадью, примерно, в 180 кв. км. В ее центре Эхнатон велел построить город, который был им назван «Ахет-Атон» («Горизонт Атона»).

Здесь Аменхотеп начинает воздвигать большие храмы богу солнца. Заслуживает внимания тот факт, что и теперь еще Эхнатон находился в определенной зависимости от гелиопольских традиций. Его храмы солнцу строились по плану храмов Гелиополя, где он, кстати сказать, также построил храм. Одна из частей большого храма Атона в Телль-Амарне называлась «домом камня Бенбен», т. е. обелиска-фетиша солнца, подобно центральному святилищу Гелиополя. Верховный жрец храма солнца носил титул «великого ясновидца», как и жрец гелиопольского храма. Город имел широкие улицы, окаймленные роскошными дворцами царя и дворцами его вельмож. Наряду с дворцами вельмож имелись дома людей среднего достатка из числа воинов, жрецов, чиновников, художников и т. п. Судя по большому количеству домиков и лачуг, в которых жил простой народ, население города было значительным. Город был расположен в западной части, вдоль берега Нила, а в восточных скалах находился величественный некрополь. Люди, окружающие царя, подчеркивают в своих гробничных надписях, что они не являются представителями старой знати, они «немху» — рядовые свободные — «бедняки», которые только по воле царя превратились в сановников.

Оборотной стороной богатой и веселой жизни города бога солнца являлся большой загородный поселок рабов, которые несли на своих плечах строительство большого города. Конуры, в которых жили эти люди, были окружены стеной, которая охранялась вооруженной стражей.

Культ Атона. Опираясь в своей политике на широкие слои «немху» — рядовых свободных, Эхнатон не боялся религиозных реформ, направленных против знати и жречества. Он стремился сделать культ бога солнца чрезвычайно простым и доступным для широкой массы. Бог солнца восхвалялся Эхнатоном как светило, которое дает жизнь; при этом подчеркивалось, что бог солнца — это самое высшее божество. В честь нового бога слагались гимны, где он воспевался как творец всего мира. От него зависит жизнь на земле. В ярких образах рисовалось, как все уподобляется смерти, когда Атон уходит на свой западный горизонт, и как пробуждаются люди, животные и растения при его восходе. В этих гимнах нет и намека на старые мифы. Здесь почитается солнце, дающее жизнь на земле.

Сдвиги в области культуры. Религиозная политика Эхнатона, требовавшая борьбы с догматами прежней религии, воздействовала и на искусство. Художниками Телль-Амарны был создан своеобразный стиль, который стремился довести до натурализма реалистические устремления некоторых художественных школ предшествующей эпохи. Был создан натуралистический образ царя

Эхнатона, резко противоположный своей утрированной передачей подлинного физического облика царя идеализированным царским изображениям официального искусства. Правда, сила деспотической власти Эхнатона превратила этот натуралистический портретный образ в новый закон «простоты», обязательный для его подданных. Они также стали изображать себя с теми физическими признаками, которые были характерны для царя. Стремление приблизить письменность к живому языку обусловило и создание в царствование Эхнатона новой орфографии, отражающей не старый литературный язык, а разговорный язык Нового царства, так называемый новоегипетский язык.

Внешняя политика Эхнатона. Эхнатон не изменил внешней политики своих предшественников. Все окружающие Египет страны, начиная с Азии и кончая Нубией, он попрежнему рассматривает как объект грабежа для господствующего класса египетского общества. Эхнатон выступал таким же царем, угнетателем чужеземных стран, как и его предшественники. Это доказывается многочисленными изображениями на полу и на стенах раскопанных теперь дворцов и храмов новой столицы, «Горизонта Атона», где изображены пленные азиаты, ливийцы и негры в униженных позах, со связанными руками. Другие памятники искусства пестрят такими же изображениями иноземцев в позах подчинения и унижения; много места отведено сценам привода пленных и получения дани от чужеземных стран. Эхнатон, так же как и его отец Аменхотеп III, выступает высокомерным властителем мира не только в сношениях с маленькими царьками азиатских городов, которые зависели от его воли, но и в сношениях с царями Передней Азии. Цари Вавилонии и хеттов обижены тем, что он не называет их своими братьями, а считает себя выше их. Однажды вавилонский царь обратился к Аменхотепу III с просьбой прислать одну из своих дочерей, египетскую царевну, в жены, но получил отказ. Царь Вавилонии — государства, которое в то время играло довольно жалкую роль, настолько унижается перед египетским царем, что в письме с просьбой прислать ему в жены египетскую царевну пишет:

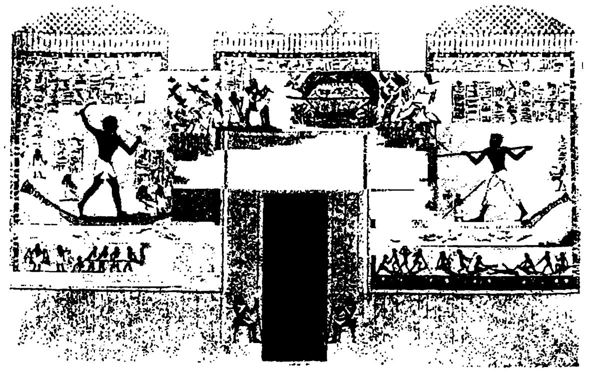
«Я писал тебе, чтобы ты прислал мне какую-нибудь из египетских царевен в жены. Ты ответил мне, что есть закон, по которому египетская царевна не может выходить замуж вне Египта. Тогда ты прислал бы мне вместо царевны другую египетскую женщину, чтобы я мог сказать, что это египетская царевна».

Таким образом для вавилонского царя настолько было важно и лестно находиться в родстве с египетским царем, что он готов был, выражаясь грубо, итти на подлог.

Результаты реформ Эхнатона. Своими реформами Эхнатон стремился превратить Египет в объединенную страну, сломить влияние местной знати и жречества, укрепить власть фараона. Номовая религия была отменена и, казалось, перестала существовать. Все боги — Амон, Птах, Тот и прочие — тускнели под лу-

Вход в скальные гробницы номархов XII династии в Бени-Гассане (близ Гермополя).

Крепость Среднего царства в Семне, у вторых порогов Нила. Реконструкция.



Стенная роспись в гробнице номарха XII династии в Бени-Гассане.

чами всепобеждающего бога-солнца, солнечного диска Атона, единственного бога, царя Египта. Даже Осирис, бог мертвых, был заменен Атоном. Казалось, было сделано все, для того чтобы объединить номы, слить их в единое государство. Но этого не произошло. В течение многих предшествующих веков номы настолько внутренно были экономически самостоятельны, настолько живо чувствовали свою культурную и религиозную самостоятельность, что каждый египтянин продолжал осознавать себя лишь во вторую очередь египтянином, а в первую — жителем своего нома.

Реформа Эхнатона по существу свелась к замене новой религии единым культом солнца. Она вызвала враждебное отношение не только со стороны знати и жречества, но в конце концов и со стороны «немху», той массы, которая поддерживала царя в начале его царствования, надеясь на улучшение своего положения. Но царь, разбив знать, ничего не дал массе. Поэтому она отошла от него.

Эхнатон начинает чувствовать свою изолированность, начинает бояться войска. Впервые в египетской армии появляются наемники преимущественно из так называемых «народов моря», т. е. народов эгейской культуры, среди которых в особенности выделяются люди, называемые по-египетски «шардана», или «сардана» (имя, которое, вероятно, живет и по сие время в названии Сардинии). Появление в войсках многочисленных наемников засвидетельствовано на изображениях, дошедших до нас в рельефах столицы Эхнатона. Мы видим, как за царем при его выездах следуют, наряду с египетской пехотой и небольшим отрядом египетских колесничих, также и отряды наемной пехоты. Борьба между знатью и деспотической властью царя велась чрезвычайно напряженно. Храмы старых богов закрывались и их имущество и угодья конфисковывались в пользу храмов Атона, которые воздвигались во всех номах и завоеванных областях. Политика царя вызвала ожесточенное сопротивление со стороны знати. Изображения и надписи гробниц повествуют о заговорах против царя. Борьба, ставшая еще более ожесточенной и упорной, настолько ослабляет Египет, что он уже перестает быть тем мощным военным государством, каким был до сих пор. Враги, которые, пожалуй, не подняли бы головы в предшествующее время, в эпоху расцвета сил Египетского государства, теперь начинают борьбу против него.

Положение в азиатских провинциях. В городах Азии делаются попытки к восстанию, которые исходят из слоев, недовольных безудержным грабежом, производившимся по повелению царя. Эти города находят поддержку у народов, появившихся на политическом горизонте в XV веке. В это время в Сирии впервые в большом количестве появляются еврейские племена под названием «хабиру». Они представляют собой союз племен, среди которых еще не выделилось племя Израиля, ставшее известным лишь значительно позднее. О появлении этих племен сообщает архив, найденный во дворце Эхнатона, так называемый Телль-амарнский архив.

В этом архиве было найдено несколько сот табличек, исписанных вавилонской клинописью. Эта находка, между прочим, показала, что в это время вавилонский язык и письмо играли роль международного языка примерно в такой же степени, в какой в последующее время играл эту роль греческий язык. Эти таблички оказались письмами царьков Сирии, Финикии, Палестины своему господину, царю Египта. Среди них также сохранились письма, которые писали и цари Передней Азии — царь Вавилонии, царь Ассирии, царь хеттов, царь Митанни и другие властители, являвшиеся по отношению к египетскому царю самостоятельными.

Переписка рисует египетское правление в азиатских владениях. Но главный ее интерес состоит в том, что по ней можно составить себе представление о той острой политической ситуации, которая сложилась к концу XV и началу XIV века в Сирии и Палестине. Оказывается, что еврейские племена уже тогда беспрерывно вторгались в пределы плодородных областей Сирии и Палестины и доходили до стен старых финикийских городов, т. е. до самого побережья Средиземного моря. Евреи, продвигаясь по странам Передней Азии, находили поддержку у населения пригородов сирийских, финикийских и палестинских городов, которое называлось «люд хубшу». Так, царь Библа пишет царю Египта, что все его города, которые находились в горах и на берегу моря, примкнули к евреям. В письмах к одному из сановников Эхнатона царь Библа прямо заявляет, что он боится, как бы «люд хубшу» его не убил. Мы узнаем и о причине ненависти населения пригородов к царю Библа. Оказывается, вся тяжесть дани египетскому царю была переложена на «люд хубшу» и, в случаях нехватки зерна для фараона, взамен зерна передавались имущество, сыновья и дочери населения пригородов. Поэтому и «люд хубшу» был готов всегда примкнуть к евреям или к любому другому врагу фараона. В Финикии стояли во главе племен подданные фараона, царьки Аморейской области в северной Сирии. Последние заверяли в верности фараона, а в действительности с помощью еврейских племен хабиру стремились создать самостоятельное государство с центром в долине реки Оронта.

Однако вторжение евреев оказалось особенно опасным не на побережье, а во внутренней Сирии и в Палестине, поскольку они лежали ближе к степям, из которых выходили еврейские кочевники. В этом отношении характерно, например, письмо, которое пишет царек Иерусалима Пути-Хиба египетскому фараону с просьбой о помощи. Он сетует на то, что подмоги от царя не получает несмотря на то, что является верным защитником царских владений около Иерусалима. В другом письме к фараону он рисует современное положение самыми мрачными красками:

«Да ведает царь все: земли гибнут, против меня вражда. Области Гезера, Аскалона и гор Лахти дали им пищу, елей и все необходимое. Посему да позаботится царь о войсках и вышлет их против тех князей, которые преступили против него. Это дело Милкила и сыновей Лабаия, которые пре-

дают царскую землю Хабиру... Да знает царь: я не могу послать каравана к царю, царь запечатлел свое имя в земле Иерусалима навеки, посему да не оставит он земли Иерусалима».

Еще более опасным Пути-Хиба рисует положение Иерусалима в следующем письме:

«Я не князь, я чиновник царя, я царский офицер, приносящий ему дань. Не мать и не отец, а крепкая рука царя посадила меня в отчину. Шута, царский рабису, явился ко мне. Я передал ему 21 девочку и 80 человек... в подарок царю, моему господину. Да печется царь о своей земле. Погибает вся царская область». Далее следует рассказ о гибели разных князей и обычная просьба прислать войска: «Если же этого не будет сделано, то пусть царь возьмет меня с семьей в Египет».

Здесь имеется уже прямое свидетельство, что дела египетского царя в Азии находятся в самом катастрофическом положении. Правда, вторжение еврейских племен само по себе было не так опасно, поскольку они по сравнению с египетскими войсками были плохо вооружены. Но за еврейскими племенами стоял более серьезный враг. Этим врагом являлось Хеттское государство, протягивавшее свои руки к азиатским владениям Египта.

Выступление хеттов. Это было государство, сложившееся в юго-восточной части Малой Азии, в области, которую греки впоследствии называли Каппадокией. Хеттское государство, начиная со второй половины XV века, пользуясь ослаблением Египта, пытается захватить в свои руки Сирию, Палестину и Финикию. Хеттское государство, которому было очень кстати появление еврейских кочевых племен, подкупает их, снабжает оружием и всячески содействует их продвижению и вторжению в египетские владения.

В эти десятилетия (около 1400 года) исключительной опасности, когда Египту грозила перспектива потерять все свои владения в Азии, он не мог найти в себе сил бороться с внешним врагом. Нельзя сказать, что Эхнатон, увлеченный своими религиозными реформами, не обращал никакого внимания на тревожные сигналы, которые давались ему в письмах царьков Финикии, Сирии и Палестины. От времени до времени он посылал новые войска в Азию, чтобы отразить врагов Египта. Они иной раз имели некоторый успех, но закрепить его они не могли в виду своей малочисленности. Более многочисленного войска из-за внутренних неурядиц Эхнатон послать не мог. Социальная и религиозная борьба была осложнена повидимому еще появлением какой-то болезни. Возможно, что она была занесена в Финикию из Кипра, где, согласно письму кипрского царя фараону, «рука Нергала» (т. е. чума) так много погубила народу, что прекратились разработки медных рудников. Поскольку сношения Египта и Кипра были довольно оживленными, возможно, что болезнь была занесена и в долину Нила. Здесь, казалось, были созданы все условия для ее распространения. Волнения, раздиравшие страну уже десяток лет, и безумная расточительность царя по отношению к новому культу Атона свела на-нет и без того скромное благополучие народа. При таком положении в Египте евреи и хетты неудержимо продвигались впе-

ред. Египетские войска, остававшиеся еще в пределах Сирии и Палестины, терпели поражения, причем об одном таком поражении нам известно, что в результате его некоторое количество египетского войска было захвачено в плен и продано на восток. В конце концов все египетские владения на севере были потеряны, и Азия частью стала самостоятельной, частью подпала под владычество еврейских племен и хеттов. Правда, и хеттам победа далась не дешево. Египетские военнопленные занесли чуму в страну хеттов, и здесь она также уничтожила большое количество населения.

Конец царствования Эхнатона. Внешняя политика Эхнатона, приведшая к утрате азиатских владений, чрезвычайно усиливает недовольство его реформами. В этом одинаково были солидарны как колесничие, так и пехота. Как только умер Эхнатон, сейчас же начинают проявляться силы, недовольные его политикой. Первым решительным шагом на пути к этому было возвращение к старой религии. Боровшиеся с реформами Эхнатона указывали, что царь, изменив старой религии, тем самым поставил страну в положение, при котором египетские войска, не знавшие до сих пор поражений, терпят неудачи. Когда старые боги правили Египтом, египетские войска выходили всегда победителями, но как только настоящие боги были смещены, а какой-то неведомый бог солнечного диска стал царствовать над Египтом, египетские войска стали терпеть в Азии поражения. Такого рода заявления мы находим в надписях царя Тутанхатона, второго преемника Эхнатона, гробница которого была найдена в 1922 г.

Тутанхатон и реставрация культа Амона. Гробница Тутанхатона была первой царской гробницей, найденной в неразграбленном виде. На основании его мумии можно установить, что фараон умер молодым, не достигнув еще восемнадцати лет. А так как он правил шесть лет, то в то время, когда он вступил на престол, он был еще мальчиком и не мог проводить самостоятельной политики. Тутанхатон был, вероятно, родственником Эхнатона, который его женил на одной из своих дочерей. Возврат к старому был совершен молодым царем под давлением жречества и прежде всего фиванского жречества, враждебного политике Эхнатона. Тутанхатон — или, вернее, окружающая его среда — начинает с того, что снова переносит столицу из города Горизонт Атона в Фивы и восстанавливает старую номовую религию. Свое имя Тутанхатон, что значит «живой образ Атона», он меняет на Тутанхамона, т. е. «живой образ Амона». В надписи своей царь и его приближенные заявляют, что боги снова правят всем Египтом, а потому должно наступить время, когда египетские войска, которые в период царствования преступника Эхнатона терпели поражения, будут вновь победоносными. При Тутанхамоне высылаются войска в Азию, которые добиваются некоторых успехов. Египетскими войсками руководил тогда, вероятно, военачальник Харемхеб, который впоследствии стал царем.

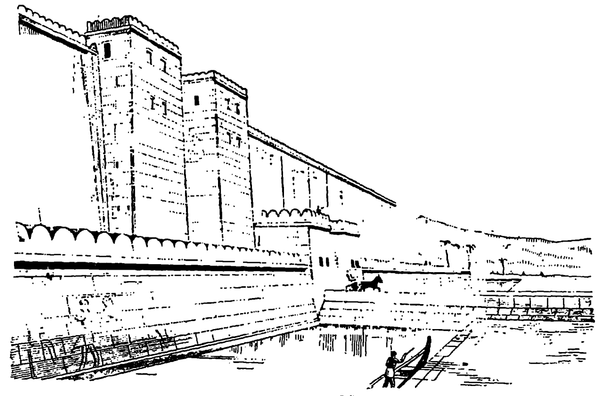
Как только Египет вернулся к старой религии, старые боги ожили, и Амону было возвращено его прежнее положение, а Эхна-

тон был объявлен «врагом». Впоследствии его называют не иначе, как «преступник из Горизонта Атона». Появляются гимны, восхваляющие новую победу Фив, которые были столицей в течение предшествующих веков. В гимнах говорится, что Фивы снова стали столицей, а враг их из Горизонта Атона повержен, забыт. Конечно, полное крушение религиозных реформ Эхнатона не совершилось внезапно. Так, Тутанхамон еще не предал город солнца, столицу Эхнатона, окончательному проклятию. Может быть, та египетская царица, которая, согласно хеттским анналам, после смерти своего мужа просила Суппилулиуму, хеттского царя, прислать ей в мужья одного из своих сыновей, была вдова Тутанхамона. Если это была действительно она, то подобная просьба могла быть продиктована желанием спасти дело своего отца Эхнатона. Ее план не был осуществлен: хеттский царевич был убит, а престол Египта занят одним из близких Эхнатону людей, сановником Эйе. При нем восстановление старой религии продолжалось, но еще не все содеянное Эхнатоном было предано систематическому разрушению.

Харемхеб. Полное торжество старой религии и уничтожение всего того, что было связано с Эхнатоном, имело место в правление царя Харемхеба, который вступил на престол после недолгого правления Эйе (около 1355 года). Как уже было выше сказано, Харемхеб был первоначально просто военачальником. В эрмитажном собрании есть большая плита, на которой Харемхеб, ставший впоследствии царем, изображен еще простым военачальником.

Харемхеб, происходивший из знатного рода, продолжал политику восстановления положения и прав знати. Вместе с тем он стремился примирить со своей властью и немху. Он издал обширное постановление, которое должно было ликвидировать тяжелые последствия конца амарнского периода. Царь запретил воинам и царским чиновникам грабить «немху», отбирать имущество рабов, корабли и т. д. Харемхеб реорганизует суд и угрожает суровыми карами алчным судьям. Таким образом, при Харемхебе знати было возвращено ее господствующее положение, но и «немху» также сохранили известное значение. Однако в дальнейшем знать начала отвоевывать себе все новые и новые позиции.

Роспись из Телль-Амарны.



Вход во дворец и храм Рамсеса IV в Мединет-Абу. Реконструкция.

ГЛАВА XVIII

ЕГИПЕТ XIX И XX ДИНАСТИИ. КОНЕЦ НОВОГО ЦАРСТВА

Со смертью Тутанхамона прекращается XVIII династия, при которой Египет, с одной стороны, достиг высшего расцвета, а с другой — в последние десятилетия ее правления пережил сильные потрясения. Харемхеба, не состоявшего в родстве с XVIII династией, мы не причисляем к ней, также как и к XIX династии, пришедшей к власти после его смерти в лице Рамсеса I, правившего всего около двух лет.

Сети I. Сын Рамсеса, Сети I (ок. 1330 года), хорошо известен нам по его многочисленным надписям, а также и по его прекрасно сохранившейся мумии, хранящейся в Каирском музее. За время своего долголетнего царствования он совершил ряд походов, стремясь вернуть Египту его престиж в Азии.

Ему уже в первые годы своего царствования удалось победить беспокойные еврейские племена. До нас дошли изображения победоносного египетского войска, за которым шествуют ряды пленных.

Сети I выступает в поход и против хеттов, но здесь окончательного результата его походы еще не приносят. Повидимому, между Египтом и хеттами было заключено перемирие, на что намекает один текст позднейшего времени.

Реформы в армии. Сети провел важную военную реформу. Уже при Эхнатоне в египетском войске появились отряды наемников, при Сети I отряды наемных войск были значительно увеличены.

Контингенты наемнических отрядов с течением времени растут. Они использовались как вспомогательная сила, на которую возлагался тяжелый труд — постройка лагеря, рытье рвов и окопов, подготовка крепостей к обороне и пр.; они же служили в обозе.

Другая часть, в особенности «народы моря», эгейцы, являлась воинами в настоящем смысле слова, и египетские изображения рисуют этих «шардан», сардинцев, с характерным для них оружием в виде больших тяжелых мечей, вооруженные которыми они штурмуют азиатские крепости. Очевидно, египтяне пользовались отрядами наемников как ударными частями, сберегая свои собственные силы.

После смерти Сети I престол перешел к его сыну Рамсесу II.

Рамсес II. Рамсес II (1317—1251) за 67 лет своего правления оставил громадное количество памятников как в Египте, так и за пределами его. Его мумия, хранящаяся в Каирском музее, показывает нам человека гигантского роста (около 7 футов) и богатырского телосложения. Тонкий профиль с большим орлиным носом, густые брови и близко поставленные, глубоко сидящие глаза рисуют нам внешность этого энергичного человека.

Войны с хеттами. Рамсес II вступил на престол юношей двадцати одного года, и уже вскоре ему пришлось вести египетские войска в Азию, потому что хетты стали проявлять большую активность. На пятом году царствования Рамсеса произошла знаменитая битва (1312) около города Кадеша в Северной Сирии, на реке Оронте. Эта битва хорошо известна не только по египетским, но и по хеттским источникам. Первые настолько обстоятельно описывают ее, что мы можем представить себе весь ход битвы. Это описание может служить конкретной иллюстрацией военного искусства Древнего Востока.

Оба противника готовились к войне серьезно. Египтяне привлекли в свои войска значительные отряды наемников. Хеттский царь Муваталлу заключил военный союз с окружающими государствами, заинтересованными в поражении Египта. Любопытно, что среди этих стран упомянуты те, которые, согласно Илиаде, помогали троянцам в их борьбе с греками. Этот поразительный факт свидетельствует о том, что политические отношения в Малой Азии были довольно устойчивы, поскольку и на юге и на севере ее имеются одни и те же коалиции.

Войско Рамсеса было разделено на четыре армии, во главе одной из которых стоял сам царь. После смотра, сделанного на границе Египта, войска Рамсеса вступили в Азию.

Рамсес II стремился поскорее добраться до неприятеля. Он так спешил, что оставил позади себя пехоту и часть колесничих. На это бурное стремление вперед оказали влияние сведения, полученные от двух бедуинов — лазутчиков хеттского войска, взятых египтянами в плен. От них Рамсес узнал, будто хеттский царь медлит с битвой, опасаясь выступать против Египта: фараон стремился захватить крепость Кадеш (на р. Оронте), пока она была свободна от хеттов.

Битва при Кадеше. Однако, добравшись со своим авангардом до Кадеша, он попал в ловушку, так как хеттское войско (во всяком случае бóльшая его часть) было уже здесь. Рамсес оказался окруженным плотной цепью хеттских боевых отрядов. Дело,

видимо, должно было кончиться для Рамсеса катастрофой: египетский царь, казалось, не только не мог рассчитывать на победу, но ему даже грозил плен. Но в один из счастливых моментов встречного боя Рамсесу удалось пробиться через кольцо хеттских войск, сквозь строй их колесниц. Потери, которые он при этом нанес врагам, как говорит официальная традиция, были так велики, а его геройское сопротивление будто бы произвело такое сильное впечатление на врагов, что они выпустили его из своего окружения. Рамсес спасся.

Придворные поэты составляли льстивые гимны, воспевавшие это первое столкновение с хеттами как блестящую победу египетского оружия. Поэтические описания битвы сохранились и на папирусе и на стенах храмов. В описании этой битвы самым важным местом, видимо, считалась речь самого Рамсеса II, который, оказавшись в тяжелом положении, обращается к богу Амону за помощью; в ней описывается подъем духа, который почувствовал царь, когда получил помощь от бога.

После этой битвы, которая была лишь небольшим эпизодом, показывающим как личную храбрость Рамсеса, так и его военную неспособность, произошло большое сражение главных сил египтян и союзного войска Муваталлу. В этом сражении египтяне не выдержали сильного натиска и вынуждены были бежать. От полного разгрома Рамсеса спасло только то, что хетты, захватив египетский лагерь, принялись его грабить. Это дало возможность сплотить ряды египетского войска и новым натиском отбросить хеттов к Оронту. Под тучами египетских стрел пришлось хеттам переправляться через реку. Потери Муваталлу были чрезвычайно велики, но и Рамсес понес также большой урон. Битва при Кадеше была хорошим уроком для Рамсеса, еще неопытного воина: она показала, что сломить престиж хеттов в Сирии и Палестине можно было лишь после постепенного завоевания этих стран. В течение еще пятнадцати лет пришлось Рамсесу из года в год водить свои войска в Азию, прежде чем он взял Кадеш.

Поражение хеттов нельзя относить за счет военного таланта Рамсеса. Во многом эту победу облегчили внешние обстоятельства, благоприятствовавшие египтянам. На хеттов, очевидно потерявших ореол своей непобедимости в Малой Азии, начинают наседать с севера воинственные горные племена, которые называются «каш-каш», или «кеш-кеш» (это название, может быть, живет в нашем слове «Кавказ»), и хеттам приходится вести борьбу на два фронта. Хетты были вынуждены помогать еще государству Митанни против Ассирии. Ассирийские войска побеждали хеттские, а Вавилония не помогала хеттам несмотря на их просьбы выступить против Ассирии.

Мирный договор с хеттами (ок. 1296 г.). Дело, наконец, доходит до того, что хеттские войска, измученные непосильной борьбой, начинают бунтовать, о чем свидетельствует письмо, в котором хеттский царь Хаттушиль, сменивший умершего Муваталлу, обра-

щается к Рамсесу с просьбой заключить мир и помочь ему подавить восстание в своей собственной армии. Война заканчивается после шестнадцати лет борьбы миром на двадцать первом году царствования Рамсеса. Мир был оформлен договором между Египтом и хеттским государством.

Инициатива заключения договора принадлежала несомненно Хаттушилю, который прислал проект мирных предложений, выгравированных на серебряной табличке. Рамсес на основании его выработал свой проект мирных предложений, который в свою очередь был послан Хаттушилю. Мирный договор между Рамсесом и Хаттушилем является первым известным нам международным договором, который благодаря счастливой случайности дошел до нас в двух редакциях: египетской и хеттской. В архиве хеттских царей, найденном в Богазкеое, среди других документов сохранилось несколько фрагментированных копий хеттской редакции договора. Они написаны вавилонской клинописью. Основная их часть хранится в Берлинском музее, а некоторое количество — в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Египетская редакция договора была высечена иероглифами на стенах Карнакского храма и заупокойного храма Рамсеса II, так называемого Рамессеума. Она заканчивается описанием изображений, находившихся на серебряной табличке с проектом мирных предложений Хаттушиля.

Договор был чрезвычайно обстоятельный. Оба царя заключали вечный мир и обещали друг другу помогать против внешних и внутренних врагов. Под внутренним врагом надо понимать не хеттов для хеттского царя и не египтян для египетского, а иноземные владения обоих государств. Обе стороны договариваются о том, что в случае отложения от Египта его азиатских владений хеттский царь будет помогать Рамсесу II, а в случае восстания хеттских иноземных владений египетский царь помогает хеттскому царю. В договор также был введен особый пункт о том, чтобы политические беглецы или эмигранты выдавались обеими сторонами. Мирный договор, завершив долголетнюю войну Египта с хеттами, закрепил положение Рамсеса II и его государства в Малой Азии.

Город Рамсеса. Рамсес, закрепив мир во-вне, отдается строительной деятельности. Уже раньше, до войны с хеттами, Рамсес (а может быть уже его отец Сети I) перенес свою столицу из Фив на север Египта. Поскольку он должен был вести такую широкую политику на рубеже двух материков, Фивы, расположенные слишком далеко от Средиземного моря, не могли оставаться политическим центром. Он сооружает себе столицу на границе Азии и Египта, в восточной Дельте, на месте позднейшего г. Таниса. Для строительства он привлекает те тысячи военнопленных, которые имелись от предшествующих походов как его отца, так и его самого.

Город, воздвигнутый на границе Египта, сделался крупным центром и вызывал восторг тех, кто его видел. До нас дошел

ряд произведений египетской поэзии, восхваляющих этот город как самое великолепное сооружение. Дворец царя, виллы его придворной знати, храмы — все это придавало городу праздничный вид. Постоянно прибывавшие гонцы иноземных стран, дворцовые торжества и празднества наполняли город непрерывным весельем. Сюда, в город Рамсеса, прибыл и хеттский царь, чтобы окончательно закрепить союз с Египтом, вступить в родство с египетским царем, отдав ему в жены свою дочь. Факт отправки царевны мощного хеттского государства в Египет для гарема царя Рамсеса произвел огромное впечатление и был записан на стенах различных храмов Египта и Нубии.

В надписи говорится, как зимой, в холодное время, несмотря на непогоду, на дождь и снег (между прочим, слово «снег» встречается в египетских текстах только в этой одной надписи, потому что снега, как известно, Египет не знал), которые тогда свирепствовали в Малой Азии, царевна хеттов со своей свитой отправилась в далекий путь в Египет.

Рамсес II обратился с молитвой к богу Сету о прекращении бури и снега и выслал своих вельмож для встречи хеттской царевны у египетских границ. Бог Сет внял мольбам Рамсеса, и дочь Хаттушиля благополучно прибыла в пределы Египетского государства. Между хеттскими войсками и воинами Египта установились дружественные отношения, и для всех чужеземных стран стали очевидными дружба и союз обоих царств. Свое завершение союз этот нашел в столице Рамсеса, где дочь Хаттушиля была объявлена женой Рамсеса и царицей Египта. В результате египтяне могли без боязни отправляться в страну хеттов «из-за величия побед» царя Египта.

Строительная деятельность Рамсеса II. Рамсес строил не только свою столицу и украшал ее прекрасными зданиями: он вел строительство и в прочих египетских городах. Ни от одного египетского царя не дошло до нас так много построек, так много храмов, как от Рамсеса II.

В Нубии граница Египта была продвинута далеко на юг, за четвертый порог Нила. Нижняя Нубия рассматривалась теперь не как провинция, а как часть самого Египта. В целях закрепления египетского влияния там еще при XVIII династии было установлено специальное управление во главе с наместником царя, иной раз его престолонаследником, носившим титул «царского сына Куша» (т. е. Нубии). Много храмов было построено Рамсесом в Нубии. Особенно славится его пещерный храм в Абу-Симбеле (ниже вторых порогов), высеченный в прибрежной скале. У входа в храм были изготовлены четыре колоссальных статуи царя. Рядом с этим был высечен в скале второй храм, меньших размеров. Рамсес II, следуя примеру своего отца Сети I, продолжал осваивать пути к золотым рудникам Нубийской пустыни. По его повелению экспедицией наместника Нубии был выкопан колодец на пути к золотым рудникам в Вади-Алаки. Тем самым было

создано основное условие для успешной эксплоатации золота страны Акита (Ради-Алаки). Огромное количество военнопленных, оказавшееся в Египте после его войн, было использовано для этой строительной деятельности, которая покрыла весь Египет новыми зданиями, храмами, крепостями, дворцами. В более поздней традиции имя царя Рамсеса II живет не только как имя великого завоевателя, но и строителя. Храмы эпохи Рамсеса II свидетельствуют о высоком развитии зодчества.

Состояние общества времени XIX династии. Войны, которые вела XIX династия, продолжали ослаблять крестьянское население и приводили его к обеднению, усиливая в то же время экономическое могущество рабовладельческой знати.

В одном тексте говорится о том, что воин возвращается из похода бедняком и находит свою жену и детей в тюрьме — очевидно в долговой тюрьме. Рисуется яркая картина того, как благополучие Нового царства строилось на страшных лишениях рядовых воинов, одерживавших победы, но взамен ничего не получавших.

Рабовладельческая знать. В то же время крупные рабовладельцы становятся все более сильными экономически. Благодаря бесконечным войнам численность рабов увеличивается, не мало рабов попадает в руки крупных рабовладельцев, знати; имущие могут закупать их для работ по мелиорации, для возделывания высоких полей и т. д. В одном из текстов, восхваляющем богатое лицо, занимающее крупную должность и получающее все то, что дает ему царь, между прочим говорится: «Рабы и рабыни в его поместье, на его земле. Многие из них должны помогать ему в полях, которые он создал». Вместе с тем увеличивается значение жречества. Жрецы-профессионалы все более становятся экономически и политически значительной группой.

Немху. Если в начале Нового царства немху представляли собою массу свободного населения Египта, сбросившего с себя гнет эксплоатации, то ко времени XIX династии они попадают в экономическую зависимость к крупным рабовладельцам: они в качестве арендаторов обрабатывают землю. Положение бедноты становилось все тяжелее и тяжелее. Суд имущих заботился только об имущих. Бедняки оставались бесправными, и, чтобы их успокоить, жрецы внушают им веру, что этот земной суд померкнет, побледнеет перед тем решением, которое будет вынесено небесным судом бога Амона и других богов.

В текстах подчеркивается, что бог Амон является справедливым судьей; он не требует взяток, как земные судьи. Жрецы стараются успокоить бедноту религией умирающего и воскресающего бога, которая в эту эпоху получает большое развитие. Имущие всячески стараются ослабить движение недовольства среди беднеющей массы свободных. Недовольство усиливается еще и вследствие того, что наряду с внутренним ослаблением Египта и обеднением широких масс народа происходит и внешнее ослабление. Египетское войско пополняется теперь наемниками, которые не обла-

дают необходимой боеспособностью и не могут заменить собой старую египетскую пехоту.

Мернепта и борьба с «народами моря». За время долгого своего правления Рамсес II пережил многих своих престолонаследников; после его смерти царем становится его тринадцатый сын Мернепта, вступивший на престол уже немолодым. В то время как Египет начинает внутренно ослабевать, на политическом горизонте сгущаются тучи.

На арену мировой истории выступают новые племена, которые до этого не играли активной роли. Авангарды этих племен появляются на островах Эгейского моря, а затем эти волны «народов моря» (так называют их египетские тексты) перекидываются и на материк. Они обрушиваются на Хеттское государство, внутренняя слабость которого достигла тогда своего предела. Оно распадается под ударами этих полчищ, и «народы моря» проходят огнем и мечом через Сирию, Финикию и докатываются до границ Египта. Они захватывают все в свои руки и лишают Египет его азиатских провинций. Мернепта пришлось (около 1240 года) выступить против этого грозного врага, среди воинов которого были и народы Севера. Это было настоящее переселение. На египетских изображениях видно, как тяжелые арбы, запряженные быками, тянут за войском семьи этих народов.

Египетские войска в последний раз одержали победу. «Народы моря», хотя и подкрепленные ливийцами, напавшими на Египет с запада, потерпели поражение, и Египет спасся от вторжения этих орд. Но удалось спасти только долину Нила.

Потеря азиатских провинций. Внешние владения Египта либо стали самостоятельными, либо перешли в руки врагов. Внутренно ослабленный Египет не был в состоянии защитить свои азиатские владения; к тому же приходят в движение и ливийские племена, пытаясь в стране, где они в течение многих веков и даже тысячелетий были рабами, стать господами положения.

Потеряв вместе с азиатскими провинциями источник рабства и своего обогащения, рабовладельческая знать усиливает и без того тяжелую эксплоатацию внутри страны.

Об этом сообщает любопытный памятник царя Рамсеса V (около 1180 года), одного из преемников Мернепта. По случаю похорон отца и восшествия Рамсеса V на престол был составлен папирус, который должен был восхвалять его царствование и описывать события, предшествовавшие ему. В исторической части этого папируса, который известен в науке как «большой папирус Харрис» (это самый большой из известных науке папирусов: длина его около сорока метров, ширина — метр), Рамсес V сообщает о событиях, предшествовавших воцарению его отца, причем слова текста вкладываются в уста Рамсеса IV.

«Слушайте, чтобы я вам рассказал о моих благодеяниях, которые я совершил, пока я был царем народа. Страна Египта была повергнута и каждый человек, каждый египтянин стал как бы изгнанником. Они не имели главы

в течение многих лет до наступления других времен. Страна Египта была в руках «великих» и правителей городов; убивали своего соседа, большого и малого».

Восстание Ирсу. Непомерная тяжесть эксплоатации привела в движение массы. Восстание вспыхнуло около 1210 года. Как это часто бывает, официальные документы стараются не говорить о подобных событиях, ограничиваясь лишь кратким сообщением. Об этом восстании мы узнаем из того же папируса Харрис:

«Другое время наступило после этого (т. е. после захвата власти «великими») с голодными годами; тогда один сириец Ирсу сделал себя великим среди них и заставил он всю страну приносить дань пред лицо свое. Он соединил своих товарищей и грабил имущество египтян. Они сделали богов подобными людям и жертвы не приносились в храм».

Возможно, что этот «сириец», захвативший власть, был одним из многочисленных сирийских рабов, которые имелись в столь большом количестве в Египте, или наемником. Он сделал себя господином, как сказано в папирусе, и собрал воедино всех своих товарищей, очевидно тех сирийских и других рабов или наемников, которые находились в Египте.

Судя по данному тексту, ему удалось захватить власть. Это могло произойти потому, что предшествующие междоусобицы, о которых говорит большой папирус Харрис, в сильной степени ослабили мощь страны. Такой же результат имели внешние войны, когда Египет с большим трудом отстоял свою самостоятельность от напора врагов. Кроме того, в Египте теперь были многочисленные варварские наемные отряды, на которые могли рассчитывать восставшие. Другой силой были ливийские племена, вторгавшиеся тогда в пределы Египта. На основании источников можно установить, что ливийские племена вторгались в этот период в различные пункты Египта. Фараоновская власть в конце концов справилась с восставшими; в связи с этим, видимо, и вступает на престол новая XX династия.

XX династия. Наиболее крупным представителем ее, последним из крупных царей Нового царства, был Рамсес IV (прежде он назывался Рамсесом III [1204—1180]). Он пытался во всем следовать своему великому предшественнику — Рамсесу II и, так же как он, попытался снова восстановить в Азии былое величие Египта, захватив южную Палестину и южную часть восточного побережья Средиземного моря.

Новое наступление «народов моря». Рамсесу IV пришлось снова столкнуться с «народами моря», которые вторглись было в восточную Дельту. Сохранившийся текст сообщает по этому поводу:

«Явились Пулусати (филистимляне), Цакара (карийцы), грабившие страну. Отборные воины их шли по суше, другие по морю через устье Нила-Рохаут. Не устояла ни одна страна перед ними от Хеттов, Коди, Кархемиша, Арада; они разбили стан внутри страны Амор, люди которой пленены и которой как не бывало. Они состояли из Пулусати, Цакара, Шекелша (сицилийцы), Данона (данайцы) и Уашаша (жители Родоса?)».

Интересно перечисление племен, входивших в состав «народов моря»: среди них мы узнаем некоторые племена Гомеровской Греции. Рамсес IV сообщает дальше о своей победе над ними:

«Они собрались у моря. Пламя овладело ими в устье Нила; они завлечены, загнаны в узкое место, повалены на берегу, перебиты, превращены в груды трупов. Корабли их опрокинулись в воду, я заставил их повернуть назад, помнить египтян и возвещать имя мое в стране своей».

Эти надписи на стенах храма Рамсеса IV в Мединет-Абу (по западному берегу Фив) сопровождаются изображениями морской битвы, а затем следуют вереницы пленных филистимлян, которым прикладывают раскаленное в огне клеймо, превращая их в рабов.

Ослабление военной мощи Египта. Но все эти успехи были кратковременными, потому что египетское общество уже не имело тех сил, которыми оно обладало раньше. Благодаря дальнейшему обеднению немху войско Египта становилось малочисленным. Наемники были ненадежны, а благодаря отсутствию средств их было немного. Поэтому Египет с большим трудом мог удержать за собой только южную часть Палестины; все остальное скоро было потеряно. Наконец начались восстания в Нубии, в итоге которых за Египтом осталась только северная часть ее.

Снова среди знати номов поднимается недовольство громоздкой политической организацией, т. е. то самое движение, которое было в конце Древнего царства, когда номы, тяготясь деспотией фараона, начали освобождать себя от повинностей, имевших общеегипетский характер.

Уже в конце XIX династии при слабых преемниках Рамсеса II «великие», т. е. рабовладельческая знать номов, захватили на короткое время власть в стране. Теперь же номовая знать стремится получить льготные грамоты, которые освободили бы ее от всех повинностей как трудом, так и денежными средствами в пользу всего Египта.

При Рамсесе IV, который еще держал в своем подчинении Палестину и южную часть восточного побережья Средиземного моря и таким образом мог подкупать «великих», это движение не имело еще мощного и активного характера, хотя уже тогда власть фараона должна была с ним считаться. Рамсес IV пытался поэтому против «великих», номовой знати, найти опору в жречестве. Он стал в течение своего долголетнего правления с небывалой щедростью одарять храмы, в особенности храмы Амона. Среди же храмов Амона стал выделяться заупокойный храм Рамсеса IV в Мединет-Абу на западном берегу Фив.

Воинственные цари первой половины XVIII династии также одаряли храмы и жречество, но храмы входили тогда еще в состав царского хозяйства, а жречество не выделилось еще в наследственную профессию. Цари XIX династии Сети I и Рамсес II вели многочисленные победоносные войны, обогащавшие господствующий класс. Войны же Рамсеса IV требовали большого напряжения сил всего египетского общества, но не давали уже тех результатов, как прежде. Неудачи походов Рамсеса IV высмеиваются в карикатурах, выставляющих египетское войско в виде мышей, осаждающих кошачью крепость. Мышиный царь мчится

на боевой колеснице, запряженной парой борзых собак. В литературе, в форме излюбленных египтянами поучений, рисуется тяжелое положение воина. Учитель в разговоре со своим учеником всячески восхваляет карьеру писца и предостерегает последнего от того, чтобы стать воином-пехотинцем.

Дворцовый заговор. К концу царствования Рамсеса IV в Египте начались волнения, и положение приняло катастрофический характер. Народные массы, жестоко эксплоатируемые царской властью, храмами и знатью, отвечали на усиленный гнет бегством из своих общин. В мастерских царя и храмов начались среди работников беспорядки, вызванные голодом. В фиванском некрополе, где работало около ста двадцати человек, начались волнения на 29 году царствования Рамсеса IV, когда царские чиновники не смогли выдать месячный паек работникам. Они выходили со своими семьями из некрополя, прекращали работу и требовали хлеба. Государство Рамсеса IV, дававшее сотни тысяч мер зерна храмам, не могло выплачивать своевременно довольствие своим работникам. Беглые рабы, крестьяне, не уплатившие недоимок, работники некрополя — образовывали грабительские шайки, нападали на проезжих и не останавливались даже перед грабежом среди гробниц фиванского некрополя. Последние годы царствования Рамсеса IV были отмечены в довершение всего придворными интригами. Против Рамсеса IV был составлен заговор в гареме; однако женщины, которые стремились посадить на престол своих сыновей, поссорились. Дворцовая смута перекинулась в войска, и дело закончилось убийством престарелого царя на тридцать втором году его царствования.

Сразу же начинается борьба среди его преемников, из которой в конце концов победителем выходит один из его сыновей, Рамсес V, назвавший себя «Рамсесом истинным».

Льготы и дары храмам. Рамсес V, получив власть, щедрой рукой раздает льготы и дары храмам. Эти льготы были им записаны на большом папирусе Харрис. Желая закрепить за собой власть, он выпускает в день своего восшествия на престол и похорон своего отца этот огромный текст, который ввиду его исключительной громоздкости составлялся в различных местах Египта, в его основных номах: на Юге — в Фиванском номе, на Севере — в Мемфисском и в Гелиопольском номах.

Громадный папирус заполнен в своей основной части перечислением льгот и даров богам и храмам Египта. В заключении дается исторический обзор событий конца XIX и начала XX династии, повествуется о захвате власти «великими» при слабых преемниках Рамсеса II. Очевидно, составитель папируса Рамсеса V опасался силы «великих», знати номов, требовавшей для себя полной самостоятельности. Поэтому Рамсес V и стал опираться на жречество и храмы. В многометровом документе были увековечены все дары и льготы, предоставленные храмам в предшествовавшие столетия. Сам же Рамсес V преподнес храмам Амона и Ра наиболее щедрый

дар: он предоставил им управление заупокойным храмом своего отца Рамсеса IV. Таким образом, в хозяйство храма Амона перешло почти 63 000 рабов, громадные территории и т. д. До Рамсеса V заупокойные храмы властелинов Египта входили в состав царского хозяйства. Затем Рамсес V освободил от всех обязанностей по отношению к царскому хозяйству и часть населения Фиванского нома, которая отныне участвовала лишь в работах храмового хозяйства. Были укреплены храмовые хозяйства Гелиополя и Мемфиса, но они не получили столько льгот, как Фивы. Получали льготы и прочие храмы номов. Визирь, который являлся заместителем царя, больше не получал доступа в какое-либо из этих храмовых хозяйств. Подобными мероприятиями по отношению к храмовому хозяйству Рамсес V надеялся укрепить царскую власть, но расчеты его не оправдались. Номовая знать, более близкая к хозяйству номовых храмов, нежели царь, подчинила себе в конце концов жречество и храмы. Что касается Фив, которые Рамсес V снова сделал столицей, то здесь наряду с царем выдвигается верховный жрец Амона. Последний, опираясь на мощь храмового хозяйства Амона, становится фактическим правителем Фив. Таким образом, при преемниках Рамсеса V номы снова стали настолько самостоятельными, что власть египетского царя сделалась столь же призрачной, какой она была в эпоху конца Древнего царства.

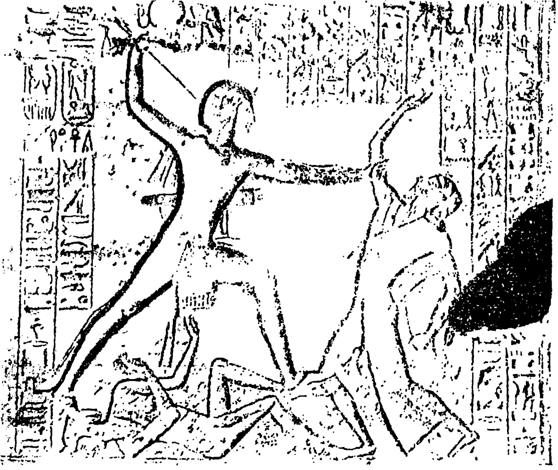
Упадок Нового царства. Теперь, в конце Нового царства, фараон уже не был хозяином даже в том номе, где была расположена его столица. Здесь хозяином был верховный жрец Амона.

Не помогло царям XX династии и имя Рамсеса II, которое они носили все без исключения. Во время последних Рамессидов Египет потерял окончательно свои владения — Северную Нубию и Южную Палестину — и снова был введен в свои географические границы. Эксплоатировать иноземное население вне Египта было уже нельзя. Наряду с эксплоатацией рабов снова усиливается и эксплоатация неимущих слоев населения. Ростовщичество начинает расти, хотя в ту эпоху рабство-должничество в Египте было сравнительно мало развито и не достигло той степени, как это в свое время имело место в Вавилонии. Сельская община оказывала некоторое сопротивление ростовщичеству и притеснениям богатых землевладельцев и рабовладельцев. В самой столице, в Фивах, голодающие работники некрополя продолжали грабить гробницы царей. Все попытки слабеющей царской власти прекратить грабежи в некрополе не имели никакого успеха.

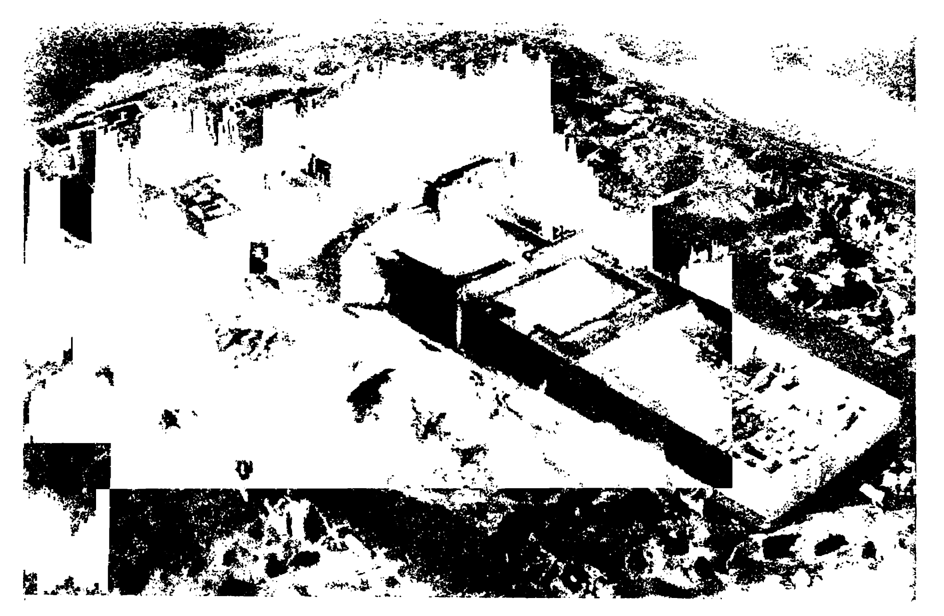
Усиление знати номов привело в конце концов около 1050 года к полному распаду государства. Прежде всего правитель Танисского нома на северо-востоке Египта, где был расположен город Рамсеса, столица Египта царей XIX династии и начала XX династии, объявил себя царем Севера, оставив последнему Рамессиду один лишь Юг. Затем и Север и Юг распались на отдельные номы, причем во главе Фиванского нома стал верховный жрец

Голова мумии Рамсеса II.
Музей в Каире.

← Статуя Рамсеса II. Музей в Турине.



Победа Рамсеса II над ливийцами. Рельеф храма в Фивах



Храм и дворец Рамсеса IV в Мединет-Абу (Фивы).

Амона по имени Херихор. Он становится теократическим правителем Фиванского нома, но правителем Египта жрец Амона никогда не был. Он в сущности управлял только Фиванским номом и несколькими южными номами, которые примыкали к нему, т. е. той областью, которая впоследствии стала называться Фиваидой. Египет как единое государственное целое прекратил свое существование, и поэтому в Азии перестали с ним считаться. Египетское государство, в течение четырех веков грабившее окружающие области и висевшее грозовой тучей над Передней Азией, теперь не представляло уже никакой опасности.

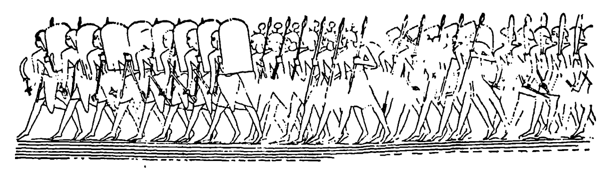
Для иллюстрации того, как низко пал авторитет Египетского государства, можно привести несколько строк из отчета египетского чиновника Уну-Амона, который по поручению верховного жреца бога Амона (фиванского) Херихора и по поручению царя Таниса и других правителей номов должен был поехать в Финикию за кедровым лесом, для того чтобы построить большую барку для бога Амона.

Уну-Амон, посол Египта, получив известную сумму от правителей Египта, от Херихора и других царьков Египта, после ряда приключений приезжает в Библ к финикийскому царьку и просит у него дерева. Однако по дороге он потерял ту сумму, которую вез с собой, и послал за новыми средствами. Никаких ценностей при себе он не имел. Тогда финикийский царек на его просьбу дать дерево отвечает:

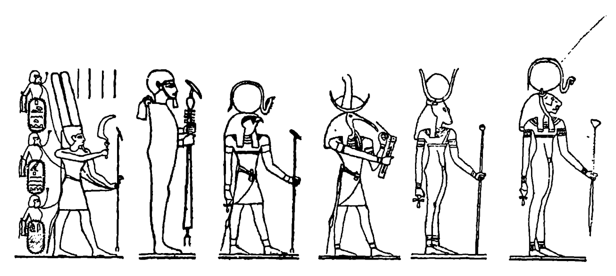
«Если бы царь Египта был моим повелителем, а я его слугой, он не посылал бы серебра, а говорил бы — исполняй повеление Амона. Я же сам по себе, я не слуга ни твой, ни пославшего тебя. Стоит мне закричать к Ливану, и небо откроется, и бревна будут лежать на берегу моря...»

Финикийский царек говорит далее, что если он выполнит просьбу Уну-Амона и пославших его правителей Египта, то он сделает это исключительно ради того, что преклоняется перед культурой Египта и перед тем, что культура Египта дала его стране. Что же касается власти царя Египта, то он ее не признает. Он не является слугой Египта.

Таким образом через какие-нибудь триста лет после страшного Тутмоса III царьки Финикии чувствуют себя вполне самостоятельными по отношению к Египту. В эту пору Египет потерял всякое политическое значение.



Отряд египетской пехоты Нового царства.



Египетские боги: Амон, Птах, Ра, Тот, Гатор и Сохмет.

ГЛАВА XIX

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Египетская культура была более застойна в своем развитии, чем культура Вавилонии. Это было обусловлено большей застойностью древней общинной организации, которая являлась основой древнеегипетского общества.

Как и в Вавилонии, религиозная надстройка в Египте пронизывала все поры египетского общества, накладывала определенный отпечаток на все стороны культуры.

Элементарные религиозные представления, сложившиеся вместе с возникновением первобытных общин, на протяжении многих веков истории Египта претерпевали изменения, усложнялись и детализировались. После политического объединения долины Нила сложилась религиозная идеология, которая отражала уже наличие классов и классового гнета.

Культ животных. Для религии древнего Египта всех периодов характерным надо считать сохранение ярких следов фетишизма, сказывающихся в широком развитии культа отдельных предметов (камней, деревьев и т. д.).

Характерен был также культ животных, который пышным цветом расцвел в Египте.

Можно без преувеличения сказать, что все животные, птицы, пресмыкающиеся и насекомые, которые имелись в Египте, считались в той или иной мере священными — если не в одном, то в другом номе. Почитание животных продолжало усиливаться вплоть до персидского владычества. В это время, согласно Геродоту, смерть кошки оплакивалась семьей больше, нежели смерть сына.

Уж очень рано культ священных животных был связан с культом номовых божеств. Так, например, богу Амону в Фивах был посвящен баран; в Мемфисе, городе Птаха, почитался бык, кото-

рый носил название Аписа; богу солнцу были посвящены львы и соколы; бог Собек, который почитался в Фаюме, изображался в виде крокодила и т. д.

В каждом из храмов имелся живой представитель этих священных животных. Каждое животное, которое почиталось в храме, являлось, согласно официальным верованиям, носителем души того или иного бога; оно должно было обладать известными признаками: например, бык Апис должен быть черным с белым пятном на лбу. Этих священных животных оплакивали, когда они умирали, и искали их заместителей. Когда находили нового Аписа, то по всей стране происходили празднества. Самым ужасным кощунством считалось умерщвление такого животного. Подобное злодеяние традиция приписывала одному из последних Ахеменидов, персидскому царю Артаксерксу-Оху.

Боги природы. Египетская религия не остановилась на стадии номовой религии, в которой культ богов, хозяев данной территории, был тесно связан с древнейшими фетишистскими представлениями.

Появились также общеегипетские боги, олицетворявшие силы природы — боги неба, земли, воды. В застойном обществе Египта пережитки матриархата еще не были преодолены в тот момент, когда оформлялся этот культ основных сил природы.

Поэтому божество неба, более важное, нежели божество земли, представлялось египтянам в образе женской богини, которую изображали или в виде женщины, или в виде коровы. Землю же они представляли не в образе женского начала (как, например, у славян — «мать сыра-земля»), а в виде мужчины. Богиня неба называлась по-египетски Нут, а бог земли — Геб. Как и в Вавилонии, в Египте существовал миф о первоначальном хаотическом состоянии вселенной, когда небо и земля были слиты воедино.

Затем между ними стал бог воздуха, Шу. Согласно древнейшим мифологическим воззрениям Египта, все прочие боги являлись детьми неба и земли, Нут и Геба.

Наряду с небом и землей почиталась и подземная вода. Так как в Египте была лишь одна река, орошавшая поля, то бог воды, дававший земле плодородие, стал почитаться в виде бога Нила, т. е. той реки, которая обеспечивала благосостояние всей стране.

Следы матриархата сказывались в том, что Нил изображался в виде полумужчины, полуженщины.

Культ бога солнца. С течением времени, в связи с ростом ирригационного земледелия, начали выдвигаться на первый план божества астральные, и в первую очередь бог солнца Ра, который в Египте играл особенно крупную роль. Он был отождествлен с богом древнего города Ону, который греки называли Гелиополь, т. е. «город Солнца». Город солнца — Гелиополь — имел в долине Нила то же значение, что и Ниппур — в Южном Двуречье. Ону, как и Ниппур, был расположен в самом центре

страны и явился главным ее святилищем, хотя и не играл большой политической роли. Очевидно, во время борьбы царств «почитателей Гора» был выдвинут Гелиополь как нейтральное святилище, почитаемое номами как Севера, так и Юга.

Гелиопольский бог становится в конце концов во главе египетского пантеона. В противоположность старой мифологической системе, бог Гелиополя не являлся сыном богини неба и бога земли, а возник, согласно учению гелиопольского жречества, из самого себя, подымаясь над первобытной водной пучиной.

Наряду с солнцем почитался бог луны, ставящей свои вехи в потоке времени. Он называется богом Тотом и был богом письма, богом счета, богом мудрости и изображался в виде человека с головой ибиса. Так как последний имеет длинный клюв, то египтяне, любившие образные выражения, называли бога Тота «Носатым». Почитался Тот и в виде павиана. В династическую эпоху Тот почитался в Гермополе, т. е. в городе Гермеса, которого греки сопоставляли с Тотом.

С Гелиополем была, повидимому, связана богиня Хатор, или Исида, богиня, которая соответствовала вавилонской богине Иштар. Она была связана со звездой Сириусом, которая, как верили египтяне, приносила с собой наводнение. Эта звезда появлялась на египетском горизонте 19 июля, т. е. в момент, когда начиналось наводнение. Поэтому Сириус, игравший столь важную роль, был посвящен женской богине плодородия Исиде-Хатор, которая приносила стране все земные блага.

Иллюстрацией представлений о всепоглощающем значении Солнца в религиозных верованиях египтян может служить один древний миф, записанный в конце Древнего царства в так называемых «Текстах Пирамид». В нем рассказывалось о борьбе богов между собой и о том, как победитель пожирал побежденных:

«Он [победивший бог] живет от существа всякого бога, он пожирает их внутренности, ибо внутренности их полны чар... Он хватает сердца богов... Он питается внутренностями насыщенными, удовлетворяется жизнью, сердцами, чарами их».

Как известно, у многих первобытных народов имеются подобные же обоснования людоедства: победитель поедает убитого врага не столько ради утоления голода, сколько для того, чтобы, съев сердце или печень врага, получить его доблесть и силу, которыми тот обладал при жизни. В связи с ростом земледелия, с развитием египетского общества была преодолена примитивность этих канибальских воззрений, и древний миф о пожирании богом-победителем своих поверженных врагов был осмыслен как повествование о гибели звезд в лучах всепобеждающего и всепожирающего солнца:

«Меркнут звезды, блуждает созвездие Лука, трепещут кости созвездий Льва.., видят они Солнце сияющим, одушевленным, как бога, живущего от отцов своих и питающегося матерями своими... Его сила в горизонте, как Атума [вечернее солнце], родившего его, а родил он его сильнейшим себя...

Оно варит из них кушанье в котлах своих вечерних... Их великие идут на его утренний стол, их средние идут на его вечерний стол, их малые идут на его ночной стол... Небожители отданы Солнцу».

Всепоглощающее Солнце таким образом уничтожало все звезды. Наряду с Солнцем выделялись лишь Луна, регулятор времени, и Сириус, звезда, от которой зависело разлитие Нила, податель всего благополучия Египта.

Культ Осириса. Культ умирающего и воскресающего бога пышным цветом расцвел в Египте. Он пользовался там еще бо́льшим распространением, нежели в Вавилонии. Бог умирающей и воскресающей природы является олицетворением зерна, а «бог зерна», говоря словами одного египетского текста,

«дает всемирный свой злак и пищу. Он вводит сытость и являет себя в виде воды. Все дышат, сердца ликуют, утробы радуются, все молятся, все прославляют красоту его. Сладостна любовь к нему у нас, приятность его кружит в сердцах. Велика любовь к нему у всех».

Бог умирающей и вновь воскресающей природы, бог зерна, а затем и воды, почитался в образе бога Осириса, центр культа которого в династическую эпоху был в городе Абидосе в Тинисском номе. Ни один из богов египетского пантеона не был столь популярен, столь близок религии всех номов, как бог Осирис.

Миф Осириса и его образ, известный последующим векам, сложился в тот период, когда началась ожесточенная борьба между Севером и Югом за объединение долины Нила. В условиях этой борьбы знать северных номов стала выдвигать местного бога, одного из центральных номов дельты (Бусирийский ном). Бог стал называться Осирис. Возможно, что имя это значило — «место глаза», т. е. бог, на котором покоятся глаза людей. В мифе Осириса подчеркивалась его деятельность как царя среди людей, а затем его царское положение в мире мертвых. Надо полагать, что господствующий класс Севера пытался закрепить этим мифом о боге-царе положение своего царя, который, таким образом, выступал как наследник на земле бога-царя Осириса.

После победы Юга над Севером цари Юга перенесли культ Осириса в свою новую столицу Абидос, который стал центром его почитания. Культ Осириса сохранил свое значение в течение последующих тысячелетий и оказал влияние на формирование христианства, выросшего в условиях разрушавшегося рабовладельческого строя, а в христианском Египте слился с этой новой религией. Еще греческий писатель Плутарх, живший во II веке н. э., составил большой труд, который был посвящен религии Осириса и жены его Исиды, т. е. египетским богам, соответствовавшим вавилонским Таммузу и Иштар.

Миф об Осирисе. Содержание мифа сводится в основном к следующему. Детьми неба и земли, Нут и Геба, были бог Осирис и сестра и жена его Исида, а также и младший брат его, бог Сет, и его жена и сестра Нефтида. Осирис был бог благой и назывался он «Ун-Нофер» (Онуфрий), т. е. «благой». Брат же его Сет стал

богом зла. Осирис научил людей земледелию и вообще культуре. Сет стал завидовать старшему брату и решил хитростью погубить его. На собрании богов Сет внес ящик прекрасной работы и предложил богам лечь в него по очереди. Тому, кому он будет впору, Сет обещал его подарить. Ящик оказался впору Осирису, потому что он был приготовлен по его размерам. Как только он лег в него, Сет и его помощники сейчас же закрыли ящик и кинули его в Нил. Волны реки понесли гроб в море, и он пристал к берегам Финикии, к месту древнего города Библа, где почитался бог Адонис, чрезвычайно близкий Осирису.

Богиня Исида, оставшаяся верной своему мужу, ищет гроб с трупом Осириса, в конце концов находит его и возвращается в Египет. Затем она, уже после смерти Осириса, рождает сына Гора (надо полагать, мотив рождения Исидой сына Гора после смерти мужа нашёл отражение в мифе о непорочном зачатии Христа). Исида, опасаясь козней Сета, родила сына в зарослях дельты, и здесь ей удалось вскормить маленького Гора.

Этот образ Исиды, которая держит на руках младенца Гора и кормит его грудью, был особенно популярен в египетской религии и был запечатлен бесчисленными статуэтками и рельефами. Он, несомненно, повлиял на создание образа «богородицы» с младенцем Христом на руках.

Когда Гор возмужал, он вступил в борьбу со злым врагом своего отца. Борьба длилась очень долго; оба проявляли чудеса храбрости. Дело дошло даже до того, что Сет, теснимый Гором, обращается за помощью к Исиде, так как она должна помочь ему, ее единоутробному брату, против «чужого» ей человека, ее сына. Мы видим в этом эпизоде мифа, сколь сильны были в Египте пережитки матриархата. В конце концов Гор побеждает, Осирис восстанавливается в своих правах; Гор, как его наследник, вступает на престол в царстве живых, а Осирис делается царем над покойниками.

Таков основной костяк мифа об Осирисе. До нас дошло много его вариантов, восходящих, очевидно, к различным центрам почитания бога.

Культ Осириса в эпоху Среднего царства был обогащен привлечением в него, в связи с плачем Исиды об ушедшем Осирисе, тех скорбных песен, в которых вдовы Египта оплакивали своих умерших мужей. Подобное привлечение старых народных песен в литературу дало интересный результат. Сохранившийся в одном из берлинских папирусов плач Исиды и Нефтиды по умершем брате Осирисе — одно из лучших произведений древневосточной лирики и не уступает вавилонской лирике, выросшей на почве мифа о смерти Таммуза и о любви Иштар.

«Приди, Осирис, в свой дом... О, прекрасный юноша, приди, чтобы посмотреть на меня: ведь я твоя сестра, которую ты любишь. Не уходи от меня, Онуфрий, вернись в свой дом сейчас же. Я не вижу тебя, и скорбит мое сердце и ищут тебя мои глаза. Я стремлюсь лицезреть тебя. Могу

ли я устать смотреть на тебя. Сладостно видеть тебя... Приди к своей сестре, приди к своей жене, приди к своей супруге. Я твоя сестра от одной матери, не разлучайся со мной. Боги и люди взирают на тебя и плачут по тебе. Я взываю к тебе и плачу до высоты небесной, но ты не слышишь моего голоса, хотя я твоя сестра, которую ты любил на земле и кроме которой ты не любил никакой другой, о брат мой...»

Эти призывы входили в состав мистерий, разыгрывавшихся в храмах, и пелись жрицей, игравшей роль Исиды.

Миф об умирающем и воскресающем боге Осирисе был популярен не только в самом Египте, но и в Финикии, в городе Библе, куда, согласно легенде, был прибит волнами гроб с Осирисом. Уже цари Древнего царства обогащали жертвенными дарами храм Библа. Богиня финикийского города вошла под названием «владычицы Библа» в египетский пантеон. В Египте и Библе справлялся общий праздник, посвященный страстям Осириса еще при римском владычестве. В Египте кидался в море шар из папируса, который изображал голову Осириса, и волнами моря его приносило к берегам Финикии, где его торжественно встречали.

Культ умирающего и воскресающего бога сыграл чрезвычайно важную роль в Египте благодаря тому, что он здесь стал основою заупокойного культа.

Вера в загробную жизнь. Египтяне верили, что воскресение умершего бога было залогом воскресения умершего человека. Так, уже в текстах пирамид мы находим очень ясно выраженную мысль о связи судьбы бога и человека: «Если Осирис живет, то и он [т. е. мертвый] будет жить. Если Осирис не умер, то и он не умрет. Если Осирис не погиб, то и он не погибнет».

По египетским верованиям загробная жизнь представлялась не только как воскресение души, но и как воскресение тела. В египетских текстах мы читаем: «Ты живешь снова, и душа твоя не разлучается с телом твоим... Глаза твои даются тебе, чтобы видеть, и уши твои — чтобы внимать речам. Твои уста изрекают, твои ноги идут, твои руки движутся для тебя. Твоя плоть растет, и ты чувствуешь себя здоровым во всех твоих членах. Твое сердце у тебя. Ты восходишь к небу и получаешь яства от бога мертвых и жертвы владыки некрополя».

Наряду с этими примитивными верованиями, восходящими еще к доклассовому обществу, мы видим в Египте и новые верования, возникшие в классовом обществе и фантастически отражавшие и освящавшие его порядки. Такова вера в перенесение судьбы Осириса на судьбу царя.

Если Осирис умирал и снова воскресал, то и царь умрет и снова воскреснет. При жизни он был, подобно Осирису, царем над живыми, после же смерти он, также как и Осирис, становился царем над мертвыми, а его преемник, подобно Гору, вступал на его престол. Так и в загробном культе достигалось обожествление царской власти.

Тексты пирамид. Царский заупокойный культ нашел свое письменное выражение в тех древних надписях, которые мы называем

«Текстами Пирамид». Они были написаны на стенах пирамид царей конца V и начала VI династий.

В «Текстах Пирамид», хотя они и были посвящены заупокойному культу царей, найден целый ряд текстов, в которых отразились не только верования заупокойного культа, но и мифы.

Об одном таком мифе говорилось выше, о мифе, повествующем о пожирании солнцем всех прочих звезд. Умерший царь являлся здесь тем солнцем, которое пожирало звезды, т. е. все функции бога солнца были перенесены на него; таким образом мифы о богах и гимны могли быть переключены на культ царя.

В «Текстах Пирамид» сохранились и художественные гимны, подобно гимну богини Нут, и известный текст о четырех морях, свидетельствующий о широте географического горизонта Египта того времени. В переходную эпоху к Среднему царству, вместе с ростом местной номовой знати и «сильных маленьких», вера в тождество судьбы Осириса и человека начала широко распространяться, заупокойная литература стала переноситься со стен царских пирамид на стенки деревянных саркофагов знати. Позже, когда в Новом царстве выдвигается слой немху, заупокойный ритуал распространяется и на них. Каждый египтянин при некоторых условиях мог стать подобным Осирису. Тексты переносятся на свитки папируса, которые клались в гробницу. Насколько сильна была вера в загробное царство, свидетельствует дошедшая до нас специфическая для Египта переписка живых людей со своими умершими родственниками. Члены семьи умершего обращались в этих письмах с просьбою о защите против притеснений, творимых им земными недругами. Иной раз они обращались к умершим с обвинениями, если могли предполагать, что их умерший родственник является виновником постигших их несчастий.

Выдвижениие культа Осириса, бога умирающего и воскресающего, а также культ бога солнца, несомненно, было в значительной степени обусловлено политическим моментом. И Осирис, и бог солнца Ра уже в Древнем царстве выдвигались среди прочих богов как боги, не связанные с каким-нибудь определенным номом и стоящие над локальными номовыми культами, и они поэтому становились богами, господствующими в пантеоне всего Египта.

Мемфисская богословская система. Если в лице Ра и Осириса политическое объединение номов усиливало культ богов общеегипетского, а не местного, номового, значения, то, с другой стороны, в лице Птаха в период Древнего царства выдвинулся на первое место во всеегипетском пантеоне культ номового бога. Бог Птах был богом Мемфисского нома, имевшего большое значение в объединении Египта: в течение ряда веков Мемфис играл крупную роль в упорной борьбе Юга с Севером.

Так же как и вавилонский Мардук, Птах выдвинулся в эпоху Древнего царства на первое место и взял на себя роль творца вселенной, отодвигая на задний план всех прочих богов. О такой главенствующей роли Птаха свидетельствует знаменитый мемфисский

богословский трактат, в котором все боги Египта выступают как различные проявления великого Птаха, творца мира. Этот труд мемфисских жрецов в такой же степени ярко, как и вавилонский миф «энума элиш», иллюстрирует воздействие политической надстройки — господство одного из номов или городских областей — на оформление мифов и на религиозную идеологию. Он также свидетельствует о развитии отвлеченной мысли у египетского жречества, разработавшего этот миф в весьма отвлеченной форме.

Миф о наказании людей. Среди прочих мифов Египта, которые дошли до нас, надо остановиться на мифе о наказании богами людей за их грехи. Любопытно отметить, что в зависимости от различных условий, в которых жили египетское и вавилонское общества, египетский миф о наказании рода людского был оформлен несколько иначе, нежели в Вавилоне. Там миф свелся к повествованию о потопе.

В Египте решение богов было иным. Потоп здесь не являлся столь реальной опасностью: наводнение Нила протекало не так бурно, как разлив Евфрата, а в особенности Тигра.

Египетский миф рассказывает, что, когда бог Ра стал старым и не внушал больше страха людям, они стали совершать злодеяния. Ра приказал тогда всем богам собраться к нему на совет, на котором решено было послать против людей свирепую богиню Сохмет, богиню войны, почитавшуюся в виде львицы. В древневосточных религиях, в которых пережитки матриархата весьма сильно сказывались, богини играли не только роль матерей-богинь, создающих людей, но также и роль богинь войны, уничтожающих род человеческий. Богиня Сохмет рьяно принимается за порученное ей дело и начинает уничтожать людей; только наступившая ночь прекращает избиение.

Когда боги увидели громадное число жертв Сохмет, они ужаснулись и пытались прекратить уничтожение людей. Но она, разъяренная и опьяненная кровью, не слушала богов. Тогда по совету одного из них послали за пивом диди и разлили на земле семь тысяч кружек этого крепкого напитка. Когда богиня Сохмет вышла, она посмотрела на свое лицо, которое отражалось в этом искусственном озере, и оно показалось ей прекрасным. Она наклонилась, чтобы лучше видеть, почувствовала запах пива, стала пить и заснула, забыв о своем кровавом деле, и таким образом люди были спасены.

Египетские мифы, к сожалению, не дошли до нас в такой полноте, как вавилонские, потому что не сохранились храмовые египетские библиотеки, в нашем распоряжении только те тексты, которые уцелели в гробницах в результате широко развившегося заупокойного культа.

Заупокойный культ. Заупокойный культ получил в Египте самое широкое развитие.

Культ этот, для которого представители господствующих классов становились такими же объектами почитания, как и боги,

требовал громадных непроизводительных затрат. В течение тысячелетий во всех номах долины Нила уничтожалось не только на жертвенниках богов, но и на жертвенниках гробниц знатных людей бесконечное количество хозяйственных ценностей в ущерб благосостоянию народа. Издержки на заупокойный культ царя, знати и богатых людей ложились непосильным бременем на свободных и несвободных трудящихся страны. Но он был губителен для народных масс еще и в другом отношении. Народ, подчиняясь идеологии господствующих классов, направлял свои стремления, свои упования на потусторонний мир, надеясь найти там награду за мучения земной жизни.

С каждым новым периодом истории египетского общества усиливалось значение заупокойного культа. В поучениях Нового царства давался совет держать в своих мыслях и заботиться прежде всего о своей гробнице, которая скроет человека в день его смерти. Со времени Нового царства растет жречество некрополя, обслуживающее заупокойный культ; появляются специальные мастерские, снабжающие погребение необходимым инвентарем. Здесь родственники покойного могли, в зависимости от своего материального положения, заказать все необходимое для похорон.

Мумификация. Жрецы некрополя бальзамировали тело покойного, приготовляя мумию. Геродот рассказывает в своей «Истории» о различных способах мумификации. На левом боку делался разрез, через который вынимались внутренности и клались в четыре каменных сосуда — «канопы». Тело пропитывалось в растворе солей натрия, добывавшегося в соседних оазах Ливийской степи (любопытно отметить, что одно из соединений натрия — аммоний получило свое название от Большого оаза Амона, современного Эль-Харге). Затем тело пропитывали благовонными маслами. На тело и внутрь его клали всевозможные амулеты; вместо сердца на грудь клали каменного жука — скарабея, с написанной на нем магической формулой. Тело заворачивали в многочисленные ткани и клали в гроб, представлявший собою в более позднее время изображение Осириса, так как покойный должен был уподобляться ему. Он покрывался всевозможными изображениями религиозного содержания. Иной раз одного гроба было недостаточно, его вкладывали в другой гроб, несколько бо́льших размеров, а затем и в третий. Число гробов, их материал и качество зависели от материальных возможностей покойного. Гроб после этого ставили в заранее приготовленную гробницу. Туда же помещали все необходимое для пропитания, все вещи, необходимые для жизни, после чего гробницу замуровывали, а все религиозные обряды по умершим совершались в небольшой молельне при гробнице.

Представления о загробном мире. Загробный мир представлялся египтянам в виде священных полей Ялу, где протекает подземный Нил, по которому плывут на своих ладьях сам солнечный бог Ра и другие небесные светила. Как для Египта единственной дорогой был Нил, так и звезды, солнце и луна движутся по под-

земному Нилу. Весь подземный мир был разделен на двенадцать частей по числу ночных часов. Покойный, попав в одну из частей полей Ялу, мог в течение одного часа в сутки лицезреть бога солнца Ра и даже тащить канат его ладьи вместе с другими покойными. Там на *полях Ялу покойный* был занят делами, привычными для него и при жизни: он обрабатывал землю, сеял пшеницу, жал, молотил. Но самая тяжелая работа по орошению не была нужна: загробные поля изрезаны многочисленными каналами, пшеница там растет выше человеческого роста.

Люди состоятельные, которым при жизни не приходилось заниматься земледелием, могли избавиться от работы на полях Ялу. Здесь на помощь приходила магия. Изготовлялись небольшие фигурки человека с мешком зерна на спине и мотыками в руках. На фигурках писалась магическая формула, способная заставить их работать вместо покойного. Они были кормильцами его, они отвечали за покойного на призыв его к работе на полях; поэтому они получили название «ушебти», т. е. ответчики. Надо было иметь большое количество таких ушебти, чтобы избавиться от работы на том свете. Число их достигало иногда нескольких десятков и даже сотен; наши музеи буквально переполнены ими. Они клались в особые ящики и также ставились в гробницу. Менее состоятельные люди, которые не могли приобрести необходимое число ушебти, довольствовались мыслью, что на полях Ялу работы все же легче, чем в этом мире.

Суд Осириса. Чтобы достичь вечной жизни за гробом человек должен уподобиться Осирису и, так же как он, который прошел через суд богов, — предстать перед судом Осириса. Это представление о суде Осириса возникает уже в Древнем царстве. Некоторые отзвуки его имеются уже в «Текстах Пирамид», а затем в поучении гераклеопольского царя. В эпоху Среднего царства оно развивается далее. Господствующие классы использовали представление о загробном суде Осириса в своих классовых интересах. Осирис требовал на своем суде выполнения тех законов, которые закрепляли власть царя, знати и эксплоатацию человека человеком. В Новом царстве представление о суде Осириса получило свое своеобразное отражение в так называемой «Книге Мертвых».

«Книга Мертвых». «Книга Мертвых» представляет собой папирус, насчитывающий до двухсот отдельных «глав», являющихся многочисленными формулами, молитвами и заклинаниями против всех препятствий, какие может встретить покойный на пути к суду богов. Многие из этих глав восходят к «Текстам Пирамид» и «Текстам Саркофагов». С помощью «Книги Мертвых» покойный преодолевает все преграды и достигает Залы «Обоюдной правды», где на престоле сидит сам Осирис. У покойного вынималось сердце и клалось на стоявшие в зале весы; на другую чашу этих весов клали символ истины — статуэтку богини Маат или ее символ — страусовое перо. Дела человека не должны быть тяжелее пера.

В случае оправдания покойный получал право вступить в священные поля Ялу, если же он был грешен, то его поедало чудовище, подстерегающее свою жертву; тогда человек навсегда лишался возможности продолжать жизнь, даже за гробом. Чтоб быть оправданным Осирисом, человек должен быть безгрешным. В 125-ой главе «Книги Мертвых», где дается изображение страшного суда и райских полей, приведен и список сорока двух смертных грехов. Повидимому, число грехов дано по числу номов и номовых богов, перед которыми покойный должен покаяться. Интересно, что список грехов дан в отрицательной форме, например: «я не делал зла другому», «я не отнимал хлеб у бедного» и т. д. В Египте магия, как мы успели заметить, играла очень большую роль. Считалось, что слово, если оно написано, обращалось в действительность. Таким образом, список грехов, данный в отрицательной форме, уже сам по себе снимал с покойного его грехи. Человеку, обладавшему «Книгой Мертвых», было обеспечено оправдание перед судом Осириса. Но тот, кто не мог себе приобрести эту магическую книгу, т. е. человек бедный, чтобы быть оправданным богами, должен был быть праведным на земле. Что «Книга Мертвых» предназначалась для людей состоятельных, стоящих у власти, а не для низов египетского общества, видно из перечня приведенных в 125-ой главе грехов. Среди них мы видим, например, следующее: «Я не прибавлял гирь, не портил меры зерна, я не портил язычка весов», т. е. перечисляются злоупотребления при приеме податей, или: «Я не заставлял работать для меня больше, чем следует. Я не заставлял рабов моих голодать. Я не был виновником нищих», — откуда мы видим, что, действительно, «Книга Мертвых» предназначалась для правящей верхушки, знати, а не для каждого египтянина, и уже во всяком случае не для бедняка.

Магия. От египетской религии до нас дошло также большое количество текстов, наполненных колдовскими формулами, заговорами. Египетские маги угрожали не только демонам, духам и мертвецам, как вавилонские маги, но они не останавливались и перед тем, чтобы угрожать великим богам, дабы склонить их на свою сторону. В одном позднем тексте сохранилось даже указание на существование заговора, который, будучи произнесен магом, зачаровывал все — и небо, и землю, и подземное царство.

С религией и заупокойным культов тесно связаны литература и искусство Египта. Храмы и гробницы покрывались многочисленными изображениями; в гробницах появились автобиографические надписи, рассказывающие о деятельности и заслугах покойного.

Литература. Уже в надписях Древнего царства, в гробницах Уны и Хуфугора, встречаются литературные отступления и в целом надпись подвергается литературной обработке. Вместе с тем в народе развивается устная литература в форме сказок. Впервые записанные сказки известны нам только от Среднего царства, но несомненно, что до того как быть записанными они проделали долгий путь в устной передаче. Не случайно, что сказки Среднего

царства переносят слушателя во времена Дзосера, Снофру или Хеопса, имена которых стали уже легендарными.

Мощный толчок к развитию светской литературы дали социальные сдвиги, появление процессов разложения общинной формы собственности, обострение борьбы классов и общественных групп в эпоху Среднего царства. Они как в искусстве, так и в литературе, возбудили интерес к индивидуальному, к личности. Вера в загробную жизнь заставляла родственников покойного давать ему в гробницу вместе с прочим ее инвентарем и его любимые книги для чтения. Поэтому мы располагаем довольно многочисленными папирусами, содержанием которых является повествовательная литература — сказки и новеллы.

Общество древнего Египта очень любило сказки, и, надо думать, кое-что из сокровищницы Египта рабовладельческого периода было унаследовано Египтом феодальной эпохи. По крайней мере большое количество сказок «Тысячи и одной ночи» восходит к главному городу средневекового Египта, Каиру.

В сказках и повестях Среднего царства интерес к индивидуальному сказывается в тщательном и любовном описании приключений и переживаний как реальных, так и фантастических (самых различных персонажей, начиная с крестьянина и пастуха и кончая воином и чиновником). Сказывается он и в том, что часто повествование ведется от первого лица. В сказках и повестях отражается также расширение географического горизонта египетского общества.

Египет Среднего царства уже не представлял собою страну замкнутую, как в эпоху Древнего царства. Он теперь вступил в интенсивные сношения с окружающим миром, и это отразилось в сказке «О потерпевшем кораблекрушение», в папирусе, хранящемся в Государственном Эрмитаже.

Сказка о потерпевшем кораблекрушение. В этой сказке воин-телохранитель рассказывает в утешение своему номарху, вернувшемуся из экспедиции и чем-то прогневавшему царя, событие из своей жизни. Он по приказу царя был послан с кораблем на юг, в Пунт. Потерпев кораблекрушение, он попадает на остров, где живет сказочный дракон, принявший его ласково и предсказавший ему счастливое возвращение на родину к своей семье и к своему месту погребения. Предсказание сбылось. Корабли из Египта приехали к острову, и потерпевший кораблекрушение возвращается на родину. Сказочный остров исчез, лишь только корабль отчалил от его берегов. Воин привез столько ценных вещей с острова, что царь ему простил гибель корабля и подарил землю и рабов. Рассказ телохранителя не утешил номарха, и он продолжает бояться гнева фараона. Эта сказка, несомненно, является предтечей сказок о странствованиях Одиссея и приключениях Синдбада-морехода. Сложились такие сказки в среде тех самых мореплавателей, которые скитались по волнам Средиземного и Красного морей, заполняя свои досуги рассказами о чудесных исчезающих островах.

Рассказ египтянина Синухета. Если сказка о потерпевшем кораблекрушение является первым образцом рассказа о приключениях в далеких экзотических странах, то известный рассказ Синухета можно считать предтечей приключенческого романа.

Синухет был придворным чиновником незнатного происхождения при дворе Аменемхета I. К началу рассказа Синухет был среди тех лиц, которые следовали за престолонаследником и будущим царем Сенусертом I, шедшим походом против ливийцев. Когда он уже после победы возвращался из похода, царь Египта Аменемхет умер, и все вельможи сидели, и головы их покоились на коленях в знак траура о покойном царе.

Ввиду того, что у царя Египта был целый гарем, смерть его была всегда чревата возможностью борьбы различных претендентов на вакантный престол. Поэтому сторонники Сенусерта при дворе поспешили послать гонцов к нему с сообщением о том, что произошло. Когда Сенусерт узнал о смерти отца, он поспешил с отборным отрядом в столицу. Среди гонцов оказались изменники, и они предупредили о смерти Аменемхета и других царевичей, также участвовавших в походе против ливийцев. Синухет случайно подслушал донесение царевичам изменников-гонцов и, боясь гражданской войны, решил бежать. Одна чужеземная страна передавала его другой, и он в конце концов оказался в северной Сирии. Здесь он нашел покровителя в лице одного из племенных вождей. Племя, принявшее Синухета, входило в состав тех племен, которые под названием гиксосов, т. е. царей-варваров, завоевали в конце Среднего царства Египет. Синухет стал военачальником у этого племени и он «захватывал стада, уводил людей и забирал запасы» их врагов. Среди прочих приключений ему пришлось выдержать единоборство с витязем одного из соседних племен, и после победы над ним высокое положение Синухета окончательно упрочилось и стало даже наследственным. В конце концов после долгого пребывания Синухета среди азиатов Сенусерт I обратил на него внимание, ибо египтяне, которые приходили в Сирию по делам царя, находили у Синухета всегда гостеприимный прием и защиту. Царь пригласил его вернуться в Египет, напоминая ему о дне погребения. Синухет с радостью последовал приглашению царя и, передав имущество своим детям, а старшего сына сделав своим преемником, вернулся в Египет. Страх перед царем был столь велик у него, что он на приеме потерял сознание. Сенусерт отнесся к нему милостиво, осыпал благодеяниями, и Синухет заканчивает свой рассказ: «Так живу я в милости царя, пока не настанет день ухода [из жизни]».

Рассказ Синухета интересен как свидетельство об интенсивных сношениях Египта со столь далекими областями, как Северная Сирия. Так, Синухет нашел у своего покровителя Ненши, сына Аму, египтян, которые жили у него. Мы узнаем из этой повести и о состоянии Сирии и о быте ее населения. В рассказе Синухета ярко отразилось презрительное отношение представителя общества, достигшего цивилизации, к кочевым и полукочевым племенам Сирии и Палестины. Последние являлись для Египта объектом грабительских походов. Синухет называет в разговоре с только что упомянутым Ненши царя Египта «созданным для обуздания азиатов, для попрания бродящих по песку». Рассказ о пребывании египтянина среди варварских племен сирийских степей является вместе с тем первой робинзонадой всемирной литературы. «Робинзон» из среды первого в истории классового общества не мог вступить в борьбу один на один с безжалостной природой. Его «героика» сводилась к отрыву от цивилизованного общества и пребыванию среди варваров. Рассказ написан чрезвычайно живо, полон сильными образами вроде слов Синухета «это вкус смерти», сказанных им, когда в муках жажды пылало его горло. Интерес к приключениям Синухета захватывает и современного читателя — настолько высоко стоит искусство рассказа в этой приключенческой повести древнего Египта. Недаром местом действия большинства греческих

приключенческих романов была долина Нила и соседних с ней областей Азии.

Литература Среднего царства отражала и социальные сдвиги, имевшие место в ту эпоху.

Разговор разочарованного со своим духом. Несколько сказок было уже выше приведено для более конкретного выявления той борьбы, которую вели между собой знать и «сильные маленькие» в эпоху Среднего царства. Эти сказки входят в состав целого сборника папируса Весткар, который был тогда составлен. Наряду с литературными произведениями, отражавшими борьбу между знатью и «сильными маленькими», сохранилась и такая литература, которая, останавливаясь на тяжелом положении народных масс, пытается примирить их со своей тяжелой участью указанием на иллюзорный выход из их бедственного положения. К подобного рода произведениям принадлежит любопытный памятник, известный под названием «Разговора человека со своим духом».

Какой-то несчастный бедняк, оставленный всеми в своем несчастье, чувствует, что он больше не может жить, хочет покончить со своей жизнью и уговаривает своего духа согласиться умереть вместе с ним, добровольно уйти на тот свет. В смерти ведь нет ничего страшного. К бедняку отнесется милостиво судилище богов. Духа не убеждают доводы его собеседника, и он указывает ему на то, что он лишь бедняк, не знатен и не богат, а потому ему и нечего надеяться на бессмертие, связанное с заупокойным культом, обеспеченным сокровищами. «Если ты думаешь о дне погребения, то это только скорбь сердца, это только излияние слез, что делает несчастным человека. Это изгнание человека из дома его. Это то, что кидает его на вершину холма [где хоронились бедняки]. И не выйдешь ты наверх, чтобы увидеть солнце». Если бы он даже был богат, то и тогда надежда на потустороннее блаженство была бы тщетной, ибо и у тех, которые строили из гранита и оставили прекрасные произведения искусства, жертвенники так же пусты, как и у тех, кто умирают на берегу без родных, кому поставили конец во́лны и зной и с которыми беседуют береговые рыбы. Поэтому дух заканчивает свою аргументацию призывом: «Послушай меня, хорошо для человека слушаться, проводи в веселье время. Забудь заботы».

Слова духа о тщетности заупокойного культа и веры в бессмертие напоминают слова волшебницы Гильгамешу о том, что боги оставили себе бессмертие и уготовили смерть роду людскому. Близки словам духа и заявление раба в его диалоге со своим господином о том, что смерть всех уравнивает — и праведника и грешника, ибо нет различия между черепом добродетельного человека и черепом злодея.

В конце концов бедняку удается уговорить своего духа последовать за ним в дом смерти. Он указывает на ненависть к нему со стороны людей, ибо

«...сердца злы, — говорит бедняк, — каждый грабит ближнего. Человек с ласковым взором убог, добрым везде пренебрегают. Человек, на которого надеешься, бессердечен. Нет справедливости. Земля — приют злодеев. Я подавлен несчастьем, нет у меня верного друга. Злодей поражает землю, и нет этому конца». Если же жизнь — бездна зла, то вполне понятно восхваление несчастным смерти:

«Смерть стоит сегодня передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни, как благовоние мирры, как пребывание под парусом

в ветренную погоду, как запах лотоса, как пребывание на берегу во время пира, как путь, омытый дождем, как возвращение домой после похода, как желание увидеть свой дом после многолетнего пребывания в плену».

Бедняк тем более надеется на смерть, что он верит в бессмертие, верит в загробное воздаяние, которое даст ему забыть несчастье, преследовавшее его при жизни. Ведь «тот, кто находится там [т. е. на том свете], уподобляется живому богу, карающему за грехи того, кто их делает. Кто находится там, будет стоять в ладье Солнца и давать лучшее в храмы. Кто находится там, будет премудрым, для которого нет препятствий и который молится Ра во всех речениях».

Этот любопытный памятник показывает, что культ умирающего и воскресающего бога растительности уже в эпоху Среднего царства достиг той стадии развития, когда в нем зарождается вера в загробное воздаяние. Этот культ имеет сугубо реакционный характер. В этом египетском памятнике звучит проповедь, что спасение от эксплоатации не в борьбе, а в надежде на благополучие в потустороннем мире.

Рассказ о красноречивом крестьянине. Подобное решение проблемы о социальной несправедливости, однако, не было приемлемым для широких масс, и мы находим еще другое решение данной проблемы в литературе Среднего царства — в так называемом рассказе о красноречивом крестьянине. Содержание его следующее:

Бедный селянин из ближайшего западного оаза отправляется в Гераклеополь с двумя ослами, нагруженными разными продуктами его родного края. Недалеко от города у него отнимает ослов раб богатого вельможи. Бедный селянин обращается к вельможе, хозяину своего обидчика, с рядом речей, в которых он изобличает хищничество его и всех его подчиненных. «Великий господин берет у вдовы и грабит одинокого... У тебя по части правосудия плохо — оно прогнано со своего места. Чиновники неправедны. Тот, кто должен давать воздух, стесняет дыхание. Кто должен изгонять утеснителя, приказывает, чтобы тот затопил город. Ты силен и крепок. Твоя рука насильничает, а сердце жадно. Кротость проходит мимо тебя...» и т. д. Речи селянина, разоблачающие чиновников, «этих хищных птиц, живущих бедными птицами», чрезвычайно резки. Автор разоблачал устами селянина продажность чиновничьего аппарата, переставшего обслуживать потребности народа и действовавшего исключительно в интересах правящих классов. Царь и его сановники также подвергались очень резким нападкам, но тенденция литературного произведения, взятого в его целом, не направлена против существующего строя жизни. Автор рассказа о красноречивом крестьянине наивно верит в то, что речами и увещеваниями можно заставить хищника «творить правду ради владыки правды». В результате речей, записанных и переданных царю, крестьянина восстанавливают в его правах и награждают за понесенные обиды.

Таким образом, литература Среднего царства отразила те социальные сдвиги, которые имели тогда место в египетском обществе. В повествовательной литературе этой эпохи отразилась классовая борьба, которая велась в период Среднего царства. В религиозной поэзии содержится восхваление богов, дающих жизнь Египту, а в царских гимнах воспевается фараон как податель блага народу и защитник его от внешних врагов. Господствующий класс стремился выставить власть царя желанной для всех. Знать, а также и «сильные маленькие» в своих застольных песнях избе-

Статуя Аменемхета III. Музей Изобразительных Искусств в Москве.

Сфинкс Аменемхета III из Таниса. Музей в Каире.

Голова статуи царицы Тии из Мединет-Гуроба (Фивы). Музей в Берлине.

Голова статуи Тутмоса III из Карнака (Фивы). Музей в Каире.

гали политических моментов. В них звучал лишь призыв к наслаждению и забвению дня смерти.

Любовная лирика. До нас дошли также образцы лирики Египта. Среди сборников лирических стихотворений были и сборники любовных песен. Правда, они относятся к эпохе Нового царства, но это, конечно, является случайностью. Несомненно, уже и Среднее царство знало любовные стихотворения. Среднее царство, вероятно, уже знало такие стихотворения, воспевающие силу любви юноши, решившегося, например, ради свидания с любимой переплыть Нил в месте, кишевшем крокодилами.

Зачатки драмы. Миф об Осирисе стал в особенности популярен в эпоху Среднего царства; этот миф разыгрывался в виде драмы в городе Абидосе. Эти мистерии, изображавшие страсти Осириса, судьбу Исиды и Гора, имели значение общенародного торжества.

О значении драматических игр, связанных с культом Осириса, свидетельствуют и автобиографические надписи сановников, посланных царем для руководства ими, и специально посвященные им папирусы. Подлинная светская драма, однако, не развилась в Египте из этих драматических религиозных игр: условия жизни египетского общества были слишком примитивны для этого.

Патриархальные отношения, покоившиеся на общинной форме собственности, продолжали еще и в эпоху Среднего царства связывать жизнь египетского общества. Господствующий класс стремился в своих интересах закрепить деспотическую власть фараона. Это стремление нашло свое выражение, как мы выше видели, в гимнах фараонам; столь же заметно оно выступало в многочисленных поучениях, в которых подчеркивается необходимость повиновения царю. И для знати и для «сильных маленьких» незыблемость царской власти была аксиомой.

Литература Нового царства. Литература Египта не застыла на уровне, достигнутом ею в период Среднего царства. В эпоху Нового царства усовершенствовались старые литературные формы и появляются новые жанры. Так, теперь, когда Египет переживает период своих величайших военных успехов, создаются образцы той литературы, предметом которой были героические деяния — в первую очередь подвиги самого царя. Один из таких образцов сохранился в виде большой поэмы, написанной в честь битвы при Кадеше. Создаются сказки, сюжетом которых являются эпизоды военных походов. Примером их могут служить уже упомянутые выше сказки о начале войны с гиксосами или сказка о взятии Яффы.

Наряду с историческим «эпосом», восхваляющим героические деяния царя и египетского войска, в эту эпоху начинает оформляться эпос об Осирисе-Бата и его страстях. Этот эпос входит в круг литературных памятников, как эпос Гильгамеша, вавилонян, ассирийцев и хеттов, эпос Хумбабы хуррийцев Митанни, эпос Мота финикийцев, эпос Диониса греков. На основе их и создался тот

сложный эпос об Астарте и Комбабосе в сирийском святилище в Гиераполисе эпохи эллинизма, в котором слились воедино элементы религиозного и литературного творчества народов восточного Средиземноморья.

Сказка о двух братьях. Подобным эпосом, в котором миф приобретает форму повествования о земных событиях, является произведение, известное в литературе как «Сказка о двух братьях». Однако это скорее эпос, чем сказка. В основе этой сказки лежит повествование о судьбах двух богов. Один из них носит имя Бата. Как бог умирающий и воскресающий он соответствует богу Осирису; отсюда, строго говоря, в эпосе отражается миф Осириса, который представлен в образе древнего бога Бата.

Старший брат, который здесь выступает вместе с ним, носит имя бога Анубиса, бога, игравшего известную роль в мифе об Осирисе. Содержание сказки состоит в следующем:

Бата и старший брат его Анубис живут как крестьяне: пашут, сеют, пасут скот, причем младший брат Бата проживает совместно со старшим на положении сына. Старший брат имеет жену, которая является как бы матерью своего свойственника. Бата выполняет всякую работу, какую поручает ему Анубис. Он показывает себя прекрасным земледельцем и пастухом (это свидетельствует о том подчиненном положении, в котором находились в египетской семье младшие ее члены).

Когда наступило время пахать, оба брата идут в поле работать. Но для посева нехватило зерна, и старший брат посылает младшего домой с приказом принести еще зерна. Когда младший брат возвращается в дом, жена старшего брата предлагает ему свою любовь. Бата с отвращением отказывается от этого предложения (сюжет, который напоминает библейский рассказ о жене египетского вельможи и Иосифе, и греческий миф о Федре и Ипполите). Бата берет зерно и возвращается в поле. Когда вечером старший брат вернулся домой, его жена клевещет ему на младшего брата, говоря, что он хотел над ней совершить насилие. Тогда старший брат решает убить Бату и поджидает его в хлеве. При возвращении младшего брата со стадом домой, одна из коров говорит ему человеческим голосом о том, что его ожидает.

Бата бежит, старший брат его преследует. Но боги сжалились над младшим братом и создают глубокую реку, которая разделяет обоих братьев. На утро младший брат доказывает старшему свою невинность и сообщает ему, что уходит жить в Долину Кедра (т. е. Финикию), а если с ним что-нибудь случится плохое, то брат узнает об этом по такому знаку: когда он возьмет чашу с водой и она запенится, это будет означать, что с ним, Батой, стряслась беда. Он уходит. Старший брат возвращается и убивает свою жену. Младший брат живет в Долине Кедра и становится охотником. Боги, видя, что он живет один, создают ему жену. Уходя на охоту, Бата предупреждает свою жену о том, чтобы она не подходила к морю, ибо море может ее похитить. Но его жена не послушала и однажды во время его отсутствия подошла близко к морю. Море погналось за ней, и она с трудом спаслась. Но один из ее локонов упал в море, и море отнесло этот локон к берегам Египта. Когда прачечники фараона мыли белье, море настолько благоухало от этого божественного локона, что все одеяния фараона наполнились благоуханием.

Фараон спрашивает о причине этого. Собираются мудрецы, которые говорят, что оно исходит от локона божественной женщины, живущей в Долине Кедра. Тогда фараон решает взять эту женщину в свой гарем. Он посылает за ней отряд войск. Войска забирают женщину, и по ее совету (Баты не было тогда дома) рубится кедр, который держал жизнь Баты. Бата умирает. (Бата таким образом напоминает чудовище Хумбабу, жизнь которого также была связана с кедром.)

Старший брат Баты, взяв чашу с водой, видит, что она начинает кипеть. Он оставляет все, идет в Долину Кедра и находит здесь мертвого брата. Затем находит его сердце в цветках Кедра и снова возвращает ему жизнь, после чего оба возвращаются в Египет. После различных метаморфоз, которые переживает Бата (он становится быком, потом деревом и в конце концов человеком), он наказывает свою жену, которая дала гибельный совет срубить кедр, и наконец после смерти фараона сам становится царем над Египтом.

Сказка о правде и кривде. Миф об Осирисе нашел свое отражение и в другой сказке, известной в науке под названием «Сказка о правде и кривде». И здесь героями являлись два брата, но младший брат был злодеем и из зависти решил погубить старшего. Отрицательное отношение к младшему брату, несомненно, обусловлено влиянием мифа об Осирисе, где также младший брат Сет выступает завистником старшего. Обычно же в сказках симпатии сказочника находятся на стороне младшего брата.

Начало сказки плохо сохранилось. Каким-то образом младшему брату удается поспорить со старшим братом на том условии, что если он окажется правым, то ослепит старшего брата. Младший брат побеждает в этом споре, ослепляет старшего брата и захватывает его имущество.

Через некоторое время он приказывает двум рабам своего старшего брата убить их бывшего хозяина, и рабы тащат его в пустыню. Но здесь старший брат обращается к ним с просьбой оставить его в живых, те соглашаются, и он остается жить в пустыне.

Затем повествование о судьбе старшего брата прерывается и на сцене появляется какая-то прекрасная девушка, которая живет вместе со своими братьями в богатом доме. Братья охотятся и находят в пустыне слепого человека. Они приходят и говорят, что видели в пустыне человека, лишенного света очей, но удивительной красоты. Девушка требует, чтобы ей привели этого человека, дабы сделать его привратником. Братья приводят слепого, и когда девушка увидела его, то полюбила его и, оставив привратником, она сделала его своим мужем. От этого брака родился мальчик, который рос и становился мудрым не по дням, а по часам. Совсем маленьким мальчиком он уже пошел в школу и затмил всех своих старших товарищей. Они начали ему завидовать и, желая его обидеть, спрашивали об отце. Мальчик пришел домой и спросил мать. Она рассказала ему, что его отец слепой привратник. Тогда мальчик, расспросив отца, узнал про его грустную участь. В конце концов ему удалось, подобно Гору, наказать своего злого дядю, младшего брата отца, и восстановить последнего в его правах.

Уже из краткого обзора содержания сказки становится ясной близость ее к мифу об Осирисе.

Эти сказания несомненно сыграли очень большую роль в истории литературы. Целый ряд мотивов, которые здесь встречаются, продолжают жить в литературе окружающих обществ и доказывают, какую огромную силу представляла египетская литература эпохи Нового царства.

Сказка о зачарованном царевиче. От эпохи Нового царства до нас дошли и настоящие сказки. Одной из лучших египетских сказок считается «Сказка о зачарованном царевиче», в которой чрезвычайно ярко отразились и широта географического горизонта Египта Нового царства и большое искусство повествования.

Содержание ее таково.

Жили-были царь и царица, у которых долго не было детей. В конце концов после долгих молитв и обращений к богу у них рождается сын. Когда празднуется его рождение, приходят семь Хатор, семь богинь, которые соответствуют феям европейских сказок. Они предсказывают мальчику его судьбу.

Судьба, которую они ему пророчат, жестокая. Они говорят, что царевич погибнет молодым или от собаки, или от змеи, или от крокодила. Когда родители узнали, что̀ ждет их сына, они решили спасти его от этой судьбы. Они сажают его в большую башню, в которой имелось все, что нужно для жизни. Верный слуга должен был заботиться о мальчике.

Когда царевич подрос, то, выйдя однажды на крышу башни, он увидел, что за человеком шло какое-то странное четвероногое существо. Он спрашивает слугу, что̀ это такое, и тот ему говорит, что это собака. Мальчик требует, чтобы ему привели собаку, и отец разрешает дать ему щенка. Когда юноша стал взрослым, он обращается к своим родителям с вопросом, почему они держат его в башне. Родители говорят ему о предсказании семи Хатор. Тогда сын заявляет родителям, что если бог решил погубить человека, то он погубит его, все равно, будет ли он принимать против этого какие-нибудь меры или нет. Родители соглашаются с такой логикой и выпускают его. Молодой человек решает оставить Египет и посмотреть на белый свет.

Он берет с собой колесницу и собаку и направляется в Азию. После длинного пути он добирается наконец до северной Месопотамии — речной страны. Здесь также жили царь и царица, у которых долгое время не было детей. Когда у них родилась дочь, то они ее тоже посадили в большую башню и решили, что она должна достаться только тому, кто окажется наиболее достойным ее. Башня была высокая, и единственное окно в ней было на высоте семидесяти локтей от уровня земли. Дочь их сидела у окна и смотрела на долину, а родители собрали всех царевичей речной земли и обещали, что тот, кто прыжком достигнет этого окна, получит в жены их дочь и вместе с ней царство речной земли. Царевичи речной земли пытаются прыгать, но ни один из них не может взять высоты окна. В это время приходит царевич из Египта. Его приветствуют царевичи речной земли и спрашивают, кто он такой. Он не хочет говорить, что он царевич, и рассказывает, что он — сын египетского воина, потерявший свою мать. Отец его взял себе другую жену, и мачеха стала его преследовать; потому-то он и пришел сюда. С ним обошлись ласково. После того как царевичи речной страны рассказали, почему они здесь присутствуют, египетский царевич прыгнул и достиг высокого окна. Царю доносят о том, что какой-то сын простого египетского воина должен сделаться его зятем, но царь и слышать об этом не хочет. Он повелевает его убить, но дочь его заявляет, что она не будет ни пить, ни есть, если убьют этого египтянина.

Дело в конце концов получает благополучный исход и заканчивается браком. Через некоторое время жена спрашивает своего мужа, почему он бывает иной раз грустен. Тот рассказывает ей о том, что̀ ему было предсказано в день его рождения. Жена успокаивает его, обещая его охранять. В комнату, где они спали, она стала ставить чашку с молоком. Когда ночью выползла змея, чтобы ужалить царевича, она почувствовала запах молока и стала его пить. Царевна проснулась и вместе с рабыней убила змею. Разбудив затем мужа, она сообщает ему, что одна судьба прошла мимо.

Затем они едут в Египет, чтобы повидать родителей царевича. Здесь царевич спасается от второй судьбы, от крокодила, очевидно тоже с помощью жены. На этом папирус обрывается: очевидно, царевич погиб от своей собаки, которая все время следовала за ним.

Это одна из довольно многочисленных сказок Нового царства, которые дошли до нас. Здесь легко найти ряд мотивов, которые продолжали жить и в других сказках мировой литературы (например, мотив мачехи, которая преследует своего пасынка, мотив фей, которые предсказывают злую участь новорожденному, и др.).

Замечательным является искусство рассказчика, который сумел скомпоновать многочисленные мотивы, использованные в сказке, в единый повествовательный поток без утомительных для читателя отступлений. Египетский рассказчик Нового царства в этом отношении превосходит авторов арабских сказок средневековья: те не справлялись так удачно с громадным литературным материалом, накопленным столетиями и тысячелетиями; египетский же рассказчик, располагавший, вероятно, менее обильным материалом, мог легче его преодолеть. В сказку о зачарованном царевиче включена была повесть о героических деяниях простого египетского воина в азиатских землях.

В то время как египетские войска одерживали победы и в Азии и в Африке, создается и новый вид приключенческой литературы, посвященной боевым подвигам египетского войска. Образец подобной литературы был приведен выше в виде сказки о взятии военачальником Тутием города Яффы.

Сатира. В эпоху XIX династии получила развитие сатирическая литература. Она была наверное сплошь заполнена описанием разнообразных военных подвигов и, как это часто бывает в таких случаях, чрезмерно их преувеличивала, сообщая им карикатурный характер.

Хотя она до нас не дошла, но мы можем получить представление о ней по одному сатирическому произведению, представляющему собой нечто вроде древнеегипетского Дон-Кихота. Так же как Сервантес высмеял старый рыцарский роман, которым зачитывался почтенный испанский дворянин Кихадо, так и египетский папирус повествует о том, как один из египетских писцов высмеивает своего товарища-воина, который написал ему письмо о своих героических деяниях; для сатиры взята форма письма к другу. В своем ответе хвастливому товарищу египетский писец хочет показать, что все свои подвиги тот переживает в своей фантазии, а не реально:

«Ты говоришь много раз: я — витязь, я — герой. Правда ли это? Посмотрим. Ты осматриваешь свою колесницу: лошади быстры, как шакалы, подобны бурному ветру. Ты схватываешь узду, берешь лук. Посмотрим, что сделает твоя рука. Я опишу тебе, каково твое положение, и расскажу тебе твои дела. Ты не достиг страны хеттов и не видел области Уппе. Ты не представляешь себе Хадумы и Игадаи. Не ходил ли ты в Кадеш и Тубаху? Никогда тебе не приходилось итти к бедуинам со вспомогательными отрядами и солдатами. Ты не ступал по дороге, где небо и днем мрачно, ибо земля заросла доходящими до неба дубами и кедрами, где львы многочисленней шакалов и гиен и где бедуины преграждают путь. Не восходил ли ты на горы: когда ты возвращаешься домой, все твои члены разбиты и кости переломаны. Ты засыпаешь, и когда ты пробуждаешься, еще печальная ночь, и ты одинок. Разве не приходит вор, чтобы ограбить тебя? Да, он приходил ночью и украл твое платье. Твой слуга проснулся ночью, заметил случившееся и взял себе, что еще осталось. Затем он пошел к злодеям, смешался с племенами бедуинов, сделался азиатом».

Писец представляет воина жалким трусом. Когда на него нападают бедуины, он убегает от них и попадает в ущелье, где находятся гиены, но гиены еще трусливее его и убегают.

Герой попадает в дикое ущелье в две тысячи локтей глубины.

«Ты приобретаешь себе имя героя, лучшего из египетских офицеров. Твое имя будет славно, как Кардади, князя Ассаиру, которого застигли гиены в чаще, в теснине, загражденной бедуинами. Гиены скрывались в кустах и некоторые из них были в четыре локтя от носа до пяток. У них были дикие глаза, сердца неприветливые, и они не внимали ласкам. А ты один, у тебя нет провожатого, нет с тобой войска... ты не находишь пути. Тебя охватывает ужас, волосы становятся дыбом, душа уходит в руки» [ср. наше «в пятки»].

Комическое положение — военачальник, бегущий от бедуинов и попадающий к гиенам, а затем теряющий свою колесницу и продолжающий путь пешком.

Так издевается писец над самовосхвалением египетских воинов, которые привозили с собой из Азии и Нубии красочные рассказы о своих героических подвигах.

Сатирическая литература свидетельствует о большой наблюдательности, о юморе и сильно развитом индивидуализме. Да и не могло быть иначе, потому что эта эпоха была не только периодом внешних завоеваний, больших героических походов и войн, но также и эпохой обостренных внутренних противоречий.

Египетская письменность. Величайшим достижением египетской культуры было создание знаменитого иероглифического письма, на возникновение которого шумерское письмо не оказало сколько-нибудь заметного влияния. Писали египтяне на камне, дереве, черепках, коже и в особенности на папирусе, столь же типичном для Египта, как глиняная табличка для вавилоно-ассирийской культуры. Папирус — грецизированное египетское слово и обозначает в русском переводе «дар реки». Он изготовлялся из тонких пластов сердцевины тростника, также называемого папирусом. В своем первоначальном виде папирус напоминал плотную желтоватую бумагу. Таким образом египтяне были изобретателями мягкого письменного материала, нечто вроде нашей бумаги, в противоположность вавилонянам с их твердой глиняной табличкой. Тогда как вавилоняне писали слева направо, египтяне писали, подобно евреям и арабам, справа налево. Писали они черными чернилами, изготовленными, очевидно, из угля, а красными отмечались заглавные буквы, абзацы (ср. наши «красные строки»). Письмо, которое писали на папирусе, было несколько иное, нежели то, которым покрывались камни. На последних вырезывались известные египетские иероглифы, изображавшие собою различные конкретные предметы: людей, зверей, птиц, корабли, орудия труда и т. д. На папирусе иероглифы писались сокращенно, так называемым иератическим курсивом. Иные из иератических знаков резко отличались от своих иероглифических эквивалентов. Число иероглифов равнялось примерно шестистам. Большинство из них имело одновременно и фонетическое и рисуночное значение. Сравнительно небольшая часть их превратилась в исключительно фонетические знаки, а двадцать четыре приобрели значе-

ние подлинных букв. Египетский алфавит включал, подобно алфавитам языков семитической языковой системы (финикийскому, еврейскому, арабскому), одни лишь согласные.

Свой алфавит египтяне создали в очень древнее время. Способствовало его созданию политическое объединение номов, потребности хозяйственной жизни. Следует отметить, что в надписях Древнего царства алфавитное письмо применяется чаще, нежели в последующее время. Очевидно, упрощенное благодаря большому использованию алфавитных знаков письмо могло служить удобным средством, связующим номы. Подобную роль оно могло сыграть с тем бо́льшим успехом, что алфавит, будучи лишенным гласных, отмечал лишь костяк слов, а не передавал огласовку, резко отличавшуюся в различных номовых диалектах. Раннее политическое объединение Египта способствовало, таким образом, в очень древнее время зарождению такого совершенного письма, каким является алфавитное. Но в то же время в письме оставалось много элементов примитивизма, алфавитное письмо не могло победить окончательно, ибо для такого развития письменности требовалась более развитая общественная и хозяйственная жизнь. Поэтому и могли существовать в Египте наряду с элементами алфавита и элементы рисуночного письма, в виде так называемых детерминативов. Почти за каждым фонетически написанным словом следовал рисуночный знак, который указывал, к какой категории предметов относится данное слово. Так, например, за деревянным предметом или именем какого-нибудь дерева стоял знак дерева, за частью человеческого тела — знак мяса, за названием какого-нибудь ремесленника — знак человека, и т. д. Детерминативы придавали египетскому письму его примитивный характер, резко отличавший его от клинописного.

Письмо в Египте, как и в Вавилонии, использовалось первоначально, кроме политических и хозяйственных целей, для записи текстов, имевших отношение к религии, к заупокойному культу. Светская литература не записывалась иероглифами, «словами бога», творением бога Тота, а передавалась устным путем. Но уже в храмовой и заупокойной литературе Древнего царства имелись зародыши и драмы, и повествования, и лирики. Впоследствии писцами начинают записываться и обрабатываться произведения устного народного творчества.

В связи с внедрением письма стал постепенно создаваться и литературный язык, который был вместе с тем языком господствующего класса. Древнейший литературный язык, корни которого восходят к Древнему царству, а расцвет — к эпохе Среднего, устарел для Нового царства, так как уже оторвался от разговорного языка широких народных масс.

Если в начале Нового царства, в эпоху XVIII династии, новый египетский язык еще не стал господствующим в литературе, то эпоха Эхнатона покончила со старым литературным языком. С этой эпохи господствующим языком в литературе становится

тот язык, который мы называем новым египетским языком. Он резко отличается от своего предшественника и в части словарной и в части грамматической конструкции (например, глагола). На этом новом египетском языке написаны литературные памятники, являющиеся произведениями высокого искусства. Исторические надписи также делаются на этом новом языке. Эта победа нового языка свидетельствует не только о глубоких социальных сдвигах, происшедших внутри общества, но и о жизненности самой культуры Египта Нового царства.

Наука. Много было сделано египтянами и в области науки. Если в эпоху Древнего царства можно говорить лишь о накоплении отдельных знаний, то в эпоху Среднего царства имелись уже определенные зачатки науки.

Математика. Как в Вавилонии, так и в Египте ирригационное хозяйство требовало от его руководителей довольно обширных математических познаний; однако математика в Египте стояла не на такой высоте, как в Вавилонии. Как мы видели выше, вавилонская цифровая система знала уже, подобно арабской, изменение числовой значимости цифры в зависимости от ее сочетания с другими цифрами. В Египте этого не было. У египтян были определенные знаки для выражения чисел 1, 10, 100, 1000, 10000, 100000 и 1000000. Для сложения и вычитания такая цифровая система чрезвычайно удобна. Она основана на тех же принципах, что и римские цифры, с той лишь разницей, что в Египте была десятиричная, а в Риме пятиричная система. Как и на наших счетах, каждый разряд чисел имел свои знаки. В такой системе просто решаются задачи на сложение и вычитание, но значительно труднее производится умножение и деление.

Чрезвычайно громоздким было выражение дробей. Египетская арифметика знала только дроби с числителем, равнявшимся 1.

Но несомненно все же, что в известных пределах египетская математика уже в эпоху Древнего царства достигла больших результатов. Это подтверждает тот факт, что уже в ту отдаленную эпоху египетские математики могли оказывать помощь архитектуре при постройке таких колоссальных сооружений, какими являлись пирамиды. В эпоху Среднего царства мы видим расцвет математики. Об этом свидетельствует ряд папирусов, посвященных математическим задачам. В этих папирусах имеются уже зачатки алгебры. Правда, достижения этой дисциплины в Египте не столь велики, как в Вавилонии, но сами по себе они довольно значительны. Так, например, египетские математики создали особый термин для выражения неизвестной величины. Очень характерно для конкретного мышления египтян то, что они называли неизвестное («икс») «кучей», по-египетски «аха». Египетские математики таким образом выражали «икс зерен», «икс мешков» — «куча зерен», «куча мешков». «Куча» — несомненно очень удачное выражение для обозначения неизвестного, числовое значение ко-

торого требуется определить. Египтяне знали арифметические прогрессии и, возможно, — даже геометрические.

В области геометрии писцовые школы Египта знали наряду с правильным определением площади треугольника и точную формулу объема усеченной пирамиды с квадратным основанием. При решении стереометрических проблем, связанных с вопросами строительства (сооружение пирамид), были использованы и зачатки тригонометрии. Несомненно, однако, что в области тригонометрии вавилонская математика имела значительно бóльшие достижения. В области же измерения круглых площадей и тел вращения египетская математика Среднего царства стояла несколько выше вавилонской. По крайней мере она дала сравнительно точное определение «π», отношения окружности к диаметру, определив его в 3,16. Вавилонское же определение «π» равнялось 3. В эпоху Среднего царства египтяне правильно решили задачу о поверхности шара, т. е. отчасти предвосхитили проблему, которая, согласно традициям, была впервые решена Архимедом. Но в общем египетская математика стояла ниже вавилонской, и это было причиной того, что и астрономия Египта не знала тех достижений, которыми могла гордиться астрономия Вавилонии. В отношении описания звездного неба египтяне достигли значительных успехов, о чем свидетельствуют изображения и надписи на саркофагах начала Среднего царства. Развитие астрономии Египта в эпоху Нового царства было, по всей вероятности, обусловлено знакомством с вавилонской астрономией.

Календарь. Крупный шаг вперед сделали египтяне в области календаря. Поскольку египетская математика и астрономия во многом уступали вавилонским, египтяне не могли разрешить сложную проблему согласования несоизмеримых величин солнечного и лунного года. Они вынуждены были отказаться от ранее существовавшего лунного календаря. Месяцы были определены в 30 дней и к 12 месяцам были добавлены 5 лишних дней, дабы получился год в 365 дней. Сделав этим крупный шаг вперед в области создания календаря, египтяне все же не смогли довести дело до конца: они не ввели високосного дня, который уравнял бы их гражданский год в 365 дней с подлинным солнечным годом в 365 $^1/_4$ дня. Произошло то же, что и с письмом: египтяне, создав алфавит, не смогли создать алфавитного письма. Простой и удобный в практической жизни египетский календарь был заимствован римским императором Юлием Цезарем и приспособлен к сложному и неудобному римскому календарю. Этот календарь под названием юлианского (или старого стиля) был в употреблении и в царской России.

Медицина. Уже в эпоху Древнего царства накопление медицинских знаний в Египте было довольно значительным. Более поздние тексты ссылаются неоднократно на средства лечения, рецепты, датированные ими временем Древнего царства. Раскопки доказывают возможность уже тогда сравнительно сложных операций, в

частности в области зубоврачебной. Социальные сдвиги эпохи Среднего царства создали предпосылки для перерастания суммы накопившихся медицинских знаний в науку, которая, как мы видим, стояла выше вавилонской медицины. Большое значение для развития медицинских знаний имело то обстоятельство, что для мумифицирования человеческого трупа люди, которые трудились над этим, могли ознакомиться со строением внутренних органов человека. Таким образом египетская медицина располагала довольно глубоким знанием человеческого организма.

До нас дошло сравнительно много медицинских папирусов, среди них один, являвшийся учебником ветеринарного искусства. Хотя в большинстве из них наука переплетается с магией, они все же свидетельствуют о довольно высоком уровне медицинских знаний. Основной причиной болезней выставляются ими не козни духов, магов и ведьм, а изменения кровеносных сосудов. Хотя это и неправильно, но все же это была первая, засвидетельствованная в истории, общая научная теория о возбудителе болезней.

Самым ценным из медицинских папирусов является папирус Эдвин Смит, изданный в 1930 году. В нем более ярко, нежели в других, выявляется теоретический интерес к медицине, который заметен даже при описании случаев болезней. Так, например, описывается случай падения человека головой вниз, в результате чего голова у него вошла в плечи, а позвоночник разломился в трех местах; человек в подобном состоянии уже неизлечим.

В указанном папирусе нет ни одного слова, которое относилось бы к магии. Дается лишь точное описание внешних и внутренних частей тела, в том числе и мозга. Впервые здесь мы знакомимся с термином для головного мозга. Но предметом гордости египетской науки Среднего царства этот папирус является потому, что в нем нашло отражение одно из величайших открытий, которое когда-либо было сделано человечеством: в папирусе имеется указание на то, что повреждение мозга может повлечь за собой болезненное состояние тела.

Таким образом, писцовые школы Египта сделали великое открытие, что не сердце является руководящим центром организма, центром сознания, а мозг.

Языкознание и история. Что касается общественных наук, то здесь достижения были значительно меньше. Поскольку в египетском обществе, в противоположность вавилонскому, был один язык, то и в эпоху Среднего царства здесь нет и тех зачатков филологических наук, которые мы видели в Вавилоне. В эпоху Нового царства, знакомясь с интернациональной тогда вавилонской клинописью, египтяне усваивали себе и методы вавилонской филологии. Зато в области истории Египет благодаря очень раннему политическому объединению долины Нила стоял несколько выше Вавилонии. Египетские анналы сохранили традицию о хронологической последовательности царствований и главнейших событий глубочайшей древности. Это было необходимо для госу-

дарства, политически объединившего все номы долины Нила. Поэтому не удивительно, что Манефон, египетский историк эпохи Александра Македонского, мог написать историю своей страны, пользуясь этими историческими источниками.

Достижения Нового царства в науке. В период Нового царства мы наблюдаем некоторые сдвиги и в развитии науки.

По одной из надписей мы узнаем, что в начале Нового царства в Египте были изобретены водяные часы, т. е. довольно сложный механизм, точно определяющий время. Надпись сообщает биографию изобретателя, который счел нужным сохранить свое имя для потомства. В области математических познаний также произошел сдвиг. Из одного папируса Нового царства мы узнаем, что египетские математики того времени не останавливались перед весьма сложными вычислениями.

Медицина также продолжает развиваться; впоследствии она оказала огромное влияние на греческую медицину. Египетские врачи наряду с позднейшими греческими врачами пользовались заслуженной славой.

В эту же эпоху начинает зарождаться и филология. Это было вызвано тем, что в это время в Египте появляются, строго говоря, два языка: новоегипетский язык — литературный язык эпохи Нового царства и древний литературный язык Среднего царства. Поскольку существуют два языка, возникает интерес к языковым явлениям, т. е. происходит то же самое, что было в Вавилонии в значительно более раннее время.

Изобразительное искусство. С религией и заупокойным культом теснейшим образом было связано искусство Египта. Памятники, предназначенные для культа богов и для обожествления царей, были предназначены для вечности. Деспотия, сложившаяся в долине Нила, располагала большим количеством рабочих рук, и это давало возможность и при наличии весьма примитивных орудий труда (отсутствие стали) создавать грандиозные архитектурные и скульптурные памятники. Поскольку же горные цепи и пустыни, окаймлявшие Египет, изобиловали каменными породами, имелись налицо и естественные предпосылки для создания колоссальных памятников из «вечного» камня, которые могли пережить тысячелетия.

Пирамиды. До сих пор вызывают удивление пирамиды. Поражает умение создавать колоссальные памятники на такой низкой стадии общественного развития. В своей основе пирамиды есть не что иное, как каменный курган, воздвигнутый над могилой вождя. Но если в наших южных степях он создавался путем громадных насыпей земли, то в Египте курганом служило нагромождение громадных масс камня, требовавших колоссальных затрат не только для транспорта и установки, но и для предварительной обработки. Каменные глыбы были настолько тщательно обработаны, что трудно просунуть между ними даже нож. Достигалось все это путем чрезвычайно примитивной техники, и уже античные пи-

сатели указывали на то, что возможность столь грандиозных сооружений была обусловлена наличием громадного количества рабочих рук, которым располагали цари. Действительно, главным рычагом строительства были человеческие руки; рабы номов сгонялись на эту работу; свободные также должны были в большом количестве помогать при создании этих памятников.

Столь же грандиозными были в Египте в эпоху Древнего царства и некоторые памятники скульптуры. Около большой пирамиды Хефрена, у местечка Гизэ, находится каменный сфинкс, который поражает своими огромными размерами. Материалом для него послужила скала, которой была придана форма лежащего сфинкса, т. е. фантастического существа, состоящего из туловища льва и головы человека. Изваяние царя в образе сфинкса должно было символизировать, что царь имел силу льва и ум человека. Самое слово «сфинкс» — грецизированное египетское слово, которое в переводе означает «живое изображение» (царя).

Если в эпоху V династии пирамиды царей стали менее грандиозны, то зато воздвигаемые царями храмы богу Ра с их колоссальными обелисками поражают своей монументальностью. Монументальными были так называемые мастабы, гробницы знати. Поскольку заупокойный культ в эпоху Древнего царства являлся привилегией царя и знати, постольку искусство того периода обслуживало только царя и знать. До нас дошли прекрасные статуи царей, знати и приближенных. Если на рельефах гробниц знати и изображены крестьяне и ремесленники, то они изображены лишь в связи с их работами, так или иначе обслуживающими заупокойный культ вельможи, владельца гробницы.

Искусство Среднего царства. Из абидосского некрополя эпохи Среднего царства дошло до нас большое количество надгробных стел с рельефными изображениями чиновников, воинов, ремесленников и их домочадцев. Социальные сдвиги, усиление классовой борьбы пробудили в искусстве Среднего царства интерес к индивидуальности. Тогда были созданы знаменитые портретные статуи царей, как, например, статуя Аменемхета III эрмитажного собрания. Интерес к индивидуальному проявляется и в рельефных фресках гробниц, отличающихся живым реалистическим искусством. Эти фрески — незаменимый источник наших сведений о культуре, быте Египта, даже его растительности и животном мире.

Искусство Нового царства. В эпоху Нового царства особенно развивается архитектура. Создаются огромные храмы, которые свидетельствуют о больших материальных возможностях, какими располагал Египет Нового царства. Любое архитектурное здание могло быть выполнено лишь при наличии огромного количества рабочих рук, которыми располагали тогда египтяне.

Строительное искусство продолжает итти по пути, который наметило Среднее царство. Архитектура теперь не знает больших плоскостей, не разделенных и не оживленных, подобных огромным

стенам пирамид. Храмы наполняются колоннадами, их стены прерываются рельефными украшениями и статуями, которые должны были оживлять монотонные поверхности.

Этот расцвет архитектуры проходит через всю эпоху Нового царства. В особенности в этом отношении следует подчеркнуть время Рамсеса II, который из всех царей Египта проявил наиболее кипучую строительную деятельность.

В круглой скульптуре господствует тот же индивидуализм. Статуи становятся портретными в настоящем смысле этого слова. Прекрасны, например, статуя царя Тутмоса III и особенно статуя Рамсеса II, представляющая его еще молодым человеком.

Хорошее исполнение можно видеть не только на царских статуях. С тем же искусством исполнялись статуи воинов, чиновников, писцов, которые имели достаточно средств, чтобы заказать их крупному художнику.

В области рельефа художники пытаются придавать портретное сходство изображениям не только царя, но и воинов, вельмож и т. д. В этих рельефах также отражается яркая жизнь того времени. Они чаще всего изображают битвы, причем художники не останавливались перед передачей даже сложных батальных сюжетов. Например, битва царя Рамсеса II при Кадеше была не только запечатлена в поэтическом произведении, но нашла также свое отражение и на стенах храмов. Мы видим, как царь на своей колеснице несется вместе со своими колесничими, стреляет из лука и поражает убегающих врагов. Тут же на раскрашенном рельефе враги в белых одеяниях покрывают поле битвы подобно снегу.

И не только сухопутные битвы нашли свое отражение в искусстве Нового царства: сохранились изображения сражений на воде, в устье реки Нила, с врагами, которые пытались вторгнуться в пределы Египта. Изображая врагов, наступающих на Египет, художники пытаются тщательно подметить особенности их вооружения и особенности их лиц — этнические черты. Вот почему изображения в египетских храмах эпохи Нового царства являются очень ценными памятниками по древней этнографии.

Все детали исторической действительности интересовали египетского художника, тщательно воспроизводившего их потом в искусстве.

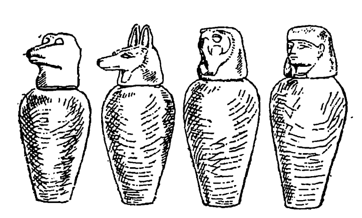
Прикладное искусство. В особенности хороши в эпоху Нового царства произведения прикладного искусства, в которых отражаются вкус зажиточных кругов того времени и высокое творчество художников. Искусство в эту эпоху проникает и в быт. Многие предметы быта становятся художественными, создается прекрасная художественная мебель и т. п.; произведения прикладного искусства, вроде туалетных принадлежностей, получают подлинное художественное оформление. Найдены, например, ложечки для туалета, ручки которых имеют форму прекрасной женской статуэтки. Много предметов искусства этой эпохи представлено в

Государственном Эрмитаже и особенно в Музее изобразительных искусств в Москве.

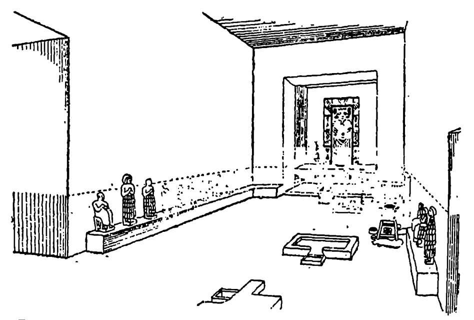
Таким образом, египетское искусство Нового царства было мощным и живым искусством; оно оказало огромное влияние на искусство окружающих обществ, в том числе и на искусство хеттов, а через них и на знаменитые ассирийские рельефы.

Значение древнеегипетской культуры. Подводя итог всему сказанному о культуре Египта, необходимо подчеркнуть ценность ее достижений, начиная уже с эпохи Среднего царства. В некоторых случаях достижения египетской культуры были даже более крупными, нежели достижения культуры вавилонской. С эпохи гиксосского завоевания, когда долина Нила была политически объединена с Палестиной и южной Сирией, крупнейшие достижения Египта в области письма (алфавит) и исчисления времени (календарь, оторванный от лунного месяца) вошли в состав сокровищницы культуры Средиземноморья.

В эпоху Нового царства Египет приходит в соприкосновение со всем культурным миром того времени. Достижения египетской культуры оказывают влияние на культуру других народов древнего Востока. С другой стороны, и Египет в этот период воспринимает некоторые элементы культуры народов Передней Азии.



Канопы, сосуды для внутренностей покойного.



Древний храм богини Иштар в Ашшуре. Реконструкция.

ГЛАВА XX

ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ

Страна и население. Ассирийское общество сложилось в области, лежавшей к северу от Вавилонии по среднему течению Тигра, где уже в очень древнее время был основан город Ашшур. Первоначальным населением области города Ашшура, как и вообще всего северного Двуречья, были субарейцы, народ, говоривший на языке яфетической системы. Древнейшие правители Ашшура носили явно несемитические имена Ушпия и Кикия. Город, расположенный в долине, с небольшой территорией, пригодной для земледелия, имел преимущественно торговое значение, снабжая Вавилонию необходимым ей техническим сырьем. Вавилония, вероятно, задолго до династии Аккада стала высылать туда колонии, чтобы взять в свои руки столь необходимое для ее существования сырье. Таким образом Ашшур стал постепенно семитизироваться. Вероятно, в Ашшуре оседали семитические поселенцы и из других мест помимо Вавилонии.

В дальнейшем, опираясь на Ашшур, семиты стали заселять гористые и лесистые области к востоку от среднего течения Тигра.

Колонии в Малой Азии. Стремясь расширить торговлю с Вавилонией, Ашшур начал около 2200 года высылать колонии в южную и центральную части восточной Малой Азии, в Каппадокию, и здесь основал ряд поселений, которые должны были снабжать Ашшур теми материалами, которыми располагала Малая Азия. Богатства Каппадокии уже рано привлекли к себе внимание южного Двуречья, и здесь уже во время Саргона Аккадского были фактории купцов из семитических государств, вероятно из Мари на среднем Евфрате.

Наиболее ценным продуктом Малой Азии для Ашшура и Вавилонии было серебро, имевшееся здесь в большом количестве. Горы Тавра вавилоняне называли «Горами серебра». Серебро Каппадокии должно было рано привлечь внимание асси-

рийцев точно так же, как в последующее время серебряные рудники Испании обратили на себя внимание финикийцев и карфагенян. Но Каппадокия была богата не только серебром: она изобиловала и другими металлами — медью, свинцом и оловом. Она имела и большие запасы железа — металла, которому суждено было сыграть в более позднюю эпоху столь крупную роль. Недаром племена Малой Азии слыли в античной и библейской традиции весьма искусными в кузнечном деле. Если прибавить к богатству металлами еще и обилие в Каппадокии дерева и камня, то станет понятным стремление ассирийцев стать твердой ногой в Каппадокии и тем самым взять на себя посредническую роль в торговле Вавилона с севером, снабжавшим ирригационное хозяйство Двуречья необходимым техническим сырьем. Взамен его ассирийские купцы ввозили в большом количестве ткани. Правда, и эти ткани изготовлялись отчасти из шерсти стад каппадокийских степей. Ашшур основал ряд своих колоний в Каппадокии и даже в Армении. Ассирийцы не жили в самостоятельных поселениях, а внедрялись в поселки местного населения, образуя в пределах их самостоятельные общины, связанные теснейшим образом со своей метрополией.

Из одной такой колонии города Ашшура, примыкавшей к большому поселению Канес (современное Кюль-тепе, недалеко от Кесарии) дошло до нас очень много документов архива ее управления.

Общество. Ассирийское общество третьего тысячелетия, по данным табличек Кюль-тепе, которые являются главным источником для изучения истории древнейшей Ассирии, было рабовладельческим. Каппадокийские таблички упоминают о рабах, которые выполняли тяжелую физическую работу, а также помогали своим хозяевам в ведении торговых дел, не являясь, конечно, их полномочными представителями, ибо таковыми могли быть только свободные ассирийцы. Чужие рабы нанимались на определенный срок. Наряду с рабами нанимались и свободные. Рабы рекрутировались, вероятно, из не-ассирийцев. В Ашшуре рабов поставляло коренное субарейское население, а в колониях рабы рекрутировались из числа местного хеттского населения. Таблички из Кюль-тепе сообщают о ростовщической роли ассирийских купцов, дававших ссуды местному населению и превращавших должников в случае неуплаты в своих рабов. Некоторые из долговых записей свидетельствуют об отдаче детей и даже всей семьи должника в дом заимодавца в погашение процентов. Правда, долговые сделки, касавшиеся как ассирийских колонистов, так и местных жителей, должны были быть согласованы с царем области Канеса, но тот обычно считался с интересами ассирийцев и передавал целые семьи в распоряжение ассирийского ростовщика.

Свободное население делилось на «больших» и «маленьких». В колониях собрание «больших» и «маленьких» решало важнейшие дела, но чиновник «писец» «дома пристани» мог созвать собрание лишь с разрешения «больших людей». «Маленькие» не участвовали в судоговорении и не имели права требовать без посред-

ства «больших людей» отчета со стороны правителей колонии. «Большие люди» стояли во главе тех компаний, в которые были организованы купцы.

Государственное устройство. Во главе Ашшура стояли ишшаккум, так же как в государствах Шумера — патеси. Ишшаккум Ашшура скорее походил на царя-басилевса в древнегреческом городе-государстве. Судя по каппадокийским табличкам, он не исполнял обязанностей правителя или судьи. Его основной функцией в мирное время было, вероятно, отправление обязанностей верховного жреца, а во время войны — обязанностей верховного военачальника. Управление в Ашшуре находилось в руках совета, так называемого «дома города», которой вместе с тем руководил торговыми делами, нес судебные функции и управлял колониями. Колонии в далекой Каппадокии обращались не к ишшаккуму города Ашшура, а к совету старейшин.

Маркс, анализируя формы общинной собственности и возникновение деспотии, указывает, что государственное объединение древних племен либо «представлено одним главой племенной семьи», либо группой старейшин, связанных между собой: «Соответственно этому форма этого общества бывает тогда более деспотической, или более демократической».[1]

Ассирийское общество, сохранившее в своей структуре и культуре чрезвычайно много варварских черт, первоначально создает государственное устройство, в котором большая роль принадлежит старейшинам. Этот порядок сохраняется сравнительно долго, однако в дальнейшем начинающиеся военные походы усиливают роль военачальника-царя. С течением времени власть ишшаккума приобретает характер царской власти.

Город Ашшур называется в каппадокийских табличках почти всегда просто «городом». Деловые и торговые сношения между «городом» и колониями на севере были настолько интенсивными, что между ними существовало постоянное сообщение. Постановления городского совета Ашшура были обязательными и для колоний. Город и колонии имели у себя взаимных представителей. Колонии назывались «пристанью» (карум), так как торговые кварталы были сосредоточены в приречной части поселений. В каждой колонии был свой «дом пристани», соответствовавший «дому города» в Ашшуре. Здесь было сосредоточено решение торговых и судебных дел, здесь же хранились деньги — золото и серебро и была сосредоточена торговля медью. Центральной колонией, игравшей роль гегемона, была колония, возникшая рядом с Канесом, крупным хеттским городом, занимавшим видное место в истории Малой Азии. Город Ашшур обычно сносился с прочими колониями через посредство колонии в Канесе. Все судебные дела, касавшиеся одних лишь ассирийских поселенцев, решались или

[1] *К. Маркс,* «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская революция», № 3, 1939, стр. 152.

«домом города», или «домом пристани». Лишь изредка бывали случаи, когда дело, касавшееся одних лишь ассирийцев, рассматривалось перед царем области Канеса. Дела же, имевшие отношение к местному населению и ассирийцам, всегда решались судом царя Канеса.

Город Ашшур был связан со своими колониями не только деловыми сношениями, управлением и судом: он был связан с ними также и общим письмом, религией, календарем и чрезвычайно характерным способом датировки. В противоположность деспотиям Вавилонии и Египта, в городе Ашшуре годы датировались не по годам правления ишшаккума, а по именам особых чиновников, так называемых лимму, которые ежегодно сменялись. Такой же способ датировки существовал и в греческих городах-государствах и в Риме.

Связи с Вавилонией. Ассирийское общество процветало в течение всего третьего тысячелетия. Оно находилось тогда в тесной связи с Вавилонией; в эпоху III династии Ура и во время правления царя Хаммурапи Ассирия была политически подчинена Вавилонии. Лишь опираясь на помощь южного Двуречья, Ашшур мог сохранить свои колонии, окруженные неприязненно настроенным туземным населением. Еще в эпоху Аккадского царства, когда ассирийские колонии не существовали в Малой Азии, торговые фактории Аккада и Мари в Малой Азии обратились к Саргону за помощью против царя Бурушханды, начавшего их теснить. Благодаря долгому политическому господству Аккада в Малой Азии распространились письмо, язык, религия и литература Аккада, а не Ассирии, которая успела создать некоторое подобие самостоятельной культуры.

Во время смут, когда около 2165 года область Вавилона отпала от царства Исина, ишшаккум Ашшура Илушума пытался поставить в зависимость от себя Южное Двуречье. Закрепив и расширив свой город, он вмешался в борьбу, происходившую в Южном Двуречье, и дал главным городам Шумера и области к востоку от Тигра «свободу», т. е. те привилегии, которые имел Ашшур. Успех Илушумы был кратковременным. Незадолго до Хаммурапи в Ашшуре захватил власть аморей Шамшиадад. Он завоевал все Северное Двуречье, подчинил себе часть Каппадокии и дошел до берегов Средиземного моря. В городе Мари он поставил царем одного из своих сыновей. Возможно, что в угоду «маленьким» Шамшиадад провел снижение цен, которое, согласно его большой надписи, имело место в Ашшуре во время его правления. Очевидно, ему помогала и Вавилония: в одном документе из Сиппара засвидетельствована клятва как именем Хаммурапи, так и именем Шамшиадада. Вскоре после Шамшиадада ассирийские завоевания были сведены на нет: Хаммурапи подчинил себе Ассирию. Слишком ограниченными были силы Ассирии, чтобы держать в подчинении такую большую территорию. Лишь значительно позднее ассирийское государство смогло объединить весь древний Восток.

Упадок ассирийской торговли. С конца III тысячелетия значение ассирийской торговли начинает падать. Теперь рынок уже расширился, охватил главные области древнего Востока, и первое место в торговле перешло теперь от Ассирии к Финикии. Финикия, имея возможность получать сырье горных областей к востоку от Тигра и продукты Каппадокии, могла вместе с тем поставлять товары всего восточного Средиземноморья. Торговые пути, таким образом, перемещаются на юго-запад, и благодаря этому ассирийская торговля начинает хиреть. Упадок ассирийской торговли был обусловлен также тем, что в это время на среднем течении Евфрата возникает государство Митанни, которое отрезает Ашшур от Малой Азии.

В Каппадокии в конце III тысячелетия создался сильный хеттский племенной союз, который покончил с ассирийскими колониями. В XIX веке хетты даже разгромили, как мы видели, Вавилонию. Правда, во второй половине XIX века наступило ослабление хеттского общества, но Ассирия не могла уже этим воспользоваться для нового наступления на север. Ассирия сама стала жертвой завоевания со стороны Митанни. Ассирия находилась под митаннийским господством вплоть до XV века. Очевидно, многовековое господство имело своим последствием порчу исторической традиции древнейшего периода Ассирии. Ассирийские царские списки для времени до середины II тысячелетия лишены точности. После того как Митанни в борьбе с хеттами было ослаблено, Ассирия получила возможность стать вновь самостоятельной.

Среднеассирийское царство. В конце XV века Ассирия выступает уже как сильное военное государство. Она захватывает всю долину среднего Тигра и подчиняет себе полностью субарейское население, превращая его частью в рабов, частью же в данников. Необходимость держать в подчинении рабов и данников усиливает военную организацию Ассирии.

В то время, когда на престоле в Египте сидел царь Эхнатон, царем в Ассирии становится Ашшурубаллит. Он нанес поражение Митаннийскому государству и освободил Ассирию от какой-либо зависимости по отношению к западному соседу. Ашшурубаллит удачными походами создал большое ассирийское государство. Он направил свои удары против беспокойных племен с севера и укрепил там свою границу. Он замирил на западе воинственные кочевые племена ассирийских степей. Не довольствуясь этими успехами, он подчиняет своему влиянию Вавилонию. Таким образом, в конце XV века на восточной окраине древневосточного мира возникает крупное военное государство, объединившее в себе долину среднего течения Тигра, Вавилонию и некоторые части западной Месопотамии. Царь Ашшурубаллит переписывается с мощным властителем далекого сказочного Египта как равный с равным. Среди его преемников долго жила память о его мощи и силе. Вероятно к его борьбе с касситским войском Вавилонии

относится поэма, восхвалявшая доблесть ассирийского царя и его воинов, которые по повелению своего вождя стремительно бросались на более многочисленного врага.

Преемники Ашшурубаллита продолжали его дело, и в XIII веке Ассирия достигла наивысшего расцвета. В первой половине этого столетия царь Салманасар I нанес страшное поражение Хеттскому государству, причем около пятнадцати тысяч пленных было тут же ослеплено. Эта победа вместе с тем положила конец существованию Митанни, которому хетты тщетно пытались помочь. Он же покорил ряд племен Уруатри (Урарту), занимавших территорию на север от Ассирии. Сын Салманасара I, Тукультининурта I, завершил дело, начатое Ашшурубаллитом, и при нем Ассирийское государство II тысячелетия достигло своего предельного развития. Он закрепил восточные границы и предпринял походы на север, в страны Наири. Подчинив себе Вавилонию, он открыл для торговли Ассирии и Вавилонии дорогу к Средиземному морю путем победы над хеттами. Тщетно хеттский царь пытался путем договора с северно-сирийским царством Амурру закрыть ассирийским купцам доступ на запад. Опьяненный своими военными успехами, Тукультининурта пытался сломить мощь ассирийской знати. Результатом его политики было восстание последней, завершившееся убийством царя. Волнения продолжались и после этого. Внутренняя борьба протекала на фоне ожесточенной борьбы с Вавилонией за гегемонию в Передней Азии. Несколько блестящих побед над Вавилонией выпали на долю Ассирии при последнем великом ассирийском царе II тысячелетия, Тиглатпаласаре I (около 1120 года). Его походы открыли ему путь к Средиземному морю.

Здесь, на побережье, он принял дары фараона. В борьбе с Вавилонией он в конце концов осилил своего противника, но успех его был лебединой песней ассирийского военного государства II тысячелетия. После Тиглатпаласара I мощь Ассирии неудержимо падает. До недавнего времени мы не знали внутренней истории Ассирии и причин этого упадка. В последние два десятилетия история конца II тысячелетия обогатилась новыми материалами. Раскопки в Ашшуре обнаружили ассирийский судебник и частноправовые документы. Такие же документы были найдены также в соседних с Ассирией субарейских городах, расположенных около Керкука (около ста километров к востоку от Ашшура). На основании этих материалов мы можем судить о том, каким было ассирийское общество во II тысячелетии и какого рода социальные сдвиги имели место в ней в результате постоянных войн, начиная с царствования Ашшурубаллита в XV веке и вплоть до XI века.

Ассирийские законы. Найденные ассирийские законы интересны тем, что в них нет указаний на то, что они были законами царя, как, например, законы Хаммурапи или хеттских царей. Можно

предполагать, что власть ассирийского царя еще и во втором тысячелетии не была столь крепка, чтобы подавить знать.

Действительно, мы знаем теперь, что ассирийская знать не была обязана платить подати; она вносила добровольно дары царю и храмам. В письмах одного из вавилонских царей того периода ассирийскому царю даже насмешливо указывается на «царей», которые окружают властелина Ассирии.

Дошедшая до нас часть законов посвящена, главным образом, семейному праву, точнее говоря — положению женщины в семье. Положение ассирийской женщины было весьма тяжелым. Она была, как и женщина в римском обществе, буквально в «руках мужа». Жена в сущности была рабой, так как не имела никакого права на семейное имущество. Все имущество семьи, находившееся в доме, являлось собственностью мужа.

Иллюстрацией этого положения является следующий параграф закона:

«Раб или рабыня, получившие из рук жены какого-нибудь мужа что-нибудь, подлежат наказанию. Рабу и рабыне надо отрезать нос и уши. Украденное добро они должны восстановить в полном объеме. Муж же может отрезать жене оба уха. Но если он не отрежет своей жене оба уха, то пусть не отрезает носа и ушей чужому рабу и рабыне».

Из слов закона ясно, что все, что есть в доме, является собственностью только мужа. Поэтому всякая передача женой чего-нибудь из имущества кому бы то ни было приравнивалась к воровству. Все законы, которые говорят о женщине, направлены против нее. Среди них нет ни одного закона, который бы защищал женщину от произвола мужчины. Мужчина наказуемым лицом становится только тогда, когда он обидит чужую жену и наказывается только за то, что нарушил право чужой собственности.

Все наказания женщин были чрезвычайно жестокими. Женщина, которая совершила по отношению к мужчине членовредительство, которое излечимо, теряла палец; если же она совершила непоправимое членовредительство, то ей выкалывали оба глаза. Свободная женщина должна была выходить на улицу под покрывалом. Это было ее право и ее обязанность. Свободны от этого были лишь женщины, предающиеся блуду, и рабыни. Если рабыня или блудница будут обнаружены с закрытыми лицами, что выдавало их за свободных женщин, то за это полагалось чисто варварское наказание: они получали пятьдесят ударов палками, а головы их обливали горячим асфальтом. Всякий свободный человек, который встречал блудницу или рабыню с закрытым лицом, должен был сейчас же привести ее на суд. Если же свободный мужчина не приведет ее на суд, как сказано в законе, то за это он сам должен быть наказан: он должен получить пятьдесят ударов палками, а тот, кто донес на такого человека, получает его одежду. Тому же, кто не донес на такого человека, полагалось продырявить уши, пропустить через них веревки и связать их на затылке. Кроме

того, он должен был нести такую черную работу, какую выполняли обычно царские рабы.

Очень характерна одна из статей закона, где перечислены все наказания женщин, которые, будучи замужем, совершали преступления по отношению к своему мужу или по отношению к другому мужчине. Эта «семейная идиллия» заканчивается следующим постановлением:

«Муж, кроме всего этого, имеет право бить свою жену, рвать ей волосы и повреждать ей уши, и за это ему не будет никакого наказания».

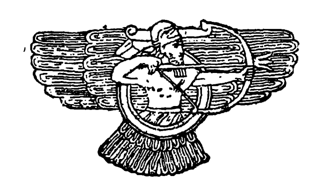
Таким образом, здесь налицо ярко выраженные черты патриархального строя, каких не было в вавилонском обществе, а в Египте — тем более.

Долговое право. В ассирийском военном обществе закон был чрезвычайно жесток и по отношению к бедным. Он говорит так:

«Если мужчина-ассириец или женщина-ассирийка, которые, как залог за свою покупную цену, будут жить в доме какого-нибудь мужа, который взял за них полную покупную цену, то этого ассирийца или ассирийку можно бить, драть за волосы, изувечивать, превращать в раба».

Таким образом, мы находим в ассирийском обществе чрезвычайно жестокое долговое право и отсутствие какой-либо попытки бороться с ним, как, например, в обществах Израиля, Иуды и Вавилонии.

Постоянные войны приводят к обеднению народных масс Ассирии, на плечи которых ложились все тяготы войны. Знать, используя беднейшую часть населения на войне, безгранично эксплоатирует ее и в мирной обстановке. Тем самым силы ассирийского общества начинают истощаться. Ассирийское государство не может уже вести широкую завоевательную политику и в конце XI века перестает существовать как крупная военная держава.



Бог Ашшур.

Хеттский цилиндр-печать.

ГЛАВА XXI

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО

Географическая среда. Территория, на которой сложилось хеттское общество в центре и на юго-востоке Малой Азии, в древности называлась Каппадокией. Она представляет из себя относительно малоплодородное плоскогорье, где земледелие было возможно только в долинах рек. Самая крупная из них называлась в древности Галис (ныне Кизил-Ирмак); она впадает в Черное море. В излучине, образуемой этой рекой, располагались основные территории хеттского государства и его столица Хаттуш (около современного селения Богазкеой).

Западная морская граница Малой Азии очень изрезана и изобилует множеством удобных для судоходства бухт, образующих естественные гавани. Эгейское море, омывающее западные берега Малой Азии, усеяно многочисленными островами, образующими как бы мост между Балканским полуостровом и Малой Азией.

На северо-западе Малая Азия отделяется от европейского материка только небольшим Мраморным морем и узкими и легко преодолеваемыми проливами — Дарданеллами и Босфором. Таким образом, Малая Азия на западе и северо-западе не изолирована от европейского материка.

На восток от Малой Азии лежали страны Двуречья, очаги древнейшей культуры Передней Азии. Таким образом, в силу географических условий Малая Азия являлась удобным путем сообщения между странами древнего Востока и Европой.

Природа Малой Азии представляет большие удобства для развития садоводства и скотоводства: первым занимаются преимущественно в приморских областях с мягким морским климатом, скотоводством — на внутренних плоскогорьях, представляющих отличные пастбища. Наряду с этим большое значение имело и земледелие. Но Малая Азия, и Каппадокия в частности, не была такой типичной земледельческой страной, как Египет или Вавило-

ния, так как здесь нет больших и разливающихся рек, как Нил или Тигр и Евфрат, оплодотворяющие своими разливами почву, нет и больших территорий плодородной почвы. Зато Каппадокия богата полезными ископаемыми: медью, серебром, которые уже в глубокой древности добывались и обрабатывались, а также железом. Затем Каппадокия была богата строительным лесом и разными породами камня. По своему климату, фауне и флоре Малая Азия имеет много общего с южноевропейскими странами и с Закавказьем.

Население. Население всей Малой Азии, и в частности Каппадокии, было очень разнородным и пестрым в этнографическом отношении. В состав населения Хеттского государства входило несколько народов, говоривших на разных языках, письменные памятники которых сохранились до нашего времени. Господствующим племенем в Хеттском государстве были хетты, и язык этого народа по своему культурному и политическому значению играл первенствующую роль. В современной науке вопрос о том, к какой системе языков надо относить хеттский язык, не является окончательно решенным. Ряд явлений в грамматике хеттского языка сближает его с языками индоевропейской системы. Индоевропейские элементы сказываются также и в хеттском словаре (например, «вадар» — вода [англ. water, немецкое Wasser]; «небис» — небеса; «куис» — кто, «куис-куис» — кто-либо [quis-quis]; «экуас» — лошадь [лат. equus] и т. д.). Наряду с этим большое количество слов хеттского языка — не индоевропейского происхождения. Большинство ученых склоняется к мнению, что хеттский язык один из древнейших индоевропейских языков, тогда как небольшая группа европейских ученых возражает против этого, считая хеттский язык туземным, малоазийским языком. Крупный советский ученый Н. Я. Марр считал хеттский язык языком яфетической системы.

Богазкеойский архив. Основным источником для изучения истории хеттов и их культуры является архив хеттских царей, откопанный в развалинах столицы Хеттского царства, в Хаттуше, немецким ассириологом Винклером. Этот архив состоит из многих тысяч глиняных табличек, исписанных клинописью (хетты пользовались вавилонской клинописью) на хеттском и других языках. Весь этот архивный материал относится к эпохе начиная с XV века. Для более ранних времен мы располагаем скудными сведениями.

Периодизация истории. В науке принято делить историю Хеттского царства на два больших периода: 1) Древнее царство (XIX—XVII веков) и 2) Новое царство (XVI—XIII веков). В конце XIII века хеттское государство под ударами переселяющихся народов моря распадается на несколько мелких государств, политическое значение которых было незначительно. В IX—VIII веках Ассирия окончательно сокрушает мелкие хеттские царства в Сирии и на юго-востоке Малой Азии. Таким образом, история

хеттов охватывает время с XIX до VIII века, т. е. период в одиннадцать веков.

Древнейший период. О временах, предшествующих XIX веку, мы крайне мало осведомлены. Периоду Древнего царства предшествовало время, когда хеттские народы были раздроблены на ряд мелких независимых государств. В этом отношении древнейший период истории хеттов напоминает соответствующие периоды истории Египта и Вавилонии. До возникновения объединенного Хеттского государства в Каппадокии было сильно влияние Ассирии. Это нам известно из так называемых каппадокийских табличек. Эти таблички (клинописные ассирийские тексты) являются документами хозяйственной отчетности ассирийских торговых колоний в Каппадокии. Они относятся к концу III тысячелетия и интересны для изучения деятельности ассирийских колоний в Каппадокии, но почти ничего не говорят о хеттах. Из них узнаем, что Ассирия ввозила в Каппадокию ткани и взамен этого вывозила металлы и строительные материалы. Согласно ряду данных, местное население враждебно относилось к ассирийцам, так как последние его эксплоатировали и притесняли.

Древнее царство. Как и когда точно возникло объединенное Хеттское государство, науке неизвестно. Во всяком случае это произошло около 2000 года. Одним из основателей и организаторов единого Хеттского государства был царь Табарна, время которого относится к XX или XIX веку. Другим крупным царем Древнего царства был Муршиль I: при нем Хеттское государство покоряет город Алеппо в Сирии, а в 1870 году хетты под предводительством Муршиля I совершают поход в Двуречье и громят Вавилонию. Столица страны, Вавилон, подверглась ограблению, но хетты не пытались обосноваться в Вавилонии. В хеттских анналах по этому поводу говорится: «Он [Муршиль] пошел на Алеппо и разрушил Алеппо и привел пленных из Алеппо и их имущество в Хаттуш. После этого он пошел на Вавилон и разрушил Вавилон, воевал также с хуррийцами и оставил (?) пленных и имущество Вавилона в Хаттуше». При Муршиле I столицей Хеттского государства становится Хаттуш.

Телепин. Последним крупным царем Древнего царства был Телепин. По его приказу был составлен большой исторический текст, излагающий историю хеттских царей от Табарны до самого Телепина. При Телепине же впервые был твердо регламентирован порядок престолонаследия. По закону Телепина, преемником царя должен быть всегда его старший сын, если же он умрет при жизни отца, то царем может стать его второй сын и т. д. В случае отсутствия мужского потомства царем становится муж старшей дочери, а если его нет, то муж второй дочери и т. д. Эта мера вызывалась тем обстоятельством, что до Телепина после смерти царя на престол претендовали его многочисленные родственники, вступавшие между собой в кровавую борьбу. Страна оказывалась охваченной длительными и жестокими усобицами. Установление

твердого порядка престолонаследия должно было положить конец этим явлениям, пагубно отражавшимся на государстве. Другим важным мероприятием Телепина было постановление, согласно которому царь не имел права лично расправляться со своими родственниками и представителями знати, в случае совершения ими преступления против царя: всякого рода заговорщики подлежали не личному суду царя, а суду так называемого панкуса (совета), который и должен был выносить приговор виновным после открытого разбора дела. Этим законом Телепин легализировал то положение, которое, повидимому, еще существовало тогда в Хеттском государстве как пережиток родового строя. Родовая знать была настолько сильна, что царская власть должна была считаться с нею и итти навстречу ее требованиям. В середине XVII в. Телепин умер, и после него история хеттского общества на протяжении приблизительно двух веков совершенно неизвестна за отсутствием памятников.

Новое царство. После этого хетты снова появляются на исторической сцене в XV веке до н. э., во времена знаменитого египетского фараона — завоевателя XVIII династии Тутмоса III. Хеттское государство в это время было еще очень слабо и пыталось снискать расположение могущественного повелителя Египта. На египетских памятниках времен Тутмоса III имеются изображения хеттского посольства с дарами в Египте, принимаемого первым жрецом Амона. В дальнейшем Хеттское государство крепнет.

Суппилулиума. При царе Суппилулиуме, современнике египетских фараонов Аменхотепа III и Эхнатона, хетты становятся прочной ногой в северной Сирии. Одним из интереснейших инцидентов богатого событиями царствования Суппилулиумы является посылка им своего сына в Египет. Как сообщают хеттские источники, в Египте умер фараон Бибхурурия и царица-вдова обращается к хеттскому царю с просьбой прислать ей одного из его сыновей в супруги, так как она не может и не хочет найти себе царя-супруга среди своих соотечественников. Суппилулиума отнесся к этой просьбе недоверчиво и, прежде чем выполнить просьбу царицы, посылает в Египет своего представителя Хатулу для выяснения обстановки. После доклада Хатулу он идет египетской царице навстречу и посылает в Египет одного из своих сыновей, который и был там убит. Никаких египетских источников по этому вопросу мы не имеем, и нам неизвестно ни имя египетской царицы, ни кто был царь, названный хеттами Бибхурурия. Возможно, это был царь Тутанхамон, вдова которого писала Суппилулиуме.

Войны с Египтом. В 1312 году при царе Муваталлу произошла знаменитая битва при Кадеше между войсками Рамсеса II и Муваталлу. Об этой битве подробно было сказано в связи с историей XIX династии в Египте. Здесь надо отметить, что армия хеттов была очень разношерстна по своему составу и что в нее входили представители народов, которые, согласно Илиаде, были соседями Трои. Конец конфликту между Египтом и хеттами был положен

в царствование Хаттушиля III, заключившего с Рамсесом II знаменитый договор о дружбе. Экземпляр этого договора, написанный на вавилонском языке клинописью, был обнаружен в архиве хеттских царей в Богазкеое. Договор был закреплен семейными узами: одна из дочерей Хаттушиля III стала женой Рамсеса II, а другая жена Рамсеса II находилась в дружественной переписке с женой Хаттушиля III.

Народы моря и падение царства. Приблизительно с 1200 года до н. э. хеттские источники прекращаются. Это как раз то время, когда Малая Азия и Египет подверглись нападению морских народов. В результате этого нападения единое Хеттское государство было разгромлено и осколки его в виде небольших государственных образований на юго-востоке Малой Азии и в северной Сирии продолжали влачить полусамостоятельное существование до VIII в., когда ассирийский царь Саргон II окончательно ликвидировал независимость этих мелких хеттских государств. С этого времени хетты навсегда исчезают с исторической сцены.

Государство. Хеттское государство не представляло из себя единой, монолитной политической организации: в моменты наибольшего территориального расширения оно имело характер объединения нескольких государств под верховной властью хеттского царя, причем степень их зависимости по отношению к центральной власти была различной. Наиболее крупными и самостоятельными из них были Кизватна (в юго-восточной части Малой Азии) и Арзава (в самой южной части Малой Азии — в Киликии). Во времена Нового царства власть хеттского царя больше не ограничивалась советом панкус и царь являлся полновластным монархом, как и другие монархи древнего Востока. После смерти цари причислялись к сонму богов.

Войны. Хеттское общество имело явно выраженный военный характер, и вся история хеттов является историей непрерывных войн. Войны сопровождались массовым захватом в плен враждебного населения и превращением его в рабов. Факт жадной погони за людьми, красной нитью проходящий через всю историю хеттов, неизменно встречается во всех текстах военного содержания. Военнопленные, которых превращали в рабов, считались важнейшим трофеем. Если отправлялись в поход войска нескольких союзных государств, то предварительно заключался договор, в котором предусматривался дележ добычи и в первую очередь пленных, а также выдача друг другу беглых пленных. В экономическом отношении эти массы пленных рабов играли в хеттском обществе большую роль. Нередко в хеттских текстах встречается следующая характерная фраза: «...люди и скот умножались, и пленные страны врага были в хорошем состоянии, ничего не погибало». Для хеттов раб и военнопленный являлись выражениями тождественности.

Рабство. Имевшиеся у хеттов десятки тысяч рабов использовались главным образом в царском и храмовом хозяйстве, а также

в хозяйстве господствующего класса — знати и воинов. Так, например, представители знати, как это видно по документам, владели многочисленными рабами (один документ указывает на владельца ста десяти рабов). Рядовые воины имели нередко по десятку рабов.

Судебник. О положении рабов и вообще о характере хеттского общества можно судить по хеттскому судебнику. Судебник состоит из двух табличек. В первой регулируются основные нормы правовой жизни: вопросы уголовного права, положение о рабах, семейное право, законодательство о воинах и т. д. Тут же устанавливаются наказания за кражу скота, за кражу в доме, за поджог и т. д. Во второй табличке содержатся цены на важнейшие предметы.

При общей оценке мы должны признать, что хеттский судебник несколько ниже вавилонского. Он не систематизирован, поскольку отдельные статьи его расположены вперемешку, без всякого порядка, который ясно выступает в вавилонском судебнике. Однако в нем мы находим такие моменты, как понятие злой воли, которое в вавилонском судебнике отсутствует. В хеттском судебнике имеется прямое указание на то, что суд обязан по каждому преступлению устанавливать, грешила ли только рука человека, или он сам, т. е. совершено ли преступление нечаянно или злонамеренно. Мало того, в нем устанавливается даже целая градация мотивов убийства купца: убит ли он ради грабежа, убит ли он из мести и т. д. В хеттском судебнике очень ярко выражено противопоставление свободного рабу, поскольку по каждому преступлению для свободного человека предусматривается одно наказание, а для раба другое. Так, за кражу свободный должен был платить лишь 12 сиклей штрафа, раб же, обокравший дом, должен был платить меньший штраф, поскольку за него уплачивал его господин, но зато рабу отрезали нос и уши.

Подобная дифференциация между свободными и рабами проводится и в законе, карающем за применение магических действий. Если свободный человек убивал змею и при этом называл чье-либо имя (предполагалось, что это приносит вред тому, чье имя произносилось), он подлежал штрафу в одну мину серебра; если же это делал раб, то он подлежал смертной казни. Постоянное противопоставление свободных рабам указывает на рабовладельческий характер хеттского общества.

Рабы, согласно судебнику, могли иметь семью, и судебник даже допускает брак между рабом и свободной женщиной. Таким образом, судебник допускает и наличие какой-то собственности у раба (для того чтобы иметь семью, надо было иметь возможность ее содержать). Но, как видно из документов, рабы, имевшие семью и собственность, были исключением, и огромная масса их фактически находилась в бесправном состоянии. В судебнике установлен единый штраф за убийство свободного человека — четыре раба,

а за убийство раба — два раба. В случае неумышленного убийства штраф снижался до двух рабов за свободного и до одного раба за раба. Членовредительство, нанесенное свободным свободному, каралось штрафом.

Письменность. Хеттская культура находилась под несомненным и сильным влиянием вавилонской культуры. Это выражается прежде всего в том, что хетты заимствовали у вавилонян важнейший элемент культуры — письмо. Вавилонская клинопись приспособлена была к хеттскому языку и стала системой хеттского письма. Вместе с клинописью хетты заимствовали ряд вавилонских слов и идеограмм, например: «брат», «сестра», «отец», «раб», «рабыня». Каковы были соответствующие им хеттские слова — мы не знаем, так как они не встречаются в текстах. Меры веса для металлов — мина и сикль — также заимствованы из Вавилонии. В архиве хеттских царей был найден хеттский перевод эпоса о Гильгамеше.

Религия. Хеттская религия обожествляла силы природы — солнце, грозу и т. д. Многочисленный хеттский пантеон еще недостаточно хорошо изучен. В нем было несколько солнечных божеств, из которых самым важным была богиня города Аринна, имя которой неизвестно, так как она изображалась в текстах идеограммой. Обычный ее эпитет в текстах «царица страны Хатти», «руководящая в стране Хатти царями и царицами». Она почиталась как богиня — покровительница государства. В сохранившемся к ней гимне говорится, что она устанавливает границы стран, что она царствует над небом и землей и т. д.

Очень популярен был бог Телепин. Это хеттский умирающий и воскресающий бог. В мифе о Телепине повествуется, как после его исчезновения на земле прекратилась жизнь и как боги, обеспокоенные этим, стали его искать. Отец Телепина, бог грозы, посылает орла разыскать исчезнувшего бога. Но орел не сумел найти его, и тогда его разыскивает, также безуспешно, сам отец. Наконец, Телепина находит посланница богов пчела. Но Телепин еще в бессознательном состоянии. Магические заклинания приводят его в чувство, и на земле все снова оживает. Среди хеттских богов мы встречаем и вавилонские божества, например богиню Иштар. Представления хеттов о загробной жизни неизвестны, известно лишь, что по хеттским верованиям цари после смерти становились богами. Чрезвычайно развиты были предсказания, приметы, гадания, заклинания и прочие магические действия. Хеттская магия имеет сильный отпечаток вавилонского влияния.

Жречество. Жречество, возглавлявшееся царем, было многочисленно и разделялось на несколько категорий. Иностранцы к выполнению культа не допускались. Жреческие функции были регламентированы особыми постановлениями, предусматривавшими суровые наказания, вплоть до смертной казни, за нарушения ритуала. От хеттов не сохранилось никаких памятников научного содержания, также как и литературных. Зато некоторые царские надписи носят

литературную форму. Такова надпись царя Хаттушиля III в форме автобиографии.

Автобиография Хаттушиля. Хаттушиль начинает свое повествование с раннего детства и завершает моментом, когда становится царем.

Он рассказывает о себе, что родился хилым, болезненным ребенком, который не подавал надежды на то, что когда-нибудь окрепнет и сможет сделаться воином. Поэтому родители готовят его не для войска, а в жрецы, посвящая его культу богини земли и плодородия, которую хетты называли вавилонским именем Иштар. (Вероятно она называлась еще именем Нана или Ма, которым в Малой Азии именовалась богиня «Мать».)

Но затем Хаттушиль физически крепнет, и отец доверяет ему некоторые государственные дела. Когда умирает его отец, то на престол вступает Муватталу, старший брат. Хаттушиль все-таки жалуется на то, что брат не очень ему доверяет. Муватталу умирает сравнительно рано — после недолгого правления. После него вступает на престол, как уверяет Хаттушиль, при его помощи, молодой сын его, племянник Хаттушиля, который был ему всем обязан, которого он поддерживал против вельмож, не желавших иметь его на престоле и просивших Хаттушиля быть царем. Племянник, сделавшись царем, вместо того чтобы чувствовать расположение к своему дяде, начинает его преследовать. Он ему дает в управление какую-то небольшую отдаленную область. Хаттушиль с этим мирится и управляет этой областью разумно, становится любимцем ее жителей, подчиняется во всем своему племяннику, но последний продолжает преследовать его. Дело заканчивается тем, что он лишает Хаттушиля и этих земельных владений и хочет снова превратить его в жреца богини Иштар. Тут Хаттушиль уже не мог перенести такой черной неблагодарности, и дело заканчивается тем, что он захватывает в плен своего племянника, а сам становится царем. Племянник продолжает вести интриги. Тогда вельможи советуют Хаттушилю казнить племянника. Но Хаттушиль оказался на высоте гуманности и выслал племянника на остров Кипр (который, очевидно, был местом ссылки для хеттов). Хаттушиль подчеркивает, что Иштар всегда защищала его от врагов, и выражает уверенность, что она будет защищать его и в дальнейшем.

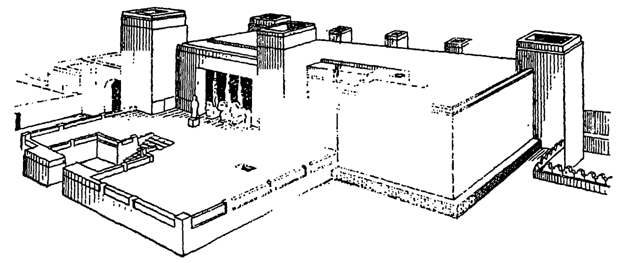
Однако если внимательно вчитаться в текст этого чрезвычайно любопытного человеческого документа, которым, очевидно, Хаттушиль пытался оправдать себя, то легко убедиться, что его племянник, которого он в конце концов сослал на Кипр, имел определенные основания побаиваться своего дяди, искусного интригана. Хаттушиль сумел создать себе партию, которая в конце концов его, младшего отпрыска царского дома, несмотря на «конституцию» Телепина, возвела на престол.

Культура хеттов. В хеттских текстах иногда упоминаются имена их авторов. Нам известен автор хеттского учебника по магии, а также автор учебника по конной езде. Следует отметить, что в последнем вся терминология не хеттская, а митаннийская, что указывает на культурные заимствования хеттов у Митанни. Наибольшую самобытность хетты проявили в искусстве. Их архитектура имеет много оригинального. Что касается изобразительных искусств, то хетты в этой области стояли значительно ниже египтян и вавилонян.

Хеттская культура в жизни древнего Востока не занимала того положения, какое имели культуры Египта и Вавилонии.

Важнейшее значение хеттской культуры заключалось в том, что она была мостом между древним Востоком и древней Европой, что она способствовала проникновению элементов вавилонской культуры в греческое общество еще в очень древние времена.

„Печать Таркондема"
с двуязычной (клинописной и иероглифической) хеттской надписью.



Храм в Телль-Халафе. Реконструкция.

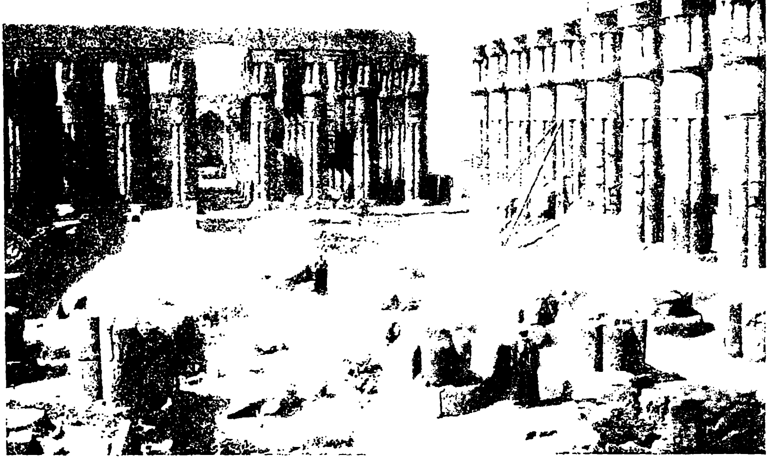
ГЛАВА XXII

МИТАННИ

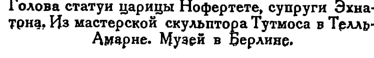
Страна. Севернее среднего течения Евфрата, в долине рек Балиха и Хабура, в начале II тысячелетия возникло царство Митанни. Эта область занимает выгодное положение, являясь узлом путей из южной Месопотамии к горам Ливана и Финикийским городам, к горам Тавра и юго-восточной Малой Азии. С другой стороны, эта область связывала г. Ашшур в среднем течении Тигра с его торговыми колониями в Каппадокии и берегами Средиземного моря. Область, занятая Митаннийским царством, в отличие от области Ашшура, охватывает большее пространство, и потому объединение ее было делом более трудным. Кроме того, население здесь было чрезвычайно пестрым, поскольку область лежала в центре влияния окружающих стран, а рельеф местности разрезал ее на изолированные части. Все это затрудняло объединение области западной Месопотамии в одно государство.

До конца III тысячелетия торговые связи Ашшура с каппадокийскими колониями осуществлялись через посредство тех племен, по территории которых проходили караванные пути. Купцы Ашшура, повидимому, заключали договор с племенными вождями, которые являлись проводниками ассирийской торговли. С перемещением торговых путей (что связано с усилением финикийских городов) роль Ассирии в западной Месопотамии падает. Возможно, что возникновение Митаннийского царства, отрезавшего Ашшур от Малой Азии, послужило также причиной упадка ассирийской торговли. Впервые мы узнаем о Митанни в связи с походом хеттского царя Муршиля в Вавилон (в 1870 году), когда на обратном пути захваченная им в Вавилоне добыча была отобрана митаннийцами.

Население. Население Митанни не было однородным: в состав его входили различные племена, издавна жившие в Северной Сирии в верхней Месопотамии.



Храм Аменхотепа III в Луксоре (Фивы)



Голова статуи царицы Нофертете, супруги Эхнатона. Из мастерской скульптора Тутмоса в Телль-Амарне. Музей в Берлине.

Эхнатон и его семья молятся богу Атону. Рельеф из Телль-Амарны.

Первоначальным населением северного Двуречья были яфетические племена субарейцев. Рано здесь появляются кочевые племена амореев, которые переходят к оседлости. Около 1900 года власть захватывает одно из субарейских племен — хурри, которое подчинило себе другие субарейские племена и амореев. В науке существует мнение, что в начале II тысячелетия к хуррийцам присоединились осколки индийских племен. Возможно, что торговые пути от среднего Тигра, через его притоки Диалу и Адем, связывали Переднюю Азию с индо-иранским миром и что по этим путям проникали в Месопотамию восточные племена, родственные индийским. В хуррийском языке, на котором говорили митаннийцы, возможно, продолжали бытовать слова индийского происхождения. Это сказывается в именах царей правящей династии (например, Тушратта, Артатама и т. д.), в некоторых терминах, связанных с коневодством. Так, в известном «Трактате о коневодстве» некоего Киккули терминология чисто индийская; также колесничие, составлявшие дружину царя, названы древнеиндийским термином — марьянни. Но уже в XIV веке марьянни рекрутировались из числа хуррийцев. Во времена Тутмоса III термином «марьянни» названы послы Мегиддо, Аскалона и других городов Палестины. Так они названы в папирусе Государственного Эрмитажа № 1116-А на обороте известного «Поучения гераклеопольского царя». Наконец, надо отметить, что в двух текстах упомянуты индийские боги — Индра, Митра, Варуна, Насатья. Имена этих богов упомянуты в клятвенной формуле и не на первом месте. Повидимому, эти боги были богами царской семьи. Пестрота населения Митанни усиливается еще появлением в северной Сирии и западной Месопотамии арамейских племен ахламейцев, которые кочевали в этих областях, постепенно переходя к оседлости. В хуррийском языке можно отметить черты, свойственные яфетическим языкам. Этот язык имел распространение за пределами собственно Митанни; мы встречаем его в Малой Азии, в документах Богазкеоя, а также в области царства Урарту у Ванского озера. Может быть, и в Закавказье, как показывают раскопки последних лет близ Тбилиси, сохранились черты хуррийской культуры. Таким образом, распространение хуррийской культуры охватывает всю территорию северной Передней Азии. Это можно наблюдать, например, в религии. Хуррийский бог грозы и бури, Тешуп, почитался у хеттов и урартов (у последних под именем Тейшеба). Также хуррийская богиня солнца Хепат встречается у хеттов (например, в имени царицы Пуду-хепа, жены Хаттушиля III).

Хуррийцы подчинили на время Сирию и Палестину. На египетском языке Сирия называлась даже «Хару». Возможно, что своим движением хуррийцы толкнули гиксосов к вторжению в Египет. Митаннийские имена еще в XV веке встречаются в Сирии и в Палестине.

Ранняя история Митанни. Древний период истории Митанни еще мало изучен. Мы знаем лишь ряд царских имен в связи с теми завоеваниями, которые расширили границу государства на запад до Кархемиша на Евфрате, а на восток до Тигра. Значительная часть территории Ассирийского царства была захвачена Митанни; в их руках находились даже города Ниневия и Ашшур; некоторые области за Тигром, как Аррапха и племена гутеев и лулубеев, находились в полной зависимости от Митанни.

Столицей Митанни был город Вашшуккани, отсюда митаннийцы направляли свои войска против Ашшура и городов Сирии. На основании сохранившихся изображений на каменных рельефах можно составить себе представление об организации и технике военного дела. Армия состояла в основном из пехоты; кроме того, большую роль играли колесничие (марьянни), составлявшие дружину царя и набиравшиеся из среды хуррийской знати. Верховая конница, всадники еще почти не встречаются на изображениях. Повидимому, роль конницы, как и в египетской армии, играли легкие колесницы.

Война с Египтом. В середине XVI века совершил свой большой поход в Азию египетский царь Тутмос I, дойдя до границ Митаннийского царства на Евфрате. Здесь он поставил свою стелу с надписью, устанавливающей северную границу владений Египта. Этот поход сильно встревожил Митанни, которое видело в лице Египта серьезного противника. Другим противником Митанни была Ассирия, которая пыталась сбросить с себя иго Митанни. Во время одного похода в Ассирию в конце XVI века митаннийский царь Шаушшатар нанес большое поражение Ашшуру; город был захвачен, и митаннийцы унесли с собой большую добычу, в том числе двери из золота и серебра; области за Малым Забом, притоком Тигра, были также подчинены. В западных областях власть Митанни простиралась до Тунипа и Катны в северной Сирии. К этому времени относится начало походов египетского фараона Тутмоса III в Палестину и Сирию, где он встретил сопротивление со стороны Митанни. Согласно его анналам на 33 год своего царствования (т. е. около 1490 года) Тутмос, находясь в области Оронта, вторгся в пределы Митаннийского царства. Царь Митанни вынужден был бежать за Евфрат, но египетские войска продолжали его преследовать. Через два года Тутмос снова столкнулся с Митанни и нанес им большое поражение. Несмотря на это Митанни продолжает оспаривать у Египта его власть в сирийских городах. Уже в конце своего долголетнего царствования Тутмос в битве при Кадеше (на р. Оронт) среди прочей добычи захватил у митаннийцев, пришедших на помощь Кадешу, до семисот пленных и около полусотни коней.

Союз с Египтом. После целого ряда поражений, которые египтяне нанесли Митанни, между ними устанавливаются дружественные отношения. Египет был заинтересован иметь не врага, а союзника у северных границ своих азиатских провинций. Ми-

танни же ищет поддержки у Египта против усиливающихся в это время Ассирии и хеттов. Уже Тутмос IV был женат на дочери Артатамы, преемника Шаушшатара, а Аменхотеп III имел в своем гареме трех митаннийских царевен. По поводу брака с одной из них, царевной Гилухепа, был изготовлен скарабей, отмечающий, что ее сопровождала свита из 317 придворных. Вместе с тем Митаннийский царь Тушратта (вторая половина XV века) просит царя Египта прислать ему золота, которого, казалось, в Египте так же много, как песку. Он обижен, когда фараон присылает ему не золотые, а деревянные позолоченные статуи. Тушратта посылает Аменхотепу III, когда тот в конце своего царствования заболел, чудодейственную статую богини Иштар Ниневийской (Ниневия тогда находилась под властью Митанни) и пишет при этом: «Я посылаю тебе ее, она отправилась. Уже во дни моего отца владычица ходила в эту землю и, как тогда ее чтили, так да почтит ее теперь мой брат в десять крат больше и да отошлет и вернет ее в радости». В тех письмах, которые сохранились в дворцовом архиве Телль-Амарны, видны дружественные отношения, установившиеся между главами двух великих держав. Из этих же писем мы узнаем, что Тушратта, опираясь на союз с Египтом, решает открыто выступить против хеттов.

Отношения с хеттами. Хеттским царем был в то время хитрый политик Суппилулиума. В письмах к Аменхотепу III митаннийский царь сообщает о своих победах над Суппилулиумой. Время царствования Тушратты было временем большого расцвета Митаннийского царства. Ассирия была покорена; Вавилония была слишком слаба, чтоб активно участвовать в северо-месопотамской политике, и остается в стороне; Египет находится в дружественных отношениях с Митанни; хеттам было нанесено поражение. Тушратта был в состоянии начать большую строительную деятельность. Им был выстроен великолепный дворец, который был роскошно обставлен. Но этот расцвет длился недолго. Уже в конце своего царствования Тушратта потерпел поражение со стороны хеттских войск. В то же время выясняется, что Аменхотеп III поддерживал дружественные отношения не только с Митанни, но и с Ассирией, где тогда уже царствовал, повидимому, Ашшурубаллит. В Ассирию египетский царь посылает 20 талантов золота и тем самым приобретает ее дружбу. Повидимому, усиление Митанни угрожало Египту в его северных провинциях. Пошатнувшаяся дружба с Египтом и войны с хеттами привели Митанни к временному упадку.

Дворцовый переворот. Ослабление власти Тушратты повело к дворцовому заговору, в результате которого Тушратта был убит одним из своих сыновей. Документы богазкеойского архива сообщают, что в это время ассирийцы вторглись в пределы Митанни: «... страна Митанни совершенно погибла, ассирийцы и алшейцы (Алше — в верховьях Тигра) разделили ее между собой». Митанни вынуждено было вернуть Ассирии захвачен-

ную еще Шаушшатаром добычу, в том числе дверь из золота и серебра. Законный наследник престола Маттиваза, сын Тушратты, едва не погиб во время этих дворцовых смут, но во-время успел бежать под покровительство Суппилулиумы. Последний воспользовался придворными неурядицами в Митанни, а также борьбой, которая происходила в среде митаннийской знати, частично ориентирующейся на Ассирию, а частично на хеттов. Текст из Богазкеоя по этому поводу сообщает, как Суппилулиума «взял Маттивазу, сына царя Тушратты, за руку и возвел его на трон. Чтобы страна Митанни, великая страна, не погибла, великий царь призвал ее к жизни ради своей дочери. Маттивазу взял за руку и дал ему мою дочь в жены».

Таким образом, занимая территорию, которая была объектом споров Ассирии, хеттов и Египта, Митанни попала в полную зависимость от хеттов. Ассирия освободилась от власти Митанни и расширила свою территорию. Хетты, в лице Суппилулиумы, распространились до Евфрата и оказывали непосредственное давление на аморейские города Сирии, оспаривая здесь власть у Египта, который не был в состоянии защитить свои интересы, переживая трудное время реформ Эхнатона.

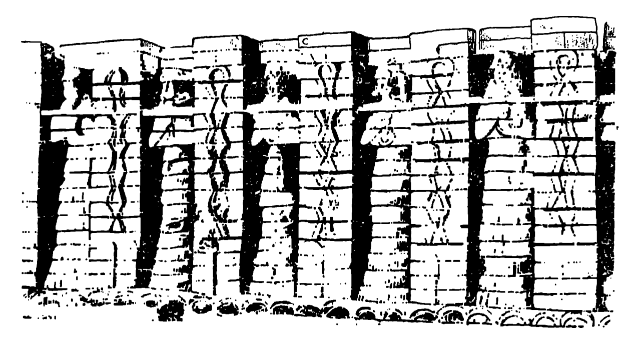
Упадок Митанни. С этого времени Митанни неуклонно идет к упадку, существуя как зависимое от хеттов государство. В конце XIV века митаннийский царь Шаттуара I попытался перейти в наступление на Ассирию, но потерпел поражение и был захвачен в плен. Другая попытка, сделанная его сыном, также не увенчалась успехом. Хетты, на помощь которых он рассчитывал, не помогли, и ассирийцы захватили столицу Митаннийского царства Вашшуккани и ряд других городов до Кархемиша на Евфрате. На часть населения были возложены тяжелые строительные работы, а царь со своей семьей, закованный в цепи, был уведен в Ашшур. Последняя попытка Митанни освободиться от ассирийского ига была сделана в XIII веке Шаттуарой II, который получил поддержку у хеттского царя Хаттушиля III, современника египетского Рамсеса II. Митаннийцы отступали под натиском ассирийцев вглубь степей и преграждали дальнейшее их продвижение в плодородные области, захватывая горные перевалы и колодцы на караванных путях. Но ассирийский царь Салманасар I обратил Шаттуару в бегство. Как говорят ассирийские тексты, при этом было захвачено в плен около пятнадцати тысяч хеттов, арамеев и митаннийцев. Митаннийское войско Шаттуары состояло уже в значительной своей части из хеттов. После этого удара, нанесенного ассирийцами, Митанни не могло уже оправиться. Митанни перестает существовать как самостоятельное государство и распадается на ряд мелких царств, стоящих большей частью под властью Ассирии. Торговое значение Митанни перешло к Ассирии.

Общество. К сожалению, документы, которыми мы располагаем для истории Митанни, не дают возможности судить детально о социальном строе этого государства, которое просуществовало

всего несколько сот лет. Повидимому, все же господствующим слоем в этом государстве были хуррийцы, которые держали в подчиненном положении покоренные ими племена амореев, арамеев и родственных хуррийцам субарейцев. Хуррийцы занимали здесь, примерно, такое же положение, как касситы в Вавилонии. Держались они исключительно силой оружия. Среди хуррийцев особо выделялась знать — марьянни (колесничие), которые являлись главной силой в войске Митанни. Мы имеем в источниках указания на ненависть народа к марьянни. В этом была непрочность самого государства, вынужденного вести постоянную борьбу не только с внешними врагами, но и с покоренным населением своей страны. О положении последнего мы ничего не знаем, но можно предполагать, что в основном земледельческое население эксплоатировалось, примерно, так же, как субарейцы эксплоатировались ассирийцами. Очевидно, крестьяне находились в Митанни на положении данников.

Основными источниками для истории Митанни являются документы архивов Телль-Амарны, Богазкеоя и ассирийские летописи, в которых история Митанни представлена как история отдельных царей, дворцовых интриг и завоеваний.

Митаннийская печать из Кумбулта (Осетия). Гос. Эрмитаж.



Фасад касситского храма в Уруке времени Караиндаша.

ГЛАВА XXIII

ГОСПОДСТВО КАССИТОВ В ВАВИЛОНИИ

Завоевание Вавилонии касситами. После разгрома Вавилонии хеттами в 1870 году в Южном Двуречье господствовала Приморская династия около столетия. Приблизительно в 1775 году в Вавилонию вторглись горные племена касситов, жившие в горах Загра, севернее Элама. Ослабленная вследствие внутренних причин и недавнего нашествия хеттов, Вавилония не могла противостоять касситам. Хотя династия Приморской страны и вела ожесточенную борьбу, но в конце концов касситы захватили северную Вавилонию и ограничили владения Приморской страны снова одним лишь Югом. Борьба между касситским Севером и династией Приморской страны продолжалась, и около 1600 года касситы одержали победу над врагом и снова объединили южное Двуречье во всем его объеме.

После этого касситы господствовали над Вавилонией еще около 410 лет, но в течение своего многовекового владычества они много нового в историю вавилонского общества не внесли. Хотя последние раскопки в Уруке доказали некоторое своеобразие вавилонского искусства в касситский период, но все же самым существенным достижением касситского завоевания было введение ими в большом количестве лошадей. Если до этого лошади и были известны в Вавилонии, то их было чрезвычайно мало, в касситскую же эпоху лошадей в Вавилонии, по выражению одного из хеттских царей, было «больше, чем соломы». В клинописном письме продолжала жить память о восточной родине лошади — идеографическое написание ее обозначает «осел гор», т. е. «осел Востока». В остальном же все при касситах осталось по-старому, а кое-где можно даже констатировать некоторый регресс. Производственные отношения, устанавливавшиеся при последних представителях Вавилонской династии и при царях Приморской страны,

в основном не изменились. Касситы, подчинив себе богатое вавилонское общество, окончательно закрепили господство знати в городах Вавилонии. Право быть воином было предоставлено исключительно лишь одним представителям касситского народа. В вавилонских гробницах позднего времени совсем не найдено оружия. Вавилонское крестьянство и свободное население городов, перестав быть воинами, окончательно потеряли силу сопротивляемости. Богатая верхушка, опираясь на касситское воинство, подчинила массу бедноты безраздельно своему господству.

Развитие торговли с другими странами. Телль-амарнская переписка сообщает о караванных сношениях, которые имели место в конце XV века, между Египтом и Вавилоном. Правда, судя по этой же переписке, сношения были полны опасностей.

Бурнабуриаш, касситский царь, писал Эхнатону, царю Египта, что вавилонские тамкары (купцы) подверглись нападению со стороны грабителей в Ханаане, на территории, принадлежавшей Египту; купцы были убиты, товары и деньги похищены. Вавилонский царь не хочет примириться с ограблением своих купцов и требует возмещения убытков и наказания виновных.

В своем письме он настаивает на своих требованиях: «Я послал к тебе Аззу, чтобы он явился перед лицо твое, спроси его, и пусть он скажет тебе: Кинаххи (Ханаан) — твоя земля и ее цари — твои слуги. В твоей стране подвергся я насилию. Обуздай их и возмести деньги, которые они отняли. А людей, которые убили моих слуг, убей их и отомсти за их кровь. Но если ты не убьешь этих людей, то и другой раз они убьют, будут ли это мои караваны или твои послы, а тогда перестанут ходить между нами послы, и если это случится, то они [т. е. цари Ханаана] отпадут от тебя».

В торговле с Западом в одинаковой степени с Египтом была заинтересована и Вавилония, и потому понятно, что касситы сами пытались обезопасить свои торговые пути с Сирией. Так, например, один из касситских царей XV века на-голову разбил бедуинов пустыни, отделяющей Вавилонию от Сирии, велел вырыть здесь колодцы и расставил посты. Правда, слабой Вавилонии такая экспансия на длительное время была не под силу, и ей приходилось рассчитывать на помощь своих более сильных соседей: Египта, Хеттского государства, Митанни и, наконец, Ассирии. Со всеми этими государствами Вавилония касситской эпохи находилась в постоянных сношениях.

Торговые дома. О развитии вавилонской торговли в этот период свидетельствует появление в XIV веке торгово-ростовщических домов в Вавилонии. Документы одного из таких «домов», процветавшего в небольшом городе, дошли до нас. Это был торговый дом сыновей Набушарраха, входивший в состав царского казначейства. Он собирал царские доходы, оплачивал расходы дома царя и производил самые разнообразные платежи за счет царской казны. В целях развития торговли цари давали льготы большим городам страны, как Вавилон, Сиппар и Ниппур, являвшимся центрами торговли и ремесла. Жители этих городов освобождались от каких-либо общественных работ и повинностей как в мир-

ное, так и в военное время. «Мужи» этих привилегированных городов имели даже право наряду с «царскими мужами» арестовывать жителей прочих городов Вавилонии.

Рабство. О положении рабов в касситскую эпоху свидетельствуют документы отчетности XIV и XIII веков, дошедшие до нас из архива царского хозяйства в городе Ниппуре. Царское хозяйство обнимало собой и храмы. Рабы, как и в предшествующие эпохи, продавались, отдавались в наем. На ночь, чтобы они не могли сбежать, их сажали в специальные дома, которые строились предприимчивыми людьми, чтобы принимать на хранение рабов. Настолько рабы были лишены человеческих прав, что перед именами рабов, как перед именами животных, например коров, не ставился детерминатив человека. Храмовое хозяйство Ниппура насчитывало много сотен рабов. Наряду с неквалифицированными рабами, в храмах имелись многочисленные рабы-ремесленники, как, например, кузнецы, каменотесы, каменщики, кожевники и т. д. Любопытно, что рабы храмовых служащих получали вместе со своими господами кормление от храма. Много рабов трудилось в хозяйстве крупных землевладельцев, о которых от этой эпохи до нас дошло много свидетельств. Чрезвычайно многочисленны были и царские рабы. Часть земель царя, вельмож или храмов сдавалась в аренду, а другая часть обрабатывалась принадлежавшими им рабами. Некоторые из рабов находились в более привилегированном положении. Так, известно, например, о рабе-ткаче некоего частного лица, который покупает себе корову. В особо привилегированном положении, конечно, бывали чаще всего рабы царя, как, например, Икишашамаш, который упоминается на страницах делового журнала торгового дома сыновей Набушарраха. Несомненно, число рабов, находившихся в привилегированном положении, было весьма незначительно по сравнению с числом тех, которые были рабами в полном смысле этого слова. Теперь стали терять свою свободу и те лица, которые прежде были воинами и имели в своем владении неотчуждаемые земельные наделы. После касситского завоевания они, перестав быть воинами, лишились своих прежних льгот и сделались жертвами ростовщиков. Рабы-должники смешивались в одну бесправную массу с рабами из числа военнопленных. Однако, в целом общинное землевладение в касситскую эпоху является весьма стойким.

Остатки родовой организации у касситов. Обращают на себя внимание остатки родовой организации у касситов. Мы знаем о покупках царями земли у разных родов, называвшихся «домами», например, дома Муккут-Иссах, дома Пири-Амурру, дома Ада и т. д. Так, например, у дома Ада визирь царя покупает за скот землю для некоего Ададзерикиша. Глава рода выступает при заключении сделки представителем рода и следит за выполнением последним своих обязательств; он назывался «владыкой дома». Очевидно, касситы при завоевании разделили всю Вавилонию между своими родами или, в некоторых случаях,

между семьями тех лиц, может быть и вавилонского происхождения, которые примкнули к ним. Касситы, сохранившие следы примитивной родовой организации, использовали ее для управления завоеванного ими древнего общества. Владыки рода должны были помогать чиновничьему аппарату в его заботах об ирригационной системе и вообще о доставлении всего того, что требовалось для государства. «Владыка дома» заботился о доставке рабочей силы для сооружения ирригационной сети, содержания ее в порядке, использования ее, о посылке воинов, снабжении тростником и зерном, исправлении дорог, предоставлении пастбищ для скота царя и наместника. Рабочая сила рекрутировалась из рабов и оставшихся свободными крестьян и ремесленников и поставлялась самими касситскими «домами». Благодаря развитию обмена происходила имущественная дифференциация родов. Некоторые из них стали увеличивать свои земельные владения за счет других. Так, например, земли рода Муккут-Иссах были расположены в шести различных административных районах. Очевидно, подобное расширение имело место в результате скупки земель у других родов.

Кудурру. Результатом слабости государственной организации касситской Вавилонии было образование храмового и тесно связанного с ним частного привилегированного землевладения, освобожденного от несения общегосударственных повинностей и от подчинения государственным чиновникам и их помощникам, представителям касситской родовой знати. С XIV в. касситские цари закрепляли права такого землевладения при помощи так называемых «кудурру» — пограничных камней, покрытых символами богов-охранителей дарованных прав и надписями. В последних царь указывал размеры и границы покупаемого у того или другого рода участка или имя лица, которому участок этот дарился; затем следовало перечисление прав нового землевладельца; из него следует, что участок такого землевладельца был освобожден от всех общегосударственных обязанностей, которые устанавливали царские чиновники или же их помощники, владыки касситских родов. Он оставался связанным, очевидно, лишь со своим непосредственным округом. В этом отношении «кудурру» Вавилонии касситской эпохи напоминают несколько те льготные грамоты, которые давали храмам Египта цари Древнего царства. И в Вавилонии в касситскую эпоху цари часто дарили земли своим приближенным, приписывая их вместе с тем местному богу. Участок для дарения отчуждался от владевших им крестьян, а новый владелец, освобожденный от повинностей государству, налагал эти повинности на тех же крестьян, но уже в свою пользу.

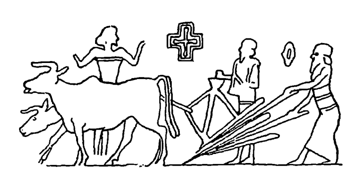
Установка кудурру на самом участке настолько тщательно соблюдалась, что в случае повреждения ее она заменялась другой. Такая установка кудурру на открытом поле закрепляла в сознании окружающего населения имя землевладельца, права которого были защищены богами. В эпоху сильной государственной власти всего этого не требовалось, так как кадастровые записи, которые

велись с незапамятных времен в Вавилонии, в достаточной степени защищали право землевладельца. В эпоху же слабости и неустойчивости государственной власти при касситах требовалось более конкретное воздействие, нежели далекая кадастровая запись, а именно кудурру, стоявшая на самом участке у всех на виду.

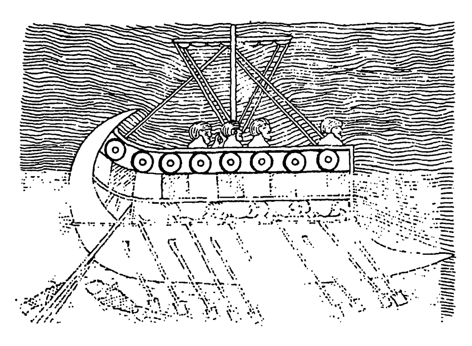
Политическая слабость Вавилонии. Земельные отношения, сложившиеся в Южном Двуречье при господстве касситов, были таким образом обусловлены слабостью государственной власти. Соответственно этому удельный вес Вавилонии в международной политике второго тысячелетия был очень невелик. Касситы почти не участвовали в борьбе за гегемонию, которую вели между собой Египет и Хеттское государство. Все попытки последнего вовлечь Вавилонию в эту борьбу не увенчались успехом. Вавилония даже попала в полную зависимость от своей бывшей колонии Ассирии. Последняя, сбросив иго Митаннийского государства в северной Месопотамии, подчинила себе при царе Ашшурбаллите (около 1420 года) на время Вавилонию. О пренебрежительном отношении к Вавилонии XV века свидетельствует отказ египетского царя одному из касситских правителей Кадашманенлилю I в руке своей дочери. Получив этот отказ, кассит унижается до просьбы прислать хоть какую-нибудь египтянку: «Есть много красивых женщин [в Египте], — писал он, — пришли мне одну из них, ведь кто скажет тогда: «это не царевна». Кадашманенлиль готов итти даже на явный подлог, чтобы хотя бы видимостью брака с дочерью египетского царя поднять свое значение.

Конец касситского периода. Конец касситского периода был заполнен ожесточенной борьбой с Ассирией. В борьбе с Ассирией касситам помогал Элам. Эта борьба сопровождалась такими драматическими моментами, как поединок между касситским царем и царем Ассирии, который закончился смертью обоих. В борьбе с царями Ассирии касситская знать находила поддержку у ассирийской знати. Последняя, как мы выше видели, положила около 1250 года предел победам и жизни ассирийского завоевателя Тукультининурта I. Это был последний крупный успех политики касситской Вавилонии. Около 1190 года касситы, после почти шестисотлетнего господства, перестали властвовать над Вавилонией, истощив в непрерывных войнах все свои силы. В Вавилонии захватила власть династия, происходившая из самого Вавилона. Война с Ассирией продолжалась с той же ожесточенностью, что и раньше. Царям новой вавилонской династии, среди которых наиболее крупным был царь Навуходоносор I, приходилось бороться и с эламитянами. Наибольший успех в этих войнах выпал на долю второго преемника Навуходоносора I, Мардук-Надин-Аххе, который в 1107 году вторгся в Ассирию, разграбил храмы и увез даже с собой несколько статуй богов. Последние были возвращены ассирийским храмам лишь 418 лет спустя. Победа 1107 года была лебединой песней военной доблести четвертой вавилонской династии. Около 1060 года она бесславно закончила свои дни.

Культура касситского периода. Наряду с ослаблением политической мощи в Вавилонии того периода замечается определенный регресс и в культурном отношении. В особенности рельефно выступает регресс в области искусства. И круглая скульптура, и рельефы, и прикладное искусство касситской эпохи не могут выдержать никакого сравнения с соответствующими памятниками третьего тысячелетия. Недавно раскопанные рельефы касситского храма в Уруке, хотя и своеобразны, но значительно менее совершенны, чем рельефы предшествующих столетий. Строительная деятельность касситской эпохи также бледнеет перед колоссальным размахом строительства династии Ура, царя Хаммурапи и его ближайших преемников. В литературе и науке господствует полный застой. Современный касситской Вавилонии Египет Нового царства создал и мощную политическую надстройку и нашел в себе творческие силы для создания новых ценностей в искусстве и науке. Такой перевес во втором тысячелетии общества долины Нила над обществом Двуречья был обусловлен значительными успехами масс рядовых свободных «маленьких» над «сильными» в конце Среднего царства.



Плуг с сеялкой.
Оттиск печати касситского времени.



Финикийский корабль.

ГЛАВА XXIV

ФИНИКИЯ

Финикийское общество в истории древнего Востока является типичным торговым обществом. «Финикияне, — говорит Маркс, — народ торговый par excellence».[1] Подобное общество, конечно, могло сложиться только тогда, когда уже существовали общества Египта и Вавилонии, которые для развития своего хозяйства нуждались в посредниках по снабжению их техническим сырьем.

Финикия занимала северную часть восточного побережья Средиземного моря. В географическом отношении страна чрезвычайно своеобразна. Ливанские горы, покрытые кедровыми лесами, подходят к самому морю и обрываются скалами. Только кое-где горы пересекаются ущельями или отступают вглубь страны. Там море врезается в сушу и образует бухты и заливы. Плодородной земли очень мало, почему сельское хозяйство там не могло развиваться в широком масштабе.

Кроме морских промыслов, население занималось еще садовой культурой, культурой оливковых деревьев и финиковых пальм, а затем и виноделием.

Города. Из городов Финикии большое значение имел город, который греки называли Библ (по-финикийски Гебал, что значит гора). Город Библ славился как центр торговли прекрасным строевым лесом Ливана.

Самый крупный из финикийских городов назывался греками Тир, что соответствует семитическому Тсур — скала. Действительно, город Тир был расположен в древнее время на скале и только позднее стал расширяться по территории прибрежного острова. Занятием населения Финикии в древнейшее время была преимущественно рыбная ловля. Это нашло отражение в названии

---

[1] *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1937, стр. 127, прим. 90.

третьего из больших финикийских городов, который находился между Библом и Тиром, — Сидона (Сидон означает, как полагают некоторые ученые, «город рыбной ловли»).

В северной Финикии, как раз против северо-восточного угла о. Кипра, был расположен город Угарит. До сих пор он был нам известен лишь из переписки Телль-Амарны. В 1928 году, когда начались раскопки в деревушке Рас-Шамра, удалось обнаружить этот древний торговый центр, который связывал торговлю Египта и Вавилона с Малой Азией и Эгейским миром. К большому храму-дворцу, где, между прочим, почиталась вавилонская богиня плодородия Нисаба, примыкал храмовый архив, с которым была связана школа писцов. Здесь было большое количество клинописных табличек. Часть из них была покрыта вавилонской клинописью и написана на шумерском, вавилонском и хуррийском языках. Бо́льшая же часть была покрыта своеобразной алфавитной клинописью, состоящей из двадцати девяти знаков. Дешифровка установила, что язык, на котором они были написаны, являлся ближайшим родственником древнееврейского языка. Здесь были открыты тексты мифологического содержания, много деловых документов на вавилонском языке. К этим клинописным памятникам надо прибавить еще египетские иероглифические надписи Среднего царства и XIX династии. В храме были раскопаны статуи богов, большое количество бронзового оружия и утвари, гирь и т. д. В некрополе города были открыты царские гробницы, напоминавшие микенские купольные гробницы. Здесь были найдены изображения финикийских, скифских и египетских богов, оружие из бронзы, кольца из золота, серебра и железа и т. д. Была, между прочим, найдена крышка от круглой коробочки, сделанная из слоновой кости и украшенная рельефным изображением крито-микенской богини плодородия, помещенной между двумя опирающимися на нее козлами.

Смешение культурных влияний востока и запада, севера и юга, наблюдаемое в Угарите, являлось характерным и для прочих городов Финикии. Из них надо отметить Арад, расположенный на острове напротив юго-западной оконечности Кипра.

Население. Племена, населявшие Финикию с древнейших времен, были хананеи, жившие по всему восточному побережью Средиземного моря. Хананеи были, возможно, родственны хуррийским племенам Востока. В Угарите еще во второй половине II тысячелетия хуррийский язык продолжал играть некоторую роль. В III тысячелетии здесь оседают семитические племена, которые частично подчиняются местному населению, а частично смешиваются с ним.

Финикийские поселения, сложившиеся на берегу Средиземного моря, до половины III тысячелетия не имели крупного значения.

Рост финикийских городов. Положение изменяется только с половины III тысячелетия, когда сношения с Египтом становятся более интенсивными. Египетские корабли начинают подходить к берегам Финикии и забирать то, что им было нужно: людей,

рыбу, дерево, которого было много в гористых местах вблизи берега, и т. д. Позднее тут же в Финикии стали возникать египетские поселения. Египетская культура стала проникать в Финикию сравнительно рано, когда финикийские поселения еще не имели значения постоянных торговых поселений.

В середине III тысячелетия в Финикию начинает проникать влияние Вавилонии. Так, например, Гудеа, правитель Лагаша в первые годы династии Ура (а может быть за несколько лет до этой династии), посылает туда экспедицию за кедром, о чем сообщает в своих надписях.

В конце III тысячелетия положение еще больше изменяется. Для Египта требуется сырье в таком количестве, какого нельзя было получить случайными грабительскими экспедициями, посылавшимися от времени до времени в предшествующий период, а можно было достать только путем настоящей налаженной торговли. С этого момента и наступает период расцвета финикийских городов, оказавшихся расположенными в самом центре торговых путей Передней Азии и всего древневосточного общества. Они становятся посредствующим звеном не только для древневосточных обществ, но и между западным Средиземноморьем и этими обществами. После этого вся торговля сосредоточивается в руках финикийских торговцев. Города их начинают процветать и расширяться. Это можно проследить, например, по городу Тиру, жители которого заселяют большой остров.

Финикийские города имели прекрасные гавани и благодаря укрепленному положению скалистых берегов давали возможность безопасно развиваться торговле.

Финикийская внешняя торговля. Первым продуктом, которым издавна торговали финикийцы, была рыба. Сушеная финикийская рыба была предметом массового производства. Она в то время ценилась не только в самой Финикии, но и в других областях. Финикийский рыбный рынок Средиземноморья сменили рыбные богатства Черноморья, но это случилось в сравнительно очень позднее время, после того как тысячелетия главным поставщиком рыбы считались финикийские города.

Другим продуктом, который шел из Финикии, было оливковое масло. Если в Финикии было сравнительно мало плодородной земли вообще, то все же ее было достаточно, чтобы развивать садовую культуру. Оливковое масло ценилось очень высоко, и Финикия являлась главным поставщиком этого масла до тех пор, пока конкурентом ее не выступили афиняне.

Крупную роль в торговле играло и финикийское вино. Может быть, самое слово «вино», которое соответствует латинскому «винум» и греческому «ойнос», восходит к финикийскому «айн» и, следовательно, финикийского происхождения.

Из других естественных богатств Финикии самыми ценными были кедровые леса. Они давали материал для балок, необходимых для сооружения морских кораблей, и считались основой для ко-

раблестроительства если не во всем древнем мире, то во всяком случае в древневосточном мире.

Наряду с кедрами в Финикии имелся прекрасный ливанский дуб, который также играл важную роль в экспорте.

Транзитная торговля. Но Финикия торговала не только продуктами своего производства. Она рано начала торговать и продуктами других областей и в сущности сделалась центром и организатором транзитной торговли. Из транзитной группы самым ценным сырьем в то время считался металл. Финикийские купцы рано вступают в тесные сношения с островом Кипром, являвшимся в то время главным поставщиком меди. Самое слово «Кипр» означает «медный» остров (там были богатые рудники, снабжавшие медью Египет, Вавилонию, другие части Передней Азии и весь древний мир вообще). Наконец, финикийские купцы получали из Малой Азии серебро. Словом, основные металлы обменивались странами древнего Востока через финикийское посредничество.

Работорговля. Среди других товаров транзитной торговли Финикии важную роль играли рабы. Не только в странах древнего Востока, но и в греко-римском мире финикийцы оставили по себе чрезвычайно дурную славу как о безжалостных работорговцах. Как о работорговцах о них сообщает еще Гомер. Он свидетельствует, что финикийские мореплаватели являлись не только купцами, но и пиратами — охотниками за людьми. Финикийские корабли приставали, например, к прибрежному поселению, и если там было много мужчин, которые могли защищаться, то финикийские купцы выдавали себя за купцов, если же большинство мужчин отсутствовало и население было более или менее беззащитным, купцы превращались в пиратов и забирали все население к себе на корабли.

Слава о финикийских купцах-пиратах распространилась далеко.

У Гомера Одиссей рассказывает: «Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный, злой кознодей, от которого много людей пострадало; он, увлекательной речью меня обольстив, Финикию, где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним...

...В Либию с ним в корабле, облетателе моря, меня он плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем; сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил» (Одиссея, XIV).

Источники подтверждают, что торговля рабами в Финикии была поставлена очень широко. Из греческих и римских источников известно, что финикийские купцы толпами следовали за армией, чтобы на поле битвы покупать по дешевой цене рабов-военнопленных. Так как выгоды этого были двусторонними, то в практике имели место случаи, когда военачальники обращались к финикийским купцам с предложением (очевидно, получая за это известный процент) следовать за армией. Так, например, в книге Маккавеев есть сообщение о следующем факте. Греческий полководец, который решил, наконец, окончательно разбить евреев, сообщает финикийским купцам, что он идет походом на еврейские города и что можно

ожидать большого количества пленных. На это обращение тысяча финикийских купцов прибыла в его лагерь.

В греко-римскую эпоху, когда на острове Делосе возник большой рабский рынок, самыми почтенными, самыми богатыми купцами были финикийские купцы, которые имели там свой собственный квартал.

Рабы, прибывавшие тысячами в финикийские города, предназначались в основной своей массе на продажу.

Рабский труд. Однако некоторая часть рабов оседала и в финикийских городах, поскольку условия финикийского торгового общества давали возможность применять рабский труд в значительных размерах. Рабский труд применялся в финикийском ремесле, которое играло тогда очень крупную роль. Греческие писатели сообщают, что финикийцы славились своими пурпуровыми и другими прекрасными тканями.

В Финикии изготовлялось стекло и процветал ряд других отраслей ремесла. Большая часть производства в этих ремеслах лежала на плечах рабов.

Рабы играли известную роль также в сельском хозяйстве и применялись как чернорабочие в портах.

Наконец, основная масса рабов применялась на кораблях в качестве гребцов. В большом масштабе рабскую силу для гребного дела впервые стали применять именно финикийцы. Участь галерных рабов была самая ужасная. Рабы приковывались цепями к своим скамейкам и должны были выполнять работу под ударами надсмотрщиков. Положение галерных рабов было безнадежным во время кораблекрушения, во время бури, в морском сражении, — во всех этих случаях, прикованные к скамье, они не могли рассчитывать на спасение.

В большом количестве использовались рабы и для домашних услуг. В памятниках есть указание на то, что в финикийских богатых домах число рабов было значительно больше, чем в домашнем хозяйстве других древневосточных обществ.

Свободные и рабы и внешне отличались друг от друга. Судя по изображениям финикийцев на египетских памятниках, можно предполагать, что свободные финикийцы носили длинные волосы, в то время как рабы, также как и в Вавилонии, должны были коротко стричь себе голову. Может быть, это было вызвано тем, что в Финикии, как в Вавилонии, рабское клеймо ставилось на лбу, а потому волосы не должны были его закрывать.

Число рабов в Финикии было очень велико и приближалось к числу их в крупных торговых центрах Греции.

Ремесло. Финикийское ремесленное производство было не только массовым, применявшим рабский труд, но и высококачественным, славившимся во всем древнем мире. Ремесленники изготовляли чаши из драгоценного металла, разные мелкие вещи из слоновой кости и т. д. Конечно, для работы в художественном ремесле привлекались, главным образом, свободные.

Мореплавание и колонизация. Финикийцы считались в древности наиболее отважными мореплавателями. Греки никогда не смогли их опередить в искусстве мореходства; самые смелые морские экспедиции были совершены не греками, а финикийцами. Имея чрезвычайно примитивные средства морского передвижения, финикийские купцы достигли необычайных результатов. Финикийцы рано стали выходить за пределы Средиземного моря. Они первые узнали о существовании Гибралтарского пролива, который получил свое первое название от финикийцев. Они назвали Гибралтар «Столпами Мелькарта». Мелькарт — собственно «царь города» — это главный бог города Тира, и в честь его финикийские мореплаватели Тира назвали пролив его именем.

Финикия — первое из известных нам обществ, практиковавшее в широких размерах колонизацию. Колонизация началась еще в конце II тысячелетия. Финикийские купцы основывали в различных пунктах Средиземноморья свои торговые фактории, выросшие впоследствии в города. Причины этого роста крылись во внутреннем строе финикийских городов, поскольку мы можем судить об этом по данным античных писателей. Аристотель указывает, что согласно карфагенской конституции все магистраты, т. е. лица, которые управляют государством, должны быть избираемы на должность не только на основании их благородного происхождения, но и по имущественному цензу, потому что необеспеченный человек не может хорошо управлять делами и иметь для этого достаточно досуга.

Таким образом, если вся полнота политических прав была предоставлена только имущим, то народ играл в финикийских городах второстепенную роль. Поэтому надо было зорко следить за тем, чтобы в городах не скоплялось большого количества «беспокойных элементов».

У Аристотеля же мы узнаем о тех мерах, к которым прибегали карфагеняне для того, чтобы обеспечить внутренние тишину и порядок.

«Хотя, — говорит он, — строй карфагенского государства и отмечен характером господства имущих, однако карфагеняне удачно спасаются от возмущений со стороны народа тем, что дают ему возможность разбогатеть. А именно они постоянно высылают определенные части народа в подвластные Карфагену города и области. Этим карфагеняне врачуют свой государственный строй и придают ему стойкость».

По примеру Карфагена поступали, вероятно, и другие города Финикии. От времени до времени высылали они в колонии, в те области бассейна Средиземного моря, с которыми вели торговлю, этот «беспокойный элемент».

Финикийских колоний было довольно много в восточной части Средиземного моря: остров Кипр, например, который один из первых стал принимать излишки финикийского населения, а затем и Греция. В западной части Средиземного моря финикийские колонии обнаружены на острове Мальте, который служил средо-

точием торговых путей из западного Средиземноморья в восточное. Жители острова Мальты и до сих пор считают себя потомками финикийцев. Далее на запад финикийские колонии встречаются в Сицилии, Сардинии, на Балеарах и на южном берегу Франции, где одна из колоний была организована на месте современного Марселя. Затем колонизуется испанское побережье, и финикийские колонии выходят на берег Атлантического океана.

Финикийская колонизация распространялась и на северную Африку, где была основана самая мощная финикийская колония, на месте современного Туниса — великий город Карфаген.

На этой территории, кроме города Карфагена, было расположено много других финикийских городов-колоний, подчиненных Карфагену. Опираясь на них и на свою собственную силу, Карфаген подчинил своему господству многочисленные ливийские племена, заставил некоторых из них платить дань, других — силой оружия перевел на положение данников, третьих — превратил в рабов.

Развитие мореплавания. Значение финикийских колоний было очень велико, тем более что в этой колонизации участвовал и сам Карфаген, заселивший западное побережье Африки. Опираясь на эти колонии, финикийские мореплаватели захватывают новые территории и разносят славу финикийских мореходов далеко за пределы Средиземного моря. Лишь для финикийцев море в полном смысле слова становится связью между обществами. Если оно до того времени было разделителем, преградой для сношений, то теперь, в эпоху расцвета финикийского и карфагенского мореходства, море становится средством связи между восточным и западным Средиземноморьем и далекими варварскими обществами, сложившимися за его пределами.

Со временем колонисты выходят в Атлантический океан, проходят по западному берегу Испании и направляются на север, вдоль берегов Франции.

Финикийцы первыми из народов Средиземноморья достигли берегов Англии и здесь начали добывать такой драгоценный для того времени металл, как олово. Имеется указание на то, что финикийцы проникли даже в Северное море: здесь они получили сведения и о Балтийском море. По крайней мере один из предметов, хорошо известных балтийским странам, — янтарь привозился финикийскими купцами в бассейн Средиземного моря.

Наряду с финикийцами в колонизации и мореходстве участвуют и карфагеняне, которые направляют свои усилия на ознакомление с берегами Африки. Выходя через Столпы Мелькарта, или современный Гибралтар, карфагенские мореплаватели пытались огибать западный берег Африки. Одно из описаний смелого морехода, начальника большой карфагенской морской экспедиции, дошло до нас через сицилийского греческого историка. Это так называемое путешествие Ганнона. Точную дату этого события установить невозможно (приблизительно оно относится к VI или V в.).

Вот что сообщает Ганнон о своей великой экспедиции:

Он проехал от Карфагена через Гибралтар, выехав в Атлантический океан, повернул на юг, вдоль западного берега Африки. Ганнон описывает необыкновенные страны, мимо которых он проезжал. В горах жили дикие люди, которые в беге были быстрее лошадей. Черные эфиопы бежали, как только видели приближение галер. А однажды их встретили дикие люди, одетые в звериные шкуры; они бросали камни и не давали высадиться на берег. Проезжая ночью мимо одного острова, они увидели в лесу много огней, услыхали звуки флейты и тимпанов и сильные крики. Последним эпизодом экспедиции Ганнона было знакомство с антропоидными обезьянами, три самки которых были убиты и шкуры их были привезены в Карфаген. Дальше карфагеняне не плыли: они должны были повернуть обратно, так как у них нехватило припасов.

Это путешествие ничего не дало финикийской торговле, так как западный берег Африки был населен дикими племенами. Однако это было чрезвычайно интересная попытка открытия новых земель. Все сведения, сообщенные Ганноном, соответствуют действительности, так что можно шаг за шагом проследить путь экспедиции по данным, которые имеются о географии западного берега Африки.

Наряду с путешествиями финикийцев на запад, которые довели их к северу до Англии и Северного моря, а к югу — до центральной части западного побережья Африки, финикийцы отправляли экспедиции на юг, пользуясь, вероятно, помощью египтян. Они спускались по Красному морю, и, возможно, доходили до Индийского океана. Не исключено поэтому, что первые известия об Индии и ее чудесах были привезены финикийцами-мореходами. Об одной из этих экспедиций мы знаем из описания похода в страну Офир, которая, видимо, лежала на пути в Индию на юго-восточном берегу Африки или юге Аравии. Соломон, царь Израиля и Иуды, участвовал вместе с тирским царем в этой экспедиции, послав для этой цели корабль.

Самым грандиозным предприятием финикийцев нужно считать экспедицию, которую они совершили по поручению египетского царя Нехо в конце VII века. В течение трех лет они обогнули Африку и «видели солнце по правую руку». В древности это считалось маловероятным. Мы же в этом находим подтверждение, что они действительно достигли южного полушария. Ведь в южном полушарии солнце в полдень бывает в северной части неба, а потому восток оказывается с правой стороны, а не с левой, как у нас, жителей северного полушария. Финикийское мореплавание и финикийская колонизация приобрели огромный размах и благодаря этому имеют значение не только для истории Средиземноморья, но и для истории других областей, выходящих за его пределы. Возможно, что некоторые элементы переднеазиатской культуры, которые найдены на берегах западной Африки (как это указывают некоторые исследователи), восходят ко времени финикийских экспедиций, т. е. к периоду организации ими колоний.

Государственное устройство. Финикийские города находились под властью царей, которые были в то же время верховными

жрецами, судьями и т. д., т. е. в значительной мере сохраняли функции, восходящие еще к эпохе родового строя.

Наряду с царем огромное значение имела знать, потомки родов, восходящих к древнейшим временам.

Наряду со знатью из общей массы населения постепенно стали выделяться и купцы, которые в особенности были сильны в городах; они получили одинаковые политические права со знатью и слились с ней в один господствующий класс. Народ находился в подчинении у них.

Классовая борьба. Рабов в городах Финикии было чрезвычайно много. Эти рабские массы легко могли притти в движение. Античная традиция сохранила нам предания об этом. Так, например, рассказывается, что в городе Тире восстание рабов закончилось полным уничтожением всех свободных, которые были безжалостно вырезаны, а жены и дети их распределены между восставшими рабами. Наконец, и греческие историки сообщают о каких-то несчастиях и катастрофах в финикийских городах, которые часть исследователей также объясняют частыми рабскими восстаниями.

Политическая независимость в Финикии. Если торговое значение финикийских городов уже во II тысячелетии было сравнительно велико, то в политическом отношении их роль тогда была весьма второстепенной. В период царей XVIII династии города Финикии находились в таком же подчинении у Египта, как и другие города Палестины и Сирии. В период XIX династии финикийские города подчинялись то Египту, то Хеттскому государству. Лишь после разгрома последнего и полного ослабления Египта в конце Нового царства Финикия приобретает полную самостоятельность. Новое положение финикийских городов по отношению к когда-то мощному Египту особенно ярко выражено в тех речах, которые, как мы видели выше, произносит царек города Библа перед египетским послом, посланным для того, чтобы получить кедр для барки бога Амона. Финикийский царек называет себя самостоятельным, относится с презрением к могуществу Египта и всячески подчеркивает свою полную политическую независимость.

Правда, Финикии приходилось теперь залечивать раны, нанесенные движением народов моря, разгромивших Хеттское государство на севере и опустошивших огнем и мечом все сирийское побережье. Сохранилось указание, что это движение разрушило один из самых крупных финикийских городов — Сидон. Благодаря этому в первые века политической самостоятельности финикийских городов наибольшее значение имел город Тир, который был силен своим центральным положением на восточном побережье Средиземного моря. Таким образом, Тир стал средоточием торговых путей Средиземного моря, и это дало ему возможность достигнуть большого могущества.

Тир. Особенно сильным становится Тир при царе Хираме (около 950 года). Этот царь расширил границы города, заняв

каменный остров, находившийся очень близко от берега и отделенный от него небольшим проливом.

Пользуясь силой рабов, Хирам расширил этот остров искусственной насыпью и таким образом сделал возможным сооружение на нем довольно большого населенного центра, окруженного стенами. На острове имелись источники воды, дававшие возможность выдерживать долгую осаду. Благодаря этим мерам Тир сделался почти неприступной крепостью. Неприятель, наступающий на него с востока, мог захватить только ту часть города, которая была расположена на материке; но тогда все население перевозилось на остров и здесь отсиживалось. Поэтому Тир был неприступен врагам в течение многих веков своей истории. Он оборонялся даже от страшных войск ассирийцев. Первое войско, взявшее Тир, было войско Александра Македонского. Оно возвело насыпь, соединившую остров с материком, и только с помощью ее город был взят.

Во время своего политического могущества при царе Хираме Тир вступает в сношения с окружающими его государствами. Он заключает союз с еврейским государством Давида и Соломона и, может быть, помогает им в борьбе с филистимлянами. В IX веке цари Тира были связаны с царями Израиля из династии Омри.

После ослабления Тира большое значение приобретает город Сидон, который, оправившись от нанесенного ему «народами моря» разгрома, начинает играть в Финикии большую роль. Но значение Сидона, как и всей Финикии, было в эту эпоху уже ослаблено. Начиная с середины VIII века ассирийские войска доходят до берегов Средиземного моря, а вслед за Ассирией начинают опять усиливаться и старые государства древнего Востока как Египет и Вавилония, которые снова стали подчинять себе финикийские города.

Религия. Финикийская религия имела много сходных черт с религиями других стран древнего Востока. Из богов природы финикийцы знали бога грома, солнца, богиню земли и др. Это были те силы природы, от которых больше всего зависела жизнь человека. Бог неба чаще всего назывался просто «хозяином» (Ваалом) или «царем» (Молохом). Богиня земли, любви и красоты чаще всего называлась Астартой. Этимологически это имя близко древневавилонской Иштар. Наряду с божествами неба и земли большую роль играло умирающее и воскресающее божество растительности. Мифы об умирающем и воскресающем боге были столь же обычны для финикийского общества, как и для вавилонского и для египетского. Близость Финикии к Египту привела к тому, что на этот культ умирающего и воскресающего бога оказал влияние египетский культ бога Осириса.

До недавнего времени единственным источником при ознакомлении с мифологией древней Финикии были сведения, которые сообщались довольно поздними авторами, например Филоном Библским. Часто эти сведения передавались из вторых рук и не всегда поэтому достоверны. Миф о мироздании очень напоминает соответствующий вавилонский и библейский рассказы. Согласно

этому мифу, бог создал мир из хаоса, который представлялся в виде яйца. Он разрезает его на две части и из верхней создает небо, а из нижней землю. Новые материалы текстов Рас-Шамра сообщают нам древнейшие мифы, относящиеся к середине II тысячелетия. Миф о происхождении финикиян, который носит название мифа о Керете, является собственно исторической легендой, переносящей нас в северную Аравию, примыкающую к южной Палестине, в область Негеб, на родину финикийцев. В легенде перечисляются города Ашдод, Кадеш, занятые впоследствии филистимлянами, израильтянами и другими племенами. Упоминаются некоторые племена и лица, известные из библейских сказаний, как, например, Терах, отец Авраама. Таким образом, главное содержание подобных сказаний было общесемитического характера. Любопытно, что воспоминания о своей южной родине финикияне сохранили еще во времена Геродота, которому они говорили, что пришли с берегов Персидского залива.

Другой миф, о Ваале, чрезвычайно близок к позднейшему мифу об Адонисе, известному нам в греческой передаче. Миф об Адонисе рассказывает, что Адонис был охотником, которого однажды весною встретила богиня Астарта. Через несколько месяцев Адонис был убит на охоте кабаном (или по другой версии, медведем). Адонис умирает, и Астарта спускается в подземный мир, возвращает Адониса на землю, и он воскресает. Этот миф чрезвычайно близок вавилонскому мифу о Таммузе и схождении Иштар в преисподнюю. Заимствование его из Вавилонии очевидно. Но, с другой стороны, этот миф близок древнефиникийскому мифу об Алейяне.

Здесь рассказывается, что вначале всего был бог Эл; он был творцом мира и отцом всех богов и людей. У Эла были дети — Ваал и Анат, являющиеся прототипами для Адониса и Астарты («Ваал» значит «хозяин», «Адон» — господин). Анат представляется как богиня жизни, а Ваал — как бог умирающий и воскресающий. Он является собственно богом растений, от которых зависит жизнь людей и животных. Ваал пользуется большим почетом у людей, и Эл и бог Мот (смерть) делают Ваала смертным. Люди забывают культ Ваала, и Анат уничтожает людей, отрубая им головы. Анат велит тогда построить дворец Ваалу из кедра. Для украшения дворца понадобилось золото, охраняемое чудовищами о семи головах Таннин и Летан (ср. библ. Левиафан). Анат заставляет умолкнуть чудовища и захватывает золото. Остается лишь получить разрешение Эла на культ Ваала. На помощь Анат приходит бог Алейян, который сообщает ей, что все стихии, вся природа ропщет на Эла и требует, чтобы Ваал имел дом, как и все боги. Анат обращается к Элу со своей просьбой, обещая сделать его молодым. Ответ Эла неизвестен, но в дальнейшем рассказывается, как начинается постройка дворца Ваала, описывается праздник по окончании постройки. Но торжество Ваала недолгое. Бог смерти Мот посылает Ваалу на охоте, вместо ланей, свору чудовищ, которые убивают его. Горе Анат не поддается описанию. С помощью бога Солнца она уносит тело Ваала на север и хоронит его, принеся жертву. После этого начинается преследование Мота, его убивают, разрубают ударом серпа на части. Тогда оживает Ваал, и земля покрывается растительностью.

Города, бывшие гегемонами, как, например, Тир и Сидон никогда не покушались на политическую самостоятельность других

финикийских городов. Они довольствовались признанием только своей гегемонии. Благодаря этому не было в Финикии точно установленной иерархии богов, какая имелась в религии других стран древнего Востока.

Культ. В богатых финикийских городах культ божества был чрезвычайно пышным. Приносили в жертву животных, растения; происходили варварские человеческие жертвоприношения, которые вообще являются характерными для Сирии. Причем это были жертвоприношения не чужих людей, не военнопленных: богам надо было приносить самое ценное, т. е. своего собственного ребенка, в первую очередь — своего первородного сына. Эта жертва считалась самой богоугодной. Память о ней живет и в Библии — жертвоприношение Авраамом сына своего Исаака.

Эти жертвоприношения не носили регулярного характера и ограничивались экстренными случаями: когда, например, строили стены города, то в основание их закапывали сына царя. В случае осады также приносили в жертву детей. Эти жертвы имели огромное значение для суеверного общества того времени.

До нас дошла память о такой жертве из одного родственного финикийцам общества — Моава. Это было небольшое еврейское племя, обитавшее к юго-востоку от Израиля и постоянно воевавшее с Израилем и с Иудой. В IX веке к городу Моава подступило израильское и иудейское войска. Город был осажден, и казалось, что уже близок час его падения. В этот момент величайшей опасности, как сообщает Библия, царь Моава Меша вывел на стену города своего первородного сына и здесь, перед лицом врагов, зарезал его в честь бога Кемоша. Когда израильское и иудейское войско увидело, что царь принес в жертву богу своего первенца, паника охватила его. В страхе, что гнев Кемоша падет теперь на него, оно отступило от города. О таких же жертвах мы узнаем от греческих и римских писателей. Например, в момент опасности в Карфагене приносились в жертву дети знати. Есть даже легенда о том, что Ганнибал — великий противник Рима — тоже был выбран для принесения в жертву богам, но спасся тем, что его подменили рабом.

Наряду с детьми приносились в жертву и чужеземцы. Так, во время осады Тира на стенах города были зарезаны в честь морских богов македонские военнопленные.

Искусство. Переходя к финикийскому искусству, надо отметить, что финикийское искусство в сильнейшей степени зависит от вавилонского, египетского и даже греческого. Но несомненно, что финикияне, использовав мотивы египетского и вавилонского искусств, создали все-таки своеобразное искусство, которое в VIII и VII веках оказало влияние на так называемое архаическое искусство Греции. В особенности ценились произведения прикладного искусства Финикии, как, например, драгоценные чаши, сделанные в высшей степени художественно.

Литература. От финикийской литературы, к сожалению, до нас почти ничего не дошло, кроме упомянутого уже религиозного

эпоса из Рас-Шамра. Из светской литературы сохранились кое-какие надписи исторического характера. Некоторые из них имеют действительно литературный характер и читаются с большим интересом. Наиболее интересной является надпись Эшмуназара — царя города Сидона, жившего в V веке в эпоху персидского владычества. Эта надпись была составлена по повелению его матери, когда он скончался. Датирована надпись четырнадцатым годом царствования Эшмуназара и вложена в его уста.

1	2	3	4	5
бык			алеф	ἄλφα
дом			бет	βῆτα
угол			гимель	γάμμα
дверь			далет	δέλτα
растение			каф	κάππα
веревка			ламед	λάμβδα
вода			мем	μῦ
змея			нун	νῦ
рыба			самех	ξῖ
глаз			айн	οὖ

1 египетский; 2 синайский; 3 южно-семитический; 4 финикийский; 5 греческий

Алфавит. Самым крупным достижением финикийской культуры было изобретение алфавита. Финикийцам принадлежала честь довести до конца великое открытие египетского общества. Но египетский алфавит, состоящий из двадцати четырех знаков, посредством которых можно запечатлеть все многообразие человеческой речи, не был доведен до конца. Наряду с алфавитными знаками египетская письменность сохранила сотни рисуночных знаков.

Попытка использовать египетское иероглифическое письмо для составления надписей на финикийском языке была сделана впервые в Библе. Здесь было найдено несколько надписей, относящихся, может быть, к началу II тысячелетия, в которых приведенные египетские иероглифы имеют заведомо иное, не обычное фонетическое значение. Первый шаг к созданию настоящего алфавит-

ного письма был сделан завоевателями Египта — гиксосами. Они создали первое алфавитное письмо, вероятно, уже в середине XVII века. Вскоре после этого делались попытки создать алфавит на севере, в Рас-Шамра, из клинописных знаков вавилонского письма, которое было чрезвычайно распространенным во всей Сирии.

Алфавит Рас-Шамра насчитывал тридцать знаков. Очевидно, на создание алфавитного письма Финикии оказывали свое влияние и вавилонское письмо и египетское, но в конечном итоге более громоздкий клинописный алфавит был оттеснен в Финикии системой письма, выросшей на основе египетского иероглифического письма, как это показывает форма самих знаков. Впервые финикийский алфавит, состоящий из двадцати двух букв, обозначавших одни согласные, засвидетельствован на памятниках XIII века, раскопанных в Библе.

Необходимость алфавитного письма, создания письменности возникает, очевидно, одновременно в различных пунктах Финикии и обусловлена развитием хозяйства финикийского общества. Развитие морской торговли требовало записей, без которых нельзя было вести больших торговых операций, в частности кредитного характера. Финикийская знать, например, сама не участвовала в торговых операциях, она передавала известные суммы денег предприимчивым людям, владевшим кораблями, и те вели торговлю на свой риск и страх. Но, поскольку знать, оставаясь на берегу, участвовала в этой торговле, она требовала известных расчетов. Необходимо было ведение торговых книг, купец должен был быть сам грамотным. И эту грамоту ему хотелось изучить в максимально короткий срок.

Финикийское письмо оказало огромное влияние на окружающие общества. Греческий алфавит происходит от финикийского. Это вытекает со всей очевидностью из того факта, что греческие буквы обозначаются словами, которые можно объяснить не столько из греческого языка, сколько из финикийского, семитического. Наше слово алфавит сохраняет название двух первых греческих букв «альфа» и «бета». Эти названия букв соответствуют финикийским, западносемитическим словам: алеф и бет. Алеф значит бык, бет — дом, и все прочие названия греческих букв могут найти полное истолкование в корнях семитических языков.

Таким образом финикийский алфавит оказал сильное влияние на мировую культуру. Его несовершенство состояло только в том, что он не имел букв для гласных. В этом отношении шаг вперед представляет греческий алфавит из двадцати четырех букв, в котором нашли графическое изображение не только согласные звуки, но и гласные.

Часть надписи Меши, царя Моава.

ГЛАВА XXV

ЦАРСТВО ИЗРАИЛЯ И ИУДЫ

Страна. Древнееврейские общества Израиля и Иуды сложились в Палестине, в стране, разделенной на две части течением реки Иордана. Страна была названа Палестиной греками, по имени племени филистимлян, населявших южную береговую полосу Средиземного моря. Иордан берет начало в южных отрогах Антиливана и, протекая через Генисаретское озеро, прокладывает свое русло по холмистой местности, окаймленной горами. Иордан впадает в Мертвое море, или, вернее, озеро (оно получило свое название вследствие большого обилия солей и полного отсутствия в нем жизни).

Восточный берег Иордана скалист и дик, жизнь там почти невозможна. Область к западу от долины изобиловала лугами и пастбищами, полями, виноградниками и садами. Склоны гор покрыты лесами могучих дубов и тамарисков; по берегам Иордана растут тростники, папирус, платаны. В этой плодородной стране произрастают финиковые пальмы, смоковницы, гранаты. На полях возделывались ячмень и пшеница. Южнее, между Мертвым и Средиземным морями, простиралась область безлесных холмов, переходящих на юге в степи и пустыни. В период дождей здесь были тучные пастбища для скота, а во время засухи выгорала вся трава, высыхали горные потоки, люди и животные переходили в другие места.

Источники. До сих пор наши знания по истории древнееврейских обществ очень отрывочны, а все произведенные в местах их расселения раскопки дали сравнительно бедные результаты.

Эпиграфических памятников по истории Палестины дошло до нас также сравнительно немного, а выводы из памятников материальной культуры не дают еще полной картины развития общества.

Библия содержит чрезвычайно много материала, но он полон противоречий, что крайне затрудняет пользование им. Библией

использованы источники самых различных видов, эпох и народов, а потому установить на основании ее, что было в действительности и к какому времени относится то или иное событие, зачастую невозможно.

Древнейшее население. Археологические исследования, произведенные в Палестине за последнее время, дают интересный материал, показывающий развитие культуры с самых древних времен, начиная с V тысячелетия. Мы можем проследить по отдельным слоям, вскрытым английским археологом Гарстангом в Иерихоне, переход от палеолита к неолиту, затем к энеолиту и бронзе. Основным населением Палестины вплоть до середины II тысячелетия были племена хананеев, жившие родовыми общинами и занимавшиеся скотоводством; вероятно, так же рано появилось земледелие.

Можно предполагать, что хананеи, древнейшее население Палестины, были яфетидами и были родственны тем субарейским и хуррийским племенам, с которыми мы раньше уже встречались как с древнейшим населением Сирии и Ассирии. Может быть, хуррийские племена были когда-то распространены и на Западе. По крайней мере некоторые древнейшие географические названия в Палестине оказываются тождественными с именами, встречающимися в Греции. О жизни этих племен мы можем судить из некоторых египетских текстов Среднего царства. Так, известный рассказ Синухета сообщает некоторые любопытные черты быта этих родовых общин.

Семитические племена. Но уже в это время, во II тысячелетии, в Палестине стали появляться семитические племена, которые семитизировали коренное население настолько, что в конце II тысячелетия Палестина была семитической.

Ближайшее соседство на востоке с сирийской степью и на юге с Аравией, населенной кочевыми племенами, приводило к постоянному вторжению их в плодородную область Палестины. Через Аравию проходили те племена, которые известны под общим именем семитов. Уже в Древнем царстве при Пиопи I (около 2500 года) египтяне столкнулись с семитическими племенами амореев; впоследствии цари III династии Ура (около 2400 года) также имели дело с наступлением аморейских племен. Амореи образовывали от времени до времени более или менее прочные царства, каким было, например, царство Мари в среднем течении Евфрата. Амореи включали в себя многочисленные семитические племена, из которых выделялись племена евреев. Архив царей Мари называет некоторые из них по именам; среди них, между прочим, упомянуты племя Бене-ямина (т. е. «сыны правой стороны»), потомков которого, вероятно, надо искать в племени Беньямина, упоминаемого Библией, и племя Бене-сималь (т. е. «сыны левой стороны»), потомки которого впоследствии образовали в северной Сирии царство Самаль. Эти два племени являлись двумя ветвями большого племени «хабиру», т. е. евреев. Первые упоминания

о евреях хабиру относятся, следовательно, к концу III тысячелетия. Известно, что южные хабиру проникли в область Шумера и пополняли войска Римсина, царя Ларсы, оспаривавшего власть над Вавилонией у Хаммурапи.

Евреи Палестины. С начала XVI века Палестина находилась под громадным влиянием — а затем и под непосредственной властью — Египта. Цари XVIII династии превратили Палестину в свою провинцию и держали там свои гарнизоны. В главе о Египте XVIII династии уже было сказано, как племена хабиру, поддержанные хеттами, вторглись в Палестину, о чем мы знаем из писем Телль-амарнского архива. После этого Египту пришлось бороться с хеттами; на смену хеттам явились «народы моря», занявшие береговую полосу Средиземного моря. К XIII—XII векам Палестина была значительно ослаблена этими вторжениями различных народов и потому легко могла быть завоевана еврейскими племенами Израиля.

Израиль. Одно из племен Израиля, Зевулон, известное благодаря Библии, упоминается в сравнительно очень древних текстах, а именно в так называемых египетских «черепках проклятия», датируемых концом Среднего царства. Здесь засвидетельствован «правитель пустыни Зевулон». Зевулон, как племя, встречается в текстах из Рас-Шамра наряду с другим племенем, Ашер, которое согласно Библии являлось также одним из израильских племен. О вожде страны Ашер рассказывал приведенный выше сатирический папирус XIX династии. Но все же до сих пор основным источником об Израиле является Библия. В так называемом Пятикнижии Моисея говорится о том, что племя Израиля состояло из двенадцати колен, т. е., очевидно, племен. О патриархальном быте этих племен мы узнаем, главным образом, из книги Судей.

Легенда о пребывании Израиля в Египте. Согласно библейской легенде, племена Израиля во время одного из засушливых годов пришли в Египет искать пристанища для себя и своих стад. Но потом израильтяне, не выдержав тяжелого гнета эксплоатации, покинули эту страну. Легенда рассказывает, как Израиль во главе с Моисеем бежал из Египта и воды Красного моря расступились перед ним, а войско фараона погибло в волнах. После этого израильтяне заселили Палестину. Прямых исторических указаний в египетских текстах на пребывание Израиля в Египте мы не имеем. Вопрос этот остается в науке не решенным. Факты прихода семитических племен в Египет имели место. Уже в Среднем царстве в гробнице одного бенихассанского номарха имеется изображение семитов, явившихся в Египет. О допущении азиатов в пределы Египта мы узнаем из изображений и надписей гробницы военачальника Харемхеба, будущего царя Египта, сменившего преемников Эхнатона. В одном из папирусов конца XIX династии (около 1240 года) отмечен приход кочевого племени из Эдома, из области, где когда-то сидели еврейские пле-

мена. Все же отождествлять их с израильтянами еще нет оснований. Указывается также, что имена Моисея и его племянника Пинехоса являются не еврейскими, а египетскими; первое означает «сын», «рожденный», а второе — «негр».

Впервые упоминается Израиль в одной надписи Мернепта, сына Рамсеса II, названной поэтому «стелой Израиля». В надписи дается описание Сирии и Палестины после разгрома их народами моря, которые огнем и мечом прошли по западной части Передней Азии. В памятнике указывается на разгром теми же племенами Израиля, который оказался в тяжелом положении, и, судя по египетской надписи, не имел продовольствия, находясь в опустошенной стране. Это случилось около 1243 года.

Израиль в Палестине. В конце XIII века израильтяне живут в Палестине. Здесь они столкнулись с народами, населявшими страну издавна, а также с семитическими племенами и филистимлянами. Межплеменная борьба длилась, вероятно, не одно десятилетие. Она нашла свое отражение в поэтической «Песне Деборы». Этот отрывок древнееврейского эпоса, случайно сохранившийся среди позднейших наслоений в Библии, описывает борьбу израильтян с хананеями. В конце концов израильтяне заняли территорию Палестины, не вытеснив, правда, хананеев до конца. Во время этой борьбы израильские племена раскололись на две неравные группы — племя Иуды совместно с племенем Симеона заняли южную область Палестины, племя Ефраима, возглавив другие израильские племена, захватило среднюю и северную части Палестины. Попрежнему израильтяне занимались скотоводством, сохраняя патриархальные отношения родового строя. Кочевники-скотоводы в борьбе с хананеями, у которых они отнимали один город за другим и которых они подчиняли своей власти, переходили постепенно к оседлости. Они восприняли у коренного населения Палестины их способ обработки земли, разведение виноградников и олив и все больше смешивались с ним.

Палестина была плодородной страной, по крайней мере по сравнению с пустынями и степями, откуда вышли израильтяне. Им казалась она «страной обетованной». Кроме того, Палестина пересекалась важнейшими торговыми путями, соединявшими, с одной стороны, Египет с Месопотамией и Сирией, с другой — Финикию с Аравией. Это способствовало не только развитию земледелия, но и развитию торговли.

Борьба с филистимлянами. В конце XIII и в начале XII века в Палестину началось вторжение филистимлян. Филистимляне были народом, который шел вместе с «народами моря». В начале XII века они разгромили все побережье Средиземного моря и в конце концов осели к югу от Финикии, основав ряд сильных городов. Самым мощным из них была Газа. Филистимляне принесли с собой железо и, вооруженные им, стали грозной силой для всех окружающих обществ.

Они подчинили себе некоторые части Финикии и стали втор-

гаться в Палестину, с тем чтобы покорить осевшие в ней племена Израиля. Борьба с филистимлянами была чрезвычайно тяжелой. Их боевые отряды, по свидетельству Библии, громили Израиль. Племя Иуды от набегов филистимлян страдало меньше, так как южная Палестина представляла собой малоплодородную область, трудную для завоевания благодаря гористому характеру местности. В другом положении оказались остальные племена Израиля, поселившиеся в плодородной долине Иордана. Филистимляне захватывают у них один город за другим и закрепляют свое господство гарнизонами. Раскопки показывают, что в этих городах Палестины в XI веке имелись филистимлянские поселения, от которых до нас дошли вазы, горшки и другие изделия, характерные для филистимлянских городов.

Войны с филистимлянами приводят к окончательной государственной консолидации Израиля. Внутренние социальные сдвиги, обусловленные появлением рабства, имущественного неравенства, уже создали предпосылки для образования государства. Вторжение филистимлян ускоряло этот процесс, поскольку рыхлый племенной строй с зачатками государственной организации не мог отстоять самостоятельности Израиля.

Саул. В то тяжелое время, когда южная и средняя части Палестины были захвачены филистимлянами, израильские племена избрали общего царя — Саула.

Таким образом, создается первое государство в пределах Израиля. В борьбе с филистимлянами оно подчиняет себе и Иуду. Объединение Израиля и Иуды вначале имело очень большой успех, так как филистимляне потерпели поражение, и Саулу удалось изгнать их из большей части Палестины. Но затем пошли неудачи, закончившиеся гибелью Саула и его сына на поле битвы. К такой развязке был, вероятно, причастен и тот, кто стал его преемником, заняв первое место в библейской традиции, — царь Давид.

После победы филистимлян над Израилем руководящая роль переходит к Иуде.

Хотя царство Иуды было менее заселено, нежели Израиль, однако оно представляло больше возможностей для борьбы за самостоятельность. В нем тяжеловооруженным отрядам филистимлян трудно было преследовать иудейских партизан, которые наносили им в горных ущельях большие поражения. Поэтому царство Иуды стало опорным пунктом в борьбе с филистимлянами.

Кроме этого, царство Иуды, расположенное на крайнем юге Палестины, имело, очевидно, возможность рано завязать сношения с Египтом. Поэтому иные исследователи предполагают, что одновременно с иудеями направили свои удары на филистимлян и египтяне.

Давид. В борьбе Иуды с филистимлянами, тянувшейся десятки лет, в начале X века выдвигается царь Давид. Имя его, как теперь можно установить из материала архива Мари, означает «вождь», «царь».

По свидетельству Библии, раньше он был начальником разбой-

ничьей орды, которая, вероятно, состояла не только из иудеев, но и из других кочевых племен, занимавших соседние территории и помогавших иудеям в их борьбе с филистимлянами, а вместе с тем, может быть, и грабивших и Израиль и Иуду.

После смерти Саула Давид продолжал борьбу с филистимлянами и добился больших успехов. Филистимляне должны были отступить, их гарнизоны бежали. Израиль и Иуда снова становятся самостоятельными. Давид объединяет еврейские племена и образует большое государство, охватившее всю Палестину. Столицей государства он делает город, дольше всех противостоявший как нашествию евреев в XV веке, так и вторжению в Палестину Израиля, город, который был завоеван самим Давидом, — Иерусалим. Расположенный на большой высоте, Иерусалим представлял собой естественную крепость, взять которую можно было только с одной стороны, так как с остальных трех сторон он был защищен огромными отвесными скалами. Даже грозная, прекрасно вооруженная римская армия при Веспасиане и Тите (I век н. э.) должна была около полугода осаждать этот город, прежде чем смогла его взять. Отсюда понятно, почему царь Давид сделал это горное гнездо своей столицей и перенес сюда культ племенного бога Ягве.

Наряду с войнами, которые в период правления Давида играли большую роль, Давид уделял много времени и мирному строительству. Палестина начинает играть большую роль как посредник в торговле между Вавилонией, с одной стороны, и Финикией, Малой Азией и Египтом — с другой. В этом отношении роль Палестины как посредствующего звена в сухопутной торговле между севером и югом, востоком и западом была весьма велика.

Соломон. После смерти Давида царем стал его младший сын Соломон (около 950 года). Он убил своего старшего брата и всех его приверженцев и захватил власть. Библия называет его самым мудрым из всех царей Палестины. Если Давида можно назвать собирателем государства, то Соломон был его организатором.

В своей внешней политике Соломон продолжал держаться политики отца. Он заключает союз с Египтом, женится на дочери египетского царя и получает в приданое один из крупных городов Палестины — Гезер, находившийся во владении Египта. Вместе с тем Соломон входит в союз с Финикией и участвует в сухопутной и морской торговле финикийских городов, особенно Тира. В Библии сохранилось известие о том, что он послал вместе с финикийским флотом свой корабль для участия в экспедиции в страну Офир, о чем было упомянуто ранее.

Сношения с Финикией становятся настолько интенсивными, что царь Соломон вызывает для своих построек финикийских архитекторов и ремесленников, которые помогают ему создать памятники в важнейших городах Палестины, особенно в Иерусалиме, продолжавшем быть и при нем столицей государства.

Соломон расширил свои владения и на юг, подчинив себе области у Акабского залива Красного моря.

Государственное устройство. В борьбе с остатками родового строя Соломон разделил свое царство на двенадцать административных округов, не считаясь с этническим делением. Во главе каждого округа стоял наместник царя, основной обязанностью которого был сбор податей. Была установлена податная система, известная нам уже во времена Шульги в Шумере: каждая из этих двенадцати областей ежегодно в течение одного месяца должна была нести расходы по управлению государством. Над наместниками стоял особый начальник; наряду с ним при дворе имелся главный сборщик податей. Царь окружил себя всевозможными чиновниками, писцами, придворными; появились докладчики, «друзья царя» и другие сановники.

Храм Соломона. Централизация государственной власти проявляется и в первых попытках централизации религиозного культа. В Иерусалиме был построен храм общеплеменному богу израильтян Ягве. В Библии описывается все великолепие и роскошь величественного здания, но из той же Библии мы узнаем, что это было очень небольшое сооружение: длиною в шестьдесят локтей и шириной в двадцать локтей. Непосредственно к храму примыкал царский дворец.

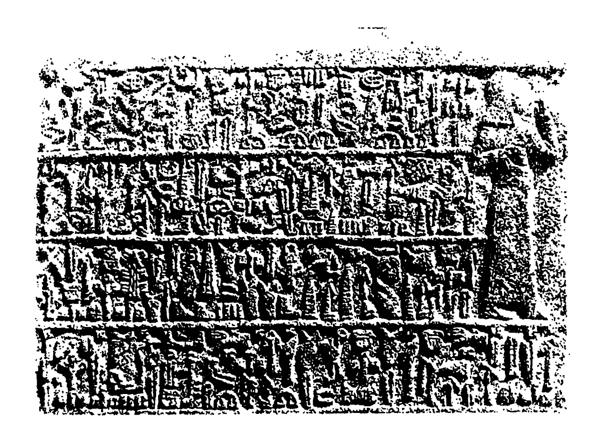
Много внимания было уделено торговле. По караванным путям шла торговля с Египтом и Вавилонией. Будучи в союзе с царем города Тира, Хирамом, Соломон получал из Финикии необходимый лес для постройки храма и дворца.

Борьба Израиля с Иудой. Государство разрослось территориально и значительно окрепло в экономическом отношении благодаря развитию торговли и земледельческого хозяйства. Египет, находившийся под властью ливийцев, опасаясь вторжения филистимлян, как мы видели, способствовал укреплению Палестины, но теперь сама Палестина стала угрозой для Египта. Поэтому Египет использовал те слабые места, которые имелись в государстве Соломона. Давид и Соломон, принадлежавшие племени Иуды, став царями всего Израиля, подчиняли себе все израильские племена. Основная часть израильских племен, населявшая плодородные области северной Палестины, стояла значительно выше в культурном отношении, чем племя Иуды. Непосредственное соседство с Финикией, а также близость к торговому городу Дамаску способствовали быстрому обогащению северных областей. Поэтому израильские племена ждали только момента, когда можно будет сбросить власть Юга. Недовольство Севера усиливалось еще в результате религиозной политики Соломона и его налоговой системы, согласно которой основная тяжесть государственных повинностей ложилась на северные области.

Главой недовольных становится некто Иеровоам из среды израильской знати. Он был надзирателем над работами царского дома, а затем занимал должность управителя одного из податных округов в северных областях.

Соломон пытался всячески побороть сепаратистские тенденции

Ворота хеттской столицы Богазкеоя.



Хеттская иероглифическая надпись из Кархемиша.

Царь Баррекуб и его сановник. Рельеф из Зенджирли (Самаль). Музей в Берлине.

в Израиле. Узнав о деятельности Иеровоама, Соломон велел его предать смерти. Но Иеровоам бежал и нашел убежище в Египте, потому что Египту было выгодно иметь своим соседом не единое сильное еврейское государство, а два самостоятельных слабых государства, которые можно было бы при случае натравливать одно на другое.

Распад объединенного царства. После смерти Соломона Иеровоам с помощью Египта основывается в Израиле и в конце концов завоевывает для него самостоятельность. Таким образом, объединенные Израиль и Иуда становятся самостоятельными государствами, независимыми одно от другого. В Иуде царствовал сын Соломона, продолжая династию Давида; столицей Иуды оставался Иерусалим. На севере воцарился Иеровоам, но ему недолго удалось удержаться: в результате борьбы между высшей знатью Израиля престол перешел к Омри (890), который сделал своей столицей Самарию.

Самария расположена в центре долины Иордана, на очень выгодной в стратегическом отношении высоте. Город был недоступен благодаря своим хорошим укреплениям.

Израиль. С момента распада царства Соломона начинается раздельная история Израиля и Иуды, но политический и культурный перевес был на стороне Израиля, государства, теснее связанного с Финикией и Сирией. Израильские купцы воспринимают от своих соседей то, что было ими создано; в Израиль проникает даже финикийская религия. Обогащение знати, занимавшей в Израиле высокое положение, и обеднение крестьянского населения идут чрезвычайно бурно.

Палестина находилась на скрещении торговых путей, которые вели с юга на север и с востока на запад, находилась между столь мощными государствами, как Египет и Вавилония, и была в тесной связи с большими торговыми городами Финикии. Благодаря такому выгодному положению Палестины в ней развивается денежное хозяйство, которое приводит к обеднению крестьянства.

В городах жили наместники царя со своими чиновниками, которые управляли отдельными областями. Наместники смотрели на области как на свои владения и по-своему распоряжались имуществом крестьян, которые должны были работать и на наместника и на его слуг. Об этом своеволии знати говорит один любопытный библейский текст, относящийся, возможно, еще ко времени Соломона:

«Вот право царя, который воцарится над вами: ваших сыновей он возьмет, посадит на колесницу свою и на коней своих и будут они бежать перед колесницей его; и будут они пахать пашню его и собирать жатву его, и будут делать ему орудия для войны его и орудия для колесницы его. И дочерей ваших возьмет он, и они будут готовить ему, и будут варить и жарить. С пашен ваших и виноградников ваших будет он брать десятину и даст ее евнухам своим и слугам своим; рабов ваших и рабынь, лучших быков и ослов ваших будет брать он; десятую голову из овец ваших будет брать он, а сами вы будете его рабами».

Надпись Меши. О древнейшем строе еврейских государств можно вывести заключение на основании знаменитой надписи Меши, царя Моава, середины IX века. Моав — это одно из мелких еврейских племен, не вошедшее в состав иудейских и израильских племен, хотя и граничившее с Иудой. Своими набегами оно часто тревожило Израиль и Иуду. Много раз Израиль и Иуда предпринимали против него походы, пока, наконец, один из них едва не закончился полной гибелью Моава. Иудеи и израильтяне осадили столицу Моава, которая неминуемо должна была сдаться. В самый последний момент царь Моава Меша приносит в жертву своего сына на стене города, и войска Израиля и Иуды бегут в панике. Царь Меша спасает таким образом свое государство. После этого он начинает ряд успешных походов на своих западных соседей. Об этом Меша сообщает в своей большой надписи.

Памятник этот, являющийся одним из самых важных для истории Палестины, начинается так:

«Я, Меша, сын Кемошмелаха, царь Моава, отец мой властвовал над Моавом тридцать лет, и я царствовал после моего отца. Я воздвиг высоту богу моему... Кемошу в Кархо, высоту спасения, потому что он спас меня от всех царей и усладил мой взор на всех моих ненавистников. Омри, царь Израиля, теснил Моав много дней, потому что гневался Кемош на страну свою. И наследовал ему сын его, и сказал также он: «Буду теснить Моав». Во дни мои сказал он так: «Но я усладил мой взор на нем и на его доме, и Израиль совершенно погиб навеки».

Эта надпись Меши особенно важна как свидетельство о структуре еврейских обществ в древнейшую эпоху.

И сказал Кемош:
«Иди, отними город Нево у Израиля, и я пошел ночью и воевал против него, от появления утренней зари до полудня, и взял его и истребил его: семь тысяч мужчин, мальчиков, женщин, девочек и рабынь, потому что Аштарь-Кемошу я посвятил его».

Из этих слов памятника видно, что население города Нево состояло, главным образом, из свободных людей. Рабство же, повидимому, носило домашний характер, поскольку упоминаются лишь рабыни.

Из памятника Меши мы узнаем также, чьими руками он воздвигал свои сооружения:

«Я построил стены Кархо, и Арона, и Офеля, и я построил ворота его, и я построил башни его, и я построил царский дворец, и я сделал содержание... внутри города... и я вырыл рвы для Кархо при помощи пленных Израиля».

Свободные в Моаве, судя по надписи Меши, также выполняли некоторые строительные работы. Это видно из дальнейшего текста: «Цистерны не было внутри города, и сказал я всему городу: «Сделайте себе каждый цистерну».

Надпись, следовательно, свидетельствует о том, что все, что принадлежало отдельным членам общества, они должны были строить сами; все же постройки, которые имели общегосударственное значение, воздвигались руками военнопленных. Таким об-

разом, военнопленные были той силой, которая работала, главным образом, над сооружением стен, рвов и т. д.

Таково было общество Моава в середине IX века. Таким представляется и общество Израиля и Иуды в предшествующую эпоху.

Рабство-должничество. Но вскоре под влиянием денежного хозяйства примитивно-рабовладельческое общество Израиля и Иуды начинает расслаиваться. Из свободных членов общин начинают выделяться богатые люди, которые, пользуясь затруднительным положением некоторых своих сочленов, отрывают последних от средств производства, превращая их в поденщиков и даже в рабов-должников.

Библия сообщает, что в Израиле начинает сильно развиваться ростовщичество. Например, «пророку» Елисею (около середины IX века) жалуется одна бедная женщина на то, что к ней приходит заимодавец и, пользуясь тем, что муж ее умер, хочет взять детей ее в рабство.

Следовательно, уже в середине IX века наблюдаются явления рабства-должничества. Может быть, в Иуде это явление не было столь развито, как в Израиле, который был ближе к торговым путям и денежное хозяйство в котором развивалось быстрее. В VIII веке этот процесс усиливается и чем дальше, тем больше захватывает и Юг, так что иудейская беднота становится жертвой того же ростовщичества. Свидетельством широко охватившего общество расслоения служат произведения так называемых «пророков» VIII—VI веков.

Пророки. Зачатки пророчества восходят к шаманизму, свойственному всякому первобытному обществу. Пророки искусственно приводили себя в состояние экстаза, в пляске и музыке, раня себя кинжалами, они выкрикивали отдельные, иногда бессвязные слова, которые подхватывались толпой и толковались как «слово божие». Известно, что израильские цари держали при себе специальных пророков, которые должны были предсказывать будущее — гадать и толковать сны. Пророки иногда выступали против официального жречества и против существующих порядков. Как люди, одержимые «духом божиим», пророки пользовались авторитетом в народе.

Начиная со второй половины VIII века, в их проповедях появляются картины угнетения народа кучкой богатых.

Вот что говорит, например, Исайя, один из «пророков» VIII века, сам происходивший из знати:

«Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить право у малосильных из народа моего, чтобы вдов сделать своей добычей и удержать сирот».

Примерно такие же выражения мы находим у «пророка» Михея:

«Горе замышляющим беззаконие и на ложах своих придумывающих злодеяние, которое совершают утром, на рассвете, потому что в руке их есть сила. Пожелай они полей — и берут их силой; пожелай они домов — и отнимают их, обирают человека, его дом, мужа и наследие».

О богатых, скупающих поля, говорит Исайя свои известные слова:

«Горе вам, прибавляющим дом к дому, присоединяющим поле к полю так, что другим не остается места, как будто бы вы одни поселены на земле».

Это свидетельствует о росте частной собственности на землю, о распаде общинных связей, о процессе обезземеливания крестьянства, происходящем в Палестине.

У «пророков» мы находим также указания на широкое развитие в Израиле и Иуде торговли не только людьми чужих племен, против которой и «пророки» не борются, но и людьми своего племени:

«Вы, эти алчные, которые стремятся поглотить бедных и погубить нищих, вы, которые говорите: «Когда-то прибудет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и когда придет суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меры, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и за пару обуви и высевки из хлеба продавать».

Проповедь «пророков» свидетельствует о распаде старых родовых отношений, большом развитии ростовщичества, которое для Вавилонии мы могли установить только на основании отдельных разрозненных деловых документов. Здесь же, в Израиле и Иуде, можно видеть ту жестокость, которая характерна для примитивного рабовладельческого общества под влиянием разрушающей силы денежного хозяйства. В новых условиях связь между свободными людьми теряется, люди смотрят на соплеменников так же, как и на иноплеменников.

Пророческие тексты подчеркивают слабость Израиля, хищническое насилие и ростовщичество господствующего класса, превращающего свободных еврейских скотоводов и земледельцев в обездоленную массу и в жалких рабов-должников. Рабство-должничество характерно не только для одной Палестины; его можно было наблюдать и в других областях. Прочие общества, сложившиеся в других местах Сирии, также были знакомы с рабством-должничеством. Одно из таких обществ, Самаль, расположенное в северной Сирии, сохранило любопытную надпись царя Киламу, объявившего себя пророком. Он сообщает, как приходилось бедствовать народу при его предшественниках, когда девушку отдавали за овцу, а мужчину — за одежду. Теперь будто бы должно быть лучше, так как, вступив на престол, он стал «отцом для сирот».

Таким образом, среди всех сирийских государств рост денежного хозяйства приводил к развитию рабства-должничества. Против этого явления обнищания народных масс, нарастающего катастрофически быстро, начинается народное движение. В это время выступают и «пророки».

Причину всех бед «пророки» видели в недостаточной ревности к богу Ягве; пропаганда культа Ягве составляет основное содержание «пророческих» книг. «Пророки» пытались создать веру в приход Мессии, «помазанника» Ягве, который вернет Израилю то блестящее политическое положение, которое он занимал когда-

то при Давиде. Мессианские настроения находили распространение также среди обездоленного крестьянства. Эти настроения удерживали их от активной борьбы с угнетателями. Господствующий класс, разумеется, отнюдь не был намерен отказаться в угоду далекому будущему от эксплоатации беднеющего крестьянства. Проповедь «пророков» была в конечном счете выгодна господствующему классу.

Падение Израиля. В это время на политическом горизонте сгущались тучи: Ассирия, выросшая к тому времени в мощное военное государство, стучалась в ворота Сирии, и когда в 738 году под ее ударами пал Дамаск, ассирийские войска получили возможность беспрепятственного вторжения в Израиль. В 725 году разразилась катастрофа. Ассирийские войска вторглись в Израиль и подступили к Самарии. Три года защищалась Самария, но в 722 году пала, и Израиль перестал существовать, после того как ассирийцы увели в рабство десятки тысяч людей, а на их место привели население других частей своего обширного государства. Израиля не стало.

Состояние общества Иуды. Катастрофа, которая разразилась над израильским народом, оказала известное влияние на правящую верхушку иудейского общества, уцелевшего от ассирийского разгрома. Уже в конце VIII века в законодательстве можно проследить некоторые уступки народным массам. Например, в официальном законодательстве Иуды в этот период мы впервые находим следующий закон:

«Если ты купишь раба-еврея, то пусть он работает тебе шесть лет, а в седьмой год пусть он выйдет на волю даром».

Такое же ограничение долговой кабалы имелось и в законах царя Хаммурапи, где должник-вавилонянин освобождается от долговой кабалы после трех лет работы.

Наконец, в законодательстве того же времени мы встречаем заботы и о поденщиках. На этот счет закон дает следующее указание:

«Когда обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе, то не налагай на него работы раба, — он должен быть у тебя как наемник, как поселенец».

С течением времени память о катастрофе 722 года, когда израильское общество было вычеркнуто из списка живых обществ древнего мира, сгладилась, очевидно, в связи с рядом изменений в общей внешнеполитической конъюнктуре.

В VII веке Ассирия начинает слабеть. Меч, сразивший Израиль и грозивший иудеям, больше не висел над народами Востока.

Второзаконие. Возможно, что падение ассирийского могущества снова развязало руки иудейским господствующим слоям, которые, почувствовав безопасность, возвратились к старой хищнической политике по отношению к народным массам. Результатом этого, вероятно, и было течение, стремившееся внести в законодательство Иуды некоторые ограничения произвола господствующих слоев.

Эти течения нашли свое отражение в так называемом «Второзаконии» (последней книги Пятикнижия). Второзаконие в своей основной части относится к концу VII века и связано с реформами царя Иосии (622 год).

Основным ядром Второзакония явилось постановление о централизации религиозного культа. Иосия различными мероприятиями пытался провести централизацию культа, утверждая религию единого бога Ягве.

В новом законе имеется, кроме того, постановление об освобождении рабов-должников. Второзаконие вводит очень важное добавление к прежнему закону, который теперь гласит так:

«Если один из твоих соплеменников — еврей или еврейка — продается, то он должен быть шесть лет твоим рабом, но в седьмом году он должен быть свободным, и если ты его отпустишь, то ты не отпускай его с пустыми руками, ты должен дать ему от твоих овец, от твоего гумна и от твоего точила».

Другими словами, человеку, освобождающемуся из неволи за истечением срока, хозяин его должен оказать помощь, т. е. дать ему несколько овец, зерно и вино.

Другие положения этого закона были проникнуты тем же духом уступок по отношению к народным массам, но опять-таки с ограничением их только одноплеменниками. Рабы-чужеземцы остаются вне закона. Закон подчеркивает, что если человек хочет приобрести настоящего раба, то пусть он его приобретает или на войне или путем покупки у чужеземного народа.

Но этот закон не имел практического значения, содержа лишь перечень желательных мероприятий для облегчения положения народных масс.

Войны с Египтом и Вавилонией. В 608 году египетский царь Нехо казнил Иосию, а царство Иуды должно было признать господство Египта.

Тем временем наступают новые политические потрясения. В бурную эпоху, на рубеже VII—VI веков, Ассирия гибнет, но место ее занимает новый, более опасный враг — Вавилония, которая опирается на мидийский племенной союз, дающий ей перевес перед всеми ее врагами. Вавилоняне побеждают египтян, и Иуда признает вавилонское господство. Вавилонский царь Навуходоносор в 602 году превращает Иуду в свою данницу. Но еще не была закончена борьба с Египтом. Этим воспользовался иудейский царь Иоаким, который сделал попытку вернуть самостоятельность своему государству. Но силы Иуды были слишком невелики, чтобы сопротивляться могущественной Вавилонии. В 597 году Навуходоносор берет Иерусалим и уводит наиболее зажиточную часть населения в Вавилон, надеясь тем самым ослабить сопротивление Иуды против вавилонского господства. Царем Иуды был поставлен Цидкия (Седекия).

Имущие слои Иуды продолжают вести политику, направленную к возвращению самостоятельности по отношению к Вавило-

нии и к союзу с Египтом. Внутри страны продолжается попрежнему притеснение народных масс.

Против политики союза с Египтом выступает пророк Иеремия, который указывает, что лучше сдаться на милость Вавилонии, чем погибнуть. Совершенно очевидно было неравенство сил: маленькая Иуда даже в союзе с Египтом не могла противостоять Вавилонии. Эти выступления Иеремии вызывали сильное озлобление военной партии Иуды. В одном из писем недавно найденной переписки начальника иудейской крепости Лахиш со своими подчиненными речи «пророка» характеризуются как «недобрые, заставляющие терять мужество и ослабляющие силу страны и города». Иеремия был объявлен изменником, закован в цепи и брошен в яму, но он и здесь продолжал предсказывать гибель Иерусалиму.

Конец Иуды. В 586 году вавилонское войско вновь подступает к Иерусалиму, и начинается его осада. Теперь, когда перспектива полной гибели была ясна для всех, рабовладельческая знать Иуды вспомнила закон 622 года о возвращении свободы рабам-должникам.

Вавилоняне, осаждавшие Иерусалим, повидимому, узнав о том, что Египет идет на помощь Иуде, снимают осаду с Иерусалима и направляются против египтян с тем, чтобы через некоторое время снова появиться у стен Иерусалима. Вавилонское войско плотным кольцом окружило Иерусалим, который должен был в конце концов сдаться.

Катастрофа, постигшая когда-то Израиль, разразилась, наконец, и над Иудой. Бо́льшая часть иудейского народа была уведена в рабство в Вавилонию.

Так завершилась история Иуды. Однако судьба иудейского народа была иная, нежели судьба Израиля. Израиль погиб, от Израиля ничего не осталось, кроме нескольких сотен самаритян, которые существуют еще поныне и считают себя потомками Израиля. Судьба иудейского народа была иной: после падения Вавилонии и взятия Вавилона персидским царем Киром (в 538 году) Иуда получила по крайней мере видимость самостоятельности. Под властью персов Иуда находилась до завоевания Востока Александром Македонским (в 332 году), а позднее становится провинцией Римской империи. История Иуды этого времени тесно связана с историей окружающих эллинистических государств. Окончательно пала Иуда после взятия и разрушения Иерусалима римским полководцем (впоследствии императором) Титом Веспасианом в 70 году н. э.

Культура. Благодаря тому влиянию, которое иудаизм оказал на христианство, библейские мифы и легенды получили огромное распространение во всем мире. Очень интересно и важно проследить корни древнееврейской религии и опровергнуть богословские и националистические тенденции в ее изображении.

Религия. Источником для изучения религии является Библия.

Но в силу того, что окончательная редакция Библии была сделана в тот период, когда племенной бог Ягве развился «во всеединого владыку неба и земли, который господствует над всеми народами, сулит милость обращенным и безжалостно сокрушает непокорных, . . .»[1] из нее было тщательно удалено и затушевано все то, что могло напоминать о древних культах и богах.

Нельзя также пройти мимо того археологического материала, который дают нам раскопки последних десятилетий в Палестине. Находки храмов израильского периода в Сихеме, Самарии и других городах, находки изображений богов и различных предметов культа, являются ценным дополнением тех сведений, которые мы можем почерпнуть из Библии. Они наносят окончательный удар легенде об изначальном монотеизме израильской религии.

В религии древних евреев ясно видны остатки фетишизма, а также культа животных, восходящего, вероятно, к тотемизму. Уже в историческое время мы встречаем культ быка, змеи, льва. Эти культы восходят к пастушеской стадии израильских племен, которая оставила яркий след в религии. К этому же периоду можно отнести и происхождение пастушеского праздника «пасхи», когда, чтоб умилостивить духа-губителя, закалывался ягненок и съедался со всеми внутренностями. Это очень характерный обычай богоедства, наблюдаемый почти у всех первобытных племен, основанный на вере в то, что сила божества передается верующим благодаря вкушению божественной плоти. Интересно отметить, что в то время, когда на севере, в Израиле, «пасха» была соединена с земледельческим праздником опресноков, на юге в скотоводческой Иуде продолжали соблюдать «пасху» со всеми пережитками старых обрядов.

Очень развит был также и культ духов, таких, как, например, духи пустыни, духи-кровопийцы, духи мертвых. Культ фетишей также имел большое значение (почитание отдельных предметов, камней и т. д.). Широко было распространено почитание дерева, как, например, дуба, тамариска, пальмы. С культом дерева были связаны обряды плодородия, носившие оргиастический характер. Особенно важно отметить культ «ашеры» (дерева), связанный с почитанием богини-матери, и культ «масебы» — камней, связанный с культом мертвых и почитанием солнца. Почитание ашеры и масебы мы можем наблюдать почти у всех семитических племен; так, в храме Мари и в Ашшуре были найдены ашеры.

Дальнейшее развитие почитания сил природы, так же как и обожествление небесных светил — солнца и луны, было связано с переходом к земледелию. Земледельческий характер носят и праздники — праздник созревания хлеба («праздник опресноков»), праздник жатвы и осенний праздник сбора винограда и других плодов. Осенний праздник носил магический характер обеспечения урожая и в царский период был главным праздником. Большое значение имел также осенний праздник очищения. С обрядом очи-

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XVI, ч. II, стр. 429.

щения был связан обычай прогонять козла, на которого возлагались все грехи, совершенные за год.

Религия хананеев тоже, несомненно, оказала большое влияние, и местные хананейские боги были включены в израильский пантеон. Отсюда происходит ряд культов Баалов. Баалы — были местными богами израильских и иудейских сельских общин и городов.

Они носили различные эпитеты и покровительствовали отдельным местам, как, например, Баал-Берит в Сихеме, Баал-Гад и др. Рядом с Баалом стояло и женское божество Баалат, культ которой сохранился в культе богини плодородия Астарты (вавилонская Иштар) и был тесно связан с ашерой. Наряду с этими культами мы встречаем почитание родовых богов-предков отдельных «колен» Израиля, причем имена некоторых из них являются именами богов (таковы Гад, Эдом). К этим же родовым богам восходят и библейские патриархи Авраам, Исаак, Яков, Иосиф.

Впоследствии, когда с возвышением Иуды при Давиде был выдвинут на первое место бог огня и бури Ягве, общеплеменной бог, все другие боги начинают отступать на задний план. Это выдвижение бога Ягве имело большое значение для усиления царской власти. Однако надо отметить, что долгое время наряду с культом Ягве существуют и культы других, местных и иноземных богов (Таммуза, Астарты, Молоха и т. п.). После падения Израиля Ягве постепенно становится верховным богом, царем над всеми богами, и на него переносят черты всех других богов, а со временем культ Ягве вообще вытесняет из еврейского пантеона всех богов. Религиозной реформой царя Иосии Ягве становится не только главным, но и единым богом иудеев.

Культы древних божеств Авраама, Исаака, Якова, Иосифа превращаются в культ патриархов — центральные образы всего мифологического цикла книги Бытия. Вокруг них была создана легендарная история всего народа, которая противопоставлялась нарастающим классовым противоречиям внутри общества.

Мифы и легенды. Вокруг богов и патриархов сложился целый ряд мифов и легенд. Они должны были служить для прославления могущества Ягве и создать традицию общенародной легендарной истории, которая была окончательно оформлена при последней редакции Пятикнижия в V веке. Ягве выступает в этой традиции как бог всего Израиля и Иуды и защищает весь свой народ.

Однако даже самое беглое знакомство с библейскими мифами обнаруживает тесную связь их с другими семитическими мифами, а иногда показывает и просто заимствование из мифологии Вавилона. Как говорит Энгельс, «...иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древне-арабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных им, но еще кочующих соседей... главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера...». [1]

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XXI, стр. 484.

Одним из главнейших мифов был миф о сотворении мира. В нем Ягве в течение шести дней создает небо и землю, светила, растения, животных и из глины делает человека (в книге Бытия в Библии сохранились два разных мифа). Зависимость этого мифа от подобного же вавилонского совершенно очевидна. По существу Ягве были приписаны некоторые эпизоды борьбы Мардука с Тиамат. Такой миф должен был укрепить значение культа Ягве и оправдать его эпитет царя богов.

В такой же зависимости от вавилонской мифологии находятся и другие мифы. В мифе о грехопадении первых людей Адама (сравните с вавил. Адапа) и Еву изгоняют из райского сада за то, что они вкусили от запретных плодов древа познания и стали закрывать свою наготу, стыдясь обнаженного тела. (В вавилонском мифе это дерево называется «дерево одежды».) Другой миф, о потопе, в основных частях является сокращенной передачей рассказа Утнапиштима в эпосе Гильгамеша. Герой библейского сказания Ной, со своими сыновьями Симом, Хамом и Яфетом, с животными и со всеми семенами жизни спасаются в ковчеге от страшного ливня, который длится 40 дней и ночей (вавилонск. — 7 дней и ночей) и затопляет всю землю.

К древнейшим корням восходят такие легенды, как жертвоприношение Исаака отцом Авраамом. Ягве, рассказывается в легенде, хотел испытать Авраама и не принял этой жертвы, удовольствовавшись бараном. В этом варианте легенды видна, несомненно, позднейшая редакция, когда в культе уже произошла замена человеческого жертвоприношения. Существование человеческих жертвоприношений засвидетельствовано как самой библейской традицией, так и археологическими данными. Легенда о Якове, который боролся с богом и одолел его, свидетельствует о том, что Яков был когда-то древним божеством. Бог благословляет Якова и называет его Израилем, т. е. делает родоначальником всего племени. Эта легенда так обеднена позднейшей жреческой редакцией, что трудно судить о ее деталях.

Большой цикл легенд связан с Иосифом и его пребыванием в Египте. В них мы находим множество разнообразных мотивов, корни которых иногда восходят — а иногда просто близки — к фольклору других стран. Таковы эпизоды продажи Иосифа в рабство в Египет его братьями, предсказание голода на основании толкования сна фараона, которому приснилось, что семь тощих коров поглотили семь тучных, и, наконец, такой распространенный сюжет, как обольщение Иосифа женой египетского вельможи Потифара (вспомним подобный эпизод Баты с женой Анупу в египетской сказке о двух братьях).

К этому же циклу легенд о Египте принадлежат и легенды о Моисее. В начале легенды очень сильны следы вавилонского влияния; в дальнейшем, однако, можно отметить черты, присущие египетским сказаниям. Рассказ о детстве Моисея напоминает легенду о Саргоне. Мать кладет младенца Моисея в корзинку и пускает

по течению Нила. Ребенка находят и приносят к дочери фараона, которая его воспитывает. В дальнейшем легенда делает Моисея вождем израильского народа и героем «исхода» из Египта. В эпизодах «исхода», так же как и в самом имени Моисея, сказалось египетское влияние. Моисей показывает чудо, превращая жезл в змею, и затем при проходе через Красное море он разделил воды и по дну моря провел весь народ — эти два сюжета очень напоминают рассказы о египетских магах в сказках папируса Весткар.

Впоследствии с легендой о Моисее связываются мессианские представления; она начинает играть большую роль в культе, с ней связываются праздники, а легендарному Моисею приписали авторство Пятикнижия.

Эпос. Между этими легендами и героическим эпосом не всегда можно провести четкую грань. К лучшим образцам эпических произведений можно отнести песнь Деборы — одну из древнейших частей Библии (она восходит к XIII веку до н. э.), где сохранились рассказы о борьбе евреев с хананеями. В эпосе Самсона и Давида нашла свое отражение борьба с филистимлянами. Между обоими героями существует принципиальная разница. Самсон — солнечный бог, который, постепенно очеловечиваясь, превращается в героя непомерной силы и совершает ряд подвигов, напоминающих иногда подвиги Гильгамеша. Но больше всего деятельность Самсона была направлена на борьбу с филистимлянами, о которой рассказывается в легендарном тоне.

Эпос о Давиде является циклом легенд, которые вырастают вокруг исторического лица — царя Давида. Центральное место этого эпоса — единоборство еще юного пастушонка Давида с филистимлянским богатырем Голиафом. При наличии большого числа исторических деталей (оружие филистимлян, организация войска и т. д.) сам сюжет восходит к древней стадии родо-племенного общества, когда борьба между племенами решалась исходом поединка вождей. Обычай поединка у семитических племен известен нам в начале второго тысячелетия из рассказа Синухета, который боролся с «сильным мужем страны Ретену».

Литература. Давид был очень популярной личностью. С именем его связаны не только легенды; ему приписывается также и авторство псалмов — молитв и восхвалений бога, составленных для богослужения в Иерусалимском храме. Корни псалмов можно найти вообще в семитическом фольклоре; многое в них произошло из древних заговоров и магических формул. Засвидетельствовано влияние на псалмы вавилонских молитв, и последние раскопки в Рас-Шамре, где были найдены тексты, близкие по содержанию к псалмам, показывают, что многое в них восходит к протофиникийской, т. е. общесемитической культуре.

Другой популярной фигурой был царь Соломон, которому приписывают притчи (к слову сказать, возникшие позднее, чем жил Соломон, и близкие в некоторых частях египетским поучениям).

Ему же впоследствии приписали одно из лучших поэтических произведений древности, где описывается любовь двух юных возлюбленных, — знаменитая «Песнь песней». Пафос любви со всеми ее радостями и страданиями делает сюжет общечеловеческим, понятным и современному читателю, а большая сила выразительности, яркость и богатство поэтических образов ставит «Песнь песней» в ряд лучших произведений мировой литературы. В основе «Песни песней», вероятно, лежат весенние обрядовые хороводные песни.

Книга Иова, близкая по содержанию к вавилонской повести о невинном страдальце, является уже попыткой в повествовательную форму вложить элементы философии. Рассказ рисует благочестивого Иова, который выполнял все заветы бога, и тем не менее на него обрушиваются тяжелые удары судьбы; он доходит до крайнего предела страдания. Идея заключается в том, что бог знает, что́ делает, и человек не может судить о его поступках. Таким образом, вопрос о причине невинного страдания решается в духе, характерном для общества, где идея полнейшей зависимости человека от бога была отражением тех отношений господства и подчинения, которые существовали в самом обществе.

Печать Иеровоама II, царя Израиля. Из Мегиддо.

Ассирийские воины считают головы убитых врагов.

ГЛАВА XXVI

АССИРИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В IX ВЕКЕ

Середина XI века характеризуется тем, что крупные древневосточные государства — Хеттское, Египет, Ассирия — оказываются в состоянии полного упадка. Теперь могли выступить мелкие государства — Сирия, Финикия, Палестина, усиливающиеся и начинающие играть самостоятельную роль.

Из анналов двух царей конца X века Ашшурдана II и Ададнирари II мы узнаем о страшных бедствиях, которые принесли ассирийскому народу заполнившие все предшествующее столетие неудачные войны, сопровождавшиеся вторжениями врагов. Они вырезывали местное взрослое население, а детей продавали в рабство. Угонялись лошади, забирались запасы зерна, уничтожались земледельческие орудия. Голод заставлял ассирийских крестьян оставлять свои поселения и уходить на чужбину. Врагами, нанесшими столь жестокие раны Ассирии, были арамейские кочевники, с которыми Тиглатпаласар I, последний из великих ассирийских царей II тысячелетия, вел десятки кровопролитных войн. Но арамейские кочевники, громя государство слабых преемников Тиглатпаласара I, вместе с тем создавали предпосылки для нового возвышения Ассирии. Арамейские племена, вторгаясь в пределы Ассирии, начинали здесь постепенно оседать, результатом чего явилась окончательная семитизация тех субарейских поселений, которые издавна платили дань своим ассирийским господам. Сами ассирийцы подверглись также сильной арамеизации. К концу X века ассирийцы и семитизированные субарейцы постепенно сливаются в один народ, что, конечно, должно было усилить мощь Ассирийского государства. Вышеназванные Ашшурдан II и Ададнирари II пытались своими мероприятиями бороться с тяжелыми последствиями предшествующего столетия. Они строили города и укрепления, возвращали ушедших на чужбину ассирийцев и укрепляли положение крестьянства снабжением земледельческими орудиями,

созданием больших запасов зерна и увеличением поголовья лошадей.

Объединение ассирийцев и субарейцев в один народ и улучшение экономического положения широких народных масс создали в конце X века предпосылки для нового усиления Ассирии и успешного отражения кочевых арамейских племен. Последние в начале XI века вторглись в Вавилонию, и один из арамейских вождей даже узурпировал царский престол. Степи Аравии и Сирии извергали все новые потоки кочевых племен, угрожавших уничтожить древнюю земледельческую культуру Ассирии. Опасность усугублялась напором с севера воинственных горных племен Урарту, которые, пользуясь слабостью ассирийцев, совершали набеги на них.

Ашшурдан II и Ададнирари II замирили кочевые племена северной Месопотамии и укрепили свою южную границу в области города Ашшура. Ададнирари нанес несколько поражений племенам Урарту и вел победоносные войны с двумя современными ему царями Вавилонии. Последняя война закончилась миром между обоими государствами.

Ашшурнасирпал II. Еще более крупные успехи выпали на долю внука Ададнирари II — Ашшурнасирпала II (884—859). Он был одним из наиболее талантливых руководителей ассирийского войска. Вместе с тем это был и один из самых жестоких правителей Ассирии. Рельефы его дворца полны изображений жестокостей, совершенных ассирийскими войсками в побежденных странах. Среди казней, которым подвергали ассирийцы восставших, встречается сдирание кожи с живого человека, которого привязывали для этого к крепким колышкам, вбитым в землю. Дворцы, благодаря неумению делать купол, были сравнительно неширокими. Они могли иметь ширину не длиннее балки, на которой держалась крыша. В этих сравнительно узких помещениях жил царь и, проходя по ним, осматривал рельефы, которые должны были запечатлеть память о нем и о его «боевых подвигах».

Изображение царя Ашшурнасирпала II имеется на рельефах Государственного Эрмитажа. Выражение его лица говорит о том, что чувство жалости было ему чуждо: оно строго и сурово. Вся фигура его напоминает богатыря, руки — кулачного бойца, а мощные ноги, как стволы, поддерживают грузное тело. Рельеф дает его изображение в сакральной обстановке: за ним шествует демон-хранитель. Однако и в храмовой обстановке Ашшурнасирпал изображен воином: в одной руке он держит лук, в другой стрелы, а за поясом его виден кинжал.

Царь Ашшурнасирпал значительно расширил пределы государства. Он нанес ряд поражений беспокойным племенам горных областей Востока, которые пришли в движение, очевидно, под давлением индийских племен. На севере он отражал наступление племен стран Наири, в состав которых, как основная их область, входило Урарту, примыкающее к озеру Ван. Племенной союз Урарту,

начавший складываться в такое же воинственное государство, каким была Ассирия, своими походами тревожил южные области.

Наиболее сильные удары Ашшурнасирпал II направил против арамейских кочевых племен, которые поставили в зависимость от себя мелкие царства северного Двуречья и Сирии. Господствующий класс этих небольших государств охотно подчинялся соседним кочевым племенам, поскольку он мог при их поддержке осуществлять караванную торговлю. Некоторые из представителей городской знати вступали в родственные связи со знатью кочевых племен и с их помощью уничтожали конкурировавшие с ними семьи и захватывали власть в царстве. Кочевники через посредство родственной им городской знати, эксплоатировали и город и оседлое крестьянское население, обрабатывавшее прилегающие к городу сады и поля. Борьба кочевников за господство над городами Сирии и следовавшая за захватом власти эксплоатация оседлого населения сопровождалась большими жестокостями и вела вместе с тем к культурному регрессу.

Поэтому понятны также и жестокости Ашшурнасирпала II и его преемников в борьбе с кочевниками и их союзниками. Во всяком случае походы ассирийских царей ослабляли натиск кочевых племен и тем самым спасали древние земледельческие культуры Ассирии и Сирии от грозившего им упадка.

Неоднократные походы Ашшурнасирпала II на запад ограничивались преимущественно северной Сирией. Они оставляли в стороне город Дамаск, бывший в то время мощным торговым государством, которое подчиняло своему влиянию области средней Сирии.

Ассирийские войска, в которые были включены для действенной борьбы с подвижными кочевыми племенами и отряды конницы, «замирили» северное Двуречье. Воинственные кочевники степей и пустынь Сирии были разгромлены. В одном из городов на Евфрате Ашшурнасирпал установил свою статую, в надписи на которой он заявлял, что «его лицо обращено к пустыне», т. е. против кочевников. В результате успешных войн в пределах северного Двуречья Ашшурнасирпал II открыл себе путь к берегам Средиземного моря и принял здесь дань финикийских городов-государств. На юге Ашшурнасирпалу также приходилось воевать, когда Вавилония стала помогать врагам Ассирии в северном Двуречье. Ашшурнасирпал отторгнул у Вавилонии несколько пограничных пунктов на севере.

Победоносные походы дали Ашшурнасирпалу II большое количество военнопленных, с помощью которых он смог развить широкую строительную деятельность в различных городах своего царства. Население городов Ассирии он пополнял выведенными из северного Двуречья толпами арамейцев и способствовал тем самым дальнейшей арамеизации страны. Наиболее значительным было его строительство в древнем городе Кальху на Тигре к северу от Ашшура. Кальху, который в предшествовавшее время

пришел в полный упадок, Ашшурнасирпал восстановил и сделал своей столицей. Рельефы, украшавшие его дворцы, свидетельствовали о большом мастерстве ассирийских художников, сумевших древнее искусство Южного Двуречья обогатить элементами западного, хеттского и хуррийского, искусства. Рельефы отражали события царствования Ашшурнасирпала. Они были снабжены большими надписями; одним из самых существенных недостатков ассирийского искусства было использование даже самих изображений для эпиграфики.

Салманасар III. После смерти Ашшурнасирпала вступил на престол его сын Салманасар III (859—825). Он, продолжая политику своего отца, углубился еще дальше на север и на несколько десятилетий задержал движение урартских племен. Наступление последних приобрело при Салманасаре еще более угрожающий характер, поскольку здесь, вероятно, в последние годы Ашшурнасирпала II, создалось государство. По крайней мере Салманасару пришлось уже в самом начале бороться с царем Урарту Арамом. Он победил его в три похода, взял его столицу Арзашку и заставил искать спасения в неприступных горах. Затем он окончательно закрепил свое господство над подступами к Средиземному морю в западной части северного Двуречья победоносными походами против царств юговосточной Малой Азии и северной Сирии. В наиболее важных пунктах он поселил ассирийцев. Таким образом, Салманасар, обезопасив себя со всех сторон, обратил свой удар на Дамаск, который являлся гегемоном мелких государств средней Сирии и Палестины.

Битва при Каркаре. В 854 году произошла знаменитая битва при Каркаре, в северной Сирии, у среднего течения Оронта. Дамаск выставил против ассирийского царя большую коалицию, в которой участвовал, между прочим, Израиль.

Согласно надписям Салманасара III, ассирийское войско одержало блестящую победу над коалицией своих противников, но оно не двинулось против Дамаска — очевидно, вследствие тяжелых потерь. Однако Салманасар этой битвой не ограничился. Он снова подходит к стенам Дамаска, и в результате одной из побед над Дамаском он получил даже дань с Израиля и с городов южной Финикии. Но в конечном итоге Дамаск оказался настолько мощным, что Салманасару, несмотря на все его попытки, не удалось добиться решительного успеха. Когда вскоре после битвы при Каркаре восстал против царя Вавилонии его брат, то Салманасар помог законному царю и поставил тем самым Вавилонию в некоторую зависимость от себя. В ряде походов Салманасар пытался закрепить свои восточные границы, и в своих анналах он упоминает под 835 годом (24-й год его царствования) о первом столкновении с мидянами, которые лет через двести стали наиболее грозными врагами Ассирии. Но тогда, в IX веке, наиболее опасным противником являлось Урарту на севере. Поэтому Салманасар вынужден был не только в начале своего царствования, но и

в последующее время бороться с наступлением воинственных северян. В конце царствования Салманасара, когда за царя свершал походы его сановник Даян-Ашшур, ассирийское войско сражалось с царем Урарту Сардуром, преемником царя Арама.

Формы эксплоатации покоренных стран. Наиболее замечательными источниками для царствования Салманасара являются два памятника, которые дают возможность судить о значении Ассирийского государства. Одним из этих памятников является черный обелиск, который царь велел поставить, чтобы увековечить ту богатую дань, которую получали ассирийцы из завоеванных ими областей. На нем изображено принесение дани областей четырех стран света: севера и востока, юга и запада. Среди данников представлен и царь Израиля, который тоже должен был примириться с необходимостью посылать дары ассирийскому царю. Дань, которую накладывали ассирийцы на побежденные народы, они называли «мандатту» или «мандатту кабитту», что значит «тяжелая подать». Они гордились тем, что налагали непомерно тяжелые подати на завоеванные ими народы. В этом лежала основная причина того, что ассирийское военное государство должно было постоянно подавлять восстания покоренных им областей, хотя, казалось бы, завоеванные народы получали некоторую выгоду от того, что они были объединены Ассирией. Например, прибрежным городам Финикии было, пожалуй, выгодно подчиняться Ассирии, поскольку они могли участвовать беспрепятственно в торговле с далекими странами Востока. Но хищническое Ассирийское государство назначало такую тяжелую дань, что у господствующих классов в побежденных обществах почти не оставалось излишков из прибавочного продукта. Господствующие классы побежденных областей не видели никакой выгоды в том, что они входили в состав большого государства.

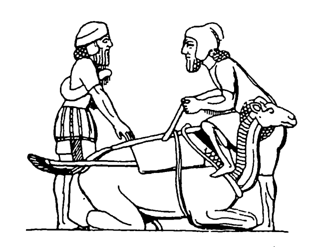
Поэтому взаимоотношения между ассирийцами и соседними народами могут быть представлены приблизительно так: ассирийцы побеждают с огромными усилиями какую-нибудь страну, топят в потоках крови восставшие города, налагают тяжелую дань, безжалостно грабят страну и т. д., но как только их войска уходят, в стране снова вспыхивает восстание.

Чрезвычайно важным памятником для ознакомления со строем ассирийского войска служит бронзовая обивка Балаватских ворот, покрытая рельефами и изображениями. На них представлены подвиги армии Салманасара. Изображения свидетельствуют о том, что страшное ассирийское войско действительно являлось организованной армией, с прекрасным вооружением и превосходной дисциплиной, в которой была сила военной ассирийской организации.

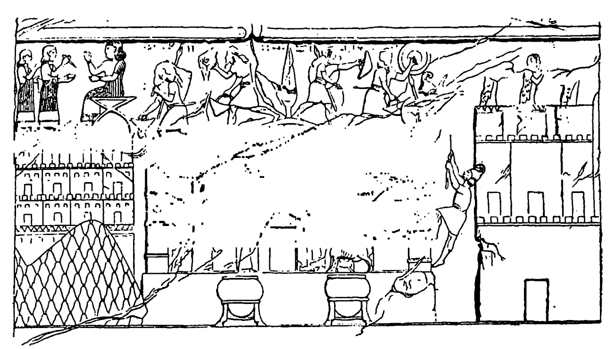
Временное ослабление Ассирии. Выдвижение в последние годы царствования Салманасара его полководца Даян-Ашшура вызвало раздражение в семье царя. Один из сыновей Салманасара поднял в 827 году восстание против отца, охватившее громадную часть царства. Смуты, очевидно, были поддержаны недовольством кре-

стьян, жестоко страдавших от постоянных походов, которые подрывали их благосостояние. Смуты прекратились лишь после смерти Салманасара. Один из сыновей его, Шамшиадад, может быть с помощью Вавилонии, снова объединил Ассирию, но вернуть ей былую силу он не был в состоянии. Сто лет непрерывных войн, а также и смуты конца царствования Салманасара привели к ухудшению экономического положения страны. Это было особенно опасно для ассирийцев, потому что в конце IX века еще более усилился тот опасный враг на севере, который не раз уже в предшествующее время покушался на границы ассирийского государства. Врагом этим были племена урартов, образовавших в это время свое государство.

Вдова Шамшиадада — вавилонская царевна Шамураммат, прообраз легендарной Семирамиды — энергично правила после смерти мужа за своего малолетнего сына, но положить предел наступлению Урарту ей не удалось. В последующее десятилетие положение стало еще более угрожающим.



Ассирийские воины нагружают верблюда.



Взятие Мусасира войсками Саргона II.

ГЛАВА XXVII

УРАРТУ (ВАНСКОЕ ЦАРСТВО)

Урарту. В середине IX века до н. э. в районе оз. Ван (совр. Турция) возникло государство, которое ассирийцы называли страною Урарту, а его жителей урартами. Центральная часть его со столицей Тушпой находилась на восточном берегу озера, около современного города Ван. Название страны Урарту, встречающееся в ассирийских клинообразных надписях, соответствует древнееврейскому термину, «страна Арарат», по которому получила свое наименование гора Арарат и Айраратская область Армении.

Как называли свою страну сами урарты — до сих пор не установлено; известно только, что центральная часть Ванского царства обозначалась в урартских письменных источниках термином Биайна (быть может, связанным с современным именем оз. Ван).

Старое мнение о том, что урарты называли себя халдами, а свою страну Халдией, в связи с именем главного их бога, бога Халда, возбуждает в настоящее время серьезные сомнения и, повидимому, основано на неправильном переводе урартских надписей.

На население Урарту часто переносится также термин алароды, встречаемый у Геродота в части, касающейся описания населения Армении.

Следует также отметить, что по этническому составу Ванское царство было очень пестрым. Урарты, населявшие центральную часть, были родственны хеттам, а язык их, как доказано современной лингвистикой, имеет отчетливые связи с некоторыми языками Кавказа, в частности с грузинским. По своей культуре окраины Урарту существенно отличаются от культуры центральной его части.

В дальнейшем изложении мы будем употреблять два термина — Урарту и Ванское царство, считая их совершенно равнозначными.

История царства Урарту — первого по времени государства, возникшего на территории СССР, — имеет большое значение для

изучения древнейшей истории нашей страны и, особенно, истории Грузии и Армении.

Географическая среда. Ванское царство занимало высокий горный массив северной части Передней Азии, так называемое Армянское нагорье. С юга оно было отделено от стран Верхней Месопотамии труднопроходимыми лесистыми горами (Таврскими и Курдистанскими), служившими надежной защитой; в истории Урарту никогда не было случая, чтобы неприятельское войско проникло в его центральную часть непосредственно с юга.

Западной границей Урарту являлась р. Евфрат, в среднем его течении.

С востока граница шла по Карадагу и по восточному побережью оз. Урмии. Таким образом, Урарту естественными условиями было ограничено от других стран Передней Азии.

Территория Ванского царства по своему физическому облику не представляла единства, и отдельные его части были весьма отличны как по природе, так и по климату.

Северо-западное плато (Эрзерум), расположенное на высоте 1800 м над уровнем моря, отличается чрезвычайно суровым климатом, в то время как юго-восточное плато (оз. Ван) имеет климат, близкий к средиземноморскому.

Три больших озера территории Урарту также отличаются друг от друга. Оз. Ван находится на высоте 1718 м выше уровня моря. Вода озера насыщена содой и для питья непригодна.

Восточный и северо-восточный берега озера удобны для ирригационного земледелия с использованием воды горных рек, стекающих к озеру.

Озеро Урмия, в отличие от оз. Ван, имеет соленую воду. Побережье озера низменное, весьма пригодное, как и весь бассейн Урмии, для земледелия.

От этих двух мертвых озер существенно отличается высокогорное оз. Севан (Гокча), находящееся в Закавказье. Это озеро имеет пресную воду и богато рыбой.

Северо-западная часть Урарту представляет собою высокое плоскогорье, лишенное леса, с чрезвычайно плодородной почвой. Земледелие в этих районах, несмотря на долгую зиму, возможно и на высоте до 2500 м (культуры пшеницы, ячменя и овса). Горные луга представляли собою хорошие пастбища и содействовали развитию скотоводства.

Горы на территории Урарту богаты полезными ископаемыми и обеспечивали сырьем урартскую металлургию (медь, железо). Горы южной границы были покрыты лесом. Речных долин в этом нагорье немного. Наиболее обширная из них, весьма пригодная для земледелия — долина среднего течения р. Аракса, обладает чрезвычайно мягким климатом. Этим и объясняется постоянное стремление урартов захватить долину р. Аракса, где в начале VIII века до н. э. создается их административный центр.

Древнейшие известия об Урарту. Наиболее древние сведения

о стране Урарту (Уруатри) восходят к началу XIII века до н. э., ко времени правления ассирийского царя Салманасара I; из них можно заключить, что страна Уруатри помещалась в районе оз. Ван.

Ассирийцы, направившись в страну Уруатри, поднялись в горы, захватили восемь областей («стран»), разрушили и сожгли пятьдесят одно поселение, увели пленных и увезли богатую добычу.

Особый интерес этого описания похода заключается в том, что перечисляются восемь отдельных «стран», объединенных общим термином Уруатри. Очевидно, в XIII веке до н. э. Урарту (Уруатри) не было еще государством, а представляло собою племенной союз.

Из надписей Тиглатпаласара I (конец XII века до н. э.) известно также и о другом большом союзе племен, который ассирийцы называли «странами Наири». Эти «страны» занимали территорию к югу и северо-западу от оз. Ван.

Летописи Тиглатпаласара I рассказывают о победе над шестьюдесятью царями страны Наири и о наложении дани, состоявшей из 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота.

Походы ассирийцев в Наири, преследовавшие, главным образом, захват скота, совершались неоднократно.

Название страны Урарту встречается затем в надписях Ашшурнасирпала II, где отмечается захват земель «от истоков р. Субнат (верховье р. Тигра) до страны Урарту».

Войны с Салманасаром III. Урарту, представлявшее в середине IX века до н. э. уже государственное объединение, препятствовало ассирийской экспансии на севере, и преемнику Ашшурнасирпала II, Салманасару III, с первых лет своего правления пришлось вести упорную и длительную борьбу с урартами.

Первое упоминание похода против урартов с указанием имени их правителя, Арама, относится, повидимому, к первому году правления Салманасара III. В тексте описывается от имени ассирийского царя успешное продвижение войск на севере, в страну Наири. «Из Хубушкии я ушел к Сугунии, крепости Арама урарта, я приблизился, город обложил, захватил, я убил много их воинов, увез добычу, кучу из голов сделал я напротив их города. 14 поселений его области сжег я огнем. От Сугунии я ушел, спустился к морю Наири, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам». На скалах около оз. Ван был вырезан рельеф, изображающий Салманасара III. Сцена взятия крепости Сугунии изображена на рельефах бронзовых обшивок ворот, найденных в развалинах дворца Салманасара III на холме Балават.

На этом же рельефе, справа от сцены взятия Сугунии, изображена группа пленных урартов, уводимых в ассирийский лагерь. У пленных руки связаны за спиной, а на шее надето ярмо.

В 858 году ассирийцы снова вторглись в Урарту и подступили к Арзашку, городу Арама урартского. Изображение взятия Арзашку также имеется на рельефах бронзовых ворот Балавата.

В надписи на Балаватских воротах Салманасар III об этом рассказывает: «Пока я шел на Арзашку, собрал Арам урартский свои войска и вышел мне навстречу, чтобы дать бой. Я разбил его, рассеял его воинов, 3000 воинов поверг я своим оружием. Его оружие, его царские сокровища, лошадей в большом количестве взял я. Чтобы спасти свою жизнь, скрылся он в горах».

Поход Салманасара III в район оз. Ван преследовал исключительно грабительские цели и, в частности, захват скота. С населением захваченных областей ассирийцы жестоко расправлялись. Так, Салманасар III говорит, что после взятия и разрушения Арзашку «кучи из голов устроил я напротив городских ворот. Одних [из людей] живыми свалил я в кучи, а других вокруг куч посадил на кол».

В пятнадцатый год правления Салманасара III ассирийцы опять двинулись на Урарту, в западную часть Ванского царства, пройдя страну от истоков р. Тигра до истоков р. Евфрата.

В двадцать седьмой год правления снова снаряжается поход в Урарту, но на этот раз ассирийские войска вел не сам царь, а его военачальник (туртан) Даян-Ашшур. Войска обошли оз. Ван с запада и перешли реку Арзани (Мурад-чай). Навстречу ассирийцам, чтобы принять битву, выступил урартский царь Сидури (Сардур). Через четыре года (тридцать первый год правления) Даян-Ашшур второй раз повел ассирийское войско против урартов. Но до урартской столицы, города Тушпы, ассирийцы не дошли, так как с юга восточное побережье озера хорошо защищено труднопроходимыми горами.

Сардур I. Урартский правитель Сидури (Сардур), упомянутый в летописи Салманасара III, может быть отождествлен с урартским правителем Сардуром, сыном Лутипра, постройка которого сохранилась у северо-западной стороны Ванской скалы.

На камнях стены сохранились три надписи на ассирийском языке, одинаковые по содержанию. В них Сардур именует себя не царем Биайны, как впоследствии называли урарты центральную часть своего государства, а царем Наири. Очень возможно, что Урарту входило в коалицию стран Наири и после того, как оно заняло первенствующее положение в районе Ванского озера, оно сохранило название страны Наири.

Завоевания урартов. Урартские надписи конца IX века до н. э. имеют имена двух правителей — Ишпуина, сына Сардура, и Менуи, сына Ишпуина. Эти тексты описывают три направления походов урартов: в горный район к юго-востоку от озера Ван, на южное побережье оз. Урмии и к северу — за р. Аракс.

Урарты успешно совершали походы к южному побережью оз. Урмии. При походах же на север Ишпуин и Менуа, переходя Аракс, проникали в области южного Закавказья, причем надписи отмечают численность урартского войска, направленного на север и состоящего из 66 колесниц, более тысячи всадников (число полностью не сохранилось) и 15 760 пехотинцев.

Менуа. Менуа, сын Ишпуина, (810—778) успешно продолжал политику расширения границ Ванского царства.

В состав Ванского царства в начале VIII века до н. э. входили: страны Мусасир и Мана в Приурмийском районе, а также страна Наири, занимавшая южное и юго-западное побережья озера Ван и граничившая с Ассирией. На западе урарты достигали р. Евфрата у Малатии. При Менуе южные области Закавказья, повидимому, еще не входили в состав Ванского царства, но походы за р. Аракс не были редкими.

На правом берегу р. Аракса, у современного села Ташбурун, расположенного на северном склоне Арарата, урартами была выстроена крепость, названная по имени царя — «Менуахинили», являвшаяся урартским административным центром на севере.

Крепость «Менуахинили» являлась базой для походов в Закавказье, преследовавших в это время исключительно грабительские цели.

В 1893—1894 годах в районе Ташбуруна экспедицией Московского археологического общества было открыто и частично раскопано обширное древнее поселение, защищенное пятью небольшими крепостями. Урартские клинообразные надписи, найденные там, свидетельствуют, что открытые остатки и являлись развалинами крепости Менуахинили.

В начале VIII века до н. э. Ванское царство начинает занимать первенствующее положение в северо-восточной части Передней Азии. Расширение его границ, особенно в западной части, овладение средним течением р. Евфрата и продвижение в северную Сирию, представляло для Ассирии серьезную опасность, так как это продвижение урартов перерезало пути сообщений с Малой Азией. Ассирия принуждена была начать решительную борьбу с Урарту и совершает туда ежегодные походы. Одновременно с войной против Ассирии Урарту укрепляло свои юго-восточные границы.

Большое значение приобрел в это время город Мусасир, расположенный в горах и ставший урартским религиозным центром. В Мусасирском храме, согласно текстам Саргона II, находилась статуя Сардура, брата Менуи, бывшего, повидимому, верховным жрецом главного бога урартов — бога Халда.

Строительная деятельность Менуи. При Менуе большая работа по строительству была проведена в районе г. Тушпы. Более половины надписей этого урартского правителя посвящено строительным работам и проводке каналов.

К этому времени относится, вероятно, и постройка на ванской скале крепости, отдельные части стен которой сохранились и до настоящего времени, поражая своей массивностью и качеством кладки.

К числу сооружений, возведенных Менуей в центральной части Урарту, относится канал, подводивший питьевую воду к городу Тушпе и действующий до сих пор. Этот канал, называемый местными жителями «каналом Шамирам», берет свое начало от мощного родника и имеет длину более 70 км. Через реку вода канала

переводится по мосту, сложенному из стволов деревьев и сохранившему, вероятно, свою прежнюю форму. В низменных местах, а также через овраги и ущелья русло канала идет по циклопической кладке до 20 м высоты. В кладке сохранились камни с клинообразными надписями, относящими сооружение этого канала Менуе.

Большое количество надписей Менуи, относящихся к строительным работам и военным успехам урартов, свидетельствует о расцвете Урартского государства, что, естественно, вызывало беспокойство постоянного противника Ванского царства — Ассирии.

Аргишти. Преемник Мену, его сын Аргишти (778—750), первые годы правления, согласно летописи, был занят походами на север и освоением южных областей Закавказья. Кроме закавказских походов, летопись упоминает также поход на запад, в Малатию, и дальше — в северную Сирию.

Затем в течение шести лет Аргишти был занят напряженной борьбой с Ассирией за овладение Приурмийским районом, в особенности южным и юго-восточным побережьем озера Урмии. Во время этих походов урарты забирали богатую добычу; за один только поход пятого года было захвачено 18 827 пленных, часть которых была убита, а часть уведена в Урарту, 606 лошадей, 184 верблюда, 6257 быков и 33 203 овцы. Во время этих походов урартские войска доходили до Ассирии. Летопись упоминает даже победу над Ашшурданом, царем Ассирии.

Подчинение Закавказья. При Аргишти южные области Закавказья были включены в состав Ванского царства и урартский административный центр на севере был перенесен через р. Аракс, в Закавказье, причем вновь выстроенная крепость получила название Аргиштихинили. Она находилась на холме, на левом берегу р. Аракса, неподалеку от места впадения р. Арпачая, на холме, носящем имя Армавира, древней столицы Армении.

Из окрестностей Армавирского холма происходит пятнадцать клинообразных урартских надписей, из которых шесть относятся к Аргишти. Они свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных урартами в южном Закавказье, в частности о постройке крепостей и храмов, о разведении виноградников и садов, а также о проводке каналов.

На самом Армавирском холме сохранились остатки стен урартской крепости, сложенных из крупных, хорошо обтесанных базальтовых глыб прямоугольной формы.

Урарты, включив области южного Закавказья в состав своего государства, заботились о благосостоянии этой страны, которая перестала служить местом для походов исключительно с целью грабежа. С этого времени начинается планомерная эксплоатация долины среднего течения р. Аракса. Надпись, найденная у русла древнего канала, отходившего от р. Аракса, и отмечающая его проводку Аргишти, сыном Менуи, указывает на заботу об ирригационной системе в южном Закавказье, выражающуюся в ее рас-

ширении и улучшении (система эта была сооружена местными жителями еще до прихода урартов).

Аргиштихинили, этот административный урартский центр на севере, имел большое значение для истории южного Закавказья. Из него совершались походы в различные районы Закавказья для их подчинения и присоединения к Ванскому царству.

Овладение южным Закавказьем было, повидимому, одним из важнейших мероприятий Аргишти; это подчеркивается также и тем обстоятельством, что из восемнадцати известных в настоящее время надписей Аргишти двенадцать найдены на территории Армянской ССР.

Сардур II. Преемник Аргишти, его сын Сардур (750—733), продолжал политику своего отца по закреплению областей южного Закавказья в составе Ванского царства. Экспедицией Русского археологического общества, работавшей в 1916 году в Ване, в одной из ниш у Ванской скалы была раскопана большая стела с клинообразным текстом, содержавшим летопись Сардура, сына Аргишти. В этой летописи, отчетливо обрисовывающей положение Урарту среди других стран Передней Азии, много места уделено описанию походов в Закавказье.

Правители отдельных областей часто сдавались на милость победителя, и в летописи Сардура неоднократно встречаются упоминания о том, что пришел местный правитель, «обнял Сардуровы колени и пал ниц». В этом случае покорный правитель часто оставался на своем месте, но иногда к нему назначался урартский наместник.

Древняя культура Закавказья. Археологические работы, проведенные в Закавказье, дали большой материал, позволяющий судить о древней культуре этого края в начале I тысячелетия до н. э.

Урартские клинописные памятники отмечают, что при продвижении к северу, через р. Аракс, урарты встречали большое число мелких «стран», не имевших общего объединения. Термином «страна» в данном случае обозначались территории, занятые отдельными родо-племенными группами.

Общество Закавказья находилось, повидимому, в последней фазе разложения родовых отношений, и в нем намечаются уже признаки формирования классовых отношений. Частые войны между отдельными племенами и грабительские походы родо-племенных союзов в прилегающие области доставляли значительное число пленных, которых превращали в рабов.

В курганах Закавказья при погребениях местных правителей встречаются также скелеты людей, вероятно рабов, убитых при погребении. Неоднократно замечалось, что скелеты, находимые в основном погребении, по антропологическим признакам существенно отличаются от населения Закавказья начала I тысячелетия, подкрепляя предположение об убийстве пленных при погребении племенных вождей.

Крепости, чрезвычайно грубой и массивной кладки, были основным видом поселения, что также является характерной чертой заполненного почти непрерывными войнами периода разложения первобытно-общинного строя.

Хозяйство древнего Закавказья. Хозяйственной основой закавказского общества было земледелие, особенно развитое в низменности среднего течения Аракса, отличающейся чрезвычайно благоприятными для этого естественными условиями, а также скотоводство яйлажного типа, т. е. скотоводство с выгоном скота в летнее время на горные пастбища. Захват лучших пастбищ, вероятно, нередко бывал целью войн между отдельными родо-племенными группами. О большом количестве скота в Закавказье постоянно говорят урартские тексты, как, например, приведенные выше выдержки из надписей, описывающих походы на север.

Археологический материал свидетельствует также о чрезвычайно развитой металлургии в Закавказье, использовавшей местные медные руды. При раскопках древних поселений в Армянской ССР неоднократно были находимы каменные формы для отливки металлических предметов, что доказывало местное происхождение бронзовых изделий, встречающихся в большом количестве в могильниках. Но металл Закавказья совершенно не привлекал урартов, и в сводках добычи, захваченной урартами в Закавказье, ни металл, ни металлические изделия не упоминаются вовсе.

При покорении закавказских областей урарты уводили большие количества пленных в центральную часть Урарту, где они частью сажались на землю, а частью превращались в рабов, большое число которых занималось на строительных работах.

Управление завоеванных областей. Как уже было указано выше, при оставлении на месте прежнего правителя, к нему приставлялся урартский наместник, следивший за своевременной уплатой налогов, а также за выполнением повинностей. Наместник области, которому иногда земли передавались в собственность, являлся обычно и военачальником. В Закавказье урарты опирались на нарождавшийся там господствующий класс, содействуя его оформлению и тем привлекая его на свою сторону.

Кроме указанных действий в Закавказье, Сардур, сын Аргишти, продолжал закрепление урартской власти в Приурмийском районе, а также обращал большое внимание на западные области, в частности на область северной Сирии.

Повидимому, власть урартов на Западе в это время значительно упрочилась, так как ослабленная Ассирия не могла противодействовать урартской экспансии. Первая половина VIII века является периодом наибольшего могущества Ванского царства, возвысившегося среди других стран древнего Востока.

Новое выступление Ассирии. Но к середине VIII века положение дел изменяется. В 745 году на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III. Произведя реорганизацию армии, значительно усилившую боевую мощь государства, Тиглатпаласар при-

ступил к восстановлению прежних границ Ассирии и возврату потерянных владений. Уже в 743 году ассирийское войско направилось в северную Сирию, где произошла битва с урартами, окончившаяся полным их поражением. Сардур принужден был спасаться бегством, и ассирийцы преследовали его до Евфрата, бывшего границей Ванского царства.

Следующие три года правления Тиглатпаласара были заняты укреплением власти в Сирии и подготовкой похода в Урарту, который и был осуществлен в 735 году до н. э.

Поражение Сардура. Сардур не смог оказать ассирийцам достаточного сопротивления. Через несколько лет Тиглатпаласар двинул свои войска в западные области Ванского царства и прошел его «сверху донизу». Обойдя озеро Ван (повидимому, с севера), ассирийцы вступили в центральную часть царства и осадили город Тушпу.

Разрушив город у подножья Ванской скалы, ассирийцы все же не смогли взять хорошо защищенную цитадель Тушпы, в которой урартский царь и выдержал осаду.

Поражение, нанесенное Урарту войсками Тиглатпаласара, имело чрезвычайно серьезные последствия. Непрочность объединения, характерная черта древнейших государств, проявилась в этот момент в очень яркой форме. В связи с ослаблением урартской государственной власти произошло, повидимому, распадение Ванского царства, причем многие из входивших в его состав насильственно присоединенных областей, вернули свою независимость.

Руса I. В это тяжелое для Урарту время на престол вступил Руса I (730—714). Ему, повидимому, пришлось покорять заново многие области Закавказья.

Урартским административным центром в Закавказье оставалась крепость Аргиштихинили, откуда совершались походы как к северу, за г. Арагац, так и к северо-востоку, к оз. Севан, а возможно и далее — на территорию современного Азербайджана. Большое число крепостей, сооруженных урартами, сохранилось в Закавказье до настоящего времени.

Кроме расширения северных границ своего государства, Руса заботился также об укреплении влияния в Приурмийском районе и в странах северной Сирии. В стране Мусасир, на перевале, ведущем к юго-западному берегу оз. Урмии, была установлена стела с текстом, написанным на урартском и ассирийском языках. Из этой плохо сохранившейся надписи известно, что мусасирский правитель Урзана был возведен на престол Русой, который был заинтересован упрочением урартского влияния в Мусасире, так как горы этой страны, покрытые густым лесом, служили надежной защитой центральной части Урарту, закрывая подступы к городу Тушпе с юга.

Отношения Ассирии с Ванским царством в двадцатых годах VIII века до н. э. имели мирный характер; Салманасар V, заня-

тый внутренними делами и далекими походами на запад, обращал мало внимания на Ванское государство.

Политика Саргона II в Урарту. С 722 года, когда ассирийский престол был захвачен Саргоном, отношения Ассирии с Ванским царством резко ухудшились, хотя в первые годы правления Саргона военных столкновений и не происходило.

К войне с Урарту Саргон готовился с большой тщательностью, собирая подробные сведения о положении дел в соседних Ассирии странах. Во дворце Ашшурбанипала, в Ниневии, было найдено большое количество глиняных табличек с клинописными текстами, содержавшими сообщения ассирийских агентов, посланных со специальными разведывательными заданиями.

Многие из этих писем, относящиеся ко времени Саргона, описывают события, происходившие в Ванском царстве. Некоторые из них рассказывают об организации разведывательной работы, причем известны даже имена ассирийских агентов.

Кроме подлинных писем ассирийских разведчиков, до нас дошли сводки сведений о событиях в соседних странах, составленные Синахерибом, бывшим в то время наследником ассирийского престола. Громадная ценность этих текстов заключается в том, что они содержат сведения, о которых умалчивают официальные источники. Они сообщают о войне урартов с киммерами, появившимися в Передней Азии в конце VIII века, о восстаниях в отдельных областях Урарту, а также о мятеже против урартского царя.

О неудачном походе урартов против киммеров в страну Гамир рассказывается в одной из сводок Синахериба: «Набули, наместник города Халсу, писал мне: я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском [царе]. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, трое из его начальников были убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю». Военные неудачи урартов вызвали восстания на периферии, а в центральной части царства был поднят против царя мятеж, во главе которого стоял урартский военачальник (туртан) Каккадану. Русе в этот трудный момент пришлось вести действия на нескольких фронтах; надо было не только подавить восстания на окраинах и в центре, но также укрепить свои пограничные районы. Воспользовавшись внутренними неурядицами в Ванском царстве, Саргон смог упрочить свое влияние в стране Мана, возведя на престол своего ставленника, а во время похода 717 года ассирийцами были захвачены два урартских пограничных города, жители которых были переселены в Дамаск.

Поход Саргона II в Урарту. В 714 году ассирийское войско под предводительством Саргона двинулось в страну к востоку от оз. Урмии, в частности против страны Зикирту, правитель которой был в союзе с Русой.

Этот поход хорошо известен по ассирийским письменным источникам. В Луврском музее хранится большая глиняная табличка, содержащая реляцию богу Ашшуру относительно этого похода.

Хорошо осведомленный Саргон, узнав, что урартский царь Руса со своими отрядами прибыл в Урмийскую область, резко изменил маршрут своего похода и совершенно неожиданно среди ночи напал на лагерь урартского войска и разбил его наголову. Сам Руса бежал в центральную часть своего государства.

После одержанной победы Саргон двинулся вглубь Урарту, не встречая на своем пути сопротивления. Пройдя восточный берег озера Урмии, ассирийское войско повернуло на запад, к северо-восточной оконечности озера Ван. Дальнейший путь Саргона лежал по северному берегу озера. Причины, по которым Саргон отказался от похода к столице Урарту, к городу Тушпе, неизвестны, но можно думать, что он, учтя полученные через разведчиков сведения, боялся попасть в ловушку. Обойдя оз. Ван, ассирийцы вступили в страну Наири. На обратном пути Саргон узнал, что против него выступил мусасирский правитель Урзана, бывший в союзе с урартами. Против Урзаны двинулся сам Саргон, вставший во главе тысячного отряда. Путь отряда лежал по трудно проходимым горам, в густом лесу, где приходилось прорубать просеки настолько узкие, что ассирийскому царю приходилось покидать свою колесницу, которую несли на руках. Мусасир был взят без боя, так как Урзана со своим войском скрылся в горах, оставив город на разграбление.

Взятие Мусасира. Во дворце и храме Мусасира Саргоном была захвачена богатая добыча, подробно описанная в Луврском тексте.

В кладовых дворца Урзаны было взято громадное количество золота, серебра, меди, свинца, сердолика, лазурита и драгоценных камней. Среди отдельных вещей отмечаются: золотые мечи и кинжалы, жезлы из слоновой кости и дерева, украшенные золотом и серебром, серебряные сосуды, бронзовые сосуды, железные мечи и цветные одежды из льна и шерсти.

Добыча, захваченная в храме бога Халда и богини Багбарту, оказалась еще более значительной.

Изображение ограбления храма имеется на рельефах стен дворца Саргона, причем этот рельеф является хорошей иллюстрацией к тексту Луврской таблички, так как многие предметы, описанные в тексте, воспроизводятся на этой стене.

Согласно сведениям Луврской таблички, в храме было взято, кроме большого количества золота (цифра не сохранилась), около 5000 кг серебра и 109 080 кг меди в слитках. Далее приводится пространное описание отдельных драгоценных вещей, находившихся в храме: шесть золотых щитов, украшенных головами собак, и двенадцать серебряных щитов с головами драконов, львов и туров. Кроме того, в храме хранилось колоссальное количество бронзовых щитов, копий и мечей. Там же находилось тридцать восемь серебряных колесниц, луки и колчаны из серебра и различные изделия из драгоценных металлов, изготовленные в Ассирии, Урарту и Кильху.

Наличие в мусасирском храме бронзовых статуй урартских царей указывает не только на то, что Мусасир находился в прямой зависимости от Урарту, но также и на то, что храм бога Халда в Мусасире был одним из урартских религиозных центров.

Возможно также, что и богатства, хранившиеся в храме, принадлежали урартскому царю. Ассирийские тексты рассказывают о том, что Руса, узнав, «что Мусасир разрушен, а его бог Халд увезен, собственной рукой, железным кинжалом с своего пояса, лишил себя жизни».

Упадок Ванского царства. Поход Саргона 714 года чрезвычайно ослабил Ванское царство, которое с этого времени перестало претендовать на гегемонию в Передней Азии. От Аргишти, сына Русы, вступившего на урартский престол после смерти своего отца, дошло всего три надписи. Из ассирийских источников известно, что Саргон жестоко расправился с правителем страны Куммух, который приносил дары и платил ежегодную дань Аргишти, рассчитывая на его помощь.

Войны с киммерами и скифами. Кроме тяжелой и неравной борьбы с Ассирией, Ванскому царству в конце VIII века до н. э. пришлось выдержать напор киммеров, вторгшихся в северные области Урарту.

После 714 года до н. э., когда Урарту, потеряв свое прежнее значение, не могло сдерживать напор киммеров с севера, киммеры вошли в соприкосновение с Ассирией, нападая на ее северные границы.

При Асархаддоне, царе Ассирии, киммеры проникли в Приурмийский район, где вступили в союз с мидянами.

В конце VIII века, вместо ослабленного Ванского царства, у Ассирии на севере появились три новых противника: киммеры (гимирра), манеи и мидяне.

Киммеры, перевалив через Кавказский хребет, прошли в Каппадокию.

В начале VII века до н. э. в восточное Закавказье проникли скифы, которые подошли затем к северо-восточной границе Ассирии в Приурмийский район.

Мидяне искали в скифах союзников, но и ассирийцы в свою очередь всячески старались склонить киммеров и скифов на свою сторону. Повидимому, скифы стали верными союзниками Ассирии и содействовали также оттеснению киммеров в Малую Азию. Скифы, так же как и киммеры, совершали походы и в западные части Передней Азии.

Руса II. Урарту в середине VII века до н. э., после поражения, нанесенного Саргоном, переместившее центр своего внимания на Закавказье, повидимому, было в союзе с киммерами и скифами. Это обстоятельство очень тревожило Асархаддона, который спрашивал у бога Шамаша о намерениях Урсы (Русы II) урартского и гимирру (киммеров). Но урарты все же не вступали в борьбу с Ассирией, и летописи Ашшурбанипала рассказывают, что около 654 года до н. э. в Ассирию прибыло урартское посольство.

В середине VII века до н. э. столицей Ванского царства все еще оставался город Тушпа, около которого, на холме Топраккале, находился дворец Русы II и храм бога Халда.

Клинообразные надписи этого времени свидетельствуют о большом внимании урартов к странам Закавказья, южная часть которого оставалась надежной окраиной Ванского царства.

На Топрах-кале было обнаружено письмо Закавказского правителя, извещавшего Русу, сына Аргишти, о постройке города в Закавказье, названного по имени урартского царя, а археологические работы последних лет, проводившиеся в Закавказье, открыли большое количество памятников урартского строительства. Среди них особое место занимает крепость VII в. до н. э. на Кармир-блуре (т. е. «Красном холме») у г. Еревана. Раскопки этой крепости (1939 и 1940 гг.) открыли хорошо сохранившуюся монументальную постройку, повидимому, дворец урартского правителя, по своим архитектурным формам тесно связанную с аналогичными памятниками Передней Азии. Внутренние помещения дворца, стены которых сохранились на высоту до 7 м, были украшены декоративными бронзовыми щитами, по форме тождественными найденным на Топрах-кале и изображенным среди рельефов дворца Саргона в сцене разграбления Мусасирского храма. Кроме того, там же был найден бронзовый колчан, украшенный изображениями конных воинов и боевых колесниц, являющийся прекрасным образцом урартского искусства VII в. до н. э.

Раскопки жилищ, примыкающих к дворцу, дали большое количество глиняных сосудов, иногда урартского изделия, на что указывают клейма, помещенные под ручкой кувшинов, а также орудия и оружие, изготовленные преимущественно из железа.

В Закавказье урарты большое внимание уделяли также расширению и улучшению ирригационной сети. Зерна, обнаруженные в громадном количестве при раскопках на Кармир-блуре (ячмень, просо, вика и др.), свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне поливного земледелия. Некоторые из каналов, отходящих около Кармир-блура от реки Занги, с уверенностью можно отнести к глубокой древности. Во всяком случае урартские надписи VII в. до н. э., обнаруженные в Закавказье, говорят о сооружении оросительных каналов.

Конец Урартского государства. О преемнике Русы II урартском царе Сардуре известно очень мало; памятники этого времени до нас не дошли, да и его имя встречается только в летописях Ашшурбанипала, где отмечается присылка (ок. 639 года) богатых даров от Сардура, царя Урарту.

Из последних урартских правителей лучше известен Руса, сын Эримены, дворец и храм которого были раскопаны на Топрахкале. Известна лишь одна надпись на камне этого последнего урартского правителя, рассказывающая о постройке крепости. Она была найдена в Закавказье неподалеку от Армавирского холма, свидетельствуя тем самым, что Аргиштихинили, урартский центр в Закавказье, существовал до самого конца Ванского царства.

Ванское царство пережило своего постоянного противника Ассирию. Вавилоняне и мидяне в 612 году разрушили Ниневию,

а в 605 году, взяв Кархемиш, окончательно уничтожили Ассирийское государство.

Вавилонская хроника, описывающая события 616—609 годов, отмечает поход Набопаласара (609) в Урарту, но результаты его остаются неизвестными, так как на этом месте текст хроники обрывается.

Окончательную гибель Урарту относят обычно ко времени около 585 года, до встречи мидийских войск с лидийскими на р. Галисе. Повидимому, мидяне, проходя через Урарту, опустошили страну и разрушили Тушпу.

Последний раз термин Урарту, в форме Урашту, встречается в вавилонском тексте Бисутунской надписи Дария (521 года), причем в персидской редакции он заменен термином Армина (Армения). В это время территория центральной части Ванского царства была уже занята армянами.

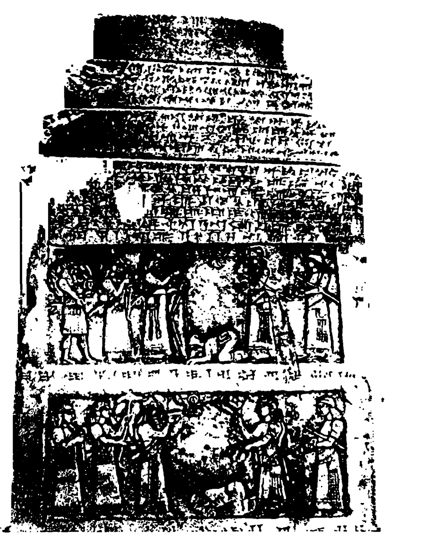
Хозяйство и общество. Сведения, которыми мы располагаем при изучении Урарту, не освещают всех сторон жизни этого древнего государства. Основными источниками являются ассирийские и урартские клинообразные надписи, содержащие преимущественно описание походов и дающие большой материал для политической истории. Материал же, позволяющий судить о социальной структуре урартского общества, очень скуден. Археологические работы на территории Ванского царства до сих пор не развернуты в должной степени. Раскопки производились только на Топрах-кале и дали материал, относящийся исключительно к последнему периоду Урарту.

В Урарту, как во всяком ранне-классовом обществе, большое значение имело рабство, что и позволяет нам считать это государство рабовладельческим, но источники наших сведений не дают возможности выявить специфику урартского рабовладения. Совершенно очевидно, что не все захваченные в войнах пленные превращались в рабов; большое их количество поселялось на новых местах, где они получали землю, платили подать и выполняли, наряду с урартами, воинские повинности.

О государственном устройстве Урарту мы знаем также немного. Царство было разделено на отдельные области, бывшие некогда самостоятельными странами. Наместниками в эти области назначались урартские военачальники (туртаны); на них лежало наблюдение за сбором податей и выполнением воинской повинности. Урартские наместники назначались также и в те области, где сохранялись местные правители.

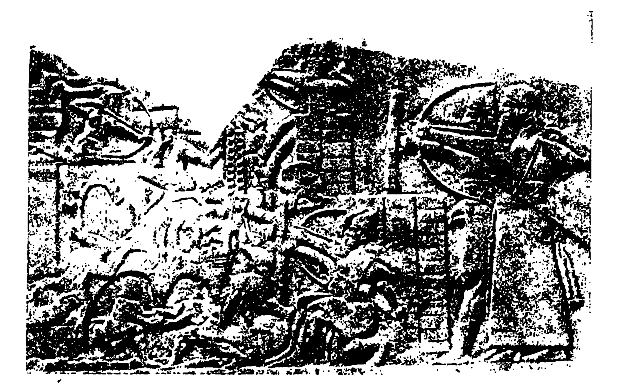
Основой хозяйства урартов было земледелие и скотоводство, с преобладанием одного или другого вида хозяйства в связи с естественными условиями отдельных областей.

Техника земледелия была высокой: основные земледельческие орудия изготовлялись из железа. При раскопках на Топрах-кале встречены железные вилы, лемех плуга и другие части хозяйственных орудий. Земледелие требовало также значительной затраты

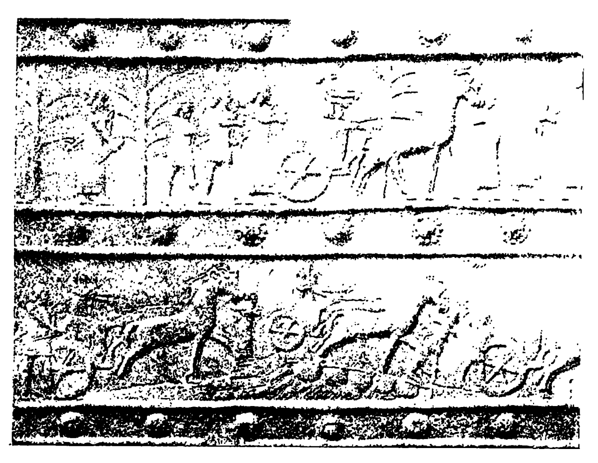


Обелиск Салманасара III с записью его побед. Из Кальху (Нимруд). Британский музей.

Царь Ашшурнасирпал II в сопровождении крылатого божества. Рельеф из Кальху (Нимруд). Гос. Эрмитаж.



Войска Ашшурнасирпала II осаждают крепость. Рельеф из Кальху (Нимруд). Британский музей.



Часть бронзовой обивки ворот г. Балавата. Изображение побед Салманасара III. Британский музей.

труда, так как оно было основано на орошении на высоких горных плато; для орошения использовалась вода горных речек, а плодородные долины Аракса и Мурад-чая требовали создания целых ирригационных систем, что подтверждается сведениями урартских надписей.

В ассирийских текстах имеются описания работ Русы, сына Сардура, в результате которых пустынная местность к северо-западу от оз. Урмии была превращена в цветущий район. Там был сооружен большой канал «подобный реке Пурату (Евфрату)», от которого отходили многочисленные арыки, орошавшие поля. На орошенной земле были разведены также виноградники и сады с плодовыми деревьями.

Кроме оросительных каналов и каналов, подводивших к поселениям питьевую воду, урарты сооружали также искусственные бассейны, как, например, озеро Кешиш-гель, около Тушпы, сооруженное Русой.

Наряду с земледелием, в Ванском царстве большое значение имело скотоводство, в связи с которым были освоены высокогорные луга, куда летом выгонялся скот. Описания урартских походов, сопровождавшиеся перечнем добычи, отмечают громадное количество крупного и мелкого скота, угонявшегося в центральную часть государства. Скот был основным богатством страны.

Металлургия. Из ремесел большое развитие получила металлургия, использовавшая местные руды. Ванское царство было очень богато месторождениями железа. При раскопках встречено большое число железных предметов, и, по всей вероятности, в Ванском царстве раньше, чем в других районах Передней Азии, железо вошло в широкое употребление.

Наряду с железными предметами (оружие и орудия), в Урарту встречено большое количество бронзовых изделий, исключительных по своей художественности и по технике их изготовления.

Известна целая группа бронзовых фигурок, украшавших, по всей вероятности, трон, отлитых сложным способом по моделям, вылепленным из воска, — способом, при котором по модели можно отлить лишь один предмет. На предметах этого рода, хранящихся в Государственном Эрмитаже (как, например, на фигурке крылатого льва с человеческим туловищем), видно, что эти фигурки сверху покрывались листовым золотом, а лица изготовлены из белого камня, причем глаза и брови были инкрустированными.

Урартские металлические изделия были широко распространены по всей Передней Азии. Встречаются они и за пределами ее, в частности в архаических греческих храмах. Так, украшения котлов в виде крылатых фигур с женским туловищем встречаются в Иране, в Ниневии, на Родосе, в Дельфах, в Афинах и в Олимпии.

Искусство. Вообще в урартском искусстве, кроме переднеазиатского влияния, намечаются определенные связи с архаическим греческим искусством, связи, осуществлявшиеся, вероятно, через

посредство Малой Азии, ее западного и северного побережья, которые в VII веке были освоены греческой колонизацией. На эти связи указывают и некоторые памятники урартской архитектуры. Храм в Мусасире, изображенный на рельефе во дворце Саргона, имеет, в отличие от всех древневосточных храмов, двускатную крышу с фронтоном, напоминающим фронтоны архаических греческих храмов.

Помещения, высеченные в Ванской скале, также находят ближайшие аналогии на севере и западе Малой Азии.

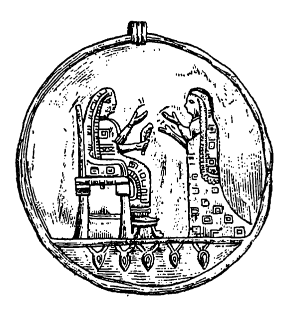
Имея характерные особенности, искусство Ванского царства по своему общему облику было очень близким ассирийскому. В обстановке непрочных политических объединений, широкого обмена и постоянных войн, металлические художественные изделия и вообще памятники искусства распространялись из какого-нибудь места на большой территории. Такое широкое распространение памятников искусства по всей Передней Азии, а также постоянные передвижения и насильственные переселения отдельных племен, привели к образованию скрещенных стилистических элементов в искусстве Передней Азии. Эти элементы становились в собственном смысле слова переднеазиатскими и только получали свое развитие в отдельных районах. Общие черты между ассирийскими крылатыми быками, урартскими бронзовыми статуэтками, а также скульптурами сфинксов из Митанни и Хеттского царства неоспоримы.

Религия. Урартская религия также имела много общего с другими переднеазиатскими религиями. Религиозные тексты, которые бы отражали урартские верования, до нас не дошли. Нам известны только имена урартских богов, которым приносились жертвы. Главными богами урартов были бог Халд и, согласно ассирийским источникам, его супруга Багбарту. Из других богов нам известны бог солнца Ард (соответствующий ассирийскому Шамашу) и бог войны Тейшеба (переднеазиатский Тешуп). Кроме культа животных, отмеченного изобразительными памятниками, в урартской религии был распространен свойственный всему переднеазиатскому миру культ дерева («дерева жизни»), иконографически связанный с таковым же ассирийским культом.

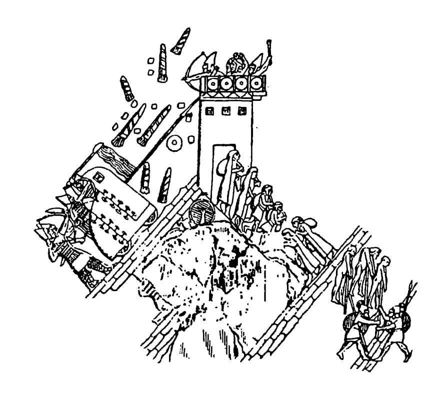
Письменность. Древнейшие надписи урартских правителей были написаны на ассирийском языке, тексты же на урартском языке появляются только с конца IX века до н. э. Свою письменность урарты заимствовали у ассирийцев, взяв уже готовую схему и только приспособив ее к особенностям своего языка. Урарты уменьшили число знаков ассирийской клинописи и в некоторых случаях упростили их форму. В урартском языке, повидимому, не встречается и полифонии, т. е. передачи одним знаком нескольких звуковых комплексов, обычной в ассирийском языке.

Всего урартская клинопись содержит около двухсот тридцати знаков, не считая числительных, что значительно меньше общего числа знаков ассирийской клинописи. Кроме клинописного письма,

в Урарту существовало также иероглифическое, образцы которого встречены на одной глиняной табличке, на каменных печатях, а также на металлических и глиняных изделиях.



Золотой медальон из Топрах-Кале VII в. до н. э.



Синахериб осаждает Лахиш.

ГЛАВА XXVIII

ВЕЛИКАЯ АССИРИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ДЕРЖАВА

В течение семидесяти лет, начиная с конца IX и до середины VIII века, Урарту теснило ассирийцев. Ассирия теряла на севере область за областью.

Тиглатпаласар III. В 746 году в Кальху, в столице Ассирии, вспыхнуло восстание. Очевидно, в результате его в 745 году на престол Ассирии вступил один из крупнейших организаторов Ассирийского государства, царь Тиглатпаласар III. Вступив на престол, он застал Ассирию потерявшей почти все свои северные владения. Границы государства оказались под ударами врага, ряд областей отпал.

Реорганизация войска. Прежде всего Тиглатпаласар приступил к реорганизации армии. Наряду с ополчением, в состав которого включалось все мужское население Ассирии, он создал большое постоянное войско в несколько десятков тысяч человек, оказавшееся вполне достаточным для осуществления ряда походов без призыва к оружию ополчения.

Для организации такого постоянного войска пришлось брать не только лиц, владевших земельными наделами, но и тех из крестьян, которые не имели своей земли и потому должны были быть вооружены на средства государства.

Техника военного дела. Вместе с тем Тиглатпаласар реорганизовал войско и в военнотехническом отношении. Прежде всего было введено единообразное вооружение. Войска были разделены по роду оружия.

Самой аристократической частью войска, в состав которой вхо-

дили зажиточные люди, были колесничие. Ассирийские колесничие были столь же страшны своим врагам, как и колесничие в войсках Египта Нового царства. Наряду с колесничими в ассирийской армии начинает впервые в большом количестве применяться конница, отношение которой к колесничим равнялось 2 : 1. Ассирийская конница имела большое значение в преследовании разбитого врага.

Пехота Ассирии делилась на две категории: 1) тяжеловооруженная пехота, копейщики с большими щитами, которых было вдвое больше, чем всадников, и 2) легковооруженная пехота — стрелки из лука, число которых также вдвое превышало число тяжеловооруженных.

Таким образом, войско по родам оружия имело следующее соотношение: на одного колесничего приходилось два всадника, четыре тяжеловооруженных пехотинца и восемь лучников. Это соотношение мы находим обычно при перечислении состава отдельных отрядов ассирийского войска. Благодаря этому даже самое небольшое подразделение ассирийской армии имело все четыре рода оружия и было универсальной боевой единицей.

Кроме этого, в ассирийском войске было ополчение, вооруженное палицами. В состав его входили, очевидно, наиболее бедные, вооружавшиеся за свой счет.

Кроме линейных войск, у ассирийцев были и «инженерные войска», были отряды для землекопных работ, причем черные работы в них поручались военнопленным. На ассирийских рельефах среди работников, которые рубят деревья для возведения мостов или палисадов или заняты землекопными работами, часто можно видеть людей, закованных в цепи.

Саперы подводили подкопы под неприятельскую крепость, возводили насыпи, чтобы войска могли сражаться на одном уровне с осажденными. Они же наводили временные мосты через реки и горные потоки для переправы армии. Эти мосты строились по типу наших понтонных мостов, причем роль понтонов в то время выполняли надутые воздухом большие бурдюки; они укреплялись поперек реки и служили основанием для деревянного настила, по которому переправлялись тяжелая пехота и колесницы, в то время как всадники просто перебирались через реку вплавь на своих конях, а легковооруженные стрелки переправлялись с помощью бурдюка, который они охватывали руками и затем бросались в воду.

Наряду с саперными отрядами в составе ассирийского войска находились части, которые условно можно назвать «артиллерией». Они имели особые механизмы, которые могли выкидывать камни весом, примерно, до 10 килограммов на расстояние в пол-километра. По-гречески эти орудия назывались катапультами. При помощи рычага, на одном конце которого скручивались жгуты из воловьих жил, силою натяжения выбрасывались камни или сосуды с горящей смолой в осажденную крепость.

Кроме катапульты, в Ассирии применялись и стенобитные орудия, тараны, т. е. большие балки, которые раскачивались десятками людей и тяжестью которых пробивалась брешь в стенах.

Таким образом, ассирийская армия представляла грозную силу, являвшуюся бичом для всех окружающих стран. Иудейские пророки с ужасом описывают действия страшной ассирийской военной машины. Они изображают ассирийское войско столь совершенным, как ни одно из войск того времени: в нем воины однородных частей имеют все одинаковое оружие, которое по качеству являлось лучшим из того, что было известно тогдашнему миру. Совершенная по тем временам техника давала возможность очень быстро перебрасывать войска, а наличие всадников, — типа войска, еще неизвестного у других народов, — делало набеги ассирийцев неотразимыми. Кроме того, благодаря реформе Тиглатпаласара, который начал вводить в армию обедневших крестьян, ассирийское войско становится снова многочисленным, и резервы его могли казаться неисчерпаемыми.

Завоевания. Благодаря реформам Тиглатпаласара Ассирия вновь получает возможность стать на путь завоеваний, начало которым кладет сам Тиглатпаласар. Первые мощные удары его были направлены на север, поскольку урарты стали настолько сильны, что угрожали самой Ассирии. Тиглатпаласар наносит им и в последующие годы ряд поражений, заставляя в конце концов отступить на север. Ассирия занимает здесь большие территории и превращает их в оплот против беспокойного северного соседа. С первых же лет своего правления Тиглатпаласар стал закреплять свою восточную границу против воинственных мидийских племен.

На западе Тиглатпаласар покоряет северную Сирию, которая была завоевана его предшественниками, но в конце IX и в начале VIII века отпала от Ассирии. На юге Тиглатпаласар защитил Вавилонию от вторгнувшихся кочевых арамейских и халдейских племен. Побежденных кочевников юга он переселил в пограничные области востока. Царь Вавилонии Набонасар, с которого начинается список царей Вавилонии в поздней эллинистической традиции, встал в подчиненное отношение к Тиглатпаласару.

Обезопасив себя на севере, юге, востоке и западе, Тиглатпаласар обращается на юго-запад, на того врага, который в течение IX века был неодолим, т. е. против Дамаска, в центре Сирии. Этот город задерживал продвижение ассирийского войска в Палестину и далее к югу в богатый Египет.

Походы Тиглатпаласара против Дамаска оканчиваются полным успехом. В 732 году он берет город, открывая тем самым путь на юг. Ассирийское войско уже стоит на пороге Палестины, и пророки Израиля предвещают гибель своему государству.

Победоносное царствование Тиглатпаласара нашло свое блестящее завершение. В 729 году, вскоре после смерти Набонасара, Тиглатпаласар сам стал царем Вавилонии, объединив Вавилонию и Ассирию персональной унией.

Управление провинциями. Тиглатпаласар реорганизовал также управление завоеванными областями. Во главе провинций становятся наместники, которым должны были подчиняться как ассирийские гарнизоны, так и города этих провинций, которым почему-либо дана была известная самостоятельность. Провинции, созданные Тиглатпаласаром, были сравнительно небольших размеров, и потому царь мог не опасаться стремлений к самостоятельности со стороны какого-нибудь честолюбивого наместника. Наместники должны были заботиться о том, чтобы в государственную казну исправно поступали добыча или подать, и тем самым являлась возможность своевременно создавать новые военные комплектования.

Что касается выкачивания податей и налогов, то здесь все оставалось по-старому: подати продолжали быть столь же тяжелыми, как и при его предшественниках. Может быть, благодаря организации Тиглатпаласара, благодаря уже вошедшим в систему управления грабежам положение завоеванных областей стало еще более тяжелым, чем во времена его предшественников.

Содержание больших ассирийских гарнизонов в провинциях ложилось тяжелым бременем на население завоеванных областей.

Рабство. В самой Ассирии благодаря походам Тиглатпаласара продолжало развиваться рабовладельческое хозяйство. Число рабов в Ассирии было чрезвычайно велико, и даже в рядовых зажиточных семействах рабы насчитывались десятками. В городах рабы использовались не только для домашних услуг, но и в ремесле. Существовали большие рабовладельческие мастерские, в которых работали десятки рабов, но изредка применялся (правда, в ограниченных размерах) и свободный наемный труд. Сельскохозяйственные рабы входили в состав живого инвентаря земельных владений и продавались вместе с ними.

Салманасар V. В походах протекала вся жизнь Тиглатпаласара III, и после своей смерти (727) он оставил своему сыну Салманасару V огромные материальные ресурсы. Салманасар V еще последовательнее проводил политику отца внутри Ассирийского государства. Он еще в большей степени опирался на армию и решил полностью покончить с привилегиями знати и жречества.

Отмена привилегий храмов. Уравнивая население Ассирии в правах, он отменил привилегии храмов, в которых засела крупная знать, и лишил льгот древние города, которые были освобождены от ряда тягот и повинностей по отношению к государству (например, от обязанности поставлять рекрут в армию).

Если Тиглатпаласар, подчинив себе Вавилонию, сохранил все же ее самостоятельность, то Салманасар, проводя свою политику уравнения в Ассирии, распространил ее и на Вавилонию, которую рассматривал как часть Ассирийского царства. Отменив льготы в храмах Ашшура, он отменяет их и в священных городах Вавилонии — Ниппуре, Сиппаре и Вавилоне. Именно в Вавилонии сильна была богатая прослойка купцов, жречества и крупных землевла-

дельцев. Политика Салманасара вызвала сильное ожесточение не только в Ассирии, где знать и жречество относились с ненавистью к царю, но и в Вавилонии. В дальнейшем, с тех пор как Вавилония была включена в состав Ассирийского царства, политика царей в значительной степени определялась той борьбой, которая происходила между двумя группировками — ассирийской военной и вавилонской жреческой и торговой партиями.

Недовольство политикой Салманасара привело к созданию заговора на его жизнь, причем заговорщики находились и в среде его семьи. Нужно было лишь выждать удобный момент для свержения царя.

Осада Самарии. Этот момент наступил тогда, когда Салманасар V в 725 году выступил в поход против Израиля. В решающей битве Израиль был разбит, и войско царя подступило к Самарии, столице Израиля, которая считалась неприступной горной крепостью. Осада Самарии длилась три года. Ассирийцы проводили ее с большим напряжением и огромными жертвами. В это время вспыхнуло восстание в Ассирии.

Саргон II. Длительная осада Самарии привела к тому, что заговор против Салманасара был осуществлен и на престол был возведен младший брат Салманасара, Саргон. Его звали, вероятно, иначе, но он, повидимому следуя примеру великого своего предшественника, древнего царя Аккада, присвоил себе его имя, которое означает «истинный царь».

Саргон II (так он называл себя в отличие от Саргона, великого царя Аккада) правил с 722 по 705 год.

Саргон завершил дело Салманасара и через несколько месяцев после вступления на престол взял Самарию и привел в Ассирию десятки тысяч пленных израильтян.

Саргон, возведенный на престол Ассирии волей господствующего класса рабовладельческой знати, действовал в интересах этой последней. Правда, свою политику он проводил чрезвычайно осторожно, а на словах уверял, что защищает бедняков.

Дуршаррукин. По крайней мере в своей надписи, где говорится о построении им столицы, названной Дуршаррукин, т. е. «крепость Саргона», он указывает, что, получая территорию для постройки своего дворца, он не нанес никакой обиды бывшим ее владельцам.

Вот как он сам говорит об этом:

«Сообразно значению моего имени — охранять право и справедливость, руководить слабыми и не давать в обиду беззащитных — я давал плату за участки в этом городе их владельцам по нормальным ценам, а чтобы не обидеть тех, которые не брали денег, давал им участки, расположенные против их прежнего участка».

Отношение к жречеству и знати. Таким образом, он подчеркивает, что имя его Саргон, «истинный царь», обязывало его не только не обижать слабых и бедных, но и защищать их. Но, конечно, это было только фразой. В действительности же он опирался на верхушку ассирийского общества, поставившую его

у власти. В армии его опорой были командный состав, всадники и колесничие. Поддерживали Саргона также жрецы, искавшие возвращения льгот храмам, отнятых Салманасаром. Это и была та сила, которой удалось произвести переворот и убрать с пути Салманасара.

Наемное войско. Поэтому Саргон, опасаясь возможности измены со стороны войска, стремился ограничить в нем роль бедноты. Он старался держать бедняков армии только в качестве обслуживающего персонала, например в обозе, сильно ограничив тем самым их роль в линейной армии. Но это мероприятие угрожало настолько сократить численность войска, что оно в новых условиях не сумело бы справиться с теми задачами, которые перед ним стояли.

Поэтому Саргон вынужден был ввести в армию наемников, набирая их из населения еще не завоеванных стран или из отрядов, которые дабали ассирийцам завоеванные ими страны. Включались в ассирийскую постоянную армию и целые военные отряды из войск той или другой побежденной области.

Льготы храмам. Опираясь на эти силы, Саргон восстанавливает все привилегии, отмененные Салманасаром. Об этом свидетельствует дошедшая до нас любопытная надпись Саргона, которая сообщает о восстановлении старых привилегий города Ашшура, древнейшего города Ассирийского государства.

Вероятно, такие декреты царь выпускает и в пользу других древних городов и храмов, которые были лишены соответствующих привилегий при его предшественнике.

Таким образом, Саргон определенно ставит себя в оппозицию к своему предшественнику и говорит о нем как о царе, низложенном гневом богов.

Саргон, опираясь на войско иного состава, нежели то, с которым выступали в походы Тиглатпаласар и Салманасар, продолжает внешнюю политику своих предшественников. Вслед за Израилем Саргон подчинил города палестинского побережья. Но свои главные удары он обратил против севера.

Поход в Урарту. Урарту, уже в сильной степени ослабленное походами Тиглатпаласара, становится легкой добычей для Саргона. На восьмом году своего царствования (в 714 году) Саргон нанес этому государству окончательный удар: он с войсками прошел через всю страну, предавая все огню и мечу, и разрушил Мусасир, священный город урартов, недалеко от озера Урмии. Добыча, захваченная царем, была огромна. Он посвятил этому походу большую надпись, где, между прочим, перечисляется полученная добыча, состоящая из громадного количества золота, серебра, меди, не считая всевозможных изделий из ценного металла. Захвачено было много медного оружия — щитов, копий, мечей, а также статуи урартских царей Сардура, Аргишти и Русы, посвященные богу Халду. Кроме того, было уведено большое количество скота и свыше шести тысяч пленных.

Одним словом, в руки ассирийского царя попала богатейшая добыча, и от удара, который был нанесен Урарту, последнее уже не могло оправиться. Сам урартский царь, Руса, кончил жизнь самоубийством.

Саргон развивает завоевательную политику и в других частях Передней Азии. Он был первым ассирийским царем, который имел военные столкновения с Египтом и Эфиопией. За обладание Вавилонией Саргону приходилось бороться с халдейским вождем Мардукапалиддином, упоминаемым в Библии как Меродахбаладан. Лишь в 710 году Саргону удалось завладеть после победы над Мардукапалиддином Вавилонией. Последние годы своего правления Саргон посвятил строительной деятельности. Свою смерть он нашел, кажется, на поле битвы.

Синахериб. Синахериб, сын Саргона, тотчас же резко меняет внутреннюю политику отца. Став царем, он снова ищет опоры в армии, отодвигая на задний план ассирийскую знать и вавилонское жречество и купцов, несколько ограничивающих власть царя.

Вавилония стала ярым противником Синахериба. Создав мощную армию, Синахериб стремился захватить в свои руки всю Переднюю Азию, а также Египет. Он завязывает сношения с Египтом и выдает свою дочь за одного бежавшего из Египта ливийского царевича, с тем чтобы проводить через него ассирийскую политику в долине Нила. Однако для того чтобы захватить Египет, надо было обеспечить господство над пограничными областями юга и востока и преодолеть сопротивление Иуды.

Борьба в Вавилонии. После смерти Саргона снова захватил власть в Вавилонии уже названный выше халдейский вождь Мардукапалиддин, который пытался укрепить положение в Вавилонии арамейских и халдейских кочевников. Элам также поддерживал халдейского вождя. Синахериб победил Мардукапалиддина и вспомогательное эламское войско. Мардукапалиддин бежал в болотистую область около Персидского залива. Поселенных им арамеев и халдеев Синахериб изгнал из Вавилонии, надеясь этой мерой примирить вавилонский господствующий класс с господством Ассирии. Ради этой цели он пошел даже на то, что посадил на престол Вавилонии знатного вавилонянина, воспитанного при ассирийском дворе. Умиротворив Вавилонию, Синахериб разгромил воинственные племена пограничных областей востока. Лишь после этих походов Синахериб мог в 701 году приступить к осуществлению своих замыслов на западе.

Поход в Иуду 701 г. Иудейское государство в то время сохраняло еще свою самостоятельность. Его поддерживали эфиопские властители Египта и на него опирались города южной Финикии и филистимлянского побережья. Синахериб победил Сидон и некоторые из городов филистимлян, разгромив пришедшее к ним на помощь эфиопско-египетское войско. После этих операций Синахериб, победив ряд других своих врагов, подступил, наконец, к Иерусалиму и осадил его, но взять не мог. Правда, в своей

надписи он сообщает, что иудейский царь был им посажен «в Иерусалим — его столицу, как в клетку», откуда нет ни выхода, ни входа. Ассирийское войско железным кольцом окружило город. Горожане отсиживались, страдали от голода, но не сдавались, надеясь на помощь Египта. Наконец, иудейский царь Хизкия решил послать Синахерибу дань с просьбой о мире. Было послано большое количество золота и серебра, для чего была опустошена царская сокровищница и ободрано золото с ворот и колонн храма Ягве. Синахериб снял осаду и, ограничившись одними дарами, ушел, в чем пророки Иуды увидели, конечно, «перст божий».

Войны на севере, юге и востоке. В результате этой неудачи снова вспыхнуло восстание в Вавилонии, и Синахериб посадил теперь на вавилонский престол своего старшего сына. Некоторое время ассирийский царь посвятил войнам на севере. У Бероса даже сохранилась традиция, что Синахериб в Киликии вел войны с вторгнувшимися ионийскими греками. Стремясь изолировать враждебные элементы в Вавилонии, Синахериб разбил войско Мардукапалиддина на берегу Персидского залива. Для этой цели он построил большой флот. Царь Элама, воспользовавшись пребыванием Синахериба далеко на юге, вторгся в Южное Двуречье и захватил в плен царя Вавилонии, сына Синахериба. Желая отомстить за сына, Синахериб в свою очередь вторгся в пределы Элама, предавая разгрому его поселения. Вавилония на короткое время стала самостоятельной под управлением царя халдейского происхождения. В 691 году Синахериб разбил в кровопролитной битве при Халуле, на Тигре, к северу от Вавилона коалицию вавилонян, халдеев и эламитян.

Разрушение Вавилона. В 689 году он подошел со своим войском к Вавилону, потребовал его немедленной сдачи и после того, как в этом ему отказали, взял его силой. После этого совершился один из самых страшных и, с точки зрения современников, кощунственных актов в мировой истории: город Вавилон, город, являвшийся колыбелью ассиро-вавилонской культуры, Синахериб сравнял с землей. Жители Вавилона были частью переселены, частью отданы в рабство. После этого были открыты шлюзы и воды Евфрата пущены по разрушенному городу для того, чтобы Вавилон, это гнездо крамолы, больше не мог встать из развалин. Воды реки текли по городу, в котором незадолго до этого было несколько сот тысяч жителей. Ужас охватил Ассирию и Вавилонию. Однако Синахериб даже и этой крайней мерой не добился того, на что он надеялся: порядок в государстве не восстановился.

Конец Синахериба. В Ассирии снова вспыхнули волнения, и даже войско, на которое опирался царь, также начало проявлять колебания.

В 681 году Синахериб погиб от дворцового переворота, в котором принимали участие два его старших сына, недовольные желанием отца посадить на престол своего младшего сына Асархаддона, рожденного ему женщиной запада, может быть еврейкой.

Недовольство братьев заставило Асархаддона даже еще при жизни отца оставить Ниневию и искать убежища на северо-западе, кажется в Киликии. Здесь он и находился, когда Синахериб был убит. Узнав о гибели своего отца, Асархаддон возвратился и был признан войском законным царем Ассирии. Его братья бежали, и Асархаддон, через несколько месяцев после смерти отца, вступил на престол.

Асархаддон. Асархаддон (681—668), вступив на престол и отомстив за смерть своего отца, не решился все же продолжать его политику.

Со времени Саргона II, который ввел в ассирийскую армию наемные войска, ассирийская знать, жречество, богатая рабовладельческая верхушка городов избегали вступать в войско, находя более верный способ обогащения не в походах, а в торговле. В Ассирии, таким образом, появились купцы, интересы которых во многом совпадали с интересами вавилонских купцов. Ко времени царствования Асархаддона прекращаются на время те противоречия внутри господствующего класса, которые приводили к дворцовым заговорам, сменившим Салманасара и Синахериба. Господствующий класс Ассирии и Вавилонии консолидировался, и это значительно укрепило неограниченную деспотическую власть царя, чего добивались ассирийские цари, начиная с Тиглатпаласара III.

Восстановление Вавилона. Асархаддон значительно усилил наемные части в ассирийской армии и отдал приказ о восстановлении Вавилона во всем былом его величии. Огромные силы были направлены на эти постройки. Военнопленные, взятые во всех ассирийских походах, сгонялись на работу, и в очень короткое время Вавилон снова стал городом живых. Любовь Асархаддона к Вавилону нашла свое выражение в том, что главной своей женой он сделал не ассирийскую женщину, а уроженку Вавилона, и сына от этой вавилонянки стремился назначить своим престолонаследником — будущим царем.

Завоевание Египта. Асархаддон, продолжая агрессивную политику, мечтал завершить ассирийские завоевания покорением Египта, сделав тем самым Ассирийское государство владыкой над всем цивилизованным миром. Уже в самом начале своего царствования Асархаддон пытался закрепить свое положение у восточной границы Египта. Разгромив Сидон и вступив в союз с Тиром, он окончательно завладел южной Финикией. Он создал себе удобный плацдарм против Египта, заставив себе подчиниться часть Кипра, Иуду и соседние с ней арабские племена. Но планам Асархаддона завоевать Египет препятствовало угрожающее положение на северной и восточной границах его царства. Здесь началось наступление воинственных племен кимеров, скифов, маннаев и мидян. Наступление их стало настолько опасным, что Асархаддон через прорицателей запрашивал бога Шамаша о том, чтó ожидает Ассирию в ближайшее время в борьбе с этими варварами. Оче-

видно, угрозы со стороны севера и востока обусловили поражение Асархаддона при его первом походе на Египет в 673 году. Вероятно, в это время Асархаддон и отдал свою дочь в жены вождю главного скифского племени и сделал его тем самым своим союзником. Обезопасив свой тыл, он в 671 году, после тщательной подготовки, завоевал Египет. Границы Ассирийского государства дошли теперь на юге до Элефантины, первого нильского порога, а на севере — до гор Армении. На востоке Ассирия теперь граничила с Иранским плоскогорьем, а на западе — с песками Сахары.

Создание «мирового» рынка. Со времени Асархаддона ассирийские завоевания ведутся не только для ограбления соседних стран и захвата добычи, но и с целью расширения рынков, торговли.

Ассирийское государство при Асархаддоне становится «мировым». В нем начинает развиваться денежное хозяйство. Появляются металлические деньги, на которых была обозначена их нарицательная стоимость. Эти деньги могли служить мерилом обмена, не требуя взвешивания.

Цены в Ассирии в эту эпоху возросли раза в три — по сравнению с ценами третьего тысячелетия. Очевидно, ассирийское государство, накопив большое количество ценного металла, могло выбросить его на рынок, тем самым обесценив его. Ассирия охватила своей торговлей все области древневосточного мира.

Однако Ассирийское государство продолжало оставаться ненавистным для всех завоеванных областей. Несмотря на расцвет торговли, в которой, несомненно, были заинтересованы знать, жрецы и купцы завоеванных стран, все же ассирийская подать была настолько тяжела, что она лишала завоеванные области почти всех выгод ассирийского господства.

Покоренные государства всегда искали случая сбросить с себя ярмо ассирийского гнета.

Ашшурбанипал. Асархаддон желал передать престол своему сыну, рожденному от вавилонянки, Шамашшумукину.

Второго сына своего (от ассирийской женщины), Ашшурбанипала, Асархаддон готовил к жреческой карьере, отдав его в храмовую писцовую школу. Но ассирийская знать, окружавшая царя, не хотела мириться с тем, чтобы во главе ассирийского государства был поставлен царевич, родившийся от брака с вавилонянкой. Эта воля ассирийской знати оказалась настолько сильной, что Асархаддон, желая сохранить внутренний мир, необходимый для успеха похода на Египет, согласился в 672 году назначить Ашшурбанипала своим престолонаследником в Ассирии, а его брата Шамашшумукина — престолонаследником Вавилонии. Этим разделом вражда между братьями, конечно, не была устранена и рано или поздно должна была проявить себя, тем более что за ней скрывались, конечно, определенные группировки, ставившие вполне конкретные требования тому и другому. Ассирийское войско, состоявшее в значительной степени из иноземцев, не играло ка-

кой-либо роли во внутренней политике, слепо выполняя волю царя, от которого оно всецело зависело. Но зато политические и торговые интересы вавилонского господствующего класса противоречили политике царя. Вавилония была Ашшурбанипалом сильно урезана в своих суверенных правах. Ее окружали со всех сторон ассирийские наместничества, и тем самым ее торговля и торговые пути находились под постоянным жестким контролем Ассирии. Торговое значение ассирийских городов возрастало за счет городов Вавилонии.

Восстание в Египте. Вражда между братьями, между Ассирией и Вавилонией, борьба за политическую и торговую независимость последней, вспыхнула не сразу. Перед Ашшурбанипалом пока стояли другие задачи. Смерть Асархаддона вызвала мятежи в различных пунктах Ассирийского государства. В первую очередь восстали египетские царьки, покоренные Асархаддоном. Они подняли восстание тотчас же после ухода ассирийского войска, еще при жизни Асархаддона. Последний во время похода на Египет умер, и его сын Ашшурбанипал завершил покорение Египта. Его войско нанесло тяжелое поражение эфиопам, пришедшим на помощь царькам Египта. Эфиопы вынуждены были отступить на юг страны. Попытка нового восстания со стороны царьков была в корне пресечена ассирийским войском, стоявшим в Египте. Ассирийские военачальники переслали главу заговора, царька Саиса Нехо, и его сына в Ниневию. Ашшурбанипал помиловал их, желая сделать их опорой своей политики в Египте. Нехо и его сын, Псаметих, будущий царь единого Египта, поддерживали, действительно, в течение некоторого времени ассирийское господство. Когда в 664 году эфиопы, опираясь на южные номы Египта, двинулись на Север, Нехо и Псаметих боролись с ними. Нехо погиб, но Псаметих вместе с подоспевшими ассирийскими войсками совершенно очистил страну от эфиопов. Ассирийцы тогда завоевали и разграбили древнюю столицу Египта — Фивы.

Подчинив Египет, Ашшурбанипал нанес поражение беспокойным лидийским племенам, а также и Эламу, поддерживавшему на востоке и юге все области, недовольные ассирийским господством. Среди этих областей играла не последнюю роль и Вавилония.

Борьба с Шамашшумукином. Царь Шамашшумукин оказался врагом Ашшурбанипала, не «истинным братом» его, а «неверным братом», как тот его называет во всех надписях. Ненависть Ашшурбанипала к жителям Вавилона, которых поддерживал Шамашшумукин, была настолько велика, что в своих надписях он называет их не иначе, как «вавилоняне — злые черти». Шамашшумукин в своем стремлении сделать Вавилонию самостоятельным государством, выступил, наконец, в 652 году открыто против своего брата. Он заключил союз с царем Элама, которого Ашшурбанипал после своих побед посадил, как своего ставленника, на престол в Сузах. Царь Элама, тяготившийся тяжелым ярмом

ассирийского владычества, вступил в коалицию против Ашшурбанипала, к которой примкнули также халдейские, арамейские и даже арабские племена. Возможно, что к союзу против Ашшурбанипала был привлечен и Псаметих, который около этого времени добился самостоятельности для Египта.

Когда война началась, Элам, самый опасный враг Ашшурбанипала, выбыл из строя: там вспыхнули внутренние смуты, в результате которых царь Элама был свергнут. При создавшихся условиях Ашшурбанипал мог собрать силы для сокрушительного удара по Вавилонии. Над вавилонским государством Шамашшумукина нависли грозные тучи. Последний, конечно, чувствовал, что его ожидало. Об этом свидетельствует молитва Шамашшумукина, в которой ярко отражается страх царя.

В этой молитве царь обращается к богам за защитой, просит их отвратить несчастье, которое угрожает ему и его стране со стороны его жестокого брата. Страх Шамашшумукина усугубляется дурным предзнаменованием — лунным затмением, которое происходило в Вавилонии 18 июня 653 года, незадолго до роковой войны.

В 648 году Вавилон был взят ассирийскими войсками, а Шамашшумукин сжег себя на костре, чтобы не попасть в руки врага.

Покорение Элама. Ашшурбанипал, закрепив свою власть в Вавилонии, продолжал покорять оставшиеся еще независимыми государства и народы.

Прежде всего он расправился с Эламом, который в течение предшествующих десятилетий неоднократно помогал вавилонянам в их борьбе с Ассирией. В Эламе, после поражения во время войны в союзе с Шамашшумукином, смуты не прекращались. Цари сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, и поэтому сокрушительная победа над Эламом досталась Ашшурбанипалу с небольшим трудом. Поселения Элама были преданы огню и мечу. Были взяты и разграблены Сузы, где в течение веков накапливалась богатая добыча царей Элама, награбленная в Вавилонии. Покончив с Эламом, Ассирия тем самым открыла доступ в Двуречье племенам, которые издревле сидели к востоку от эламских гор на Иранском плоскогорье. В самом начале VI века в Эламе укрепились персидские племена.

Затем Ашшурбанипал подчиняет ассирийскому господству племена северной Аравии, беспокоившие своими набегами Сирию. В Сирии Ашшурбанипал пытался еще более закрепить свое господство над финикийским побережьем путем усмирения некоторых мятежных городов.

«Мировое» государство Ассирии. Ассирийское государство подчинило себе около 640 года весь цивилизованный мир, начиная с южной части Малой Азии на севере вплоть до Аравии и Персидского залива на юге, с Элама на востоке и до Египта на западе. Правда, в это время Египет уже стал самостоятельным, но поскольку долина Нила была изолирована, то господство Ассирии

над цивилизованными обществами Передней Азии еще не потерпело ущерба. Ассирия была огромным государством с центром в городе Ниневии, которую Ашшурбанипал сделал своей столицей. Это было большое торговое государство, причем торговые пути охватывали теперь весь древневосточный мир. Ассирийское государство вступило в тесные сношения и с государствами, находившимися на окраинах древневосточного мира. На севере оно завязало сношения с лидийским государством, сложившимся в западной части Малой Азии. Гиг, царь Лидии, столь известный греческой традиции, первоначально заключил союз с Ашшурбанипалом, ища у него поддержки против киммеров, вторгнувшихся в его царство. Впоследствии он, порвав союз с Ашшурбанипалом, помогал Псаметиху в его борьбе за самостоятельность Египта. Когда Гиг погиб в борьбе с киммерами, его сын снова заключил союз с Ашшурбанипалом. Урарту, разгромленное ассирийцами, было вынуждено вступить в тесный союз с ними в надежде получить помощь против воинственных племен, теснивших его с севера. Современные Ашшурбанипалу цари Урарту Руса II и Сардур III послали посольство в Ассирию. Соседние с Урарту племена маннеев платили дань Ашшурбанипалу. На востоке Ассирия находилась в оживленных сношениях с племенами, населявшими Иранское плоскогорье, и прежде всего с мидийскими, занимавшими северную часть Иранского плоскогорья.

Сравнительно недавно найденная надпись Ашшурбанипала свидетельствует о том, что в 639 году вожди лидийских и персидских племен платили дань Ассирии. Среди данников был и Кир, вождь одного из персидских племен, дед великого Кира, основателя персидской державы.

Торговля и пути сообщения. Благодаря этим связям торговля ассирийцев обнимала не только древневосточные области в узком смысле этого слова, но захватывала и все восточное Средиземноморье. Денежное хозяйство достигло такого расцвета, что в ассирийском мировом государстве всюду появляются монеты. Они появляются одновременно в Ассирии, в Лидии, в западной части Малой Азии и, наконец, в Вавилонии.

В военном государстве Ассирии создаются первые в истории искусственные пути сообщения, соединяющие Ассирию с подвластными ей областями. Эти дороги являются предшественниками знаменитых персидских и римских путей. На них были прекрасно организованы почта и сигнализация путем огней, что обеспечивало быстрое сообщение и связь между Ассирией и ее провинциями. Благодаря централизации военные силы стояли на большой высоте.

Управление государством. Если еще в предшествующую эпоху власть царя Ассирии была не столь велика, как в Египте и Вавилонии, то теперь в Ассирии чрезвычайно укрепляется деспотическая власть царя.

Царь Ассирии опирается на войско, состоящее из постоянных (регулярных) частей и ополчения. Во времена Ашшурбанипала

большую роль играет наемное войско, поскольку громадная территория завоеванных областей требовала большого войска, а самих ассирийцев было сравнительно немного. К тому же ассирийцы теперь избегали итти в армию, находя для себя мирные способы обогащения. Среди наемников были люди из числа еще непокоренных племен, а также воины покоренных государств. Появляются наемники также из числа малоазиатских греков.

Государство управлялось посредством большого чиновничьего аппарата. Ассирийское чиновничество являлось тем орудием, с помощью которого ассирийцы выкачивали прибавочный продукт из подчиненных им стран. За порядком в стране должны были следить чиновники и воины, которые ставились гарнизонами в завоеванных областях. За чиновниками следили особые инспектора, имевшие непосредственные сношения с царем. О деятельности таких чиновников, которые должны были наблюдать за тем, чтобы государственная машина работала без перебоев, имеются сведения из переписки, сохранившейся в царском архиве в Ниневии.

Чиновники не только следили за провинциями, входившими в состав Ассирийского государства, но должны были следить и за тем, что происходило в тех областях, которые только подчинились Ассирии, но сохраняли еще некоторую тень самостоятельности.

Так, наместник Белибни, сидевший в восточной части Вавилонии, должен был следить за всем, что происходило в то время в Эламе. Он, например, сообщает, что прежний царь Элама, убежавший, но вернувшийся назад, сейчас оставил из страха свою столицу и вместе с матерью, женой и детьми и остальными членами семьи переселился к югу. Этот царь пошел к югу через Евлей, и его приверженцы пошли за ним.

«Все они, — сообщает этот чиновник, — находятся под страхом войска моего господина, царя моего и владыки. Элам одержим как бы головной болью, впал в убожество, повержен в страх, и, когда начался в их стране голод, они ее покинули» и т. д.

Одним словом, ассирийские чиновники с большим вниманием следили за тем, что происходило внутри государства, а также в областях, пограничных с ним. Действительно, надо было следить с большим вниманием за всем тем, что происходило в этом огромном государстве. Надо было следить за правителями номов в Египте, за отдельными государствами, сохранившими свою самостоятельность в Сирии и Палестине, как, например, за Иудой. Финикийские города подчинялись только номинально. На севере Ирана беспокойно вели себя племена Мидии, неоднократно пытавшиеся вторгнуться в область Ассирии. Наконец, от времени до времени поднимали восстания арабы.

Общество. Господство Ассирии на всем древнем Востоке давало ей возможность выкачивать из соседних стран громадные богатства. Ассирия грабила все древневосточные общества, и военнопленные попадали в нее в таком большом количестве, что, со-

гласно сообщению Ашшурбанипала после его арабского похода, пленными кочевниками, как деньгами, стали оплачивать все продукты. Рабы имелись в каждом зажиточном семействе, причем нередко в одних руках их находилось по нескольку десятков. Они применялись не только как домашние слуги, но и в производстве, в земледелии, в ремесле и т. д. В очень большом количестве рабы направлялись на строительство. Столицу царя и крепости строили, как неоднократно указывают ассирийские надписи, народы, плененные Ассирией. Об этом свидетельствуют и изображения, сохранившиеся от той эпохи.

Ассирийское государство выкачивало прибавочный продукт не только из покоренных народов. Крестьяне в самой Ассирии также подвергались эксплоатации. Государство выколачивало из них тяжелые подати и привлекало их для ряда работ.

Вместе с тем продолжала усиливаться рабовладельческая знать, которая все больше и больше укрепляется в командном составе войска и в жречестве; имущественное неравенство в ассирийском государстве усиливается.

Библиотека Ашшурбанипала. В связи с царствованием Ашшурбанипала следует сказать несколько слов о культуре ассирийского общества. Ашшурбанипал, которого отец готовил к жреческой карьере, был единственным из ассирийских царей, который являлся вполне грамотным человеком, так как он, будучи верховным жрецом, должен был знать клинопись, а также священные тексты. Занятия грамотой, старой литературой он считал для себя самым дорогим в течение всего долгого правления. Он заставил собрать библиотеку, которая до сих пор является неисчерпаемой сокровищницей для всех тех, кто занимается историей древневосточного общества. Библиотека Ашшурбанипала заключала в себе свыше тридцати тысяч клинописных табличек и является неоценимым источником для изучения не только ассирийской, но и древней вавилонской культуры. При этом надо отметить, что Ашшурбанипал создавал библиотеку в своем ниневийском дворце, не прибегая к варварскому ограблению древних храмовых библиотек Ассирии и Вавилонии. Его библиотека составлялась из копий с древних табличек, которые снимались опытными писцами, рассылаемыми по всем храмам страны.

Ассирийская культура. Для Ассирии колыбелью культуры являлась Вавилония. Несомненно, что некоторые элементы вавилонской культуры получили в Ассирии дальнейшее развитие. Особенно большое развитие получило в Ассирии, как было указано выше, военное искусство. Осадные орудия, тараны, временные мосты, введение в широких масштабах конницы — все это было большим этапом в развитии военного искусства древности.

Изобразительное искусство. В области искусства ассирийцы создали военный жанр. На рельефах ассирийских дворцов имеются прекрасные изображения военной жизни, поражающие своим совершенством.

Ассирийские художники сумели создать и грандиозные батальные картины, картины сражений, на которых страшное ассирийское войско громит своих противников.

Наряду со сценами войны ассирийские художники любили изображать охоту. В особенности хорошо удавалось ассирийским художникам изображать охоту на львов. Изображение царя, отбивающегося на колеснице от львов, принадлежит к лучшим произведениям не только Ассирии, но и вообще древневосточного искусства. Прекрасно изображение льва, пронзенного многочисленными стрелами. Он умирает, но и в смерти своей является еще страшным противником. Великолепно изображение львицы, подкрадывающейся к врагу. Наилучшие произведения ассирийского искусства были созданы художниками, работавшими во дворце Ашшурбанипала. Весьма вероятно поэтому предположение некоторых исследователей, которые объясняют расцвет ассирийского изобразительного искусства незадолго до гибели ассирийского государства некоторым воздействием египетского искусства. Тогда ассирийцы познакомились непосредственно с искусством долины Нила. До этого последнее могло оказать влияние лишь через хеттское посредничество. Так, можно полагать, что украшение стен ассирийских дворцов и храмов рельефными композициями было перенято у хеттов, заимствовавших его у египтян. Ассирийское искусство, воспринявшее элементы вавилонского, хеттского и египетского искусства, оказало в свою очередь сильное влияние на искусство Урарту и на искусство Сирии и Финикии.

Литература. В области литературы ассирийцы достигли большого совершенства в своих анналах. Ассирийские анналы, посвященные описанию походов ассирийских царей, являются лучшими образцами этого рода литературы древнего Востока. Эти анналы умели показать силу армии, которая в течение больше ста лет не знала себе равной во всем тогдашнем мире. Некоторые страницы ассирийских анналов читаются с захватывающим интересом. К ним принадлежит, например, описание похода царя Синахериба на север против беспокойных горных племен южной Армении.

Синахериб идет сам во главе войска на штурм твердынь врага, которые расположены на вершинах гор, как «гнездо орла, царя птиц». Сперва его несут на носилках, в конце концов он взбирается на горные кручи наряду с воинами, прыгая по камням подобно горному козлу, как говорит надпись. Не менее ярко и сильно изложены события кровопролитной битвы при Халуле, где Синахериб разбил войска Вавилонии и Элама.

Столь же сильны описания походов в анналах Ашшурбанипала. Наиболее удачным является описание его окончательной победы над эламитянами. Читая его, видишь перед глазами мощный натиск ассирийского войска и тот ужас, который охватил врагов. Между прочим, некоторые страницы анналов Ашшурбанипала были, вероятно, составлены им самим. Для правильной оценки

*

значения ассирийской литературы необходимо подчеркнуть еще и то обстоятельство, что литературные памятники, сохранившиеся в библиотеках Ашшура и Ниневии, не являются простыми копиями соответствующих вавилонских текстов. Ассирийское общество перерабатывало вавилонские мифы, эпос, поучения и т. д. Вероятно, окончательная форма мифа о сотворении мира Мардуком, засвидетельствованная табличками библиотеки Ашшурбанипала, была создана в храмах Ассирии. Ведь Мардук стал в начале I тысячелетия в такой же степени ассирийским богом, как и вавилонским. Эта окончательная форма мифа Двуречья о мироздании оказала, несомненно, сильное влияние на содержание первых глав книги Бытия. Эпос Гильгамеша имел в Ассирии также свою самостоятельную историю. Мы можем проследить ее по данным храмовой библиотеки из города Ашшура, сохранившей наиболее древнюю редакцию эпоса, и по данным библиотеки Ашшурбанипала, подарившей нам трактовку эпоса, созданную в период Саргонидов. Можно предположить, что оформление эпоса в виде двенадцати песен восходит именно к этому времени.

К творчеству писцовых школ Ассирии времени Саргонидов, несомненно, восходит знаменитый дидактический памятник — повесть об Ахикаре премудром. Ассирийские писцы создали на основе богатой поучениями вавилонской литературы произведение, которому было суждено сыграть в истории всемирной литературы крупнейшую роль.

Зачатки печатания. В заключение можно еще указать на одно достижение ассирийской культуры — на зачатки печатания. Они создаются в условиях ассирийского мирового государства, когда приказы царя нужно было размножить для того, чтобы рассылать их многочисленным наместникам. Ассирийские писцы расширили способ пользования личной печатью, в применении которой для скрепления документов уже заложены в зародыше принципы печатания. Они вырезывали декрет на глиняной доске и затем отпечатывали его на сырых глиняных табличках, получая таким образом большое количество копий.

Упадок Ассирии. Ассирия, начиная с 745 года, т. е. со вступления на престол Тиглатпаласара III и вплоть до 645 года, т. е. в течение ста лет, не знала ни одного поражения и при царе Ашшурбанипале достигла наивысшего своего могущества. И вот, это государство, которое еще в 645 году стояло на высоте своего величия, в 605 году, через каких-нибудь сорок лет, перестало существовать. Основная причина быстрой гибели государства крылась в самом ассирийском обществе, раздираемом внутренними противоречиями. При Асархаддоне и при Ашшурбанипале особенно усилилось наемное войско; теперь войско, когда-то бывшее народным, все более и более становится по своему составу чужеземным. Оно было прекрасным оружием до тех пор, пока Ассирия одерживала победы. Но как только ассирийцы стали терпеть неудачи, наемники перестали быть надежной опорой.

Богатая военная добыча попадала в руки господствующего класса — сановников, знати, жречества, купечества больших городов, а народные массы Ассирии бедствовали. Растет недовольство и среди рабов, поскольку усиливается их эксплоатация. Возможно, что в волнениях, о которых упоминают источники, принимали участие и рабы.

В областях, завоеванных Ассирией, также было немало поводов к недовольству. Ассирийское государство накладывало на них такую тяжелую дань, что она поглощала все доходы, которые давало этим областям ассирийское объединение, приобщившее их к большому средиземноморскому рынку. Если можно воспользоваться образным выражением одного из римских императоров, который своему наместнику рекомендовал не драть шкуру со своих овец, т. е. подданных, а только стричь их, то в отношении Ассирии надо сказать, что там с подвластных обществ именно сдирали кожу, а не только стригли их.

Эта политика вызывала недовольство в разных слоях общества и приводила к многочисленным восстаниям в различных частях ассирийского мирового государства.

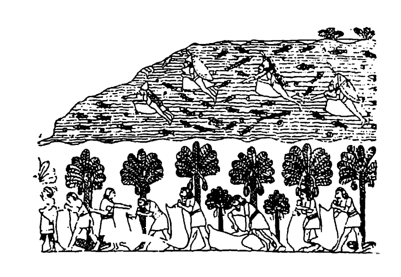
Распад ассирийского мирового государства начался с Египта, который около 650 года приобрел независимость. Вслед затем начались восстания и в других частях Ассирии. В особенности этот процесс усилился с момента смерти Ашшурбанипала (626). В этот год отпала и Вавилония и снова создалось самостоятельное вавилонское государство, во главе которого встал один из халдейских племенных вождей Набопаласар. Ассирия продолжает существовать в пределах собственно Ассирии, северного Двуречья и примыкающей к нему северной части Сирии. На эту-то сильно сжатую в своих границах Ассирию и начинается натиск врагов, который приводит к полной ее гибели.

Борьба с Мидией и Вавилонией. Ассирия должна была вступить в борьбу с двумя своими соседями: на юге — с отпавшей от нее Вавилонией, а на северо-востоке — с Мидией, в то время представлявшей собой союз племен, во главе которого уже стоял два десятка лет царь Фраорт. Это мидийское племенное объединение в союзе с Вавилонией начинает теснить Ассирию. Фраорт уже решил, что наступил час гибели Ассирии. Но тогда в 626 году спасли Ассирию те скифские племена, с царем которых породнился еще Асархаддон. Сын Асархаддона, Мадиас, напал на Мидию и нанес ей несколько поражений. Тем самым он на короткое время задержал наступление мидян на Ассирию. Скифы проходят разрушительным потоком по территории древневосточных обществ вплоть до Египта. Египту удается отстоять себя. Затем скифы быстро исчезают подобно многим кочевым обществам. Ассирия снова оказывается перед лицом своих старых врагов. После скифского разгрома во главе мидийских племен стал сын Фраорта, Киаксар. Примерно через пять лет мидяне снова вторглись в Ассирию, которая к этому времени нашла союзника в лице Египта;

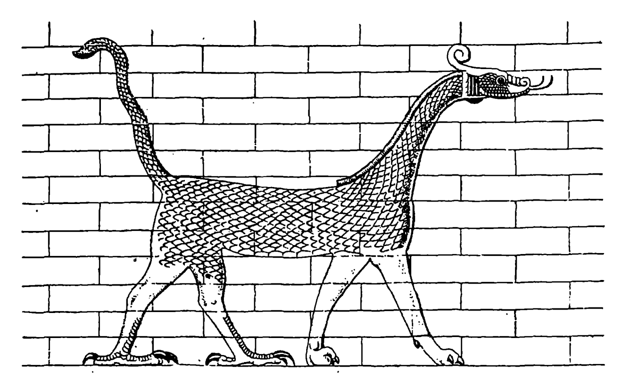
египтяне, боясь усиления вавилонян и мидян, решают помочь своему старому врагу, и египетские войска вместе с ассирийскими подходят к Вавилонии. Но египетская помощь не спасает положения.

Конец Ассирии. В 612 году вавилоняне и мидяне берут Ниневию. Но Ассирия еще не сдается. Несколько ассирийских отрядов пробиваются на запад к Евфрату и продолжают там сопротивление, которое заканчивается в 605 году взятием вавилонскими и мидийскими войсками города Кархемиша. С 605 года Ассирийское государство перестало существовать. Так закончилась история государства, которое на сравнительно короткое время подчинило себе весь древний Восток. Оно исчезло, но подготовило великое персидское объединение.

Прежде чем перейти к истории Персии — нового большого объединения древневосточных обществ, необходимо возвратиться к истории Вавилонии и Египта, вернувших себе на время самостоятельность.



Переправа ассирийского войска через реку на бурдюках.



Дракон. Изразцовый рельеф ворот храма Иштар в Вавилоне.

ГЛАВА XXIX

НОВО-ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

Халдеи. К концу II тысячелетия касситы, завоевавшие Вавилонию, смешиваются с туземным населением. На смену им появляется новое воинственное племя халдеев, пытающееся захватить в свои руки Вавилонию. Халдеи пришли с юга-запада, из Аравии. Это семитическое племя обосновалось южнее Вавилонии у берегов Персидского залива, постоянно вторгаясь в Южное Двуречье, в Приморскую страну. В начале I тысячелетия происходила долголетняя борьба между ассирийцами и халдеями за обладание Вавилонией. Халдеи были слишком слабы, чтобы противостоять мощному Ассирийскому государству. Вплоть до 626 года халдеи не могли взять Вавилонии, так как Ассирия имела достаточно сил, чтобы удержать ее за собой. Во время одного из таких вторжений халдеев царем Вавилонии объявил себя ассирийский военачальник Набопаласар, бывший по происхождению халдеем. Это произошло в год смерти Ашшурбанипала (626), когда Ассирия, не имея сил подавить халдеев, принуждена была считаться с совершившимся фактом.

Царь Набопаласар (626—604) был халдеем, но в имени, которое он принял, сказалось уже влияние вавилонской культуры. Правда, вавилоняне долго смотрели на халдеев как на чужаков, однако вавилонская культура, оказавшая чрезвычайно большое влияние на все общества древнего мира, имевшие соприкосновение с ней, ассимилировала их.

Союз с Мидией и разгром Ассирии. Царь Набопаласар вступил в союз с мидянами и совместно с ними уничтожил Ассирийское государство, разгромив сначала Ниневию — «логовище львов», как ее называл еврейский «пророк» Наум.

Влияние вавилонских теократических традиций на халдеев было настолько сильным, что Набопаласар, завоеватель Ниневии, в своих надписях поражение Ассирии объясняет исключительно волей всемогущих богов. В них нет ни слова о доблести халдейских войск и о его собственной победе. Царь говорит о смирении перед богом, который один только дал ему возможность совершить такой подвиг, как завоевание Ассирии.

В 612 году Ниневия была взята и разрушена; сожжены были дворцы ассирийских царей; в пожаре был уничтожен дворец Ашшурбанипала с его знаменитой библиотекой, которая погибла бы в огне, если б «книги» не были написаны на глиняных табличках. Ассирийцы отошли на запад, к Евфрату, и укрепились в Кархемише. Здесь они еще некоторое время могли продержаться, получив помощь от Египта. В 605 году халдеи, в союзе с мидянами, столкнулись с войсками ассирийцев и египтян. В происшедшей битве Кархемиш был взят, египтяне в панике бежали, а Ассирия перестала существовать. В этом сражении халдейскими войсками руководил Навуходоносор, сын Набопаласара.

Мидия и Вавилония после разгрома Ассирии поделили ее между собой. Мидии досталась область к северу от Месопотамии, и она расширила сферу влияния в сторону Малой Азии; Вавилония получила все, что лежало к югу от северной части Двуречья.

Походы Навуходоносора. В это время умер Набопаласар и царем стал его сын Навуходоносор (604—561). Разбив Ассирию, Навуходоносор поспешил закрепить за собою область Сирии и Финикии. Те города, которые пытались отстаивать свою независимость, были сурово наказаны. Между прочим, жестоко пострадала и Иуда, которая рассчитывала на помощь Египта, стремившегося снова к овладению Палестиной. В 597 году Иерусалим был взят и разграблен. Царь и бóльшая часть знати и имущего населения были уведены в Вавилонию. На престол был возведен брат пленного царя. Египет и после 597 года продолжал свои попытки укрепиться в Палестине и встречал в Иуде поддержку. Последствием была катастрофа 586 года, когда Навуходоносор окончательно разгромил Иудейское царство. После падения Иерусалима большое количество иудейского населения было уведено в вавилонский плен. Иудейские колонии находились в Ниппуре и в самом Вавилоне, где иудеи принимали участие в хозяйственной жизни страны. В самой Иуде были оставлены лишь беднейшие, не владевшие землей и наделенные теперь пашнями и виноградниками уведенных в плен.

Вавилония стремилась распространить свою власть и дальше на Запад. Навуходоносор вел борьбу с Египтом, который пытался оказать поддержку Ассирии и изгнал египтян из Азии, но вторгнуться в Египет ему не удалось.

Благодаря такому расширению политического господства Вавилония еще больше усиливает свое торговое значение и становится первым торговым государством, подчинив себе Финикию и Пале-

стину. Пути мировой торговли вновь сосредоточиваются теперь в Вавилонии, а сам Вавилон становится самым крупным и богатым городом. Денежное хозяйство достигает расцвета; в обращении имелись уже монеты.

Торгово-ростовщические дома. Усиление экономического значения Вавилона находит отражение и в развитии торговли. В Вавилоне создается ряд торгово-ростовщических домов, деятельность которых можно проследить на протяжении нескольких столетий. Из них особенно нужно отметить дом сыновей или потомков Эгиби.

Деятельность его была самой разнообразной. Он давал в долг деньги царскому дому, крупным сановникам и вельможам, мелким ремесленникам и землевладельцам, подчинив, таким образом, своему влиянию все слои тогдашнего общества. Дом Эгиби скупал большие участки земли, устраивал мастерские и т. д., не останавливаясь даже перед самыми грязными делами, как, например, торговлей женщинами.

Очень характерно, что дом этот сохранил свою силу в течение ряда поколений. Начиная с эпохи Набопаласара мы можем проследить его вплоть до V века, т. е. до персидской эпохи, и даже персидские завоевания не уменьшили его значения. Операции этого торгового дома не ограничивались только Вавилонией, но выходили далеко за ее пределы. Очевидно, подобные дома участвовали в торговле восточного Средиземноморья.

Рабовладение. Эти торговые дома являлись в то же время и крупными рабовладельцами. При разделе части имущества торгового дома Эгиби оказалось, что в руках одного представителя торгового дома имелось более ста рабов. Отсюда можно предполагать, что сам торговый дом владел очень крупным количеством рабов. Из текстов этой эпохи известно, что число рабов у частных лиц исчисляется не единицами, а десятками. Отсюда не удивительно, что некоторые историки подчеркивают сходство между поздними Вавилоном и Римом по исключительно широкому развитию рабства.

В деловых табличках того времени рабы пестрят во всех текстах. Ясно, что рабство пронизывало всю хозяйственную жизнь того времени. Однако надо подчеркнуть, что если количественно рабство выросло и с течением времени охватывало все большее и большее число производств, то в положении рабов теперь произошли не менее крупные изменения. Рабовладельцы начали замечать, что им более выгодно, если квалифицированный раб будет работать от себя, а им выплачивать оброк, чем заставлять его работать в своем хозяйстве или сдавать в наем.

Оброчное рабство. Так впервые в Вавилонии в сравнительно большом масштабе начинает использоваться труд рабов на иных условиях, нежели те, которые характерны для более низкой стадии рабовладельческого общества. Квалифицированного раба, искусного в ремесле, господин уже не держит при себе, а отпускает

на оброк, давая возможность работать на стороне, с выплатой ему, господину, определенной дани. В этом случае «дань» употребляется в смысле оброка, потому что вавилонские рабовладельцы употребляли этот термин как для рабского оброка, так и для денежных повинностей подчиненных Вавилону государств. Эта «дань» равнялась 12 сиклям в год, т. е. пятой части нормальной покупной цены раба. Стоимость раба в эпоху позднего Вавилона оценивалась в 1 мину, или 60 сиклей.

Кроме того, раб, если он вел большие операции или получал большие заказы, должен был платить своему господину проценты. Такой раб вел самостоятельное хозяйство и имел свою собственность, которую, употребляя римский термин, мы можем назвать пекулием. Конечно, юридически господин мог в любой момент потребовать себе обратно собственность раба, так как имел на это право, но фактически это случалось редко, так как, отнимая собственность у раба, господин тем самым уничтожал у него и стимул к работе.

Любопытно также отметить, что в позднем Вавилоне, как и в позднем Риме, в составе пекулия могли оказаться даже рабы. Рабы-ремесленники, находившиеся на оброке, были настолько выгодны, что господа для воспроизводства квалифицированной силы отдавали молодых рабов на обучение к ремесленникам, причем в договорах на этот предмет устанавливалось и число лет, в течение которых ремесленник обязывался обучить раба. В тех же договорах указывались условия, которые должен выполнять рабовладелец. Они сводились обычно к установлению количества лет, в течение которых раб после обучения должен был проработать у ремесленника.

Рабы могли быть не только простыми ремесленниками, но и владельцами ремесленных мастерских, а следовательно у них могли быть большие оборотные средства. Наряду с ремеслом рабы могли заниматься торговлей. Некоторые из рабов эпохи позднего Вавилона были владельцами торговых предприятий и меняльных лавок. В таком случае они имели своих собственных агентов, и не только из рабов, но и из свободных людей. Поскольку рабы выступали как владельцы мастерских, меняльных лавок или торговых предприятий, они, конечно, должны были иметь свободу действий, т. е. должны были считаться правоспособными лицами. И действительно, мы знаем, что рабы выступают как полноправные представители своих господ в самых различных коммерческих сделках. Мало того, рабы теперь могли стать сами должниками, причем обеспечением их долга считался их пекулий. Раб мог стать заимодавцем свободного человека. Имелись случаи, когда рабы одного и того же господина вступали в компанию друг с другом, а также вели судебные дела друг против друга, являясь в пределах одного и того же рабовладельческого хозяйства самостоятельными лицами. Рабы одного и того же господина могли не только вступать в сделки между собой, но и со своим собственным господином. Последний открывал им кредит

деньгами, продуктами и вещами для открытия какого-нибудь собственного предприятия — торговли, трактира и т. д., оговаривая при этом получаемый за это процент. Известно, например, что одна рабыня договаривается со своим господином, что она откроет кабак, и господин даст ей помещение, скамейки, несколько столов, несколько бочек финиковой водки, сосуды для питья. Все переданное имущество оценивается в деньгах, после чего стороны условливаются, какой процент платить за него.

Рабы могли быть землевладельцами и сдавать землю в аренду. Сами рабовладельцы часто давали своим рабам земельные участки в аренду. Если у них были большие земельные владения, то они могли сделать раба управляющим этих владений.

Барик-Или. В правовом положении рабов в поздневавилонском обществе также произошли значительные изменения. Например, в эпоху Хаммурапи существовал закон, по которому рабу, бежавшему или отказавшемуся служить своему господину, отрезали ухо. Теперь этого закона не существовало, как можно видеть из рассказа о каком-то Барик-Или (судя по имени, очевидно, иудее), который, попав в рабство, несколько раз убегал от своих господ.

Этот Барик-Или доставил вавилонским судам очень много хлопот, причем в начале своих приключений его оценивали в две трети обычной стоимости раба, т. е. в 40 сиклей вместо 60. Потом эта оценка упала до 30—20 сиклей, причем при разделе имущества его всегда передавали младшим членам семьи, не имевшим права протестовать против того, что им выделялось, и, наконец, он оценивался только в 10 сиклей. Завершением его карьеры было личное его заявление о том, что он свободный человек. До нас дошло большое расследование, посвященное тому, чтобы распутать этот узел, т. е. чтобы выяснить, у кого он был, от кого бежал и т. д. В конце концов оказалось, что Барик-Или все-таки раб, и его передали старому владельцу. Здесь характерно, что за все свои проделки он не понес никакого наказания.

Хозяйство царя и храма. Рост частного хозяйства. Кроме частных рабовладельческих хозяйств, Вавилония имела также крупные царские и храмовые рабовладельческие хозяйства. В этих хозяйствах рабы находились в таком же положении, как и в крупных частных хозяйствах. Они являлись как бы инвентарем, который передавался какому-нибудь арендатору или ремесленной мастерской. С другой стороны, было немало рабов, сохранивших известные права и, следовательно, юридически стоявших выше обычных рабов.

Что касается удельного веса отдельных категорий хозяйств (храмового, царского и частного), то надо сказать, что в позднем Вавилоне преобладающим делается частное хозяйство. Оно в ту эпоху становится твердой ногой даже в такой отрасли хозяйства, которая до того была ему недоступна, а именно в ирригационной системе. Частные лица (вероятно, представители торговых домов) на свой риск и страх расширяют ирригационную сеть, проводят

каналы и таким образом получают право участия в руководстве ирригационным хозяйством. Этим самым торговые дома, собственники тех или иных каналов, ставят в зависимость от себя земледельцев, поля которых орошаются этими каналами. Земледельцы должны были платить им арендную плату за пользование водой из этих каналов.

Таким образом, храмовое и царское хозяйства в Вавилоне начинают слабеть, взамен их усиливается частновладельческое. Это крупное частновладельческое хозяйство подорвало окрепшие в касситскую эпоху сельские общины. Положение крестьян стало поэтому еще более тяжелым. Их земельные наделы часто достигали очень небольших размеров (около трети гектара). Правда, можно было приарендовать землю на условиях, тождественных с условиями древневавилонского периода, но землевладельцы неохотно отдавали землю беднякам.

Все более растет значение небольшой группы крупных рабовладельцев, которая обладает большими земельными владениями, является хозяином больших торговых предприятий, ремесленных мастерских и рабов. Наряду с рабами используется и свободный поденный труд. Появилось много обездоленных людей, бедняков, живущих жалким поденным трудом, и рабов-должников, находящихся в полной зависимости от своих господ. Антагонизм между богатыми и бедными в эту эпоху еще более усиливается.

Все это в равной мере относится и к храмам. Профессиональное жречество является владельцем больших земельных богатств и мастерских, использующих труд рабов.

Наравне с господствующей верхушкой стоят воины. Халдейские воины пользуются всеми правами, вступив в тесный контакт с господствующим классом Вавилонии. Таким образом, халдейская армия была в сущности послушным орудием в руках жречества и торговых домов.

Строительная деятельность Навуходоносора. О какой-либо завоевательной политике большого масштаба Вавилония мечтать не могла. Она была слаба для этого. Победа ее над Ассирией была обусловлена, конечно, не столько ее собственными силами, сколько силами Мидии.

Слабость Вавилонского государства в полной мере была учтена Навуходоносором. Поэтому он не последовал примеру ассирийских царей и не пытался завоевать Египет, а ограничился отражением вторжения войск фараонов в Азию. Этой цели он достиг, и Египет не был опасен его западным владениям. Опираясь на помощь мидийцев, Вавилония захватила всю Сирию от Средиземного моря и до границ Египта и вступила в тесные сношения с Востоком. Но Навуходоносор понимал, что каждую минуту Мидия из союзника может превратиться в опасного врага. Поэтому основной заботой его, после того как он расправился со своими слабыми врагами на Западе, финикийскими и сирийскими городами, была строительная деятельность, имевшая целью обезопасить Вавило-

нию при помощи системы фортификационных сооружений от покушений извне. Поскольку новые укрепления он стал строить на севере, было ясно, против какого врага они направлены. Эта система укреплений оказалась настолько грандиозной, что впоследствии она почти на десять лет задержала наступление на Вавилонию персидского царя Кира.

Наряду с укреплением Вавилонии Навуходоносор уделяет много внимания и городу Вавилону, превращая его в первоклассную по тому времени крепость. О том как крепки были его стены, сооруженные Навуходоносором, свидетельствует описание Вавилона Геродотом, посетившим Вавилонию полтораста лет спустя.

«Вавилон, — сообщает Геродот, — прежде всего окружен рвом глубоким, широким и наполненным водой. За рвом следует стена, шириною в 50 царских локтей (около 25 метров), а вышиной в 200 локтей.

При этом мне следует сказать еще, на что была употреблена земля, вынутая из канавы, и каким образом сооружена стена. Копая ров, рабочие в то же время выделывали кирпичи из вынимаемой земли и, подготовив достаточное количество кирпичей, обжигали их в печах. Цементом служил им горячий асфальт...

На стене по обоим краям ее были поставлены одноярусные башни, одна против другой. В середине между ними оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами».

Наряду с этим царь проявляет активную строительную деятельность и в самом городе, доступ в который был открыт через восемь больших ворот. Наиболее величественными воротами были ворота, посвященные богине Иштар. Они были украшены рельефами, составленными из многоцветных глазурованных кирпичей. Здесь было начало той улицы, по которой проходили процессии из храма Мардука. Он строит роскошные дома и дворцы. Около сорока храмов отстраиваются им в одном только Вавилоне. Он создает в своем дворце знаменитые «висячие сады» — парк, разбитый на террасе, покоящейся на сводах закромов дворца. Сады были расположены вблизи ворот Иштар и были открыты прохладному северо-западному ветру. Как гласила легенда, он создал сад для своей жены, мидийской царевны, которая тосковала в вавилонской равнине о горах своей родины. Греческая историография смешала ее с ассирийской царицей Семирамидой (Шамурамат). Античная традиция причисляла эти висячие сады Семирамиды к одному из семи чудес мира.

Такую огромную строительную деятельность царь мог развернуть только после объединения большой территории, население которой он сгонял на работы по сооружению всех этих храмов и дворцов.

Центральным пунктом Вавилона был храм бога Мардука. Вавилон, отстроенный Асархаддоном, сильно пострадал при войне Ашшурбанипала с Шамашшумукином. Навуходоносор восстановил много храмов и особенно пышно отстроил великий храм, в котором почитался бог Мардук. Этот грандиозный памятник, нужно

думать, и послужил сюжетом для библейского мифа о столпотворении. Евреи, попавшие в плен в большой город, очевидно, были свидетелями постройки большой храмовой башни, зиккурата, а, может быть, даже сами принимали участие в работах. У себя на родине они не были знакомы с сооружениями подобного масштаба; им казалось, что башня должна достичь самого неба. Согласно богословской концепции вавилонских жрецов, действительно, зиккураты должны были соединять небо и землю. Евреи были уверены, что эта кощунственная затея не удастся, что силы вавилонского царя, который разрушил их город, недостаточны для того, чтобы соорудить такой памятник. В результате в среде евреев и создалась легенда, которая оканчивается указанием на то, что во время постройки произошло смешение языков. Легенда о вавилонской башне, очевидно, в известной мере питалась впечатлениями иудеев, попавших в город, который являлся мировым центром. В него стекались люди самых различных стран, и на улицах Вавилона, насчитывавшего, вероятно, до шестисот тысяч жителей, можно было слышать самую разнообразную речь. Деловые документы эпохи позднего Вавилона сообщают о самых различных народностях, проживавших в нем. Так, один брачный договор фиксировал брак между иранцем и вавилонянкой. В качестве свидетелей этого брака выступают несколько вавилонян, иранцев, один или два еврея, один египтянин, один эламитянин и еще какой-то иностранец. Евреями, попавшими сюда из Иерусалима, в котором население было более или менее однородным, такое разноречье населения города могло быть истолковано как смешение языков, как наказание бога.

Вообще на евреев, попавших в Вавилон из небольших городов Палестины, строительная деятельность, которая не прекращалась ни днем, ни ночью и которая заставляла кирпичные мастерские около города работать полным ходом круглые сутки, должна была действовать угнетающе. Картина того, как в темную ночь юга на окраинах города пылало пламя кирпичных мастерских, производила на иудеев настолько жуткое впечатление, что это, вероятно, повлияло на создание фантастического образа «вавилонской огненной печи» (в книге Даниила). Фантазия рисовала, как в этих печах, в которых обжигались кирпичи, сжигаются несчастные военнопленные покоренных стран.

Не все евреи, уведенные вавилонянами в плен, находились на положении рабов. Имущие группы их продолжали быть свободными людьми. Они принимали участие в хозяйственной жизни страны. Тяжело было положение только бедняков, которые эксплоатировались иудейской знатью. Таково же положение было многих других плененных народов. Финикийские города также были отчасти лишены своего населения, которое было уведено в Вавилонию в плен.

Роль жречества. Навуходоносор своей строительной деятельностью удовлетворял жречество и имущее вавилонское население,

а благодаря союзу с Мидией держал под своей властью всю Сирию и открыл доступ вавилонским купцам в восточные страны. Этим Навуходоносор вполне отвечал интересам господствующего класса.

Также, как и его отец Набопаласар, он находился в полной зависимости от вавилонского жречества. Его молитвы богам были столь же смиренными, свидетельствующими о полном подчинении воле вавилонских богов, а следовательно и жречеству, как и молитвы его отца.

Вполне понятно, что вавилонское жречество было довольно подобной покорностью царя.

Халдейское войско в лице Навуходоносора полностью подчинилось воле господствующего класса Вавилона. Дальнейшая история показала, что халдеи сделали попытку восстать против этого подчинения, но потерпели неудачу.

Авель-Мардук. В 561 году Навуходоносор умер, и на престол вступил его сын Авель-Мардук, который пытался вести самостоятельную политику. Опираясь на военные силы халдейского общества, он стремился сначала расширить завоевания Вавилонии. Возможно, что с этой целью было решено возвратить иудеев в Палестину, с тем чтобы опереться на них при завоевании Египта. Но этой политикой, которая требовала жертв от господствующего класса Вавилонии, Авель-Мардук навлек на себя недовольство, а так как он к тому же не отличался тем смирением перед жрецами, которое было характерным для его отца, то дело закончилось убийством его.

На престол был возведен волею жречества престарелый зять Навуходоносора Нериглисар. Когда после его скорой смерти стал править сын его Лабашимардук, то в стране начались снова волнения, обусловленные борьбой между халдейским войском и господствующим классом Вавилонии, борьбой, закончившейся новой победой последнего.

Набонид. Царь Набонид (555—538), вступая на престол, должен был дать гарантии силам, которые обеспечили его воцарение. Он обещал продолжать политику Навуходоносора и отказаться от политики своих предшественников.

В манифесте, выпущенном в день своего вступления на престол, Набонид говорит:

«Меня ввели во дворец, все бросились мне в ноги и целовали их, приветствовали мое царство. По повелению Мардука, моего господина, возведен я на царство над страной. Они восклицали: «Отец страны, нет ему подобного». Я, могучий посланник Навуходоносора, царей, бывших до меня, их люди доверены мне, против их повелений я не буду погрешать, их духу я буду угождать. Авель-Мардуку и Лабашимардуку я не буду подражать, ибо они преступили их заветы».

Таким образом, Набонид полностью отказывается от всякой попытки вести самостоятельную политику, и если несмотря на это он оказался в конце своего царствования неугодным господствующему классу Вавилонии, то причина этого заключалась не

в измене его своим обещаниям, а в тяжелой исторической конъюнктуре.

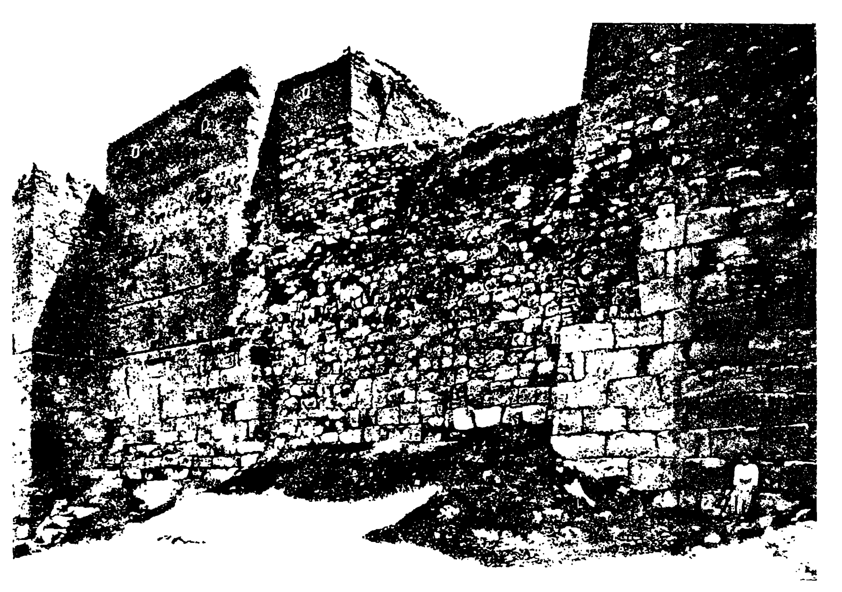
Религиозная политика. В самом начале своего царствования Набонид стал восстанавливать древние храмы в городах Вавилонии, а также в северном Двуречье, в Харране, в городе, из которого была, вероятно, родом его семья. В последующие годы религиозная политика Набонида была направлена к централизации всего культа. Ему хотелось сделать Вавилон в буквальном смысле слова центром всей Вавилонии. Всякую самостоятельность в других городских областях он решает уничтожить. Поскольку самостоятельность городских областей находила себе выражение в религии, то он решает во время борьбы с персами всех местных богов собрать в Вавилон. Он собирает их в часовнях, которые украшают центральный храм бога Мардука. После этого в городах прекращаются жертвоприношения, поскольку боги всех городов перемещаются в Вавилон.

Реформа Набонида должна была усилить значение Вавилона. Она, увеличив божественный «гарнизон», должна была, по идее царя, сделать город совершенно неприступной крепостью. Но своей религиозной централизацией Набонид вызвал недовольство жречества. Провинциальное жречество с перенесением культа местных богов в Вавилон лишилось вместе с тем и своих доходов. Некоторая часть вавилонского жречества Мардука была недовольна появлением в лице местных богов конкурентов Мардуку. С ними должно было жречество Вавилона делить свои доходы.

Падение Ново-вавилонского царства. Тем временем на горизонте собирались тучи. Мидия после смерти Навуходоносора расторгла свой союз с Вавилонией. Мидийские войска начинают вторгаться в области, входившие в состав Вавилонского государства или находившиеся в подчинении у него. Набонид не имел достаточно сил для того, чтобы справиться с этим врагом, а потому Вавилония потеряла все свои внешние владения.

Победа персидского царя Кира над мидийцами отсрочила падение Вавилонии, и Набонид мог продолжать дальнейшее усиление религиозной централизации.

В это время персы, сменившие мидян, продолжали ограничивать вавилонские владения, и халдейское войско не могло с ними справиться. Благодаря этому создалось сильное недовольство внутри самой Вавилонии и в ней стали расти силы, которые склонны были приветствовать иноземного царя. Причина этого крылась в том, что Вавилония, теряя свои провинции, не могла участвовать в торговле, которая охватывала тогда всю Переднюю Азию и даже Египет. Персидские войска начинают перерезать ей торговые пути как на востоке, так и на западе. Поэтому, если в начале своего царствования Набонид располагал всей Сирией, то теперь Вавилония была уже изолирована, и торговые сношения богатых ростовщических домов с далекими областями Ирана и Сирии прекратились. Попытка Набонида походом в пограничные



Стены крепости г. Вана. Нижние слои кладки урартского времени.

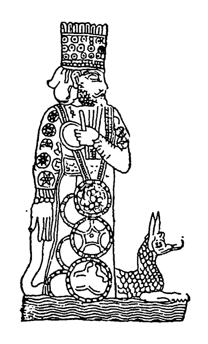
Урартская бронзовая статуэтка крылатого льва с человеческим лицом. Гос. Эрмитаж.

Часть бронзовой обивки ворот г. Балавата. Войска Салманасара III осаждают урартскую крепость. Британский музей.

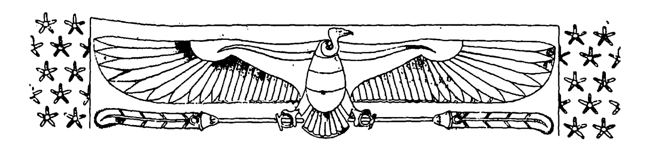
области Аравии расширить торговые пути Вавилонии не дала существенных результатов. Для торговых кругов Вавилонии было более выгодно включиться в состав большого персидского государства, и они стремятся подчиниться персидскому царю. В этом и крылась основная причина падения Вавилонии.

Наряду с имущими классами в Вавилонии были и другие элементы, которые мечтали о персидском завоевании. Это были многочисленные поселенцы-иноплеменники: иудеи, финикияне и сирийцы. Дело доходит до того, что у верующих евреев и иудейского жречества складывается легенда, по которой царь Кир, язычник, становится мессией, помазанником бога Ягве. Таким образом, создается положение, когда и господствующий класс Вавилонии и плененные иудеи, финикийцы и другие иноплеменники ждут победы Персии над Вавилонией.

В 538 году до н. э. Вавилон был завоеван персидским царем Киром.



Вавилонский бог Мардук.



Богиня, охранительница царя. Египетский орнамент.

ГЛАВА XXX

ПОЗДНИЙ ЕГИПЕТ

Конец Нового Царства. Как было сказано выше, в конце Нового царства сильно ослабела централизованная деспотическая власть фараона. Уже в период XX династии, во времена Рамессидов, сменявших друг друга на престоле, значительно окрепла власть фиванского жречества Амона, и после смерти Рамсеса XII царем южной части Египта становится верховный жрец Херихор. В Дельте, в г. Танисе, появился свой правитель Насубанебдед, который, претендуя на полноту власти, считал себя царем Египта. Манефон причисляет танисских царей к XXI династии. Между царем Севера и фиванским царем установились дружественные и даже родственные отношения. Ослабление и постепенный распад Египетского государства приводил к усилению сепаратистских стремлений отдельных номов. В это время наряду с фиванской и танисской династиями появились всевозможные «другие великие люди Египта», которые, вероятно, не очень считались с царями. Египет XXI династии уже не имел владений ни в Азии, ни в Нубии. Азиатские провинции были потеряны уже в начале XX династии несмотря на тщетные попытки Рамсеса IV удержать их в своих руках. А в конце XX династии самостоятельной становится Нубия, где потом возникло могущественное царство, Эфиопия.

Ливийцы. В конце Нового царства в Египте начинают играть значительную роль ливийцы. Уже и раньше египтяне неоднократно отражали натиск своих западных соседей, которые нередко вторгались в пределы Египта и даже в Фивы. Со времен XIX династии много ливийцев появилось и в египетском войске. Некоторые из ливийцев занимали высокие должности в армии и обладали большими земельными участками. Один из таких знатных ливийских родов пользовался большим авторитетом при дворе слабых фараонов XXI династии. В конце концов один из них, по

имени Шешонк, объявил себя царем Египта и, чтобы закрепить за собою власть, женил одного из своих сыновей на дочери последнего танисского царя, а другого сына назначил верховным жрецом фиванского Амона.

Шешонк I. Шешонк I (около 950 года) стал, таким образом, первым царем XXII (ливийской) династии. Ему пришлось усмирить силой оружия ряд восстаний, вспыхнувших было в Египте и соседних оазах, и посредством дипломатии соединить распадающиеся номы Египта. На время Египет достиг достаточно прочной власти и вышел даже из своих границ, пытаясь оказать свое воздействие на развитие событий в Палестине. Шешонк поддерживал также дружественные отношения с Соломоном, отдав ему в жены свою дочь. Но значительно возросшее царство Соломона само представляло опасность для Египта; поэтому Шешонк поддержал недовольство Израиля политикой Соломона, угнетавшего Израиль в интересах Иуды. Он дал приют представителю знати Израиля Иеровоаму, бежавшему от Соломона. После смерти Соломона Шешонк, как союзник Израиля, совершил поход в Иуду, подверг ее разгрому и, захватив Иерусалим, разграбил его храм. В надписях на стенах фиванского храма Шешонк приводит большой список завоеванных городов. Казалось, вернулись в Египет времена Тутмосов и Рамсеса II, но это усиление Египта было кратковременным.

Общество. Слабость Египта в период ливийского владычества была обусловлена целым рядом изменений, которые в нем произошли. Социальный строй Египта этого времени несколько напоминает строй Вавилонии в период господства касситов. Как касситы в Вавилонии, так ливийцы в Египте занимали господствующее положение в обществе.

Воины. Поскольку во главе общества стояли ливийцы, то только они имели право носить оружие и быть воинами. Ливийские воины были обеспечены земельными наделами, которые отводились им преимущественно на высоких полях. В некоторых случаях они получали наделы и на нижних полях, принадлежавших общине, но эти наделы не превышали трех гектаров. Ливийские воины обычно не обрабатывали сами своих полей и отдавали свои наделы в аренду египетским крестьянам или использовали силы рабов.

Жрецы. Ко временам ливийского господства завершился процесс полного отделения храмового хозяйства от царского и номового. Поэтому и жречество играло здесь крупную роль. Теперь жречество выделилось в почти замкнутую касту. Жрецы не могли заниматься другой профессией, а представители других профессий не могли стать жрецами. Жречество и внешним видом отличалось от прочего населения. Жрецы могли носить только белую полотняную одежду, должны были гладко брить волосы. Для них, как для «чистых людей», общающихся с божеством, были установ-

*

лены всевозможные запреты (например, им запрещено было есть свинину, им было запрещено заниматься каким-нибудь другим делом, кроме отправления культа или управления храмовым хозяйством и т. д.).

Крестьяне. В пределах низких полей продолжают существовать сельские общины. Но на высоких землях крестьяне начинают терять свои наделы, которые попадают в руки ливийских воинов.

Земледельческий труд считался попрежнему почетным, а потому воины, имея свои наделы, также могли заниматься сельским хозяйством.

Ремесленники. Иное отношение складывается к труду ремесленника: всякий ремесленный труд теперь считают трудом презренным, трудом, который порочит человека-воина, а тем более жреца. Это презрение к ремесленному труду в поздние эпохи египетской истории становится настолько характерным, что оно бросалось в глаза всем, кто посещал тогда Египет. Когда Геродот в V веке был в Египте и познакомился с этим отношением к ремесленному труду, он заметил, что такое презрение к ремесленникам является общим для многих варварских и греческих обществ.

Рабы. На полях воинов, жрецов и сановников широко применялся рабский труд. Рабы имелись у храмов, у крупной знати, у воинов. Рабов имели и крестьяне, сохранившие еще свои наделы на высоких полях. Применялись рабы и в ремесле. В больших храмовых мастерских рабский труд играл еще большую роль, чем в эпоху Нового царства. Но с прекращением войн число рабов-военнопленных стало значительно меньшим, нежели в Новом царстве.

Торговля. В эпоху Среднего и Нового царства торговля получила в Египте широкое развитие; но тогда она в некоторой степени заменялась грабительскими походами, удовлетворявшими потребность в иноземном сырье и товарах. В период же ливийского господства торговля становится еще более значительной. Египет все больше и больше втягивается в торговые связи со Средиземноморьем через финикийские города, значение которых возрастало с каждым веком.

Финикийские купцы в первой половине первого тысячелетия являются такими же частыми посетителями Египта, какими в последующее время становятся греческие купцы.

Поскольку в Египте начинают развиваться товарное производство и денежное хозяйство, номы, находившиеся ближе к Северу и тем самым державшие в своих руках торговлю с побережьем Средиземного моря, становятся посредниками в торговле с номами, граничившими с номами Юга. В то же время последние, держа в своих руках торговлю с Нубией, становятся посредниками между северными и средними номами и экваториальной Африкой.

Скупка земель. Таким образом, в Египте впервые начинает складываться рынок. В связи с ростом торговли развивается и ростовщичество. Еще в предшествующую эпоху, в особенности в Новом царстве, оно уже играло некоторую роль. Дошедшие до нас тексты свидетельствуют также о скупке земельных участков преимущественно на высоких полях. Покупаются небольшие участки знатью, жречеством и вообще богатыми людьми, причем в этих операциях не считают для себя унизительным участвовать и крупные вельможи, члены семьи царя или правители номов.

Во всех этих текстах чрезвычайно наивно указывается на то, что покупатель, который скупил, например, тридцать пять небольших участков земли, купил их за серебро и тем «полностью удовлетворил сердце» тех, у кого он покупал эти земли. Из этих текстов мы узнаем также, что мерилом ценности становится серебро, а не медь и серебро, как это было раньше, в эпоху Нового царства.

Борьба ливийцев со жречеством. Скупка земель приводит к образованию крупных поместий знати, храмов и воинов. Храмовое хозяйство, управлявшееся жречеством, претендовало на то, чтобы совершенно освободиться от вмешательства в него светской власти. На этой почве неоднократно вспыхивала борьба между ливийскими воинами и жречеством, причем особенно остро она протекала в Фиванском номе.

Об этой борьбе имеются глухие сведения в официальных надписях. Так, надпись одного из преемников Шешонка сообщает, что он собрал войско, подчинил себе Фиванский ном, пополнил жречество своими сторонниками и изгнал неугодных ему жрецов. Но через несколько лет совершается какое-то, по толкованию жрецов, «небесное знамение» (может быть, затмение солнца или луны — из текста этого не видно). В стране начинается в это время восстание. Подлинный текст говорит об этом событии следующими словами: «Беспорядок подобный небу произошел на земле этой. Враги-бунтовщики посеяли усобицы и на Юге и на Севере. Они не переставали воевать против тех, которые жили там, и против верных его отцу [говорит ливийский военачальник]. Годы проходили в ненависти, один насиловал другого».

Очевидно, эта борьба между ливийским воинством и египетским жречеством имела место не только в Фивах, но и в других номах Египта.

Слабость царской власти. Таким образом, Египет под властью ливийцев представлял собою слабое государство. Господствующее положение ливийцев оспаривалось египетским жречеством; ростовщичество разоряло крестьянское население и приводило к концентрации земельной собственности. Все эти противоречия приводили к ослаблению царской власти. Цари Египта играли очень небольшую роль: преемники Шешонка, цари XXIII и XXIV династии,

были в сущности правителями отдельных областей, хотя и называли себя «царями Верхнего и Нижнего Египта». Этот период истории Египта греки называли «додекархией», подчеркивая множество царей, правивших в стране одновременно.

Эфиопия. Нубия, ставшая самостоятельной в конце Нового царства, превратилась в сильное военное государство. Главным городом Нубийского царства был г. Напата у четвертых порогов Нила. Здесь находился храм Амона, построенный еще царями Нового царства, обладавший большим хозяйством. Нубийские цари заимствовали от Египта всю его культуру, религию и письменность, образовали государство, управлявшееся по образцу египетского. Они считали себя потомками египтян и законными наследниками египетских фараонов. В Нубийском царстве появляется стремление подчинить Египет.

Пианхи. В конце VIII века эфиопский царь Пианхи выступил в поход против Египта. До нас дошла большая надпись Пианхи, в которой он подробно описывает этот поход. Египет был завоеван им довольно легко; только иногда он встречал сопротивление со стороны правителей отдельных областей, например, в Гермопольском номе, в Мемфисе и в некоторых номах Дельты. Больше всего хлопот доставил ему танисский царь Тефнахт, который ушел со своими войсками в болота Дельты, куда Пианхи опасался углубляться. Таким образом, крайний север Дельты покорен не был. Овладев Египтом, эфиопы считали себя полновластными царями его, но власть их не была здесь прочной. Когда Пианхи снова удалился в Напату, в Египте выступают правители отдельных областей. Власть Пианхи удержалась лишь в южной части Египта, в так называемой Фиваиде.

Бокхорис. Одним из правителей Северного Египта был царь Бокхорис, который является единственным царем XXIV династии (около 720 года). Интересно, что в его краткое царствование была сделана попытка ограничить рабство-должничество. Дело в том, что ростовщичество, которое приводило к скупке земельных участков, порождало другое грозное явление: в стране появились в большом количестве рабы-должники. В течение всей предыдущей истории египетское общество упорно боролось с этим явлением. Когда при распаде сельских общин в Среднем царстве была сделана попытка закабаления свободных крестьян, эта попытка окончилась восстанием. В результате этого движения значительно окрепла сельская община. Еще и в конце VIII века сельские общины продолжали существовать, хотя и с признаками упадка. Эта древняя организация сохранила некоторую силу. Очевидно, в угоду сельским общинам возникает законодательство Бокхориса, память о котором продолжала жить не только в египетском, но и в греческом обществе. С его именем греческая традиция связывает ряд социальных реформ, из которых самой важной было запрещение рабства-должничества. Египтянин, согласно

закону Бокхориса, не мог быть рабом другого египтянина, так как он является рабом царя как земледелец и воин. Эта реформа якобы легла в основу реформы афинского законодателя Солона (начало VI века). Реформа Бокхориса должна была привести к новому укреплению сельской общины, но большого значения она не имела, так как власть его распространялась только на Северный Египет и царствовал он очень недолго. Он погиб в борьбе с эфиопами. В начале VII века эфиопы, при сыне Пианхи, царе Тахарке, на некоторое время закрепили свою власть в Египте.

Завоевание Египта ассирийцами. В это время (начало VII века) высшего расцвета достигает Ассирия, которая объединила все области Передней Азии. С тех пор как пали Дамаск, а за ним Израиль, и Иуда выразила покорность Ассирии, наступила очередь и для Египта. Тахарка энергично боролся против грозной опасности, опираясь на помощь финикийских городов. Ему удалось отразить вторжение ассирийцев в 673 году, но поход Асархаддона в 671 году увенчался успехом. После ряда ожесточенных сражений пал Мемфис, Тахарка бежал, а брат его попал в плен. Оставив в Египте свои гарнизоны, ассирийцы ушли, и это дало возможность Тахарке поднять царьков Египта на борьбу против ига Ассирии. Но эти попытки были, как мы видели выше, подавлены Ашшурбанипалом, войска которого достигли Фив и затем, захватив большую добычу, вернулись в Ниневию. В Египте были усилены гарнизоны, но местные порядки были сохранены. Правители отдельных областей, бывшие самостоятельными царьками, были утверждены в своих правах. Укрепляя свою власть в Египте, Ашшурбанипал искал поддержки влиятельных правителей Дельты. Один из них, потомок Бокхориса, царь города Саиса Нехо, был одарен ценным оружием, увенчан царской короной, а сын его Псаметих был назначен царем другого города Дельты.

Борьба с Ассирией. Ассирия подчинила Египет уже в конце своего могущества, когда сложились основные условия для скорого ее падения. Дав в руки саисского правителя большие преимущества перед другими правителями Египта, ассирийцы способствовали его усилению. Египет был наиболее удаленной от Ассирии провинцией, и это привело к тому, что Египет был первой страной, которая отпала от Ассирии и вернула себе независимость. Когда положение Ашшурбанипала осложнилось борьбой с Шамашшумукином, поддержанным царем Элама и вождями халдейского племени, Псаметих начал борьбу с ассирийскими гарнизонами. Скоро ему удалось совершенно изгнать ассирийцев из Египта. Помощниками его в этой борьбе были Гиг, царь Лидии, и греческие города западного побережья Малой Азии, с которыми Псаметих поддерживал связи, так как являлся правителем Саисского нома, в западной Дельте, недалеко от моря.

В VII веке греки начинают наводнять Египет. Они появляются в большом количестве в качестве торговцев и наемников. Псаметих гостеприимно открывает им доступ в Египет и дает им воз-

можность селиться в некоторых городах Египта в особых кварталах. Так, например, в городе Мемфисе существовал особый квартал, предназначенный для греков, точно так же как имелся квартал, предназначенный для финикийцев. Затем Псаметих разрешает грекам построить город на севере Египта, названный Навкратисом.

Благодаря переселенцам-грекам Египет вступает в тесную связь с Грецией и западным побережьем Малой Азии. Грекам же Египет был необходим как основной поставщик зерна, ибо в VII веке Греция еще не имела другого хлебного рынка.

Псаметих I. Псаметих I (654—610), опираясь на греческих наемников и исходя из стремления номов к объединению, создает в конце концов снова единый Египет. Некоторые затруднения вызвало только присоединение Юга, где фиванское жречество, опиравшееся на царей Эфиопии, противилось объединению Египта под господством Севера. Но в конце концов сопротивление Юга удалось преодолеть, и союз с ним был оформлен таким образом, что дочь Псаметиха была введена как жена бога Амона в фиванский клир.

Псаметих и его преемники продолжали относиться благожелательно к грекам, так как этого требовали интересы торговли и ремесла. Цари Египта, опираясь на торгово-ремесленные круги, начинают оттеснять на задний план ливийское войско, пытаясь заменить его греческими наемниками, являвшимися более надежной опорой их господства. Этим, конечно, они вызвали недовольство рядового ливийского воинства, часть которого, как гласит традиция, даже ушла в Нубию.

Однако политика, направленная к развитию торговли, не встречала поддержки и среди широких народных масс, так как от нее страдали рядовые крестьяне и ремесленники.

Нехо. Значение торговли можно проследить по целому ряду мер, которые нам известны, например, от царствования преемника Псаметиха I — Нехо (610—594). Он прорывает канал, который соединял Красное море с восточным рукавом Нила в Дельте. Это, очевидно, было обусловлено стремлением связать еще более тесно восточную торговлю Египта со Средиземноморьем. В связи с этим, очевидно, находится знаменитый приказ Нехо финикийским мореплавателям, находившимся у него в подчинении, — обогнуть Африку. Финикийские мореплаватели совершили этот героический подвиг в течение трех лет.

Внешняя политика. Опираясь на силы северного Средиземноморья, цари саисской династии создали широкий рынок, в известной мере объединивший Египет, Финикию, Грецию и Малую Азию. Саисский Египет пытался сохранить самостоятельность и по отношению к Востоку, и, пока Ассирия была сильной, саисские фараоны не перестают с ней бороться. Но когда после смерти Ашшурбанипала в 626 году Ассирия начинает хиреть и ее существованию угрожают Вавилония и особенно Мидия, египетское

правительство, понимая, какую опасность представляют эти силы для него, поддерживают Ассирию, и ассирийские войска в конце VII века сражаются бок о бок со своими бывшими врагами.

После гибели Ассирии египетские фараоны продолжают зорко следить за событиями в Передней Азии, пытаясь всеми способами поддерживать врагов Вавилонии и Мидии. Один из следующих саисских царей, Априес, неоднократно оказывал помощь Иуде в ее борьбе с вавилонским царем Навуходоносором. Однако эта политика борьбы с Востоком находит сопротивление внутри самого Египта. Недовольство широких народных масс и обедневшей части ливийского воинства эллинофильской политикой Априеса, опиравшегося целиком на греческие наемные войска и дававшего много льгот греческим купцам, приводит к внутренним беспорядкам, парализующим силы Египта в его борьбе с Востоком.

Гражданская война. В Египте начинается новая борьба, которая в 570 году превращается в гражданскую войну: египетская часть войск выступила против наемников; в этой борьбе приняли участие и народные массы. Во главе этого движения стал последний из крупных царей Египта и вместе с тем одна из самых интересных личностей египетской истории — царь Яхмос II (Амасис).

Амасис. Амасис (569—525), как говорит традиция, происходил из низов народа. При Априесе он был воином, а затем начальником отряда ливийских воинов. Он сумел достичь высоких почестей и даже породнился с царствующим домом. Когда вспыхнуло восстание в армии, выросшее в гражданскую войну, царь поручил Амасису усмирить это восстание, но тот вместо этого стал во главе повстанцев, изгнал Априеса и сам стал царем. «Низкое происхождение» царя вызвало недовольство господствующей верхушки — ливийской знати и египетского жречества.

Однако Амасис, опираясь на широкие народные массы, особенно же на массы ливийского воинства, должен был прежде всего выступить против греческих наемников, ибо на этих последних опирались ливийская знать, жречество и богатые торговые круги.

Амасис боролся с греческими наемниками лишь постольку, поскольку они как наемники поддерживали его врагов, но он прекрасно понимал, что без греков он не сможет выдержать борьбы с Востоком. Поэтому он вступает в еще более интенсивные сношения с Грецией. Имя его живет в греческой традиции как имя царя-филэллина, т. е. друга греков. Он приносит дары в греческие храмы, участвует в борьбе отдельных греческих городов-государств между собой, принимает деятельное участие в торговле с Грецией. Амасис создал, таким образом, еще более тесное объединение Греции, Малой Азии, части сирийского и финикийского побережий и Египта.

Понимая значение наемного войска для своей фараоновской власти, Амасис привлекает в армию греческих наемников и в то же время, наряду с этими наемниками, он привлекает и ливийских воинов. Он предвидит, что для борьбы с Востоком, которая неми-

нуемо наступит, ему нужны будут все силы Египта, а не только наемников.

Амасис был крупным организатором, сумевшим в последнее десятилетие до катастрофы усилить Египет, поднять ливийское воинство, беднеющее и теряющее силу. Он провел ряд мероприятий, укрепивших положение рядовых общинников; тем самым усилились демократические тенденции в египетском обществе.

Геродот сообщает о законодательной деятельности Амасиса, что он «издал для египтян закон, в силу которого каждый египтянин ежегодно обязан указать областному начальнику все свои средства к жизни». Вероятно, Амасис произвел пересмотр имущества, находившегося в руках знати и жречества. Мы знаем, что специальный чиновник объезжал поля Египта, выявляя земли, присвоенные знатью и жречеством.

Эта политика вызвала сильнейшее недовольство со стороны ливийской знати и жречества, о чем свидетельствуют греческая и египетская традиции, сохранившие неприязненное отношение к Амасису. Обе эти традиции, например, обвиняют Амасиса в излишней приверженности к вину и пиву.

Борьба с персами. Ливийские военные круги, объединенные Амасисом, оказали упорное сопротивление персам. Это сопротивление поддерживалось и торговыми кругами Египта, которые были заинтересованы в самостоятельности Египта, поскольку он находился в тесной связи с Грецией и с северной частью Средиземноморья, а следовательно не нуждался в персидском объединении. Еще до падения Вавилонии (в 538 году) Амасис состоял в союзе с ней, с малоазиатским государством Лидией, с греческой колонией в Африке Киреной и правителем Самоса Поликратом. Этот союз, созданный, повидимому, по инициативе Амасиса, мыслился как союз против растущего могущества персов.

Одним из обстоятельств, облегчавших персидское завоевание Египта, была смерть Амасиса, последовавшая как раз в тот год, когда началось персидское наступление. Его сын Псаметих III не мог организовать силы Египта и, несмотря на упорное сопротивление, Египет в 525 году был завоеван персидским царем Камбизом.

Культура Саисского периода. В египетском обществе этого периода мы наблюдаем два культурных течения: одно создавалось в среде, недалекой от народа, а другое — в среде жречества, которое, потеряв связь с народом и замкнувшись в храмах, уже не оказывало на него заметного влияния.

Наряду с официальной религией, которая создавала весьма сложные богословские системы, непонятные для народа, в египетском жречестве начинает выступать тенденция полного обособления от народа путем создания письма, мало понятного народу. В иероглифическое письмо жрецы вводят элементы, сделавшие его непонятным широким кругам.

В то же время в Египте продолжали жить традиции старой религии. Культ животных доходит до такого предела, что все особи какого-либо вида священных животных становятся священными. Так, например, стали священными все кошки Египта, все крокодилы и т. д.

Литература позднего периода истории Египта была понятна широким народным массам и являлась народной литературой. Сказки и повести этой эпохи записываются не иероглифическим письмом, поскольку последнее стало письмом священным, на котором можно было писать исключительно священные тексты или официальные документы. Такое письмо перестает существовать в широких кругах, и последние больше им не пользуются. Вместо него возникает новое письмо, курсивное, которое греки называли демотическим, т. е. народным письмом.

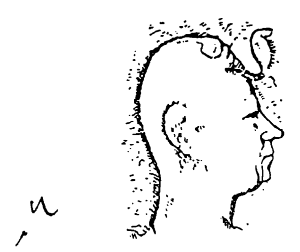
Демотическим письмом обычно пользовались для деловых бумаг и частноправовых документов, которых теперь появилось много, поскольку в обществе развивалась торговля.

Демотическим письмом записывалась и богатая повествовательная литература. Наиболее известные рассказы этой эпохи группируются вокруг похождений одного из жрецов царского происхождения, Хаэмуаса, сына Рамсеса II, который выступает в несколько смешном виде. Демократические тенденции явственно выступают в разных проявлениях египетской культуры, а также и в литературе.

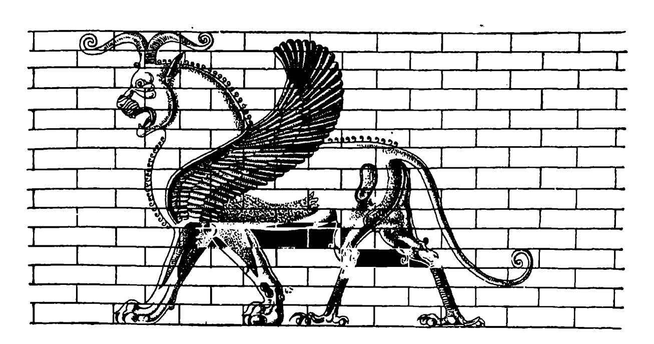
Повесть о жреце Хаэмуасе, сыне Рамсеса II, начинается с рассказа о том, как он проходит по кладбищу Мемфиса в поисках магических формул, увековеченных на стенах и стелах гробниц. Здесь он встречает старика, который говорит ему, что он может найти в одной из гробниц магическую книгу, которая в состоянии заворожить небо, землю и подземное царство. Обрадованный царевич идет в эту гробницу и хочет взять священную книгу. Однако покойник, владелец гробницы, противится его намерению. Покойник указывает царевичу, что он пострадал за обладание книгой тем, что умер рано вместе с женой и ребенком. Поэтому он проклинает царевича, который, несмотря на это, похищает книгу.

О мести, которую насылает на царевича покойник, рассказывается следующим образом. Царевич идет по двору мемфисского храма и видит прекрасную женщину. Увидев ее, он воспылал к ней любовью и посылает своего раба с просьбой, чтобы она сделалась его любовницей. Когда она указывает ему на то, что она — знатная женщина и может сделаться только владычицей дома его, т. е. его главной женой, царевич соглашается на это. Тогда она приглашает его к себе и ставит ему требование, чтобы брак был заключен письменно и в этом письменном договоре было оговорено, что он изгонит свою старую жену. Царевич и на это соглашается. Тогда женщина ставит ему новое требование: чтобы он отказал в праве наследства детям от первой жены и передал их будущим ее детям. Тот соглашается и на это. Тогда она ставит новое требование: чтобы он приказал убить своих детей. Он призывает детей и приказывает их зарезать. Царевич убежден, что теперь она уже услышит его мольбу и они должны будут стать мужем и женой. Но вдруг все исчезает. Перед его глазами она превращается в какого-то демона, который улетает, а сам он лежит лишенный одежды, на крыше какого-то дома в центре Мемфиса, испуганный всем тем, что совершилось. Тогда царевич относит магическую книгу снова в гробницу.

В официальной религии Египта этого периода делаются попытки возрождения старины. Восстанавливается культ царей Древнего царства, реставрируются полуразрушенные храмы строителей пирамид. В государственном аппарате появляются чиновники, которые носят титулы Древнего царства. В изобразительном искусстве слепо подражают древним образцам, копируя статуи и стенные росписи гробниц. Египетское государство Саисского времени, пережив ряд завоеваний (ливийцев, эфиопов, ассирийцев), пережив ряд изменений в самом обществе, оказалось не в состоянии создать в культурном отношении что-либо новое. Подражание древности не возвращало его к временам Древнего, Среднего и Нового царства, от которых остались одни воспоминания.



Псаметих I.



Злой гений Анхра-Майнью. Рельеф из дворца Артаксеркса Мнемона в Сузах.

ГЛАВА XXXI

ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД ИРАНА. МИДИЯ И ПЕРСИЯ

К востоку от гор Загра, граничащих с Месопотамией, тянется обширное Иранское плоскогорье. Неоднократно отсюда спускались варварские племена, вторгаясь в культурные области Аккада, Шумера и Вавилонии. Неоднократно совершали они набеги на богатые государства Двуречья. В то время как в долине Тигра и Евфрата развивалось первое классовое общество, на Иранском плоскогорье кочевали многочисленные племена скотоводов и охотников.

Иран. Иранское плоскогорье занимает территорию между Каспийским морем и Персидским заливом и простирается на восток до бассейна Инда. Это высокое плоскогорье окружено со всех сторон горами, являющимися его естественными границами. Почти две трети страны представляют собою пустыни и степи. Дождей в Иране почти не бывает, летом реки и озера пересыхают, пастбища выгорают на солнце. Климат в Иране значительно более суровый, чем в Двуречье: зимою наступают жестокие холода, а летом стоит нестерпимая жара. В западных частях Ирана по долинам рек возможно было земледелие, а в степях востока — скотоводство в самых широких размерах. Вообще скотоводство играло в Иране большую роль: в западных частях оно носило оседлый характер (когда скот выгонялся лишь в летнюю знойную пору на горные пастбища), в восточных же — кочевой, когда население переходило со своими стадами с одного пастбища на другое. Разводился не только мелкий скот, но и крупный рогатый скот, а также лошади. Коневодство в Иране занимало большое место. Наряду со скотоводством в лесах и степях население занималось охотой. В горах имелись полезные ископаемые — медь, серебро и железо, разные

породы строительного камня, а также ценные камни, как лапис-лазурь, яшма и т. п.

Население. Население Ирана было чрезвычайно пестрым; здесь с древнейших времен жили многочисленные племена. В основном их можно разделить на две группы. На востоке Ирана жили кочевые скотоводы, постоянно вторгавшиеся в западные, более культурные области. На западе жили оседлые скотоводы, занимавшиеся также и земледелием. Западные племена рано пришли в соприкосновение с культурными обществами Двуречья, особенно с Ассирией. В южных частях Иран был отделен от Двуречья территорией Элама, почему общение с Вавилонией произошло значительно позднее. Племена, заселявшие в древности Иранское плоскогорье, в большинстве своем говорили на языках восточной ветви индоевропейской системы, которую называют обычно «арийской». Однако наряду с ними в Иране были и племена, которые принадлежали к иным этническим группам. Северный Белуджистан населяли в древности племена, родственные дравидической семье народов, которые вследствие своего смуглого цвета отождествлялись греками с эфиопами. Сохранились в Иране и племена, говорившие на языках яфетической системы. С ними смешались мидийские племена, постепенно заселявшие северо-западный Иран. Вероятно, среди мидийских племен были чрезвычайно сильны эти элементы старой этнической прослойки.

Племена, обитавшие к югу от мидян, т. е. в южной части Иранского плоскогорья, назывались персами. Все они, или во всяком случае племена, господствующие среди них, говорили на индоевропейском языке. Об этом свидетельствуют с несомненностью древнеперсидские надписи.

Общества, сложившиеся на Иранском плоскогорье в эпоху до персидского завоевания, можно характеризовать как союзы племен, во главе которых стояли вожди. Эти племена сохраняли еще родовой строй. Древняя священная книга Ирана, Авеста, дает нам некоторые сведения об общественном строе иранских племен. Все племя (занту) состояло из нескольких родовых общин (вис), имевших каждая своего родового старейшину. В родовой общине уже выделялась семья, во главе которой стоит отец. Можно отметить уже и некоторые социальные деления рода, где значительную роль играли жречество и родовая знать; остальное население называлось просто народом. Рабов было немного, так как рабство носило еще домашний характер. Авеста сообщает, что иранские племена пришли откуда-то с Востока, и довольно подробно указывает путь движения племен. Повидимому, это были варварские скотоводческие племена, которые покинули обширные пастбища центральной Азии и вторглись в степи восточного Ирана. Возможно также, что часть этих племен двинулась к западу, в западные области Ирана, а другая осела в долине Инда. Во всяком случае общий язык древнего населения Ирана и Индии, общая мифология, одинаковый

общественный строй — все эти факты подтверждают предположение о родстве племен Индии и Ирана. Эти племена, вторгнувшись в Иран, покорили население, которое они здесь застали. С течением времени пришлые племена окончательно смешались с покоренными, и вся страна стала называться «страной арьев» (арьяна), откуда произошло современное название ее — Иран.

Очевидно, уже в очень древнее время между племенами происходили столкновения и войны; во всяком случае следы этой вражды можно найти в той же Авеста. Иранские племена называли своих богов «ахура», злых же демонов они называли «дэвами», тогда как у индийских народов, напротив, «асуры» были злыми божествами, а «дэвы» были богами.

Мидия. Древнейшие упоминания о Мидии мы имеем в ассирийских памятниках IX века. Ассирийские надписи говорят о «царях» Мидии. Однако Мидия, занимавшая территорию северо-западного Ирана, еще не представляла собой государства. И Геродот говорит о шести мидийских племенах, считая объединителем их некоего Дейока.

История застает мидийское общество на стадии разложения родового строя. Позднее, с ростом оседлого скотоводства и земледелия, в нем начинает появляться рабство. Государство в этот период находится еще в зародышевой форме. С началом передвижений и завоевательных походов рабство в мидийском обществе стало играть более крупную роль. В мидийском обществе уже в VIII веке имелись налицо многочисленные ремесленники. Надписи ассирийских царей сообщают об уводе большого количества ремесленников после побед над мидийскими племенами.

Мидийскому союзу племен приходилось вести борьбу на два фронта. С одной стороны, ему надо было бороться с племенами, кочевавшими на востоке и не входившими в союз, а с другой — он боролся с древневосточными государствами — Ассирией, Урарту и т. д. В период ослабления Ассирии мидяне неоднократно пытались напасть на Ассирию, но эти попытки успехом не увенчались. Одна из них кончилась в 625 году, благодаря помощи, оказанной скифами ассирийцам, поражением и смертью мидийского царя Фраорта. Сын Фраорта, царь Киаксар, реорганизовал свою армию и вторично напал на Ниневию, но ассирийцев на этот раз спасло движение скифов, которые на время даже подчинили себе Киаксара.

Киаксар заключает союз с вавилонским царем Набопаласаром; и совместными усилиями им удается разгромить Ассирию. Покончив в 605 году с ассирийцами, Киаксар подчинил Урарту, Каппадокию и дошел до р. Галис, на западе которой лежало могущественное государство Лидия.

Между мидянами и лидийским царством началась война. 28 мая 585 года произошло сражение между войсками Мидии и лидийцами. Солнечное затмение, имевшее место в этот день, предсказанное, согласно традиции, греческим философом Фалесом, прекра-

тило сражение, и война закончилась. Киаксар заключил мир с Лидией, признав Галис пограничной рекой. Несколько месяцев спустя Киаксар умер и на престол вступил его сын Астиаг, который после смерти Навуходоносора решил напасть на Вавилонию, но сильно укрепленное государство не легко было завоевать. Тогда Астиаг начинает продвигаться в северную часть Двуречья и северную Сирию и делает попытки отторгнуть эти области от Вавилонского государства. Еще в начале VI века мидянам удается покорить персидские племена. Таким образом, мидийские племена объединяют большую область, доходившую к югу вплоть до самого Персидского залива. Теперь же завоевания мидян были остановлены восстанием против них персидских племен.

Кир. В 558 году во главе последних становится царь Кир, один из крупнейших деятелей персидского государства. Он был родом из южной Персии и происходил из наиболее сильного персидского племени Пасаргады, вокруг которого стали группироваться другие мелкие племена. Он был правнуком того персидского вождя Кира, который в 639 году вместе с другими вождями иранских племен платил дань Ашшурбанипалу. Согласно легенде, Кир был сыном персидского вождя и мидийской царевны. Оскорбленный мидийским царем Астиагом, Кир выступает против него и после трехлетней войны одерживает над ним блестящую победу. Эта победа Кира над мидянами датируется 550 годом.

Покорение Мидии. Мидяне были разбиты, и гегемония на Иране перешла к персидским племенам. Мидяне становятся в подчинение персам. Однако, победив мидян, персы не превратили их в своих подданных. Мидяне вошли в состав нового государства как полноправные члены и вместе с персами стали господствующей народностью. Если по сравнению с персидскими племенами они были на втором месте, то среди прочих подчиненных персам народностей они всегда занимали первое место. Вот почему греческие историки персов часто называют мидянами.

Мидийская столица Экбатана (современный Хамадан) стала столицей и персидских царей, которые продолжали укреплять этот город. Согласно описаниям Геродота, Экбатана была одним из самых значительных городов в Персидском государстве. Она была окружена, как говорит Геродот, семью стенами и считалась первоклассной крепостью.

После победы над мидийскими племенами союз иранских племен превращается в государство, классовое расслоение и рост рабства обеспечили все предпосылки для этого. Все прежние племенные вожди уже не являлись больше царьками в своих областях, а превратились в союзников государства Кира. Организованная им персидская армия имеет в своем составе конницу, являвшуюся страшным оружием, перед которым колесничие отступали на задний план. Атака персидской конницы считалась неотразимой. Но

наряду с конницей большое значение имела и персидская пехота, высокие качества которой отмечали греки.

В течение почти столетия персидское войско не знало поражений. Оно подчинило весь известный тогда мир со всеми его окраинами несмотря на то, что Иран был сравнительно очень мало населен и вряд ли на всем Иранском плоскогорье насчитывалось больше миллиона человек. Земля на Иране была малоплодородна; поэтому в тех районах, где культивировалось земледелие, население было малочисленным.

Война с Лидией. Победой над мидянами персы обратили на себя внимание всего тогдашнего мира, так как всем казалось невероятным, чтобы какие-то малоизвестные племена могли победить страшный народ, разгромивший Ассирию. В этой обстановке на высоте политической прозорливости оказался египетский царь Амасис. Он понимал, что Персия в своих завоеваниях не ограничится Мидией. Поэтому, по инициативе Амасиса, быстро оформляется союз между Египтом, Лидией и Вавилонией против Персии. Однако союз оказался не в состоянии противостоять силе объединенного Ирана. Несмотря на помощь, оказанную египтянами и вавилонянами Лидии, Кир начинает с ней войну. В короткое время Лидийское государство было им разгромлено и в 546 году подчинено Персии. Персидские войска наводняют Малую Азию, берут столицу Лидии — Сарды и захватывают в плен лидийского царя Креза, обладателя несметных сокровищ (его имя стало нарицательным для обозначения богатого человека). Его жизнь и судьба привлекла внимание греческих писателей: в начале своей жизни он был главой одного из богатейших и сильнейших государств древнего Востока, а под конец жизни он оказался пленником персидского царя.

Персы, победив Лидию, доходят до берегов Малой Азии, подчиняют себе греческие города-государства на западном побережье полуострова. Попытки персов итти дальше и захватить острова Эгейского моря успеха не имели.

Война с Вавилонией. Персидскому государству во главе с Киром удается то, что не удалось сделать мидянам: он становится твердой ногой в северной части древневосточного мира, захватив всю Малую Азию, и угрожает со всех сторон Вавилонии. После 546 года Кир начинает медленно наступать на Вавилонию, превращенную Навуходоносором в мощную крепость. Укрепления, возведенные им, делали южную часть Двуречья почти неприступной для тогдашней осадной техники.

Согласно античной традиции, при нападении врага долину Вавилонии можно было превратить в сплошное озеро, в котором Вавилон оказался бы огромным островом. Против этой неприступной крепости и пришлось бороться персам. Захватив Малую Азию и богатое лидийское государство, Кир мог использовать в своих целях богатые ресурсы и технические знания культурных государств, находившихся в тесной связи с греческими городами-

государствами. Стратегия Кира состояла в том, чтобы постепенно отрезать Вавилонию от окружающего мира. Персидские боевые отряды начинают окружать кольцом Вавилонию, захватывая все торговые пути, соединявшие ее с западными областями.

Вавилонская торговля сразу упала до минимальных размеров, что вызвало большое недовольство торговых кругов. Храмы и торговые дома начинают страдать от сокращения своих оборотов и выражать открытое недовольство политикой вавилонского царя Набонида, пытавшегося отстоять самостоятельность государства.

Попытка Египта помочь Вавилонии также оказалась неудачной. Между тем Вавилония все более и более ограничивалась территорией южного Двуречья. Недовольство жречества и торговых кругов растет тем более, что все попытки Набонида задержать персов были неудачны. Благодаря этому внутри Вавилона создается партия, которая пытается установить связь с персами, т. е. в самом Вавилоне свивает себе прочное гнездо измена. Однако халдейская военная партия пытается еще организовать сопротивление. Она ставит во главе войска сына Набонида, который в библейской традиции называется Балтасар (Белшарусур).

Между тем прихода персов ожидали не только вавилоняне, но и многочисленные иноземцы, в предшествующие десятилетия уведенные в вавилонский плен, — иудеи, финикийцы и другие народы сирийских городов. Иудеи, как мы видели выше, даже объявляют Кира мессией бога Ягве.

В конце концов Киру благодаря измене удается захватить Вавилон. Первоклассная крепость сдается ему. Некоторое время пробует еще оказать сопротивление центральная часть, цитадель Вавилона, где засел Балтасар со своими боевыми отрядами, но в конце концов и эта часть города должна была пасть, и Балтасар был захвачен и казнен (538).

Одним из наиболее ценных памятников, дошедших до нас, является знаменитая надпись Кира, содержащая его манифест на вавилонском языке, изданный по поводу взятия Вавилона. Введение к нему было составлено по повелению Кира вавилонскими жрецами, которые всячески срамят своего бывшего ставленника Набонида. Там мы читаем следующие слова:

«Слабый [т. е. Набонид] был поставлен властвовать над всей страной. Он также поступил и с Эсагилой [главный храм Вавилона]; в Уруке и других городах издал бесчестное приказание. Ежедневно помышлял он, и как враг отменил ежедневные жертвы почитания Мардука, царем богов пренебрегал... и постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей довел он до гибели, наложив на них тяжелое иго».

Очевидно, Набонид в своем стремлении отстоять независимость Вавилонии должен был налагать очень тяжелые подати на самую Вавилонию, поскольку прочие области, до того платившие эти подати, были для Вавилонии потеряны.

«Владыка богов разгневался грозно из-за стона их; он оставил их области. Боги, жившие в них, оставили свои жилища из-за гнева за их перенесение в Вавилон. Мардук... обратился ко всем жилищам, превратившимся в разва-

лины, и к жителям Шумера и Аккада, уподобившимся трупам, он обратился и смилостивился над ними.

«Он обозрел все страны, исследовал их, искал правильного царя по своему сердцу, чтобы взять его за руку. Кира, царя Аншана, воззвал он по имени и призвал его к владычеству над вселенной».

«Мардук, великий владыка, защитник людей своих, радостно воззрел на его [Кира] благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к своему граду Вавилону, дал ему направить свой путь к Вавилону, сопутствуя ему, как другу и товарищу; его широко растянувшиеся войска, неисчислимые, подобно воде реки, шли вооруженные с ним. Без боя и битвы дал он ему вступить в Вавилон и пощадил свой град от утеснения. Набонида царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его [Кира] руки.

Все жители Вавилона, весь Шумер и Аккад, вельможи и наместники склонились перед ним ниц и целовали ноги».

После этого введения следует самый текст манифеста Кира:

«Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликовании и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании.

Мои многочисленные войска мирно вступили в Вавилон. Во весь Шумер и Аккад я не допустил врага. Забота о внутренних делах Вавилона и о всех его святилищах тронула меня, и жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестное иго было с них снято. Я отвратил разрушение их жилищ и устранил их падение. Моим благословенным деяниям возрадовался Мардук, великий владыка, и благословил меня, Кира, царя, чтущего его, и Камбиза, моего сына, и все мое войско милостию, когда мы искренно и радостно величали его возвышенное божество. Все цари, сидящие во дворцах всех стран света, от верхнего моря до нижнего... и в шатрах живущие цари запада — все вместе принесли свою тяжелую дань и целовали в Вавилоне мои ноги... И богам Шумера и Аккада, которых Набонид в гневе владыки богов перенес в Вавилон, дал я, по повелению Мардука, великого владыки, невредимо принять обитание в их чертогах «веселия сердца». Все боги, возвращенные мною в свои города, да молятся ежедневно перед Белом и Набу о долготе дней моих, замолвят за меня милостивое слово и скажут Мардуку, моему владыке: да будет Киру, царю, чтущему тебя, и Камбизу, его сыну».

Таким образом, Кир выступает как вавилонский царь, который обязуется выполнять свято все то, что от него могут требовать господствующие классы Вавилона. Кир оправдал также надежды тех иноземцев, которые были в плену в Вавилонии. Он отправил на родину финикийцев и иудеев, хотя не все они пожелали вернуться в далекую Сирию, так как некоторые из них обжились в Вавилоне. Наиболее зажиточные остались здесь, но все-таки большое количество народа вернулось назад.

План дальнейших завоеваний. Такая забота Кира о вавилонских пленниках, очевидно, была продиктована его дальновидной политикой. Вслед за Вавилоном ему предстояло завоевать еще одно большое государство, Египет. Борьба с Египтом (это, конечно, предвидел Кир) должна была быть тяжелой. Египет представлял собой сильное государство, которое должно было оказать более упорное сопротивление, нежели Вавилония и Лидия,— государство, которое благодаря политике Амасиса было более крепким.

Поэтому Кир старательно ищет союзников и надеется сделать из Иуды плацдарм для своего похода на Египет. Он точно так же надеется в лице финикийских городов получить верного союзника на море, который в войне с Египтом должен был ему помочь своим флотом.

Но, учитывая всю трудность этой борьбы, Кир решает обезопасить сначала свои восточные границы и поэтому после занятия Вавилона обращается на Восток, в степи к северо-востоку от Ирана, где кочевали многочисленные скотоводческие племена, постоянными нападениями причинявшие неисчислимые потери оседлым скотоводческим племенам Ирана. Это были племена саков и масагетов в закаспийских степях. Они стояли еще на очень низкой ступени развития. Геродот свидетельствует о наличии у них группового брака и убиении престарелых родственников. Оружие свое они, однако, уже изготовляли из меди.

Борьба эта протекала успешно, но во время одной из битв с масагетами в 529 году Кир был убит. На престол вступил его сын Камбиз, который, очевидно, был соправителем отца.

Камбиз. В лице Камбиза на престол вступил полководец и организатор, мечтавший о создании великого государства, которое обнимало бы не только восточное Средиземноморье, но и западное.

Камбиз, получив в наследство от отца укрепленную восточную границу, смог теперь осуществить завоевание Египта. Он привлекает на свою сторону арабские племена, кочевавшие в степях и пустынях к востоку от Египта, и заручается их помощью при переходе через их территорию персидского войска.

Поход в Египет. Иуда, получившая благодаря персам политическое восстановление, становится таким же надежным союзником персов, как и финикийские города. В 526 году Камбиз уже мог двинуться на Египет. Перед своим походом, как рассказывает традиция, он убил своего младшего брата Бардию. Очевидно, в Персии порядок престолонаследия еще не был урегулирован, и благодаря этому Бардия имел право на персидский престол. Камбиз, во избежание каких-либо волнений во время своего отсутствия, приказал тайно убить Бардию. Многие при этом могли даже предполагать, что Бардия еще жив и остался у себя на родине.

Тем временем персидские войска стали продвигаться к Египту как с суши, так и с моря. В эту грозную для Египта минуту умер Амасис и на престол вступил его сын Псаметих III. Организация обороны, которую оставил в наследство Амасис, была достаточно сильной: египетское войско, состоявшее в основном из ливийских воинов, которые, по реформе Амасиса, были в большом количестве включены в ряды армии и снова восстановлены в своих правах, было многочисленно и хорошо организовано. Среди него находились и достаточно многочисленные греческие отряды.

Первая битва на границе Египта и Азии была чрезвычайно кровопролитной. Греческая традиция рассказывает о том, что Камбиз, готовясь к походу, подкупил начальника наемных войск египетского царя Амасиса, некоего грека Фанета. Фанет бежал из Египта — правда, оставив в рядах египетского войска двух своих сыновей. Греческие наемники зарезали перед лицом персидской армии сыновей изменника Фанета, кровь которых была смешана с вином, и каждый из наемников выпил глоток этого напитка, поклявшись драться до конца.

Греки и египтяне сражались геройски; однако в конце концов персидское войско одержало победу. Разбитые египетские войска отступили, хотя в ряде городов и после того персидским войскам было еще оказано ожесточенное сопротивление.

Последнее сопротивление египтяне оказали в Мемфисе, но и здесь на помощь персам пришла измена. Знать, потерявшая свое господствующее положение благодаря реформе Амасиса, решила перейти на сторону персов, надеясь найти в них защитников своих старых прав. Главой изменников был египетский вельможа Удзагорресент, начальник морских сил Египта, который открыл врагу северные границы государства. Он оставил одну весьма интересную надпись, составленную уже в дни царя Дария, преемника Камбиза.

Вот что пишет этот египетский вельможа, когда говорит о персидском завоевании, против которого так ожесточенно боролись рядовые ливийские воины и египетское войско:

«Когда прибыл великий царь, государь всех стран, Камбиз в Египет и с ними были варвары всех стран, он царствовал над этой страной во всю широту ее и поселил их там. Он был великим царем Египта, великим властителем всех стран. Приказал мне его величество быть в сане великого врачевателя. Заставил быть рядом с ним в качестве семера, начальника дворца.

Я составил его титулатуру, в имени его, как царя Верхнего и Нижнего Египта Месут-Ра. Я дал познать его величеству величие Саиса, седалища Нейт, великой матери, родившей Ра».

«Я просил его, великого царя Вавилонии, Персии и Египта, Камбиза, относительно всех варваров, которые осели в храме Нейт, чтобы прогнать их оттуда, чтобы вернуть храму Нейт его прежнее благолепие. Повелел его величество выгнать всех варваров, которые осели в храме Нейт, разрушить все дома их, которые в этом храме. Унесли они сами вне стен этого храма, повелел его величество омыть храм Нейт. Возвратил ему всех его людей, часовых, жрецов, приказал его величество давать дары и жертвы Нейт, великой матери великих богов, которые в Саисе, как и было прежде».

Таким образом, для этого египетского вельможи царь Камбиз, варвар, пришедший с Востока, был таким же желанным царем, каким был для господствующего класса Вавилонии Кир.

После падения Мемфиса сопротивление Египта было сломлено, и персы захватили страну вплоть до Элефантины.

Покорив Египет, Камбиз строит планы дальнейших завоеваний. Он мечтает о завоевании Нубии, сказочной страны, полной золота, и далекого Карфагена, чтобы стать твердой ногой на северном побережье Африки.

Его поход в Нубию был не совсем удачен. Прекрасно дисциплинированные и выносливые персидские войска не выдержали, однако, убийственного южного климата и не столько из-за урона, понесенного в сражениях с нубийцами, сколько вследствие потерь от жары и жажды должны были отступить и не могли завершить завоевания всей Нубии. Все же северная Нубия была приведена к покорности и вынуждена была платить дань персидскому царю.

Восстание «магов». Во время похода в Нубию Камбиз получил тревожные вести с Ирана. Оказывается, что во время его отсутствия начались волнения среди иранских племен в Мидии. Во главе их стали два брата жреца («мага»). Один из них, Гаумата, объявил себя Бардией, братом Камбиза, который был убит при начале похода. Большая часть мидийских племен примкнула к магам, и волнения перекинулись на персов. Мы имеем основание думать, что измена в тылу Камбиза нашла отражение и в персидском войске. По крайней мере Камбиз казнил в Египте ряд представителей иранской знати. Слухи о восстании в Иране вызвали восстание в Египте, но Камбиз жесточайшим образом расправился с ним. Так как движение, возглавляемое магом Гауматой, стало широко распространяться, Камбиз решил вернуться в Иран, отказавшись от своих планов мировых завоеваний, но по дороге в Сирию умер при каких-то таинственных обстоятельствах. Геродот рассказывает, что он в нетрезвом состоянии упал с лошади. Персидская надпись сообщает, что он умер своей смертью. Наиболее вероятно, однако, что Камбиз пал жертвой заговора.

Источники дают нам только намек для решения вопроса о причинах волнений в Мидии: они заключались в том, что местная знать была недовольна тем подчиненным положением, какое она заняла в персидском государстве при опиравшихся на армию царях Кире и Камбизе.

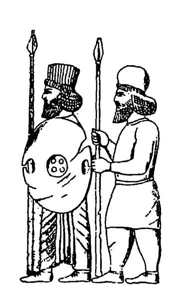
Во главе движения становится мидийское жречество, «маги», которые в тесном союзе со знатью пытаются захватить власть в свои руки. Они разрушают храмы, захватывают в свои руки общинные пастбища, нанося этим огромный ущерб народу. Мидия становится самостоятельным государством, где вся власть находилась в руках жречества и знати, притесняющих народ. Во время этих волнений в Иране все завоеванные Киром и Камбизом страны отпали и стали вновь независимыми.

Дарий. Против магов, захвативших власть, выступает один из представителей царского рода Ахеменидов, Дарий (522—486). Его отец, Гистасп, был правителем одной из отдаленных провинций Персии, и Дарий мог считать себя законным наследником престола лишь как представитель царского рода, из которого происходили Кир и Камбиз. Дарий покоряет Мидию, где престол был занят лже-Бардией, магом Гауматой. В короткий срок ему удалось подчинить себе снова все страны, которые были когда-то завоеваны Киром и Камбизом.

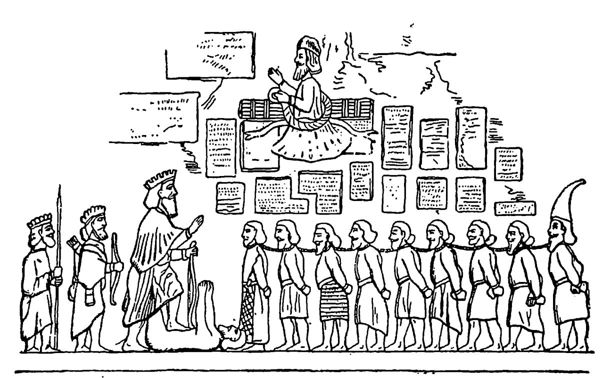
О событиях, предшествовавших воцарению Дария, рассказывает большая надпись, высеченная на высокой Бисутунской скале. В верхней части надписи был выбит рельеф в честь царя Дария. Он стоит, как судья, перед мятежниками, которых подводят к нему перед казнью. А внизу находится большая надпись в четыреста строк, излагающая все эти события. Другим источником является рассказ Геродота, который только в деталях расходится с надписью. Заканчивая повествование о победе Дария над самозванцем Гауматой, надпись гласит:

«Волей Ахурамазды я стал царем. Ахурамазда вручил мне царство. Власть, отнятую от нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше. Храмы, разрушенные магом, я возобновил. Народу выгоны, стада и храмы, отнятые Гауматой, я возвратил. Я вернул народу его прежнее положение как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах. Я вернул, что было отнято, волей Ахурамазды. Я все это совершил. Я трудился, чтобы вернуть нашему дому его прежнее положение, как было древле. Я старался [продолжать] по воле Ахурамазды, как если бы Гаумата не устранял нашего дома».

Слова Дария свидетельствуют о том, что он после победы над магами вернул народу его прежнее положение, восстановив общинное владение выгонами и стадами. Опираясь на войско Персии и Мидии, Дарий приступил к организации того конгломерата обществ, который силой оружия был подчинен ему.



Пехота персидской армии.



Дарий I, побеждающий мятежников. Рельеф Бисутунской скалы.

ГЛАВА XXXII

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРСИДСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ДАРИИ

Основная причина развала персидского объединения после смерти Камбиза заключалась в том, что завоевания Кира и Камбиза не были спаяны крепкой государственной организацией. Государство Кира и Камбиза было неустойчиво в силу того, что представляло из себя конгломерат почти ничем не связанных между собою завоеванных персами областей. Один из признаков слабости государственной организации можно видеть в отсутствии у персов в это время твердого престолонаследия. В Бисутунской надписи Дарий прямо говорит о принадлежности царской власти роду, а не отдельной семье: «Эта власть, которую маг Гаумата исторг у Камбиза, издревле принадлежала нашему роду». В другом месте он говорит: «Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил на надлежащее место, как было раньше». Очевидно, внутри самого рода наследование еще не было урегулировано.

Второй признак отсутствия крепкой государственной власти в персидском объединении времени Кира — Камбиза обычно видят в том, что в этот период не было регулярного сбора податей. Геродот видит в этом факте различие между временем Кира и Камбиза и последующей эпохой. Он говорит: «В царствование Кира, а затем Камбиза в Персии определенных податей не существовало, но подданные приносили подарки». Отсутствие крепкой государственной организации в Персии и привело к легкому развалу этого огромного объединения стран и народов.

Можно сказать, что подлинное оформление Персии в государство началось лишь с Дария.

Сатрапии. Дарий делит Персидское государство на так называемые «сатрапии». Греческое слово «сатрапия» восходит к дре-

внеперсидскому «хшатрапаван», что значит — правитель области. Сатрапиями считались большие провинции, которые более или менее соответствовали старым, исторически сложившимся государствам. Так, например, одна сатрапия включала Египет, другая — Вавилонию; в Малой Азии существовало несколько сатрапий, которые также соответствовали старым государственным границам. Всего, согласно свидетельству Геродота, Дарием было учреждено двадцать сатрапий. Геродот, к слову сказать, является пока главным нашим источником по вопросу об организации Персидского государства. Несколько лет назад был найден в г. Персеполе большой архив отряда эламских телохранителей персидского царя и наверно оттуда будут извлечены новые сведения об организации государства. К сожалению, эти документы написаны на эламском языке, что несколько затрудняет их понимание.

Организация власти в сатрапиях. Правитель области, сатрап, был неограниченным повелителем всего гражданского населения. Наряду с сатрапами во многих областях продолжали существовать прежние правители, которые должны были во всех гражданских делах подчиняться сатрапу. Главная забота сатрапа была направлена к тому, чтобы подати исправно поступали в царскую казну.

Кроме сатрапов, были еще военачальники, заведывавшие военными силами. Дарий был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы в его обширном государстве не было нарушений внутреннего порядка, не вырастали сепаратистские стремления. Для этого им были назначены военачальники независимые от сатрапов, с тем чтобы был взаимный контроль независимых друг от друга лиц, одинаково подчиненных Дарию.

Система контроля была широко развита в Персидском государстве. Вот что сообщает греческий историк Ксенофонт по поводу обычного контроля сатрапа военачальником и наоборот:

«Начальники, назначаемые царем для этих двух обязанностей, т. е. для управления мирными гражданами и для управления гарнизонами, не одни и те же, но одни начальники над жителями и работающими, они же собирают подати, а другие командуют вооруженными гарнизонами. Если военачальник недостаточно защищает страну, начальник жителей и заведующий обработкой доносит, что трудиться нельзя вследствие отсутствия охраны. Если же военачальник обеспечивает мир, а у начальника обрабатываемая земля мало населена, не обработана, то на последнего доносит военачальник».

Дарий, помимо контроля внутреннего — путем разделения власти на местах между сатрапом и военачальником, организовал еще контроль государственный в форме так называемых «царских глаз — ушей». Это были особые чиновники-инспектора, которые разъезжали по сатрапиям и должны были следить за тем, чтобы там не было никаких заговоров и организаций, которые могли бы быть опасными для единства государства.

Таким образом благодаря разделению власти центральное правительство имело очень удобную форму контроля областного управления.

Организация войска. Военачальники отдельных сатрапий были подчинены пяти начальникам военных округов, на которые делилось Персидское государство. Одному из таких начальников были подчинены гарнизоны четырех-пяти сатрапий. Таким образом, эти военачальники имели под своим ведомством бо́льшую территорию, нежели отдельные сатрапы. Войска, которыми располагали военачальники, имели в своем составе надежное ядро из персов. Персидские отряды дополнялись отрядами из покоренных областей, причем на практике персы всегда стремились к тому, чтобы в гарнизоны каждой сатрапии не допускались уроженцы данной области. Так, например, в Египте египтян во вспомогательных отрядах гарнизонов не было. В гарнизоны крепостей персы обычно ставили иноплеменников. Об этом свидетельствуют тексты, дошедшие до нас с острова Элефантины, на юге Египта. На этом острове в эпоху персидского господства была большая крепость, которая служила оплотом персов против воинственных нубийских племен. Там было найдено большое количество деловых папирусов и официальных документов, которые относились к стоявшему здесь персидскому гарнизону. Они свидетельствуют, что здесь, на крайнем юге Персидского государства, в египетской сатрапии боевые отряды состояли главным образом из евреев — иудеев и арамеев. (Эти документы относятся к концу V века и чрезвычайно важны для истории еврейской религии и культуры.)

Из этих же текстов можно узнать и о том, что число персов и иранцев в гарнизоне было очень невелико. Они были избранным надежным ядром гарнизона, но количественно совершенно ничтожным по сравнению с иноплеменниками. Те же соотношения, т. е. сравнительно небольшое количество иранцев и персов в составе гарнизона по сравнению с общей численностью его, были и в других областях. Таким образом, войско, которым располагала Персия, состояло из персов только в ничтожной части: в составе его было много иноплеменников, которые, конечно, не имели такой боевой ценности, как иранцы.

Однако войска во всех сатрапиях было достаточно для того, чтобы держать в подчинении области в нормальное время. Когда же возникали какие-нибудь волнения, то персы должны были в спешном порядке перекидывать военные силы в ту или другую область. Для этой цели им было необходимо иметь мощную и развитую сеть дорог, которая должна была железным обручем сковать воедино это разноплеменное и многоязычное огромное государство.

Дороги. Персидские дороги имели много общего с ассирийскими военными дорогами, хотя во многом превосходили их, и в свою очередь могут быть образно названы предтечей римских,

дорог. Персидские дороги вызывали восхищение у всех, кто с ними знакомился.

Геродот, путешествовавший в середине V века по обширному персидскому государству, очень много говорит о прекрасном состоянии дорог, которые давали ему возможность детально ознакомиться с теми областями Передней Азии, которые он хотел поближе узнать. Дорогу, которая вела из Эфеса в Сузы, он описывает следующим образом:

«Путь этот таков: на всем протяжении его существуют царские гостиницы с прекрасными жилыми помещениями и проходит он от начала до конца в стране населенной и безопасной. На протяжении Лидии и Фригии находится двадцать таких стоянок. По точному измерению царский путь от Сард до царского замка в Сузах содержит в себе 13 500 стадий.[1] Если на каждый день положить по 150 стадий, то на весь путь требуется 90 дней».

На этом пути приблизительно через каждые 25 километров были построены гостиницы, где путешественник мог найти приют и отдых. По дороге в различных пунктах стояли войска, которые обеспечивали безопасность движения путешественников, товаров и т. д. В этом отношении персидские войска принимали самые жестокие меры, которые только знал персидский уголовный кодекс. Они со всей строгостью карали преступников, нарушавших эти законы. Ксенофонт говорит по поводу сатрапа в Малой Азии, царевича Кира Младшего (конец V века), что он никому не позволял нарушать эти законы.

«...Никто не мог бы сказать того, что Кир позволял глумиться злодеям и преступникам. Напротив, он наказывал за все беспощадно. Часто можно было видеть по проезжим дорогам людей, лишенных ног, рук и глаз. Таким образом, в области Кира стало возможным и греку и варвару; раз он ни в чем не виновен, отправляться куда угодно, взяв с собой, что ему нужно».

Кроме большой дороги, которая вела от Эгейского моря к Сузам и называлась «царской», были и другие дороги, которые пересекали в различных направлениях обширное Персидское государство.

Самым грандиозным строительным предприятием Дария I была работа над прорытием канала, который должен был соединить Средиземное море с Красным. Этот канал, являющийся связующим звеном между восточным рукавом Нила и Красным морем, был в свое время прорыт Хатшепсут и возобновлен Нехо, по приказанию которого прошли через канал финикийские мореплаватели для исследования далеких южных стран. Они, как мы выше видели, обогнули Африку. Царь Дарий стремился, очевидно, сделать более долговечным канал Нехо, чтобы в течение долгих лет корабли могли из Средиземного моря проходить в Персию. По берегам его воздвигались каменные плиты с клинописной и иероглифической надписью. Одна из них найдена. Свое величественное начинание Дарий не закончил, ибо боялся.

[1] Стадия — 157,5 метра.

что Красное море, расположенное якобы выше долины Нила, затопит через широкий канал Египет.

Почта. На всех этих дорогах, кроме военных постов для безопасности и жилых помещений — гостиниц — находились в расстоянии полутора-двух километров один от другого пикеты всадников, которые должны были обслуживать правительственную почту. Почта обслуживалась по принципу эстафетного бега: всадник получал пакет и мчался до ближайшего пикета; там стоял уже наготове другой всадник, который отбирал у первого пакет и вез его дальше. Таким образом, почта шла с быстротой, необычайной для того времени. Поэтому важные сведения доходили до столицы персидского царя с исключительной для того времени быстротой. (Греки, между прочим, указывали даже, что царь мог питаться в Сузах свежей рыбой, которая вылавливалась в Эллинском море.)

Торговля. Всеми этими мерами Дарий действительно укрепил господство над завоеванными областями. Благодаря прекрасным дорогам в эпоху Дария сильно растет торговля и весь древневосточный мир втягивается в один большой рынок, включая всю Переднюю Азию и окраины.

Дарий завоевывает Аравию и огромные пространства Востока вплоть до Северной Индии включительно. В своих походах Дарий доходит даже до степей Северного Причерноморья, захватывает острова Эгейского моря и северо-восточные части Балканского полуострова, Фракию и даже Македонию.

Такое огромное государство имело все данные для создания широкого рынка и развития денежного хозяйства. Отдельные сатрапии получили право чеканить свою собственную серебряную монету, а самостоятельные области внутри сатрапий — медную. Право же чеканки золотых монет принадлежало только одному царю. Дарий вводит золотую валюту в форме монет, которые в честь его носили название «дариков».

Развитие товарного и денежного хозяйства приводит к сильному вздорожанию всех продуктов приблизительно в полтора раза по сравнению с теми ценами, которые были в Ассирии и Вавилонии до персидского объединения.

Самым крупным торговым центром обширного государства продолжал оставаться Вавилон. На улицах его можно было услышать речь всех народов, населявших Персидское государство. Крупные торговые дома, игравшие видную роль еще в эпоху самостоятельности Вавилонии, усиливают свои торговые обороты. Они возникают теперь не только в Вавилонии, но и в других сатрапиях и городах, чему имеется прямое свидетельство источников. Наряду с торговым домом потомков Эгиби появляется торговый дом Мурашу (с сыновьями) в городе Ниппуре, существовавший несколько поколений. Обороты этих торговых домов сильно возрастают, так как они обслуживают все Персидское государство.

Таким образом, надежды богатых торговых кругов Вавилонии, изменивших халдейской династии и перекинувшихся на сторону персов, полностью оправдались.

Кое-что известно и о кредитных операциях торговых домов, имевших в числе своих клиентов и членов царского дома, которых они ссужали деньгами.

Положение рабовладельческой знати в сатрапиях. Персидские цари за пределами Персии опираются на крупных рабовладельцев. Они заботятся о храмах, которые в эту эпоху играют крупную хозяйственную роль. До нас дошло интересное письмо, которое пишет Дарий сатрапу Малой Азии Гадату, взявшему какие-то подати с храма Аполлона в области Магнесии, на западном берегу Малой Азии.

«Царь царей Дарий, сын Гистаспа, рабу Гадату говорит следующее: «Я узнаю, что ты не во всем слушаешь моих приказаний, что ты обрабатываешь мою землю, насаждая плоды из местности по ту сторону Евфрата, в области Нижней Азии. Я хвалю твое намерение, и за это будут зачислены великие милости в доме царя. А что ты уничтожаешь мое намерение относительно богов, — за это я дам тебе доказательство душевной обиды. Именно, с крестьян, посвященных Аполлону, ты взимал пошлину и приказывал им вскапывать частную землю, не ведал отношение моих предков к этому богу, который сказал персам всю истину».

Таким образом, Дарий защищает храмовое хозяйство, которым управляет жречество, являющееся одной из значительных прослоек господствующего класса тогдашнего общества, в том числе и греческого общества, о котором идет речь в данном отрывке.

То же самое происходило и в других областях государства. Иудейское жречество, например, пользуется помощью и поддержкой со стороны персидского царя. Об этом свидетельствуют как Библия, так и элефантинские папирусы иудейских колоний. В Иуде создается теократическое государство с верховным жрецом во главе. Царь Персии заботится и о египетских храмах. В этом отношении любопытно свидетельство уже упомянутого Удзагорресента, который в момент прихода Камбиза в Египет изменил народному делу и стал на сторону иноземного завоевателя. Теперь он пользуется милостью преемника Камбиза — царя Дария. Он говорит:

«Повелел царь Верхнего и Нижнего Египта, Дарий, чтобы я отправился в Египет. Его величество находились в Эламе, как царь великий всех чужих стран и великий государь Египта, чтобы восстановить помещения Пер-анха (храма Нейт), после того как они были разрушены. Азиаты доставили меня из страны в страну и привели меня в Египет согласно повелению владыки обеих земель».

Таким образом, и здесь налицо явное покровительство царя богатой знати.

Подати. Реорганизация податной системы принадлежит, вероятно, также царю Дарию. Подати, которые взимались с отдельных областей, были точно урегулированы. Они не носили

случайного характера или открытого грабежа времени хищного ассирийского господства. Вот что сообщает Геродот об этом:

«...Назначив начальников округов, он по главным народностям установил подати, причем к каждой народности причислялись пограничные соседи, а население более отдаленное распределялось между различными народностями, и взнос податей по округам он установил в следующем порядке: тем из них, которые платили серебром, велено было вносить талант по вавилонскому весу, а плательщикам золотом — по эвбейскому. Вавилонский талант имеет ценность 78 эвбейских мин».

Затем следует перечисление, сколько платил каждый из этих округов-сатрапий. Вполне понятно, что больше всех должны были платить такие богатые области, как Вавилония и Египет. Оказывается, что Вавилония и тогда еще была самой богатой сатрапией. Она платила тысячу талантов серебра. Египет должен был платить около семисот талантов, остальные еще меньше.

Общая сумма податей, ежегодно поступавших в казну Дария, по эвбейскому исчислению равнялась, примерно, 14 560 талантам (что в золотом исчислении составляет около 34 миллионов рублей).

Всю эту дань персидский царь хранил в сокровищницах следующим образом: металл расплавляли, наполняли им глиняные сосуды и по его охлаждении глиняную оболочку снимали; всякий раз, когда требовались деньги, царь давал распоряжение отрубить металла столько, сколько нужно.

Одна только коренная Персия была выделена и целиком освобождена от податей.

Откупная система. Подати, налагаемые на сатрапии, были, пожалуй, сами по себе невелики. Так, например, уплата тысячи талантов в год не слишком отягощала богатую Вавилонию. Тяжесть податей обусловливалась исключительно способом их взимания, потому что персы, так же как позднее в римской республике, собирали их путем откупа. Так, нам известно, что подать с Вавилонии собирал не чиновничий аппарат, а какая-нибудь торговая компания, которая брала на откуп у персидского правительства право собирать подати с той или другой части государства. Она выплачивала эту сумму в 1000 талантов вперед с тем условием, что персидское правительство даст ей соответствующее разрешение. Компания, конечно, брала с населения не 1000 талантов, которые она уплатила правительству, а значительно больше. Эта откупная система оказалась для государства гибельной.

В качестве одного из таких откупщиков нам известен торговый дом Мурашу и сыновей. Они взяли на откуп весь Ниппурский округ. О том, как они хозяйничали в нем в V веке, могут свидетельствовать несколько клинописных таблеток, дошедших до нас из архива дома. Оказывается, что агенты этого торгового дома, рабы и слуги их, разорили целый большой город, собирая с него подать серебром. Разорили они его столь основательно, что сидевший там персидский чиновник подал на них в суд. На это сыновья Мурашу ответили колоссальным подношением чиновнику и избе-

жали суда. Взятка состояла из 350 кур ячменя, 1 кур эммера, 50 кур пшеницы, 50 бочек старого вина, 50 бочек нового вина, 200 кур фиников, 200 голов мелкого и 20 голов крупного скота и 5 талантов шерсти.

Судя по документу, они действительно хозяйничали в городе так, что получилось впечатление разгрома города внешним врагом.

В системе откупа лежала одна из причин той ненависти, которая постепенно начала нарастать в Персидском государстве по отношению к власти.

Положение персов. Персия в узком смысле этого слова, т. е. та область, которую населяли персидские племена, находилась на особом положении. Она одна не должна была платить дани. Этим подчеркивалось, что персы являлись господствующими среди других народов государства. Персидское общество, как и все древние общества, знало рабство. Труд подневольных людей использовался на полях, для охраны стад и т. д. Однако среди самих свободных вначале не было еще антагонизма. Свободные были воинами и входили, как основное ядро, в состав общего войска, разбросанного по всему огромному персидскому государству. Жителя далекой Персии в это время можно было встретить в Элефантине отбывающим там военную службу; персы же несли военную службу в Аравии, в Малой Азии, в Закавказье, так как являлись той основной силой, на которую в конечном итоге опиралось персидское господство. Из персов комплектовался также чиновничий аппарат.

Персы могли быть крестьянами и скотоводами, причем, так как в эпоху Ахеменидов еще не было разделения народа на воинов и земледельцев, мы можем предполагать, что теми и другими могли быть одни и те же лица в зависимости от обстановки.

Земледелие считалось почетным трудом, и даже цари и знатные могли работать в саду или на поле. По крайней мере Ксенофонт приводит следующий характерный эпизод:

«Когда Лисандр, великий спартанский полководец в конце V века, был у Кира Младшего в его сатрапии, тот показал ему свой сад. Лисандр изумился его насаждениям и сказал Киру: «Я еще дивлюсь тому, кто все это для тебя размерил и определил». Кир, услыхав это, был доволен и сказал: «Сам я, Лисандр, все это размерил и определил, кое-что даже сам посадил». Лисандр, посмотрев на него и видя красоту его наряда, слыша запах духов и смотря на изящество цепочки, браслета и других украшений, говорят, сказал: «Что ты говоришь, Кир, неужели ты что-либо из этого посадил своими руками?» Кир, как говорят, ответил: «Ты удивляешься, Лисандр? Клянусь Митрой, я никогда, будучи здоров, не принимал пищи, прежде чем не потрудился до пота над какой-нибудь работой военного или земледельческого характера».

Очень ярким доказательством того, что персы были свободны от всех рабских работ, например строительных, может служить изданная в 1930 году персидская надпись из Суз, одной из столиц персидского царя. Здесь перечисляются все народы, строившие дворец царя в Сузах. Оказывается, что на этой стройке трудились представители всех главнейших сатрапий.

Здесь были вавилоняне, египтяне, малоазиатские народы, греки, сирийцы, даже мидяне, но ни один перс не работал над сооружением этого здания. В эпоху Ахеменидов персы были свободны и от всякого ремесленного труда.

Царь. В этом государстве, где завоеватели-персы господствовали над многочисленными покоренными народами, зачастую стоявшими в культурном отношении выше своих завоевателей, создалась своеобразная политическая надстройка. Царь, опиравшийся на войско, являлся деспотом. С одной стороны, мы видели, что царь не считает для себя позорным заниматься земледелием, с другой — он окружает себя неслыханной роскошью, создает пышный придворный ритуал, который проводит резкую границу между священной личностью царя и всеми его подданными, даже самыми знатными. Царь носит высокую золотую тиару и пурпурные одежды, которые резко отличали его от всей свиты. Пятнадцать тысяч слуг постоянно находились во дворце, а отряд царских телохранителей состоял из десяти тысяч человек. Их называли «бессмертными», так как их число оставалось неизменным.

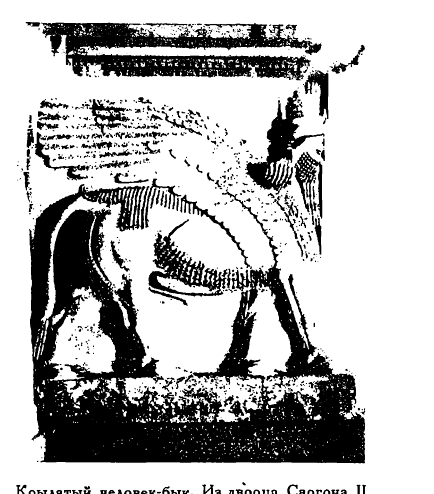
Религия. На этой своеобразной социально-экономической базе выросла культура Персии. Одной из самых значительных идеологических надстроек в персидском обществе, как и во всех древних обществах, была религия. В фантастических образах этой религии отразились и древнее бессилие человека перед природой и социальные силы классового общества, перед которыми ощущал свою беспомощность человек.

Религиозный памятник древнего Ирана называется Авеста. Авеста является столь же трудной и сложной для изучения, как и Библия. В ней, также как в Библии, чрезвычайно трудно различать элементы более древние от элементов более поздних. Все же относительно некоторых частей ее можно предполагать, что они относятся ко времени Ахеменидов. Таковы, например, Гаты, в которых отразились черты древней персидской религии. Другими источниками для изучения религии персов являются греческие авторы — Плутарх, Геродот.

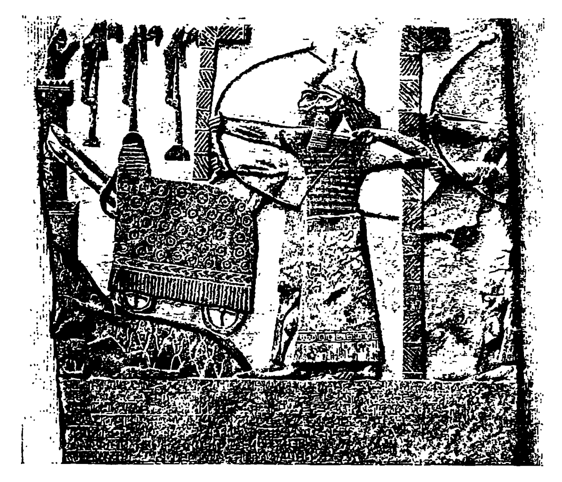
В религии древней Персии сохранились элементы культа животных. Они сказываются в той роли, которую играла собака, а также в культе коровы, быка, впоследствии тесно связанного с солнечным божеством Митрой.

Наибольшее значение имели культы богов земли, неба, воды и особенно огня. Культ бога огня впоследствии связывается с культом главного бога Ахурамазды, сыном которого его считали.

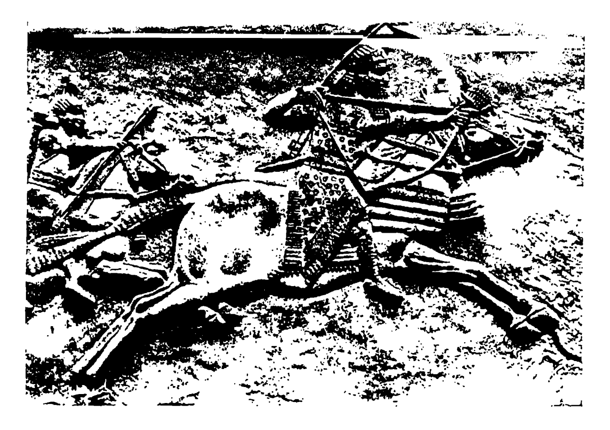
Имело место и почитание небесных светил, например, Сириуса, солнца — Митры. В образе Митры чрезвычайно своеобразно переплелись черты земледельческого культа бога солнца с чертами пастушьего бога, связанного с культом быка. Культ Митры, связанный в дальнейшем с верой в загробную жизнь и во всеобщее искупление, получил широкое распространение в Малой



Крылатый человек-бык. Из дворца Саргона II в Хорсабаде. Лувр.



Тиглатпаласар III осаждает крепость с помощью тарана. Рельеф из Кальху (Нимруд). Британский музей.



Ашшурбанипал на охоте. Рельеф из его дворца в Ниневии. Британский музей.

Умирающая львица. Рельеф из Ниневии. Британский музей.

Азии, а впоследствии митраизм, подхваченный римскими легионерами, некоторое время был в Риме опасным соперником христианства.

В эпоху до Дария официальный культ еще не получил развития. Хотя имелись уже храмы, но, повидимому, возможно было жертвоприношение и на любом алтаре вне храма.

С возвышением Дария получает особое значение культ ранее бывшего племенным, а также родовым богом Ахеменидов — Ахурамазды. Все победы Дарий приписывает Ахурамазде; в надписи в Накши-Рустам он говорит: «Когда Ахурамазда увидал эту землю в восстании, он вручил ее мне, сделал меня царем, — я царь. Волею Ахурамазды я вернул ее на надлежащее место. Все, что совершил, я совершил по воле Ахурамазды. Ахурамазда послал мне помощь. Ахурамазда защитил меня от всякого зла, и мой дом, и эту страну. Посему молюсь я Ахурамазде, да подаст мне это Ахурамазда».

В персидской религии издревле почитались два начала — благое и злое. Благим началом считался огонь, свет, злым началом — мрак. Благим началом считалась долина, где возможно было земледелие, где возможно было оседлое скотоводство. Злым началом считалась степь, где кочевали воинственные племена Востока, угрожавшие оседлым земледельцам и скотоводам смертью и разорением.

Древняя религия поклонения огню, согласно традиции, была оформлена Заратуштрой, «пророком» VI века, о существовании которого мы не знаем ничего достоверного. В этот период древние верования получают рационалистическую окраску. Благое начало было названо Ахурамазда (греч. Ормузд). Злое начало называлось Анхра-Майнью, что греки передавали как Ариман. По мифу последний не учил людей ни добру, ни земледелию, ни связанному с ним оседлому скотоводству.

В Авесте имеется миф, в котором отчетливо выступают черты этого дуализма, окрашенного уже политическим элементом. Ахурамазда и Анхра-Майнью борются за овладение царской властью. Ахурамазда посылает свой огонь, а Анхра-Майнью дракона, и в конце концов после целого ряда эпизодов слава остается у царя. Очень распространено было изображение царя, борющегося с драконом, — образ, несомненно напоминающий сцены из вавилонских рельефов борьбы с чудовищами.

В других частях Авесты мы читаем о противопоставлении духов доброго и злого:

«И были вначале эти два духа-близнецы, которые, по их собственному слову, зовутся добром и злом в мыслях, словах, делах.

Между ними сделали правильный выбор, обеспечили правильное, а не обеспечили дурное. И когда эти оба духа сошлись впервые, тогда определили они жизнь и смерть и [определили], чтобы в конце концов для неправоверных была самая злая участь, а для правоверных — награда за добрую веру».

Поэтому долг каждого перса выбрать между служением Анхра-Майнью и Ахурамазде.

Верующий маздеист должен был отречься от кочевой жизни, вести оседлую жизнь, не должен был предаваться грабежу скота и разрушению деревень оседлых скотоводческих племен, а повиноваться царской власти, которая выступала от имени этого «благого бога». В течение всей жизни происходит борьба между добрым и злым началом, но в конечном итоге победит доброе, и тогда наступит награда для тех, кто боролся со злом.

Цари Ахемениды после Дария были поклонниками Ахурамазды. Наряду с этим они поклонялись и другим божествам, в частности Митре, древнему богу солнца.

Искусство. Персидское искусство по своему характеру столь же эклектично, как и финикийское. Благодаря огромным средствам, которыми располагало государство, оно могло создавать огромные архитектурные памятники. Все области, подчиненные Персии, должны были участвовать в ее постройках, что мы видели уже на примере сузианского дворца. Рельефные памятники этого дворца выполнены малоазиатскими греками. Другие работы, связанные с сооружением дворца, исполнены другими народами, славившимися тем или другим ремеслом. Сами персы на постройке дворца, вероятно, выполняли лишь функции надзирателей.

Другим замечательным памятником персидского искусства является дворец Дария в Персеполе, где до сих пор поражают своим величием развалины стоколонного зала.

Если в архитектуре Персии сказалось влияние Малой Азии, то колонна была заимствована из Египта, а персидский рельеф создавался под влиянием Вавилонии, воспринявшей этот способ украшения стен от Ассирии. Из Вавилонии же идет и обычай ставить у ворот дворца духов-хранителей в образе фантастических существ.

Письменность. Персидское письмо также создается под влиянием Вавилона. Вероятно, уже при Кире создается персидское клинописное алфавитное письмо. Впоследствии документы начинают писать на арамейском языке, который ко времени Ахеменидов становится международным деловым языком. Литературных памятников до нас не дошло. Мы имеем лишь сравнительно небольшое количество исторических текстов и строительных надписей, написанных сухим протокольным языком и резко отличающихся от пышных и высокопарных текстов Месопотамии и Египта. Персидские тексты дают очень много для истории, но ничего не дают для изучения литературы того периода.

Персия не создала культуры, которая могла бы конкурировать с покоренными ею старыми культурными странами, но оказала большое влияние на иудейскую и христианскую религию. Культура Персии вошла также в состав эллинистической культуры.

Падение Персидского государства. Ослабление Персии началось со второй половины V века. Во времена Дария Персия была сильна. Дарий не остановился на тех завоеваниях, которые были сделаны Киром и Камбизом. Он значительно расширил Персидское госу-

дарство и решил завершить дело своих предшественников завоеванием далекой западной окраины тогдашнего культурного мира — греческих городов-государств. Эти города, которые в Малой Азии уже находились в подчинении у Персидского государства, казались легкой добычей. Персы захватывают острова Эгейского моря, а в 490 году Дарий посылает войско против афинян за то, что те помогали своим соплеменникам в одном из восстаний малоазиатских городов. Персидское войско, состоявшее из пехоты и конницы, было отправлено морским путем. Войско это было отборное, но сравнительно малочисленное. Сказки, которые рассказывали греки о том, что в этой экспедиции участвовало сто тысяч персов, — явная выдумка, потому что согласно греческому же сообщению высадка персидского войска длилась только полдня.

Поэтому надо согласиться с теми исследователями, которые определяют численность персидского войска около пяти тысяч человек. Против них было выставлено около десяти тысяч греческих воинов городского ополчения. При виде отборного персидского войска, которое до тех пор не знало поражений, греки были охвачены ужасом. Однако им удалось отбить нападение. Значение этой победы показательно тем, что греческое войско состояло не из наемников и не из профессиональных воинов, а из крестьян и ремесленников. Для такой армии выдержать атаку профессионального войска несмотря на то, что численностью они превышали персов, было делом трудным. Это было первое поражение, которое понесли непобедимые до того времени персы.

Победа греков произвела настолько сильное впечатление во всем тогдашнем мире, что в Персидском государстве тотчас же начинаются восстания, охватившие, между прочим, и Египет. Последние годы царствования Дария были, таким образом, заняты борьбой с восставшими областями.

Сын Дария, Ксеркс, вступив на престол в 486 году, усмиряет восстание и собирает большое для того времени войско, около ста тысяч бойцов, для похода на Грецию. Но среди этой армии только десятая часть состояла из персов, поскольку нельзя было оставлять страну без охраны. Против Греции, наряду с персидскими частями, шли многочисленные отряды покоренных народов. В 480 и 479 годах персидская армия потерпела два больших поражения.

Первая причина этих поражений заключалась в том, что коммуникационные линии у персов были чрезвычайно растянуты. Персидское войско было слишком удалено от базы. Греки же сражались в непосредственной близости от своих городов-государств с резервами, которые питали их.

Вторая причина заключалась в том, что персидское войско на этот раз состояло из сравнительно небольшого количества коренных персидских частей, и было сформировано, в основном, из жителей покоренных областей.

Таким образом, и второе нашествие персов потерпело неудачу.

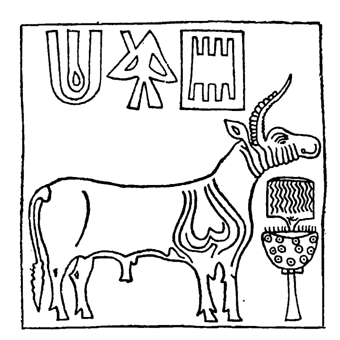
Персы должны были отступить. Вслед за ним начинается греческое наступление на Персидское государство, которое в конце концов завершилось завоеванием Персии Александром Македонским (в IV в.).

Завоевание Александра Македонского было облегчено тем положением, которое сложилось внутри самого Персидского государства. Хищническая откупная система разорила сатрапии и вызывала ненависть к самой Персии. Вызывала ненависть и та неслыханная роскошь, которой окружали себя персидская знать и царь; это богатство составлялось из податей, вносимых сатрапиями. В войске, которое выставил последний царь Дарий III, невелико было персидское ядро; основная масса его состояла из наемников, чужеземцев, которым были безразличны интересы Персии.

Главная причина падения Персидского государства лежит в том, что оно не представляло собой единого целого. Государство Кира, так же как и государство Александра, как говорит товарищ Сталин: «Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя».[1]

Серебряный дарик.

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1935 г., стр. 4.



Бык. Изображение на табличке из Мохенджо-даро.

ГЛАВА XXXIII

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Географическая среда. «Индостан представляет собою Италию азиатских размеров, Гималайские горы представляют собой Альпы этой азиатской Италии, равнины Бенгалии — равнины Ломбардии, Деканский хребет — Аппенины, а остров Цейлон — остров Сицилию. То же богатое разнообразие почвы и та же раздробленность политической карты», [1] — говорит Маркс в своей статье «Британское владычество в Индии».

Индостан по размерам своим превышает Европу (без европейской части СССР) и должен рассматриваться не как одна страна, а как целый материк.

С юга на север Индия имеет протяжение в 3000 км и столько же с запада на восток (в северной части). С севера Индия ограничена Гималаями, на юге она большим клином вдается в Индийский океан и омывается с востока Бенгальским заливом, с запада — Аравийским морем.

В северной части Индии протекают две большие реки —Инд и Ганг, берущие начало в горах Гималаев. Инд протекает в северо-западной части Индостана и принимает пять притоков, почему эта область получила название Пенджаба, что значит «Страна пяти рек». При впадении в Аравийское море Инд образует большую болотистую дельту. Область нижнего течения Инда носит название Синд; здесь западный берег гористый, а к востоку тянется выжженная солнцем, непроходимая пустыня Тар, или Индийская пустыня, которая отрезает область Инда от бассейна реки Ганга. Ганг также течет из ледников Гималаев и принимает большое количество притоков, среди которых наиболее значительным является р. Джамна. При впадении в Бенгаль-

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 346.

ский залив Ганг также образует большую дельту. Эта северная область Индостана в древности называлась Арьявартой, т. е. «страной арьев». Здесь, в долинах Инда и Ганга, сложилось древнейшее классовое общество Индии, создавшее уже в IV тысячелетии высокоразвитую культуру.

Арьяварта отделена от южной Индии горами, состоящими из множества непроходимых горных кряжей, покрытых лесами. Доступ на плоскогорье Декана, простирающееся к югу, чрезвычайно затруднен этим лабиринтом гор. Наиболее значительной горной цепью являются здесь горы Виндхья, со склонов которых стекают многочисленные реки. Эта горная область служила убежищем для племен, спасавшихся от нашествия других народов. Потомки этих древних племен и до сих пор продолжают жить в этих малодоступных горах, сохраняя свою самобытность.

Декан представляет собою обширное холмистое плоскогорье, окаймленное по берегу моря горами Западных и Восточных Гат. Множество рек, протекающих через Декан, впадает в Бенгальский залив — плоскогорье имеет уклон к востоку. Из этих рек следует упомянуть реку Годавари и реку Кистани (или Кришну), пески которой богаты золотом и алмазами.

У южной оконечности Индостана, отделенный от него морским проливом, лежит остров Цейлон, органически связанный с материком и когда-то, повидимому, составлявший с ним одно целое.

Климат Индии чрезвычайно разнообразен, но в основном определяется положением страны на юг от 25° сев. широты и потому отличается тропической жарой. Ветры с Индийского океана несут с собой большое количество влаги, которая частично перехватывается Виндхийскими горами и оседает ливнями в Декане. Остальная часть ветров встречает преграду в Гималаях, и дожди обильно выпадают в нижнем течении Ганга. Бихор и Ауд это самые сырые, но и самые богатые растительностью области. В Пенджаб муссоны Индийского океана не проникают; летом здесь дуют горячие ветры пустыни. Равнина покрывается зеленью только зимою, при разливе рек. Жизнь в долинах рек в значительной степени зависит от их разливов. В конце апреля начинается подъем воды в Ганге, вызванный таянием снега в Гималаях; к июню он достигает своего высшего уровня (до десяти метров), и только к октябрю река снова уходит в свое русло, оставляя на полях плодородный ил. Таким образом, Ганг играл здесь ту же роль, что в Египте Нил: он не только орошал, но и удобрял поля.

Очень разнообразна растительность Индии и ее животный мир. На севере, по склонам Гималаев, встречаются непроходимые девственные леса, по долинам рек — бамбуковые заросли и манговые рощи, в низовьях дельты — тростник, папирус и лотос, дальше от рек — пустыни. Здесь можно в джунглях встретить тигра; в древности водились носороги, слоны и львы. Реки изобиловали рыбой, а в зарослях тростника гнездились водяные

птицы. Разнообразие растительного мира и фауны обусловлено чрезвычайным плодородием страны и влажным жарким климатом теплицы.

Население. Индия — одна из самых густонаселенных частей мира: в ней насчитывается до 350 миллионов человек. Население Индии представляет собою большое разнообразие племен и народов, образовавшихся в результате многовековых процессов смешения.

Индостан с трех сторон (с запада, с юга и с востока) омывается морями; с севера он отрезан высочайшими горами Гималаев и оказывается, таким образом, в известной мере изолированным от прочего мира. На юге Индостана уже в древности появились племена, родственные малайским народам. На северо-западе, где горы Гималаев и Гиндукуша переходят в незначительные отроги Соломоновых гор, уже издавна имелись горные перевалы и дороги. Именно через эти перевалы северо-западной Индии проникали всевозможные народы, оседавшие по долинам рек.

Древнейшим населением Индостана считаются дравиды, которые не представляют собою единой этнической группы, хотя говорят на родственных языках. В последнее время высказывались предположения, что дравиды не являются все же коренным населением Индии и что до них жили так называемые «до-дравиды», представители которых сохранились до сих пор, например, в племени мунда. До-дравиды были покорены дравидами и смешались с ними. Дравиды, возможно, населяли весь Индостан. Во всяком случае мы находим их и на крайнем юге и в центре Декана и даже в Белуджистане, в лице племени брагуи, которое также причисляется к дравидическим племенам.

Древнее население так называемых дравидов и до-дравидов создало в Индии высокую культуру, погибшую в результате нашествия новых племен, которые получили название «арьев». «Арьи» представляли собой восточную группу народов, говорящих на языках индоевропейской системы: к ним принадлежат племена, населяющие, кроме Индии, еще Иранское плоскогорье и некоторые области Средней Азии.

Эти племена вторглись, повидимому, в конце III тысячелетия в долину Инда и затем распространились по всему Индостану. Об этом вторжении будет сказано ниже. Позднее с Востока по Брахмапутре проникают китайские племена. Затем с Запада сюда приходят греки, скифы, арабы и многие другие народы. Индия за долгое время своей истории подвергалась неоднократным завоеваниям. Следы пребывания тех или других народов оказали свое влияние на пестроту населения Индии.

Древнейший период истории Индии. Древнейшая история Индии представляет много трудностей для изучения. Для этого периода мы имеем очень незначительное количество документов. Исторических сочинений индусы не имели; напротив, господ-

ствующий класс брахманов (жречества) старался изгладить всякое воспоминание о прежних временах, чтобы народ считал те понятия и учреждения, которые установились позднее, существующими извечно.

Только благодаря раскопкам, произведенным в последние годы, наш материал о древнейшем периоде Индии значительно обогатился. Мы располагаем теперь материалами по истории Индии, начиная с древнего каменного века.

Раскопки в Мохенджо-даро. Раскопки, начатые в 1921 году в Синде в Мохенджо-даро, в Пенджабе, а затем археологические изыскания в восточном Иране открыли культуру, охватывавшую всю западную часть Индостана и достигавшую, может быть, Южного Двуречья. Памятники Мохенджо-даро имеют много сходства с археологическими памятниками Месопотамии и Элама. Археолог Маршалл датирует эту культуру примерно 3250—2750 годами.

Город. В Мохенджо-даро перед нами встает картина большого города с прямыми широкими улицами, с правильной планировкой на кварталы. Углы домов на поворотах закруглены, чтобы не мешать движению. Городских стен обнаружено не было, хотя, правда, окраины еще недостаточно исследованы. Материал зданий — плоский обожженный кирпич — отличается от месопотамского плосковыпуклого кирпича. Дома были обычно двухэтажные, имели каменный фундамент; крыши были, повидимому, плоские. Имеются уличные колодцы, устроенные в стенах домов, так что можно было брать воду и со двора и с улицы. Прекрасно организована была городская канализация, причем главные магистрали этих труб достигали в диаметре двух метров. Каждый дом имеет бассейн, имеются кладовые; любопытно, однако, что очагов до сих пор не найдено.

Земледелие и скотоводство. В кладовых были найдены остатки пшеницы (эммера), ячменя, финиковой пальмы, овощей, что говорит нам о развитом земледелии. Орудий земледелия найдено не было, так что говорить о технике обработки земли мы пока не можем. Найдено много костей различных домашних животных — вола, барана, свиньи, верблюда, домашней птицы (курицы), кости рыбы, как морской, так и пресноводной, обломки щитов черепахи. На печатях, которые были также обнаружены, встречаются изображения носорога, слона. В верхних слоях найдены кости собаки, лошади.

Ремесло. Из металлов были обнаружены золото, серебро, медь, свинец, олово. Это указывает на существование обмена, охватывавшего большую территорию: золото шло с юга Индии и из окрестных областей, серебро — очевидно из Афганистана, так же как и медь. Были найдены украшения из разных ценных камней (сердолика, ляпис-лазури и др.), различные предметы вооружения — топоры, копья, кинжалы, стрелы, пращи; причем наряду с медным (или, может быть, бронзовым) оружием в этот период

не потеряли еще своего значения каменные. Вся домашняя утварь сделана из камня — встречается и глиняная посуда, причем орнамент на сосудах обычно или животный или растительный. Встречается также и геометрический орнамент, и исследователи находят в нем некоторые общие черты с орнаментом сосудов, найденных в районе Анау (Туркестан) и в Сузах (Элам), что указывает, повидимому, на общность культур.

Мера веса. Были обнаружены также гири из камня, причем соотношение между ними показывает десятичную систему меры веса. Таким образом, никакой связи с шумерской системой веса здесь нет. В Шумере была, как известно, шестидесятиричная система счисления.

«Дворцы». Среди памятников любопытны так называемые дворцы. В основном по планировке эти «дворцы» отличаются от обыкновенных домов своими большими размерами. Было обнаружено здание, которое получило название бани, громадное здание с плавательным бассейном, очевидно для общего пользования. Возможно, оно имело культовое назначение.

Религия. Среди памятников искусства следует указать на скульптуру, стоявшую на большой высоте. Несомненно, что дошедшие до нас статуи были культовыми изображениями. Часто встречаются глиняные статуэтки великой богини-матери, фигуры богини, связанной с плодородием, земледелием, растительностью.

Также встречаются изображения божества, покровителя животных; обычны фантастические изображения животных на разных отпечатках и печатях. Иногда встречаются сюжеты, которые мы можем найти и в древнейшем Двуречье, что свидетельствует о связи древней культуры Инда с Месопотамией.

Найдены были разного типа погребения. В Хараппе погребения производились в большом глиняном сосуде (часто туда клалась пища для покойного). В Мохенджо-даро существовало сожжение трупов.

Письменность. Любопытна найденная письменность. Она до сих пор еще не прочитана. Эта письменность насчитывает 396 иероглифических знаков; встречаются фигуры стоящего человека с луком, изображения рыбы, ноги, стула, стола и целого ряда других предметов. Пытались сравнивать это письмо с древнейшим письмом Элама, но это не привело ни к каким результатам. Сравнивали его также с эгейской письменностью, которая тоже пока еще не прочитана. В результате этих сравнений можно было установить лишь некоторые общие черты, свойственные многим примитивным системам письма, переходящего от пиктографического к иероглифическому.

Направление строк идет сначала справа налево, затем слева направо, потом опять справа налево. Есть предположение, что от этого письма произошло древнеиндийское письмо брахми; раньше думали, что письмо брахми произошло от финикийского

алфавита. В 1939 г. Ф. Грозный, известный своей дешифровкой хеттской письменности, приступил к дешифровке древнего индийского письма. По его мнению, это письмо стоит в родстве с хеттскими иероглифами. Но Грозный пока прочел только небольшое число слов, главным образом собственные имена. Таким образом это письмо пока еще нельзя считать прочитанным и говорить о нем подробнее не представляется возможным.

Значение находки индской культуры. Находка древней индской культуры имеет для науки громадное значение. Эти находки не оставляют камня на камне от построений буржуазной науки, начинавшей историю Индии с прихода «арьев». Раскопки дали целый ряд фактов, которые требуют еще изучения, но уже и сейчас можно сделать из них некоторые предварительные выводы.

Наличие письменности, поселений городского типа, наличие развитого искусства, наличие обмена — говорит в пользу предположения, что в Мохенджо-даро мы имеем дело с обществом, выходящим из стадии первобытно-общинного строя. Дома разных размеров, хотя и построенные по одному плану, свидетельствуют о существовании экономического неравенства. Город, вероятно, не был городом сельскохозяйственного типа подобно городам Шумера, так как в нем не найдено орудий труда земледельца. В связи с этим может быть поставлен вопрос о снабжении города, о наличии сельских поселений вокруг него, о разделении труда земледельца и ремесленника. В пользу этого говорит высокоразвитая техника ремесла. Наличие обмена как внутри Индостана, так и за пределами его подтверждается не только находкой каменных гирь, но и некоторыми материалами (металл, камень) не индийского происхождения. Находка же в Кише каменной пластинки, украшенной изображениями геральдического животного и древнеиндской надписью, говорит о существовавших связях с древним Шумером.

Повидимому, в Мохенджо-даро мы имеем дело с возникающим классовым обществом, в котором еще сильны были элементы родового строя. Еще не сформировавшееся государство Инда не смогло противостоять вторжению варварских племен, которые подчинили себе Пенджаб и Синд. После долгой борьбы с коренным населением пришельцы восприняли их культуру и частично смешались с ними, но на некоторое время это вторжение более примитивных племен задержало развитие индийского общества.

Вторжение «арьев». Существует предположение, что в конце III тысячелетия до н. э. в долину Инда вторглись племена, которые не имели еще общего этнического названия и не являлись единой народностью. Мы не знаем, откуда пришли эти племена, но вероятно все же они пришли из областей, лежавших северо-западнее Пенджаба. Естественные границы Индии хорошо охраняли ее от иноземного вторжения; горные цепи Гималаев, тянущиеся на севере, представляют непреодолимое препятствие. Но

на северо-западе в горах, спускающихся к Персидскому заливу, имеются горные перевалы, которые и до сих пор не потеряли своего значения военных и торговых путей: здесь в древности проходили все племена и народы, достигая долины Инда.

Что же толкало племена «арьев» к переселению в долину Инда? На этот вопрос мы находим ответ у Маркса: «...давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе».[1]

Первые поселения этих варварских племен не шли дальше северо-запада Индии, Пенджаба, и здесь они должны были столкнуться с коренным населением. Многие племена были вытеснены в леса и горы, многие были подчинены завоевателям, которые называли себя «арьями», т. е. благородными, — термином классовым по отношению к покоренным; со многими племенами завоеватели слились, восприняв созданную ими культуру.

Патриархальные общины. Исходя из материала Ригведы, мы при всей осторожности, с какой следует относиться к этому источнику, помня позднейшие наслоения в нем, можем все же составить себе картину того периода в истории Индии, который получил в науке название ведического периода.

Племена «арьев», занявшие территорию Пенджаба, стояли еще на довольно примитивной ступени общественного развития; во всяком случае они были примитивней тех народов, культуру которых в бассейне Инда они уничтожили. «Арьи», как называли себя завоеватели, насчитывали много племен. Ригведа называет девять племен, но, вероятно, их было гораздо больше. Наиболее значительными были племена бхаратов, поравов, тритсов и др. Племя в свою очередь разделялось на родовые «колена» *(джана)*, во главе каждого из которых стоял родовой старейшина. Племя управлялось племенным вождем *(раджан)*; власть эта была ограничена советом общины *(самити)*. В этот период мы имеем развитую общину, в которой можно найти еще и пережитки матриархата. Так, например, многие герои Ригведы названы по имени матери. Пережитки прежних отношений сказываются и в терминологии родства. Отец, например (*питар*, т. е. «защитник»), был термином, которым обозначались все старшие в роде по отно-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 278—279.

шению к младшим. Слово «сын» *(напат)* — означало потомка вообще (санскр. «внук»); древние пережитки видны и в существовании браков между сестрами и братьями. Но патриархальные отношения в этой общине уже вполне сложились. «Муж» *(пати)* является термином, который означает собственно «властитель», «господин»; брат мужа *(девар* — деверь) после смерти мужа приобретал права на его жену; надо отметить также наличие брака путем умыкания и купли жены, против чего выступало позднейшее законодательство Ману. Положение женщины в семье, где она рассматривалась как собственность сначала отца, а потом мужа, взгляд, что обязанность женщин рождать сыновей (рождение дочери — это несчастие), наличие, наконец, полигамии, — все это дает картину сложившейся патриархальной общины.

Основным занятием этих племен было скотоводство; не потеряла еще, однако, своего значения и охота. Первое место в хозяйстве занимало скотоводство: овцы разводились для шерсти, быки были мясным скотом, они использовались и как тяговая сила. Ригведа упоминает, кроме того, коз, буйвола, осла, свинью. На первом месте стояло разведение крупного рогатого скота; молочное хозяйство играло большую роль. Вождь племени назывался даже *гопа*, т. е. «охранителем коров», а войны велись прежде всего из-за стад, из-за лучших пастбищ; самое слово «война» *(гавишти)* значило собственно «желание добыть коров», а воин назывался «бьющийся за коров».

Образование сельских общин. Постепенно оседая в долине Инда, племена переходят к земледелию и к оседлой жизни. Возникающее разделение труда, возможность накопления богатств в руках знати приводит к тому, что эти родовые общины перерастают в сельские или земледельческие общины, в которых скотоводство все же не теряет своего значения. Жили эти племена в деревнях *(грама)*, в домах построенных из глины. Это были поселения, ничем не защищенные от нападения соседних племен. Каждая деревня имела своего старосту *(грамани)* и состояла из нескольких семейных общин *(вис)* со своим старейшиной *(виспати)*. «Эти семейные общины — говорит Маркс, — зиждились на домашней промышленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли, — комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер».[1] Ригведа перечисляет некоторые специальности, выделившиеся в общине. Это плотники, занятые изготовлением колесниц и повозок; врачеватели, бывшие колдунами и знахарями; кузнецы, изготовлявшие оружие и орудия труда из бронзы; певцы, занятые при богослужении и хранившие в своих песнях народные предания и др. Имущественное неравенство среди членов общины сказывается в появлении сильных и богатых родов, накапливающих в своих руках богатства, называв-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 351.

шихся — *махаван*, т. е. богатые, знатные. Большое значение в общине имел жрец, *брахман*, считавшийся посредником между людьми и богами. Племенной вождь, раджа, закрепляет власть в своем роде и превращается в царя племени, состоящего из множества маленьких общин. Брахманы были часто очень близки к царям, руководили их действиями посредством молитв и гаданий. Один из гимнов Ригведы говорит: «Спокойно в своем жилище живет тот царь, всегда обильна у него еда, преклоняется перед ним народ, когда царю предшествует брахман. Непобедимый, завоевывает богатство противников и одноплеменников тот царь, который радеет брахману, нуждающемуся в помощи: ему помогают боги».

Войны между племенами. Между племенами происходили постоянные войны, но теперь уже не только из-за стад и пастбищ, но также из-за лучших земель. Постоянной армии не было, и каждый член общины, способный носить оружие, имел право и был обязан защищать интересы общины. Армия состояла из ополчения, где каждый вооружал себя сам. Рядовые общинники составляли пехоту, вооруженную луками и стрелами, копьями и дротиками, причем, хотя медное (бронзовое) оружие было давно известно, не потеряли, однако, своего значения и каменные топоры и наконечники для стрел. Знать составляла отряды колесничих (всадников еще не было) и имела латы и панцырь. Во время нападения неприятеля жители спасались в крепостях, представлявших из себя места, огороженные земляным валом или каменными стенами циклопической кладки. Здесь они на время войны укрывались от опасности со своими стадами.

Иногда мы видим союзы нескольких племен, воюющие против общего врага (в Ригведе рассказывается, например, о борьбе десяти племен против царя племени тритсу). Войны между племенами ведутся в борьбе за гегемонию, когда одно племя стремится подчинить себе другое и наложить на него дань. При этом пленные, захваченные в бою, превращались в рабов. Особенно ожесточенной была борьба с коренным населением Индии, которое Ригведа называет *дасью* («враги») или *млеччха* («варвары»).

Это были многочисленные племена, которые не представляли собой одной этнической группы, также как и пришлые арьи. Эти дасью постепенно были вытеснены в горы, где их потомки частично, может быть, сохранились и до сих пор под именем так называемых дравидических и до-дравидических племен. Некоторые племена слились с победителями, некоторые из них сохранили самостоятельность и были равноправны с завоевателями. Часть же коренного населения была превращена в рабов. Уже очень рано дасью (*даса*) стало синонимом раба.

Земледелие. Захваченные земли становились собственностью всего племени, всей общины. О частной собственности на землю еще не может быть и речи. Земледелие было связано с напряженной борьбой с природой, с разливами реки, с той борьбой,

которую можно было осуществить только силами всей общины в целом. Обработка земли достигает сравнительно высокого развития. Появляется плуг, запряженный парой быков, появляется искусственное орошение из колодцев.

Социальные группы. Вместе с общим ростом производительных сил, накоплением богатств и возрастанием имущественного неравенства, мы можем наблюдать появление различных социальных групп. Уже один древний гимн Ригведы просит богов благословить благочестие *(брахма)* и молитвы, власть *(кшатрам)* и богатырей, коров и общинников *(виса)*. Таким образом, здесь уже есть намеки на возвышение жречества — брахманов и воинов — кшатриев над прочими членами общины. Видеть в этих социальных группах замкнутые касты, как это делают некоторые исследователи, конечно, не следует. Касты появляются, как это мы увидим, значительно позднее. Те войны, которые велись между племенами, и то положение, которое в войне занимала знать, — все это должно было поставить военную знать, кшатриев, на одну ступень с брахманами.

Религия. Религиозные представления ведического периода были чрезвычайно примитивны. Они возникли в те времена, когда человек находился в большой зависимости от природы. Это сказывается в олицетворении сил природы. Древнейшие боги, асуры, это боги природы: Варуна — бог воды и ночи, Дьяус Питар — небо, Притиви — мать земли, Митра — солнце, Агни — огонь, Адити — олицетворение женского начала; обоготворяется даже напиток Сома. Вся природа была полна различными духами; почитались духи гор, лесов, вод и т. д.

Большую роль играл культ предков — питаров, через которых люди связываются с загробным миром. К концу ведического периода, с переходом к оседлому скотоводству и земледелию, изменяется религия кочевого пастушеского народа. Делаются первые попытки систематизировать примитивные религиозные воззрения, попытки создать пантеон. Древние божества, бывшие ранее олицетворением сил природы, приобретают общественные атрибуты, становятся выразителями социальных сил. Так Индра, бог грозы и бури, одновременно является и богом войны. Он становится во главе пантеона; его окружают демоны ветров — Маруты. Соответственно изменяют лицо древние боги, которые называются теперь дэвами. Появляются специально скотоводческий бог — Рудра, бывший раньше охотником и покровителем лесов, Пушан — бог земледельцев. Другие боги рассматриваются как боги охранители мира, это адитья, древнейшие божества, считающиеся происходящими от Адити, их матери, тогда как отец их неизвестен (в этом также видны следы матриархата). Адитиев было семь и первым среди них был Варуна, затем Сурья, Савитри, Митра и другие. Они рассматриваются как различные олицетворения солнца; впоследствии число их было доведено до двенадцати.

В это же время появляются первые мифы о Соме и об изобретателе ее Трате, о Матарисване, принесшем огонь, и о первом кузнеце Трастаре. Появляются мифы астрального характера — о Яме и Ями и о близких Диоскурам близнецах Асвинах, постоянно помогавших человеку в его делах.

Расселение племен. Постепенно индийцы заселяли всю область Пенджаба, дойдя до восточного притока Инда, реки Сутудри (современная Сетледж). Спустились они также и вниз по течению Инда, достигнув берегов Аравийского моря. По среднему течению Инда с востока тянется непроходимая пустыня Тар; поэтому племена дальше на восток проникли из Пенджаба в верховья Ганга и его притоков. Мы не имеем возможности проследить расселение индийцев по Гангу и Джамне, но отголоски воспоминаний о долгой и кровопролитной борьбе с коренным населением, оттесненным в леса и горы, звучат еще в индийском эпосе — Махабхарате и Рамаяне.

Махабхарата. Махабхарата возникла из тех военных песен и народных преданий, которые создавались во время войн. Передаваясь из уст в уста, основное ядро обрастало все новыми эпизодами, а старые перерабатывались, и постепенно стирались черты воинственного и героического эпоса. Основным сюжетом поэмы является рассказ о борьбе десяти племен.

Здесь рассказывается, как десять племен под руководством жреца Вишвамитры из племени бхаратов направились против племени тритсу, осевшего в верховьях реки Джамны, притока Ганга. В конце концов, после долгих сражений тритсу были оттеснены на восток, где слились с племенами косалов, а бхараты заняли их территорию. Тритсу основали свою столицу Айодхию на одном из притоков Ганга и образовали свою «солнечную» династию. Бхараты же, осевшие на Джамне, основали город Гастинапур — «город слонов», где царствовала их «лунная» династия. Через шесть поколений царь бхаратов, Самравана, женился на царевне из солнечной династии, и их сын Куру был основателем новой солнечно-лунной династии. В дальнейшем Махабхарата рассказывает, что царский род Куру раздвоился на две враждебных ветви, на племя Куру и племя Панду. Между ними началась борьба за престол в Гастинапуре. К Панду присоединились племена, жившие на юге от Ганга до гор Виндхья, за Куру были народы, населявшие область между Гангом и Гималаями. Все народы Арьяварты приняли участие в битве, длившейся восемнадцать дней. Даже боги участвовали в сражении, помогая то одной, то другой стороне. Наконец, Панду вышли победителями и торжественно заняли Гастинапур, где их цари продолжали лунную династию еще двадцать поколений.

В поэме Махабхараты сохранились отголоски действительной борьбы между племенами, вторгавшимися в пределы долины Ганга. Оседая здесь, племена все чаще наступают на чуждое им население Декана, что нашло свое отражение в другом эпическом произведении, Рамаяне.

В Рамаяне рассказывается, что в Айодхии жил царь Дашарата, который считался потомком Ману, праотца людей. У Дашараты от трех его жен было три сына: от Каусальи, родом из Косалы, — Рама; от Кайкейи — Бхарата и от Сумутры — Лакшмана. Наследником царя был назначен Рама, старший сын, превосходивший всех геройством, добродетелью и благочестием. Но

Кайкейа добивается от царя, чтобы он изгнал Раму и назначил наследником ее сына Бхарату. Дашарата долго не соглашался, но наконец уступил настойчивым просьбам Кайкейи. Узнав о решении отца, Рама заявил, что «нет обязанности более священной и нет большей добродетели, как то, чтобы верно исполнять слова отца, всегда повиноваться родителям». Рама, в сопровождении своей верной жены Ситы и преданного брата Лакшмана, отправляется в чужие страны. «Так шли они много дней и перешли много рек и видели много чуждых деревень и застрелили много зверей в лесу».

Между тем царь Дашарата тоскует о своем сыне и наконец умирает, а брат Бхарата, узнав о кознях своей матери и смерти отца, решается отправиться на поиски Рамы. Но Рама отказывается вернуться до истечения четырнадцатилетнего срока, и Бхарата стал править царством, как наместник Рамы до его возвращения. Далее рассказывается о борьбе Рамы с разными чудовищами и исполинами юга. Он мечом Индры убивает тысячи Ракша и возбуждает этим гнев их царя Равану, сидевшего на острове Ланке (Цейлоне). Равана хитростью похищает Ситу, жену Рамы, и тот, вступив в союз с обезьянами, переходит море и сражается с царем Ракша. Семь дней продолжалась битва, и наконец Равана был убит, а Сита освобождена. К этому времени прошли четырнадцать лет изгнания, Рама возвращается в Айодхию и правит долго, мудро и справедливо.

В этой поэме Рама является только орудием в руках богов. Его борьба с исполинами и звероподобными жителями лесов, мешающими выполнению религиозных обрядов и даже пожирающими жрецов — все это подвиги, возлагаемые на него богами.

В этой поэме Рама выступает как образец добродетели; богобоязненность ставится здесь на первое место, сильно изменяя первоначальный воинственный характер поэмы. В этой переработке древнего эпоса видно, как возвышающееся жречество (*брахманы*) отодвигает на второй план военную знать (*кшатриев*).

Государство в долине Ганга. В конце II тысячелетия племена окончательно перешли к жизни земледельцев. Храмы богов, стоявших во главе общин, сосредоточивали все богатство и имущество общины, управляемой жречеством. Общины составляли основную ячейку индийского общества, «... эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма», говорит Маркс.[1] К этому времени, в конце II — в начале I тысячелетия, в долине Ганга возникло несколько маленьких независимых государств, состоявших из многочисленных общин, объединенных под властью центрального правительства. Состояние царств, их государственное устройство и общественный строй — освещаются так называемыми «законами Ману».

Законы Ману. Законы Ману неоднократно подвергались переделкам и редактированию и окончательное оформление получили в первых веках нашей эры.

Несмотря на то, что законы Ману записаны довольно поздно, все же мы можем найти в них отголоски более древнего периода. Для предания законам большой силы и авторитета они приписываются легендарному первому человеку Ману, который полу-

[1] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч., т. IX, стр. 351.

чил их от богов, а постоянные ссылки на авторитет Вед стараются подчеркнуть древность обычаев и порядков, фиксированных законом Ману.

Власть царя. Прежде всего следует отметить централизованный аппарат восточной деспотии, во главе которого стоит царь с неограниченной властью. «Царь, — говорит закон, — является первейшим из всех сотворенных существ. Подобно солнцу, он жжет глаза и сердца, и никто на земле не может даже смотреть на него». Все подданные должны быть покорны царю, «человек не должен нарушать тех законов, которые издает царь».

Власть царя поддерживается наказаниями, и закон гласит так: «Только наказания правят всеми созданными существами, только наказания охраняют их. Наказания бодрствуют, когда они спят». Однако, только в том случае «если наказания наложены надлежащим образом после соображения, они делают народ счастливым, но наказание без соображения — губит все». В этот период складывалась деспотическая власть царя, которая считалась божественной.

Государственный аппарат. В этот же период складывалась централизованная система государственного аппарата, которая осуществляла власть царя. Царь назначал, согласно законам Ману, министров, которые составляли его совет. Были всевозможные чиновники, заведующие разными отраслями. Как говорится в законе, «сколько нужно человек для надлежащего исполнения дел, столько искусных и способных людей, чуждых лености, он [т. е. царь] должен назначить». Особые сборщики податей собирали налоги.

В городах были поставлены градоначальники «в высоком чине, напоминающие планеты среди звезд». В деревнях были поставлены сельские старосты; как говорит закон, «царь должен назначать сельского старосту для каждого селения, десятского для десятка, старосту для двадцати, сотского для сотни, тысяцкого для тысячи». Эти старосты обеспечивались земельными участками, размеры которых стояли в зависимости от занимаемого ими положения.

Для контроля над действиями чиновников и других должностных лиц назначались особые наблюдатели.

Все служащие получали вознаграждение деньгами, причем средний служащий получал в три раза больше низшего, а высший — в шесть раз больше. Кроме того, все они получали два раза в год одежду и ежемесячно по одной мере зерна (около одиннадцати килограммов). Придворным же, которые должны были назначаться из «людей робких», как говорит закон, полагалось ежемесячное содержание в зависимости от их положения.

Армия. По сведениям законов Ману царь располагал хорошо организованным постоянным войском из числа кшатриев, возникновение которого относится к изучаемому периоду. Отряды размещались во всех селениях для охраны страны и порядка. Мы узнаем о различных построениях войска, например «в виде палки», т. е.

развернутым фронтом, «в виде повозки», т. е. клином, «вепря», т. е. ромбом, и т. д. В армии различались шесть частей — слоны, конница, колесницы, пехота, командование и инженерные части. Большое значение придавалось дорогам, крепостям и организации военных действий. «Один стрелок, — говорится в законе, — помещенный на городском валу, сопротивляется сотне неприятелей». Крепость должна быть снабжена «оружием, деньгами, транспортными животными, брахманами, ремесленниками, кормом для скота и водою». «Царь всегда должен быть готов к войне, всегда должен показывать свою силу, всегда должен скрывать свои секреты и всегда должен подмечать слабую сторону врага». Для этого существовала целая армия шпионов, которые следили за действиями пограничных государств. Для завоевания соседнего государства пользовались всеми средствами, как, например, поощрением «к мятежу тех, которые поддаются таким поощрениям».

Война носила грабительский характер; все, что нельзя было унести с собой, подлежало уничтожению: опустошались владения врага, подножный корм, провизия, топливо, вода; разрушались пруды, валы и рвы; все остальное уносилось, как добыча. «Колесницы и лошади, слоны, зонтики, деньги, зерно, скот, женщины, припасы всякого рода, малоценные металлы — принадлежат тому, кто завладел этим отдельно, одержав победу»; царь же получал отборную часть добычи, а «что не было взято отдельно, то должно быть царем распределено между всеми воинами». Одержав победу, царь ставил в покоренной стране родственника побежденного царя и накладывал дань, но он не должен был только стремиться увеличить свои средства за счет завоеванной страны: он должен был стремиться приобрести в ней опору для дальнейших завоеваний.

Налоги. Содержание всей этой массы чиновников, служащих, придворных, армии требовало, конечно, соответствующих налогов, которые собирались ежегодно. Законы говорят, что пятидесятая часть приращения скота может быть взята царем, восьмая, шестая или двенадцатая часть жатвы. Кроме того, подать состояла из мяса, меда, масла, плодов, овощей и разных изделий ремесленников. Только ученые брахманы были свободны от податей даже в тяжелое для государства время. Взимались пошлины с купцов; ремесленников царь мог заставить работать на себя один день каждый месяц.

Одним словом, «как пьявка, теленок и пчела собирают свою пищу, так должен и царь взимать со своего государства умеренную ежегодную подать».

Резюмируя обязанности царя к государству, законы Ману говорят: «Как Индра посылает обильный дождь в течение четырех месяцев дождливого сезона, так и царь... должен источать благодеяния на свое государство..

«Как Солнце, в течение восьми месяцев, неощутительно поглощает воду своими лучами, так и царь должен извлекать подати из своего государства... Как Ветер движется, проникая во все созданные существа, так и царь должен проникать повсюду при помощи своих шпионов, и т. д.»

Кастовый строй. Храмы богов, стоявших во главе маленьких общин, были не только религиозными центрами. Здесь сосредоточивалось все богатство и имущество общин, управляемое жречеством. Брахманы держали в своих руках и религию и науку; только они могли обучать народ священным текстам Вед, остальные свободные могли только изучать Веды. Брахманы считались посредниками между людьми и богами, все больше и больше обособлялись они от прочего населения, превращаясь в замкнутую касту. В ведический период мы можем наблюдать отдельные социальные группы, свойственные развитому родовому строю. Упоминаемые в Ригведе брахманы, кшатрии и народ *(вис)* не составляют еще каст, как это полагают некоторые буржуазные исследователи, стремясь доказать извечность кастового строя. Только разлагающееся родовое общество с примитивным разделением труда порождает кастовый строй. «Мы не должны забывать, — говорит Маркс, — что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством...» [1]

Многоплеменность населения, обособленность и сохранение самобытности, пережитки родовых отношений при существовании эндогамности племен, наконец, их религиозная разобщенность — все это вело к примитивным формам кастового разделения труда. В «Нищете философии» Маркс говорит о правилах разделения труда в обществе: «Рожденные первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позже». [2]

Законы Ману закрепляют прежде всего господствующее положение свободных над покоренными племенами, а среди свободных — господствующее положение брахманов.

Религиозное освящение кастового строя. Разделение общества на четыре касты рассматривается законом как установление божества, существующее извечно. «Для благосостояния миров он [т. е. бог] создал из своих уст, рук, бедер и ног — брахмана, кшатрия, вайшия и шудру», — говорится в законе, причем обязанности этих каст также строго разграничены.

«Брахманам он назначил обучение Веде и изучение, жертвоприношение для своей собственной пользы и для других. Кшатрию он повелел охранять народ, давать дары, предлагать жертвоприношения, изучать Веду. Вайшию — пасти скот, давать дары, предлагать жертвоприношения, изучать Веду, торговать, ссужать деньги и обрабатывать землю. Одно только занятие владыка предписал шудре — безропотно служить этим трем кастам».

Охранителем этого порядка был царь: «Царь создан [быть] защитником каст и религиозных возрастов, которые все, согласно их положению, исполняют разные свои обязанности». Несомненно, в то время, к которому относится возникновение законов Ману, не существовало такого «идеального» кастового строя, но, конечно, законы до некоторой степени отражают действительность.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 351.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. V, стр. 385.

Положение каст. Законы подчеркивают главенствующее положение трех высших каст над шудрами, которые находятся на положении рабов. Свободные, в отличие от шудры, считались «дважды рожденными» и носили на плече особый пояс, состоящий из тройного шнура, который возлагался на них с соответствующими церемониями. За оскорбление свободного шудра подвергался тяжелым наказаниям. Бесправное положение шудры обусловливалось тем, что он «не имеет ничего, принадлежащего ему в собственность».

«Шудра, купленный или не купленный, может быть принужден оказывать услуги; ибо он создан Самосущим быть рабом брахману. Шудра, даже отпущенный своим хозяином, не освобождается от рабства, ибо оно врождено ему». Рабы бывают семи родов: взятый в плен под знаменем, служащий за содержание, родившийся в доме своего хозяина, купленный или подаренный, доставшийся по наследству и ставший рабом вследствие наказания. Таковы источники рабства.

Все общество держалось трудом непосредственных производителей, каковыми были шудры (рабы) и вайшии (крестьяне); это прекрасно понимает закон, когда говорит: «если бы эти две [касты] уклонились от своих обязанностей, они повергли бы [весь] этот мир в разрушение». Вайшии представляют из себя касту свободных, занятых полезным трудом, — это были пастухи, земледельцы, ремесленники, торговцы. Наверху общества стояли кшатрии и брахманы, но уже в начале I тысячелетия кшатрии должны были уступить главенство брахманам, которые всеми мерами стремились закрепить свое положение в обществе, всячески подчеркивая свое первенство перед кшатриями. «Знайте, — говорится в законе, — что десятилетний брахман и столетний кшатрий относится один к другому как отец и сын; но из них двоих брахман есть отец». Привилегии брахмана перед кшатрием определялись следующим образом: «Три возложенные на брахмана дела воспрещены кшатрию: обучение, жертвоприношение для других и, в третьих, принятие подарков». И в других отношениях брахманы стоят во главе общества, получают всевозможные преимущества.

Касты представляют собою замкнутую организацию; переход из одной касты в другую был невозможен. Например, шудра, если бы он был благочестив и кроток, мог достичь высшей касты только в своей будущей жизни. Браки между представителями различных каст были возможны, но предусматривалось, что «шудра может жениться только на шудрянке, вайший — на последней и на женщине своей касты, кшатрий может взять жену из двух предыдущих и из своей касты, брахман — из трех предыдущих и из своей касты». Потомки смешанных браков и незаконнорожденные (*апасада*) причислялись к низшим кастам, занятым презренным трудом. Нечистыми считались чандалы (рожденные от брака брахманки и шудры). Чандалы жили вне селения и не могли общаться с другими людьми; им поручались

работы на кладбище, уборка трупов, «по приказу царя они должны всегда казнить преступника», и т. д.

Семейное право. Законы также тщательно излагают семейное право и право наследования. Женщина в этом обществе была бесправным существом; она ничего не могла делать по своей воле и всегда была во власти мужчины: «В детстве женщина должна подчиняться своему отцу, в молодости — своему мужу, по смерти мужа — своим сыновьям».

Ее прямой обязанностью было «собирание и расходование имущества, содержание всего в чистоте, исполнение религиозных обязанностей, приготовление пищи и попечение о домашней утвари».

Закон предусматривает восемь различных форм брака; из них некоторые считаются законными для брахмана, другие для кшатрия, некоторые же запрещаются законом. Обычно при браке жених должен был дать отцу невесты корову и быка или две пары; похищение *(умыкание, брак ракшаса)* дозволялось только кшатриям. Обманное обольщение девушки *(пайчаша)* и получение невесты за плату *(асура)* — запрещались. Как правило, законы Ману рекомендуют мужчине брак на женщине из своей или нижестоящей касты. Развод был возможен со стороны мужчины по вине жены, а именно: «...жена, не рождающая детей, может быть переменена на восьмом году, рождающая детей мертвыми — на десятом, рождающая только девочек — на одиннадцатом, но сварливая — немедленно». Женщина же ни в каком случае не имела права требовать развода. Строгость брака охранялась законом со всей суровостью; прелюбодеяние с женщиной высшей касты приводило даже к сжиганию преступника, а женщину затравливали собаками. Но при сближении с девушкой равной касты преступление может быть искуплено уплатой брачного выкупа и браком на ней. На брак смотрели как на путь приобретения потомства, поэтому при отсутствии детей женщина для получения потомства могла сойтись со своим деверем, или другим ближайшим родственником *(сапинда)* мужа.

Закон тщательно предусматривает раздел наследства после смерти отца, что́ при существовавшей полигамии было особенно важно. Имущество делится между всеми сыновьями, старший же как добавочную часть получал одного лучшего быка. Или же все имущество переходило к старшему сыну, а его младшие братья находились у него под опекой. Дочь не получала наследства, но ее братья должны были выделить одну четверть своей доли, заботясь о ее приданом.

Суд. Верховным судьей, наблюдавшим за выполнением законов, был царь; но царь мог назначить своим заместителем ученого брахмана, который вместе с тремя брахманами, изучившими Веду, составлял суд — «четырехлицего Брахмы». Суду были подведомственны все гражданские и уголовные преступления, которых насчитывают восемнадцать. Расследование дела велось при сви-

детелях, которыми могли быть все, кроме детей, женщин и лиц из низших каст. Последние могли свидетельствовать только в долговых делах. Лжесвидетельство каралось телесным наказанием. Наказания были самых разнообразных степеней: замечание, выговор, штраф, телесное наказание, заключение в тюрьму и разные виды смертной казни.

Уголовное право. Охрана частной собственности занимает в законах большое место. Под защиту царя ставится имущество малолетнего, бездетных и безродных вдов, а также имущество отсутствующего в течение трех лет владельца. Строго наказывалась кража: вор уплачивал штраф, возвращал украденное и лишался той части тела, при помощи которой совершено было преступление. Вор, пойманный на месте преступления, и человек, укрывающий вора, одинаково подвергались смертной казни. Совершившему кражу ночью отрубали руки и сажали его на кол. Кража царского и храмового имущества каралась смертной казнью. Похищение свободного (и, очевидно, его порабощение) наказывалось высшим штрафом или телесным наказанием.

Убийство также наказывалось жестоко, но смертной казни убийца не подвергался. Закон подходил к преступлению различно, в зависимости от того, кто убит. Убийство брахмана считалось смертным грехом и могло быть искуплено только выполнением тяжелой эпитимии, тогда как убийство кшатрия искупалось четвертью этой эпитимии, вайшия — одной восьмой, шудры — одной шестнадцатой эпитимии. Кроме того, убийство кшатрия искупалось штрафом в тысячу коров, вайшия — в сто коров и шудры (так же как убийство кошки, ихневмона, сойки, лягушки, собаки или аллигатора) искупалось штрафом в десять коров. Брахман вообще считался существом неприкосновенным; даже за высшие преступления он не подвергался казни, а оскорбление брахмана наказывалось со всей жестокостью, особенно если преступником оказывался шудра: ему за это отрезают язык, вонзают в рот раскаленный гвоздь длиной в десять пальцев, вливают в рот и уши кипящее масло. За нанесение физического ущерба человеком низшей касты его наказывали по принципу «око за око, зуб за зуб».

Примитивность законодательства. Примитивность этого древнего законодательства видна, например, в том, что иногда при судебном разбирательстве судья испытывал виновного прикосновением к огню или погружением в воду; кого не сжигал огонь или кто всплывал немедленно на поверхность, тот считался правдивым в своей клятве. Кроме того, надо иметь в виду, что наряду с этим общегосударственным кодексом — «священным законом» — имели свои законы каждая область, каждая каста, имели свои правила торговые общества, свои обычаи отдельные семейства. С этими различными порядками должна была считаться государственная власть.

Долговое право. Из законов Ману мы узнаем также о сравнительно развитой торговле и ростовщичестве. Купцы и ростовщики принадлежали к касте вайшиев: ни брахман, ни кшатрий не должны были ссужать деньги под проценты. Закон вносит некоторую регламентацию ростовщичества; процент на ссуду, сделанную деньгами, не должен быть больше удвоенного капитала; если же ссуда сделана натурой (хлеб, плоды, шерсть, вьючные животные), то процент не должен быть больше упятеренного долга.

Наряду с этим чрезвычайно высоким процентом (200 и 500% годовых), который свидетельствует о неразвитом денежном хозяйстве, закон указывает на сниженный процент — с брахмана — 2%, с кшатрия — 3%, с вайшия — 4% и с шудры 5% в месяц. Кредитор, давая ссуду, получал от должника залог, и закон устанавливает, что если залог приносит прибыль (например, земля или корова), то ростовщик не должен брать процентов за ссуду. Ссуда давалась на определенный срок, и если она не возвращалась должником во-время, кредитор мог привлечь должника к суду, но при представлении не менее трех свидетелей; очевидно, никакой письменной сделки при ссуде не заключалось. Но предварительно кредитор должен был попытаться получить свои деньги своими средствами: убеждением должника, хитростью или насильственными мерами; например, он мог посадить в тюрьму его сыновей, жену или отобрать у него животных, мог схватить должника и, приведя его в свой дом, побить или, наконец, постоянно сидеть у дверей его дома. Если должник не имел средств уплатить долг, то он (если он принадлежал к низшей касте) мог отработать свой долг личным трудом.

Царь устанавливал цены на товар, через каждые шесть месяцев проверял меры, взимал пошлины с ввозимых и вывозимых товаров, наказывал купцов, нарушающих таможенные правила. Государство стремилось удержать в своих руках монополию на торговлю, по крайней мере некоторыми товарами (как например, слонами, тонким полотном, шерстью, лошадьми, драгоценными камнями и шафраном).

Брахманская религия. Господствующее место в обществе принадлежало касте брахманов, которая, монополизировав дела религии, использовала ее для большего укрепления своего положения, отодвигая кшатриев на задний план.

Кастовое деление общества было возведено в божественное установление, что являлось одним из главнейших религиозных догматов. Это деление ослабляло силу трудовых классов, ставило между различными социальными группами непреодолимые перегородки. Учение о божественном происхождении каст освящало привилегии высших каст и прежде всего жречества—брахманов. Та же иерархия, опираясь на патриархальный строй, проводилась в семье — глава семьи выполнял в своем кругу жреческие обязанности.

Местные божества, почитавшиеся различными племенами Индии, были приняты религией брахманизма и включены в его пантеон; первое место среди богов занял Брахма. Брахма представляется как мировая душа; из него исходят боги и все сущее. Другие боги являются лишь различными проявлениями Брахмы и стоят на втором плане; это — Индра, лишенный Брахмой своего положения верховного бога, Яма, Варуна, Агни и др.

Вместе с тем все бо́льшую роль приобретает астральная религия, где наряду с солнцем и луной почитаются пять планет, посвященных отдельным божествам. Следует отметить также почитание Риши, легендарных патриархов древнего времени. Риши считались предками брахманов и представляются более старшими и высшими, чем боги. Таким образом, и сами брахманы оказывались божественного происхождения.

В дальнейшем, с развитием брахманского богословия, появились многочисленные религиозно-философские трактаты, например, упанишады (т. е. тайные учения), которые ставили целью разрешение вопроса о происхождении мира, проблему бытия и отыскания средства достижения постоянного блаженства. Одним из таких средств считалось достижение чистоты. Брахманизм учил, что материальный мир заражен во всех своих частях, и уже путем простого прикосновения к вещам человеку может передаваться эта нечистота. В законах Ману большое место занимает вопрос о нечистоте и о средствах освобождения от нее брахманов как наиболее «чистых» существ. В этой реакционной проповеди ярко сказалось презрение к миру.

Религия призывала подавить в себе природу, умертвить плоть, вернуть душе свободу от тела еще до смерти и соединить душу с Брахмой, частицей которого и является душа. Отсюда проповедь аскетизма, самоистязаний, умерщвления «бренной» плоти. В брахманизме мы видим и учение о бессмертии души.

Брахманизм утверждал, что душа человека, как частица Брахмы, бессмертна. Человек умирает, а душа воплощается в теле вновь рожденного. Человек не может избавиться от жизни: он вечно жил и вечно будет жить перевоплощаясь. В этой жизни человек получает вознаграждение за добрые поступки или наказания за дурные поступки, совершонные в прежней жизни. Он должен терпеливо сносить то, что ему предопределено. Верой в перевоплощение брахманизм достигал смирения перед судьбой, покорности народных масс.

Это развитое и разработанное до мельчайших деталей религиозное учение должно было считаться и с пережитками древнейших культов, которые были сильны в некоторых частях Индии. Культ животных (почитание коровы), восходивший к древнему периоду, вошел в религию брахманизма. Многие местные боги, изменяя свой облик, сочетались также с религией брахманизма. Одним из них был Вишну, олицетворяющий твердь небесную как место пребывания солнца; он был также богом света, богом

времен года. От него зависят разливы Ганга и начало периода дождей, оплодотворяющих землю. Религия Вишну вырастает в самостоятельную ветвь брахманизма, отодвигая Брахму на второй план.

В народе продолжал оставаться культ природы, корни которого восходят к глубокой древности. Шива стоял во главе этого пантеона. Боги этого пантеона представлялись в виде животных или с головою животных (например, с головою слона). В шиваизме большую роль играл культ фаллического божества Лингама, олицетворяющего собою плодородие. Почиталась обезьяна; распространен был культ коровы. «Мы не должны забывать, — говорит Маркс, — что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой». [1]

Вишнуизм и шиваизм явились поздними ветвями брахманизма, оформившимися в первые века нашей эры. Брахманизм впоследствии включил их в свою религиозную систему, создав концепцию Тримурти, троицы богов, состоявшей из Брахмы-творца, Вишну-сохранителя и Шивы-разрушителя.

Индийские государства в долине Ганга. Общественный строй, нашедший свое отражение в законах Ману, слагался и развивался в I тысячелетии до н. э. История отдельных государств Индии в начале I тысячелетия остается для нас в значительной степени мало достоверной. Эпические сказания, брахманские и буддийские легенды сообщают часто прямо противоречивые сведения. Извлечь из них что-нибудь вполне определенное чрезвычайно трудно.

Из всех этих сведений можно сделать только один вывод: в первой половине I тысячелетия еще не возникло более или менее крупного объединения; между отдельными царствами продолжалась еще борьба за гегемонию. История индийских государств и племен представляет собою постоянную борьбу между ними, приводящую к преобладанию одних и полному исчезновению других, сливающихся со своими победителями. Эта борьба окончилась возвышением Магадхи.

Магадха была расположена в нижнем течении Ганга и простиралась до самой дельты, где находились другие государства. Столицей Магадхи был город Раджагриха. Магадха занимала выгодное политическое положение, находясь в самом центре многочисленных царств. Она была расположена на обоих берегах Ганга в наиболее плодородной части Бенгалии с жарким и влаж-

[1] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч., т. IX, стр. 351.

ным климатом, где произрастали всевозможные тропические растения.

Борьба кшатриев и брахманов. Время династии Прадийоты, правившей в Магадхе в начале I тысячелетия, было временем высшего расцвета брахманского строя. Кастовая система ставила в бесправное положение не только шудр, но и вайшиев; виден также упадок значения кшатриев, которые когда-то в героические времена войны десяти племен занимали первое место в обществе. Воспоминания об этом были еще живы в народном эпосе, в песнях и легендах. Видимо, в этот период кшатрии искали случая вернуть себе прежнее положение. Мы не знаем истории этой борьбы, которая происходила между брахманами и кшатриями. В VII веке во многих государствах происходили дворцовые перевороты, выдвигавшие династии из среды кшатриев. И в Магадхе в 642 году к власти пришел кшатрий Сисунага, свергший с престола последнего из династии Прадийоты, приверженной брахманам.

Эта борьба не затрагивала основ общественной жизни (едва ли кшатрии в своей борьбе с брахманами находили поддержку у вайшиев, а тем более шудр). Маркс неоднократно подчеркивал неподвижность в жизни индийских общин. «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики». [1]

Широкие массы индийских общин стояли в стороне от этой политической борьбы. Они, как говорит Маркс в другом месте, «спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массами население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоивавшего их своим вниманием». [2]

Изменения в области идеологии. Этот период падения господства брахманов был ознаменован в области идеологии появлением целого ряда новых учений, которые выходили не из среды касты брахманов, как прежние течения, но из среды кшатриев, стремившихся утвердить свои права на господство в обществе, а также из среды вайшиев.

Философские системы, возникающие в связи с нарастающими социальными противоречиями, были направлены прежде всего

---

[1] *К. Маркс,* «Капитал», т. I, 1937, стр. 340.
[2] *Маркс и Энгельс,* Собр. соч., т. IX, стр. 351.

против касты брахманов и их идеологии — брахманизма. Новые учения были прямой противоположностью брахманизма. Они отрицали все основные принципы его: учение о переселении душ, закон возмездия, пути достижения вечного блаженства через избавление от грешного земного мира. Эти философские учения носили характер наивного материализма.

Такой материалистической философской системой была *чарвака*. Основателем ее считается Брихаспати, вышедший из касты вайшиев. Своим учением он отражал интересы своей касты: земледельцев, ремесленников, торговцев. Последователи философии чарвака считали единственным источником всего существующего материальный мир, в основе которого лежат четыре элемента: огонь, вода, воздух и земля. Они отрицали предначертанный свыше порядок и вечные «божественные» законы. Все познается чувствами человека, которые являются единственным источником для познания истины. Философия чарвака выступала против учения о переселении душ, отрицая самое существование души.

К чарвака примыкают другие течения, являющиеся ответвлениями той же философской школы: *настика*, т. е. учение, отрицающее все, что не может быть воспринято чувством, и *локайата*, т. е. учение, заботящееся о земном, а не о небесном. Сторонники школы локайата отрицали все потустороннее и всячески высмеивали брахманские обряды, жертвоприношения, выступали против кастового строя.

Наряду с наивно-материалистическими учениями Брихаспати в VI веке появляются и религиозные течения, вышедшие из среды кшатриев и также направленные против брахманизма. Большое значение имело религиозное учение, известное под названием «джайнизма». Основателем его считается Вардхамана Махавира, по прозвищу Джина, т. е. «победитель». Другое религиозное учение, известное под названием «буддизма», приписывается легендарному Сидхарте Гаутаме, по прозвищу Будда.

Джайнизм. Джайнизм своим учением выступал против различных богословских систем. Брахма не является творцом мира; мир возникает сам собой и является причиной всего существующего и всех явлений. Носителем жизни считается не брахма, а отдельные души живых существ. Джайнизм отрицал брахманство как жречество, отрицал брахманские обряды. Путь к спасению заключается в отходе от мира, в разрыве всех мирских связей. Весь мир пропитан душами, которые живут, пока живо физическое тело. Тело, как таковое, есть зло; нирвана освобождает душу от тела как источника зла. Основные правила джайнов заключались в следующем: 1) запрещение убивать живые существа (*ахимса*); 2) запрещение пользоваться чем-либо, что не дано добровольно; 3) отказ от особой, предпочтительной любви к кому-нибудь или к чему-нибудь; 4) запрещение лжи; 5) целомудрие. Практически эти требования предъявлялись только к монахам, в светской же жизни допускались различные уклонения от них. Ахимса была

смягчена; разрешались, например, оборонительные войны, но нельзя было зато убивать даже самое малое животное или насекомое; греховным считалось не приобретение богатства, а только радость обладания им, и т. д.

Джайнизм, зародившийся в среде кшатриев, привлек к себе массы городского населения (торговцев, ремесленников), и это способствовало его видоизменению. Своеобразно сочетая брахманизм и буддизм, джайны признавали иерархию кастового строя, брахманских богов чтили как стражей мира, но в то же время отрицали святость Вед и поклонялись буддийским святым. Джайнизм в своей первоначальной форме представлял собою своеобразный светский «протестантизм» в брахманстве; он вполне соответствовал усилению светской власти кшатриев. Многие цари Магадхи искали поддержки в этом учении в своей борьбе с брахманами.

Легенда о Будде. Почти одновременно с учением Махавиры появляется новое религиозное течение, известное по именем буддизма. Основателем ее, согласно легенде, считается Сидхарта Гаутама, по прозвищу Будда (т. е. «просветленный»; отсюда и название учения). Многочисленные легенды окутывают личность Будды настолько, что невозможно видеть в нем историческое лицо. Учение, которое приписывается Будде, создавалось в течение ряда поколений и впоследствии превратилось в разработанную религиозно-философскую систему. Легенды о Будде во многом совпадают с легендами о Вишну, а затем с легендами о Кришне; имеется также сходство и с христианскими мифами. Буддийские священные книги, «сутры», излагающие учение буддизма, рассказывают и легенды о Будде.

Буддизм. Буддизм обращал свое учение ко всем кастам и находил приверженцев у всех, стремившихся освободиться от кастового строя власти брахманов, освящавших этот строй. Уже один тот факт, что учение это исходило из среды кшатриев, а не брахманов, наносил кастовой системе сильный удар. Буддизм в своем учении игнорировал касты. Отрицая Веды как священные книги, буддизм был в то же время осторожен по отношению к народным верованиям, — это обеспечивало ему многих сторонников и последователей. Образ Будды получил все основные черты богов «спасителей», характерных для религий древнего мира периода кризиса рабовладельческого общества.

Сложилась легенда, что этот «спаситель»-Будда учил, что все несчастия человечества происходят от тех желаний, которыми полны сердца людей. Желания, говорил он, происходят от ощущений, ощущения же мимолетны, пусты и суетны. Убедившись в ничтожестве внешних чувств, человек освобождается от желаний и привязанностей к внешнему миру. Река жизни течет к уничтожению и все будет, как было вначале — великим покоем небытия. Цель вселенной — погрузиться в небытие, в нирвану. Путь достижения нирваны лежит через сосредоточение, умосозерцание, удаление от мира явлений, отречение от всех желаний. Терпеливо

надо сносить все несправедливости, и лишь любовью уменьшать страдания людей.

Каждый, независимо от своей кастовой принадлежности, мог достичь «высшего блаженства», став аскетом, отшельником, примкнув к буддийской общине; даже шудра, избирая монашескую жизнь, становился свободным. Даже женщины получали религиозную правоспособность; они могли вступить в монашеские общины; хотя они не могли все же достигнуть состояния Будды, но в будущей жизни они получали возможность возродиться мужчиной и достичь высшего блаженства. Бесправные люди ухватились за это новое учение.

«Учение Будды» находило отклик у всех, кто стремился освободиться от гнета брахманов и кастового строя. Энгельс говорил: «Только там, где речь идет о трех доныне существовавших всемирных религиях: о буддизме, о христианстве и об исламе, можно сказать, что великие исторические повороты *сопровождались* переменами в религии. Старые, естественно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, едва только погибала независимость тех племен или народов, которым они принадлежали». [1] Возникновение буддизма связано с кризисом рабовладельческого общества, с борьбой против тесных рамок примитивного кастового строя, когда растущие производительные силы настоятельно требовали уже иных производственных отношений. Буддизм отражал этот кризис и вместе с тем отражал безвыходность создавшегося положения, бессильный протест, указывая путь «спасения» в самоусовершенствовании, в уходе от жизни. Направленностью своего учения против каст буддизм подкапывался под основы кастового рабовладельческого общества. В дальнейшем сказалась несовместимость распространения буддизма с сохранением кастового строя в Индии. Это глубокое противоречие сказалось лишь впоследствии. В начале же это «учение Будды» было на руку пришедшим к власти кшатриям, так как учение это призывало к смирению и покорности. Цари Магадхи искали в буддизме поддержки для борьбы с брахманами. И одно время буддизм даже стал государственной религией в царстве Магадхи.

Гегемония Магадхи. Как уже было сказано, в 642 году в Магадхе произошел дворцовый переворот и к власти пришла династия, основанная кшатрием Сисунагой.

Опора на касту кшатриев и поддержка джайнов дали возможность царям Магадхи силой оружия значительно расширить свои владения и подчинить своей власти все окружающие страны. Пятый царь этой династии, Бимбисара (543—491), за время своего долгого правления сумел значительно укрепить положение своего государства. Он заключал браки с царевнами соседних государств, поставив фактически эти государства в зависимое

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XIV, стр. 656.

положение. Силою оружия он подчинил непокорные царства. Легенды джайнов считают, что Бимбисара был родственником Махавиры с материнской стороны и что он будто бы способствовал распространению джайнизма. В противоположность этим легендам, буддийские легенды утверждают, что Бимбисара был первым царем Магадхи, который принял учение Будды от него самого.

Аджатасатру. Сын Бимбисары Аджатасатру был наместником одной из областей. Он убил своего отца и сделался царем. Захватив престол, Аджатасатру стал ярым защитником брахманского строя.

При Аджатасатру царство Магадха достигло большого могущества. Границы его были расширены за счет завоевания соседних царств, лежащих выше по течению Ганга, а также покорением областей в дельте, у берегов Бенгальского залива. Согласно буддийской легенде, при Аджатасатру состоялся первый буддийский собор, на котором были выработаны правила буддийского вероучения.

Каласока. Аджатасатру постигла судьба его отца: он был убит своим сыном. О его царствовании, так же как и о следующих царях, легенды ничего не сообщают. Но, повидимому, Магадха попрежнему сохраняла свое положение гегемона среди других индийских государств. Высокого расцвета Магадха достигла в царствование Каласоки (393—365). При нем столицей стал г. Паталипутра (современная Патна) на Ганге при впадении в него реки Саданиры. Город занимал выгодное положение на судоходной реке, что привело к быстрому его росту. Через несколько десятков лет грек Мегасфен мог говорить о Паталипутре как о самом великолепном городе Индии. Границы Магадхи были расширены завоеванием стран в верховьях Ганга и Пенджабе; на юг границы простирались до Виндхийских гор. Бассейны Инда и Ганга были соединены хорошими дорогами, ведущими через пустыню Тар, что способствовало развитию торговли с крупным государством Персией, где тогда правили преемники Дария I. Персия в то время объединяла все Иранское плоскогорье до Инда и все страны древнего Востока до берегов Средиземного и Эгейского морей. Буддийская легенда считает, что в царствование Каласоки был созван второй буддийский собор, на котором было достигнуто дальнейшее оформление буддийского вероучения.

Династия Нанда. К концу IV века династия Сисунаги пришла к упадку. После Каласоки началась династическая борьба, закончившаяся тем, что последний царь был убит неким Нандой, рожденным женщиной из касты шудр. Возможно, что в этой смене династий крылись какие-то движения рабов-шудр, о которых, однако, мы ничего не знаем. Это был весьма темный период в истории Индии, известной под названием «Девяти Нанда» (или, может быть, «новых Нанда»), когда цари новой династии быстро сменялись. В это тяжелое для Индии время и совершает свой знаменитый индийский поход Александр Македонский.

Положение в Пенджабе и Синде. В то время как в долине Ганга и Джамны в ходе исторического развития происходила длительная борьба между племенами, возникали союзы племен и государства, подымались одни династии и падали другие; в то время как там происходила обостренная классовая борьба, появлялись всевозможные философские и религиозные системы, отражающие эту классовую борьбу, — в бассейне Инда и пяти рек мы видим иную картину. Северо-западные области Индостана, лежащие по ту сторону великой пустыни Тар, сохранили прежние формы общественного устройства. Брахманизм и кастовый строй миновали Пенджаб и Синд. Осевшие здесь племена «арьев» совершенно смешались с коренным населением, образовав множество мелких сельских общин, сохранивших пережитки родо-племенного строя. Во главе племени стоял вождь-раджа, причем некоторые племена управлялись несколькими раджами. Это были, очевидно, те народы, которые названы греками «свободными индийцами», а в индийских поэмах названы *араттами*, т. е. «людьми без царя». Некоторые народности не достигли даже племенной организации, сохраняя черты патриархальной родовой общины.

Некоторые области в бассейне Инда были завоеваны персами. Уже Кир подчинил себе племена асваков и гандхаров, населявших западную часть Пенджаба. Затем Дарий I покорил там же ряд других племен, образовав сатрапию Гандхарию, платившую ежегодно 170 талантов золота. После экспедиции Скилака в 517 году, отправившегося морским путем к устью Инда, совершив таким образом путешествие подобно финикийцам, объехавшим вокруг Африки по поручению египетского царя Нехо, был открыт морской путь в Индию вокруг Аравии. Тогда Дарию были подчинены области близ устья Инда, из которых была составлена сатрапия Гинда, платившая 360 талантов золотого песку. Но все же персами были завоеваны лишь западные области Индии — Пенджаб и Синд покорены не были.

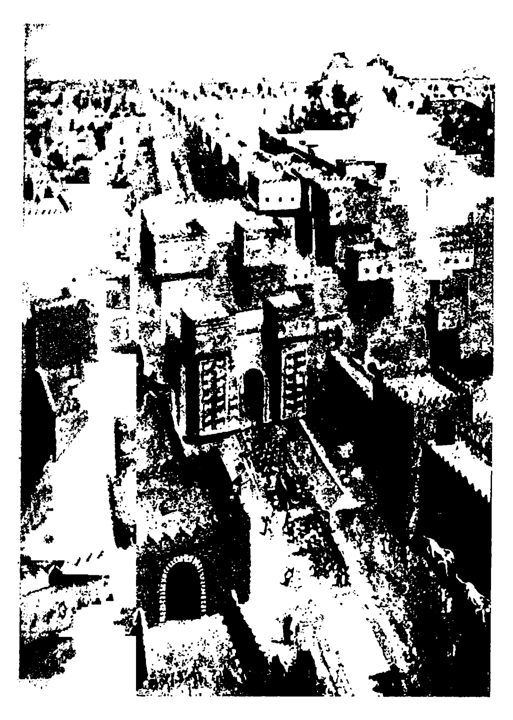
Индийский поход Александра Македонского. После завоевания монархии Ахеменидов Александр Македонский предпринял поход в Индию. В 327 году Александр со своим стотысячным войском находился в Бактрии; отсюда он прошел к Кабулу, притоку Инда, встречая повсюду мужественное сопротивление горных племен и лишь к весне 326 г. он дошел до Инда. При завоевании Пенджаба Александр должен был выдержать неоднократные битвы с хорошо организованной армией индийских племен и применять всевозможные методы ведения войны, чтобы сломить сопротивление неприятеля. Он использовал межплеменную вражду, разжигая ее и привлекая на свою сторону вождей.

Так, например, царь Таксилес (несомненно в этом имени племенного вождя скрывается название племени такшасилов, населявших область Кашмира) перешел со своим войском на сторону Александра, за что ему были сохранены его владения, которые к тому же были расширены за счет завоеванных территорий.

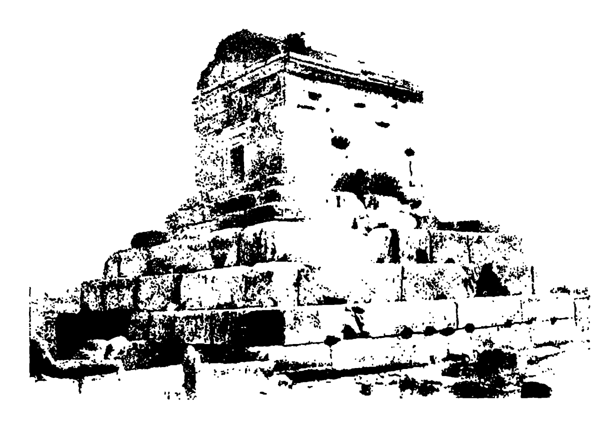
Таким путем ему удалось за короткое время покорить почти весь Пенджаб, но у Гидаспа (Джелам) он столкнулся с войском царя Пора (здесь кроется название племени пуру или поравов). Переход через Гидасп был прегражден. В сражении, которое здесь произошло, войско Пора сражалось ожесточенно, но потерпело поражение. Сам Пор отступил на своем боевом слоне только тогда, когда все его войско было уничтожено, убиты были два его сына, а сам он получил серьезные ранения. Пор был захвачен в плен, но Александр сохранил ему жизнь и владения, расширив их присоединением пограничных областей.

Дальнейшее продвижение по Пенджабу Александр провел беспрепятственно и дошел до Гифазиса (Беас), впадающего в Сетледж, последний приток Инда, за которым тянется бесплодная пустыня Тар. Александр много слышал о несметных богатствах индийских государств Ганга, о плодородных странах, о великолепных городах; он мечтал дойти до океана, омывающего землю, но, казалось, нет края этой стране: за Гифазисом простирались необъятные земли. Неблагоприятное время года с продолжительными ливнями, недовольство в армии, находившейся в походе многие годы, заставило Александра отказаться от своих планов дальнейших завоеваний и вернуться назад. Войско вернулось к Гидаспу, и отсюда часть его была отправлена водным путем под предводительством Неарха к берегам Персии; другая же часть во главе с царем пошла через знойные пустыни Гедрозии. Так окончился индийский поход Александра Македонского.

Чандрагупта. Династия Маурья. В то время как Александр находился в Пенджабе, в Восточной Индии, в Магадхе правил один из династии Нанда. К этому времени на сцене появляется некто по имени Чандрагупта (греч. Сандрокотта). Происхождение его остается неясным; возможно, что он происходил из касты шудров. Его прозвище Маурья производят от имени его матери, которая якобы была наложницей царя. Позднейшие источники, желая польстить Чандрагупте, возводят род Маурья к знатной фамилии Шакья, к которой причисляется и легендарный Будда. Чандрагупта занимал при последнем Нанда должность «начальника вождей» и чем-то вызвал недовольство царя. Тогда, подстрекаемый ученым брахманом Вишнугупта (Чанакья или Каутилья), он сделал попытку покушения на жизнь Нанды. Неудачный заговор заставил Чандрагупту бежать вместе с Каутильей. Повидимому, Чандрагупта, действительно, как говорит Плутарх, встречался с Александром в Пенджабе, когда Нанда продолжал царствовать в Магадхе. После отступления македонской армии Чандрагупта сумел создать союз вождей гималайских племен и вторгнуться в Пенджаб. Пор, возможно, был убит Чандрагуптой. Завладев Пенджабом, Чандрагупта прошел со своей армией в верховья Ганга и в конце концов достиг Паталипутры. Последний царь из династии Нанда был свергнут и казнен, а Чандрагупта основал свою династию, известную под именем династии Маурья. Начало ди-



Улица, ведущая к храму Иштар в Вавилоне. Реконструкция.



Гробница Кира в Пасаргадах.

Общий вид развалин г. Персеполя.

настии Маурья, этого самого блестящего периода в истории древней Индии, относится или к 321 или 323 году; точная дата еще не установлена. Династия продержалась у власти до 184 года до н. э.

Чандрагупте были подчинены все области по Инду и Гангу, от Гималаев до гор Виндхья. Магадха стала могущественным государством, управлявшимся хорошо налаженным централизованным государственным аппаратом.

Поход Селевка Никатора. В то время как в Индии создавалось это мощное государство, на западе после смерти Александра Македонского положение резко изменилось. На месте его громадной монархии возникло множество самостоятельных царств. В результате борьбы между преемниками Александра (диадохами) Сирия, Месопотамия, часть Малой Азии и Иран до границы Индии были объединены Селевком, создавшим царство Селевкидов. В 312 году Селевк короновался в Вавилоне и принял имя Никатора, т. е. «победителя». Он стремился продолжить завоевания Александра Македонского и в 305 году достиг берегов Инда с намерением покорить страну. Но неожиданно для себя Селевк встретил серьезное сопротивление. Вместо множества враждующих между собою царств, он столкнулся с сильным государством Чандрагупты.

Чандрагупта выставил против Селевка громадную армию, состоявшую из хорошо обученных профессиональных воинов, вооруженных из царских арсеналов. Армия насчитывала, согласно свидетельству греческих историков, 9000 слонов, которые обслуживались 36 000 человек, 30 000 всадников и 600 000 пехоты; количество колесниц превышало 8000. Во главе этих четырех основных видов войска стояли четыре военачальника; армия сопровождалась транспортом и вспомогательными частями под командой пятого военачальника, а шестой командовал флотом. В результате похода Селевк оказался далеко не «Победителем», — он потерял свои владения в восточном Иране: Восточную Гедрозию, Арахозию и Паропамиз, которые вместе со всей северо-западной Индией вошли в состав государства Магадха. Селевк должен был удовлетвориться компенсацией в виде пятисот слонов, подаренных ему Чандрагуптой.

Между двумя государствами установились мирные отношения, Селевк даже отдал Чандрагупте свою дочь в жены, и цари обменялись послами.

В Паталипутру приехал посол Селевка, грек Мегасфен, который прожил при дворе Чандрагупты довольно долго и написал сочинение об Индии. Его труд не дошел до нас в подлиннике, но известен в отрывках у Страбона, Арриана и других античных писателей.

Артхашастра. От этой эпохи дошло до нас сочинение Вишнугупты (Каутильи), который был визирем у Чандрагупты и написал трактат о государстве — «Артхашастра», по которому мы можем себе представить картину государственного устройства и состояния общества того времени.

Государство Магадхи разрослось до громадных размеров — от Гималаев до гор Виндхья и от дельты Ганга до Пенджаба. Столицей государства была Паталипутра, описание которой дошло от Мегасфена.

Паталипутра. Город представлял собою большой прямоугольник длиною в 80 и шириною в 15 стадий и был хорошо укреплен: глубокий ров окружал его со всех сторон, земляной вал и деревянный тын защищали его от неприятеля. В крепости на определенном расстоянии друг от друга были устроены бойницы. Мегасфен говорит о пятистах семидесяти башнях и шестидесяти четырех воротах Паталипутры. Царский дворец возвышался на холме, среди великолепных садов, террасами спускавшихся к Гангу. В парке разгуливали павлины и ручные пантеры. Многочисленные колонны дворца были покрыты позолотой и серебряными украшениями. Мегасфен говорит, что весь город, как и сам дворец, был построен из дерева и что из камня индусы научились строить только после знакомства с греческой архитектурой. Слова Мегасфена до некоторой степени подтверждаются пока еще немногочисленными раскопками в Патне, вскрывшими остатки деревянных построек. Хотя город лежал на Ганге довольно далеко от моря, но корабли с иноземными товарами доходили до него. Город был богат и цветущ.

Государственное устройство. Столица, как, впрочем, и другие крупные города (Айодхия, Раджагриха), управлялись коллегией из шести высших чиновников, каждый из которых возглавлял пять ведомств. Различные чиновники составляли большой бюрократический аппарат. Одни распределяли землю и ведали оросительной системой, другие наблюдали за торговцами и ремесленниками. Государство следило за действиями чиновников, часто сменяя их на постах, чтобы они не обзаводились кругом друзей. «Чиновники — это кошки, стерегущие молоко», говорит Каутилья: «когда они напились дополна, их надо выжимать и переводить на другие должности, чтобы они не пожрали все добро. . .» Особые сборщики налогов взимали с крестьян четверть урожая, а с ремесленников и купцов одну десятую их дохода. Вся тяжесть налогов ложилась на сельское население. Земледельцы «не должны иметь удовольствий, но только свою работу на полях». Повинности крестьян состояли из поставки рекрут, зерна, скота, лесных материалов и всевозможного сырья и уплачивались деньгами и отработкой на общественных работах, а также содержанием царских проезжих.

Ирригация. Много внимания уделялось оросительной системе. Села, расположенные у больших водоемов, несли особые повинности. Сооружавший новое оросительное приспособление или восстановивший пришедшее в ветхость освобождался от налога. Кто же самовольно захватывал оросительное сооружение, тот подвергался штрафу.

Торговля. Торговля стояла на большой высоте; об этом мы можем судить по наличию развитой монетной системы. Деньги чеканились из серебра и меди и имели определенные вес и стои-

мость. Купцы играли большую роль, и, видимо, государство было обеспокоено их чрезмерным обогащением и старалось монополию на торговлю некоторыми товарами и добычу полезных ископаемых удержать в своих руках. На рудниках имелся штат специальных надзирателей, самовольные разработки жестоко карались.

Кастовый строй. Большое внимание уделяет Артхашастра социальной организации. Каутилья называет четыре основных касты, обязанности которых были те же, что и прежде. Но эти основные касты в результате дальнейшей дифференциации общества раздробились на большое число других каст. Высокое положение занимают брахманы; они наделялись царем землями и жили в северной части города. Законы всецело стояли на защите брахманов.

Относительно других каст можно сказать, что положение их внешне оставалось прежним за исключением только шудр. Шудры рассматриваются в Артхашастре как арьи. Именно из шудр, по мнению Каутильи, должны быть земледельцы, вайши же были преимущественно ремесленниками и купцами. Наряду с другими «дваждырожденными» шудра мог быть аскетом. В этом допущении, возможно, сказывается влияние буддизма, который допускал шудр в свои монашеские ордена.

Долговое рабство. Вместе с тем надо отметить некоторую тенденцию в законодательстве к ограничению рабства из числа свободных. Хотя Каутилья заявляет, что «арий не должен быть рабом», но в Артхашастре постоянно упоминаются рабы из свободных каст. Каутилья перечисляет пятнадцать категорий рабов: 1) рожденные в доме, 2) купленные, 3) подаренные, 4) наследованные, 5) отдавшие себя в рабство вследствие голода, 6) взятые в залог, 7) порабощенные за преступление, 8) военнопленные, 9) выигранные в лотерее или на ристалищах, 10) сами себя поработившие со словами «я твой», 11) изменившие обету отшельники, 12) порабощенные на определенный срок, 13) ставшие рабами за содержание, 14) женившиеся на домашней рабыне или ее любовники, состоящие у нее на содержании, и 15) продавшие себя в рабство.

Таким образом, свободные могли стать рабами, но никто не мог иметь раба из вышестоящей касты. Некоторые существенные меры, ограничивающие порабощение арья, указаны в Артхашастре. Так, например, если кто-нибудь заложит за долги арья, то должен его выкупить к сроку; если же он не будет выпущен за выкупную плату, то виновный уплачивает штраф в 12 пана (размеры денежной единицы пана — около 10 г меди). Арий, попавший в плен, мог стать рабом только на время, пока не отработает свою стоимость или пока не внесет половину своей стоимости. Человек мог сам себя отдать во временное рабство за долги, но если он убегал от своего кредитора, то становился пожизненным рабом. Человек мог сам себя продать в рабство или отдать себя в рабство, спасаясь от голодной смерти; но продажа или отдача в залог несовершеннолетнего арья карались денежным штрафом.

Уголовное право. Наказания за уголовные преступления по-прежнему оставались очень жестокими, сохраняя принцип «око за око». За кражу имущества налагался высокий штраф; если же имущество принадлежало царю, то наказание сопровождалось причинением увечья и иногда влекло за собой смерть преступника. Так, за кражу или калечение, порчу слона, лошади или повреждение колесницы виновного сажали на кол, за кражу оружия — расстреливали из лука и т. д. Защита частной собственности занимает большое место в Артхашастре.

О жестокости наказаний свидетельствует и Мегасфен; он говорит, например, что за кражу полагалась смертная казнь, за нанесение физического повреждения — преступнику повреждали ту же часть тела, а кроме того отрубали руку; уличенный во лжи должен был вечно молчать (т. е., очевидно, ему отрезали язык).

Армия и шпионы. Порядок поддерживался профессиональным войском, содержавшимся и вооружавшимся за счет государства. Воины обязаны были только сражаться, и в мирное время проводили досуг в праздности и попойках. Большое значение имела целая сеть шпионов, которые были рассеяны по всей стране и следили за населением. Они должны были собирать свои сведения даже через публичных женщин и обо всем доносили царю.

Семейное право. Каутилья не говорит о запрещении браков между членами различных каст; возможны были даже браки между свободными и рабами, но при этом соблюдался принцип наследования касты с отцовской стороны. Любопытно указание, что рожденный от господина и рабыни отпускался на свободу вместе с его матерью; если же его мать принадлежит дому и ведает хозяйством дома (и таким образом нужна в хозяйстве), то отпускали на свободу ее брата или ее сестру. Так же как и в законах Ману, Каутилья перечисляет восемь различных форм брака; но здесь они уже потеряли свое прежнее значение. Брак происходил при наступлении совершеннолетия, которое для женщины считалось в двенадцатилетнем возрасте, а для мужчины — шестнадцатилетнем. Развод был возможен для обеих сторон, причем женщина после развода должна была «вести праведную жизнь», но имела право вторично вступить в брак. При заключении брака женщина получала от родителей приданое, а от мужа выкупную плату — это было имуществом ее детей и после ее смерти наследовалось ими. Наследниками были не только сыновья, но и дочери, но дочери не наследовали имущества отца, а только матери. Строго запрещались кровосмесительные браки между близкими родственниками — с сестрой матери или отца, с вдовой брата матери, с невесткой или снохой, с дочерью или сестрой. Запрещались браки между арьями и чандалами, или париями, «людьми отверженными», самое прикосновение к которым требует сложных обрядов очищения. Вступившему в связь с парией выжигалось клеймо с изображением обезглавленного тела, он изгонялся в другую страну и превращался в пария. Если парий (*чандал*) вступал

в связь с женщиной из «арьев», то его постигала смертная казнь, а ей отрезали нос и уши. Чандалы жили на краю кладбища и жестоко наказывались за прикосновение к арью, особенно к брахману, как к наиболее «чистому» существу.

Ашока. При сыне и преемнике Чандрагупты продолжался расцвет царства Магадхи, но о нем не сохранилось почти никаких известий; повидимому, его царствование протекало спокойно и он сохранял прочную власть над государством. При нем в Паталипутру прибыл другой сирийский посол, Даймахус, посланный Антиохом I Сотером. Третьим послом, прибывшим с запада в период правления династии Маурья, был Дионисий, посланный Птолемеем Филадельфом, царем Египта. Все это свидетельствует о большом интересе, который проявляли западные страны к могущественному государству Индии, и об оживленном обмене между ними. Это сказывается особенно в царствование Ашоки, внука Чандрагупты. Ашока при жизни своего отца был наместником северо-западной области Уджайна, но, повидимому, прав на престол не имел. Легенда говорит, что он захватил престол, убив предварительно девяносто девять своих братьев, и только несколько лет спустя короновался.

Ашока (272—237), став царем, был самым ярым сторонником буддизма. От его царствования до нас дошли надписи, из которых мы узнаем о деятельности царя, направленной на укрепление религии.

Религиозные реформы Ашоки. При Ашоке буддизм становится государственной религией Индии, и организация ее была одной из первых забот правительства. «Правительство через религию, закон через религию» — таковы принципы Ашоки. «У меня явилась следующая мысль, — говорит Ашока в одной из своих надписей: — я опубликую правила благочестия, я буду давать указания, касающиеся благочестия». Царь становился, таким образом, главою и в религиозных делах. Особые чиновники должны были поучать людей, духовные сановники должны были следить за благочестием народа. В этот период происходит оформление буддизма, его вероучения, его культа и его религиозной организации. С этой целью Ашока собрал буддийских монахов, которые занялись редактированием религиозных текстов и вопросами культа. Первоначальный буддизм не знал никаких строго оформленных обрядов, жертвоприношений или молитв, но с течением времени появились храмы, высеченные в скалах, были построены «ступы», где хранились «останки» Будды; сам Будда изображается в статуях в виде мудреца в спокойной позе, со сложенными руками.

Ашока не преследовал и других религий или сект; он говорил: «...не следует выхвалять свою секту, хуля остальные, но следует при всяком случае оказывать остальным сектам приличествующие почести». Суть своей религиозной политики Ашока формулирует в следующих словах: «Обряды религии дают очень богатые плоды: это именно отношение к рабам и слугам, уважение к родителям

и учителям, кротость по отношению к живым существам, милостыня брахманам». В этих словах прямо указываются те цели, которые преследовал Ашока, пропагандируя буддизм. Создание общеиндийской религии, призывающей к покорности и повиновению массы, должно было служить поддержкой неограниченной власти царя по всей стране.

Распространение буддизма. Ашока всюду рассылал своих миссионеров. «В таких завоеваниях религии царь, любезный дэвам, находил свое наслаждение — делаются ли они внутри его империи или на всех ее границах. Среди этих [соседей] есть Антиох, царь Явана, и на север от этого Антиоха четыре царя: Птолемей, Антигон, Магас, Александр». Далеко на запад до Египта, Сирии и Эпира доходили посланцы Ашоки. На юг до Тамиля и Цейлона, на восток до Тибета и Китая проникает буддизм, превращаясь в мировую религию.

Вскоре после Ашоки пала династия Маурья (184). Последовавшая затем частая смена династий привела к упадку Магадху и к вторжению в Индию скифских племен.

Дальнейшая судьба буддизма в Индии. Буддизм распространился во многих странах Востока. Что касается самой Индии первых веков нашей эры, когда она распадается на множество уже феодальных княжеств, то буддизм оттуда был окончательно изгнан, сохранившись лишь на Цейлоне. В самой Индии буддизм, направленный против кастового строя рабовладельческого общества, не удержался. Кастовый строй уже в новых формах приспособился к новым социальным отношениям слагающегося феодального общества. В период феодализма в Индии победила религия брахманов в новой своей форме индуизма.

Культура древней Индии. Индия в древности многое создала в области культуры; астрономия, медицина и другие науки стояли на сравнительно высокой ступени развития.

Языкознание. Много было сделано в области языкознания. Различные народы, жившие на территории Индостана и говорившие на разных языках, дали толчок к развитию науки о языке. Мегасфен, который был в Индии в III веке, утверждает, что индийцы не знали письменности, но, как мы видели, письменность была известна уже в начале III тысячелетия и легла в основу так называемого письма брахми, предшествовавшего современному санскриту. Первые древнесанскритские надписи известны от времени династии Маурья. Это был алфавит из пятидесяти одной буквы; возник он, вероятно, уже в IX веке.

Грамматика в Индии была очень тщательно разработана. Ученый Панини, живший около 300 года, написал ряд трудов по грамматике. Известны также всевозможные словари и указатели к Ведам и другим священным книгам.

Литература. Устное народное творчество, в виде эпических произведений, гимнов и песен, известно нам по записям более позднего времени. Из известных имен поэтов следует отметить имя

Вальмики, которому приписывается составление поэмы Рамаяна. О жизни его нам ничего не известно, а позднейшая традиция считала его современником Рамы. В I веке н. э. жил поэт Ашвагоша, один из крупнейших буддийских поэтов, автор «Гирлянды джатак», где собраны легенды о жизни Будды. Укажем еще на поэта Калидасу (III век н. э.), драма которого «Шакунтала» переведена на многие языки, в том числе и на русский. В этом произведении поэтом широко использованы сюжеты древнего индийского эпоса, в частности Махабхараты. К сожалению, таким образом, древняя индийская литература известна нам лишь из произведений более позднего времени. Что касается богословской литературы, то мы имеем здесь чрезвычайно богатый материал, дающий возможность проследить все изменения в религиозных верованиях. Уже выше говорилось об отдельных этапах развития религии древней Индии. Также богата философская литература Индии, разработавшая философию брахманизма, джайнизма и буддизма до мельчайших деталей. О развитии философской мысли упоминалось выше в связи с той исторической обстановкой, которая породила эти многочисленные философские течения. Так же точно говорили мы о трактате Артхашастра, свидетельствующем о развитии политической мысли в период династии Маурья.

Астрономия. Астрономия возникла в Индии вместе с развитием ирригационного земледелия, когда появилась необходимость предвидеть наступление того или иного времени года и прежде всего наступление разливов Ганга.

В связи с этим возникает календарь в триста шестьдесят дней, разделенный на двенадцать месяцев по тридцати дней. Через каждые четыре года на пятый добавляется тринадцатый месяц для исправления ошибки календаря.

Индийцы определили пять планет, видимых простым глазом. Звезды они группировали в созвездия, но двенадцати созвездий Зодиака они не знали.

Математика. Математика была развита слабо. Система счисления была десятичная, как мы это видели уже по материалам раскопок в Мохенджо-даро; цифры меняли свое значение в зависимости от того места, которое они занимают. Это — та система цифр, которая распространена у нас под неправильным названием арабских цифр; на самом деле в своей основе эта система цифр не арабская, а индийская.

И математика и астрономия получили толчок к своему развитию после знакомства с достижениями западной науки, в частности через греков. Это было уже в конце IV, в начале III века до н. э. В развитии этих наук в дальнейшем индийцы достигли довольно крупных успехов.

Медицина. Развитие медицины долгое время тормозилось религиозными традициями. Большое значение имела магия: заклинаниями изгоняли злых духов, причинявших болезни. Хирургия не могла развиваться, так как религия запрещала разрезать

трупы. Благодаря этому и анатомия была мало известна. Только значительно позже, не ранее первых веков нашей эры, появились специальные трактаты о медицине, фармакопее, ветеринарии (о лечении лошадей, слонов) и т. д.

Искусство. Традиция приписывает Ашоке постройку многочисленных храмов *(ступа)*, где хранились будто бы частицы «праха Будды». Ступа представляла собою цилиндрической формы здание, увенчанное сферическим куполом. По своей форме и назначению ступа восходит к кургану. Все здание окружалось оградой, имевшей четверо богато орнаментированных ворот *(торана)*, покрытых причудливой резьбой. На куполах устраивались каменные зонты, число которых было различно и колебалось от трех до пяти. Зонты покрывались позолотой или медными золочеными листами. Остатки каменной ограды, зонтов над ступами, рельефов, остатки колонного зала, а также пещерных храмов, относящихся к временам Маурья, свидетельствуют о высоком развитии архитектуры. Каменные постройки по своим формам восходят, несомненно, к предшествующим им деревянным зданиям, но носят на себе следы влияния иранской архитектуры Ахеменидов.

К этому же времени относятся (правда, немногочисленные) памятники скульптуры — как каменные, так и фаянсовые статуи, сохранившиеся часто в сильно фрагментированном виде. И Артхашастра и Джатаки — буддийские легенды о перерождениях Будды — говорят о высокоразвитой городской культуре, о наличии всевозможных ремесленников, среди которых особенно отмечаются кузнецы и ювелиры, резчики по дереву, кости, скульпторы и живописцы. Если мы не имеем достаточного количества памятников, то в этом отчасти, вероятно, вина самой археологии, до сих пор уделявшей мало внимания раскопкам древнейших слоев.

Конец династии Маурья. Время царствования Ашоки есть время высшего расцвета индийского царства Магадхи, границы которого простирались от Гималаев до гор Виндхья и реки Годавари, а культурное влияние распространялось далеко за пределы Индостана. Но величие Магадхи было недолговечным.

Династия Шунга. Последний царь династии Маурья, десятый по счету, Брихадрата, был свергнут военачальником Пушьямитрой, основавшим династию Шунга (184—73). Пушьямитра выступает как представитель брахманской реакции против буддизма, установленного в качестве государственной религии Ашокой.

Кастовое устройство, поддерживаемое брахманами, оказало непреодолимое сопротивление: социальная организация, сложившаяся в течение ряда веков, оказалась более прочной.

К этому времени на западе возникло уже в середине III века греко-бактрийское царство, отложившееся от Селевкидов, царь которого Деметрий сумел подчинить Кашмир, Пенджаб и Синд. Он стал чеканить даже монеты с греческой и индийской надписями и называл себя царем Индии. В середине II века греко-бактрийское царство распалось на ряд самостоятельных царств, и

одно из них, греко-индийское, приобрело большое влияние. Во время установления в Магадхе династии Шунга греко-индийский царь Менандр начал большие завоевания и напал на царство Шакала в восточном Пенджабе.

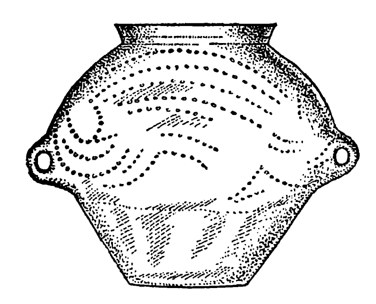
В это время начинаются войны между индийскими царствами, освободившимися от власти Магадхи, и вскоре столица Магадхи Паталипутра была взята Менандром.

Нашествие скифов-сака. Около 140 года скифы-сака разгромили Бактрию, а в начале I века они вторглись в Пенджаб и, разбив греко-индийское царство, захватили весь западный берег Индостана до реки Нарбады. В создавшейся обстановке цари Шунга не смогли удержать власть в своих руках, и династия была свергнута придворным брахманом Васудевой, основавшим династию Канва (73—28).

С падением династии Маурья, Индия попадает под политическое и культурное влияние эллинистических государств, возникших на развалинах монархии Александра Македонского.

Вслед за скифами-саки в Пенджаб вторгается племя кушана, которое в 25 г. до н. э., при царе Кадфизе I разбило остатки греческого владычества. Так в Пенджабе возникло могущественное индо-скифское царство, подчинившее себе Синд и Кашмир и распространившее свои владения на всю западную часть Индостана до Нарбады на юге и до Джамны на востоке. В конце I в. до н. э. Кадфиз II расширил свои границы до Аму- и Сыр-Дарьи. Скифское господство привело к полному упадку некогда могущественное царство Магадхи. Все южные страны отпали и приобрели самостоятельность. Многочисленные царства северной Индии снова вернули себе независимость. Наивысшего расцвета Индо-скифское царство достигает при Канишке (сер. I в. н. э.), который пытался опереться на религию буддизма как на централизующую силу. В Кашмире, в монастыре Джаланжара был созван четвертый буддийский собор, где были составлены пояснения к Трипитаке. Постановления этого собора мыслились как меры борьбы с возрождающимся брахманизмом. Из них мы видим, в какой мере оказали свое влияние на буддизм брахманские древние дравидические и скифские религиозные представления.

Об этом времени мы имеем лишь скудные сведения. При Канишке индо-скифское царство достигло своего апогея, а затем начинает быстро катиться к упадку. Скифы, стоявшие на более низком уровне общественного развития, подчинили себе индийские царства в период кризиса рабовладельческого общества, но бороться со слагающимся феодальным строем они были не в состоянии. В начале IV в. н. э. Магадха под властью династии Гупта вновь становится крупным независимым царством.



Ваза из Яншао. Середина II тысячелетия.

ГЛАВА XXXIV

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Географическая среда. Древнейшим местом поселения китайских племен была долина нижнего течения Хуан-хэ (Желтой реки), которая со своими многочисленными притоками образует обширный бассейн, орошающий окрестные земли. Хуан-хэ прокладывает свое русло через толстый слой наносной почвы — лёсса, который местами достигает мощности до 600 м. В рыхлом лёссе река промывает узкие ущелья; в нижнем течении река образует болота. Лёссовые почвы были изрезаны многочисленными реками и, при условии достаточного количества влаги, были чрезвычайно плодородными. В формировании климата долины Хуан-хэ большую роль играют ветры, дующие с моря, — муссоны. Ветры смягчают климат от резких холодов и жары соседних степей Монголии и Китайского Туркестана. Летом преобладают южные влажные ветры, несущие большое количество осадков. Период особенно сильных дождей приходится на июль-август. Ливни бывают столь значительными, что часто приводят к стихийным бедствиям, наводнениям.

Благодаря наносам Желтой реки русло ее местами расположено значительно выше окружающей местности. Хуан-хэ подмывает рыхлую лёссовую почву, что приводит к обвалу крутых берегов и изменению русла реки. Эти постоянные перемены в течении реки заставляют жителей заботиться об укреплении ее берегов, так как во время разлива река затопляет обширные пространства, унося своими водами целые деревни. Не напрасно эта река называется в Китае также «бич Китая» или «Река, надрывающая сердца».

Зимою, с ноября по апрель, дуют сухие северо-западные ветры, несущие массу песку из соседних пустынь. Песок осаждается и в течение веков образует лёссовую почву Китая.

Не меньшее значение для Китая имеет другая река — Янцзыцзян. Общее протяжение ее свыше пяти тысяч километров; она

протекает через двенадцать китайских провинций, проникая в самую глубь страны. Многочисленные притоки Янцзы-цзяна судоходны почти на всем своем течении, что имеет громадное значение в хозяйственной жизни страны. Но только к концу древней истории эта река вошла в пределы Китайского государства.

В древнейшее время, о котором сообщают нам некоторые песни Ши-цзин, общий вид Китая сильно отличался от современного. Густые хвойные и лиственные леса изобиловали хищными животными — медведями, волками, лисицами. В зарослях кустарника и тростника по берегам рек водились тигры и пантеры. Широкие разливы рек, главным образом в их нижнем течении, образовывали болота с нездоровым климатом. Постепенно, уступая усилиям человека, облик страны был изменен — леса и кустарники были вырублены, болота осушены, дикие животные вытеснены в горы и степи — Китай превратился в культурную земледельческую страну. Но первые жители Китая имели еще мало удобные для жизни условия.

Древность китайской культуры. История Китая начинается с очень древнего времени. Теперь уже не приходится говорить о переселении китайских или «до-китайских» племен откуда-то с запада. Всевозможные теории о вавилонском или египетском происхождении китайской культуры отжили свое время. Новейшие данные археологии показывают, что человек находился на территории Китая с самых древних времен. В 1927 году близ Бейпина были найдены остатки синантропа, в долине Хуан-хэ — стоянки верхнего палеолита, в Ордосе и в других местах Северного Китая обнаружены неолитические стоянки. Эти находки показывают, что история Китая начинается от древнейших времен первобытно-общинного строя.

Мифы и легенды о древнейшем периоде Китая. Относительно древнейшего периода мы имеем многочисленные, прошедшие позднейшую конфуцианскую обработку, китайские легенды и мифы. В течение десяти периодов миром правили легендарные чудовища и драконы. Некоторые легенды о древнейшей истории Китая представляют для нас интерес, поскольку в них в какой-то мере отражается действительность.

Так, в первый период был будто бы установлен календарь, люди перешли якобы к оседлости, впервые стал известен огонь. В седьмом периоде люди научились строить хижины и перестали жить в пещерах и на деревьях. В восьмом периоде появляется одежда, были установлены меры веса и длины, было изобретено узелковое письмо.

Таким образом, многое из того, что было достигнуто китайской культурой трудом многих поколений, в течение многих веков, рассматривалось легендами как изобретения и нововведения «царей» десяти легендарных периодов. Интересны легенды об одном из царей девятого периода Фу-си, который будто бы разделил народ на сто семейств, урегулировал брачные отношения, разрешив вступать в брак только лицам разных фамилий. В этой легенде можно легко узнать родовую организацию, где при эндогамности племени род был экзогамным. Этому же царю приписываются

также заботы о скотоводстве. Он научил якобы обращению с шестью домашними животными (лошадь, бык, свинья, овца, собака, курица). Один из следующих царей (Шэнь-нун) будто бы научил людей возделывать рис, пшеницу, просо, горох и коноплю, научил людей виноделию и положил начало медицине (ему приписывается триста шестьдесят рецептов от четырехсот болезней).

Эти легенды содержат отголоски родового строя. Тогда многочисленные семьи объединялись в общину и такая община, как это мы видим в других странах древнего Востока, представляла собою замкнутую и независимую экономическую единицу, жившую своей самостоятельной жизнью, едва соприкасаясь в своих интересах с соседними общинами. Шесть семейств, согласно позднейшей традиции, составляли группу с одним предком, пять групп — один отдел, четыре отдела — общину с вождем во главе. Такие же «сотни» мы имеем у англо-саксов и в легенде об основании Рима.

Одному из царей десятого легендарного периода «Желтому императору» Хуанди приписывается установление четко разработанной системы землепользования, а министру одного из следующих царей Юй приписываются многочисленные работы по ликвидации наводнения и основные мероприятия по созданию оросительной системы. Однако в это время едва ли земледелие, тем более ирригационное, играло уже столь большую роль.

В этих легендах, возникших в более позднее время, видно определенное стремление возвести многие общественные и аграрные реформы к древнейшим временам, показать их как издавна существующие порядки, заведенные легендарными царями. В то же время легенды говорят о Хуанди, что он был царем государства Медведя, что он «никогда не жил на одном месте, переходя то туда, то сюда, не имея постоянного жилища». Очевидно, легенды сохранили еще воспоминания о кочевом образе жизни китайских племен, о следах тотемизма. Очевидно, в этой легенде сохранились отголоски существования вождей племени, где некогда тотемом был медведь. Некоторым царям этого периода приписывались многие полезные реформы и мероприятия. Имена Хуанди, Яо, Шуня и Юй вошли в легенды, время их правления считалось «золотым веком», а они сами почитались образцами добродетели. Юй считался последним из царей этого периода и основателем династии Ся. Но и династия Ся остается, по мнению ряда ученых, пока легендарной.

Период Инь. Несколько лучше обстоит дело со следующим периодом китайской истории, периодом династии Инь, или Шан. Археологические памятники, открытые в последние годы в провинции Хэнань, освещают этот период и дают некоторое представление о нем.

«Династия» Инь охватывает период с XVIII до XII века. Племя Инь занимало территорию по обоим берегам Хуан-хэ после выхода последней на равнину, распространившись в восточном

направлении, может быть, до берегов моря. Территория эта разделялась на отдельные разобщенные области, перемежающиеся с районами, заселенными другими племенами, часто враждовавшими с иньцами. Области эти разбивались, в свою очередь, на мелкие владения, более или менее независимые одно от другого. Вероятно, эти владения, составлявшие Иньское объединение, являлись фактически почти независимыми, и одной из главных причин, побуждавших их вступать в союз, была необходимость организации общего сопротивления враждебным племенам. Властители этих областей носили различные титулы (хоу, цзы, гун, ван), которые находятся в связи с родовым строем.

Мы видим, что в эту эпоху сохранились следы матриархата. Так, например, ван, т. е. начальник рода, передавал власть не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Мы не можем говорить о государстве в этот период, так как классовой дифференциации мы еще не наблюдаем. Говорить о рабстве в это время тоже еще не можем: как правило, военнопленные попросту уничтожались и только некоторая часть их превращалась в рабов.

Родовая знать. Главную роль в обществе играла родовая знать, но, повидимому, и народ еще не был устранен от политической жизни, участвуя в совете «больших и малых». Мы имеем здесь дело, следовательно, с разлагающимся родовым обществом, в котором в большей или меньшей степени появляется рабство.

Ван. Ван был руководителем как в светской, так и в духовной жизни племени: он совершал жертвоприношения, в его руках была вся администрация. Но все же его власть была ограничена советом «больших и малых», и в случае разногласий между царем и советом, как показывает древняя надпись, приходилось обращаться к гаданию. Повидимому, власть царя мало чем отличалась от власти басилевса гомеровской Греции. Мы могли бы его власть определить точнее — как власть вождя большого племенного объединения; таким образом, назвать его «царем», как делает это китайская традиция, мы можем только условно.

Занятия населения. Уже в неолитических стоянках Северного Китая были найдены кости домашней свиньи, что указывает нам на то, что скотоводство в хозяйстве того времени должно было занимать значительное место. Что в период Инь скотоводство продолжало занимать доминирующее положение, подтверждается хэнаньскими костями, среди которых было много рогов коров и баранов.

Известны большие жертвоприношения скотом. Ван сам осматривал быков, предназначенных для жертвоприношения предку.

Охота также была большим подспорьем в жизни народа. Территория древнего Китая изобиловала зверями и дичью. Надписи сообщают об охоте на тигров, оленей, лошадей, баранов, диких свиней.

Наряду со скотоводством развивается и земледелие, которое постепенно в условиях плодородных полей долины Хуан-хэ приобретает все большее значение.

Войны. Бассейн нижнего течения Хуан-хэ, как особенно благоприятный район для земледелия, с давних пор подвергался частым нападениям враждебных племен. Надписи дают нам некоторый материал и о том, что иньские воины, в свою очередь, совершали походы против кочевых племен, обитавших в западных горных областях. С точки зрения иньцев, эти племена были варварами. Некоторые племенные названия их носят следы тотемизма. Походы носили характер грабительских экспедиций. Постоянной армии еще не было, войско набиралось по мере надобности и после похода распускалось. Об организации армии мы знаем очень мало, но, повидимому, наряду с пехотой, вооруженной мечами, луками, топорами и щитами, были и колесничие. Наиболее опасным врагом был народ Сюн-ну (позднейшие гунны).

Племя Чжоу. По соседству с племенем Инь, по долине реки Вэй, притоку Хуан-хэ, к середине II тысячелетия начинает оседать племя Чжоу. Песни, собранные в «Книге Песен» (Ши-цзин), рассказывают о легендарном Хоу-дзы (Князь Просо), который вывел племя Чжоу из западных гор в долину реки Вэй. Это было кочевое племя, занимавшееся преимущественно скотоводством. Разводился крупный рогатый скот, лошади, бараны и свиньи. Особое значение приобрело здесь коневодство. Тот факт, что для названия лошади чжоуцы имели двадцать два различных термина, говорит о той роли, какую играло у них коневодство. Наряду со скотоводством сохраняла свое значение и схота. Земледелие носило случайный характер. Переходя с места на место, чжоуцы расчищали от кустарников землю для посева, а после снятия урожая уходили на новые места. Во главе племени стоял «гун». При нем имелся совет старейшин из числа родовой знати, которая начинает выделяться над общиной. Оседая в долине реки Вэй, племя Чжоу попадает в природные условия, способствующие прочной оседлости. Наряду со степями и лесами, здесь имелись удобные для земледелия поля, река изобиловала рыбой, в горах имелся металл. Земледелие постепенно начинает завоевывать первое место в хозяйстве чжоуцев. Вождь (гун) считался руководителем хозяйства племени, в том числе и земледелия. Одна из песен Ши-цзина рассказывает о Хоу-дзы: «Он роздал народу чудесные зерна ... и народ стал сеять во множестве эти злаки». Вождь участвовал в церемонии праздника урожая, и «Бамбуковые анналы» говорят, например, что «царь летом в четвертый месяц первым отведал [первые колосья] пшеницы».

Племя Чжоу медленно продвигалось на восток по реке Вэй, захватывая удобные для земледелия пространства.

Центром Чжоу становится г. Хао (современное Сиань). В конце XII века Чжоу начинает вторгаться в пределы владений Инь.

Конец Иньского периода. Для защиты своих границ от враждебных варварских племен иньский ван часто обращался к чжоускому гуну, который вел войны против кочевников и получал

награды от иньского царя. «Бамбуковые анналы» сообщают нам о наградах землями, ценным нефритом и рабами, которые получал чжоуский гун. Переход племени Чжоу к оседлому земледельческому хозяйству, дающему возможность больших накоплений, поступление даров со стороны иньского вана приводили к резкому выделению родовой аристократии над народными массами у племени Чжоу. Государство Инь в этот период было ослаблено постоянными войнами; внутренние противоречия в нем обострились. Легенда Шу-цзина сообщает по этому поводу: «Знатные и стоящие во главе рода один за другим производят злоупотребления и не принимают соответствующих мер против виновных. Ван стремится собирать все бо́льшие и бо́льшие запасы и тем самым вызывает к себе ненависть». Воспользовавшись слабостью государства Инь, вождь племени Чжоу У-ван организовал большую армию, перешел Хуан-хэ и в долине Му-э столкнулся с армией Чжоу-синя, последнего царя Инь. Любопытны слова напутствия У-вана своим воинам: «На полях Шан (т. е. Инь) не убивайте тех, кто перебежал к нам, чтобы заставить их работать на наших западных полях». Из этих слов мы можем заключить, что в Чжоу уже использовался труд рабов-военнопленных в земледелии. В сражении Чжоу-синь был разбит и, как сообщает легенда, бежал в свою столицу, где, запершись в «Оленьей башне» дворца, сгорел вместе со своими сокровищами.

Династия Чжоу (Западное Чжоу). На сторону У-вана перешли правители почти всех областей, и он стал основателем новой династии, династии Чжоу, правившей свыше восьми столетий со второй половины I тысячелетия до н. э. (с 1122 до 249).

Своей столицей У-ван оставил город Хао. Этот период династии Чжоу (до конца VIII века) носит название Западного Чжоу по месту нахождения столицы. Подчиняя себе одну область за другой, У-ван ставил во главе их своих родственников и сподвижников, определял их владения и титулы в зависимости от занимаемой ими должности. Укрепившееся государство было прямой угрозой соседним народам, которые поспешили признать себя данниками У-вана. Попытки восстаний со стороны потомков царьков Инь подавлялись самым жестоким образом. Государство Чжоу объединило обширные области на территории современных провинций Шеньси, Шаньси, Хэнань, Хубей и Шаньдун. Власть царя становилась в этот период все более и более неограниченной, а особа царя — священной. Подобно египетским фараонам, цари Китая со времен У-вана установили считать имя царя непроизносимым в разговоре и не изображаемым в письме. О царе говорили иносказательно, а в письме он обозначался особым иероглифом.

Эпоха Чжоу является уже эпохой государства со сложившимся аппаратом и деспотической властью царя. Подобно многим другим государствам древнего Востока, власть царя приобретает деспотический характер, т. е. наряду с его политическими функциями как

главы господствующего класса, царь становится неограниченным хозяином страны, полностью освободившись от влияния совета «больших и малых». Общинный строй и здесь явился прочной основой деспотизма. С постепенным переходом населения к оседлому образу жизни и земледелию, все большее значение приобретает труд рабов, которых общины добывают путем походов. Эксплоатация рабов и крестьян-общинников является социальной основой государства.

Центральная власть. Столицей, административным центром государства при сыне У-вана Чэн-ване стал город Ло-и (в Хэнани, современный Ло-ян), хотя попрежнему до середины VIII века резиденцией царя оставался город Хао. Ло-и и прилегающая к нему территория были названы Чжун-го (Срединное царство: впоследствии название это было перенесено на весь Китай). Столица была построена на том месте, где, по мнению геометров того времени, «находится центр земли, точка соединения неба с землей» (здесь сходится мир мертвых с миром живых, покой с движением).

Царь называл себя ваном, термином родового общества, потерявшим свое первоначальное значение. Царь рассматривается как представитель неба; он называет себя «сыном неба». Если небо было Шан-ди (верховным государем), то царь был его наместником на земле. «Пусть государь придет сюда как наместник Шан-ди, — говорится в Ши-цзине, — и пусть, поселившись в центре государства, сам вступит в дела управления». Души умерших царей обитали на небе. Небо Шан-ди рассматривалось как предок царя. Обладая деспотической властью, царь считался номинальным собственником всей земли, всего, что на ней произрастает, всех живущих на земле. «Вся поднебесная земля государя, все живущие на земле — его слуги», говорится в Ши-цзине.

О государственном устройстве Западного Чжоу мы знаем прежде всего из книги «Чжоу-ли», автором которой считается Чжоу-гун, бывший будто бы воспитателем Чэн-вана, сына и преемника У-вана. «Чжоу-ли» дошла до нас в более поздней редакции, и некоторые исследователи полагают даже, что эта книга является подделкой времени династии Хань. Однако факты, о которых говорится в Чжоу-ли, частично находят себе все же подтверждение в летописи Сыма-цяня, в «Бамбуковых анналах» или в надписях на бронзе времени Чжоу.

По выражению Маркса, «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ».[1] Эта характеристика полностью относится и к древнему Китаю.

Государственный аппарат. Ближайшими помощниками царя были три верховных советника, которым были подчинены шесть «министров». «Министрам» подчинялись девять губернаторов.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Собр. соч., т. IX, стр. 347.

Управление провинцией в меньшем масштабе копировало центральный аппарат. Каждое ведомство имело свои отделы со своим чиновничьим аппаратом. Общее число отделов доходило, согласно «Чжоу-ли», до трехсот шестидесяти.

«Министры» и чиновники получали определенный доход с участка земли, который отводился им в зависимости от занимаемой должности. Земля обрабатывалась теми крестьянами, которые жили на соответствующем участке. Само собой разумеется, что чиновники набирались из числа знати, хотя юридически каждый имел право поступить в школу для обучения грамоте, которая была необходима для того, чтобы занять какую-нибудь должность. Фактически же, при сложности китайской письменности, требующей многих лет обучения, грамота была доступна лишь людям состоятельным.

Ведомство земледелия. Большую роль играло ведомство земледелия, обязанностью которого было установление границ полей и строительство плотин и каналов. Специальные чиновники ведали распределением земель, определяли посев того или другого злака. Как говорится в «Чжоу-ли», ведомство земледелия имело три дела: «считать население и давать ему поля, проверять его вооружение, обучать его сеять и жать». Учет земли основывался на планах, составлялись списки населения и скота.

Ирригация. Ведомство земледелия имело специальный отдел, управлявший ирригацией. В ведение этого отдела входило использование котловин в качестве резервуаров, сооружение запруд для остановки воды, канав и рвов для распределения воды и т. д.

Работы по орошению заключались обычно в прорытии канала, соединявшего две реки. Историк Сыма-цянь сообщает, например: «...от Хуан-хэ отвели канал, который соединился с четырьмя его притоками», или: «В стране У соединили каналами три реки и пять озер». Система каналов была достаточно высоко развита; имелись каналы различных категорий, и все они соединялись в один большой канал. Вся страна была изрезана каналами, и каждый участок земли был окружен водными артериями. Конечно, в начале династии Чжоу едва ли оросительная система получила такое развитие, как это рисуется в «Чжоу-ли», но все же ирригация имела большое значение для земледелия уже и в этот период.

Землепользование. «Чжоу-ли» рисует строго регламентированную систему общинного землепользования, известную под названием системы «цзин-тянь», т. е. колодезных полей. Согласно этой системе каждая семья получала определенных размеров участок в сто му (около пяти гектаров).

Восемь семейств объединялись в один цзин, имевший земельную площадь в девятьсот му. Каждая семья обрабатывала свой участок, а сто му обрабатывались ими сообща в пользу царского дома. Конечно, такой системы в действительности не было во времена династии Чжоу. Не было ее и в более поздние времена, когда система цзин-тянь считалась идеалом землепользования. Но

тот факт, что в позднейшие времена, в IV—III веках, эта система возводилась к династии Чжоу, показывает нам, что все же какие-то меры в этом направлении правительством приняты были. Вероятно, была установлена регламентация работ на «дом царя», а также регламентировано было землепользование рядовых общинников в целях взимания с них податей.

Налоги. Деятельность «ведомства по ограблению собственного народа» выражалась в первую очередь во взимании податей. Подати с населения взимались натурой; тексты указывают на три вида податей: 1) земельная подать — с каждого взрослого (т. е. способного носить оружие) взималось по 1 мешку зерна, 2) натуральная повинность состояла в том, что каждый взрослый обязан был отработать в пользу царя двадцать дней в году; 3) подать, состоявшая из всевозможных (девяти видов) приношений, как то: жертвенных животных и вин, утвари, материалов, тканей и т. п.

Создание объединенного государства способствовало развитию всего хозяйства страны и расширению его границ. Окружающие народы считались с силой Китайского государства и приносили богатую дань. Легенды говорят, что еще У-ван получал дань от правителя Кореи.

Обмен. Необходимость обмена между отдельными провинциями, крайне разнообразными по распространенным там отраслям производства, прежде всего явилась побудительной причиной для возникновения торговли внутри самой страны.

В древнейшее время меновой единицей были раковины каури, находимые наряду с костями в Сяо-туне (Хэнань) и относящиеся к периоду Инь. Впоследствии меновой единицей стал нефрит, который был ценным камнем и привозился в Китай из Китайского Туркестана. В Сяо-туне были найдены не только настоящие раковины каури, но и их имитации из кости, а к началу Чжоу они имитировались из бронзы.

Нельзя представлять себе Китай вполне изолированным от остального мира, отрезанным «китайской стеной», которой к тому же в древнее время еще и не существовало; напротив, источники называют пути, по которым двигалась китайская внешняя торговля.

В Китае было высоко развито ремесло. Изделия из кости, дерева и бронзы свидетельствуют о большом мастерстве ремесленников. Гончарное производство известно уже по неолитическим стоянкам. Шелководство также появляется с древнейших времен (китайские летописи относят его к легендарному периоду). Шелковые ткани занимали первое место среди предметов вывоза. Уже в очень древнее время китайцы ввозили из Восточного Туркестана ценный камень нефрит, месторождения которого в самом Китае чрезвычайно незначительны. Нефрит с давних пор служил материалом для выделки различных предметов. По так называемому «пути шелка» и «пути нефрита», ведущим от Хуан-хэ на запад

севернее Тибета, достигая, быть может, стран Ирана и Двуречья, по «императорской дороге», ведущей в Индию — двигались китайские товары. Едва ли купцы вели торговлю непосредственно с этими странами: их товары проходили, вероятно, через много рук, прежде чем попадали к потребителю. Торговля первоначально была монополией государства, а купцы лишь агентами царя; только позже, к концу периода Чжоу торговля попадает в руки частных лиц.

Богатая страна, какой стал Китай в Чжоуский период, всегда привлекала кочевые племена, жившие по соседству. Вся история этого времени полна описаниями набегов Сюн-ну (гуннов), идущих как с запада, так и с севера. К тому же эти гунны продолжали жить на территории, подчиненной Китаю, и неоднократно поднимали восстания.

Усиление местной знати. К началу IX века обостряются противоречия между местной провинциальной знатью — правителями отдельных округов и провинций — и центральной властью. Знать, сидевшая в отдаленных провинциях, чувствовала себя почти независимой от центрального правительства. Свои провинции она рассматривала как свою собственность. За несение обязанностей государственных чиновников знать получала в личное пользование лучшие земельные наделы. Сельские общины, входившие в состав провинции, также находились в зависимости от знати. В песнях Ши-цзина это отразилось в следующих словах, обращенных к представителям знати: «Вы не сеете, вы не жнете, каким же образом вы получаете доходы с трех хозяйств?» Надписи на бронзовых сосудах сообщают о широко практиковавшейся раздаче царем наград своим приближенным. Раздавались земли из числа завоеванных земель вместе с людьми, живущими на этих землях. Крестьяне завоеванных земель теряли свою свободу, становились на положение данников.

Общество времени Западного Чжоу. Вместе с ростом крупного землевладения растет и экономическое неравенство, появляются богатые и бедные. «Благородные» (цзюнь-цзы), вышедшие из среды старой родовой знати, носили различные титулы, восходящие к терминам родового строя. Они сохраняли еще видимость патриархальных отношений с «малыми» (сяо-минь), поскольку это обусловливало возможность их эксплоатации. Крестьяне, кроме работы на своих наделах, обрабатывали общинные земли, а также земли сановника, управлявшего округом. В песнях Ши-цзина перед нами проходят все работы, выполнявшиеся крестьянами в течение года. Наряду с крестьянами в сельском хозяйстве использовался и труд рабов. Рабы назывались различными терминами (бу, чень, ну) в зависимости, повидимому, от способа порабощения. Были рабы из числа военнопленных; рабами могли стать свободные китайцы, преступившие закон. Из данных «Чжоу-ли» мы видим, что рабов использовали, главным образом, на тяжелых государственных строительных работах. Широко использовался труд

рабов и для домашних работ в хозяйстве чиновников и знати. Рабовладение получило довольно большое развитие. «Чжоу-ли» говорит о продаже рабов на рынках наравне со скотом, а надписи на бронзе сообщают о дарении рабов в числе, достигавшем иногда двухсот человек.

Ли-ван. Центральное правительство в лице самого царя сильно способствовало обогащению знати, раздавая щедрой рукою награды. В тех случаях, когда царь делал попытку оказать давление на знать, он встречал энергичный отпор.

Так, один из царей этого времени, Ли-ван (с 878 года), обложил население непомерными налогами, взимая подати не только с народа, но и с вельмож. Некоторых правителей областей он подверг смертной казни и самыми жестокими мерами выколачивал налоги с населения. Поднялось восстание; разъяренная толпа напала на царский дворец и разграбила его. Ли-вану удалось спастись бегством, а сын его был спасен, как говорит легенда, только благодаря тому, что один верный вельможа, желая сохранить жизнь престолонаследника, отдал на растерзание разъяренной толпе своего сына. К этому же времени относятся восстания отдельных правителей округов. Правитель округа Чу (у реки Янцзы) сумел организовать сильное войско и, поддерживаемый племенами, населявшими его округ, подчинил себе целый ряд областей, раздав их своим сыновьям, и даже принял титул вана, объявив себя самостоятельным. Одновременно с этим начинается наступление кочевников как с юга, так и с севера. Но все же государство сумело справиться со всеми непорядками, сломив сепаратистские стремления провинциальной знати.

Ю-ван. В начале VIII века, в царствование Ю-вана (781), годы правления которого могут быть точно установлены, так как при нем произошло солнечное затмение, время которого можно вычислить (29 августа 775 года), власть царя, сколько можно судить, все еще была сильна. При дворе происходили непрерывные празднества, царь устраивал всевозможные забавы. Однажды, говорит легенда, чтобы развеселить свою любимую жену Бао-сы, он приказал зажечь сигнальные огни, которые зажигались только в том случае, когда было нужно оповестить областных правителей о нападении гуннов. На эту ложную тревогу не замедлили явиться правители со своими отрядами. Шутка доставила Бао-сы большое удовольствие, но когда спустя некоторое время при действительном нашествии гуннов снова были зажжены огни, то ни один правитель не послал своих войск, и Ю-вану пришлось сражаться почти одному. Ю-ван был разбит, бежал в столицу, где и был убит. После него династия приходит к упадку. Так легенды китайских историков пытаются объяснить причины упадка династии Чжоу. Любопытно, что примерно такие же рассказы существовали о последнем царе династии Ся, а также о последнем царе династии Инь. Эти легенды, редактированные при Чжоу, должны были показать, что причина падения династий заключалась в

том, что царь-де мало заботился о своем народе, предаваясь удовольствиям, и что его надо было заменить другим.

Упадок династии Чжоу и распад объединенного государства. В сборнике древних песен «Ши-цзин» мы имеем материал, который вскрывает истинные причины падения династии Чжоу.

В глубоко зашедшем процессе разложения общин, в своеволии власть имущих лежат причины упадка некогда сильного деспотического государства.

Во время царствования Пин-вана, вступившего на престол после своего отца Ю-вана, резиденция царя переносится из Хао в Ло-и; с этого времени мы начинаем период «Восточного Чжоу». Этот период полнее всего освещается летописью, приписываемой Конфуцию, «Чун-цю» («Весна и осень»), где излагается история княжества Лу, где, по преданию, жил Конфуций. Этот основной источник по истории Восточного Чжоу охватывает время с 722 по 481 год. Сюда же примыкает период «Чжань-го», т. е. «Борющихся государств», который простирается до 221 года.

Сыма-цянь по поводу падения династии Чжоу говорит, что «...царский дом клонился к упадку и ослабевал. Владетели использовали свои силы, чтобы угнетать слабых. Ци, Чу, Цинь и Цзинь начали возвеличиваться. Власть использовалась теми, кто господствовал в своей области». Действительно, с упадком центральной власти государство Чжоу распадается на многочисленные самостоятельные княжества, которые ведут между собою борьбу за первенство. Перечисленные Сыма-цянем четыре области раньше всех стали гегемонами над другими благодаря своему выгодному положению. (Впоследствии к этим четырем гегемонам — «ба» китайская традиция добавила пятого — Сун, чтобы получить излюбленное число пять. Таким образом, этот период носит название у китайских историков У-ба, т. е. «Пяти гегемонов»).

Область Ци. Область Ци, расположенная в низовьях реки Цзи (на месте современной провинции Шаньдун), и в период Инь представляла собой самостоятельное царство. Равнинный характер страны облегчал централизацию входивших в Ци округов. Княжество Ци в годы правления Хуаня было хорошо организовано и в административном и в военном отношении. Кроме того, развитой соляной промысел и добыча железа в соседних горах определяли экономический перевес Ци над другими областями.

Область Цзинь. Область Цзинь лежала между Желтой рекой и рекой Фэнь, занимая территорию южной части провинции Шаньси. Расположенная в лёссовой равнине, область Цзинь была изрезана многочисленными дорогами, идущими по насыпи. Местные условия придавали и раньше Цзинь независимый характер. Правители ее никогда не подчинялись всецело царскому дому Чжоу и занимались разбоем, причем нападали не только на варварские племена Ди, осевшие на севере, но и на области, входившие в состав государства Чжоу. Пользуясь междоусобной борьбой, правители Цзинь стали полностью независимыми и значи-

тельно расширили свои владения. Как говорит Сыма-цянь, «...в это время Цзинь было могущественно. На западе ему принадлежал Хэ-си и владения его были смежными с Цинь: на севере оно соседило с Ди, на востоке доходило до Хэ-нэй (север Хэнани)». Твердая власть князя Вень дала возможность организовать государство Цзинь на военный лад, что привело его к большому могуществу.

Область Цинь. Область Цинь лежала на месте современных провинций Гань-су и Шэньси. Еще во времена Ю-вана правители Цинь отражали набеги западных варварских племен. Во время ослабления власти Чжоу, правители Циня продвигают свои владения все больше на восток, спускаясь по реке Вэй и Ло. Многие области вынуждены были выразить покорность Циню.

Область Чу. Область Чу находилась в южных частях государства Чжоу, у впадения реки Хань в Янцзы. Она охватывала север провинции Хубей, где в то время жили всевозможные некитайские народности. Будучи наиболее удаленной областью государства, Чу раньше других получила независимость. Уже при Ли-ване правитель Чу именовал себя титулом вана, считая себя самостоятельным царем.

Лига мелких княжеств. Во время междоусобной борьбы, происходившей в начале VII века между отдельными областями центральной части Китая (области Вэй, Чжен, Сун и др.), особенно страдали мелкие княжества, которые в конце концов обратились за помощью к Хуаню, князю области Ци. По его инициативе в 680 году был созван съезд правителей областей и была организована лига мелких княжеств, где должны были решаться как мирные, так и военные дела. Лига собиралась под председательством князя Ци, который был гегемоном (*ба*). В состав лиги не входили наиболее крупные княжества Цинь и Цзинь. В стороне от Лиги стояло также и Чу. Лига мыслилась как организация, стоящая на защите царствующего дома Чжоу, который продолжал еще влачить жалкое существование.

Гегемония Ци. Много забот доставляло Лиге княжество Чу, которое, пользуясь войнами между областями Чжен и Сун, захватило их в свои руки. Этому пытались было противостоять области Вэй и Лу, но этот союз показался опасным для князя Ци, который подчинил себе Лу. Этим обстоятельством воспользовался князь Чу, и в результате в его руках оказался весь юго-восток от реки Хуан-хэ. Тогда-то князь области Сун и обратился за помощью к Цзинь.

Гегемония Цзинь. Выступление области Цзинь на арене политической борьбы привело к ее возвышению и гегемонии над другими областями.

Китайские летописи подробно излагают историю этого смутного времени, когда ослабленный внутренней борьбой Китай неоднократно подвергался нападению со стороны соседних племен. Мы не имеем сейчас возможности подробней останавливаться на исто-

рии этой борьбы за гегемонию; можем лишь отметить, что в конечном итоге многочисленные самостоятельные области постепенно объединялись и к IV веку возникло семь государств, подчинивших себе остальные. Между этими семью государствами еще долгое время продолжалась борьба, но перевес определенно был на стороне области Цинь.

Гегемония Цинь. Уже в середине VII века правитель княжества Цинь подчинил себе ряд городов соседней области и с этих пор началось постепенное расширение его территории. Этому в значительной степени способствовали непрекращающиеся набеги иноземных племен, которые пользовались слабостью противников области Цинь и не упускали случая совершить на них грабительский поход. Область Цинь к концу VII века стала настолько могущественной, что ее правитель даже получил от царя, продолжавшего еще считаться номинальным государем Китая, титул *ба*. В то время как на востоке продолжалась борьба между областями, правитель области Цинь отошел от политики и занялся внутренними делами.

Ирригационные сооружения Цинь. Были созданы колоссальные хозяйственные сооружения, которые значительно укрепили экономику Циньской области. Используя силы беженцев из других областей и располагая дешевой рабочей силой, правители Циня прорыли ряд каналов, из которых надо отметить прежде всего канал, соединявший притоки Хуан-хэ — реки Хуан и Вэй, протекавшие через область. Благодаря этому можно было использовать наносное удобрение этих рек для истощенных полей, а также сделать плодородными те земли, которые раньше считались непригодными для земледелия. Кроме того, как говорит текст, «Правительство государства Цинь назначило строителя из соседнего государства Хань для того, чтобы он открыл реку Цзин и прорыл канал на протяжении свыше 300 ли (1 ли = 644 м) с целью орошения полей. В результате на каждое му пришлось по одному чжуану урожая. Вследствие этого на протяжении всей страны поля стали плодородными, и не стало больше неурожайных лет, и государство Цинь стало богатым и сильным». Так говорит текст, и, действительно, эти хозяйственные сооружения значительно укрепили земледельческую базу Циньской области. Одновременно с этим отвоеванные земли раздавались пришельцам на льготных условиях, что приводило к быстрому переселению малоземельных и безземельных крестьян из других областей; это происходило с тем большей интенсивностью, что на первых порах, когда земли было много, каждый имел право брать ее столько, сколько пожелал. Вместе с этим общинное землевладение приходит в упадок и открыто признается частная собственность на землю, которая обрабатывается данным лицом.

Состояние китайского общества. О положении в других областях мы можем судить, например, по тому перечню вопросов, по которому чиновник должен был собирать сведения. Так, в области Ци

в VII веке мы читаем следующий перечень вопросов, предложенных царем: «Сколько в округе людей находится на пропитании хороших [т. е. богатых] семей? Сколько в округе бедных семей, которые живут беря ссуды? Сколько бедных воинов, которые берут взаймы у великих мужей? Сколько жителей округа обрабатывают поля для других?» и т. д.

Из этих вопросов мы можем судить, что и в других областях частная земельная собственность привела к большой экономической дифференциации общества. Наряду с безземельными крестьянами появились богатые землевладельцы, занимавшиеся ростовщичеством. Здесь, следовательно, уже появились предпосылки для возникновения в будущем рабства из среды свободных, которые хотя еще и не были рабами, но положение которых все больше ухудшалось. Внутренние противоречия в обществе приводили его в тупик.

Философские системы. К этому времени, к VI веку, появляются многочисленные философские учения, которые пытаются либо оправдать существующий строй, либо найти выход из создавшегося положения. Наиболее значительными философскими системами были учения, приписываемые Лао-цзы и Конфуцию.

Даосизм. О жизни Лао-цзы мы не имеем достоверных исторических данных; это имя окружено всевозможными легендами.

Легенды говорят, что он был зачат от падающей звезды, имел от рождения старческий вид и седые волосы, почему и был впоследствии назван Лао-цзы, т. е. «старый мыслитель». Родился он в 604 году в деревне в области Чу (провинция Хэнань). Он был долгое время хранителем государственного архива династии Чжоу в столице Китая Ло-и (по легенде он был архивариусом еще при У-ване, основателе династии Чжоу, и занимал эту должность при всех последующих царях).

Лао-цзы считается главою учения, изложенного в книге «Дао-де-цзин» — «Книге о Дао и Дэ, т. е. о непознаваемой божественной силе и ее жизни в природе и человеке». В этой книге излагается верховный принцип, лежащий в основе всего существующего; о нравственности и политике говорится скептически. Сущность этого учения сводится к тому, что в основе бытия лежит «Дао»; это — и потенция бытия и само бытие, идея абсолютного, это — «вечный путь», к которому стремится сверхчеловек (шэн). Все исходит из Дао, пребывает в Дао и возвращается в Дао. Идя по этому великому пути Дао, человек должен следовать законам природы: всякое уклонение от природы есть уже падение. Всякое усилие быть верным природе противно ей по той причине, что оно есть усилие. Не нужно бороться и противодействовать событиям — нужно всячески их избегать, уединяясь на лоно природы. Пассивность и самоотречение — вот принципы этого учения. О том, кто в своем поведении следует Дао, говорят: «Он пребывает в бездеятельности и учит без слов». Некоторым это учение напоминает философию буддизма, но едва ли мы можем видеть здесь влияние индийской философии. Обстановка, в кото-

рой создался даосизм, вполне благоприятствовала самостоятельному возникновению и развитию этого учения. Но надо все же отметить, что легенды связывают Лао-цзы с Индией; в них прямо указывается, что, не находя себе сторонников, Лао-цзы много странствовал и, наконец, удалился на запад. Учение, проповедующее непротивление злу, покорность и пассивность, было на руку правящим классам. Но вместе с тем это учение утверждало, что в природе нет рангов, нет темниц, нет уголовного кодекса. Даосизм нигде открыто не высказывался против государства, проповедовал идею пассивного государя, сидящего над пассивным же народом. Первоначально отвлеченное учение даосизма не получило популярности, и только позднее даосизм превратился в своеобразную религиозную секту, со своей мифологией и обрядностью, заимствованной из обрядности буддизма.

Конфуцианство. Младшим современником Лао-цзы был философ Конфуций или, правильнее, Кун-Цю или на языке ученых Кун-фуцзы (т. е. мудрец Кун). Он родился в 551 году в деревне Цюе-ли в провинции Шань-дун. Легенды рассказывают, что когда Конфуцию было три года, он лишился отца, но не был бременем для матери, так как он был не по летам степенен и серьезен. Восьми лет он поступил в школу, где пробыл десять лет, служа примером для товарищей и радуя учителей своим образцовым поведением и недетскими играми в церемонии. По окончании учения Конфуций женился и получил должность чиновника. Когда ему было сорок лет, он начал открытую проповедь своего учения перед многочисленными учениками. Одновременно он занимал должность помощника министра публичных работ, а затем министра юстиции в княжестве Лу. Благодаря своему уму, энергии и неподкупной честности Конфуций достиг большого влияния, но его учение не всегда было по вкусу правителю области. К концу жизни Конфуций после долгих скитаний вернулся к себе на родину, где посвятил последние годы литературным трудам. Ему традиция приписывает редактирование и стилистическую обработку основных «классических» книг, о которых упоминалось в связи с обзором источников. Умер Конфуций в 479 году, семидесяти двух лет от роду.

Учение Конфуция прямо противоречит даосизму. Так, сам Конфуций, спрошенный по поводу учения Лао-цзы, не согласился с ним и в общем высказался в том смысле, что добротою можно платить только за доброту, а за обиду — в крайнем случае справедливостью, подразумевая под этим серьезное отношение к человеческим достоинствам. Требование личного самоусовершенствования, достижение добродетелей Конфуций ставил в непосредственную связь с поддержанием незыблемого порядка в общественной жизни. Как говорит один ученик Конфуция и первый теоретик его учения: «Раз у человека мысли искренни, то его сердце исправно; раз сердце у него исправно, то его личность воспитана; раз человек воспитан, то семья будет устроена; раз семья устроена, то государство будет управляться надлежащим образом».

Если человек хочет жить, то он должен знать то, что́ от него требует природа, семья, общество, государство и человечество.

Конфуций призывал к соблюдению издревле установленных обрядов. «Дети должны быть религиозно проникнуты преданностью, почтением, любовью к своим родителям». «Супруги дол-

жны быть проникнуты взаимной любовью, взаимным уважением». По отношению к друзьям рекомендовалось «быть строгим к самим себе и снисходительным к другим». Отсюда делается вывод: «Если вы будете любить своих родителей, то тем самым и в народе укрепите чувство любви; если вы будете почитать старших родственников, то тем самым научите народ послушанию; укрепив в себе чувство любви, простолюдины будут ценить своих родителей; научившись почтению к старшим, будут с уважением относиться к приказаниям правителей». «А когда простолюдины будут служить своим родителям с чувством сыновнего благочестия, когда будут слушаться приказаний правителей, тогда управление государством станет открытым как на ладони».

«И всякий, служащий государю, знатный или незнатный, богатый или бедный, ни при каких обстоятельствах своей жизни не должен производить возмущений».

Государственный строй Китая уподобляется Конфуцием гигантской семье, где прерогативы старшего в роде перенесены на царя. Добрый правитель должен стараться обогатить народ и научить его. Своим учением Конфуций, всячески идеализируя государство, старался сгладить классовые противоречия, призывал народ к покорности; его учение, проводившее одни и те же патриархальные принципы по отношению к семье и государству, проповедовало застой и консерватизм.

Философские системы Лао-цзы и Конфуция, несмотря на существенную разницу между ними, имеют много общих черт; прежде всего эта общность состоит в проповеди непротивления злу и покорности государственной власти. Учение Конфуция получило большое распространение, Конфуций оставил после себя многочисленных учеников, которые записали и систематизировали это учение. Конфуцианство и до сих пор играет очень большую роль в жизни китайского народа.

Мэн-цзы. Среди продолжателей учения Конфуция особой известностью пользуется Мэн-цзы. Он родился в 371 году. Мэн-цзы если и не прибавил ничего нового к доктринам своего учителя, то он продолжил и развил его. Наиболее значительным в учении Мэн-цзы была агитация за систему цзин-тянь, систему общинного землепользования, которая китайской традицией возводится ко времени династии Чжоу.

Мэн-цзы подчеркивал все выгоды, которые дает эта система государству, указывая, что при этой системе «пока не закончена обработка общего поля, никто не может приступить к обработке своих наделов». Он приводил песню землепашца из «Ши-цзина»: «Ороси дождем наше общее поле, а потом ороси наши частные поля».

Для придания системе цзин-тянь большей авторитетности, существование ее возводилось к глубокой древности — якобы эта система была установлена уже во времена легендарного царя Хаун-ди. Так в позднейшее время древняя форма общинно-госу-

дарственной земельной собственности, существовавшая во времена династии Чжоу, приобретала в учении конфуцианцев уже идеальную форму системы цзин-тянь, которая никогда в действительности не была проведена в жизнь.

Мэн-цзы своим учением стремился урегулировать землепользование установлением точных границ полей, облегчить налоги на крестьян, уравнять крестьян, дав каждому равные наделы. В то же время он стремился к ограничению произвола богатой верхушки. Остановить экономическое развитие Китая, вернуть его ко времени «золотого века» общины — вот в сущности к чему сводилось учение Мэн-цзы.

Продолжая в основном учение Конфуция, Мэн-цзы более резко, чем его учитель, ставит вопрос об обязанностях царя по отношению к народу.

«Все люди, — говорит он, — равны между собой: почему же существуют богатые и бедные? Когда, с одной стороны, кухни переполнены прекрасными блюдами и в конюшнях ржут дорогие кони, с другой же стороны — народ умирает с голода и усеивает дороги своими трупами, — не управляется ли тогда государство дикими зверями, которые растерзывают людей? И когда царь присоединяется к этим диким зверям, можно ли назвать его отцом своих подданных? Не вправе ли мы считать его разбойником?»

Но, конечно, эти попытки были обречены на гибель.

Так в философских системах конца Чжоуской династии, влачившей еще жалкое существование, отразилось состояние общества, полного внутренних противоречий.

Так в философских учениях Лао-цзы, Конфуция и их учеников отражаются попытки вывести общество из того тупика, в которое оно попало в результате нарастающих классовых противоречий.

Возвышение Цинь. Между тем государство Цинь, избегавшее до того вооруженных столкновений с соседями, сумело значительно укрепить свою экономическую базу путем проведения ряда мероприятий, о которых было сказано выше. Усилению государства Цинь много способствовали и те реформы, которые были проведены Шан-Яном, министром циньского князя Сао-чуна (с 361 года).

Учение Фа-цзя. Шан-Ян в своих реформах опирался на учение школы Фа (учение о законности), появившейся в это время. Учение Фа было некоторой реакцией на конфуцианство, против которого оно резко выступает. Представители этой школы критиковали слепое подражание древности, указывая, что не моральным воздействием, а суровыми законами можно водворить в стране порядок. Они считали необходимым прежде всего урегулировать общественные отношения путем обуздания недовольных. Реформы в государственном аппарате, создание сильной власти, суровые наказания — вот основы благополучия народа согласно этому учению.

Реформы Шан-Яна. Шан-Ян, став министром циньского князя, проводит (около 350 года) реформы, используя учение Фа-цзя. Эти реформы направлены против остатков родовых отношений. Он

установил новое административное деление княжества на округи, вместо прежнего, где сохранились следы деления на племена и роды, устанавливает табели о рангах, вводит новую систему назначений. В своих реформах, о которых мы знаем прежде всего со слов Сыма-цяня, он опирался не на старую знать, хранившую традиции патриархальных родовых отношений, а на новую, землевладельческую знать, служилых людей, войско. «Тот, кто имеет военные заслуги, по закону получает высшие должности». В то же время он ищет поддержки у мелких землевладельцев — крестьян. Отработочная форма налогов была отменена, на землю был установлен определенный налог. За крестьянами земля закреплялась в полную собственность; об общинном землевладении уже говорить не приходится. Сыма-цянь по этому поводу говорит: «Великие и малые, усердно занимающиеся основными профессиями — землепашеством и ткачеством, те, кто производят много риса и тканей, освобождаются от отработок». Напротив, «занимающиеся низкими профессиями, торговлей, ремеслом, лодыри и бедные по выяснении будут превращены в рабов».

Реформы Шан-Яна, хотя они и вводились постепенно, а не сразу, вызывали недовольство в разных слоях населения, которое не могло сразу оценить их значения. Поэтому Шан-Ян установил строжайший контроль над всеми недовольными. Было приказано, чтобы тот, кто не сообщает о преступниках, наказывался четвертованием. «Тот же, кто сообщает о преступлениях, награждается одинаково с теми, кто убивает врага в сражении». Результаты реформ Шан-Яна сказались не сразу. Как говорит Сыма-цянь, «После десятилетнего применения [реформ] циньский народ переживал большую радость. На дорогах никто не присваивал потерянное. В горах не было разбойников. Каждая семья имела в достатке средства существования. Народ храбро шел воевать за общественное благо и избегал борьбы в личных интересах. В городах и селах [царил] полный порядок. Те, кто раньше порицали новые законы, теперь заявляли об их пользе».

Династия Цинь. Могущество Цинь было настолько велико, что все другие царства вынуждены были с ним считаться. Наконец, после смерти последнего царя династии Чжоу в 256 году циньский царь Чжао-сян перенес свою резиденцию в столицу Чжоуского государства и формально стал царем всего Китая. С этого года по 206 год правила династия Цинь.

Наиболее значительным из царей этой династии надо признать Чжена, ставшего царем в 246 году.

Он повел планомерные походы против других областей, не останавливаясь перед подкупами военачальников неприятеля, внося разными способами раздоры среди враждебных областей. В течение двадцати пяти лет ему удалось завоевать все области Китая, став единовластным правителем обширного государства.

Цинь-ши-Хуанди. В 221 году он принял громкий титул Цинь-ши-Хуанди «первый монарх», т. е. первый (ши) после древних

единодержавных царей хуанов и ди. Этим закончилась междоусобная война, известная в истории под названием Чжан-го («борющихся государств»). Власть Ши-Хуанди распространялась на севере в область Ордоса и Южной Манчжурии; на юге охватывала области до Кохинхины; на западе граница колебалась в зависимости от военных успехов Китая и доходила до Китайского Туркестана, восточной границей было море. Столица была близ совр. Си-ань.

Все свое государство Ши-Хуанди разделил на тридцать шесть областей (цзюнь), подразделив их еще на округи (сянь).

Все старые чиновники подверглись жестоким притеснениям и лишились всех своих привилегий; граждане подчиненных областей должны были сдать оружие. Во главе областей были поставлены правители, непосредственно подчиненные царю; в помощь им была учреждена должность прокурора, а за деятельностью обоих наблюдал цензор, личность которого была неприкосновенна.

Для укрепления своей военной мощи Ши-Хуанди провел реорганизацию армии. Вместо тяжелых колесниц, запрягавшихся четырьмя конями, он усиливает конницу, которая появилась при одном из его предшественников. Сымя-цян говорит, что конница была заимствована у соседних кочевых народов.

Строительная деятельность. Ши-Хуанди приказал продолжить дороги между всеми главными городами области и предпринял колоссальные работы по прорытию оросительных каналов. Все эти работы рассматривались в то же время как мероприятия по борьбе с обнищанием населения; при этом был проведен закон об обязательном труде всего безземельного населения на этих общественных работах. Отряды рабочих были организованы на военный лад и подчинялись строгой дисциплине. Стремясь укрепить свои внешние границы от нападения соседних племен, особенно с севера племен Сюн-ну (гунов), Ши-Хуанди решил продолжить начатые до него работы по постройке Великой стены. Старые сооружения были восстановлены и были застроены промежуточные места. Великая стена, или по-китайски «стена 10 000 ли» (Ван-ли-чан-чен), первоначально строилась из глины и земли. Позднее она была облицована кирпичом и камнем. В течение многих столетий вплоть до XVI века н. э. стена продолжала строиться и подновляться. Она тянется от берегов Чжилийского залива до границ Китайского Туркестана. Общая длина ее 6950 ли (ли = 644,4 м) при высоте в десять метров и толщине, достигающей у основания шести метров.

Ши-Хуанди провел, кроме того, ряд походов против северных племен, расширив свои владения в области Ордоса и Хэбэй, и подчинил себе ряд южных областей Китая, населенных иноземными племенами. Завоеванные области он включил в состав основных административных единиц. Сам Ши-Хуанди лично проверял выполнение своих мероприятий, систематически совершая объезды государства. Им же была предпринята экспедиция на

неведомые острова Восточного моря Пэнлай, где обитали люди, достигшие бессмертия. Были оснащены корабли, экипаж которых был составлен из юношей и девушек, чтобы отыскать эти острова и привезти секрет бессмертия.

Ши-Хуанди построил себе великолепный дворец А-фан-чун, над сооружением которого потрудились семьсот тысяч различны преступников. Главный зал дворца будто бы вмещал десять тысяч человек.

Все мероприятия Ши-Хуанди проводились в условиях чрезвычайно суровой дисциплины: малейшее неповиновение приводило к тяжелым наказаниям, тюремному заключению или смертной казни.

Реформа письменности. Объединив в своих руках разноплеменные области, Ши-Хуанди провел реформу письма, создав единое письмо вместо многочисленных существовавших до того форм письменности. Это было поручено министру Ли-сы, который коренным образом изменил письмо, упростив начертание иероглифов и установив единство их написания. Суровым наказаниям подвергались те, кто отступал от введенной нормы или искажал форму знаков. Впоследствии изобретение кисти и бумаги дало возможность писать быстрее, а реформа письма сделала грамоту доступной несколько более широким кругам.

Борьба с конфуцианством. Ши-Хуанди всеми мерами боролся против пережитков родового строя. Стремясь к неограниченной единодержавной власти, он самым решительным образом повел борьбу с конфуцианством, которое сильнее прочих философских систем проявило свою консервативную роль, призывая вернуться к родовому строю. Руководствуясь докладом своего министра Ли-сы, Ши-Хуанди приказал сжечь все книги, которые шли в разрез с его реформами. Прежде всего были уничтожены Шу-цзин, Ши-цзин и философские трактаты Конфуция и его учеников. Оставлены были только те книги, в которых были собраны сведения о законах, земледелии, медицине и гадании. Когда ученые подняли ропот и открыто стали порицать поведение царя, он велел закопать живыми четыреста шестьдесят человек, признанных вождями оппозиции. Так самыми решительными мерами боролся Ши-Хуанди с пережитками прошлого и со сторонниками консерватизма. Это уничтожение конфуцианских книг не следует рассматривать лишь как проявление варварства; мы знаем, что наряду с этим Ши-Хуанди способствовал распространению грамотности и просвещения своей реформой письменности.

В своей борьбе со старым укладом родового строя, в борьбе со старой родовой знатью, Ши-Хуанди утверждал свою деспотию над единым Китаем. Его реформы должны были найти поддержку среди безземельного крестьянского населения. Его большие работы по созданию новой оросительной системы, имевшей не местное, а общегосударственное значение, сеть дорог, соединявших отдаленные уголки обширного государства, — все это зна-

чительно обогащало страну, укрепляя ее земледельческую базу. Но в то же время все эти мероприятия требовали затраты колоссальных средств, которые собирались с того же крестьянского населения. Налоги были настолько высоки, что зачастую крестьяне не в состоянии были их выплачивать. Конец царствования Ши-Хуанди сопровождался тяжелыми формами эксплоатации, принудительным трудом и карательными экспедициями, подавлявшими вспыхивавшие то там, то здесь восстания.

Конец династии Цинь. Известно восстание, поднятое крестьянином Чонань-Шаном, который объединил вокруг себя недовольных. Террор Ши-Хуанди был настолько силен, что восстание было подавлено, но к повстанцам стали присоединяться все старые консервативные деятели, сторонники конфуцианства и старого режима.

Сын Ши-Хуанди, Эр-Ши-Хуанди, сменивший отца в 209 году, не смог справиться с движением, охватившим различные слои населения — как крестьян, так и «верхушки» общества. В 206 году во время восстания, поднятого Лю-Баном, династия Цинь была свергнута и власть перешла к новой династии Хань.

I (старшая) династия Хань. Примкнувшие к крестьянскому движению конфуцианцы сумели выдвинуться и занять руководящую роль, захватив в свои руки государственную власть в обессиленной стране.

Длительная гражданская война разорила страну; начался голод; мешок зерна стоил до 5000 чохов (чох — мелкая медная монета с квадратным отверстием посредине); голодные люди стали поедать трупы своих сограждан; начались болезни, и целые деревни поголовно вымирали. В это время, говорят, погибло до 40% всего взрослого населения Китая.

Новая династия Хань, придя к власти, провела целый ряд реформ. Были смягчены казни, урегулирована податная система, налоги снижены до тридцатой части дохода, возвращена самостоятельность завоеванным областям. Этими мероприятиями цари Хань стремились укрепить свою власть. Этот период характерен дальнейшим ростом частной земельной собственности, развитием торговли, находившейся теперь почти всецело в руках частных купцов, и продолжающимся обеднением крестьян.

Торговля. Если при Ши-Хуанди купцы не пользовались особой любовью и облагались всевозможными податями, то теперь им были даны некоторые льготы. Были установлены в городах особые места торговли, причем местные власти должны были следить, чтобы купцы чрезмерно не обогащались. Каждый город имел рынок. Это была обширная площадь. В определенные дни глава рынка выходил на середину площади и в назначенное время открывал рынок, поднимая свой флаг. Были установлены отдельные ряды торговцев зерном, оружием, мебелью, глиняной посудой и т. д. Торговля велась стандартизованными товарами: штуки холста или шелка имели определенную длину и ширину, повозки

имели определенный размер и т. д. На рынке вели торговлю не только купцы, но и ремесленники, из первых рук продававшие изделия своего ремесла, и крестьяне, выносившие на рынок излишки своего хозяйства.

Ограничение прав купцов. Хотя частные лица и имели право вести торговлю, все же государство не хотело поступаться своими преимуществами в торговле, прекрасно учитывая, что купцы, обогащаясь, приобретали большое влияние. Чрезмерные налоги легко могли обходиться благодаря широко практиковавшемуся взяточничеству. Один советник как-то докладывал царю о той опасности, какую представляют государству купцы. «Крупные из путешествующих и местных купцов, — говорил он, — накапливают богатства, получая барыши один на один... Они держат в руках свои прибыли, у них нет забот земледельца, а есть одни лишь прибыли. Из-за громадной величины своих богатств они завязывают отношения с властями, силой превосходят могущество чиновников». Против чрезмерного обогащения отдельных лиц принимались соответствующие меры; так, например, при царе Ву-ди был издан закон, по которому сами купцы, их дети и внуки лишались права занимать государственные должности. А затем борьба с купцами завершается установлением государственной монополии на продукты широкого потребления, прежде всего на соль и вино.

Рост крупного землевладения. Рост торговли, а вместе с тем и ростовщичество приводили к концентрации земли в руках крупных землевладельцев.

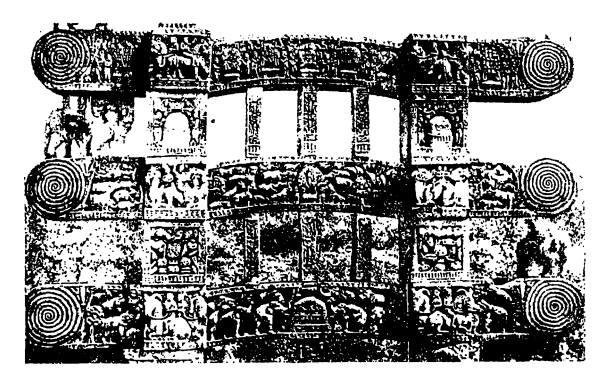
Один советник докладывал царю: «Купцы поглощают земледельцев, а земледельцы разбредаются и пропадают... Верхи и низы во взаимном противоречии, добро и зло перевернуты наоборот». Из того же доклада мы узнаем о росте этих крупных землевладельцев: «Богатые соединяли в своих руках полевые межи, бедные же не имели и такого куска земли, чтобы можно было воткнуть шило».

Наряду с этим все больше развивается ростовщичество, которое приводит к закабалению крестьян, которые запутываются в долгах, будучи не в состоянии выплатить высокого процента, достигавшего иногда 100%.

В одном тексте мы читаем: «Крестьяне должны продавать все, что имеют, за полцены, и если у них ничего нет, то брать ссуду, которую они возвращают с прибылью для заимодавца в два раза, и тогда находятся такие, которые продают поля и дома, торгуют детьми и внуками, чтобы заплатить долг».

Если в начале династии Хань цари старались улучшить положение разоренного гражданской войной крестьянства, снизив налог, то с течением времени в податную систему были внесены различные изменения, всевозможные сборы и пошлины, так что фактически крестьянин выплачивал половину своих доходов. Крупные землевладельцы отдавали свои земли в обработку безземельным крестьянам, которые получали только половину урожая.

Улица в Мохенджо-даро.



Восточные ворота ступы в Санчи. III в. до н. э.

Плоский рельеф Ву-Линг-Чжоу с изображением военных сцен. Период Хань.

Рабство-должничество. Наряду с ростовщичеством начинает развиваться рабство-должничество, кабальное рабство среди бывших когда-то свободными крестьян. Тексты прямо указывают, например, что «у населения области Цинь семьи были бедны, а дети крепки и сильны; поэтому их отдавали в залог» и что, «когда несколько раз подряд бывал неурожай, население вынуждалось продавать именитым людям своих детей, чтобы добыть одежду и пищу». Появились даже специальные работорговцы, которые продавали рабов на рынках, как быков и лошадей. Один из царей Гао-цзы сделал попытку положить конец этому рабству-должничеству; он издал указ, где было сказано: «Повелеваю, чтобы народ, который в силу голода продал себя в рабство, был освобожден и обращен в вольных людей», но этот же указ говорил: «Народ имеет право продавать своих детей». Ясно, что этими полумерами нельзя было покончить с внутренним рабством.

Попытки борьбы с крупным рабовладением. В этих условиях некоторые из царей (Ву-ди) стремились перенести центр внимания на улучшение способа обработки земли, устанавливали твердые цены на зерно, сооружали государственные зернохранилища на случай неурожайных лет и т. д. Более решительные меры предпринял один из последних царей династии, Ай-ди. Был предложен проект указа, где постановлялось, что никто, даже самый богатый и знатный человек, не имеет права владеть более чем пятью тысячами му земли, так как «богатые и влиятельные лица владеют землями и принудительной рабочей силой без всяких границ, в то время как бедные потеряли свое основное занятие (земледелие) и страшно бедствуют от недостатков». Число рабов ограничивалось: представители высшей знати могли иметь не более двухсот рабов, тогда как прочее население — чиновники и народ — не более тридцати. Но этот радикальный закон не вступил в силу, так как шел в разрез с интересами знати.

Конец I династии Хань. Положение крестьян нисколько не улучшилось; напротив, стихийные бедствия, разразившиеся над страной в 33 году до н. э. (наводнение, затем двухлетняя засуха и ураган), окончательно подорвали экономическое положение страны и послужили толчком для волнений и восстаний. Опираясь на недовольное большинство народа, тесть царя Ван-Ман в 9 году н. э. сверг последнего царя Ханьской династии, не достигшего еще совершеннолетия Ю-цзы-ина.

Реформы Ван-Мана. Ван-Ман является видным реформатором, который, опираясь на широкие слои населения, пытался урегулировать земельные отношения и тем самым покончить с острыми социальными противоречиями. Прежде всего он запретил куплю-продажу земли и рабов, объявив, что земля и рабы являются собственностью государства. Каждая семья должна была получить определенный земельный надел. Тех, кто сопротивлялся введению этой системы, он ссылал в леса варварских областей. Наряду с земельной реформой он провел реформу денежной си-

стемы, которая била по карману богачей. Ван-Ман установил государственную монополию на соль, вино, железо, горные промыслы. Отливка монеты частными лицами была запрещена и производилась во дворце. Кроме того, были установлены твердые цены на товары и регламентированы кредитные операции. Купцы были обязаны отпускать населению товары в кредит, не взимая процентов. Государство само выдавало населению ссуды под умеренный процент из расчета 10% в год. Все эти мероприятия Ван-Мана должны были ограничить обогащение купцов и ростовщиков, облегчить участь беднейшего населения. Реформам подверглась и податная система: был введен подоходный налог. Все неземледельческое население (купцы, ремесленники и т. д.) должно было подавать податные декларации с точным указанием своих доходов; одна одиннадцатая оставалась в пользу государства. Ложные показания в декларациях приводили к конфискации имущества. Эти реформы встретили сопротивление не только со стороны крупных землевладельцев, но и со стороны крестьян, которые не хотели расставаться со своими землями. К тому же недовольные купцы отказывались выносить на рынок свои товары; в государственную казну не поступали налоги в полной мере. Все это приводило к истощению страны, к скоплению товаров в одних областях и недостатку предметов первой необходимости и даже голоду — в других. Спекулируя на всеобщей любви народа к древним установлениям, Ван-Ман не замечал, что его теории неприменимы на практике. Года через три ему пришлось отменить закон о запрещении купли-продажи земли. Жестокие репрессии, применявшиеся Ван-Маном к непокорным, вызывали все большее недовольство. Его двухсоттысячная армия, расположенная у северных границ, разложилась и образовала грабительские банды. Наступивший в результате неурожайного года голод еще больше озлобил народ против Ван-Мана. Начали повсеместно вспыхивать восстания. Отряды повстанцев носили характерные экзотические названия: «Медные лошади», «Железные голени», «Большие пики».

Восстание «Краснобровых». Особенно сильным было восстание «Краснобровых», вспыхнувшее в 18 году н. э. в Шаньдуне, под руководством Фань-Чуна. Это был отважный человек, который за короткий срок сумел собрать десятитысячный отряд. К нему стали примыкать многочисленные отряды и образовалась достаточно сильная армия, которая смогла дать отпор даже стотысячному войску Ван-Мана. Легенда говорит, будто Фань-Чун в целях борьбы с дезертирством, заставил своих приверженцев окрасить брови в красный цвет. Отсюда прозвище «Краснобровые», которое получили повстанцы. Войско Ван-Мана занималось грабежом и насилием над местным населением областей, через которые оно проходило. Народ предпочитал «Краснобровых» этим защитникам Ван-Мана. «Краснобровые» скоро сумели отвоевать почти всю восточную часть Китая; войска Ван-Мана бежали, не

находя поддержки у населения. Пользуясь гражданской войной, стали подымать голову остатки приверженцев Ханьской династии. Один из представителей этой династии, Лю-Сю, поднял восстание, собрав армию в восемь тысяч человек. Лю-Сю был достаточно хитрым политиком, чтобы убедить Фань-Чуна в необходимости объединиться для окончательного разгрома войск Ван-Мана.

Ван-Ман прекрасно учитывал, что борьба идет не на жизнь, а на смерть; поэтому он бросил все силы против объединенных армий Лю-Сю и «Краснобровых». Он поставил во главе своего «миллионного войска» двух военачальников, послал против мятежников всех хищных зверей царского зверинца — тигров, а также носорогов и слонов. Одно время войска «Краснобровых» вынуждены были отступить. Но казна Ван-Мана была истощена; он собрал последние силы, направил против мятежников даже свой гарнизон. В это время в его армии начались волнения, чем воспользовались мятежники, которые сейчас же перешли в наступление и осадили столицу. Ван-Ман выпустил из тюрьмы заключенных и, вооружив их, поставил на защиту города. Войска же Лю-Сю захватили предместья столицы, а восставший в осажденном городе народ поджег дворец. К вечеру столица пала, и Ван-Ман был казнен.

Вождь «Краснобровых» Фань-Чун послал своих представителей к Лю-Сю. Тот, чтобы привлечь их на свою сторону, пожаловал им высокие титулы и роздал знаки отличия. Но вожди «Краснобровых» остались верными своим войскам; они покинули Ло-Ян и вернулись в свой лагерь. Опираясь на «Краснобровых», потомкам старой династии удалось восстановить Ханьскую династию, свергнутую Ван-Маном. Крестьяне боролись храбро, но все же ясной цели перед собой они не имели. Они хотели свергнуть гнет эксплоатации Ван-Мана с тем, чтобы поставить другого царя. Они не имели прочной организации и достаточно крепкой армии, чтобы сражаться с регулярными полками правительства. Они не могли воспротивиться реставрации династии Хань.

II династия Хань. II династия Хань, или «младшая» Ханьская династия (25—220 годы н. э.), — это период дальнейшего роста зажиточных, превращающихся в крупных рабовладельцев. «Некто по имени И захватывал вольных граждан, — говорит текст, — и всех их обращал в своих рабов, которых он имел несколько тысяч человек; эти рабы считались добровольно продавшими себя в рабство». Рабов клеймили; их держали в особых рабских домах. Рабами становились должники, попадавшие в долговую кабалу, и разного рода преступники. Никакой возможности стать снова свободными рабы не имели.

Внешняя торговля. Торговля в этот период продолжает развиваться, и никаких ограничений ее развитию правительством не делалось. Особенно широкое развитие получает внешняя торговля. Возможно, что устанавливается торговая связь даже с Римской империей. Об этом мы можем судить, например, из того,

что при раскопках (в Шаньси) были найдены вещи римского изделия; китайские шелка имеют рисунок римских сюжетов. Из Китая вывозилось железо, добыча которого в это время достигала настолько больших размеров, что на римском рынке оно занимало первое место; вывозились шелковые ткани, зачастую изготовленные по западным образцам, что видно хотя бы из того, что шелка, найденные в Арсиное (Египет) и в Японии, имеют совершенно одинаковый орнамент. Китайцы вывозили ковры, стеклянные и фарфоровые изделия. Наконец, надо отметить, что китайские летописи упоминают об иноземном царе Антун, который искал дружбы с Китаем. Вполне возможно, что это указывает на прямую связь Китая с Римом времени Антонинов.

Крупное рабовладение. Быстрый рост и необычайно широкий размах внешней торговли, при существовании частной земельной собственности и крупного рабовладения, должны были привести к резкой дифференциации общества. Действительно, если на одном полюсе концентрируются слои богатых людей, владеющих, как говорят тексты, «тысячами» рабов, то на другом полюсе скапливаются толпы лишенных всяких средств существования, всяких средств производства. Это та беднота, которая смыкается теперь с рабами, ибо сама беднота представляет из себя потенциальных рабов. Интересы бедноты сближаются с интересами рабов. Этим надо объяснить тот обостренный характер, который приобретает классовая борьба ко II веку н. э.

Классовая борьба. Во время царствования Ань-ди (107 год н. э.) опять начались голодовки, что сейчас же повело за собой наступление кочевников, гуннов, которые всегда ждали случая для нападения на Китай. Все эти обстоятельства послужили внешним толчком для ряда восстаний, которые охватили весь Китай и продолжались в течение нескольких десятков лет. Особенно крупным было восстание «Желтых тюрбанов» (184 год н. э.).

Желтые тюрбаны. Во главе этого восстания стояли три брата Чжан. Старший из них — Чжан-Цзяо основал секту «Путь к всеобщему миру». Он повсюду рассылал своих учеников, которые распространяли его учение. В течение десятка лет вел он подготовку и организацию большой армии в несколько десятков тысяч человек, во главе которой стояли тридцать шесть начальников. Наконец, когда все было готово, Чжан-Цзяо объявил, что 184-й год будет годом новой эры. На стенах домов, храмов, правительственных зданий люди писали мелом два иероглифа «Цзя-цзы», т. е. «новая эра». Один из начальников Ма-Юань-и получил приказ вести наступление с юга, от реки Янцзы; двое придворных, принадлежавших к партии «Желтых тюрбанов», должны были действовать во дворце. Назначен был день восстания, но один из участников, Чан-Чжоу, выдал заговор правительству. Ма-Юань-и был схвачен и казнен колесованием; повсюду происходили аресты заговорщиков. Говорят, что в столице за один день было казнено больше тысячи человек. Это послужило

сигналом для восстания, которое одновременно вспыхнуло в разных концах Китая. Настолько хорошо была проведена подготовительная работа, что в течение месяца все стало на сторону повстанцев.

Борьба между отрядами «Желтых тюрбанов» и правительственными войсками продолжалась с переменным успехом. «Желтые тюрбаны» стойко выдерживали натиск регулярной армии, но в конце концов они были разбиты: тридцать тысяч их было убито и взято в плен, пятьдесят тысяч утонуло в реке, а в течение дальнейших операций отдельные отряды повстанцев были переброшены на север, где снова была сформирована армия в сто тысяч человек. Но и это войско после ряда сражений было разбито. Когда, таким образом, с восстанием «Желтых тюрбанов» было покончено, повсеместно пошли тщательные розыски членов этой партии и массовые казни их: не было области, где не было бы казнено несколько тысяч человек.

Конец династии Хань. В общей сложности борьба с «Желтыми тюрбанами» продолжалась пятнадцать лет. С подавлением восстания особенно крепка стала рабовладельческая аристократия, которая в борьбе между отдельными группировками довела страну до состояния полной разрухи, пока, наконец, объединенное государство не распалось.

Так в 220 году пала династия Хань и начался период Сань-го (трех государств), период окончательного упадка рабовладельческого общества и формирования нового, феодального строя.

Культура древнего Китая. Религия. Религия китайцев, если отбросить позднейшие наслоения, привнесенные в нее философскими школами Лао-цзы, Конфуция и их учеников, сводится к анимизму, с громадным преобладанием культа предков.

Небо «Шан-ди» считалось верховным предком всего человечества и прежде всего царя. Небу приписывалась роль отца людей, наблюдавшего за ними, заботящегося об их благополучии, награждающего одних и наказывающего других.

Наряду с небом почитались пять элементов — дерево, огонь, земля, металл, вода. Этим пяти элементам соответствуют: различные качества (воспламеняемость, влажность и т. п.), состояние погоды (жар, холод, дождь, ветер, ясная погода), страны света, пять планет, времена года, чередование царей.

Почитались духи гор, рек и вообще вод. Вся одухотворенная природа теснейшим образом связывалась с культом предков.

Храмы духам и богам располагались на горе; на горе же приносились жертвоприношения в случае засухи, неурожая, наводнения.

Примитивны были представления о загробной жизни человека. Если человек после смерти продолжает жить, то он нуждается в том, что нужно живым людям. Отсюда погребение живых людей вместе с покойниками. Так, некоторые циньские цари похоронили с собой — один шестьдесят шесть, а другой — сто семьдесят семь человек. Ши-Хуанди взял с собой в могилу весь

гарем. Позднее человеческие жертвоприношения были заменены погребением деревянных статуэток (юн), которые заменяли собою слуг и рабов, направляемых в загробный мир вместе с умершими.

Поскольку Китай создался из целого ряда когда-то самостоятельных областей, то долгое время каждая область почитала своих духов, своих богов. После объединения Китая при царях Чжоу, а особенно после централизаторской политики Ши-Хуанди, происходит сложение общегосударственного пантеона, хотя наряду с этим продолжают существовать местные религии.

В религии Китая мы можем наметить три различные категории почитания: 1) души покойных членов семьи почитались в кругу семьи, 2) души умерших царей, знаменитых чиновников, ученых, изобретателей (в области земледелия, шелководства, медицины и т. д.) почитались в пределах всей страны и 3) духи неба, земли, планет, явлений природы и т. д. имели значение во всей стране, но некоторые из них лишь в отдельных областях, как, например, духи-хранители областей, округов, городов и каждого дома.

Эти примитивные формы религии сохранились в Китае на очень долгое время, да и до сих пор пережитки их очень сильны. Некоторую роль в консервации религиозных воззрений на этой ступени сыграло конфуцианство.

Религиозное воззрение налагало свой отпечаток на всю жизнь Китая и на весь семейный уклад, сохраняя патриархальные отношения в семье. Отсюда эта зависимость всей семьи от главы дома, потому что нельзя относиться непочтительно к человеку, который раньше, чем прочие члены семьи, превратится в предка, станет чем-то вроде божества. Отсюда забота о продолжении рода, дабы иметь после смерти наследника-жертвователя, и взгляд, что рождение девочки в семье это несчастье, так как женщина после замужества выходит из семьи и никакой пользы умершему не дает. Эти формы семейного уклада, возникшие еще в родовом патриархальном обществе и санкционируемые религией, которая делает патриархальную семью началом крайне консервативным, сохранились до последнего времени.

Астрономия и математика. Из других областей китайской культуры отметим, что большое развитие получила астрономия и связанная с ней математика. Китайцы знали пять планет, созвездия, заранее определяли наступление лунных и солнечных затмений, создали календарь. Календарь был лунный; было известно, что лунный год не равняется солнечному и что девятнадцать солнечных лет более девятнадцати лунных на семь месяцев.

По поручению царей, китайские астрономы неоднократно на основе своих наблюдений вносили поправки в свой сложный календарь.

Письменность. Несколько слов следует сказать о китайской письменности. Китайское письмо возникло уже в очень древнее время (древнейшие образцы известны, например, на хэнаньских костях). В различных местах, повидимому одновременно, возникает

самостоятельное письмо, которое постепенно, по мере централизации государства, объединяется. Этот процесс создания общекитайского письма завершился, как мы видели, благодаря реформам Ши-Хуанди. Китайское письмо насчитывало от десяти до тринадцати тысяч иероглифов.

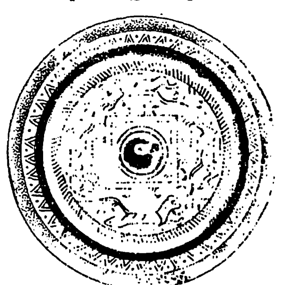
Таким образом китайское письмо чрезвычайно сложно и для изучения требует много времени. Для чтения, например, классических книг надо выучить одиннадцать-двенадцать тысяч иероглифов. Чтобы быть грамотным, требуется почти десять лет усидчивого труда. Ясно, что грамота была доступна только людям, обладавшим большим досугом, т. е. людям состоятельным. Поэтому здесь еще в большей степени, чем в Египте или Вавилонии, привилегия грамотных была в руках жречества и общественных «верхов».

Разноплеменный состав китайского населения, говорившего на различных языках, объединялся общим письменным языком.

Иероглифическое письмо, говорящее глазу, а не уху, давало возможность читать один и тот же текст на разных диалектах, не изменяя смысла. Это иероглифическое письмо не стимулировало создания единого китайского языка; отдельные провинции Китая и до сих пор сохраняют свой язык.

В заключение необходимо отметить, что не следует представлять себе древний Китай замкнутым за «китайской стеной». Многие достижения китайской культуры передавались в другие страны и достигли Европы. Достаточно вспомнить такие изобретения, как порох, употреблявшийся не для военных целей, а для фейерверков и сигнальных огней, магнитную стрелку, бумагу, фарфор.

Мы должны, таким образом, считаться в истории древнего мира с мощной культурой великого китайского народа, до сих пор сохраняющего самобытность своей культуры и оказавшего громадное влияние на окружающие страны.



Китайское зеркало ханьского времени с символическим орнаментом. Гос. Русский музей.

БИБЛИОГРАФИЯ

История древнего Востока сравнительно молодая наука. Однако она создала уже большую литературу по вопросам истории и культуры древневосточных народов. Открытие новых источников потребовало их систематизации и издания, появились многочисленные своды древневосточных текстов и их переводы: для Египта, например, J. Breasted, Ancient Records of Egypt, Chicago 1906, для Месопотамии D. Luckenbill, Ancient Records of Assyria and Babylonia и многие другие. Отдельные вопросы разрабатывались в специальных журналах и сериях монографий, например Der Alte Orient (с 1900 г.), Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens (с 1896 г.) и друг.

Наряду с этим появились первые попытки систематического изложения истории древнего Востока на основе первоисточников. Древнему Востоку отводится также место в различных трудах по Всемирной истории, например у Гельмольта в «Истории человечества» (в II и III томах), в истории древнего мира Cambridge Ancient History, Histoire générale под ред. G. Glotz, L'Évolution de l'Humanité, Histoire du monde.

В последние годы прошлого века лучшей книгой по истории древнего Востока был труд крупнейшего египтолога Г. Масперо, Histoire ancienne des peuples de l' Orient, 1875, выдержавший много изданий, переведенный на русский язык в 1911 г. и разросшийся до громадного трехтомного труда с исчерпывающим использованием материала и литературы. Масперо ограничивался изучением истории народов ближнего Востока, противопоставляя их народам Индии и Дальнего Востока; вопросам социально-экономическим Масперо уделяет мало внимания. В изучении истории Ассиро-Вавилонии и их культуры не мало было сделано крупным исследователем Гуго Винклером, хорошо известным у нас по двум его книгам, переведенным на русский язык (история Вавилонии и Ассирии в III т., «История человечества» Гельмольта и «Вавилонская культура»). Винклер был представителем того течения в науке, которое получило название «панвавилонизма».

Громадное культурное влияние, какое оказывала Вавилония на окружающие страны, Винклер и его школа расширили до крайних пределов — культура всех народов земного шара выводилась из Вавилона. Теория «панвавилонизма» характерна и тем, что все мировоззрение вавилонян считается астральным. т. е. основывается на науке о звездах; отсюда вавилонская математика, медицина, отсюда вавилонская мифология.

Эта теория допускала антинаучные построения и гипотезы, где авторы пренебрегали данными истории и языковедения. В результате разгоревшейся полемики, многие до того темные вопросы получили свое решение, в широкой публике был вызван интерес к древнему Востоку, а также были показаны вавилонские корни многих библейских мифов и сказаний, что способствовало дальнейшей научной критике Библии.

Крупнейшим историком древнего Востока был Эд. Мейер, создавший многотомный труд «Geschichte des Altertums», который начал издаваться в 1884 г. (последнее издание 1926 г.). Свои взгляды на общий ход исторического развития Эд. Мейер четко высказал в ряде статей, переведенных и на русский

язык. В полемике с последователем известного экономиста Родбертуса, Карлом Бюхером, выступая против его «Возникновения народного хозяйства» (русский перевод, изд. 1918 г.), Эд. Мейер в своих статьях «Рабство в древности» и «Экономическое развитие древнего мира» (русское издание 1904 г.) резко осудил его теорию прямолинейного развития. В противовес этому Эд. Мейер выдвинул свою антиисторическую концепцию циклического развития, пытающуюся увековечить капитализм. В этом за Эд. Мейером последовало большинство буржуазных историков древнего мира. Мейер выступает против деления истории на древнюю, среднюю и новую и утверждает, что история развития Средиземноморья представляет два параллельных периода. Таким образом, например, «гомеровское» общество и соответствующее ему общество древнего Востока аналогичны средневековому, а античное рабовладельческое общество тождественно капиталистическому.

Капитальный труд Эд. Мейера «История древнего мира» охватывает громадный период истории древнего Востока и Греции и базируется на многочисленных фактах, которые тут же в примечаниях приведены вместе с указаниями на обширную литературу, использованную автором. С этой стороны труд Мейера представляет большую ценность, как неисчерпаемый источник фактического материала, но при этом всегда надо иметь в виду идеалистические установки автора.

Ценной является книга Hall, The ancient history of the Near East (6-е изд. 1936 г.), которая в сжатой форме дает большой материал по истории древнего Востока и Греции до Греко-персидских войн. Также надо отметить книги L. W. King, A History of Sumer and Akkad, а затем A History of Babylon. По истории Египта вышла серия Fl. Petrie, A History of Egypt, в которой принимали участие ряд авторов. Серия Фл. Петри в 1932 году стала выходить 10 изданием и является удобным справочником. Книга J. H. Breasted, History of Egypt, переведенная на русский язык в 1915 г., является одной из самых увлекательных книг по истории Египта, где автор использует богатейший фактический материал, однако она частично устарела и автор склонен иногда к чрезмерной модернизации. Надо отметить также богатый фактическим материалом труд по истории Израиля R. Kittel, Geschichte des Volkes Israel, вышедший 5-м изданием в 1923 г. Обобщающий труд по истории древнего Востока в последние годы написал А. Морэ (ему принадлежит также специальный труд по истории Египта: L'Egypte pharaonique, 1932). Здесь в двух томах Морэ охватывает всю историю древнего Востока (без Индии и Китая). Будучи египтологом, Морэ на первом месте ставит Египет, а затем уже другие страны, история которых стоит в зависимости от Египта. Работа Морэ основывается на новейших данных археологии, однако, пытаясь изложить материал в последовательном и живом рассказе, он не свободен от модернизации. Морэ следует за Эд. Мейером и его школой, придерживаясь концепции циклического развития и считая древневосточное общество феодальным.

Что касается других стран древнего Востока, не входящих в круг «классического Востока», то история их разрабатывалась буржуазной наукой совершенно недостаточно. Материал истории Индии и Китая находится целиком в руках языковедов, специалистов-санскритологов и синологов, которые проделали колоссальную работу филологического характера. Этот подготовительный этап в науке о древнем Китае и Индии еще не закончен и до сих пор. Следует указать лишь на труд H. Maspero, La Chine Antique, 1927, где автор привлекает наряду с письменными памятниками также большой археологический материал. Масперо впервые подошел к Китаю как историк, пытаясь рассматривать развитие Китая в связи с изменениями в социально-экономической среде. Все же его труд имеет ряд недостатков, присущих всем буржуазным историкам.

Новые материалы, полученные в результате раскопок в районе провинции Хэнань, дали возможность говорить об истории Китая в период «династии» Инь, времени XVIII—XII вв. до н. э. Первой попыткой интерпретировать этот период в связи с предшествующим неолитом надо считать труд американского китаиста Greel, Birth of China, 1937.

По истории древней Индии только в начале XX в. появились первые работы. Такова V. A. Smith, The early History of India, выдержавшая за короткий срок несколько изданий, затем небольшая книжка E. J. Rapson, Ancient India from the earliest times to the first century A. D. 1916, где в сжатой форме максимально использован богатейший фактический материал. Наконец, надо отметить появление в 1922 г. первого тома большой The Cambridge History of India, издаваемой также Рэпсоном. Первый том посвящен древней Индии и написан целым рядом крупнейших английских индианистов. Здесь можно найти исчерпывающие сведения по всем вопросам. В целом буржуазные историки Индии стояли на той точке зрения, что история Индии начинается лишь с приходом «арийцев», создавших культуру. Поэтому «аборигенам» Индостана не уделялось достаточного внимания, также как и временам «до арийского» завоевания. Так в «Кэмбриджской истории» народам «неарийским», так называемым дравидам, населявшим юг Индостана и Цейлон, отведены две небольшие главы, всего около 20 страниц в большом томе, содержащем более 700 страниц. Новые раскопки в долине Инда, начатые с 1921 г., внесли переворот в представления буржуазных ученых о древнейших временах. Обследование материала «индской» культуры ставит вопросы о связи ее с культурой Ирана, а может быть и дальше на запад. Первая попытка сопоставить новый материал и определить место «индской» культуры сделана E. Mackay, The Indus Civilization, 1935. Большое значение имеет также работа G. Childe, The most ancient East, 1928, где автор в свете новых археологических данных рассматривает древнейшую культуру Востока, как единый комплекс.

В России интерес к древнему Востоку проявлялся уже давно, но лишь в 1863 г. в Петербургском Университете была учреждена кафедра истории Востока, а в 1884 г. было введено изучение древнего Востока.

В конце XIX века появились впервые русские востоковеды — В. С. Голенищев и М. В. Никольский, которые своими трудами обогатили русскую науку целым рядом исследований. Это был еще период первоначального накопления материала, когда русские востоковеды разрабатывали отдельные частные вопросы, не задаваясь большими задачами обобщения. Крупнейшее значение в развитии русской науки о древнем Востоке принадлежит Б. А. Тураеву, создавшему целую школу русских египтологов и древне-восточников. Б. А. Тураев, ученик О. Э. Лемма, затем Ад. Эрмана и Г. Масперо, является крупнейшим ученым, чрезвычайно разносторонним по своим интересам. Будучи в основном египтологом, Тураев много сделал для изучения древнеегипетского языка, затем коптского, а также эфиопского. В то же время Тураев много внимания уделил опубликованию многочисленных собраний древневосточных памятников, разбросанных по музеям Петербурга, Москвы, Казани, Одессы, Киева и других городов России. Тураеву принадлежат многочисленные исследования в области истории, искусства, литературы, религии, но наибольшее значение несомненно имеют его труды по вопросам истории и прежде всего его «История Древнего Востока», вышедшая первым изданием в 1911 г., а затем вторым изданием в 1912—1913 гг.

С точки зрения методологии «История» Тураева далека от марксизма, так как позиции Тураева являются чисто идеалистическими. Вопросы социально-экономических закономерностей мало интересовали Тураева, — будучи до конца буржуазным ученым, он определял древневосточное общество как феодальное, не вкладывая в него, правда, понятия социально-экономической формации, а рассматривая феодализм лишь как политическую форму. «История Древнего Востока» Тураева представляет и до сих пор громадную ценность своим обилием фактического материала, несмотря на то, что со времени выхода ее в свет прошло уже четверть века. В 1924 году было предпринято новое издание ее (вышел только I том), где были внесены некоторые дополнения, а в 1935 и 1936 гг. «История» была переиздана и за короткий срок выдержала два тиража.

Среди многочисленных учеников Б. А. Тураева надо указать на И. М. Волкова, В. В. Струве, Н. Д. Флитнер и др. Среди них акад. В. В. Струве работает преимущественно в области истории древнего Востока. Волков известен своими исследованиями египетской религии и изданием на русском языке

кодекса Хаммурапи. Н. Д. Флитнер является видным специалистом по искусству и материальной культуре древнего Востока. Также большой интерес представляют работы в области изучения египетской религии И. Г. Франк-Каменецкого, который успешно применял яфетическую теорию языкознания на материале древневосточной религии, мифологии и фольклора. Странами Двуречья и Палестины занимается акад. Н. М. Никольский; сын известного ассириолога, Н. М. Никольский является также прекрасным знатоком Библии и в своих статьях сделал много для изучения израильского общества.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение истории древнего Востока в нашей стране достигло большого расцвета. В последнее десятилетие советская наука о древнем Востоке вела упорную борьбу с укоренившимися концепциями буржуазных историков. Критика концепции Эд. Мейера, Г. Масперо, Дж. Брэстеда требовала углубленной проработки фактического материала для определения общественно-экономической формации стран древнего Востока. Большое значение имели труды акад. В. В. Струве, который путем изучения большого материала первоисточников разработал вопрос о рабстве как основе древневосточного общества. Поворот на историческом фронте, выход Краткого курса Истории ВКП(б), обеспечил дальнейшую углубленную разработку вопросов всемирной истории, в том числе и истории древнего Востока, поднял на должную высоту борьбу со схематизмом и вульгарным социологизмом и различными другими антимарксистскими извращениями. В настоящее время советской наукой установлено определение общественно-экономической формации стран древнего Востока как рабовладельческой. Изучается специфика и отличие древневосточного рабовладения от античного.

В научных спорах и дискуссиях, в специальных статьях исследователи стремятся разрешить еще остающиеся спорными вопросы. Формы рабовладельческой эксплоатации, роль общины и удельный вес нерабского труда в хозяйстве древневосточных государств еще до сих пор недостаточно изучены. Но уже сейчас очевидным становится необходимость тщательного изучения первоисточников для разрешения этих вопросов на материале конкретных обществ. Для Египта первая попытка обобщения материала сделана В. И. Авдиевым в его статье «Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте» («Историк-Марксист», 1934, № 6, стр. 70); для стран Двуречья в статьях Н. М. Никольского «Община в древнем Двуречье» («Вестник древней истории», 1938, № 4, стр. 72) и «К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье» («Вестник древней истории», 1939, № 2, стр. 68); для древнееврейских обществ в книге А. Б. Рановича, «Очерк истории древне-еврейской религии», 1937. Акад. Н. М. Никольский полагает, что община в странах Двуречья сохранила свое значение на всем протяжении их истории. Акад. Н. М. Никольский подчеркивает, что рабство сохраняет характер домашнего рабства, а основной массой непосредственных производителей являются древневосточные общинники. Акад. Никольский отрицает наличие развитой частной земельной собственности в странах Двуречья («Вестник древней истории», 1938, №№ 3 и 4). Автор рассматривает общину «в отрыве от основных форм рабовладельческой эксплоатации». Рецензия на статьи Н. М. Никольского («Большевик», 1940, № 15/16, стр. 107) отмечает, что «недоучет развития рабовладения на древнем Востоке является основной ошибкой» автора. Проф. А. Б. Ранович отрицает, «что рабовладение являлось основой хозяйства всех обществ Востока и на всех этапах их развития», но в то же время полагает, что нельзя оспаривать значение рабовладения на том основании, что «рабы составляют меньшую часть населения» («Историк-Марксист», 1938, № 1, стр. 116). С вопросами изучения общины тесно связан вопрос о роли жречества и о значении храмового хозяйства. Акад. В. В. Струве считает, что жречество не выделилось в особую профессию еще ко времени I вавилонской династии, а в Египте даже ко времени XVIII династии. Жречество оставалось прослойкой древневосточной знати, руководя общинным хозяйством, частью которого является хозяйство храма. В одной из своих последних статей акад. В. В. Струве («Советская этнография», 1940, № 3) определяет древневосточное общество как общество полурабовладельческое-полупатриархальное.

Вопрос о нерабских формах труда, о соотношении труда общинников и

рабов, а также вопросы, связанные с домашним рабством, еще не являются разработанными. В связи с этим спорными остаются также некоторые частные вопросы. Так, при изучении истории Египта высказываются различные мнения в связи с льготными грамотами конца Древнего царства — следует ли их рассматривать как льготы, данные царем всему ному, или же только его храму и жречеству. Таким же образом в истории Двуречья вызывают различные толкования реформы Урукагины, законодательство Хаммурапи, определение общества касситского периода. В истории Израиля и Иуды требуются разработка и анализ деятельности Соломона, Иосии.

История древней Индии и древнего Китая впервые включается нами в курс истории древнего Востока, хотя они еще не получили достаточного освещения в нашей науке. Проблемы древней истории этих стран требуют еще дальнейшей разработки и дальнейшего углубления. Таковы проблемы вторжения арьев в долину Инда, вопрос о кастовом строе и др. До последнего времени древнекитайское общество рассматривалось как феодальное. Остаются неосвещенными вопросы истории конфуцианства, общество времени династии Хань и др.

Все эти спорные вопросы могут быть и должны быть разрешены советскими историками-марксистами. Здесь открыто широкое поле деятельности для ученых, работающих в этой области. Дружной работой многочисленных исследователей, связанных единством взглядов, вооруженных методологией Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, наука о древнем Востоке, как и всякая историческая наука в стране Советов, достигнет больших успехов.

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К., Капитал, т. I, особенно гл. XI, § 4, XII и XIV.
Маркс К., Сочинения, т. XXVII: стр. 677 сл., Письма В. И. Засулич.
Маркс К., Сочинения, т. IX: стр. 346 сл., Британское владычество в Индии; стр. 362 сл., Будущие результаты британского господства в Индии; стр. 276, Вынужденная эмиграция.
Маркс К., «Формы, предшествующие капиталистическому производству», журнал «Пролетарская Революция», № 3 за 1939 г.
Маркс К. и Энгельс Ф., Переписка. Сочинения, т. XXI: стр. 482 сл., 487 сл., 493 сл., 500 сл.
Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Энгельс Ф., Анти-Дюринг (особенно — Теория насилия).
Энгельс Ф., Сочинения, т. XV: стр. 607—609, Бруно Бауэр и раннее христианство.
Ленин В. И., Собр. соч., т. XXIV, стр. 362 сл., О государстве.
Сталин И. В., Марксизм и национальный вопрос.
Сталин И. В., О диалектическом и историческом материализме (История ВКП(б). Краткий курс, гл. IV).

Труды общего характера

Тураев Б. А., История древнего Востока, тт. I, II, Л., 1935.
Хвостов М. М., История древнего Востока, М.-Л., 1927.
Струве В. В., История древнего Востока. Краткий курс, М., 1934.
[Струве В. В.], История древнего мира, т. I. Древний Восток. М., 1937 (ГАИМК).
Масперо Г., Древняя история народов Востока, М., 1911.
Гельмольт Г., История человечества, т. II, III, СПБ., 1909 и 1903.
Масперо Г., Во времена Рамзеса и Ассурбанипала, тт. I, II, М., 1916.
Maspero G., Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, vol. I—III, 1895.
Meyer Ed., Geschichte des Altertums, Bd. I—III, 1910—1937.
Hall H., The ancient history of Near East, VI ed., 1936.
Cambridge Ancient History, II ed., 1928, I—V.
Moret A., Histoire de l'Orient, I, II (Histoire générale, éd. G. Glotz).

Лурье И., К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер, Очерки по истории техники древнего Востока, Ак. Наук СССР, 1940.
Флитнер Н. Д., Искусство древнейших культур, «История искусств всех времен и народов», вып. 2, Л., 1929.
[Тураев Б. А.] Литература Востока, сборник статей, вып. 2, П., 1920.
Музыкальная культура древнего мира. Под ред. Р. И. Грубера, Л., 1937.
Шантепи-де-ля-Соссей Д. П., Иллюстрированная история религий, тт. I, II, М., 1899.
Рейнак С., Орфей. Всеобщая история религий, вып. I, М., 1919.
Фрэзер Дж., Золотая ветвь, вып. I—IV, 1928.
Францов Ю., Происхождение мифа о страдающем боге в книге: *Недельский В.* и *Францов Ю.* Миф о страдающем боге, М., 1934.
Нейгебауер О., Лекции по истории античных математических наук, т. I, Догреческая математика, М.-Л., 1937.

Периодические издания

«Вестник древней истории», Инст. Истории Ак. Наук СССР, с 1937 г.
«Восток», журнал литературы, науки и искусства, П., 1922—1925.
«Доклады Академии Наук», Серия В (общественные науки) с 1924 по 1931 г.
«Древности Восточные, Труды восточной комиссии Московского археологического общества», 1893—1915.
«Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1886—1921.
«Записки Классического отделения Русского археологического общества», 1904—1917.
«Записки Коллегии востоковедов», 1925—1930.
«Известия ГАИМК», 1921—1935.
«Историк-Марксист», Инст. Истории Ак. Наук СССР, с 1926.
«Исторический журнал» («История в средней школе», «История в школе») с 1934 г.
«Материалы по археологии Кавказа» (Моск. археологическое общество), 1888—1916.
«Сборник египтологического кружка» (Лен. Гос. университет), затем «Сборник Кружка по изучению древнего Востока» (Гос. Эрмитаж), 1929—1935.
«Язык и литература», РАНИОН, Научно-исслед. инст. сравнит. истории литературы и языков Запада и Востока, 1926—1931.
«Язык и мышление», Инст. языка и мышления Ак. Наук СССР, с 1933.
«Яфетический сборник» (Инст. языка и мышления Ак. Наук СССР), 1922—1932.

Публикация документов

Струве В. В., Хрестоматия по древней истории, т. I, М., 1936.
Тураев Б. А. и *И. Н. Бороздин,* Древний мир, Изборник источников, ч. I. Восток, 1917.
Жаринов Д. А., Н. М. Никольский и др., Древний мир в памятниках его письменности, ч. I. Восток, 1915.
Снегирев И. Л., Древний Восток. Атлас древней истории, 1937.
Атлас по истории культуры и искусства древнего Востока, Л., 1940 (Гос. Эрмитаж).
Гунгер и *Ламер,* Культурно-исторический альбом. Древний мир, вып. I. Восток, 1914.
Геродот, История в девяти книгах, пер. Ф. Мищенко, тт. I и II, М., 1885—1886.
Страбон, География, пер. Ф. Мищенко, М., 1879.
Флавий Иосиф, Иудейские древности, пер. Г Генкеля, тт. I и II, 1900.
Его же. О древности иудейского народа. Против Апиона, пер. Израэльсона и Г. Генкеля.

Арриан, Индия, «Вестник древней истории», 1940, кн. 2.
Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря, «Вестник древней истории», 1940, кн. 2.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

История науки

Бузескул В. П., Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, I. Восток, 1923.
Тураев Б. А., Русская наука о древнем Востоке до 1917 г., Труды комиссии по истории знаний, 3, 1927.
Струве В. В., Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг., «Вестник древней истории», № 1/2, 1938.
Флитнер Н. Д., Как научились читать иероглифы, 1922.
Франк-Каменецкий И. Г., Как научились читать египетские письмена, 1922.

Хронология

Идельсон Н., История календаря, 1925.
Струве В. В., Манефон и его время, «Зап. коллегии востоковедов», III и IV, 1928 и 1930.
Струве В. В., Списки Манефона царей позднего Египта, «Язык и мышление», V, 1935.
Струве В. В., Хронология Манефона и периоды Сотиса, Ак. Наук СССР, Сборник статей по вспомогательным дисциплинам.

Первобытно-общинный строй в странах древнего Востока

Морэ и Дави, На заре истории, Очерки первобытной культуры, 1925.
де-Морган Ж., Доисторическое человечество, 1926.
Пиотровский Б. Б., Современное состояние изучения до-династического Египта, «Проблемы ГАИМК», 1934, № 7 (8).
Анучин Д. Н., Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям, «Археол. известия и заметки, Моск. арх. общ.», № 3 и 4, 1898.
Обермайер, Человек в его прошлом и настоящем, ч. 2, гл. IV, Первобытная история Востока.

Ассирия и Вавилония

Винклер Г., Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества, 1913.
Бецольд К., Ассирия и Вавилония, 1904.
Делич Ф., Вавилон и Библия, 1907.
Никольский, Н. М., Древний Вавилон. М., 1912.
Волков И. М., Законы вавилонского царя Хаммураби, 1914.
Рифтин А. П., Старо-вавилонские документы в собраниях СССР, 1937.
Струве В. В., Диалог господина и раба о смысле жизни, «Религия и общество», 1926.
Струве В. В., Рабство в древнейшем Сумире, «Изв. ГАИМК», вып. 97, 1934.
Флитнер Н. Д., На берегах Евфрата и Тигра, 1938.
Никольский М. В., Документы хозяйственной отчетности древней эпохи Халдеи. «Древности Восточные», т. III, 2, и т. V, 1908 и 1915.
Шилейко В. К., Вотивные надписи шумерийских правителей, 1915.

Древний Египет

Тураев Б. А., Древний Египет, 1922.
Брэстед Дж. Г., История Египта, тт. I и II, 1915.
Снегирев И. Л. и *Ю. П. Францов*, Древний Египет, 1938.
Авдиев В. И., Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте, «Историк-Марксист», № 6, 1934.
Струве В. В., Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344, 1935.
Тураев Б. А., Египетская литература, т. I, 1920.
Его же, Рассказ египтянина Синухета, 1915.
Викентьев В. М., Древне-египетская повесть о двух братьях, 1917.
Матье М. Э., Что читали египтяне 4000 лет тому назад, 1935.
Францов Ю. П., Древне-египетские сказки о верховных жрецах, «Сов. фольклор», т. 2—3, 1936.
Франк-Каменецкий И. Г., Памятники египетской религии в Фиванский период, вып. I—II, 1917—1918.
Тураев Б., Бог Тот, «Зап. Ист.-фил. фак. Спб. унив.», ч. XIVI, 1898.
Волков И. М., Древне-египетский бог Себек, «Зап. фил. фак. Петрогр. унив.», 140, 1917.
Струве В. В., Заупокойный культ древнего Египта, 1919.
Его же, Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта. «Религия и общество», 1926.
Матье М. Э., Религия египетских бедняков, «Религия и общество», 1926.
Матье М. Э., Мифы древнего Египта. Л., 1940.
Рубинштейн Р. И., 125-я глава «Книги Мертвых», «Ученые записки Пед. инст. им. Герцена», т. XI, 1938.
Коцейовский А. Л., Тексты пирамид, т. I, «Зап. Новоросс. унив.», т. 14, 1918.
Павлов В. В., Очерки по искусству древнего Египта, 1936.
Его же, Скульптурный портрет в древнем Египте, 1937.
Масперо Г., Всеобщая история искусств. Египет, 1916.
Баллод Ф. В., Очерки истории древнеегипетского искусства, 1924.
Картер Г. и *А. Мейс*, Тутанхамон. Гробница египетского фараона, 1927.
Морэ А., Во времена фараонов, 1913.
Его же, Цари и боги Египта, 1914.
Флитнер Н. Д., В стране пирамид, 1936.

Хеттское общество

Тураев Б. А., К истории хеттского вопроса, «Зап. Рус. арх. общ.», XII, 1900. Хетты и хеттская культура. Всемирная литература. Культура Востока, 1924.
Струве В. В., Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества, «Изв. ГАИМК», вып. 97, 1934.
Грозный Ф., Хеттские народы и языки, «Вестн. древн. истории», 1938, вып. 2.

Финикия

Тураев Б. А., Очерк истории изучения финикийской древности, «Историч. обозрение», т. VI.
Его же, Остатки финикийской литературы, 1903.
Его же, Вопрос о финикиянах в Балтийском море, «Труды X Археологич. съезда в Риге 1896 г.», 1899.

Царство Израиля и Иуды

Велльгаузен Ю., Введение в историю Израиля, 1909.
Никольский Н. М., Древний Израиль, 1922.
Ранович А., Очерк истории древнееврейской религии, 1937.
Фрэзер Дж., Фольклор в Ветхом Завете, 1931.

Струве В. В., Израиль в Египте, 1920.
Шпигельберг В., Пребывание Израиля в Египте в свете египетских источников, 1908.
Франк-Каменецкий И. Г., Пророки-чудотворцы, 1925.
Его же, Пророк Иеремия и борьба партий в Иудее, «Религия и общество», 1926.
Волков И. М., Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х., 1915.

Урарту (Ванское царство)

Мещанинов И. И., Халдоведение. История древнего Вана, 1927.
Пиотровский Б. Б., Урарту, древнейшее государство Закавказья, 1939.
Никольский М. В., Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России, Древности восточные, т. I, 1893.
Его же, Клинообразные надписи Закавказья, «Мат. по арх. Кавказа», т. V, 1896.
Марр Н. и *И. Орбели*, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, 1922.
Мещанинов И. И., Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания, «Труды инст. языка и мышления», I, Л., 1932.
Мещанинов И. И., Язык ванской клинописи, Л., 1935.
См. также:
Марр Н. Я., Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии, Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, № 7, Л., 1926.

Древняя Индия

Ленорман Ф., Руководство по истории древнего Востока, т. II, 1878.
Ольденберг Г., Будда, его жизнь. учение и община, 1900.
Миллер Всев., Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, 1876.
Ольденбург С. Ф., Современная постановка изучения изобразительных искусств и их техники в Индии, «Изв. ГАИМК», т. VIII, вып. I, 1931.
Эльманович С. Д., Законы Ману, 1913.
Smith V. A., The early History of India, 1921.
Rapson E. J., Ancient India from the earliest times to the first century A. D., 1916.
Mackay E., The Indus civilizations, 1935.

Древний Китай

Авенариус Г., Краткий очерк истории Китая, 1913.
Тужилин А., Современный Китай, т. II, гл. I, История, СПБ., 1910.
Георгиевский С., Первый период Китайской истории, 1885.
Его же, Мифические воззрения и мифы китайцев, 1892.
Грубе Б., Духовная культура Китая, 1912.
Попов П. С., Китайский философ Мэн-цзы. СПБ., 1904.
Иванов А., Материалы по китайской философии (Введение. Школа Фа). СПБ., 1912.
Hirth F., The ancient History of China, 1911.
Maspero H., La Chine Antique, 1927 (Histoire du Monde, IV).
Franke O., Die Geschichte des alten China, 1921.

При составлении библиографии привлечена прежде всего литература на русском языке, доступная широкому кругу читателей. Из иностранной литературы указаны лишь основные труды общего характера. В список включены также некоторые популярные книги, представляющие особый интерес. Многочисленные статьи специального характера в список не включены; их читатель найдет в перечисленных выше периодических изданиях, где, главным образом, печатались и печатаются работы по древнему Востоку.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответственный редактор *Ю. П. Францов.*
Тираж 50 000. Подписано к печати 27/III—41 г. М 34 688.
Объем 30¼ п. л. + 7 накидок, 1 вклейка, 4 карты и 1 таблица. Авт. лист. 28,62. Тип. зн. в 1 п. л. 45 000.
2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ № 586.